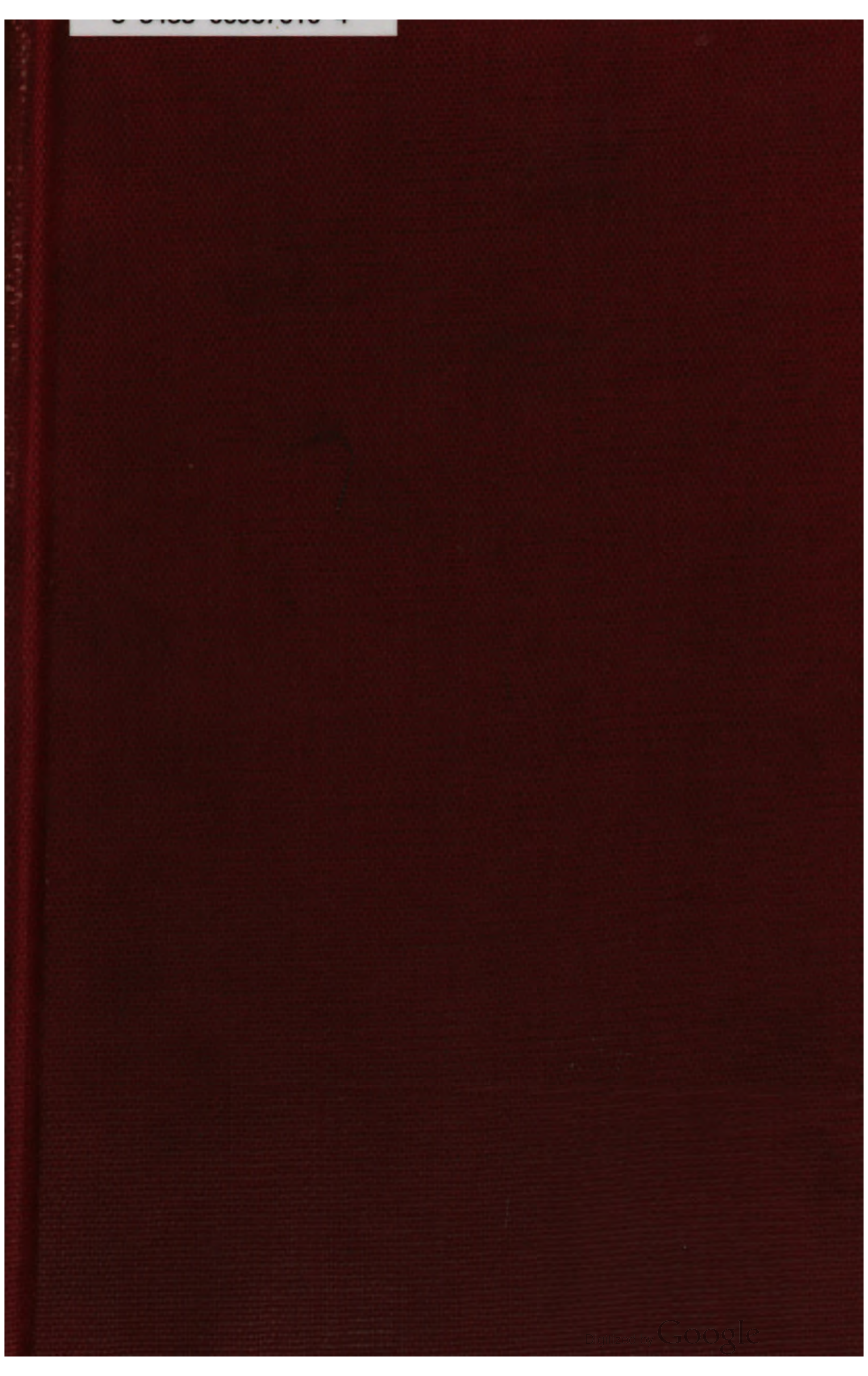
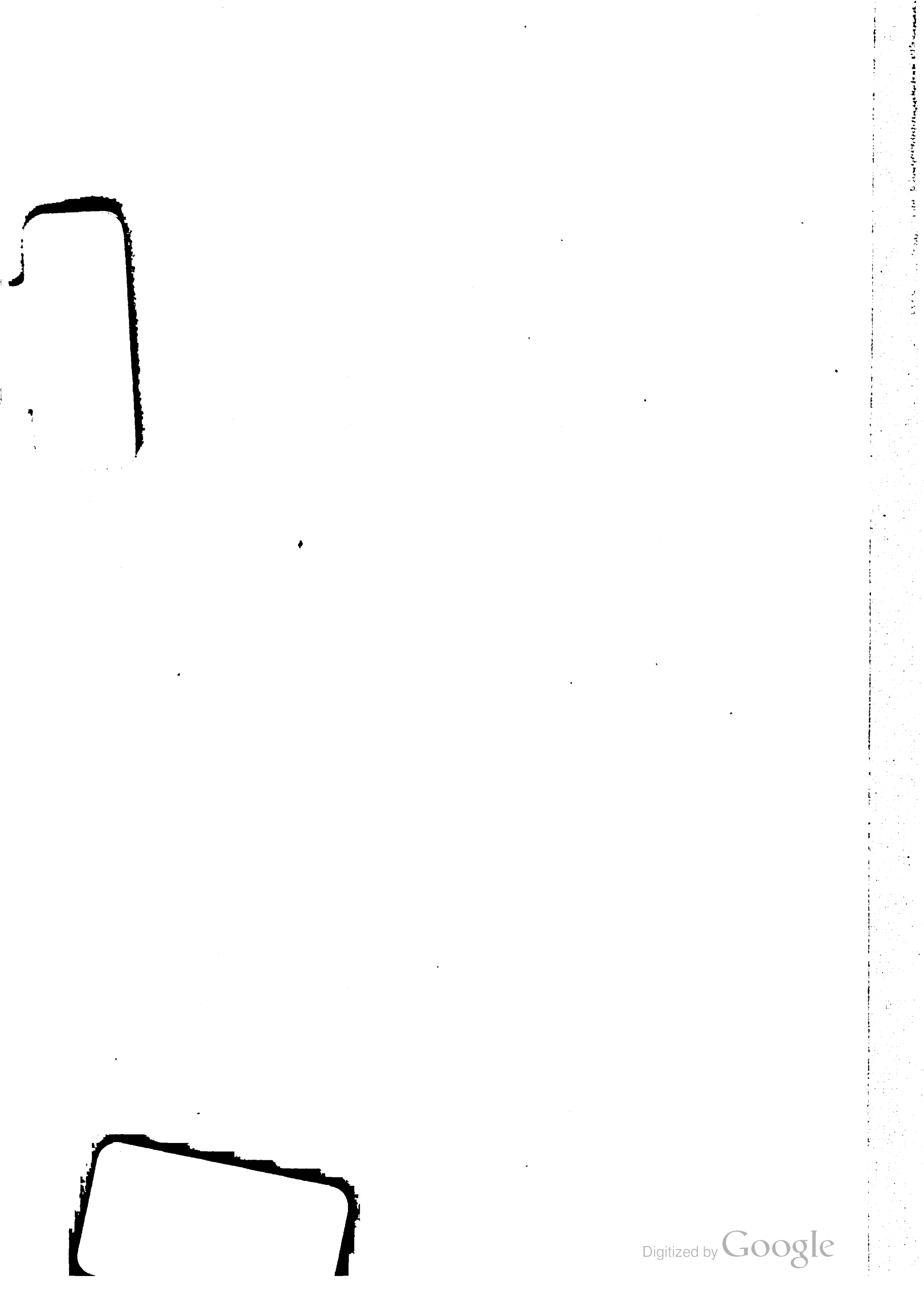
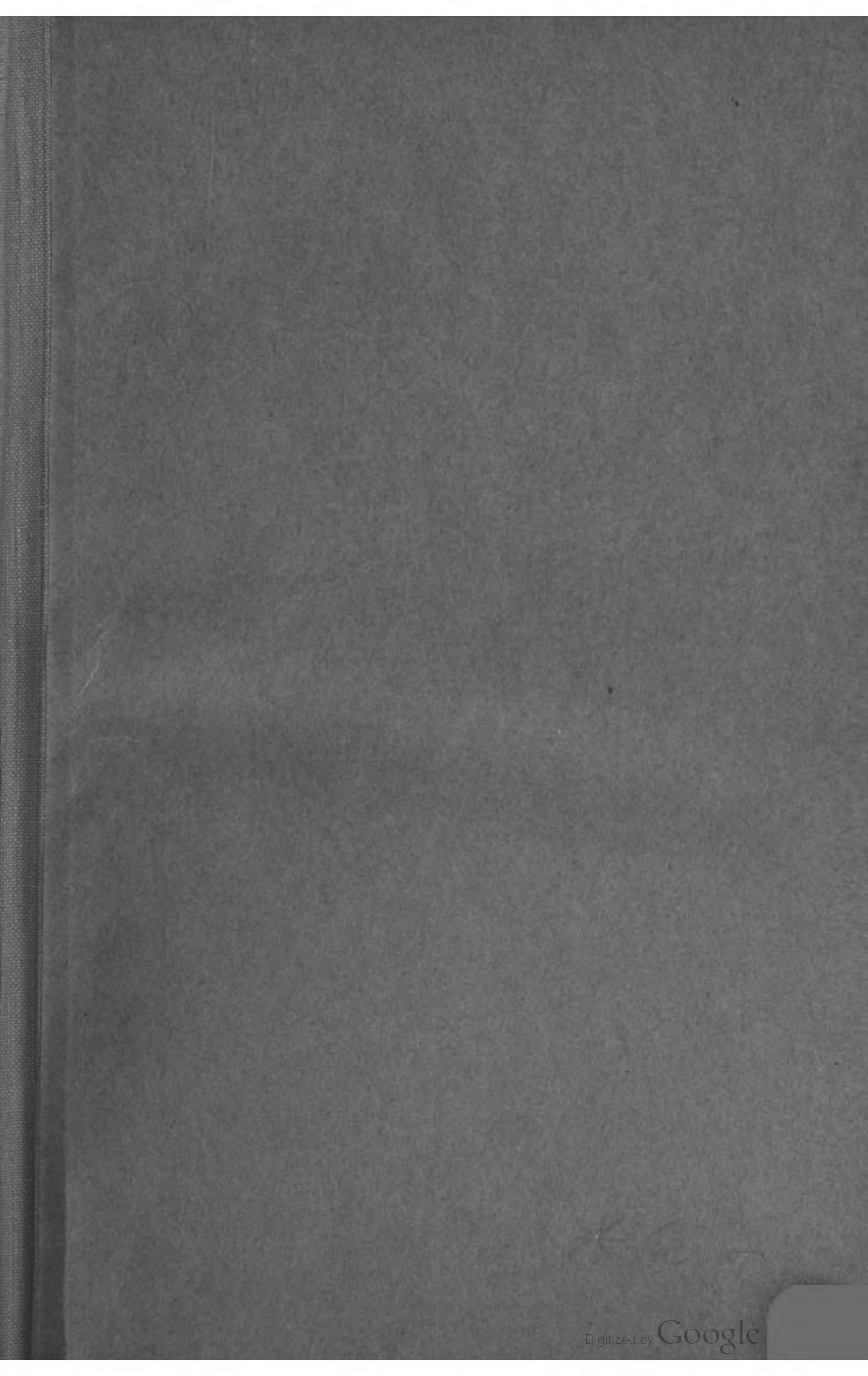






Евгенію Егоровичу Скайлеру отъ любв...

РОССІЯ И АЗІЯ

СБОРНИКЪ

ИЗСЛѢДОВАНІЙ И СТАТЕЙ

ПО ИСТОРІИ, ЭТНОГРАФІИ И ГЕОГРАФІИ

НАПИСАННЫХЪ ВЪ РАЗНОЕ ВРЕМЯ

В. В. ГРИГОРЬЕВЫМЪ

ОРЬЕНТАЛИСТОМЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія брат. Пантелеевыхъ. Казанская ул. д. № 33

1876

РОССІЯ и АЗІЯ

СБОРНИКЪ

изслѣдованій и статей

ПО ИСТОРІИ, ЭНТОГРАФІИ И ГЕОГРАФІИ

написанныхъ въ разное время

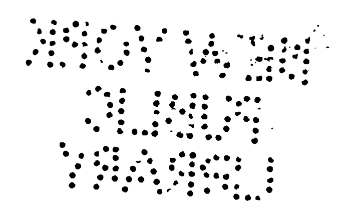
В. В. ГРИГОРЬЕВЫМЪ

орьенталистомъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія брат. Пантелеевыхъ. Казанская ул. д. № 33

1876.



ПАМЯТИ

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ НАСТАВНИКОВЪ СВОИХЪ

Осипа Ивановича

СЕНКОВСКАГО

и

Николая Герасимовича

УСТРЯЛОВА

посвящаетъ

благодарный имъ

авторъ

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Въ настоящемъ сборникѣ нашли мѣсто изслѣдованія и статьи В. В. Григорьева, напечатанныя имъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ исключительно за періодъ съ 1834 по 1852 годъ, да и то далеко не всѣ: не вошли въ составъ этого сборника ни спеціальныя нумизматическія его работы, ни критико-библіографическіе отзывы о трудахъ другихъ русскихъ орьенталистовъ, ни статьи обработанныя имъ для «Энциклопедическаго Словаря» Плюшара, ни многія изъ работъ помѣщенныхъ въ «Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ». Выборъ статей для Сборника сдѣланъ самимъ авторомъ. Перепечатаны онѣ въ настоящемъ изданіи безъ всякихъ измѣненій, выпусковъ * или прибавленій противу того, въ какомъ видѣ явились онѣ впервые въ печати: измѣнена слегка, для единообразія, только пунктуація. Авторъ не хотѣлъ исправленіемъ прежнихъ своихъ мнѣній или промаховъ выставить себя ученѣе или основательнѣе, чѣмъ былъ за тридцать, за сорокъ лѣтъ передъ симъ, когда писалъ издаваемое въ настоящемъ Сборникѣ. Не счелъ онъ нужнымъ дѣлать и дополненій, такъ-какъ бо̀льшая часть предметовъ о которыхъ писалъ онъ, мало или и совсѣмъ

* За исключеніемъ выпусковъ о коихъ упоминается на стрн. 6, и конца статьи о Волжскихъ Булгарахъ, не соотвѣтствующаго этому заглавію.



не обогатилась съ тѣхъ поръ новою разработкою *. Это послѣднее обстоятельство и было причиною, по которой орьенталистъ нашъ счелъ небезполезнымъ дать новое изданіе нѣкоторыхъ трудовъ своей молодости (три первые изъ нихъ появились на свѣтъ когда авторъ ихъ былъ осьмнадцатилѣтнимъ юношею), сдѣлавшихся малодоступными по рѣдкости нынѣ тѣхъ періодическихъ изданій въ которыхъ были они впервые помѣщены. Печатая настоящій сборникъ, мы, относительно каждой помѣщенной въ немъ статьи, сочли нужнымъ указать гдѣ напечатана она первоначально. Тѣмъ и ограничивается наше участіе въ изданіи.

П. Лерхъ

* За исключеніемъ только-что вышедшей въ свѣтъ на-дняхъ превосходной монографіи академика Дорна: «О походахъ древнихъ Русскихъ въ Табаристанъ» и т. д.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

О ДРЕВНИХЪ ПОХОДАХЪ РУССОВЪ НА ВОСТОКЪ *.

Ни одинъ народъ древняго или новаго міра не отличался такою предпріимчивостію и отважностію, какъ Норманны. Природа образовала сихъ дикихъ дѣтей снѣговъ и морей суровыми и неукротимыми, а обстоятельства, еще болѣе развивъ ихъ характеръ, сдѣлали Норманновъ хищными и кровожадными. Нерѣдко гонимые изъ отечества голодомъ и уставами родины, сначала они принуждены были необходимостію предпринимать набѣги на сосѣднія страны; но въ послѣдствіи привычка къ походамъ и прелесть добычи сдѣлали хищничество какъ бы врожденною ихъ склонностію, ихъ отличительнымъ признакомъ. Никто не могъ сравниться съ норманномъ безпредѣльною, дикою отвагою, презрѣніемъ къ опасностямъ, предпріимчивостію и искусствомъ въ набѣгахъ, отчаянною яростію въ бояхъ. Любовь къ отечеству воодушевляла грека, слава окрыляла легіоны Римлянъ, Аравитянами водилъ фанатизмъ, Славяне сражались за независимость, Монголы жаждали крови: Норманны-же воспламенялись единственно духомъ удальства и разбоя. Рожденные на угрюмыхъ скалахъ и въ мрачныхъ дебряхъ Скандинавіи, подъ туманнымъ и снѣжнымъ сѣвернымъ небомъ, взлелѣянные бурями, вскормленные нуждами, чего еще могли страшиться они? Всякая страна, богатѣйшая ихъ собственной, привлекала къ себѣ сихъ дикихъ витязей

* Изслѣдованіе это напечатано впервые въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1835 годъ, ч. V, стр. 229—287. *Изд.*

Сѣвера. На легкихъ ладьяхъ переплывая моря и океанъ, какъ стаи голодной саранчи, опустошали они и богатыя земли Италіи, и плодородную Францію, и суровыя климатомъ, но обильныя произведеніями лѣсовъ, Сѣверовосточную Россію и Пермію. Самыя отдаленныя земли Новаго Свѣта не укрылись отъ сихъ хищниковъ.

Тотъ же самый духъ видимъ мы и въ Норманнахъ, призванныхъ въ Россію Славянами и Финнами. Едва успѣвъ утвердить власть свою на сѣверѣ, они уже двинулись на югъ, привлекаемые сокровищами Греціи, — и гордая Византія затрепетала передъ безстрашными пришлецами. Едва узнали они о цвѣтущихъ торговлею прибрежныхъ областяхъ Моря Каспійскаго — и два отважные похода остались на Востокѣ памятниками ихъ предпріимчивости.

Походы сіи принадлежатъ къ числу самыхъ темныхъ происшествій Русской Исторіи, и хотя извѣстія, доставляемыя объ оныхъ восточными писателями, давно уже сообщены были Европѣ [1], однако наши историки или не знали объ нихъ, или принимали ихъ съ нѣкоторымъ родомъ сомнѣнія. Къ первымъ относятся: Татищевъ, Болтинъ, Щербатовъ и другіе отечественные и иноземные писатели прошедшаго столѣтія; Карамзинъ въ короткихъ словахъ изложилъ сущность повѣствованія арабскихъ историковъ объ отважныхъ вторженіяхъ Руссовъ въ Грузію и Персію [2], но колебался еще признать ихъ достовѣрными; а Полевой, сказавъ о сихъ походахъ немного подробнѣе Карамзина, называетъ ихъ увеличенными разсказами восточныхъ писателей [3].

Откуда-же происходитъ это сомнѣніе, можно сказать, даже невѣріе въ дѣйствительность походовъ Руссовъ на

---

[1] *Chronicon Syriacum* Абуль-Фараджа, и *Annales Moslemici* Абуль-Феды, въ которыхъ находятся два таковыя извѣстія, изданы были: первый—въ 1789, а вторыя—въ 1790 году.

[2] Исторія Государства Россійскаго. Изд. 3. Т. I, стр. 181.

[3] Исторія Русскаго Народа. Т. I, стр. 138.

Востокъ, походовъ запечатлѣнныхъ всѣми признаками норманнскаго духа, и столь же естественныхъ и вѣроподобныхъ какъ ихъ набѣги на Царьградъ? Во-первыхъ — отъ того, что извѣстія о сихъ походахъ сообщаютъ восточные писатели; у насъ-же, какъ и въ бóльшей части остальной Европы, привыкли думать, что на Востокѣ пишутъ только басни да сказки, и что къ азіятскимъ историкамъ нельзя имѣть никакой вѣры; во-вторыхъ — что византійскіе лѣтописцы ничего не упоминаютъ объ оныхъ, а многимъ ученымъ кажется, что все не освященное печатію грецизма подвержено величайшему сомнѣнію; наконецъ, въ-третьихъ — отъ того, что Несторъ, единственный историкъ древней Руси, молчитъ объ нихъ.

Съ перваго взгляда, эти причины могутъ показаться важными; но основательный разборъ ихъ докажетъ противное. Разсмотримъ: 1) вѣроподобны ли извѣстія сообщаемыя о сихъ походахъ восточными писателями; 2) почему византійскіе историки, а за ними и Несторъ, не упоминаютъ объ оныхъ.

I.

Какъ ни странно мнѣніе, что извѣстіямъ восточныхъ историковъ нельзя довѣрять (ибо въ повѣствованіяхъ ихъ гораздо менѣе находится басней, чѣмъ у современниковъ ихъ, лѣтописцевъ европейскихъ Среднихъ Вѣковъ), но оно, какъ и бóльшая часть ложныхъ мнѣній, все-же на чемъ-нибудь основывается. Постараемся объяснитъ его происхожденіе. Съ самыхъ Крестовыхъ Походовъ, когда Европейцы впервые познакомились съ Востокомъ, онъ остался для нихъ какою-то страною мечтательною, страною очарованій, которую они представляли себѣ не иначе какъ родиною фей, добрыхъ и злыхъ духовъ, талисмановъ, заклинаній и вообще всѣхъ частностей жизни и вѣрованій Азіатцевъ, заимствованныхъ отъ нихъ Европейцами въ продолженіе Среднихъ Вѣковъ. Такая идея о Востокѣ, укоренившись

однажды, не могла скоро исчезнуть и при обстоятельствахъ ей неблагопріятныхъ, ибо людямъ всегда нравится чудесное; тѣмъ менѣе, когда эти обстоятельства еще способствовали ея утвержденію. Извѣстія путешественниковъ и вообще всѣхъ тѣхъ, кои по какимъ либо причинамъ посѣщали Индію по открытіи въ нее новаго пути кругомъ Африки, не только не охладили прежнихъ понятій, но еще дали новую пищу воображенію, представляя тотъ край чѣмъ-то волшебнымъ — не потому, чтобы эти извѣстія были ложны, но потому, что страны тѣ, по характеру своему, не имѣвшему ничего общаго съ жизнію народовъ западныхъ, казались имъ таковыми. Наконецъ переводъ арабскихъ сказокъ, по справедливости удивившій Европейцевъ чрезвычайною живостію и роскошью картинъ, всего болѣе утвердилъ ихъ въ томъ мнѣніи, что обитатели Востока живутъ совершенно въ мірѣ фантазіи. Въ-продолженіе долгаго времени, изъ всѣхъ произведеній азіятскихъ литературъ, читая только однѣ сказки, Европейцы до того проникнулись мыслію, что на Востокѣ нѣтъ ничего кромѣ сказокъ, что наконецъ стали считать сказками и историческія произведенія Азіятцевъ. И какъ сказки, будучи произведеніемъ воображенія, бо́льшею частію основывались на вымыслѣ, то, въ слѣдствіе этого подумали, что и исторіи восточныя такъ же наполнены вымыслами. Таково, кажется мнѣ, было происхожденіе общепринятаго мнѣнія о недостовѣрности азіятскихъ историковъ. Съ Крестовыхъ-же Походовъ стали заниматься въ Европѣ и изученіемъ восточныхъ языковъ; но изученіе это, хотя подкрѣпленное Реформаціею, двинувшею впередъ всѣ отрасли знаній богословскихъ, было вяло, холодно, односторонне, ибо ограничивалось, бо́льшею частію, языками еврейскимъ и арабскимъ, которыхъ знаніе было необходимо для хорошаго богослова. Ни исторія, ни поэзія Востока не обращали на себя вниманія, и единственная цѣль, къ которой стремились занимавшіеся сими языками, была — яснѣйшее уразумѣніе

Св. Писанія. Будучи удѣломъ немногихъ ученыхъ, трудившихся въ тишинѣ кабинета, занятія сіи не имѣли никакого вліянія на остальныхъ членовъ общества, образующихъ общественное мнѣніе; и чѣмъ менѣе знали восточные языки, тѣмъ болѣе почитали ихъ чѣмъ-то особенно мудренымъ. Труды Казири, Ассемани, Эрбело, достойно оцѣниваемые только малымъ числомъ избранныхъ, были не извѣстны бо́льшей части ученыхъ, которые, слѣдуя господствующему мнѣнію, обвинявшему восточныхъ историковъ въ баснословіи, не любили ихъ еще и за то, что они часто противорѣчили писателямъ греческимъ — предмету ихъ благоговѣйнаго удивленія и поклоненія. Примѣромъ сему можетъ служить Моисей Хоренскій, терпѣвшій величайшія гоненія отъ Фрерѐ и другихъ, подобныхъ ему и славныхъ въ свое время ученыхъ.

Съ конца-же прошедшаго столѣтія — когда изученіе восточныхъ языковъ приняло оборотъ несравненно благопріятнѣйшій, когда ими стали заниматься какъ необходимою частію филологіи, какъ единственнымъ средствомъ поднять таинственную завѣсу, покрывающую начало народовъ — усиленію упомянутаго нами мнѣнія споспѣшествовали переводы восточныхъ поэтовъ, которые, будучи читаемы всѣми людьми образованными, могли дѣйствовать на всю массу; тогда какъ сочиненія историческія и филологическія оставались извѣстными только небольшому числу любителей и знатоковъ языковъ азіятскихъ. Вотъ почему восточнымъ историкамъ не отдаютъ еще и доселѣ должной справедливости. Другая причина этого — худые переводы сихъ историковъ, дѣлавшіеся часто учеными едва понимавшими языкъ, съ котораго переводили; такъ что люди самые благоразумные, судя по симъ переводамъ, точно могли подумать, что у азіятскихъ писателей мало смысла. Особенно несчастна участь нѣкоторыхъ изъ нихъ, касавшихся иногда Россіи. Стоитъ только вспомнить, сколько безтолковыхъ предположеній настроено было на

основаніи одного дурно переведеннаго и непонятаго мѣста Ибнъ-Хаукала, чтобъ отбить всякую охоту пользоваться извѣстіями сего писателя. Но это вина переводчиковъ, а не писателей, которая впрочемъ не относится къ сказаніямъ историковъ упоминавшихъ о набѣгахъ Руссовъ на берега Каспійскаго-Моря, переведеннымъ какъ нельзя лучше извѣстными оріенталистами: гг. Френомъ, д'Охсономъ и Шармуа; притомъ, къ бо́льшей части сихъ переводовъ приложены тексты. Но достовѣрность восточныхъ писателей лучше всего докажетъ строгій разборъ ихъ извѣстій о предметѣ нашего разсужденія, походахъ Руссовъ на Востокъ.

По свидѣтельству сихъ писателей, Руссы совершили на Востокъ два отдѣльные похода, чрезъ тридцать лѣтъ одинъ послѣ другаго. Важнѣйшее извѣстіе о первомъ изъ нихъ доставляетъ имамъ Абуль-Хасанъ Али, извѣстный подъ именемъ Масуди, одинъ изъ славнѣйшихъ историковъ Востока, жившій въ X столѣтіи. Извѣстіе сіе заключается въ XV главѣ сочиненія его: *Муруджъ-уз-Загабъ уа Маадинъ-уль-Джавагиръ* (т. е. «Золотые луга и рудники драгоцѣнныхъ камней»), написаннаго въ Египтѣ, въ 332 году геджры = 943-4 по Р. X. Вотъ слова̀ Масуди [4]:

«Послѣ 300 года геджры пришло къ нимъ около 500 русскихъ судовъ, изъ коихъ на каждомъ было по сту че-

---

[4] Переводъ Масудіева извѣстія я сдѣлалъ съ арабскаго текста, напечатаннаго г. академикомъ Френомъ въ концѣ книги его Ibn-Foszlan's Berichte, стр. 242, сравнивъ его съ двумя манускриптами упомянутаго творенія Масуди, находящимися въ библіотекѣ Института Восточныхъ Языковъ, которыми я пользовался по благосклонности директора онаго, Ф. П. Аделунга. Третій, находящійся тамъ же, манускриптъ сего творенія не имѣетъ большой цѣны, и содержитъ это извѣстіе въ такомъ точно видѣ, какъ оно напечатано въ 329-мъ примѣчаніи II-го тома изданныхъ Рейскe Annales Moslemici. Важнѣйшіе варіанты перваго изъ сихъ манускриптовъ, писаннаго въ 1148 г. геджры, я означалъ буквою A, варіанты втораго—буквою B, текстъ напечатанный Френомъ—буквою C.

За безполезностію этихъ варіантовъ въ настоящее время, и дороговизною набора арабскимъ шрифтомъ, онѣ здѣсь выпущены. *Изд.*

ловѣкъ. Вошедъ въ проливъ Нейтуса [5], который соединяется съ Рѣкою Хазарскою [6], они встрѣтили тамъ сильный гарнизонъ царя хазарскаго, поставленный для стражи противъ всякаго непріятеля, который могъ бы притти съ того моря, или изъ земли отдѣляемой рукавомъ Моря Хазарскаго [7], соединяющимся съ Рѣкою Нейтуса [8]; ибо въ сію сторону приходятъ для зимовки кочующіе орды Турокъ Гузовъ [9]; и такъ какъ вода, текущая изъ Рѣки Хазарской въ проливъ Нейтуса, иногда замерзаетъ, то Гузы переѣзжаютъ чрезъ нее на лошадяхъ. Хотя это и большая рѣка, но она не ломается подъ ними, окрѣпнувъ какъ камень. Такъ переходятъ они въ Землю Хазаровъ. Если гарнизонъ, поставленный здѣсь для стереженія ихъ, слабъ, то царь хазарскій самъ иногда выходитъ противъ нихъ, и заграждая переправу черезъ рѣку по льду, не допускаетъ ихъ вторгаться въ свое государство. Лѣтомъ-же Туркамъ невозможно переходить рѣку».

«Приплывъ на судахъ своихъ къ хазарскимъ карауламъ, разставленнымъ при устьѣ пролива, Руссы послали къ царю хазарскому просить позволенія пройти чрезъ его владѣнія, и рѣкою Волгою спуститься въ Море Хазарское, называемое также, какъ мы выше упомянули, Моремъ Джорджан

---

[5] *Нейтусъ*, по другимъ спискамъ *Понтусъ*, отъ Pontus Euxinus, есть названіе даваемое восточными географами Черному, а иногда и Азовскому морю; впрочемъ последнее они называютъ также *Майтусъ* или *Мантусъ*, отъ Palus Maeotides; «но, какъ оба моря соединяются проливомъ» говоритъ Масуди «то ихъ не для чего и различать особенными именами». См. Voyage d'Abou-el-Cassim. Paris, 1828, p. 7.

[6] Такъ называется Волга у восточныхъ географовъ.

[7] Каспійское море получило названіе Хазарскаго, не отъ того, чтобы Хазары плавали по оному и купечествовали—ибо Масуди рѣшительно говоритъ, что они не имѣютъ судовъ; но потому, что они были извѣстнѣйшимъ изъ народовъ обитавшихъ на его берегахъ.

[8] Какъ «Рѣкою Хазарскою» Масуди называетъ здѣсь Волгу, такъ «Рѣкою Нейтуса» называетъ Донъ, который почиталъ рукавомъ Волги.

[9] Гузы вѣроятно есть тотъ народъ, который Русскія лѣтописи называютъ Торками. См. Ист. Гос. Рос. Т. I, прим. 396, и Т. II, стр. 78.

скимъ, Табарестанскимъ и именами другихъ персидскихъ областей, обѣщая ему за это половину добычи, которую возьмутъ отъ народовъ обитающихъ у сего моря. Получивъ на то позволеніе, они вошли въ проливъ, дошли до устья рѣки [10], и стали подыматься ею вверхъ до Рѣки Хазарской, которою и прибыли къ городу Итилю [11]. Отъ него, по теченію этой рѣки, достигли до самаго устья, гдѣ она впадаетъ въ Море Хазарское. Отъ устья своего до города Итиля рѣка очень велика и полноводна. Отсюда Руссы разсыпались по морю въ разныя стороны, выходя на берегъ толпами къ Джилѣ [12], Дейлемѣ, Табарестанѣ, Абисекунѣ (прибрежной области Джорджанской) и Нефтяной-Землѣ [13], до самой Области Адербайджанской; ибо отъ Ардебиля [14], города находящагося въ Адербайджанѣ, до моря—только три дня пути. Руссы вездѣ проливали кровь, уводили въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, расхищали богатства, производили набѣги, и предавали все огню и опустошенію».

«Всѣ народы, обитавшіе около сего моря, возопили о помощи; ибо съ незапамятныхъ временъ не видывали никакого врага, который бы нападалъ на нихъ съ моря, гдѣ доселѣ плавали только суда купцевъ и рыболововъ. Руссы имѣли частыя битвы съ обитателями Джиля и Дейлема, съ прибрежными жителями Джорджана, и съ войсками изъ Бердаи, Аррана, Бейлекана [15] и Адербайджана, бывшими

---

10 Т. е. Дона.

11 Имя столицы хакана хазарскаго. См. Френа De Chazaris, p. 13.

12 *Джиль* есть арабское названіе Гиланской Области.

13 نفاطه значитъ по Менинскому «земля изобилующая нефтью»; посему я и перевелъ بلاد النفاطه *Нефтяною-Землею*, а не *Областью Нефата*; Нефтяною-Землею называется владѣніе Бакинское по причинѣ изобилія своего въ ключахъ горной нефти. См. *Извѣстія о Кавказѣ* Броневскаго, 1823, ч. II, стр. 404.

14 Вмѣсто *Ардебиль*, какъ находится въ текстѣ C, въ манускр. A и B поставлено *Ардширъ*.

15 *Бейлеканъ*, городъ Области Арранской лежитъ, по географу Бакуви, подъ 83° 30′ долготы и 30° 50′ широты. См. Expédition d'Alexandre le grand contre les Russes, vol. I, p. 135 и 136.

подъ предводительствомъ одного изъ военачальниковъ Ибнъ-Абу эс-Саджа, и доходили до Нефтянаго-Берега, находящагося въ Области Ширванской и извѣстнаго подъ именемъ Баку. Удаляясь отъ береговъ послѣ набѣговъ своихъ, Руссы обыкновенно искали убѣжища на островахъ, отстоящихъ на нѣсколько миль отъ Нефтяной-Земли. Государемъ ширванскимъ былъ тогда Али Бенъ эль-Гайсемъ. Наконецъ жители тѣхъ странъ вооружились, и, сѣвъ на ладьи [16] и купеческія суда, отправились къ симъ островамъ; но Руссы ударили на нихъ, и нѣсколько тысячь Мусульманъ пало въ битвѣ, или потонуло. Много мѣсяцевъ жили Руссы въ семъ морѣ, поступая вышеописаннымъ образомъ, и ни одинъ изъ окрестныхъ народовъ не могъ ничего имъ сдѣлать. Опасаясь ихъ нападенія, все народонаселеніе тѣхъ странъ было на стражѣ; ибо это море кругомъ заселено разными народами».

«Награбивъ довольно добычи и плѣнницъ, Руссы отправились обратно къ устью Рѣки Хазарской, и отсюда послали къ царю хазарскому условленную часть сокровищъ и добычи. Этотъ государь не имѣетъ судовъ, и подданные его въ мореплаваніи не опытны; въ противномъ случаѣ, они могли бы нанести Мусульманамъ великій вредъ. Аларесія [17] и другіе Мусульмане, жившіе въ Землѣ-Хазарской, узнавъ о томъ что сдѣлали Руссы, обратились къ государю хазарскому. «Позволь намъ» — говорили они — «раздѣлаться съ этимъ народомъ: онъ вторгся въ землю братьевъ нашихъ, Мусульманъ, проливалъ кровь ихъ, и поплѣнилъ ихъ женъ и дѣтей». Царь не въ силахъ былъ удержать ихъ; по крайней мѣрѣ онъ извѣстилъ Руссовъ о враждеб-

---

[16] Ладьею перевожу я арабское слово *карибъ*, которое, какъ и греческое Καραβιον и французское caravelle, вѣроятно, происходитъ отъ русскаго: *корабль*.

[17] Такъ называлась гвардія хакана хазарскаго, состоявшая изъ Мусульманъ, выходцевъ хорезмскихъ. См. Magaz. Asiat. par Klaproth, T. I, № 2, p. 2С8.



ныхъ намѣреніяхъ Мусульманъ. Сіи-послѣдніе, собравъ войско, потянулись внизъ по рѣкѣ, ища непріятеля. Завидѣвъ ихъ, Руссы сошли съ судовъ своихъ и стали въ боевой порядокъ противъ Мусульманъ, къ которымъ присоединилось также множество Христіянъ, жителей города Итиля. Число Мусульманъ простиралось да 15,000 вооруженныхъ и на коняхъ [18]. Бой длился три дня сряду; наконецъ Господь ниспослалъ Мусульманамъ побѣду. Одни изъ враговъ были побиты мечемъ, другіе потонули [19]. Только около 3000 изъ нихъ спаслось, переправившись на судахъ на противную сторону рѣки, смежную съ Землею Буртасовъ [20]; здѣсь, оставивъ свои суда, они сошли на сушу; но частію были перебиты Буртасами, частію Булгарами-Мусульманами [21], въ странѣ коихъ искали убѣжища. Число убитыхъ Мусульманами на берегахъ Рѣки Хазарской простиралось до 30,000. Съ сего времени Руссы не дѣлали болѣе подобныхъ вторженій».

Разберемъ теперь извѣстіе Масудіево, о которомъ г. профессоръ Эрдманъ [22] отзывается такъ: «Всякій, со вниманіемъ прочитавшій Масуди, который не слегка и не мимоходомъ говоритъ о сихъ происшествіяхъ, согласится, что

---

[18] Г. Френъ переводитъ, что Мусульманъ и Христіянъ вмѣстѣ было 15,000; но кажется, если только мнѣ позволено быть противнаго мнѣнія съ симъ славнымъ академикомъ, что число это относится къ однимъ Мусульманамъ. И Масуди, и Ибнъ-Фодланъ, во всѣхъ своихъ извѣстіяхъ о народахъ живущихъ къ сѣверу отъ Горъ Кавказскихъ, всегда о Мусульманахъ говорятъ отдѣльно; ибо они, какъ единовѣрцы, болѣе раждали въ нихъ участія, чѣмъ народы другихъ религій.

[19] По другому списку: «побитыхъ и утонувшихъ было великое множество».

[20] Народъ сей, упоминаемый и въ русскихъ лѣтописяхъ, обиталъ, по словамъ Масуди, на рѣкѣ сего же имени, которая, выходя изъ Земли-Булгарской, впадала въ Волгу. Voyage d'Abou-el-Cassim, p. 72.

[21] Такъ называютъ восточные писатели Камскихъ Булгаръ, для отличія отъ Дунайскихъ.

[22] De Expeditione Russorum Berdaam versus, auctore imprimis Nisamio, disseruit Franciscus Erdmann. Casani, 1826. Ч. I, стр. 67.

онъ исполненъ нелѣпостей и самыхъ грубыхъ басенъ (nugis absurdis et fabulis insulsis ineptiisve) [23].

А. Что могло побудить Руссовъ предпринять сей затруднительный походъ?

Не говоря уже что Руссы, или лучше Норманны, издавна посѣщавшіе Пермію, куда пріѣзжали для торговли мѣхами купцы мусульманскіе, могли еще тамъ узнать о торговой Хазаріи и богатствахъ привозимыхъ въ нее съ Востока,—вспомнимъ только, что однѣхъ побѣдъ ихъ надъ славянскими поколѣніями Полянъ, Сѣверянъ и Радимичей, платившими прежде дань Хазарамъ, довольно было чтобы познакомить ихъ съ симъ народомъ, славнымъ своею торговлею и образованностію. Руссы вѣроятно еще въ IX вѣкѣ посѣщали Хазарію; ибо мы видимъ что въ X они уже служили въ гвардіи хакановъ хазарскихъ [24], которая, какъ и войско императоровъ византійскихъ, состояла изъ сброда разныхъ народовъ. Тамъ, въ столицѣ Хазаріи, Итилѣ, складочномъ мѣстѣ всей торговли сѣверо-востока Европы съ отдаленнѣйшими странами Азіи: Индіею, Персіею и Аравіею [25], они видѣли богатства привозимыя изъ странъ закаспійскихъ, и узнали какимъ путемъ приходили они оттуда. Возвращаясь въ Россію, они, какъ очевидцы, могли разсказывать своимъ единоземцамъ о сокровищахъ Востока, и такимъ образомъ воспламенять жадныя къ добычѣ души Норманновъ. Кромѣ того, Руссы могли слышать о богатствахъ привозимыхъ изъ Персіи, отъ купцевъ греческихъ,

---

[23] Замѣчательно, что и Рейске, одинъ изъ ученѣйшихъ и трудолюбивѣйшихъ оріенталистовъ, чрезвычайно не любилъ Масуди, одного изъ самыхъ достовѣрныхъ и образованныхъ историковъ Востока. Онъ тоже говоритъ о Масуди: vulgo celebratus historicus qui tamen fabulis scatet. См. Abulfedae Annales Moslemici, t. I, p. XII.

[24] См. у Френа въ Ibn-Foszlan's Berichte, ст. 71 и 248.

[25] Ибнъ-Хаукалъ, The orient. Geogr. p. 186 и 241; Ибнъ-Фодланъ, De Chazaris, p. 15.

которые вели съ Хазарами обширную торговлю тканями, мѣхами и рыбою [26], и посѣщали также и Кіевъ. Надежда обильной добычи и слава труднаго похода воспламенила удалыхъ Норманновъ, и они рѣшились на походъ въ Море Каспійское. Вотъ какія причины могли побудить Руссовъ предпринять грабительскій набѣгъ на прибрежныя области Каспійскаго-Моря. Развѣ онѣ не вѣроподобны, не въ духѣ Норманновъ, и противорѣчатъ Исторіи?

Б. Вѣроподобны и естественны ли обстоятельства сего похода, описанныя у Масуди?

Походъ сей носитъ всѣ качества и признаки другихъ норманнскихъ походовъ. Масуди говоритъ, что Руссы приплыли почти на 500 судахъ, по 100 человѣкъ на каждомъ: слѣдственно ихъ было около 50,000. Число это, можетъ быть, нѣсколько увеличено, но оно очень вѣроятно. Олегъ, по словамъ Нестора [27], ходилъ на Царьградъ съ 80,000 войска морскаго, кромѣ сухопутнаго, которое слѣдовало берегомъ; притомъ, въ дружинахъ Руссовъ находилось множество Славянъ. Что-же, послѣ этого, будетъ удивительнаго, если въ походъ на Востокъ собралось до 50,000 ратниковъ; но гораздо замѣчательнѣе то, что, по извѣстію Масуди, на каждомъ суднѣ было по 100 человѣкъ; ибо рѣдко видно, чтобы лодки Руссовъ поднимали такое количество народа [28]. Во флотѣ Олеговомъ, на каждомъ суднѣ

---

[26] Chrestomathie Arabe, par S. de Sacy, vol. II, p. 17; Voyage d'Abou-el-Cassim, p. 206.

[27] Несторовъ Временникъ, изданный по кенигсберг. списку, стр. 24.

[28] Вильгельмъ, архіепископъ тирскій, одинъ изъ важнѣйшихъ писателей о Крестовыхъ Походахъ, въ сочиненіи своемъ: Historia rerum in partibus transmarinis gestarum a tempore successorum Mahumet usque ad annum Domini MCLXXXVI, lib. III, cap. 7, описывая осаду Никеи, говоритъ: Copulatis ad invicem tribus aut quatuor plaustris, prout navium longitudo deposcebat, eisque desuper impositis unius noctis spatio ter milliaria, septem vel amplius funibus, humeris et cervicibus hominum et equorum impositis,

было только по 40 человѣкъ [29]; суда Казаковъ Запорожскихъ, предпринимавшихъ въ XVI и XVII вѣкахъ подобные набѣги на Малую-Азію, по сказанію Боплана, также подымали не болѣе 70 человѣкъ [30]. Но если положить, что на каждомъ суднѣ Руссовъ было хотя по 80 человѣкъ, то все число ихъ будетъ весьма значительно. Послѣдующія извѣстія Масуди о числѣ Руссовъ погибшихъ въ битвахъ съ Хазарами и другими обитателями береговъ Моря Каспійскаго, и побитыхъ Булгарами и Буртасами, столь хорошо согласуются съ означеннымъ имъ здѣсь числомъ ратниковъ, что его никакъ нельзя уменьшить безъ нарушенія соразмѣрности въ сихъ извѣстіяхъ.

Вошедши изъ Чернаго-Моря въ Проливъ Таврическій, Руссы встрѣтили здѣсь хазарскій гарнизонъ. Масуди не называетъ по имени мѣста гдѣ онъ стоялъ, но изъ византійскихъ писателей видно, что въ означенномъ мѣстѣ находился городъ Таматарха, принадлежавшій Хазарамъ. Подобный гарнизонъ, для отраженія набѣговъ кочующихъ Печенѣговъ, содержался и въ крѣпости Саркелѣ на Дону [31]. Прибывъ къ мѣсту, гдѣ расположена была стража хазарская, Руссы просили у хакана позволенія пройти чрезъ его владѣнія. Это доказываетъ, что Руссы уже хорошо были знакомы съ Хазарами, которые, въ свою очередь, не зная ихъ, также не пропустили бы чрезъ свои зѐмли. Такимъ же образомъ ходили прежде Норманны чрезъ зѐмли

usque ad praedictum pertraxerunt locum. Erant autem et inter eos quaedam non ita modicae, sed duae *centum* aut quinquaginta pugnatorum numerum possent recipere.» Если при осадѣ Никеи могли переволакивать столь большія суда, отчего же не могли имѣть подобныхъ Руссы во время описываемаго нами набѣга? Что у Норманновъ, а слѣдственно и у Руссовъ, были суда которыя могли вмѣщать по сту человѣкъ, видно изъ того, что на обыкновенныхъ судахъ ихъ было по 12 и 20 человѣкъ однихъ гребцовъ. См. Depping, Histoire des expéditions maritimes des Normands, T. I, p. 71.

[29] Несторъ, loco citato.

[30] Боплана, Описаніе Украйны, С.-Петербургъ, 1832, стр. 64.

[31] Константинъ Багрянородный, въ Memoriae populorum, T. III, p. 566.

Славянъ, чтобы служить въ войскахъ греческихъ императоровъ.

Далѣе Масуди говоритъ, что Руссы, поднявшись Дономъ, спустились изъ него въ Волгу. Онъ думалъ, что Донъ есть рукавъ Волги, и что изъ одной рѣки можно свободно войти въ другую; но какъ Донъ не соединяется съ Волгою, то какимъ образомъ Руссы, съ судами своими, попали изъ одной рѣки въ другую? — Волокомъ, перетаскивая легкія суда свои черезъ сушу. Это былъ ихъ обыкновенный образъ переправъ изъ рѣки въ рѣку, столь извѣстный, что объ немъ не нужно болѣе распространяться [32]. Карамзинъ полагаетъ, что эта переправа могла произойти въ нынѣшней Качалинской Станицѣ, гдѣ Донъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо сближается съ Волгою [33]. Г.-же Полевой, кажется, не вѣритъ тому чтобы Руссы вошли въ Волгу чрезъ Черное-Море и Донъ, и полагаетъ, что походы на Востокъ предпринимали Руссы новгородскіе и ростовскіе просто по теченію Волги, изъ внутреннихъ областей Россіи [34]. — Путь Руссовъ по Волгѣ не представляетъ ничего замѣчательнаго. Вошедши въ Каспійское-Море, они не всѣ сдѣлали высадку въ одномъ мѣстѣ. И точно, Норманны никогда не нападали большимъ числомъ, но часто десятками и сотнями покоряли цѣлыя области. Другое дѣло былъ походъ къ Царюграду: тогда одна эта столица составляла предметъ похода; здѣсь-же вблизи не находилось городовъ на которые нужно бы было нападать большими силами.

Послѣ опустошительныхъ разбоевъ своихъ, Руссы, говоритъ Масуди, удалялись на острова, находившіеся недалеко отъ Баку. И точно, островъ Наргенъ отстоитъ отъ бакинскаго берега верстъ на пять, а острова Дуванной и Була —

[32] О легкости лодокъ норманнскихъ и о переволакиваньи ихъ, можно видѣть въ сочиненіяхъ славнаго академика нашего Круга: Kritischer Versuch zur Aufklaerung der Byzantischen Chronologie, стр. 203—210, и *Критическія розысканія о древнихъ Русскихъ монетахъ*, стр. 93.

[33] Ист. Гос. Россійск. Т. I, стр. 184.

[34] Ист. Русск. Народа. Т. I, стр. 138.

верстъ на пятнадцать, или на двадцать. Обыкновенно Норманны въ грабимыхъ ими земляхъ срубали засѣки, чтобы свозить туда добычу и защищаться отъ нападенія жителей; но здѣсь этого невозможно было сдѣлать, и Руссы, надѣясь на свое искусство на морѣ, уходили къ тѣмъ островамъ, гдѣ были, болѣе чѣмъ на сушѣ, безопасны отъ мщенія прибрежныхъ обитателей, которые, за дерзкую попытку свою сразиться съ ними на морѣ, и заплатили жизнію. Наконецъ Руссы пошли въ обратный путь.

Скажутъ, можетъ быть: для чего Руссы, вышедъ изъ Волги, не грабили западныхъ береговъ Моря Каспійскаго, которые были къ нимъ ближе, а шли до Баку, и только оттуда простерли набѣги свои по всему южному берегу до Хорезма? Потому, что земли отъ устья Волги до Дагестана принадлежали хакану хазарскому, а народы населявшіе Дагестанъ были или данниками его, или союзниками; слѣдственно, находясь подъ его покровительствомъ, пощажены были Руссами, коимъ невыгодно было раздражить хакана, могшаго отмстить имъ на возвратномъ пути. Притомъ, эти земли не были такъ богаты, какъ тѣ которыя они грабили.

Прибывъ къ устью Волги, и исполняя заключенное условіе, Руссы отослали хакану обѣщанную часть добычи — и все кончилось бы хорошо, но хакановская гвардія и Мусульмане возстаютъ: ихъ вооружаетъ месть за кровь единовѣрцевъ. Это очень естественно; но какимъ образомъ хаканъ не могъ имъ воспрепятствовать въ ихъ намѣреніи? Пототу что 1) Мусульмане были очень сильны въ его владѣніяхъ, и главнѣйшія отрасли торговли находились въ ихъ рукахъ; 2) Аларесія составляла главную часть постояннаго войска, а она вся была изъ Мусульманъ. Чтобы удержать бунтующихъ, надобно было употребить другое войско, а его не было. Притомъ въ Хазаріи народъ имѣлъ право свергать хакановъ, когда они ему не нравились [25]; слѣдо-

[25] Масуди, въ Magaz. Aziat. T. I, № 2, p. 270.

вательно, хаканъ невольно долженъ былъ повиноваться желанію народа, и въ настоящемъ случаѣ не имѣлъ никакой власти удержать Мусульманъ отъ нападенія на Руссовъ.

Теперь разсмотримъ обстоятельства битвы. Около 30,000 Руссовъ погибли въ сраженіи и потонули въ Волгѣ, да 5,000 ихъ истреблено на лѣвомъ берегу сей рѣки — всего 35,000. Слѣдовательно, изъ 50,000 отправившихся въ походъ, 15,000 перебиты уже были въ разныхъ сраженіяхъ съ прибрежными обитателями Моря Каспійскаго. Всѣ эти числа очень вѣроподобны, и не противорѣчатъ другъ другу. Итакъ на бой съ Мусульманами хазарскими выступило до 35,000 человѣкъ. Масуди говоритъ, что Мусульманъ было только 15,000, но что съ ними находилось множество Христіянъ итильскихъ. Слѣдуя-же переводу Френа, 15,000 было не однихъ Мусульманъ, а вмѣстѣ съ Христіянами; но вспомнимъ, что одной Аларесіи было 12,000 [36], и что Мусульманъ, по словамъ Ибнъ-Фодлана, жило въ Итилѣ болѣе 10,000 [37]. Слѣдовательно, можно основательно полагать, что 15,000 было однихъ Мусульманъ. Христіянъ также могло находится въ Итилѣ большое количество, ибо вѣра христіанская проповѣдуема была тамъ уже около 60 лѣтъ [38]. Такимъ образомъ число ратниковъ, по всей вѣроятности, было равно съ обѣихъ сторонъ. Но, какимъ образомъ отважные, воинственные до безумія Руссы разбиты были Мусульманами? Не приписалъ ли Масуди побѣду своимъ единовѣрцамъ, движимый ревностію къ религіи? Нѣтъ; Мусульмане имѣли много выгодъ на своей сторонѣ, и дѣйствительно могли разбить Руссовъ: во-первыхъ — они на ровномъ мѣстѣ сражались на коняхъ противъ пѣшихъ Руссовъ, а извѣстно, что въ такомъ случаѣ конница имѣетъ большое преимущество; во-вторыхъ — Мусульмане воспла-

---

[36] Масуди, ibid. p. 268.

[37] De Chazaris, p. 7.

[38] Въ 857 году.

менялись фанатизмомъ и жаждою мести; Руссы-же, пресыщенные добычею, дрались уже не такъ отважно, какъ идя на бой полунагіе и голодные; въ-третьихъ — Мусульмане превосходили Руссовъ вооруженіемъ, ибо Аларесія имѣла латы, кольчуги и шишаки; наступательнымъ оружіемъ — копья и луки [39]. Зная хорошо мѣстоположеніе, Мусульмане могли прижать Руссовъ къ берегу, и заставляли бросаться въ рѣку, какъ на единственный путь остававшійся къ спасенію. Руссы, привыкшіе къ морю и заботившіеся болѣе о сохраненіи награбленныхъ богатствъ, чѣмъ объ успѣхѣ битвы, надѣясь доплыть до судовъ, гдѣ хранилась добыча, избирали, можетъ быть, это средство, и гибли въ волнахъ широкой Волги. Такимъ образомъ, вѣроятно, что большая часть Руссовъ могла погибнуть въ водахъ быстрой рѣки, а не отъ меча непріятельскаго. Притомъ, если предположить, что число убитыхъ Руссовъ и увеличено, это не измѣнитъ достовѣрности событія. Булгаре мохаммеданской вѣры и Буртасы потому истребляли Руссовъ, что были единовѣрцами и союзниками Хазаровъ. Слова́ Масуди: «Съ сего времене Руссы не дѣлали болѣе подобныхъ вторженій» — между тѣмъ какъ они совершили послѣ сего похода другой, еще славнѣйшій — объяснимъ мы далѣе. Разобравъ извѣстіе Масудіево, теперь, кажется, рѣшительно можемъ сказать, что въ немъ нѣтъ ни басень, ни нелѣпостей.

В. Не имѣлъ ли Масуди какого нибудь повода выдумать это извѣстіе?

Важнымъ доказательствомъ истины сего похода служитъ вѣроподобность разобранныхъ нами обстоятельствъ онаго; но еще болѣе удостовѣряетъ въ ней характеръ самаго извѣстія. Описывая вторженіе Руссовъ, Масуди не былъ водимъ ни ревностію къ религіи, ни любовію къ отечеству; не имѣлъ въ виду ни увеличить славы Мусульманъ, ни

[39] Масуди, loco citato.

воспѣть своего героя, какъ Низами. Онъ упоминаетъ объ немъ мимоходомъ, только для опровержения мнѣнія утверждавшихъ что Черное-Море соединяется съ Каспійскимъ посредствомъ Азовскаго: «Ибо, если бы это было такъ» — говоритъ онъ — «то Руссы, господствующіе на морѣ Понтусъ, могли бы прямо войти въ Море Хазарское. Слѣдовательно, вѣрно что это море не имѣетъ сообщенія ни съ какимъ другимъ: оно есть небольшое море, запертое со всѣхъ сторонъ. Что-же касается до морскаго похода Руссовъ, о которомъ мы упомянули, то это происшествіе весьма хорошо извѣстно всѣмъ жителямъ тѣхъ мѣстъ. Въ которомъ году оно случилось, я не могу точно припомнить, но только это было послѣ 300 геджры [40]». Предметъ сей чрезвычайно занималъ Масуди, какъ географа; стараясь собрать объ ономъ сколько можно болѣе свѣдѣній, онъ приводитъ также въ доказательство и походъ Руссовъ: слѣдовательно, странно бы было предполагать, что онъ выдумалъ столь необыкновенное средство для доказательства своего мнѣнія. Притомъ, это извѣстіе не такого рода чтобъ его можно было выдумать изъ головы: Масуди былъ современникъ онаго, писалъ исторію, а не поэму, писалъ тогда, когда еще тысячи свидѣтелей могли обнаружить его ложь. Посему, съ его стороны, странно бы было столь нагло морочить своихъ читателей. Еще: мусульманинъ, родомъ египтянинъ, откуда бы могъ онъ узнать о бытѣ Норманновъ столь обстоятельно, чтобы составить подобное описаніе похода, носящаго всѣ признаки норманскаго духа? Какимъ бы образомъ пришла ему въ голову мысль выдумать происшествіе столь необыкновенное, и столь трудно исполнимое, что оно удивляетъ еще въ наше время, когда уже столь извѣстны предпріимчивость и удальство Норманновъ? Какимъ бы образомъ, наконецъ, послѣдовавшіе за Масуди писатели стали повторять нелѣпыя басни его?

---

[40] Les peuples du Caucase, par d'Ohsson, p. 244.

Всѣ извѣстія Масуди чрезвычайно положительны; объ одномъ только онъ говоритъ неопредѣленно — о времени вторженія Руссовъ. По словамъ его оно произошло послѣ 300 года геджры. Это, по нашему лѣтосчисленію, приходится послѣ 912 года по Р. Х., слѣдовательно въ княженіе Игоря. Далѣе Масуди говоритъ, что Руссы сражались съ полководцемъ Ибнъ-Абу-эс-Саджа. Это обстоятельство даетъ возможность точнѣе опредѣлить время нападенія. Ибнъ-Абу-эс-Саджъ, или полнѣе Абуль-Касемъ Юсуфъ Ибнъ-Абу-эс-Саджъ, прозванный *Дивдадомъ*, былъ сдѣланъ правителемъ Адербайджана въ 296 году геджры = 908-9 по Р. Х.; правилъ сею областію до 307 года = 919, когда былъ смѣненъ за бунтъ; потомъ въ 310 = 922 снова возстановленъ въ своей должности, которую и исполнялъ по 314 = 926-7. Слѣдовательно, набѣгъ Руссовъ долженъ былъ произойти въ одинъ изъ сихъ промежутковъ. Этимъ разысканіемъ обязаны мы г. д'Охсону [41]; нашъ-же академикъ, г. Френъ, на основаніи одного мѣста изъ Исторіи Табарестана и Мазандерана (сочиненія Миръ Зегиръ-эд-Дина Мерашн) опредѣлилъ время сего похода еще точнѣе, именно въ первомъ промежуткѣ правленія Ибнъ-Абу-эс-Саджа, въ первыхъ шести мѣсяцахъ 301 года геджры, или въ концѣ 913 года по Р. Х. [42]. Итакъ Масуди не угадалъ только однимъ годомъ.

Достовѣрность Масудіева сказанія подтверждаетъ еще другой историкъ — вышеупомянутый нами Миръ Зегиръ-эд-Динъ Мераши, который въ своей Исторіи говоритъ:

«Между тѣмъ *(предъ 914 годомъ, когда Саманиды лишились Табарестана)* толпы Руссовъ прибыли на корабляхъ въ Табарестанъ, сдѣлали тамъ высадку, и произвели большія опустошенія. Саманиды употребили всѣ усилія къ ихъ истребленію, и успѣли совершенно уничтожить этого непріятеля» [43].

---

[41] Ibidem, p. 242.

[42] Nouv. Journal Asiatique, T. II, p. 452—455.

[43] Переводъ этого мѣста Исторіи Миръ Зегиръ-эд-Дина, сдѣланный г. Фре-

Это извѣстіе, незначительное само по себѣ, служитъ важнымъ подтвержденіемъ Масудіеву. Зегиръ-эд Динъ упоминаетъ объ одномъ Табарестанѣ потому, что писалъ исторію только этой страны; Руссовъ совершенно истребленными почелъ онъ или потому, что они уѣхали на своихъ судахъ, и объ нихъ въ тѣхъ странахъ не было уже болѣе слуху, или по той причинѣ, что тотъ отрядъ ихъ, который вышелъ на берегъ въ Табарестанѣ, точно былъ тамъ истребленъ Саманидами.

Таковы извѣстія, доставляемыя восточными писателями о первомъ походѣ Руссовъ въ земли закаспійскія. Теперь посмотримъ что̀ они пишутъ о второмъ, болѣе запутанномъ и послѣдовавшемъ чрезъ 30 лѣтъ послѣ перваго, съ которымъ смѣшивали его Рейске и Эрдманъ.

Объ немъ упоминаютъ:

1) Шегабъ-эд-Динъ Абу-Абдъ-ул-Лахъ Якутъ (родившійся въ 575 (=1179) и умершій въ 626 (=1229) году геджры) въ своемъ *Моъджемъ-улъ-Больданѣ*, Географическомъ Словарѣ:

«Русь есть тотъ народъ, который въ..........году, овладѣвъ Бердаою, разорялъ ее, доколѣ Господь не воздалъ имъ за то, и не истребилъ ихъ» [44].

2) Григорій Абуль-Фараджъ, извѣстный болѣе подъ именемъ Баръ-Гебрея (род. въ 1226, умеръ въ 1286 по Р. Х.), въ своей *Сирійской Хроникѣ*:

номъ, отличается нѣсколько отъ перевода того же мѣста г-номъ Шармуа. Вотъ какъ перевелъ Френъ: Pendant ce temps une foule des Russes qui s'étaient mis sur des vaisseaux, arrivèrent par mer dans le Tabaristan, pays qu'ils dévastèrent dans toutes les directions. Les Samanides firent tous leurs efforts pous detruire cet ennemi redoutable et parvinreut enfin à le chasser (См. Nouv. Journ. Asiat. T. II, p. 453). А вотъ переводъ Шармуа: Sur ces entrefaites, une foule de Russes arrivèrent, à bord de leurs vaisseaux, dans le Thabèristân, où ils débarquèrent et causèrent de grands ravages. Les Samanides firent tous leurs efforts pour les exterminer, et détruisirent entièrement ce corps (См. Dissertation sur l'utilité des langues orientales pour l'étude de l'histoire de Russie).

[44] Ibn-Foszlan's Berichte, s. 2.

«Въ первое лѣто царствованія Мостакфи, 335 (=944) геджры, вышли разные народы: Аланы, Славяне и Лазги; они опустошили всю землю до Адербайджана, взяли городъ Бердау, и, убивъ въ немъ 20,000 человѣкъ, ушли назадъ» [45].

3) Исмаилъ Ибнъ-Али Абуль-Феда (род. въ 762 (=1273), умерш. въ 732 (1332) году геджры), въ своихъ *Мусульманскихъ Лѣтописяхъ:*

«Въ семъ году (332 = 943) одно изъ поколѣній Руссовъ, приплывъ на корабляхъ изъ страны своей по Морю-Каспійскому и рѣкѣ Куру, проникнуло до самаго города Бердаи; овладѣвъ имъ, Руссы предались убійству и грабежу, и наконецъ прежнимъ путемъ возвратились во свояси» [46].

Но важнѣйшія извѣстія доставляютъ Ибнъ-эль-Эсиръ и Низами.

4) Иззъ-эд-Динъ Али Ибнъ-Мохаммедъ, называемый вообще Ибнъ-эль-Эсиръ Джезери (ум. въ 630 (=1253) геджры) — историкъ, уважаемый на Востокѣ столько же какъ и Масуди, въ сочиненіи своемъ, подъ заглавіемъ *Камильут-Тарихъ*, «Полная Лѣтопись», доставляетъ самое обстоятельное описаніе сего похода. По неимѣнію текста, котораго единственный извѣстный экземпляръ находится въ библіотекѣ Упсальскаго Университета, мы извлечемъ извѣстіе Ибнъ-эль-Эсира изъ сочиненія д'Охсона: Les peuples du Caucase, ou voyage d'Abou-el-Cassim, который приводитъ оное въ французскомъ переводѣ, и разберемъ его такимъ же образомъ, какъ и Масудіево. Ибнъ-эль-Эсиръ говоритъ:

«Въ 332 году снова увидѣли Руссовъ въ Хазарскомъ-Морѣ; они поднялись вверхъ по рѣкѣ Куру, и внезапно появились предъ Бердаою, столицею Аррана, отстоящею около трехъ фарсанговъ [47] къ югу отъ сей рѣки. Градо-

[45] Chronicon Syriacum, p. 189

[46] Annales Moslemici, T. II, p. 126.

[47] *Фарсахъ* или *фарсангъ*, такъ же какъ и европейская миля, въ раз-

начальникъ, управлявшій столицею отъ имени правителя адербайджанскаго, выступилъ противъ нихъ съ отрядомъ войскъ дейлемитскихъ и волонтерами, всего числомъ болѣе 5,000; но Руссы разбили их въ одну минуту. Дейлемиты были переколоты, а бѣжавшіе съ поля сраженія преслѣдованы до города, изъ котораго спѣшили спасаться всѣ, которые только могли достать вьючный скотъ. Вступивъ въ городъ, Руссы тотчасъ же объявили, что жизнь обитателей будетъ пощажена. Они сдержали свое слово, и, должно отдать имъ справедливость, они вели себя воздержно».

«Между тѣмъ войска мусульманскія собрались со всѣхъ сторонъ; но бывъ атакованы Руссами, они предались бѣгству. Во время сраженія, чернь Бердаи, вышедъ вонъ изъ города, стала бросать въ Руссовъ каменьями, и ругать ихъ во всю мочь. Руссы убѣждали народъ прекратить непріязненныя дѣйствія; но онъ не слушался, и удалились только благоразумнѣйшіе. Городская сволочь, особенно пастухи, никакъ не могли удержаться. Наконецъ Руссы, вышедъ изъ терпѣнія, объявили чтобы въ теченіе недѣли всѣ жители Бердаи вышли изъ города. Тѣ, которые имѣли вьючный скотъ, отправились; но послѣ назначеннаго срока довольное число жителей еще оставалось въ городѣ. Многихъ изъ нихъ лишивъ жизни, 19,000 человѣкъ, избѣжавшихъ смерти, Руссы взяли въ плѣнъ. Потомъ, собравъ въ мечеть остальныхъ жителей, отъ коихъ можно было надѣяться получить хорошій выкупъ, они объявили, что тѣ, которые не выкупятъ себя, будутъ преданы смерти. Одинъ частный человѣкъ, Христіанской Вѣры, принялъ участіе въ сихъ несчастныхъ, и сталъ договариваться съ Руссами объ ихъ освобожденіи, назначая за каждую голову по 20

ныхъ странахъ имѣетъ разную длину. Географическій фарсахъ заключаетъ 3 мили, всякую по 4000 персидскихъ гёзовъ, содержащихъ въ себѣ по 24 дюйма (*Исторія Монголовъ*, С.-Петербургъ, 1834; примѣч. 58).



драхмъ; но заключенные, кромѣ нѣкоторыхъ благоразумнѣйшихъ, отказались заплатить этотъ выкупъ. Руссы, видя, что имъ тутъ ничего нельзя получить, предали ихъ смерти, исключая немногихъ, успѣвшихъ спастись. Потомъ сіи чужеземцы разграбили городъ, взяли въ рабство дѣтей, и выбрали женщинъ, которыя имъ понравились».

«Бѣдственная участь Бердаи возбудила въ сердцахъ мусульманскихъ сожалѣніе и негодованіе; повелѣно было сдѣлать всеобщее ополченіе. Правитель Адербайджана, Мохаммедъ Ибнъ-Мусаффиръ, извѣстный болѣе подъ названіемъ Эль-мерзебана [48], успѣвъ собрать 30,000 войска, выступилъ противъ Руссовъ; но, бывъ разбитъ, принужденъ былъ отступить. Послѣ сей побѣды Руссы оставались уже спокойными, и въ продолженіе довольно долгаго пребыванія своего въ Бердаѣ, только разъ сдѣлали набѣгъ на окрестности Мераги [49]; но излишнее употребленіе плодовъ произвело между ними заразительную болѣзнь, жертвою которой погибло большое число ихъ».

«Наконецъ Мерзебанъ, стараясь всѣми мѣрами избавиться отъ сихъ безпокойныхъ гостей, рѣшился прибѣгнуть къ хитрости. Часть войскъ своихъ поставивъ въ засаду, съ остальными онъ пошелъ противъ непріятеля, съ намѣреніемъ обратить тылъ, для того чтобы, когда Руссы станутъ его преслѣдовать, находившіеся въ засадѣ, по условленному знаку, ударили на нихъ сзади. Дѣйствительно Мерзебанъ напалъ на Руссовъ, и, бившись нѣсколько времени, обратился въ бѣгство; но войскà его, перешедши за мѣсто гдѣ находилась засада, вмѣсто того чтобы снова обратиться на непріятеля, продолжали бѣжать, заботясь только о собственномъ спасеніи. Мерзебанъ самъ разсказывалъ одному изъ друзей моихъ всѣ обстоятельства

---

[48] *Мерзебанъ*—тоже что маркграфъ, охранитель границъ, пограничный воевода.

[49] *Мерага*—городъ недалеко отъ Тебриза, въ-послѣдствіи славный своею обсерваторіею.

сего происшествія. «Я кричалъ моимъ войскамъ» — говорилъ онъ — «чтобы они обратились на непріятеля; но меня никто не слушалъ: такъ всѣ боялись Руссовъ. Видя, что если мои войска будутъ продолжать бѣжать, то всѣ погибнутъ отъ меча враговъ, и что Руссы, напавъ потомъ на находившихся въ засадѣ, и ихъ такимъ же образомъ переколятъ, я рѣшился въ эту минуту противостать невѣрнымъ, хотя при мнѣ былъ только братъ мой и одинъ изъ офицеровъ, и приготовился къ мученической смерти [50]. Дейлемиты, пристыженные моимъ примѣромъ, возвратились, и мы ударили на Руссовъ, подавъ нашей засадѣ условленный сигналъ. Она приняла ихъ сзади, мы дрались храбро, и убили у нихъ много народу, между прочими и ихъ предводителя». Остатки Руссовъ удалились въ цитатель Бердаи, называемую Шегристанъ [51]. Снабдивъ ее хорошо съѣстными припасами, они перевели туда своихъ плѣнниковъ, и перевезли пожитки. Правитель Адербайджана обложилъ сначала эту крѣпость; но во время осады получилъ извѣстіе, что отрядъ войскъ, посланный правителемъ областей Мосула и Джезирэ, вступилъ въ Адербайджанъ для покоренія сей области. Извѣстно что Халифатъ сталъ жертвою безначалія, что каждый правитель сдѣлался независимымъ владѣльцемъ въ своей области, и что халифъ царствуетъ только въ Иракъ-Араби. Насиръ-эд-Доуле, внукъ Хамдановъ, наслѣдовавшій послѣ отца своего управленіе Мосуломъ и Джезирэ (Месопотаміею), вѣроятно, хотѣлъ воспользоваться затруднительнымъ состояніемъ своего сосѣда, чтобы отнять у него Адербайджанъ. Двоюродный братъ его, Абу-Абдъ-ул-Лахъ Хусейнъ, назначенный имъ для исполненія сего предпріятія, приближался уже къ Сельмасу, когда Мохаммедъ Ибнъ-Мусаф-

---

[50] Смерть въ бою съ невѣрными Мусульмане почитаютъ мученическою смертію.

[51] Такія цитадели, называемыя *дигиз*'ами и *шегристан*'ами находятся во всѣхъ древнихъ городахъ персидскихъ.

фиръ, извѣстясь о его походѣ, оставилъ часть войскъ передъ Шегристаномъ, съ остальными-же пошелъ противъ Хусейна. Вступивъ съ нимъ въ битву, онъ разбилъ его войско, состоявшее, по бо́льшей части, изъ Арабовъ. Въ сихъ обстоятельствахъ Хусейнъ получилъ письмо отъ Насиръ-эд-Доуле, который, извѣщая его о смерти главнокомандующаго, Тузуна, и о намѣреніи своемъ итти къ Багдаду, повелѣвалъ соединиться съ нимъ для сопутствованія въ семъ предпріятіи».

«Тузунъ въ продолженіе 28 мѣсяцевъ былъ полновластнымъ правителемъ Багдада. Въ предшествовавшемъ году (332 =944), низложивъ халифа Моттаки, онъ возвелъ на престолъ Мостакфи-Биллаха. Теперь, съ одной стороны Насиръ-эд-Доуле, съ другой Ахмедъ Ибнъ-Буѣ, обладатель Иракъ-Аджеми, хотѣли овладѣть браздами правленія. По отправленіи Хусейна для соединенія съ братомъ, Мерзебану можно было снова обратиться на Руссовъ; но въ этомъ не было уже нужды. Болѣзни между сими иноземцами усилились еще болѣе съ того времени какъ они заперлись въ Шегристанѣ. Ослабленные симъ, они рѣшились ночью вытти изъ крѣпости, унося на плечахъ лучшее свое имущество. Достигнувъ берега рѣки Кура, безъ всякаго нападенія со стороны осаждающихъ, которые не смѣли ихъ преслѣдовать, они сѣли на свои суда и отправились. Такимъ образомъ Господь очистилъ страны мусульманскія отъ сей толпы невѣрныхъ».

Таково сказаніе Ибнъ-эль-Эсира. По своей подробности оно превосходитъ самое извѣстіе Масуди, по духу-же безпристрастія и какой-то откровенности, по естественности и вѣроподобности описываемыхъ въ немъ обстоятельствъ, удаляетъ всякое подозрѣніе о подлогѣ. Объяснимъ причины и обстоятельства сего похода.

1) *Причины похода*. Поводомъ къ предпринятію этого, втораго, похода могли служить тѣ же самыя обстоятельства, которыя произвели и первый, т. е. жажда добычи.

Еще въ первый походъ, громя берега Моря Каспійскаго, Руссы могли узнать о богатствахъ Бердаи; во второй рѣшились овладѣть ими. Бердаа въ X столѣтіи была не то, что нынѣ — деревушка Берде [52]. Она, по описанію Ибнъ-Хаукала, посѣщавшаго ее черезъ четыре года по разореніи Руссами, простиралась на фарсантъ отъ С. къ Ю. и нѣсколько менѣе отъ В. къ З; лежала на почвѣ самой плодородной и производила большую торговлю шелкомъ, плодами и другими произведеніями земли. «Теперь», говоритъ Ибнъ-Хаукалъ, «этотъ городъ уже не такъ цвѣтущъ; однако въ немъ все еще много рынковъ, караван-сараевъ и публичныхъ бань, несмотря на всѣ бѣдствія, претерпѣнныя имъ съ тѣхъ поръ какъ онъ подпалъ власти Руссовъ» [53]. Въ VIII столѣтіи Бердаа была столицею государей албанскихъ и мѣстопребываніемъ патріарховъ сего народа; слѣдовательно, издревле будучи славною и богатою, могла привлечь къ себѣ жадные взоры Руссовъ. Но что побудило ихъ, испытавъ однажды ужасное пораженіе, предпринимать въ другой разъ походъ, въ которомъ снова могли они подвергнуться подобной опасности? Отвѣчаемъ: ихъ мужество безпредѣльное, ихъ презрѣніе къ жизни. Не разъ разбивали ихъ Греки, но Руссы не переставали дѣлать набѣги на Византію. Отъ чего-же имъ и здѣсь не испытать было счастья и не пуститься снова на грабежъ въ страны прикаспійскія. Впрочемъ надобно согласиться, что тутъ еще много темнаго, которое объяснится тогда, когда лучше узнаются отношенія древней Россіи къ странамъ прилежащимъ къ ней съ юго-востока. До тѣхъ же поръ будемъ довольствоваться одними предположеніями, какія можно извлечь при нынѣшнемъ состояніи Исторіи.

2) *Обстоятельства похода.* Не упоминая, какимъ образомъ Руссы вошли въ Каспійское-Море (о чемъ будемъ

---

[52] Klaproth, Russland's Vergroesserungen. Berlin, 1814, s. 108.
[53] D'Ohsson, Les peuples du Caucase, p. 109.

говорить ниже), Ибнъ-эль-Эсиръ начинаетъ тѣмъ, что они, поднявшись рѣкою Куромъ, подступили къ Бердаѣ. Одинъ этотъ образъ дѣйствія уже показываетъ Норманновъ, которые всегда вторгались по теченію рѣкъ, ибо въ такомъ случаѣ на своихъ лодкахъ имѣли безопасное убѣжище какъ для самихъ себя, такъ и для храненія добычи. Всѣ послѣдовавшія за симъ обстоятельства носятъ признаки величайшей достовѣрности. Руссы, разграбивъ городъ, взяли въ плѣнъ женщинъ и дѣтей: то же видимъ мы и въ извѣстіи Масудіевомъ. Взрослыхъ мущинъ вѣроятно они не брали для того, что за ними нужно было имѣть строгій присмотръ, чтобы удержать отъ возмущенія. Женщины-же были лакомою добычею для Руссовъ, коихъ жены оставались въ отдаленномъ отечествѣ [54]. Болѣзнь, происшедшая отъ неумѣреннаго употребленія плодовъ, есть явленіе, безпрестанно повторяющееся въ Грузіи и другихъ южныхъ странахъ со всѣми сѣверными уроженцами. Извѣстно, также, что войска европейскія всегда гибли въ Азіи болѣе отъ климата, нежели отъ оружія враговъ. Примѣры сего безчисленны, и въ древнія, и въ новѣйшія времена. Хитрость Мерзебана, состоявшая въ засадѣ — какъ нельзя болѣе въ духѣ Востока, гдѣ все умѣнье, весь верхъ военнаго искуства, заключается въ томъ чтобы заставить непріятеля попасть въ засаду. Наконецъ и въ самомъ удаленіи видѣнъ отважный духъ Руссовъ. Вспомнимъ, какъ воины Свято-

---

[54] «Il n'était pas nécessaire» говоритъ о Норманнахъ Деппингъ «de se choisir une compagne et de chercher à lui plaire; les habitudes de pirates dispensaient de ces soins; on enlevait des femmes comme du butin.» Hist. des expéd. marit. des Normands, vol. I, p. 48. Извѣстія Мусуди и Ибнъ-эль-Эсира объясняютъ также одно важное обстоятельство въ Русской Исторіи— торговлю невольниками. Описывая выгоды Булгаріи, Святославъ говорилъ что изъ Россіи везутъ туда медъ, воскъ и невольниковъ. Откуда брали Руссы невольниковъ? спрашивали многіе историки. Они доставали ихъ въ набѣгахъ подобныхъ тѣмъ, кои они совершали на земли прикаспійскія. Вѣроятно также, что *ходя на дань* къ подвластнымъ имъ дикимъ поколѣніямъ славянскимъ и финскимъ, Руссы поступали съ ними не лучше какъ съ врагами, особенно если тѣ еще иногда возмущались.

слава, закинувъ на спину щиты свои, въ виду цѣлаго греческаго войска, смѣло удалялись въ осажденный Доростолъ — и ничего не будетъ удивительнаго, если Мусульмане, опасаясь отчаяннаго отпора Руссовъ, дозволили имъ свободно пройти къ судамъ; но странно то, какъ Мусульмане не сожгли прежде сихъ судовъ. Вѣроятно, стоя посреди рѣки, суда охраняемы были сильною стражею; или Мусульмане, полагая что голодъ и болѣзни заставятъ наконецъ Руссовъ сдаться, надѣялись тогда овладѣть судами безъ кровопролитія, и употребить ихъ въ свою пользу; но какъ бы то ни было, довольно того что Руссы ушли.

Одно только недоразумѣніе встрѣчается въ извѣстіи Ибнъ-эль-Эсира; но и въ немъ, по нашему мнѣнію, виноватъ не онъ, а французскій переводчикъ сего извѣстія — г. д'Охсонъ. Именно, по переводу д'Охсона, Ибнъ-эль-Эсиръ говоритъ: «Мерзебанъ самъ разсказывалъ одному изъ друзъ *моихъ* (à un de mes amis) обстоятельства сего происшествія». Этого никакъ не могло случиться, ибо отъ того времени когда происходило сраженіе (943 г.) до того когда родился Ибнъ-эль-Эсиръ (1160 г.) прошло 217 лѣтъ. Положимъ, что Мерзебану, когда онъ сражался съ Руссами, было 30 лѣтъ, и что онъ разсказывалъ о томъ другу Ибнъ-эль-Эсира черезъ 50 лѣтъ послѣ сей битвы, въ 993 году. Другъ этотъ (положимъ что ему было 20 лѣтъ, когда онъ слышалъ разсказъ Мерзебана), чтобы пересказать Ибнъ-эль-Эсиру слышанное имъ въ 993 г., долженъ былъ прожить послѣ этого до рожденія Ибнъ-эль-Эсира 167 лѣтъ; но какъ онъ не могъ разсказывать нашему историку, когда тотъ былъ еще въ колыбели, то для этого долженъ былъ дожидаться еще лѣтъ 20: явно, что это невозможно, и что тутъ должна быть ошибка, и ошибка самая простая. Въ подлинникѣ вѣроятно было написано لاحد من اصدقائه *(одному изъ друзей своихъ);* а д'Охсонъ, прочитавъ ошибкою, или, можетъ быть, по неисправности рукописи, لاحد من اصدقائی *(одному изъ друзей моихъ)*, и

не обративъ вниманіе на происшедшій отъ сего анахронизмъ, перевелъ *à un de mes amis* вмѣсто *à un de ses amis*. Такая ошибка можетъ случиться со всякимъ. Этимъ весьма естественнымъ предположеніемъ объясняется все недоразумѣніе; изъ него можно также заключить, что Ибнъ-эль-Эсиръ, описывая это происшествіе, пользовался сочиненіемъ какого нибудь другаго писателя, современника вторженію Руссовъ, который, можетъ статься, былъ другомъ Мерзебана и слышалъ описаніе этого происшествія отъ него самого. Въ послѣднемъ предположеніи удостовѣряютъ также и многочисленныя подробности Ибнъ-эль-Эсирова извѣстія, которыя врядъ ли могли быть собраны въ такой связи болѣе чѣмъ черезъ два столѣтія послѣ того какъ случилось описанное нами событіе.

Обратимся теперь къ Низами.

Низами, уроженецъ города Генджи, нынѣ Елисаветполя (ум. въ 576 (=1108-1) году геджры), почитается однимъ изъ славнѣйшихъ эпическихъ поэтовъ Персіи. Онъ написалъ, кромѣ множества другихъ произведеній, пять огромныхъ поэтическихъ романовъ, и былъ ученѣйшимъ и славнѣйшимъ мужемъ своего времени.

Въ числѣ романовъ его, одинъ, извѣстный подъ именемъ *Эскендеръ-Намэ* или Александреиды, заключаетъ въ себѣ описаніе разныхъ подвиговъ Александра, этого безсмертнаго миѳическаго символа побѣдителя на Востокѣ, какъ называетъ его одинъ изъ современныхъ намъ историковъ. Воспѣвъ славныя дѣла совершенныя героемъ македонскимъ въ отдаленнѣйшихъ странахъ міра, Низами увѣнчиваетъ всѣ подвиги Александра побѣдою одержанною имъ надъ Руссами. Отдѣленіе Александреиды, содержащее въ себѣ описаніе битвъ съ Руссами, имѣетъ такое заглавіе: *Достони лешкеръ кешидени Эскендери зеферъ-маънусъ беръ хиласи Бердаа у дефъи Русъ* («Описаніе похода побѣдоноснаго Александра для освобожденія Бердаи и отраженія Руссовъ»). Вотъ вкратцѣ содержаніе онаго:

Александръ, пресыщенный побѣдами, занимается устройствомъ своихъ владѣній и намѣревается возвратиться на родину, какъ вдругъ получаетъ извѣстіе о вторженіи Руссовъ. Дювали, предводитель Абхазовъ [55], говоритъ Александру: «Отмсти, великій государь, отмсти Руссамъ за ихъ притѣсненія: они похитили съ брачныхъ постелей юныхъ дѣвъ Абхазіи и разграбили всѣ богатства цвѣтущей земли нашей. Браннолюбивые Руссы, явясь изъ земель Герковъ [56] и Алановъ, напали на насъ ночью, какъ градъ. Не успѣвъ пробить себѣ дороги чрезъ Дербентъ и его окрестности, они, сѣвъ на корабли, устремились въ море, и произвели безчисленныя опустошенія. Возобновивъ въ странѣ нашей *древнюю вражду свою*, разграбили и опустошили ее совершенно. Проклятый народъ этотъ разорилъ все государство Бердаи, расхитилъ сей городъ, исполненный сокровищъ, и увлекъ въ плѣнъ Нушабэ [57]. Руссы похитили всѣхъ красавицъ нашихъ, разрушили города, предали пламени села и деревни. Если ты не отмстишь за насъ, то скоро увидишь, что они разнесутъ ужасъ опустошеній своихъ по Греціи и Арменіи. Они разбойники, подобные волкамъ и львамъ, не знаютъ веселыхъ пиршествъ, жадны къ пролитію крови, и только и дѣлаютъ что берутъ города и завоевываютъ цѣлыя страны. Скоро Хорасанъ и Греція испытаютъ ихъ корыстолюбіе». Александръ, тронутый сею рѣчью, клянется отмстить Руссамъ, и отправляется

---

[55] Низами называетъ Абхазами не жителей нынѣшней Абхазіи, но народъ населявшій земли Дагестана и Ширвана, и извѣстный Древнимъ подъ именемъ Албанцевъ.

[56] Не знаю, какой народъ разумѣетъ Низами подъ симъ названіемъ. Профессоръ Шармуа весьма основательно полагаетъ, что كرك есть то же самое, что كرج *Georg-ia*, Грузія. Пространныя разсужденія объ этомъ имени можно видѣть въ сочиненіи Эрдмана: De Expeditione Russorum Berdaam versus. Casani, 1827, Pars II, p. XIX—XXX.

[57] Такъ называлась царица Бердаи, у которой прежде пировалъ Александръ-Великій. Низами соединилъ въ лицѣ ея и Θалестрпсу, царицу Амазонокъ, и ту государыню индійскую къ которой Александръ явился подъ видомъ Θеестіона.

противъ нихъ въ походъ. Узнавъ объ этомъ, Кинталъ, предводитель Руссовъ, собираетъ огромнѣйшее войско изъ Пертасовъ, Алановъ, Хазаровъ и Руссовъ, и устремляется на встрѣчу Александру, который, предъ сраженіемъ, обращаясь къ войскамъ своимъ и указывая на непріятеля, говоритъ: «Враги наши не привыкли биться со львами: они храбры и неукротимы только для разбоя и грабежа; они не видывали длинныхъ мечей нашихъ, и не знаютъ другаго оружія кромѣ топоровъ и копій; у нихъ нѣтъ ни оружія, ни снарядовъ: какимъ же образомъ возмогутъ они противостать намъ? Никакого труда не будетъ для насъ разрубить отъ головы до пояса этихъ голыхъ воиновъ».

На другой день послѣ встрѣчи оба войска стали въ строй. Правое крыло русской арміи составляли войска хазарскія, лѣвое Пертасы; въ передовомъ отрядѣ были воины Ису [58], въ резервѣ Аланы; самый-же центръ занимали *краснолицые* Руссы. Крики воиновъ, блескъ оружія, ржаніе коней были столь ужасны, что, по словамъ Низами, самъ премудрый Платонъ, взглянувъ на Руссовъ, со страху бѣжалъ бы. Въ первомъ сраженіи отличаются силою и храбростію богатырь пертасскій, и молодой князь индійскій; во второмъ — всадникъ изъ Ирака, и одинъ румяный и голубоглазый руссъ, который убитъ Зеривендомъ изъ Мазандерана. Этотъ Зеривендъ поражаетъ всѣхъ безъ милосердія, такъ что самъ Кинталъ принужденъ вступить съ нимъ въ битву. Наконецъ Зеривендъ палъ, и второй бой кончился. Такимъ образомъ происходитъ семь битвъ, въ которыхъ ни та, ни другая сторона не одерживаетъ поверхности; наконецъ Александръ самъ устремляется на Руссовъ — и, послѣ кровопролитнаго боя, одерживаетъ надъ ними побѣду. «10,000 воиновъ русскихъ и пертасскихъ,

---

[58] Вѣроятно симъ именемъ Низами означаетъ народъ извѣстный у восточныхъ географовъ подъ названіемъ *Вису*, т. е. Несторову *Весь*.

храбрыхъ какъ львы, сдѣлались добычею плѣна; прочіе погибли отъ меча и стрѣлъ непріятельскихъ; только часть изъ нихъ, безоружные и безъ припасовъ, предавшись бѣгству, возвратились на Русь». Послѣ сей знаменитой побѣды, Александръ освободилъ изъ плѣна Нушабэ, и, отпустивъ въ отечество взятаго въ плѣнъ Кинтала, принялся праздновать и веселиться [59].

Какъ ни баснословна кажется сначала повѣсть Низами, изъ нея можно извлечь много историческаго. Разсмотримъ ее.

Что имѣлъ въ виду Низами, заставляя Александра-Великаго сражаться съ Руссами, и такимъ образомъ дѣлая ужаснѣйшій анахронизмъ?

Низами родился въ Генджѣ, отстоящей отъ Бердаи только около 70 верстъ, и жилъ только чрезъ 200 лѣтъ послѣ вторженія Руссовъ въ сію страну. Слѣды ихъ опустошеній были видны еще и въ его время; а преданія объ ихъ храбрости и неустрашимости и при немъ еще ходили въ народѣ, ибо преданія на Востокѣ сохраняются чрезвычайно долго. Воспѣвая подвиги Александра и заставляя его побѣждать храбрѣйшіе въ свѣтѣ народы, Низами, для увеличенія славы греческаго завоевателя, и для того чтобы сдѣлать ее, такъ сказать, осязательнѣе для своихъ единоземцевъ, не слишкомъ знакомыхъ съ этнографіею, вздумалъ доставить ему также побѣду и надъ Руссами, народомъ самымъ ужаснымъ и воинственнымъ въ глазахъ его соотечественниковъ, съ именемъ котораго у нихъ неразлучно соединялась мысль о грабежахъ, пожарахъ, разрушеніяхъ, насиліи и всѣхъ бѣдствіяхъ, сопутствовавшихъ

[59] Содержаніе Низаміевой поэмы я взялъ изъ прекраснаго сочиненія г. Шармуа: Expédition d'Alexandre le grand contre les Russes, котораго первая часть, содержащая персидскій текстъ и отличный французскій переводъ поэмы Низамія, вышла въ С.-Петербургѣ въ 1828 году, а вторая, заключающая филологическія, географическія и историческія примѣчанія, хранится еще у автора въ рукописи.

войнѣ Среднихъ Вѣковъ: *елико же ратніи творятъ*, какъ говоритъ Несторъ. Побѣда надъ такимъ народомъ казалась для Низами верхомъ славы и могущества, и онъ рѣшился соединить на одной сценѣ и Руссовъ, и сына Филиппова, во-первыхъ — потому, что онъ писалъ для народа, а на Востокѣ, какъ и вездѣ, простой народъ не слишкомъ заботится о соблюденіи вѣрности въ хронологіи: событія остаются въ его памяти, но онъ легко позабываетъ о томъ, когда онѝ случились; въ Турціи еще и теперь спрашиваютъ у Европейцевъ чтó подѣлываетъ Дели-Петрунъ (Петръ Великій), и въ какомъ состояніи обрѣтается Налъ-Кыранъ (Августъ II); во-вторыхъ — потому, что имѣлъ на это нѣкотораго рода историческое основаніе въ походѣ Александра Великаго черезъ Кавказъ въ Скиѳію[60]; ибо Низами заставляетъ Александра сражаться съ Руссами въ Кипчакѣ, а не въ Грузіи, куда вторгались они.

Изъ сего видно, что все баснословіе остается на сторонѣ Александра; Исторія-же узнаетъ только, что Руссы точно вторгались въ Бердау и разорили ее; ибо если бы этого въ самомъ дѣлѣ не было, то для чего бы Низами заставлялъ Александра сражаться съ народомъ никому неизвѣстнымъ; да и откуда бы узналъ о немъ самъ Низами? Въ XII столѣтіи уже не было Руссовъ-разбойниковъ IX и X. вѣковъ. Прочитайте только со вниманіемъ рѣчь Дювали, и увидите, что едва ли возможно найти другой народъ къ которому бы вы могли приложить сказанное имъ о Руссахъ; но изъ поэмы Низами можно извлечь и много другихъ важныхъ свѣдѣній, именно: какимъ путемъ Руссы прибыли въ Бердау. Дювали говоритъ, что не могши пробиться черезъ Дербентъ, они сѣли на суда и моремъ вторглись въ область Бердаи. Это обстоятельство, не противорѣча извѣстію Ибнъ-эль-

[60] Объ этомъ небываломъ походѣ упоминаетъ Квинтъ-Курцій въ книгѣ VII, главѣ VI.

Эсира, весьма важно; ибо показываетъ, что Руссы, испытавъ въ первомъ походѣ коварство Хазаровъ, не хотѣли уже другой разъ ѣхать Волгою, а избрали другой путь. Чтобы проникнуть симъ путемъ въ Грузію, имъ надобно было свести дружбу съ нѣкоторыми изъ горскихъ народовъ; и точно, мы видимъ изъ словъ Низами, что Руссы пришли изъ земли Алановъ, и что этотъ народъ составлялъ часть ихъ войска. Абуль-Фараджъ, какъ мы видѣли, также говоритъ, что въ Грузію вторгались Аланы, Славяне и Лазги. Всѣхъ этихъ народовъ кавказскихъ Руссы могли привлечь на свою сторону, прельстивъ ихъ надеждою добычи. Не успѣвъ пробиться черезъ Дербентъ, гдѣ, для воспрепятствованія вторженіямъ Хазаровъ и другихъ народовъ, еще издревле были сдѣланы сильныя укрѣпленія и всегда содержался болѣе или менѣе многочисленный гарнизонъ, Руссы на Дагестанскомъ Берегу сѣли на суда и Куромъ проникли до Бердаи. Говоря неопредѣлительно о прибытіи Руссовъ, объ уходѣ ихъ всѣ повѣствуютъ согласно, и Ибнъ-эль-Эсиръ, и Абуль-Феда, и Низами. О вторженіяхъ и грабежахъ Лазговъ и другихъ горскихъ народовъ Ибнъ-эль-Эсиръ не упомянулъ, вѣроятно потому, что это было явленіе весьма обыкновенное въ тѣхъ странахъ.

Вотъ сказанія восточныхъ писателей о набѣгахъ Руссовъ. Не такъ, какъ мы, смотрѣлъ на нихъ г. Эрдманнъ. Принявъ оба похода за одинъ, онъ, предполагаетъ, что всѣ извѣстія арабскихъ и персидскихъ писателей о сихъ набѣгахъ суть только парафразисъ Игорева похода противъ Константинополя; что они, слышавъ объ этомъ походѣ, воспользовались имъ и описали на свой ладъ, и что наконецъ изъ греческаго полководца Бардоса, разбившаго Руссовъ, сдѣлали городъ Бердау [61].

Но 1) если бы восточные писатели слышали о походахъ Руссовъ на Византію отъ Грековъ, и потомъ сами

[61] De Expeditione Russorum Berdaam versus. T. I, p. 72.

передѣлывали ихъ на свой образецъ, то извѣстія ихъ были бы несогласны и сбивчивы. Каждый назначалъ бы особенное мѣсто дѣйствія и придумалъ бы множество разнорѣчащихъ обстоятельствъ; мы, напротивъ, видимъ, что всѣ они, несмотря на различіе своего происхожденія, званія и мѣсторожденія, согласно говорятъ, что Руссы грабили западные берега Моря Каспійскаго, и во второй походъ разрушили Бердау, но, бывъ разбиты, въ маломъ числѣ возвратились въ отечество. 2) Лица, о коихъ упоминаютъ Масуди и Ибнъ-эль-Эсиръ, слишкомъ извѣстны на Востокѣ, чтобы объ нихъ можно было разсказывать небылицы. Ибнъ-Абу-эс-Саджъ, Али Бенъ-эль-Хайсемъ, Мохаммедъ Ибнъ-Мусаффиръ совсѣмъ не имѣютъ ничего баснословнаго, и ни чуть не похожи на миѳы, столь любимые нынѣшними историками-критиками. Наконецъ 3) о превращеніи Бардоса въ Бердау и говорить нечего.

Основываясь на томъ, что походы Руссовъ на Востокъ, особенно второй, въ 943 году, совершены были почти въ то же время какъ и набѣги единоземцевъ ихъ на Византію, можетъ быть иные подумаютъ, что они предприняты были въ одно время, и что когда одна часть Руссовъ обратилась на западный берегъ Чернаго-Моря для осады Константинополя, другая, вышедъ на восточный берегъ того же моря, черезъ Горы Кавказскія сдѣлала вторженіе въ Грузію, и разграбила Бердау. Въ опроверженіе сего предположенія, хотя доселѣ его никто еще не дѣлалъ, можно замѣтить: 1) что въ такомъ случаѣ, вѣроятно, и византійскіе лѣтописцы упомянули бы объ этомъ вторженіи; сказалъ бы объ немъ и Несторъ, переписывавшій Грековъ; 2) что если бы Руссы вторгнулись съ Чернаго-Моря, то имъ, чтобы достигнуть Бердаи, надлежало бы совершить черезъ непроходимыя горы и ненаселенныя степи походъ гораздо труднѣйшій совершеннаго имъ по Каспійскому-Морю: въ ущеліяхъ Горъ Кавказскихъ они могли быть истреблены одними дикими обитателями ихъ. Да и кого

имъ было грабить на восточномъ берегу Чернаго-Моря? Золотое руно увезли Греки, а дикіе Абхазы и Мингрельцы не были находкой для Руссовъ. 3) Притомъ всѣ восточные писатели, упоминающіе о сихъ вторженіяхъ, не говорятъ ни слова о томъ, чтобы Руссы разорили земли къ западу отъ Бердаи, а все толкуютъ о Табарестанѣ, Ширванѣ и другихъ областяхъ прибрежныхъ Морю Каспійскому. Короче сказать, всѣ такія предположенія не имѣютъ никакого основанія.

Изъ приведенныхъ извѣстій разныхъ восточныхъ писателей можно видѣть, что Руссы совершили на Востокъ два отдѣльные похода: одинъ—въ 913, другой—въ 943 году. Это мнѣніе, принятое извѣстными оріенталистами, гг. д'Охсономъ и Шармуа [62], и само по себѣ вытекающее изъ разсмотрѣнія различныхъ сказаній о сихъ походахъ, подтверждается также слѣдующимъ стихомъ Низами, изъ рѣчи Дювали:

در ان بقعه کین کهن تازه کرد

«*Возобновили въ сей странѣ древнюю вражду свою* [63].

О какой «древней враждѣ» могъ говорить Низами, какъ не о первомъ вторженіи Руссовъ и произведенныхъ ими тогда грабежахъ? Но, можетъ быть, что, основываясь на словахъ Масуди: «послѣ сего Руссы не предпринимали болѣе подобныхъ набѣговъ» — нѣкоторые подумаютъ, что извѣстіе Ибнъ-эль-Эсира также относится къ первому походу, описанному у Масуди; ибо Масуди, еще въ 345 (= 956-7) году геджры передѣлывавшій свое сочиненіе «*Золотые Луга*», не упоминаетъ о семъ нападеніи, слу-

[62] Les peuples du Caucase, p. 241 и 249. Discours sur l'utilité des langues orientales pour l'étude de l'histoire de Russie, p. 15.

[63] Expédition d'Alexandre le grand contre les Russes. T. I, p. 5 перевода и 9 текста.

чившемся въ 332 году геджры; но, согласно съ гг. Френомъ и Шармуа [64], это можно объяснить тѣмъ, что первое изданіе «Золотыхъ Луговъ» сдѣлано было прежде втораго похода Руссовъ; при второмъ-же изданіи, въ 345 году геджры, онъ не перемѣнилъ этого потому, что жилъ въ то время въ Египтѣ, въ городѣ Фустатѣ, куда или не достигло извѣстіе о второмъ вторженіи Руссовъ въ Грузію (ибо оно было уже не такъ удивительно какъ первое, почему не такъ и возбуждало любопытство сосѣдей, занятыхъ собственными дѣлами и бѣдствіями междоусобной войны); или Масуди, слышавъ, можетъ быть, объ немъ мелькомъ, позабылъ помѣстить оное при новомъ изданіи своего творенія; ибо писалъ чрезъ 13 лѣтъ послѣ втораго вторженія Руссовъ, когда ужасныя смятенія и безпорядки, происходившіе въ земляхъ мусульманскихъ, привлекали все вниманіе Масуди, и заставили его позабыть о томъ чтó случилось въ отдаленномъ краю владѣній мохаммеданскихъ.

Разсмотрѣвъ и оцѣнивъ сказанія всѣхъ доселѣ извѣстныхъ писателей, упоминающихъ о походахъ Руссовъ, кажется, можно теперь рѣшительно сказать, что въ нихъ не только нѣтъ ни басенъ, ни нелѣпостей, но что еще, напротивъ, они отличаются какою-то особенною достовѣрностію. Не знаю, найдутъ ли послѣ сего эти походы болѣе видное мѣсто въ Исторіи Русской: по крайней мѣрѣ, всякій безпристрастный изслѣдователь согласится, что извѣстія объ нихъ не есть выдумка, и что семь знаменитыхъ восточныхъ историковъ, географовъ и поэтовъ не рѣшились бы выдумать эти походы единственно для того, чтобы чрезъ 800 лѣтъ заставить европейскихъ критиковъ ломать надъ ними свои головы.

---

64 Nouv. Journ. Asiat. 1828, № XII, p. 456. Disc. sur l'utilité des langues orient. p. 10—11.

II.

Но отъ чего-же ни Греки, ни Несторъ, не говорятъ ни слова о сихъ походахъ?

Если принять, что чего нѣтъ у византійскихъ лѣтописцевъ, того не было и на свѣтѣ, то сколькими событіями надлежало бы уменьшить Исторію Среднихъ Вѣковъ? Византійцы, какъ и древніе Греки и Римляне, почитали себя центромъ всемірной дѣятельности, и потому записывали въ свои лѣтописи только то, что касалось до ихъ самихъ, и всѣ народы иноземные, о коихъ упоминаютъ сіи лѣтописи, являются въ нихъ тѣмъ въ бо́льшемъ свѣтѣ, чѣмъ болѣе имѣли они вліянія на судьбу Византіи. Это очень естественно. Кому нужда заниматься тѣмъ, что его не занимаетъ, не возбуждаетъ его любопытства? О дѣлахъ-же сосѣдей своихъ съ другими народами, и о происшествіяхъ случившихся въ землѣ ихъ, Византійцы упоминаютъ чрезвычайно рѣдко, только о самыхъ важныхъ, да и то мимоходомъ, въ двухъ словахъ. Обращая особенное вниманіе на дѣла вѣры и происшествія въ церкви, византійцы тѣмъ менѣе заботились о народахъ восточныхъ, отдѣленныхъ отъ нихъ религіею, языкомъ и нравами, и едва ли не имѣли объ Азіатцахъ понятій худшихъ, чѣмъ тѣ объ Европейцахъ. Весьма немногое число событій происшедшихъ на Востокѣ, и неимѣвшихъ связи съ судьбою Греческой Имперіи, упоминается у ея историковъ; посему, если Византійцы и слышали о нападеніи Руссовъ на прибрежныя области Каспійскаго-Моря, и произведенныхъ ими тамъ опустошеніяхъ, то слышали мелькомъ. Притомъ грабительства Норманновъ были столь обыкновенны, что имъ уже никто не удивлялся, а происшествія слишкомъ обыкновенныя, особенно если они случались въ странахъ отдаленныхъ и мало извѣстныхъ Грекамъ, не вносились въ ихъ лѣтописи. Слѣдовательно, нисколько не удивительно, что византійскіе лѣто-

писцы не упоминаютъ о грабительскихъ набѣгахъ Руссовъ на страны съ которыми они имѣли весьма мало сношеній. Въ какихъ тѣсныхъ связяхъ были Византійцы съ Хазарами, а между тѣмъ, кȧкъ говорятъ они о паденіи сего могущественнаго государства?

И такъ молчаніе писателей византійскихъ можно объяснить безъ большаго труда; но это нѣкоторымъ образомъ не нужно; ибо Греки не совсѣмъ молчатъ о томъ, что Руссы посѣщали Страны Прикаспійскія. По крайней мѣрѣ Константинъ Багрянородный, родившійся въ 905 и умершій въ 959, слѣдовательно современникъ описанныхъ походовъ, въ сочиненіи своемъ «Объ управленіи Имперіею» говоритъ: «Πρὸς ἀρκτῷον τῆς Μαιώτιδος Θαλάσσης μέρος ὁ Δάναπρις ποταμός, ἐξ οὗ οἱ Ῥῶς διέρχονται πρός τε τὴν μαυρὴν Βουλγαρίαν καὶ Χαζαρίαν καὶ Συρίαν [65]». Сими словами ученый императоръ цареградскій безъ сомнѣнія хотѣлъ означить, что въ его время Руссы ѣздили въ Булгарію, Хазарію и Сирію по Волгѣ и Дону, въ который вплывали изъ Азовскаго-Моря; но по какой причинѣ ѣздили бы Руссы въ Азовское-Море, чтобъ попасть въ Сирію, которая лежитъ при Средиземномъ? Ясно, что или тутъ должна быть ошибка, и вмѣсто Сиріи надлежитъ поставить другое имя, или за Хазаріей находилась какая нибудь другая Сирія. Извѣстный заслугами, оказанными Русской Исторіи, славный академикъ нашъ г. Френъ полагалъ, что Συρίαν есть испорченное названіе Ширвана, той области, гдѣ Руссы болѣе всего произвели опустошеній. Это предположеніе казалось тѣмъ вѣроятнѣе, что Греки, не имѣя въ своемъ алфавитѣ буквы *ш*, и будучи принуждены замѣнить ее сигмою во всѣхъ словахъ чуждыхъ ихъ языку, не могли написать Ширванъ иначе, какъ Сирванъ; но приведенныя выше слова Константина можно объяснить гораздо проще посредствомъ втораго предположенія, что кромѣ Сиріи при Средизем-

[65] De administrando Imperio, p. 113.

номъ-Морѣ, была еще другая. И точно Шаффарикъ свидѣтельствомъ множества писателей доказалъ, что юго-западные берега Каспійскаго-Моря назывались Сиріей [66]. Принявъ это мнѣніе за достовѣрное, изъ словъ Константина можно заключить, что Руссы не разъ бывали въ земляхъ омываемыхъ Моремъ Каспійскимъ, и что дорога туда была имъ знакома.

Раздѣлавшись съ Греками, обратимся теперь къ важнѣйшему пункту — молчанію Нестора о сихъ походахъ, и постараемся сколько можно объяснить оное.

Для разрѣшенія сего, надо знать источники его лѣтописи. Доселѣ извѣстными почитаются три: 1) лѣтописцы греческіе; 2) письменные договоры разныхъ временъ, дошедшіе до него на русскомъ, или переведенные имъ съ греческаго языка; 3) изустное преданіе.

I. Изъ перваго источника Несторъ не могъ заимствовать извѣстій о сихъ походахъ, потому что кромѣ Константина-Багрянороднаго, сколько извѣстно, никто изъ византійскихъ лѣтописцевъ не упоминаетъ ни объ одномъ изъ нихъ; а Константина Багрянороднаго, по всѣмъ примѣтамъ, Несторъ не читалъ; въ противномъ случаѣ заимствовалъ бы отъ него много хорошаго, чего у него нѣтъ.

II. Письменныхъ свидѣтельствъ, подобныхъ Олегову или Игореву договору, отъ походовъ Руссовъ на Востокъ не осталось; ибо изъ восточныхъ писателей видно, что такихъ договоровъ имъ некогда и не къ чему было заключать. Слѣдовательно, и изъ этого источника Несторъ не могъ ничего узнать.

III. Несторъ родился въ 1056 году, 143 года послѣ перваго, и 113 лѣтъ послѣ втораго похода. Слѣдовательно отдѣленъ былъ отъ сихъ событій значительнымъ промежуткомъ времени, въ продолженіе котораго преданіе объ оныхъ могло ослабѣть въ народѣ, тѣмъ болѣе, что въ памяти народной

---

[66] Ueber die Abkunft der Slawen, von Paul Joseff Schaffarik. Offen. 1828; и разборъ сего сочиненія въ Wiener Jahrbücher, T. XLIII, стр. 127.

остаются преимущественно событія счастливыя для отечества. Гордясь своими подвигами, дѣды стараются передать внукамъ славу дѣлъ своихъ, чтобы воспламенить ихъ храбрость, и такимъ образомъ преданіе о какой нибудь славной побѣдѣ передается однимъ поколѣніемъ другому, какъ священное достояніе народа, какъ завѣтъ сохранить и возвеличить славу предковъ. Но кто любитъ говорить о пораженіи своемъ? кто изъ Руссовъ, участвовавшихъ въ сихъ походахъ и возвратившихся на родину, сталъ бы разсказывать охотно, что его товарищамъ и единоземцамъ не удалось (слово ужасное для норманна) совершить своего предпріятія; что они были побѣждены и пали, спасаясь постыднымъ бѣгствомъ? Поэты не воспѣли подвиговъ Руссовъ на Востокѣ; не сложено было сагъ о ихъ отважныхъ походахъ; и воспоминаніе о сихъ событіяхъ, не подкрѣпляемое народною гордостію, тускнѣло, тускнѣло — и наконецъ совершенно затмилось. Такъ откуда-же и могъ заимствовать Несторъ извѣстія о сихъ походахъ? Все время княженія Игоря онъ наполнилъ только извѣстіями о войнахъ Булгаръ и Печенѣговъ съ Греками: это показываетъ, что не имѣя народныхъ преданій о правленіи сего князя, слабаго и малодушнаго, всѣ извѣстія сіи заимствовалъ онъ отъ Византійцевъ.

Можетъ быть также, что во время Несторово преданія о сихъ походахъ еще живы были въ памяти народной; но онъ не зналъ объ нихъ, потому что жилъ въ Кіевѣ, тогда какъ они сохранялись въ сѣверной или восточной части Россіи, откуда могли быть предприняты сіи набѣги. Сѣверъ и югъ Россіи были двѣ различныя страны. Положимъ даже, что инокъ печерскій и слышалъ мелькомъ о сихъ походахъ въ земли ему неизвѣстныя, но, не находя въ лѣтописцахъ греческихъ никакого подтвержденія сему извѣстію, и не зная вѣрно времени когда оно произошло, вѣроятно, почелъ его не важнымъ — и пропустилъ.

Скажутъ, что всѣ эти предположенія основаны на од-

нѣхъ вѣроятностяхъ, или даже не имѣютъ никакого основанія. Такъ; но все это могло быть, и пока нѣтъ положительныхъ доказательствъ, надо по необходимости довольствоваться вѣроятностями.

Вообще замѣчательно, что о всѣхъ походахъ Руссовъ, даже въ восточныя страны нынѣшней Европейской·Россіи, Несторъ говоритъ весьма мало. Походъ Святослава на Хазаровъ, походъ несравненно важнѣйшій его войнъ съ Греками, когда, по извѣстію Ибнъ-Хаукала, онъ опустошилъ всѣ страны по Окѣ, Дону и Волгѣ до Семендера (нынѣшняго города Тарху въ Дагестанѣ) и Горъ Кавказскихъ; когда онъ нанесъ сильное пораженіе Булгарамъ, потрясъ до основанія державу Хазаровъ, и покорилъ многіе сильные народы горскіе, походъ этотъ — можетъ быть важнѣйшее событіе въ древнѣйшей Русской Исторіи—Несторъ описываетъ въ пяти строкахъ.

Но и самый походъ Святославовъ служитъ важнымъ доказательствомъ предыдущимъ походамъ Руссовъ на Востокъ. Что побудило Святослава идти войною на Хазаровъ? Несторъ молчитъ. По моему мнѣнію, причиною похода его, въ продолженіе котораго онъ совершалъ ужаснѣйшія опустошенія, была — жажда мщенія. Извѣстно, сколь сильно владычествовало право кровной мести у Славянъ и у Норманновъ. Безъ всякаго повода, огнемъ и мечемъ опустошали Норманны цѣлыя страны; здѣсь-же кровь единоплеменниковъ, погибшихъ отъ вѣроломства Хазаровъ, требовала мести. Слабый Игорь не рѣшался напасть на могущественныхъ враговъ; но воинственный Святославъ почелъ первою обязанностію отмстить Хазарамъ за гибель единоземцевъ—и отмстилъ ужасно. Это предположеніе подтверждается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что Святославъ громилъ не однихъ Хазаровъ, но также Булгаровъ и Буртасовъ — два народа участвовавшіе въ истребленіи малаго отряда Руссовъ, спасшихся въ землю ихъ отъ меча Хазаровъ.

Вотъ предположенія, коими я объясняю молчаніе Нестора. Когда разрѣдѣетъ мракъ покрывающій древнюю Русь и ея историка, можетъ быть, бо́льшая часть ихъ окажется ложными, и откроется, что совершенно другія причины произвели описанныя нами событія; по крайней мѣрѣ теперь удовольствуемся и этимъ.

Остается только рѣшить: какіе Руссы предпринимали сіи походы — кіевскіе ли, подъ предводительствомъ Игоря, или новгородскіе и ростовскіе, какъ полагаетъ г. Полевой [67], предводительствуемые какими нибудь удальцами, подобными Оскольду и Диру? — Объ этомъ нельзя сказать ничего вѣрнаго, и разрѣшеніе сего вопроса мы оставляемъ на будущее время. Цѣль наша была — доказать, что Руссы, какіе бы то ни были, точно совершили два грабительскіе набѣга на берега Каспійскаго-Моря; и если наше изслѣдованіе не увѣритъ любителей сомнѣнія въ дѣйствительности упомянутыхъ набѣговъ, то, по крайней мѣрѣ, заставитъ ихъ обратить больше вниманія на этотъ предметъ, и разсмотрѣть его строже, что́ безъ сомнѣнія поведетъ ко многимъ другимъ важнымъ открытіямъ. Въ-заключеніе представимъ важнѣйшіе результаты нашихъ разысканій:

1) Руссы совершили на Востокъ два отдѣльные похода: одинъ въ 913, другой въ 943 году.

2) Въ первый походъ они вторглись въ Море Каспійское по теченію Дона и Волги; во второй — съ береговъ Дагестана, до котораго достигли сухимъ путемъ.

3) Всѣ обстоятельства перваго и втораго походовъ, описанныя Масуди и Ибнъ-эль-Эсиромъ, естественны и вѣроподобны.

---

[67] Истор. Русск. Народа. Т. I, стр. 138.

4) Поэма Низами, несмотря на множество вымысловъ, заключаетъ въ себѣ много историческаго.

5) Греки не упоминаютъ о сихъ походахъ, потому что обращали мало вниманія на дѣла своихъ сосѣдей, когда они не касались ихъ самихъ.

6) Несторъ молчитъ о нихъ, потому что не могъ узнать о томъ ни изъ византійскихъ лѣтописцевъ и другихъ письменныхъ источниковъ, ни изъ преданія народнаго.

ОБЗОРЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРІИ ХАЗАРОВЪ *.

Хазары, по соображенію всѣхъ оставшихся объ нихъ извѣстій, обитали издревле между берегами Чернаго и Каспійскаго моря, и, вѣроятно, принадлежали къ какимъ-нибудь изъ многочисленныхъ племенъ разсѣянныхъ на обширномъ пространствѣ земель отъ Инда до береговъ Дуная, и извѣстныхъ Древнимъ подъ именемъ Скиѳовъ. Они могли существовать въ древности подъ другими именами, подъ коими, можетъ быть, знали ихъ и Греки; но какъ на это не находится никакихъ ясныхъ доказательствъ, и разысканія о семъ предметѣ, по отдаленности времени и недостатку положительныхъ свѣдѣній, были бы невозможны и произвели бы только множество безполезныхъ предположеній, то мы и начнемъ исторію Хазаровъ съ того времени, какъ они появляются въ лѣтописяхъ подъ симъ именемъ.

Самое древнѣйшее извѣстіе о Хазарахъ находится въ лѣтописяхъ грузинскихъ. Въ Хроникѣ Вахтанга упоминается, что въ 2302 году отъ сотворенія міра, вторгнувшись въ тѣснины Дербента и Даріеля, они опустошили Грузію и Арменію, на жителей ихъ наложили дань, и на возвратномъ пути увлекли съ собою все народонаселеніе цѣлыхъ областей [1]. Въ другой разъ имя Хазаровъ встрѣчается, за 450 лѣтъ до Р. Х., въ *Шахъ-Намэ* Фирдоуси [2]. Тутъ по-

* Статья эта напечатана впервые въ журналѣ «Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ» за 1835 годъ, томъ XLVIII, стр. 566—595. *Изд.*

[1] Klaproth, Voyage au Caucase, T. II, p. 437.

[2] Фирдоуси родился въ Тусѣ, въ 916 г. по Р. Х., и умеръ тамъ же 104-хъ

вѣствуется, что Гуштаспъ, сынъ персидскаго государя Логораспа, будучи оклеветанъ передъ отцемъ своимъ, удалился ко двору владѣтеля Рума (Малой Азіи). Во время его пребыванія у сего кайсара [3], на предѣлахъ Рума появилось войско хазарское, подъ предводительствомъ государя своего, Эльяса сына Мигрясова. Владѣтель малоазійскій, по совѣту гостившаго у него царевича персидскаго, рѣшился сразиться съ врагами. Войска сошлись, и, въ происшедшемъ между ими сраженіи, Гуштаспъ плѣнилъ Эльяса и разбилъ его войско [4].

Оба эти извѣстія весьма недостовѣрны; по крайней мѣрѣ они показываютъ позднѣйшее могущество Хазаровъ. Вторженіе ихъ, описанное Вахтангомъ, слишкомъ отдаленно и слишкомъ важно, чтобы Моисей Хоренскій не упомянулъ объ немъ въ своей Исторіи, и если оно не есть просто сказка, а имѣетъ историческое основаніе, то, по моему мнѣнію, на него можно смотрѣть такимъ образомъ: въ древней лѣтописи, гдѣ упоминалось о семъ вторженіи, вѣроятно сказано было только, что въ 2302 году отъ сотворенія міра, приходилъ изъ-за Горъ Кавказскихъ какой-то народъ, который опустошилъ Грузію; позднѣйшіе-же переписчики лѣтописи, жившіе уже во времена могущества Хазаровъ, не находя въ оной имени народа произведшаго вторженіе, и зная, что за Горами Кавказскими живутъ сильные Хазары, часто вторгающіеся въ ихъ земли, подумали, что они же сдѣлали и то нападеніе, о коемъ говорится въ лѣто-

---

лѣтъ отъ роду. По порученію султана Махмуда онъ написалъ *Шахъ-Намэ* „Книгу Царей“, которая содержитъ 60,000 стиховъ, и которую онъ сочинялъ 30 лѣтъ. Поэма эта нынѣ вполнѣ напечатана въ Калькуттѣ г. Мэкэномъ.

[3] Этотъ титулъ магометанскіе писатели даютъ всѣмъ владѣтелямъ малоазійскимъ, не различая времени ихъ жизни.

[4] D'Ohsson, Les peuples du Caucase, p. 190. Я не могъ достать Шахъ-Намэ и повѣрить это извѣстіе самъ; д'Охсонъ говоритъ, что оно заключается въ отдѣленіи сей поэмы, имѣющемъ такое заглавіе: *Феристадени кейсери Гуштаспъ бе джени Эльясъ*, т. е. «Какъ кесарь отправилъ Гуштаспа на войну противъ Эльяса».

писи, и въ слѣдствіе сего назвали Хазарами тотъ народъ, имени коего вовсе въ ней и не упоминалось. Примѣры подобныхъ вставокъ, встрѣчаемые не рѣдко и въ лѣтописяхъ другихъ народовъ, находятся также и въ нашей отечественной исторіи [5]. Народъ, коему приписывается это вторженіе, могъ быть совершенно другой, нежели Хазары; если же это были они, то сіе событіе должно было произойти гораздо позже, во времена не столь отдаленныя. Можетъ быть также, что это вторженіе, описанное у Вахтанга, есть тотъ самый набѣгъ Алановъ о коемъ упоминаетъ Моисей Хоренскій, описывая царствованіе Артаса, или нападеніе Хазаровъ случившееся въ правленіе Валарсака, о коемъ мы немедленно будемъ говорить [6]. Извѣстіе Фирдоуси, если оно не есть вымыселъ воображенія, вѣроятно имѣетъ тотъ же источникъ, какъ и Вахтангово, ибо онъ жилъ въ такое время когда имя Хазаровъ еще гремѣло въ Азіи. Желая прославить храбрость Гуштаспа, поэтъ могъ, для достиженія цѣли своей, доставить ему побѣду надъ народомъ, уважаемымъ его современниками [7].

[5] Такъ и въ нашихъ лѣтописяхъ подъ 1223 годомъ сказано только, что приходилъ на Русь врагъ ужасный изъ земли Половцевъ; а что народъ этотъ были Монголы, покорившіе чрезъ 20 лѣтъ послѣ сего Россію, мы заключаемъ уже изъ соображенія обстоятельствъ упоминаемыхъ лѣтописью съ извѣстіями историковъ персидскихъ и арабскихъ. Такъ могли поступить и переписчики лѣтописей грузинскихъ.

[6] Самое сомнительное для меня изъ всего, что находится въ семъ извѣстіи, есть то, что его приводитъ г. Клапротъ, такой оріенталистъ, котораго знаніе грузинскаго языка болѣе нежели подвержено сомнѣнію. Не случилось ли здѣсь съ нимъ того же, что съ Гаммеромъ, который, переводя Мотенебби, принялъ за Хазаровъ *особенной родъ глазной болѣзни у лошадей*. См. Lettre de Tutundju-oglou Moustafa-aga, à M. Th. Bulgarin. St.-P. 1828, p. 42. Желающіе удостовѣриться въ глубокомъ невѣдѣніи грузинскаго языка г. Клапротомъ, могутъ прочитать критику Броссе на грузинскій словарь изданный этимъ всеобъемлющимъ геніемъ лингвистики.

[7] Поэты Востока не очень заботятся о соблюденіи хронологіи въ своихъ произведеніяхъ. Ниьами вздумалось заставить Александра-Великаго воевать съ Русскими чрезъ 1300 лѣтъ по смерти его; отъ чего же и Фирдоуси, чтобы Гуштаспъ побѣдилъ Хазаровъ, не могъ придать имъ нѣсколько столѣтій древности.

Первыя достовѣрныя извѣстія о Хазарахъ находятся въ лѣтописяхъ армянскихъ. Моисей Хоренскій говоритъ, что въ послѣднее время царствованія Валарсака, сѣверные Хазирскіе и Базилійскіе народы ворвались въ ворота Зурскія [8], подъ предводительствомъ царя своего Венасепа Сургака, и проникли даже за рѣку Куръ; здѣсь встрѣчены они были многочисленнымъ войскомъ, подъ начальствомъ Валарсака, который разбилъ ихъ и гналъ обратно до помянутыхъ воротъ; но здѣсь Хазары, соединившись, снова вступили въ битву, и убили Валарсака въ 198 г. по Р. Х. Сынъ и наслѣдникъ сего государя, Хозрой, рѣшившись отмстить за смерть отца, вторгнулся въ земли сихъ народовъ, побѣдилъ ихъ, и взявъ въ заложники по одному человѣку со ста, возвратился въ Арменію [9].

Это пораженіе, вѣроятно, сильно ослабило Хазаровъ и заставило ихъ на нѣсколько времени прекратить свои набѣги, ибо въ продолженіе ста лѣтъ послѣ сего лѣтописи армянскія не говорятъ ничего о семъ народѣ; но когда силы его возстановились—пораженіе было забыто, и въ тѣхъ же лѣтописяхъ опять упоминается, что въ 310 году по Р. Х., въ царствованіе Тиридата, Хазары снова вторглись въ Арменію, но были разбиты симъ государемъ, который преслѣдовалъ ихъ до владѣній Гунновъ, и также, какъ и Хозрой, взялъ съ нихъ заложниковъ [10].

Но всѣ усилія государей армянскихъ прекратить набѣги сего народа на подвластныя имъ земли, были безполезны. Хазары, воспламеняемые жаждою и надеждою богатой добычи въ странахъ щедро надѣленныхъ всѣми дарами природы, въ продолженіе восьми вѣковъ постоянно стремились на югъ. Окруженные съ запада, сѣвера и востока глубо-

---

[8] Это были однѣ изъ воротъ каспійскихъ, которыя у магометанскихъ писателей извѣстны подъ именемъ *Бабу-Суль*. См. Прокопія, De bello Gothico, IV, 3, стр. 570, и Эдриси въ Magasin Asiatique, T. I, № 2, p. 260.

[9] Historia Armeniaca. Londoni, 1736, p. 183.

[10] Армянская Исторія, Спб. 1809, ч. I, стр. 526.

кими рѣками, топкими болотами, непроходимыми лѣсами и голыми степями, обитатели коихъ, живя охотою или скотоводствомъ, дикостію и грубостію своею не уступали окружающей ихъ природѣ, куда могли устремить Хазары возраставшія силы свои, какъ не на югъ Горъ Кавказскихъ, куда манила ихъ и роскошь климата, и изобиліе произведеній природы, и удобства образованности. Это стремленіе есть постоянный характеръ исторіи Хазаровъ. Пользуясь распрями и войнами опустошавшими Арменію, они принимали то сторону Персовъ, стремившихся овладѣть симъ государствомъ, то дрались противъ нихъ, будучи союзниками Армянъ и Грековъ Такимъ образомъ раздоры народовъ, жившихъ на югѣ, еще болѣе способствовали желанію Хазаровъ утвердиться за Кавказомъ. Въ царствованіе Хозроя младшаго, по словамъ Моисея Хоренскаго, жившіе за Кавказомъ сѣверные народы, въ числѣ 30,000, вторглись въ Арменію и разбили выступившее противъ нихъ войско; но новыя, двинувшіяся съ запада и востока войскà обратили ихъ въ бѣгство. Далѣе тотъ же самый писатель повѣствуетъ, что Сапоръ, государь персидскій, соединясь съ Тиграномъ, царствовавшимъ въ Арменіи, защитилъ его отъ набѣговъ сѣверныхъ народовъ, которые, пройдя чрезъ ворота Зурскія, стояли четыре года въ предѣлахъ Албаніи[11]; арабскій же историкъ Табари [12] говоритъ, что Хазары находились въ числѣ войскъ римскаго императора Юліана (Отступника), воевавшаго съ Сапоромъ [13].

---

[11] Ibid. ч. II, стр. 15 и 22.

[12] Абу-Джаафаръ Мохаммедъ этъ-Табари, умершій въ 310 (922-3) году геджры, есть одинъ изъ древнѣйшихъ, славнѣйшихъ и плодовитѣйшихъ историковъ магометанскихъ. Покойный канцлеръ графъ Румянцовъ поручилъ бывшему іенскому, а нынѣ грейфсвальдскому профессору Козегартену изданіе огромнаго творенія Табари, извѣстнаго подъ именемъ *Тарихъ-улъ-Мулукъ*, «лѣтописи Государей», и одинъ томъ этой лѣтописи (начинающейся отъ сотворенія міра и продолжающейся до 309 г. геджры) уже вышелъ въ свѣтъ въ 1833 году.

[13] D'Ohsson, Les peuples du Caucase, p. 47.

Послѣ сего, въ продолженіе слишкомъ ста лѣтъ, лѣтописи армянскія молчатъ о семъ народѣ, но эта тишина на югѣ была слѣдствіемъ грозной бури, разразившейся на сѣверъ отъ Моря Каспійскаго. Въ IV столѣтіи нахлынули изъ-за Волги ужасные Гунны, и въ бурномъ стремленіи своемъ поглотили и Хазаръ, обитавшихъ тогда между Чернымъ и Каспійскимъ морями. Хазары вступили сначала въ союзъ съ Гуннами, но потомъ, отдѣлившись отъ нихъ, были покорены Аттилою [14]. Событіе сіе, случившееся въ 448 году по Р. Х., Прискъ описываетъ такимъ образомъ: «Акациры (Хазары)», говоритъ онъ, «состояли въ это время изъ многихъ племенъ и управлялись множествомъ малыхъ владѣтелей. Утвердивъ между ими согласіе, императоръ Өеодосій, посредствомъ даровъ, отвратилъ ихъ отъ союза съ Аттилою и склонилъ жить въ мирѣ и союзѣ съ Римлянами; но тотъ, кто привезъ сіи дары, раздавалъ ихъ князьямъ не по степени ихъ и достоинству. Отъ сего Куридахъ, старѣйшій изъ нихъ, будучи недоволенъ доставшимися на его долю дарами, и почитая себя обиженнымъ и обманутымъ, призвалъ Аттилу разсудить его съ другими князьями (correges). Сей, ни мало не медля, съ многочисленнымъ войскомъ вторгся въ землю Хазаровъ, и однихъ изъ владѣтелей перебилъ, другихъ принудилъ покориться. Одинъ только Куридахъ успѣлъ сохранить свой удѣлъ неприкосновеннымъ; вся-же остальная земля Хазаровъ признала власть Аттилы, который для управленія новопокоренною страною назначилъ старшаго сына своего Эллака» [15].

Смерть Аттилы возвратила Хазарамъ свободу, но скоро они снова лишились ея, ибо въ 462 году были покорены Сарагурами, Урогами и Оногурами, которые сами, будучи вытѣснены изъ занимаемыхъ ими земель, стали искать себѣ новыхъ жилищъ, устремились на Хазаровъ, и послѣ

---

[14] Jornandes, De rebus Gethicis, cap. V.
[15] Strittcr, Memoriae populorum, t. I, p. 489.

многихъ битвъ покорили сей народъ [16]. Потомъ побѣдители, соединясь съ побѣжденными Хазарами, отправились вмѣстѣ войною на Персовъ, двинулись къ Воротамъ Каспійскимъ, но встрѣтивъ тамъ персидскій гарнизонъ, избрали другую дорогу, которою проникнувъ въ Грузію, опустошили сію страну, и простерли набѣги свои даже на земли армянскія [17].

Освободившись отъ ига Гунновъ, Хазары съ востока граничили съ кочевыми племенами народовъ турецкихъ, коихъ они, можетъ быть, признавали себя данниками [18], съ сѣвера съ финскими племенами Угровъ, увлеченныхъ Гуннами изъ древнихъ жилищъ своихъ, съ запада съ Булгарами, а съ юга съ народами кавказскими. Съ VI столѣтія могущество Хазаровъ начало быстро увеличиваться, и къ этому времени владѣнія ихъ на югѣ простирались уже до рѣки Аракса. Для воспрепятствованія симъ завоевателямъ, вторгавшимся уже въ Малую-Азію [19], еще далѣе простирать свои набѣги, Кобадъ сынъ Фирузовъ, персидскій государь династіи Сассанидовъ, послалъ противъ нихъ 12,000 войска, которое и овладѣло странами находящимися между Куромъ и Араксомъ. Завоевавъ также и Ширванъ, Кобадъ, на сѣверныхъ границахъ сей области построилъ огромный валъ съ 300 башенъ [20]; а сынъ его, Нуширванъ-Справедливый, построеніемъ крѣпости Дербендъ, совершенно

---

16 Ibid. p. 570.

17 Ibid. p. 572.

18 См. въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1834, мѣсяцъ августъ, статью: О образѣ правленія у Хазаровъ.

19 S. Martin, Mémoires sur l'Armenie, t. II, p. 330.

20 Memor. popul. t. I, p. 106; D'Ohsson, Les peuples du Caucase, p. 48; Fraehn, De Chazaris, p. 43. Описаніе этой стѣны можно видѣть у Байера: De muro Caucaseo, въ Commentarii Acad. Scient. Petrop. 1728, t. I, и у д'Охсона: Les peuples du Caucase, p. 160—164. Въ одной рукописи, переведенной съ арабскаго, которою пользовался Карамзинъ, сказано, что Нуширванъ былъ женатъ на дочери хазарскаго хакана, съ дозволенія котораго Кобадъ и построилъ стѣну Дербентскую. См. Истор. Гос. Росс. т. III, прим. 292.

лишилъ сѣверные народы возможности вторгаться симъ путемъ съ его владѣнія: однакоже, въ царствованіе сына его Гормузда, когда Персія съ одной стороны опустошаема была Турками, а съ другой Византійцами, Хазары, пользуясь благопріятными обстоятельствами, прорвавшись черезъ Дербентъ, вторгнулись въ Персію, и предали все огню и мечу [21].

Вторженіе это произошло въ 626 году, и здѣсь въ первый разъ имя Хазаровъ упоминается византійскими историками, которые, описывая это событіе, говорятъ, что императоръ Гераклій, вознамѣрившись вести съ Персами войну, почелъ за нужное вступить въ союзъ съ Хазарами, для чего и отправилъ къ нимъ пословъ и дары. Хазары обѣщали ему помогать, и подъ предводительствомъ вождя своего Зибела или Зигебиля, который по достоинству своему былъ вторымъ по хаганѣ (такъ называется государь хазарскій), прорвавшись сквозь Ворота Каспійскія, вторгнулись во владѣнія Персовъ, и опустошая всѣ встрѣчавшіеся имъ на пути города и села, проникли до Адербайджана. Между тѣмъ Гераклій шелъ соединиться съ новыми союзниками своими, и предводитель Хазаровъ, услышавъ о приближеніи его, поспѣшилъ къ нему на встрѣчу, и, увидѣвъ Императора, по обычаю Хазаровъ, повергся предъ нимъ ницъ со всѣми спутниками своими. Гераклій обнялъ Зибела, назвалъ его сыномъ своимъ и возложилъ на него собственную свою корону. Потомъ позвавъ его на пиръ, подарилъ ему дорогіе сосуды, царскую одежду и серьги, украшенныя драгоцѣнными камнями; прочихъ-же, находившихся съ Зибеломъ, начальниковъ хазарскихъ также одарилъ серьгами. Желая еще болѣе утвердить союзъ съ симъ народомъ, Гераклій показалъ Зибелу портретъ дочери своей Евдокіи, и обѣщалъ женить его на ней, если онъ поможетъ ему противъ непріятелей. Оставивъ императору сына своего и 40,000 отборнаго войска, Зибелъ съ осталь-

---

[21] D'Ohsson, Les peuples du Caucase, p. 49.

лыми возвратился въ свою землю, а Геракдій, съ присоединившимися къ нему Хазарами, отправился противъ Персовъ, одержалъ многія побѣды, и взялъ много городовъ. Съ приближеніемъ зимы Хазары удалились въ свои жилища [22].

Но между тѣмъ, какъ они торжествовали побѣду свою надъ ослабѣвшими уже государями сассанидскими, новый врагъ готовился имъ въ отдаленной части юго-западной Азіи. Въ Аравіи совершился въ это время великій переворотъ, слѣдствія коего не замедлили обнаружиться и для отдаленныхъ обитателей странъ приволжскихъ. Воспламененные фанатизмомъ, Аравитяне готовы были, во славу своего пророка, завоевать цѣлый міръ; оружіе ихъ гремѣло повсюду, и въ халифатство Омара, наложивъ дань на Адербайджанъ и Арменію, они проникли даже въ Ширванъ. Хабибъ Ибнъ-Муслимэ, полководецъ Османа, преемника Омарова, на берегахъ Эвфрата, разбилъ соединенныя войска Алановъ, Абхазовъ и Хазаровъ, находившіяся подъ предводительствомъ патриція Арминакуса, и, продолжая свои дѣйствія вдоль по рѣкѣ Араксу, овладѣлъ Тифлисомъ и многими другими городами, и на жителей ихъ наложилъ подать [23]. Въ сіе же самое время другой полководецъ Османовъ, Сулейманъ Ибнъ-Рабіатъ эль-Багели, завоевалъ Арранъ, взялъ Бейлеканъ и Бердау, перешелъ черезъ Куръ и, направляя путь свой къ сѣверу, дошелъ до Дербента и наложилъ дань на жителей сего города; но здѣсь счастіе оставило его. Перейдя черезъ Дербентъ, онъ встрѣтилъ при Беленджерѣ войско хазарское, подъ предводительствомъ своего хагана, и вступивъ съ нимъ въ бой палъ съ 4000 Мусульманъ. Сіе пораженіе Аравитянъ произошло въ 31 году геджры (651-2 по Р. Х.) [24].

---

[22] Никифоръ, Ѳеофанъ, Анастасій, Кедринъ; см. Memor. popul. t. III, p. 549—552; Elmacini, Hist. Saracenica. 1625. p. 13.

[23] D'Ohsson, Les peuples du Caucase, p. 47—54.

[24] Ibid. p. 55; De Chasaris, p. 37.

Разбитіе Сулеймана снова возвратило Хазарамъ часть земель завоеванныхъ Аравитянами, и въ армянскихъ лѣтописяхъ упоминается, что въ 683 году, Хазары, вторгнувшись въ Арменію, убили въ сраженіи правившаго оною, отъ имени халифовъ, армянина Григорія [25]. Занятые внутренними междоусобіями, Аравитяне не обращали вниманія на Хазаровъ, но лишь только водворилось у нихъ спокойствіе какъ оружіе ихъ тотчасъ же было направлено противъ сихъ смѣлыхъ завоевателей. Начались битвы кровопролитныя, ибо сколь рѣшительно стремились Аравитяне къ владычеству по ту сторону Кавказа, столь же постоянно старались и Хазары удерживать оное за собою; слѣдствіемъ сего были безпрерывныя войны, опустошавшія Грузію и Арменію въ продолженіе 80 лѣтъ. Побѣда часто увѣнчивала какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Въ 714 году, Муслиме, братъ халифа Валида, управлявшій Арменіею и Адербайджаномъ, опять овладѣлъ Дербентомъ, а въ 717-мъ году, двадцатитысячное хазарское войско вторгнулось въ Ширванъ и Адербайджанъ, но было разбито Мусульманами, которые, въ 722 году, сами проникли въ Землю Хазарскую, но, въ свою очередь, также претерпѣли жестокое пораженіе. Въ семъ же году сдѣланный правителемъ Арменіи, Абу-Обейда Джаррахъ, горя желаніемъ отмстить за пораженіе своихъ единовѣрцевъ, вторгнулся въ собственныя земли Хазаровъ, и недалеко отъ Дербента одержалъ надъ ними рѣшительную побѣду. Преслѣдуя непріятелей въ глубь страны, Джаррахъ взялъ многіе города хазарскіе, и съ богатою добычею возвратился назадъ [26]. На слѣдующій годъ онъ предпринималъ также весьма удачный походъ въ Хазарію, но въ 726 году, Хазары вторгнулись опять въ Адербайджанъ, подъ предводительствомъ сына хакана своего, и, по словамъ магометанскихъ историковъ, были разбиты и обра-

---

[25] S. Martin, Mémoires sur l'Armenie, t. II, p. 338.
[26] Les peuples du Caucase p. 54—57.

щены въ бѣгство Харисомъ, намѣстникомъ Муслиме, бывшаго правителемъ Адербайджана и Арменіи [27]. По извѣстію-же византійскихъ писателей, Ѳеофана и Анастасія, они одержали побѣду и разбили сего военачальника арабскаго [28]. Въ 728 году, самъ Муслиме, съ многочисленнымъ войскомъ, вступилъ во владѣнія Хазаровъ [29], взялъ многіе города и разбилъ вышедшаго противъ него хакана хазарскаго. Въ слѣдующемъ году Джаррахъ, сдѣланный снова правителемъ Адербайджана, также ходилъ въ Землю Хазарскую, но возвратился безъ большаго успѣха. Съ 730 года дѣйствія сдѣлались рѣшительнѣе. Собственный сынъ хакановъ, предводительствуя многочисленнымъ войскомъ Хазаровъ, прошедъ чрезъ Дербентъ, вторгнулся въ Адербайджанъ, и побилъ на голову спѣшившее противъ него довольно сильное войско Мусульманъ. Начальствовавшій онымъ Джаррахъ былъ убитъ, и все семейство его впало въ руки побѣдителей. Не находя нигдѣ сопротивленія, Хазары опустошили Адербайджанъ, взяли Ардебиль и разъѣзды ихъ появились уже въ окрестностяхъ Мосула. Устрашенный быстрыми успѣхами непріятелей, халифъ Гешамъ отправилъ противъ нихъ Саида Ибнъ-Амру эль-Хареши съ 30,000 войска. Сей полководецъ, разбивъ Хазаровъ въ четырехъ сраженіяхъ сряду, отнялъ награбленныя ими богатства, и заставилъ ихъ отступить. Муслиме, братъ Гешама, принявшій послѣ его начачальство надъ войскомъ, преслѣдовалъ удалявшихся враговъ до Дербента, и овладѣвъ симъ городомъ, поселилъ въ немъ колонію изъ 14.000 Сирійцевъ, и такимъ образомъ на нѣкоторое время лишилъ Хазаровъ

---

[27] Ibid. p. 58.

[28] Hoc anno (728) filius Chagani Chazariae principis, Modiam et Armeniam infestis armis vexavit, et Carachum, Arabum ducem, in Armenia obvium factum, uno cum adjuncto exercitu delevit: tum vero Armeniorum et Medorum provincias depopulatus, magno sui nominis terrore Arabibus relicto, domum rediit (Mem. pop. t. III, p. 564).

[29] Ibid.

возможности вторгаться чрезъ сію крѣпость во владѣнія Мусульманъ [30].

Въ 732 году, Мусліме снова предпринялъ походъ въ Землю Хазарскую, но бывъ принужденъ оставить непріятелямъ весь багажъ свой, едва, на легкѣ, могъ достигнуть до Дербента. Неудача сего предпріятія возбудила противъ него неудовольствіе при дворѣ, и Мерванъ, дядя Гешамовъ, сдѣланный на мѣстѣ его правителемъ Месопотаміи, Арменіи и Адербайджана, со 120,000 войскомъ отправился для наказанія Хазаровъ. Нѣсколько разъ вторгался онъ въ ихъ владѣнія, и въ 737 году нанесши имъ рѣшительное пораженіе, заставилъ хакана просить мира, и торжественно принять магометанскую религію. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ сего, онъ безпрестанно воевалъ съ разными горскими народами, доколѣ въ 742 г., по смерти Валида, сына Езидова, вступилъ на престолъ халифовъ [31].

Съ паденіемъ династіи Омайядовъ, когда воинственный духъ Аравитянъ уже охладѣлъ, войны съ Хазарами сдѣлались гораздо рѣже. Изъ вторженій ихъ во времена Аббасидовъ извѣстны наиболѣе два: одно въ 764 году, когда они взяли Тифлисъ и опустошили Арменію, и другое въ 799 году, когда подъ предводительствомъ самого хагана, въ числѣ ста тысячъ, они ворвались въ Арменію, совершили тамъ неслыханныя жестокости и увели множество плѣнниковъ; но наконецъ полководецъ Езидъ, посланный Гарунъ-эр-Рашидомъ, успѣлъ изгнать ихъ изъ земель магометанскихъ [32]. Такъ кончилась эта кровопролитная, долговременная борьба двухъ воинственныхъ народовъ Ев-

---

[30] D'Ohsson, Les peuples du Caucase, p. 58—63; Klaproth, Tableau du Caucase, p. 13. Къ сѣверу отъ Дербента еще и донынѣ существуетъ небольшое поколѣніе Аравитянъ, состоящее изъ 800 семействъ, которые, какъ говорятъ, происходятъ отъ поселенцевъ посланныхъ сюда халифами въ половинѣ VIII столѣтія. Caspari, Neue Erdebeschreibung, t. XII, p. 516.

[31] Les peuples du Caucase, p. 63—69; Истор. Гос. Росс. Карамзина, т. III, прим. 248.

[32] Les peuples du Caucase, p. 70.

ропы и Азіи; Аравитяне остались спокойными обладателями странъ закавказскихъ; ибо съ сего времени въ лѣтописяхъ мусульманскихъ не упоминается уже болѣе о войнахъ между Аравитянами и Хазарами.

Такимъ образомъ, будучи удерживаемы на югѣ Горъ Кавказскихъ сопротивленіемъ Аравитянъ, Хазары обратили оружіе на своихъ сосѣдей съ запада и сѣвера. Въ царствованіе греческаго императора Константина II (642-668), они покорили Болгаръ Черноморскихъ и наложили на нихъ дань [33]; двинули далѣе къ западу финскія племена Угровъ, и распространили завоеванія свои по ту сторону Моря Каспійскаго. Война Юстиніана Ринотмета съ Херсонесцами доставила имъ случай овладѣть частію Тавриды [34] и, вѣроятно въ это же время, простирая оружіе свое на сѣверъ, Хазары сдѣлали данниками своими славянскія поколѣнія Полянъ, Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей [35]. Вообще VIII столѣтіе было самымъ цвѣтущимъ періодомъ державы Хазаровъ. Они владѣли отъ Моря Каспійскаго до береговъ Днѣстра и отъ Чернаго-Моря до береговъ Оки и Камы. Императоры византійскіе, страшась за свои владѣнія въ Херсонесѣ, всѣми мѣрами старались войти въ тѣснѣйшую связь съ Хазарами. «Цари греческіе», говоритъ Карамзинъ, «искали убѣжища въ ихъ станахъ, дружбы и родства съ хаганами [36]; въ знакъ своего къ

---

[33] Cum quinque Crobati, Bulgarorum principis, filii, post patris obitum, principatum inter se divisissent, et quatuor eorum, novas quaesituri sedes, emigrassent, uno Batbaia in avito solo remanente, numerosa Chazarorum gens, ex interiore Berzeliae, quae est primae Sarmatiae, recessu prorupit; omnibusque usque ad mare Ponticum trans flumen positis provinciis, sub ditionem suam redactis, a Batbaia, primae Bulgariae principe (is erat fratrum primus) vectigali sibi reddito, tributum ab eo in huc usque diem exigit. Θеоѳанъ, Анастасій, Никиѳоръ. См. Mem. popul. III, 553 и II, 505.

[34] Memor. popul. III, 557—563.

[35] Несторъ по кенигсбергскому списку, стр. 15; Карамзинъ, Ист. Гос. Росс. т. I, стр. 47.

[36] Юстиніанъ Ринотметъ, въ 702 году, женился на дочери хагана хазарскаго, именемъ Θеоѳаніи; а въ 732 году, Константинъ Копронимъ вступилъ

нимъ почтенія [37] украшались въ нѣкоторые торжественные дни одеждою хазарскою [38] и стражу свою составляли изъ сихъ храбрыхъ Азіятцевъ [39]. Имперія въ самомъ дѣлѣ могла хвалиться ихъ дружбою; они не только оставляли въ покоѣ Константинополь, но еще и служили слабымъ государямъ его союзниками противъ Булгаровъ, опустошавшихъ Имперію» [40].

Въ концѣ сего столѣтія, въ царствованіе Гарунъ-эр-Рашида (786—809), Евреи, притѣсняемые въ Греціи, удалились къ Хазарамъ, и, видя простоту этого народа, предложили ему свою вѣру, а Хазары, находя ее лучшею собственной, приняли охотно [41]; Магометанская-же религія, принятая въ 737 г. насильно и въ слѣдствіе необходимости, не могла сдѣлать успѣховъ между Хазарами, и кажется, что Исламизмъ ихъ исчезъ вмѣстѣ съ удаленіемъ Аравитянъ; по крайней мѣрѣ Ибнъ-эль-Эсиръ говоритъ, что Хазары приняли Магометанскую вѣру въ 254 г. геджры = 868 по Р. Х., слѣдовательно черезъ сто лѣтъ послѣ по-

---

въ бракъ съ дочерью государя хазарскаго, славною въ лѣтописяхъ византійскихъ, Ириною. См. Mem. popul. III, 556 и 565; Greg. Abulfaradji Chronicon Syriacum, p. 120.

[37] Хаганъ хазарскій почитался могущественнѣйшимъ изъ государей съ которыми былъ въ сношеніяхъ Дворъ Византійскій; посылаемыя къ нему грамматы надписывались: «Славнѣйшему и благороднѣйшему Хагану Хазарскому», и запечатывались золотою буллою въ три солида, тогда какъ письма отправляемыя къ Папѣ и Королю Французскому, запечатывались буллою только въ два солида. См. Mem. pop. III, p. 576.

[38] Она называлась «цицакіею», и введена въ употребленіе Ириною. Ibid. III, 550.

[39] См. Константина Багрянороднаго: De Caeremoniis aulae Bizantinae, edit. Reiskii, Lipsiae, 1752, lib. II, cap. XLIV, p. 381, и cap XVIX p. 400; Ист. Гос. Росс. т. I, стр. 46.

[40] Левъ Грамматикъ. См. Mem. pop. III, 570.

[41] Ибнъ-эль-Эсиръ Джезери родился 555 г. геджры = 1160 по Р. Х., а умеръ въ 630 геджры = 1233 по Р. Х. См. De Chazaris, p. 21. Такъ повѣствуетъ историкъ магометанскій; въ книгѣ-же, извѣстной подъ именемъ *Сеферъ-Хозри*, говорится, что Іудейская Вѣра принята была въ 740 году, царемъ Буланомъ, но утвердилась только при внукѣ его Обадіи, что̀ совершенно согласно съ хронологіею Ибнъ-эль-Эсира.

раженія ихъ Мерваномъ. Причина сего была та, что Хазары, утѣсняемые напавшими на земли ихъ Турками, просили помощи у Хорезмійцевъ, которые отвѣчали имъ на это: «вы невѣрные, и мы поможемъ вамъ только съ тѣмъ условіемъ, что вы сдѣлаетесь Мусульманами». Хазары согласились, и весь народъ, исключая государя, принялъ Исламизмъ; Хорезмійцы подали имъ помощь, и Турки были прогнаны [42]; съ этого времени вѣра Магометанская утвердилась въ Хазаріи; нравы народа должны были смягчиться отъ сего, но вмѣстѣ съ тѣмъ должна была исчезнуть и дикая храбрость, доселѣ его поддерживавшая. Такъ и случилось. Хазары утратили свой воинственный духъ, и съ IX столѣтія могущество ихъ мало по малу стало ослабѣвать. Съ востока отъ рѣки Урала начали напирать на нихъ дикія поколѣнія Печенѣговъ и другихъ народовъ турецкихъ, а съ сѣверо-запада начали отнимать у нихъ владѣнія князья русскіе. Оскольдъ и Диръ, овладѣвъ Кіевомъ, лишили ихъ дани, платившейся жителями сего города, а Олегъ взялъ себѣ и ту, которую давали имъ Сѣверяне и Радимичи [43]. Набѣги Печенѣговъ безпрестанно подвигавшихся къ западу, заставили Хазаровъ отправить въ 834 г. къ греческому императору Ѳеофилу посольство съ просьбою прислать имъ искусныхъ людей для построенія на берегу Дона крѣпости, которая защищала бы восточныя границы ихъ владѣній отъ вторженій этихъ дикарей. Ѳеофилъ, исполняя ихъ просьбу, прислалъ имъ ученаго инженера именемъ Петрону, который и построилъ крѣпость, названную Саркеломъ [44]. Въ нее назначенъ былъ

---

[42] De Chazaris, p. 21.

[43] Несторъ по кенигсберскому списку, стр. 17 и 19.

[44] Константинъ Багрянородный: см. Mem. pop. III, 566. О положеніи этого города ученые не согласны: Делиль, а вслѣдъ за нимъ Байеръ и Данвиль, полагали, что Саркелъ есть нынѣшній Бѣлгородъ, находящійся на Донцѣ, а не на Донѣ; но Карамзинъ и Эверсъ опровергаютъ ихъ мнѣніе многими рѣшительными доказательствами. Послѣдній говоритъ, что онъ не знаетъ настоящаго положенія этого города, а первый, основываясь на словахъ митро-

гарнизонъ, который ежегодно смѣнялся [45]. Въ 858 году, если вѣрить одной легендѣ, въ Константинополь, къ императору Михаилу прибыло новое посольство отъ Хазаровъ съ просьбою прислать имъ кого нибудь для наставленія въ Религіи Христіанской. Дѣло обращенія Хазаровъ поручено было Константину Ѳессалоникскому, который, научившись въ Херсонесѣ хазарскому языку, отправился въ ихъ землю и обратилъ въ Христіанскую Вѣру большую часть народа, даже тѣхъ, которые приняли уже Коранъ, или Пятикнижіе [46]. Въ 894 г., по извѣстію Константина Багрянороднаго, Хазары, соединившись съ Узами, которые вслѣдъ за Печенѣгами также подвигались на западъ, напали на сихъ-послѣднихъ и изгнали ихъ изъ занимаемыхъ ими земель. Печенѣги, двинувшись далѣе на западъ, въ свою очередь вытѣснили съ береговъ Дона Мадьяровъ, отодвинули ихъ въ Молдавію и Бессарабію, а сами заняли страну ихъ, называвшуюся Лебедіею [47]. Изъ словъ Константина видно также, что Мадьяры, живя на Дону, были

полита Пимена, въ XIV вѣкѣ путешествовавшаго въ Царьградъ, что на Дону, въ двухъ дняхъ плаванія внизъ отъ устья Медвѣдицы, находятся развалины древняго города Серклія, полагаетъ, что и это было настоящее мѣсто Саркела. См. Ист. Гос. Росс. Т. I, прим. 87, и Эверса Критич. Розыск. о древ. Русск. Исторіи, стр. 180.

[45] Эверсъ думаетъ, что причина ежегодной смѣны гарнизона заключалась въ отвращеніи Хазаровъ къ суровому климату. См. Критич. Розыск. ч. II, стр. 175.

[46] Acta sanctorum, II, 12—25. Неизвѣстно, что побудило Хазаровъ отправить это посольство. Причиною сего, вѣроятно, было близкое знакомство съ Греками и нужда въ ихъ помощи, которую они надѣялись скорѣе получить отъ народа связаннаго съ ними узами вѣры. Можетъ быть также, что Хазары, равно покровительствовавшіе всѣ религіи, слыша отъ пріѣзжавшихъ къ нимъ Христіанъ о превосходствѣ ихъ вѣры надъ всѣми прочими, захотѣли основательно узнать ея сущность, и для того отправили посольство, прося прислать имъ человѣка могущаго наставить ихъ въ этой вѣрѣ, чего, въ тогдашнія времена, не могли сдѣлать люди свѣтскіе, купцы и воины, посѣщавшіе Хазарію: и такъ необходимо было просить, чтобъ имъ прислали монаха.

[47] Memor. popul. III, 572 и 609.

въ тѣсныхъ связяхъ съ Хазарами, и что даже и по удаленіи ихъ хаганъ хазарскій сохранилъ надъ ними нѣкоторое вліяніе; ибо, по желанію его, они провозгласили королемъ Арпада, до тѣхъ-же поръ управлялись воеводами [48]. Вскорѣ за симъ, около 899 года, у Хазаровъ произошли смятенія, возгорѣлась междоусобная война, и Хабары, одно изъ храбрѣйшихъ поколѣній, которое было побѣждено, удалилось въ землю Венгровъ и слилось съ ними впослѣдствіи въ одинъ народъ [49]. Константинъ Багрянородный, описывая окружающіе Имперію народы, говоритъ также и о Хазарахъ; изъ словъ его видно, что они въ первой половинѣ X вѣка граничили къ югу съ Моремъ Каспійскимъ и Горами Кавказскими, къ западу съ Дономъ, который отдѣлялъ ихъ отъ Печенѣговъ и Узовъ, и Азовскимъ Моремъ; къ сѣверу съ Волжскими или Камскими Булгарами, а къ востоку съ Башкирцами и другими кочевыми поколѣніями турецкими. Этотъ государь совѣтовалъ также своему сыну, для обузданія могущества Хазаровъ, жить въ союзѣ съ Узами и Аланами [50]. Изъ сего видно въ какой зависимости находилось тогда это государство отъ сосѣднихъ ему дикихъ народовъ.

Побѣды Руссовъ надъ славянскими поколѣніями, дан-

---

[48] Turcorum (i. e. Madjarorum) gens olim prope Chazariam habitabat, in loco cui nomen Lebedias. Habitarunt autem cum Chazaris annos tres omnibus eorum in bellos adjutores. Mem. pop. III, 571, и потомъ далѣе: Paulo post Chaganus ille Chazariae princeps per legatos petiit a Turcis ut ad se Chelandiam mittant primum eorum Boebodum. Lebedias itaque ad eum profectus cum causam cur se advocasset rogaret; Chaganus, se, ipsum gentis Turcorum principem constituere, decrevisse, respondit. Lebedias vero, cum se tali principatui parem non esse significasset; Chagano ut alium Turcorum Boebodum Salmutzem, vel hujus filium Arpadem, ad hanc dignitatem eveheret, auctor fuit. Legatis denuo ad Turcos missis, Chaganus suum ipsis significavit consilium, qui Arpadem, quem patre etiam digniorem indicabant, solemni Chazarorum more ac consvetudine in scuto erectum principem fecerunt (Ibid. p. 572).

[49] Ibidem.

[50] Ibidem. p. 574.

никами Хазаровъ, познакомили оба народа; и Руссы, посѣщавшіе уже, можетъ быть, Хазарію, ибо знаемъ, что они въ послѣдствіи служили въ гвардіи хакановъ, и видѣвшіе тамъ богатства привозимыя съ Востока, задумали, по обычаю своему, пуститься на грабежъ въ персидскія области, прилежащія Каспійскому-Морю. Въ числѣ 50,000 на 500 судахъ, они вышли въ Черное-Море, и просили у хакана позволенія пройти черезъ его владѣнія въ Каспійское Море, обѣщая ему за это половину добычи. Хаканъ согласился, Руссы вошли въ Донъ, и изъ этой рѣки, вѣроятно волокомъ, переправились въ Волгу, и, какъ условлено было, мимо Итиля выплыли въ Море Каспійское; здѣсь разграбили они Гиланъ, Дайлемъ, Таберистанъ, Джорджянъ и Адербайджанъ, и наполнивъ всю Персію ужасомъ своего имени, съ безчисленною добычею отправились въ обратный путь. Прибывъ къ устью Волги, они отослали хакану половину обѣщанной добычи; но Магометане, служившіе въ гвардіи сего государя, желая отмстить Руссамъ за убійство своихъ единовѣрцевъ, рѣшились истребить ихъ, и для сего въ числѣ 15,000 человѣкъ съ присоединившимся къ нимъ Христіанами Итильскими, напавъ на Руссовъ, 30,000 изъ нихъ положили на мѣстѣ битвы или потопили въ волнахъ Волги; остальные-же перебиты были на другой сторонѣ этой рѣки Буртасами и Булгарами, исповѣдовавшими Магометанскую вѣру [51].

Эта побѣда была гибельна для Хазаровъ, ибо въ первомъ порывѣ гнѣва они не замѣтили, сколь мстительнаго и страшнаго врага возстановили противъ себя. Воинственный духъ Руссовъ заставлялъ ихъ искать причинъ для войны съ сосѣдями, здѣсь-же кровь единоземцевъ требовала мщенія, и Святославъ, предпринявъ походъ на Хазаровъ, вѣроятно имѣлъ намѣреніе отмстить имъ за разбитіе

---

[51] См. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1835 г., мѣсяцъ февраль, стр. 229.

своихъ единоплеменниковъ. Несторъ, ничего не упоминаетъ о причинахъ побудившихъ къ сему Святослава, а говоритъ только, что въ 965 году, покоривъ Вятичей, последнее изъ поколѣній славянскихъ которое платило дань Хазарамъ, онъ устремился потомъ на земли сего народа, въ кровопролитной битвѣ побѣдилъ кагана, предводительствовавшаго войскомъ, и взялъ укрѣпленный городъ хазарскій Саркелъ, или Бѣлую-Вѣжу [52]. Въ этотъ же походъ завоевалъ, вѣроятно, Святославъ и земли на перешейкѣ Кавказскомъ и по берегамъ Азовскаго-Моря, принадлежавшія тогда Хазарамъ, и въ послѣдствіи образовавшія Княжество Тмутараканское [53]. Ибнъ Хаукалъ, повѣствующій о семъ событіи подъ 358 (969) годомъ геджры, говоритъ, что Русскіе перебили въ то время жителей Итиля, Хазаровъ, Булгаровъ и Буртасовъ, разрушили Семендеръ и опустошили его окрестности [54].

Этотъ ударъ сильно потрясъ могущество уже слабѣвшей Державы Хазарской и приготовилъ совершенное ея паденіе; но Хазарія, по описаніямъ арабскихъ путешественниковъ, даже и въ это время все еще находилась въ цвѣтущемъ состояніи, въ сравненіи съ другими, окружавшими ее странами; наконецъ ослабленная войнами съ дикими сосѣдями своими, и обезсиленная и потрясенная оружіемъ князей русскихъ, она пала въ первыхъ годахъ XI столѣтія, разрушенная соединенными силами Византійцевъ и Руссовъ. Вотъ какъ говоритъ Кедринъ о паденіи этого, нѣкогда столь цвѣтущаго, государства: «Императоръ Василій, возвратясь въ Константинополь изъ похода на Булгарію, въ январѣ мѣсяцѣ 6524 (1016 по Р. Х.) года отъ сотворенія міра, послалъ въ Хазарію флотъ подъ предводительствомъ Монга, сына Андроникова, который съ помо-

[52] Несторъ, по кенигсберск. списку, стр. 54.
[53] Карамзина, Ист. Гос. Росс. т. II, стр. 200.
[54] De Chazaris, p. 39.

щію Сфенга, брата Владиміра, того самаго который женатъ былъ на сестрѣ императора Василія, покорилъ эту страну, взявъ въ плѣнъ въ первой битвѣ государя оной Георгія Цула» [55]. Византійскій историкъ ошибся здѣсь и поставилъ Сфенга, брата Владимірова, который никогда не существовалъ, вмѣсто Мстислава, сына сего государя, который отдалъ ему въ удѣлъ область Тмутараканскую [56].

Съ сего времени уже ни византійскія, ни русскія лѣтописи не упоминаютъ болѣе о Хазарахъ. Прежнія жилища ихъ заняты были народомъ, который Русскіе называютъ Половцами, а Византійцы Команами; остатки-же народа Хазарскаго, вѣроятно, еще нѣсколько времени сохраняли свою независимость, занимая небольшое пространство земли между Каспійскимъ-Моремъ и Горами Кавказскими, а потомъ, по малочисленности своей, смѣшавшись съ сосѣдними народами турецкими и кавказскими, утратили свое существованіе. Знаменитый путешественникъ XII вѣка, Веніаминъ Тудельскій, описывавшій отдаленнѣйшія страны гдѣ только жили его единовѣрцы, Евреи, но не ѣздившій далѣе Испаніи, не упоминаетъ ничего о Хазарахъ въ компиляціи своей, извѣстной подъ именемъ его «путешествія» [57]; но имя Хазаровъ встрѣчается еще въ XIII и въ XIV столѣтіяхъ. Такъ Плано-Карпини, во время проѣзда своего въ Монголію, исчисляя народы, граничащіе съ Команіею, упоминаетъ и о Газарахъ [58]. Далѣе, говоря о земляхъ покоренныхъ Монголами, этотъ же самый путешественникъ считаетъ въ числѣ ихъ и Землю Газаровъ [59]. Папы, еще въ XIII и XIV столѣтіяхъ, посылали проповѣдниковъ для обращенія Хазаровъ къ римской церкви [60], а писатель XV

[55] Mem. popul. t. III, p. 577.

[56] Ист. Госуд. Росс. Т. II, прим. 22.

[57] См. Voyages de Rabbi Benjamin, fils de Jona de Tudela, traduits de l'Hebreu par Baratier. t. II, p. 10—32.

[58] См. Собраніе путешествій къ Татарамъ, стр. 25.

[59] Ibidem., стр. 191.

[60] Папа Иннокентій IV въ 1253, Папа Николай II въ 1288, и Папа Ур-

вѣка, Али-Деде-Руми говоритъ, что остатки сего народа существовали еще и въ его время и были извѣстны подъ именемъ Маджаровъ. По словамъ его, они были похожи на Татаръ, и нѣкоторые изъ нихъ говорили даже по-татарски [61]. Изъ путешествій Гербера, Гмелина, Гюльденштедта, Палласа, Клапрота и другихъ, извѣстно, что на рѣкѣ Кумѣ существуютъ еще доселѣ обширныя развалины большаго и великолѣпнаго города Маджара [62].

Окончивъ симъ нашъ обзоръ политической исторіи Хазаровъ, остается только замѣтить несправедливость мнѣній одного ученаго объ остаткахъ сего народа, именно г. Эверсъ думаетъ, что Каджары, царствующая нынѣ въ Персіи династія, есть остатокъ Хазаровъ, и основываетъ это мнѣніе: а) на сходствѣ названій Хазаръ и Каджаръ, и б) на извѣстіяхъ англійскихъ путешественниковъ, разсказывающихъ, что Каджары говорятъ по-турецки [63]. Послѣднее обстоятельство казалось славному профессору весьма новымъ и любопытнымъ; да и въ самомъ дѣлѣ какъ не любопытно узнать, что Турки (ибо Каджары суть одно изъ поколѣній сего народа) говорятъ по-турецки? Тождественность же Хазаровъ и Каджаровъ, слѣдующую изъ сходства сихъ словъ, не стоитъ труда и опровергать, во-первыхъ — потому, что это сходство не очень велико, во-вторыхъ — потому, что не имѣетъ никакой цѣны и только вѣчно сбивало съ толку всѣхъ ученыхъ; а то, что Каджары говорятъ по-турецки совершенно противно тому, что хочетъ доказать Эверсъ, ибо намъ извѣстно, что Хазары не только не были поколѣніемъ Турокъ, и не говорили турецкимъ языкомъ, но даже и внѣшнимъ видомъ отличались отъ нихъ [64].

банъ V въ 1369. См. Raynaldi Annales Eclesiastici, и Thunmann: Untersuchungen über die Geschichte der Oestl. Europ. Völker. s. 163.

[61] De Chazaris, p. 43.

[62] Klaproth, Voyage au Caucase, T. I, p. 142—186.

[63] Кругъ. Разыск. о древ. Русск. Ист. ч. II, стр. 173.

[64] De Chazaris, p. 15.

О ДВОЙСТВЕННОСТИ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ У ХАЗАРОВЪ *.

Необыкновеннымъ явленіемъ въ Средніе Вѣка былъ Народъ Хазарскій. Окруженный племенами дикими и кочующими, онъ имѣлъ всѣ преимущества странъ образованныхъ: устроенное правленіе, обширную, цвѣтущую торговлю и постоянное войско. Когда величайшее безначаліе, фанатизмъ и глубокое невѣжество оспоривали другъ у друга владычество надъ Западною Европою, Держава Хазарская славилась правосудіемъ и вѣротерпимостію, и гонимые за вѣру стекались въ нее отвсюду. Какъ свѣтлый метеоръ, ярко блистала она на мрачномъ горизонтѣ Европы, и погасла, не оставивъ никакихъ слѣдовъ своего существованія. Отъ того всѣ подвиги Хазаровъ, народа столь рѣзко отличавшагося отъ всѣхъ сосѣдей своихъ, и во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно любопытнаго для историка, являются въ какомъ-то сумракѣ, подернутыя туманомъ сбивчивыхъ извѣстій разныхъ иноземныхъ писателей, которые своими повѣствованіями дѣлаютъ еще болѣе невѣроятными иногда и безъ того странныя установленія Хазаровъ. Къ числу таковыхъ принадлежитъ и образъ ихъ правленія, о коемъ упоминаютъ арабскіе путешественники и историки X вѣка. Разсмотримъ, въ чемъ состоялъ онъ, и когда установился.

---

* Статейка эта, вмѣстѣ съ предшествующею — части полной монографіи о Хазарахъ, написанной авторомъ въ 1834 году, напечатана впервые въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за тотъ же годъ, часть III, стр. 279—295. *Изд.*

Основываясь на сказаніи Приска, можно думать, что въ древности Хазары управлялись многими владѣльцами, болѣе или менѣе сильными, которые, во время мира враждовали между собою, въ случаѣ-же опасности, грозившей имъ отъ непріятеля, или замышляя общими силами сдѣлать набѣгъ на сосѣднія страны, соединялись и избирали, можетъ быть, изъ среды себя предводителя, коему и повиновались во все продолженіе похода [1]. Далѣе, тотъ же самый писатель повѣствуетъ, что Аттила, покоривъ Хазаровъ, далъ имъ въ правители собственнаго сына, Эллака [2]; но владычество Гунновъ скоро рушилось; а что послѣдовало у Хазаровъ за паденіемъ Гунновъ, и какъ управлялись они послѣ сего, неизвѣстно. Лѣтописцы византійскіе, Ѳеофанъ, Никифоръ и другіе, упоминающіе въ первый разъ о Хазарахъ подъ 626 годомъ по Р. Х., говорятъ только, что императоръ Гераклій заключилъ союзъ противъ Персовъ съ государемъ ихъ, который назывался *Каганомъ* [3]; а Константинъ Багрянородный, описывая, подъ 834 годомъ, посольство Хазаровъ къ императору Ѳеофилу, говоритъ, что оно было отправлено ихъ *Каганомъ* и *Пехомъ* (Πεχ) [4]. Столь же неудовлетворительныя свѣдѣнія доставляютъ и историки восточные, упоминающіе о ихъ войнахъ съ халифами династіи Омміадовъ и Аббасидовъ, и такая неизвѣстность простирается до X столѣтія, когда сказанія нѣкоторыхъ арабскихъ путешественни-

---

[1] Это видно изъ слѣдующихъ словъ Приска: In eam gentem (Acatzirorum) *plures* per tribus et generationes imperium exercebant, quos Imperator Theodosius *firmata inter eos concordia*, ad colendum cum Romanis pacem adduxerat. Curidachus, *regum antiquior*, Attilam ad *correges* in judicium vocaverat. Is, magno exercitu emisso, *regum* alios sustulit, alios ad deditionem compulit (Memor. pop. T. I, p. 489). Моисей Хоренскій говоритъ, что Хазары вторглись въ Арменію во II вѣкѣ по Р. Х., подъ предводительствомъ *царя* и *предводителя* своего Венасепа Сургака. См. Hist. Armeniaca. Lond. p. 183.

[2] Memor. popul T. I, p. 489. Jornandes: De rebus Gethicis, cap. V.

[3] Memor. pop. T. III, p. 549 и 550.

[4] Ibid. T. III, p. 567.

ковъ разлили большой свѣтъ на весь юговосточный край Европы. Писатели сіи, какъ мы сказали выше, представляютъ извѣстія самыя странныя. По словамъ ихъ, Хазары управлялись вмѣстѣ и *Хаканомъ*, и его намѣстникомъ, который назывался *Царемъ* (маликъ) [5]. Хаканъ происходилъ изъ одной извѣстной фамиліи [6], пользовался величайшимъ уваженіемъ по наружности, но въ самомъ дѣлѣ не имѣлъ никакой власти [7]. Всѣ бразды правленія соединялись въ рукахъ Царя, который назывался *Хаканъ-Бегъ* [8]. Онъ управлялъ государствомъ, предводительствовалъ войскомъ, велъ войны, давалъ повелѣнія государямъ сосѣдственнымъ, рѣшалъ дѣла, опредѣлялъ наказанія, и вообще завѣдывалъ вполнѣ всѣми дѣлами народа [9]. Со всѣмъ тѣмъ Царь хазарскій не почитался бы законнымъ, если бы въ столицѣ не находилося Хакана [10]; и таково было уваженіе, питаемое къ Хакану, что самый Царь входилъ къ нему не иначе, какъ босыми ногами, съ величайшею скромностію и благоговѣніемъ, держа въ рукѣ кусокъ дерева. Привѣтствовавъ Хакана, онъ зажигалъ дерево, и потомъ уже садился съ нимъ на тронъ, по правую его руку [11].—Впрочемъ вѣроятно, что все это было не что иное, какъ пустой обрядъ, соблюдавшійся по привычкѣ, а не изъ уваженія къ Хакану.

Кромѣ Намѣстника, который видѣлъ Хакана ежедневно, къ нему допускали еще только двухъ чиновниковъ, *Кендеръ-Хакана* и *Чаушіара* [12]; кромѣ сихъ лицъ, никто

[5] De Chazaris, p. 16 и 31. Magasin Asiat. T. I, N° 2, p. 270.

[6] Ибнъ-Хаукалъ, De Chazaris, p. 30, и Шемсъ-эд-Динъ Димешки, ibid. p. 31.

[7] Ibid.

[8] Ибнъ-Фодланъ, De Chazaris, p. 16. Онъ говоритъ также, что Царь на языкѣ Хазаровъ назывался *Илькъ* или *Бакъ*. Ibid. p. 13.

[9] Ибнъ-Фодланъ, ibid. стр. 16.

[10] Мусуди, loco citato.

[11] Ибнъ-Фодланъ, ibid.

[12] Ибнъ-Фодланъ, ibid. Этимъ чиновникамъ надлежало быть весьма важнаго сана, ибо Димешки говоритъ, что къ Хакану допускаются только Царь и *равные ему достоинствомъ* (эль малекъ уа манъ фи табакатиги).

не могъ входить къ нему, развѣ только въ случаѣ большой необходимости [13]. Впущенный къ Хакану повергался ницъ, валялся по землѣ, потомъ вставалъ и дожидалъ пока ему будетъ позволено приблизиться и говорить [14].

Не только при жизни, но и по смерти, Хаканы пользовались величайшимъ уваженіемъ: никто не могъ ѣхать верхомъ мимо ихъ гробницы, но долженъ былъ сходить съ лошади и падать ницъ, потомъ итти пѣшкомъ и садиться опять не прежде, какъ могила скроется изъ глазъ [15].

Повиновеніе подданныхъ къ Царю было таково, что если ему надобно было лишить жизни кого-либо, даже изъ людей самыхъ знатныхъ и почетныхъ, и онъ не хотѣлъ сдѣлать этого явно, то ему стоило только велѣть виновному убить самого себя, и тотъ шелъ домой и лишалъ себя жизни [16].

Хаканъ жилъ въ столицѣ государства, въ Итилѣ, во дворцѣ своемъ, находившемся на западномъ берегу Волги, съ 4000 человѣкъ свиты [17]. Народу онъ показывался однажды въ четыре мѣсяца, выѣзжая прогуливаться верхомъ [18], но и то въ сопровожденіи всего войска, которое однакожъ слѣдовало за нимъ не иначе, какъ на разстояніи цѣлой мили. Встрѣчавшійся народъ не видалъ Хакана, ибо падалъ предъ нимъ ницъ, и вставалъ не прежде

[13] Ибнъ-Хаукалъ, De Chazaris. p. 30.

[14] Ибнъ-Хаукалъ и Димешки, De Chazaris. p. 31.

[15] Ибнъ-Хаукалъ, The orient. Geogr. p. 189; Димешки, De Chazaris. p. 33.

[16] De Chazaris, p. 30 и 32.

[17] Ибнъ-Фодланъ, De Chazaris, p. 14; Ибнъ-Хаукалъ, The orient. Geogr. p. 185; но Масуди говоритъ, что этотъ дворецъ построенъ на островѣ, находящемся между берегами Волги. Magas. Asiat. T. I. № 2, p. 266. Іосифъ, царь хазарскій, въ письмѣ своемъ къ Хасдаю, также говоритъ, что дворецъ его находится на островѣ, посреди рѣки. См. D'Ohsson, Les peuples de Caucase, p. 208.

[18] Ибнъ-Фодланъ, De Chazaris, p. 10; Масуди говоритъ, напротивъ, что Хаканъ никогда не выходитъ изъ дворца своего, не ѣздитъ верхомъ и не показывается ни народу, ни вельможамъ. Magas. Asiat. T. I, № 2, p. 270; Царь-же Іосифъ пишетъ къ Хасдаю, что каждою весною Государь, со всѣми министрами и знатью своего Двора, ѣздитъ гулять до одной большой

какъ онъ уже проѣзжалъ [19]. Хаканъ, по установленному обычаю, имѣлъ 25 женъ. Всѣ онѣ были дочери сосѣдственныхъ государей, и онъ бралъ ихъ къ себѣ волею и неволею. Сверхъ того у него было 60 наложницъ отличной красоты; каждая жила въ особенной палатѣ, и къ каждой приставленъ былъ евнухъ для храненія. Если Хаканъ хотѣлъ видѣть которую нибудь изъ нихъ, то извѣщалъ о семъ евнуха, который и доставлялъ ее немедленно Хакану, а самъ, между тѣмъ, оставался у дверей царской куббы (шатра); когда-же Хаканъ отпускалъ ее, то евнухъ, взявъ ее за руку, уходилъ съ нею, и не оставлялъ ее никогда, ни на одно мгновеніе [20].

Когда Хаканъ умиралъ, то, по словамъ Ибнъ-Фодлана, ему строили большой дворецъ съ 20 комнатами; въ каждой изъ нихъ вырывали могилу, которой дно засыпали истертыми въ порошекъ, какъ сурьма, камнями и неморенною известью. Подъ дворцемъ протекала большая рѣка, и въ нее ставили гробницу для того, какъ говорили жители, чтобы ни человѣкъ, ни червь, ни другое пресмыкающееся не могли къ ней приблизиться. Схоронивъ Хакана, погребавшимъ его отсѣкали голову, чтобы никто не зналъ, въ которой изъ тѣхъ комнатъ находится его гробница, которую называли раемъ; объ умершемъ-же Хаканѣ говорили, что онъ вошелъ въ рай. Всѣ комнаты покрывались золотою парчею [21].

Достоинство Хакана принадлежало одной извѣстной фамиліи, не сильной и не богатой, но пользовавшейся большимъ уваженіемъ [22]. Кому, по смерти царствовавшаго

рѣки, протекающей на разстояніи 20 миль отъ его столицы, а потомъ объѣзжаетъ все государство. См. d'Ohsson, l. c. Если принять, что Ибнъ-Фодланъ и Іосифъ говорятъ о Царѣ, а не о Хаканѣ, то извѣстія ихъ не будутъ противорѣчить Масудіевымъ.

[19] Ибнъ-Фодланъ, De Chazaris, p. 17.

[20] Ibidem.

[21] Ibidem, p. 16.

[22] Масуди, Magas. Asiat. T. I, № 2, p. 270.

Хакана, надлежало наслѣдовать власть, тому вручали ее несмотря на его состояніе [23]; на престолъ возводили даже самыхъ бѣдныхъ людей, лишь бы они были царскаго рода. Такъ нѣкто, по словамъ Ибнъ-Хаукала, заслуживавшій вѣру, разсказывалъ сему путешественнику, что онъ видѣлъ на площади одного юношу, продававшаго хлѣбъ, о которомъ говорили, что онъ, по смерти Хакана, ближайшій наслѣдникъ престола, хотя онъ былъ магометанинъ, а Хакану необходимо надлежало быть Іудейской Вѣры [24].

Такимъ образомъ, когда Хаканъ умиралъ, на престолъ возводили его наслѣдника. Ибнъ-Хаукалъ и Шемсъ-уд-Динъ разсказываютъ, что при семъ случаѣ происходилъ странный обрядъ: назначеннаго къ наслѣдованію хаканскаго достоинства приводили къ Намѣстнику, который, прежде нежели возводилъ его на престолъ, дѣлалъ ему многія наставленія, увѣщавалъ его съ точностію исполнять должности возлагаемыя на него симъ достоинствомъ, представлялъ трудность управлять государствомъ, показывалъ ему его права и обязанности, и какому наказанію долженъ онъ будетъ подвергнуться, если въ принятомъ на себя санѣ станетъ дѣйствовать нерадиво и неблагоразумно, и будетъ судить противно истинѣ и справедливости. Потомъ онъ набрасывалъ на шею новаго Хакана шелковую веревку, и давилъ его до тѣхъ поръ, пока тотъ едва не задыхался; тогда его спрашивали: сколько лѣтъ желаетъ онъ царствовать? и когда онъ сказывалъ число лѣтъ, то оное записывали и его возводили на престолъ. Если, достигнувъ положеннаго имъ самимъ срока, онъ не умиралъ, то его убивали [25].

---

23 Ибнъ-Хаукалъ, De Chazaris, p. 30.

24 Ibidem.

25 De Chazaris, p. 34 и 35. Все, что Ибнъ-Фодланъ и Ибнъ-Хаукалъ говорятъ о Хаканѣ и Царѣ хазарскихъ, чрезвычайно перемѣшано, такъ что легко можно ошибиться, и отнести къ одному то, что принадлежитъ другому. Ибнъ-Фодланъ не говоритъ ничего о возведеніи Хакана на престолъ; Ибнъ-

Впрочемъ Хаканъ не всегда спокойно проживалъ назначенное имъ время: въ случаѣ голода, или войны, или какого другаго бѣдствія, народъ и вельможи обращались къ Царю, и говорили ему: «Этотъ Хаканъ приноситъ намъ несчастіе; лиши его жизни, или отдай намъ, чтобъ мы его убили». Иногда Намѣстникъ исполнялъ желаніе народа и предавалъ Хакана ему въ руки, или убивалъ его самъ; иногда-же, если онъ не сдѣлалъ никакого преступленія, за которое стоилъ бы наказанія, защищалъ его и не позволялъ дѣлать ему зла [26]. Во всякомъ случаѣ Хаканъ не могъ царствовать болѣе 40 лѣтъ, ибо если по истеченіи сего срока проходилъ хотя день, то народъ и вельможи убивали его, говоря, что умъ его ослабѣлъ и разсудокъ разстроился [27].

Хаукалъ, по тексту приводимому г. Френомъ, говоритъ, что эти обряды употреблялись Хаканомъ при возведеніи на престолъ Царя; а если вѣрить переводу Узли, то эта церемонія совершалась при возведеніи на престолъ Хакана. The Orient. Geogr. p. 189. Я, въ семъ случаѣ, послѣдовалъ д'Оксону, и отнесъ все это къ возведенію на престолъ Хакана, а не Царя. См. Les peuples du Caucase, p. 39.

Впрочемъ, это извѣстіе можно было бы почесть баснею, выдуманною Ибнъ-Хаукаломъ, и повторенною Шемсъ-уд-Диномъ, еслибы Клапротъ не привелъ изъ историковъ китайскихъ одного мѣста, изъ котораго видно, что точно та же церемонія употреблялась у Турковъ при возведеніи на престолъ ихъ Хакановъ. «Когда кого провозглашали Хаканомъ», говорятъ сіи историки, «то вельможи поднимали его на войлокѣ, и девять разъ обносили кругомъ. За каждымъ разомъ онъ былъ привѣтствуемъ отъ всего народа. Потомъ, посадивъ его на лошадь, набрасывали ему на шею кусокъ тафты, и давили оною столь сильно, что онъ едва не задыхался. Тогда его развязывали и тотчасъ же спрашивали: сколько лѣтъ надѣется онъ царствовать? Смятеніе, въ коемъ находился тогда новый Хаканъ, не дозволяло ему отвѣчать, какъ слѣдуетъ, на сей вопросъ; однако отвѣтъ его принимали какъ предсказаніе о долготѣ его царствованія». См. Journ. Asiat. 1826. T. III, p. 267. Подобный обрядъ Плано-Карпини видѣлъ у Монголовъ при возведеніи на престолъ Гаюка, и провозглашеніи его Гогъ-Хамомъ, т. е. Хаканомъ или Хаганомъ. См. Собраніе путешествій къ Татарамъ, стр. 39.

[26] Масуди, loco citato. Упомянувъ о семъ обычаѣ убивать Хакановъ, онъ прибавляетъ: «не знаю, древній ли онъ, или установленъ недавно».

[27] Ибнъ-Фодланъ, De Chazaris, p. 17.

Когда и какъ установленъ былъ сей чудный образъ правленія — это одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ въ исторіи Хазаровъ, такой вопросъ для объясненія котораго можно придумать множество предположеній, но который рѣшить удовлетворительно при нынѣшнемъ, поверхностномъ знаніи переворотовъ Средней-Азіи, и извѣстныхъ доселѣ источникахъ для исторіи Хазаровъ, почти невозможно, или весьма трудно; но, смотря на быстрые успѣхи, которые дѣлаетъ въ Европѣ изученіе исторіи и языковъ Востока, можно надѣяться, что трудное и необъяснимое теперь, чрезъ 10 или 20 лѣтъ сдѣлается легкимъ и яснымъ для всѣхъ.

Клапротъ, для объясненія сего прибѣгаетъ къ слѣдующему предположенію: онъ думаетъ, что Турки, владѣвшіе въ VI вѣкѣ частію Европы, покорили также и Хазаровъ, и что, слѣдуя примѣру Гунновъ, предводитель коихъ Аттила далъ Хазарамъ въ правители собственнаго сына, они также возвели на престолъ хазарскій собственную династію. Хазары повиновались ей; въ послѣдствіи-же, когда пало могущество Турокъ, царствовавшая династія лишилась силы; но, можетъ быть, по причинѣ почтенія, которое народъ питалъ къ фамиліи прежнихъ своихъ завоевателей, она осталась на престолѣ, и сохранила наружный видъ власти [28]; дѣйствительное-же управленіе народомъ перешло въ руки туземцевъ, и они, именемъ Хакана, коего существованіе народъ, по вѣковой привычкѣ, почиталъ необходимымъ, самовластно управляли государствомъ [29]. Точно такъ же, и въ то же самое время, на другомъ краю Европы палатные меры Франціи поступали съ слабыми потомками Меровея. — Мнѣніе Клапрота, изложенное здѣсь нѣсколько обстоятельнѣе, заключаетъ

---

[28] Memoires relatifs à l'Asie, p. 151, и Tableaux hist. de l'Asie, p. 273.

[29] Это мнѣніе подтверждается словами Масуди, который говоритъ, что родъ, изъ коего происходили Хаканы, весьма уважаемъ и вѣроятно прежде владычествовалъ въ Государствѣ. См. loco citato.

въ себѣ очень много хорошаго и повидимому весьма удовлетворительно; но жаль, что его нельзя принять безъ ограниченія. Хотя покореніе Хазаровъ Турками не подтверждается никакимъ чисто историческимъ доказательствомъ, свидѣтельствомъ какого либо писателя, однако оно необходимо должно было произойти, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ обстоятельствъ:

1) Хазары не были турецкаго происхожденія, ибо и языкомъ и наружностію отличались отъ Турковъ [30]; однакожъ византійскіе писатели знаютъ ихъ большею частію подъ именемъ *Турковъ* и *Восточныхъ Турковъ* [31]; такъ называли ихъ Византійцы въ началѣ VII столѣтія; Али-Деде-Руми, писатель несравненно позднѣйшій, также говоритъ, что Хазары были изъ числа *Турковъ Хакановскихъ* [32].

2) Обыкновеніе давитъ Хакановъ предъ вступленіемъ ихъ на престолъ, существовало какъ у Хазаровъ, такъ и у Турковъ Средней-Азіи, а это не могло произойти случайно.

3) Всѣ названія государя и чиновниковъ суть турецкія: *Хаканъ* есть обыкновенный титулъ государей Средней-Азіи и означаетъ Царя, Императора. Жена Хаканова, по словамъ Моисея Хоренскаго называлась *Хатунъ*, что̀ также на турецкомъ означаетъ государыню. *Илькъ*, такъ по словамъ Ибнъ-Фодлана назывался Царь, значитъ на турецкомъ: «первый», princeps; а *Бакъ*, также одно изъ названій Царя, есть вѣроятно испорченное *Бекъ* или *Бей* — по турецки «князь»; Византійскіе историки Намѣстника Хаканова называли *Пехъ*, и слово сіе, равно какъ и *Бегъ*, встрѣ-

---

[30] Ибнъ-Фодланъ, De Chazaris, p. 15.

[31] Патріархъ Никифоръ: Legatos cum donis ad Turcorum principem destinat (Heraclius). Mem. pop. III, p. 549. Θеофанъ и Анастасій: Heraclius—in Lazicam regionem secessit, ibique mora aliquamdiu protracta, Turcos orientales, quos Chazaros vocant, ad belli societatem allexit. *Ibidem*. Кедринъ: Anno decimo imperii, Heraclius Lazorum ditionem petiit, Turcorumque orientalium, quos et Chazaros appellamus, auxilia ambit. *Ibidem*.

[32] De Chazaris, p. 42.

чающееся въ словѣ *Хаканъ-Бегъ*, есть также измѣненное *Бекъ. Чаушіаръ* тоже слово турецкое, ибо *Чаушъ* и донынѣ при турецкомъ Дворѣ есть названіе придверника или каммергера.

Всѣ такіе иностранные титулы принимаются при Дворѣ или въ слѣдствіе вступленія на престолъ чуждой династіи, которая водворяетъ въ новомъ отечествѣ обычаи и устройство родной стороны своей, или въ слѣдствіе подражанія народу образованнѣйшему, когда государство стремится къ просвѣщенію и образованности: такъ въ Россіи при Петрѣ-Великомъ введены были иностранныя должности и чины. Кочующіе Турки безъ сомнѣнія не были образованнѣе Хазаровъ; слѣдственно второй случай не могъ имѣть мѣста.

Итакъ вѣроятно, что на престолѣ Хазаровъ владычествовала чуждая династія, и что эта династія была изъ племени турецкаго, чтò не могло произойти иначе, какъ въ слѣдствіе покоренія Турками Земли Хазарской. Доказавъ, что Турки владычествовали надъ Хазаріей, теперь надобно узнать, когда это случилось? Клапротъ полагаетъ, что въ VI вѣкѣ; но нѣкоторыя обстоятельства противорѣчатъ тому и показываютъ, что сіе событіе должно было произойти ранѣе.

1) Моисей Хоренскій, историкъ армянскій V вѣка [33],

[33] Моисей Хоренскій, прозванный Грамматикомъ, родомъ армянинъ, жилъ въ V столѣтіи. Сначала онъ воспитывался у Св. Мезроба изобрѣвшаго письмо армянское, потомъ учился въ Аѳинахъ, и наконецъ, для пріобрѣтенія свѣдѣній, долго странствовалъ по разнымъ землямъ. Возвратясь въ отечество, по порученію Исаака Багратида, одного изъ владѣтелей армянскихъ, онъ написалъ Исторію своего отечества до 440 года, и для поясненія ея прибавилъ краткое географическое описаніе извѣстныхъ тогда земель. Исторія его, отличающаяся, относительно языка, краснорѣчіемъ и чистотою слога, заимствована большею частію изъ писателей греческихъ, изъ твореній Маръ-Ибаса Кадинскаго (жившаго за 150 лѣтъ до Р. Х.) и многихъ другихъ древнихъ книгъ, писанныхъ на халдейскомъ и ассирійскомъ. Она было много разъ перепечатываема въ Амстердамѣ и Венеціи; въ 1736 году напечатана въ Лондонѣ братьями Вистонами, съ текстомъ и латинскимъ переводомъ.



говоритъ, что Сѣверный Государь, который есть владѣтель хазарскій, называется Хаканомъ [34]: это весьма важное свидѣтельство доказываетъ неоспоримо, что Хазары были покорены Турками не въ VI вѣкѣ, а вѣроятно въ началѣ или половинѣ V-го; но въ это время Хазары были подъ властію Гунновъ; 2) Когда Гераклій, въ 626 году, вступилъ съ Хазарами въ союзъ противъ Персовъ, то предводитель Хазаровъ, Зибелъ, по словамъ Ѳеофана, достоинствомъ своимъ бывшій вторымъ по Каганѣ, то-есть вѣроятно его Намѣстникомъ, распоряжался совершенно самовластно, заключилъ съ Геракліемъ договоръ, и оставилъ ему вспомогательное войско. Гераклій просилъ *его* помочь ему противъ враговъ, и обѣщалъ *ему* въ замужство дочь свою, княжну царскаго рода [35]; а дочери императоровъ византійскихъ выдавались только за *государей*, и то за сильныхъ и опасныхъ, для отвращенія войны или какого другаго бѣдствія, коимъ грозилъ, въ случаѣ невыдачи, требовавшій руки ихъ владѣлецъ. Слѣдовательно Зибелъ, чтобъ удостоиться этой чести, долженъ былъ имѣть много власти и силы въ своемъ отечествѣ, а онъ былъ только Намѣстникъ. Изъ сего слѣдуетъ, что Хаканы уже и въ это время должны были имѣть мало участія въ правленіи, и могущество ихъ должно было находиться въ упадкѣ; но это было въ началѣ VII вѣка, когда Турки находились на самой высокой степени славы и могущества. Слѣдовательно, описанный выше образъ правленія установленъ не ими, а какимъ нибудь другимъ народомъ турецкаго племени, владычествовавшимъ надъ Хазарами гораздо ранѣе.

Итакъ мы вывели два заключенія: что Хазары точно были покорены какимъ нибудь народомъ турецкимъ, и что это покореніе должно было произойти ранѣе VI вѣка. Те-

---

На Русскій переведена Іоаннесовымъ и напечатана въ С. Петербургѣ, въ 1809 г. въ двухъ частяхъ.

[34] Ист. Арм. Моисея Хоренскаго, ч. II, стр. 223.

[35] Mem. pop. III, p. 550 и 551.

перь, если можно, надлежитъ узнать: который изъ народовъ турецкихъ былъ покорителемъ Хазаровъ, и что̀ было причиною необыкновеннаго образованія высшей власти у сихъ послѣднихъ. Представляю три предположенія для рѣшенія сихъ вопросовъ.

Первое. Предположимъ вмѣстѣ съ Демуленемъ [36], что Хазары покорены были Жеу-Женами, народомъ усилившимся въ концѣ IV столѣтія. Въ такомъ случаѣ Жеу-Жены, коихъ государь также назывался Хаканомъ, должны были возвести на престолъ фамилію своего племени и установить всѣ вышеупомянутые придворные чины и достоинства. Покореніе Хазаровъ Гуннами и правленіе надъ ними сына Аттилова должно было лишить силы династію турецкую. По паденіи-же могущества Гунновъ, могъ установиться извѣстный намъ образъ правленія, когда Намѣстники стали царствовать именемъ безсильныхъ Хакановъ рода Жеу-Женовъ. Но при семъ предположеніи опять представляются двѣ трудности: 1) Не извѣстно еще, простирали ли Жеу-Жены оружіе свое за берега Моря Каспійскаго; 2) Прискъ именно говоритъ, что Хазары, до покоренія ихъ Гуннами, управлялись многими мелкими владѣльцами. Итакъ это предположеніе неосновательно.

Второе. Предположимъ, что сынъ Аттилы, сдѣлавшись правителемъ столь сильнаго народа какъ Хазары, захотѣлъ носить титулъ который имѣли другіе сильные государи Азіи, и по примѣру ихъ устроить у себя Дворъ, для чего чиновникамъ своимъ далъ названія употреблявшіяся у турецкихъ государей. Когда могущество Гунновъ рушилось, власть царствовавшаго Дома ихъ происхожденія также должна была уменьшиться, и управленіе народомъ достаться кому нибудь изъ смѣлѣйшихъ и предпріимчивѣйшихъ туземцевъ, а Турки, которые въ VI вѣкѣ, можетъ быть, точно покорили Хазаръ, управляли ими издали и,

---

[36] Histoire naturelle des races humaines etc. p. 53.

довольствуясь покорностію государей, не испровергали их образа правленія.

Хотя это предположеніе и вѣроподобнѣе перваго, но также натянуто. Удовлетворительнѣе предыдущих кажется мнѣ *третіе*, которое состоит в том, что Турки могли покорить Хазаров в концѣ V вѣка, и владычествовать над ними издали, как Монголы над Россіею, довольствуясь покорностію их владѣтельных князьков, из коих один или нѣкоторые могли быть сильнѣе других. Государь Турков-покорителей именовался Хаканом, и к нему могли относиться слова Моисея Хоренскаго «*Царь Сѣверный*, который есть владѣтель хазарскій, называется Хаканом» [37]. Сими словами историк армянскій объяснял своим соотечественникам, что могущественный государь, живущій на Сѣверѣ, есть также владыка и того народа который живет вблизи от них и дѣлает частыя вторженія в их землю. Потом, какія нибудь неизвѣстные нам перевороты могли лишить власти царствовавшую у Турков фамилію Хаканов, и она принуждена была удалиться к данникам своим, Хазарам, между коими имѣла, может быть, многих приверженцев, и там, пользуясь величайшим наружным уваженіем, не имѣла, в самом дѣлѣ, никакого участія в правленіи народом, которое досталось кому нибудь из князей хазарских, умѣвшему воспользоваться обстоятельствами, получившему достоинство Намѣстника, и передавшему его другим.

Это предположеніе, по неимѣнію лучшаго, кажется мнѣ удовлетворительнѣе и вѣроподобнѣе двух первых. Впрочем оно, как и всякое предположеніе, рушится, если найдено будет другое, болѣе достовѣрное и основанное на лучших исторических свидѣтельствах.

---

[37] Ист. Арм. Моисея Хоренскаго, ч. II, стр. 223.

ВОЛЖСКІЕ БУЛГАРЫ *.

Одну изъ самыхъ занимательныхъ задачь общей исторіи Сѣвера составляетъ, безъ-сомнѣнія, народъ обитавшій нѣкогда на землѣ нашего отечества подъ именемъ Булгаровъ, или Болгаровъ. Двѣ его отрасли особенно прославились въ Средніе Вѣка: первая жила на Волгѣ, другая на Дунаѣ. Первая исчезла совершенно, такъ что объ ея существованіи мы знаемъ только изъ современныхъ ей чужеземныхъ писателей; другая составляетъ доселѣ главную часть народонаселенія нынѣшнихъ турецкихъ областей: Булгаріи, Румиліи, Македоніи и Албаніи. Происхожденіе, сродство и образованіе обоихъ народовъ, или двухъ отраслей одного народа, суть любопытные историческіе вопросы, доселѣ нерѣшенные удовлетворительно, несмотря на взысканія многихъ ученыхъ. Нашему славному оріенталисту, г. академику Френу, принадлежитъ честь раскрытія самыхъ драгоцѣнныхъ матеріяловъ, какіе только могли быть собраны о народѣ игравшемъ столь значительную роль въ исторіи Россіи; но, къ сожалѣнію, эти прекрасные труды остаются почти неизвѣстными русской публикѣ, читающей и пишущей. Доселѣ повторяются о Волжскихъ Булгарахъ такія сужденія и толки, какъ-будто ничего не было сдѣлано и извѣстно по этой части. Мы не намѣрены представлять здѣсь подробнаго изысканія обо всемъ, что къ нимъ отно-

* Статья эта появилась впервые въ журналѣ «Библіотека для чтенія» за 1836 годъ, т. XIX, отд. III, стр. 1—25. *Изд.*

сится: хотимъ только показать сторону, съ которой должно нынче смотрѣть на предметъ и куда надобно направлять изысканія, — и этотъ трудъ можетъ не быть чуждъ занимательности. Вообще нѣтъ ничего полезнѣе какъ обозрѣвать отъ времени до времени настоящее положеніе ученыхъ вопросовъ и составлять итоги понятіямъ. Мы это сдѣлаемъ относительно Волжскихъ Булгаровъ.

Эта знаменитая отрасль Булгарскаго Народа, кромѣ нѣсколькихъ монетъ, не оставила намъ ни какихъ письменныхъ памятниковъ своего существованія. Арабскіе писатели говорятъ, что кади города Булгара, ихъ столицы, лежавшей на Волгѣ, Якубъ Ибнъ-Номанъ, составилъ, во второй половинѣ XII вѣка, «Исторію Булгаріи», *Тарихъ Булгаръ*, но это сочиненіе не дошло до насъ; судя по имени автора, оно, вѣроятно, писано было по-арабски. Самыми ранними и обстоятельными извѣстіями объ этомъ народѣ мы одолжены арабскимъ географамъ и путешественникамъ, изъ которыхъ многіе, какъ Ибнъ-Фодланъ, Ибнъ-Хаукалъ, Абуль-Хамидъ-Андалуси, Абу-Абдаллахъ Гарнати, и другіе, сами посѣщали землю Волжскихъ Булгаровъ. Далѣе, главнымъ источникомъ служатъ русскія лѣтописи, и наконецъ историки разныхъ націй, описывавшіе подвиги Монголовъ. Къ этому небогатому запасу свѣдѣній можно присоединить еще нѣсколько, бо̀льшею частію искаженныхъ, преданій, которыя находятся въ разныхъ татарскихъ сборникахъ. Сверхъ-того мы имѣемъ порядочное количество монетъ чеканенныхъ въ городѣ Булгарѣ, очень важныхъ историческихъ документовъ; нѣсколько надгробныхъ камней съ надписями на разныхъ языкахъ, и наконецъ небольшіе остатки развалинъ въ селѣ Болгарахъ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ.

Первыя извѣстія относятся къ началу X столѣтія и принадлежатъ Ибнъ-Фодлану, за которымъ идетъ длинный рядъ разныхъ арабскихъ историковъ и географовъ, оставившихъ о Булгарахъ кой-какія отрывочныя свѣдѣнія. Изъ нихъ видно, что въ X вѣкѣ Булгары составляли уже сильный

народъ, имѣли города, вели обширную торговлю, исповѣдывали частію мусульманскую религію, частію христіанскую, и повиновались одному, самодержавному, государю; но что за народъ были Булгары, это довольно трудно рѣшить по показаніямъ восточныхъ писателей, которые обыкновенно употребляли слишкомъ общія этнографическія наименованія, и недостатокъ положительныхъ свѣдѣній открылъ здѣсь, какъ и вездѣ, обширное поприще для предположеній.

Въ X вѣкѣ мы застаемъ Булгаровъ на Волгѣ и по другимъ рѣкамъ, которыя въ нее впадаютъ. Если вѣрить Моисею Хоренскому, Булгары жили въ этихъ мѣстахъ еще во второмъ столѣтіи до Р. Х., потому что они изъ за Кавказскихъ Горъ тогда уже дѣлали вторженія въ Арменію. Но это доказываетъ только, что они были извѣстны Азіятцамъ уже въ пятомъ вѣкѣ. Владѣнія Булгаровъ въ самомъ дѣлѣ иногда простирались далеко на югъ, и даже одна часть ихъ народа, Хвалисы, обыкновенно кочевала по-близости Каспійскаго Моря. Булгары, поселившіеся на Дунаѣ, перешли туда изъ земель прикавказскихъ; но двое изъ византійскихъ писателей, Діоклеасъ и Никифоръ Григорасъ, именно говорятъ, что прежде они жили въ сѣверныхъ странахъ, при рѣкѣ *Вулгѣ*. Такимъ образомъ, сѣверовосточные берега Волги, около тѣхъ мѣстъ гдѣ она принимаетъ въ себѣ Каму, или нѣсколько южнѣе, были настоящимъ гнѣздомъ Булгаровъ, и тамъ возникла первая ихъ держава, вѣроятно, около пятаго столѣтія, если не ранѣе. «Цари», о которыхъ упоминаетъ Ибнъ-Фодланъ, какъ подвластныхъ государю булгарскому, могли быть прежде независимыми владѣтелями небольшихъ народовъ, покоренныхъ Булгарами. Христіанская вѣра проникла въ Волжскую Булгарію, кажется, ранѣе X вѣка, а семена Исламизма заброшены были туда вскорѣ послѣ покоренія Дербенда Аравитянами, когда торговая дѣятельность стала увлекать Мусульманъ въ страны Сѣвера. Въ татарской лѣтописи *Таварих-удъ-Даваиръ* приводятся имена нѣсколькихъ «ха-

новъ», которые будто-бы царствовали въ Булгаріи современно Магомету, но это мало заслуживаетъ довѣрія, какъ и все, что ни говорятъ о Булгарахъ татарскіе писатели, заклятые враги хронологіи. Во всякомъ случаѣ можно сказать, что Булгары достигли нѣкоторой образованности ранѣе всѣхъ народовъ сѣверо-восточной Европы, исключая Хазаровъ. Причина этого ясна: земля ихъ была складочнымъ мѣстомъ торговли, которая производилась между самыми сѣверными странами Европы и Азіятцами стремившимися въ Бярмію и Новгородъ; и довольно хорошимъ признакомъ этой образованности служитъ то, что они всѣ ходили въ сапогахъ: «*суть вси въ сапозѣхъ*, сказалъ воевода Добрыня Владиміру-Великому, который однажды разбилъ ихъ при помощи Торковъ: *имъ дани намъ не платити*, лучше пойдемъ на лапотниковъ». И сколько видно изъ исторіи, Булгары были еще непримиримые враги Руссовъ, которые подобно имъ покорили себѣ часть племенъ славянскихъ. Владѣтель булгарскій носилъ по-видимому титулъ царя, хана, или «владавца», Славянъ; по-крайней-мѣрѣ арабскіе писатели и послы халифовъ всегда давали ему это названіе.

Принятіе мусульманской вѣры Булгарами въ 922 году есть первое событіе о которомъ мы имѣемъ достовѣрное извѣстіе. Арабскіе писатели разсказываютъ объ этомъ много чудеснаго. Вотъ что находимъ мы у Казвини: «Абу-Хамедъ разсказываетъ, что нѣкоторый благочестивый мужъ пришелъ въ городъ Булгаръ въ такое время, когда царь и царица были больны и уже отчаявались въ выздоровленіи. «Примете ли вы вѣру мою, если вылечу васъ?» сказалъ онъ имъ. «Пріймемъ», отвѣчали больные. — Благочестивый мужъ вылечилъ ихъ, и они приняли Исламизмъ. Услышавъ объ этомъ, государь хазарскій пошелъ на нихъ войною съ огромнымъ войскомъ; но благочестивый мужъ сказалъ Булгарамъ: «Не бойтесь, и нападайте на непріятеля съ крикомъ: «*Аллахъ акбаръ*, *Аллахъ акбаръ!*» (Богъ

великъ, Богъ великъ!). Булгары исполнили это, и обратили враговъ въ бѣгство. Скоро послѣ того государь хазарскій предложилъ Булгарамъ миръ, говоря: «Я видѣлъ въ вашемъ войскѣ гигантовъ на сѣрыхъ коняхъ, которые побивали моихъ воиновъ».—«Это была рать Божія», отвѣчалъ благочестивый мужъ. Мусульмане вѣрятъ, что рать ангеловъ всегда сражается невидимо вмѣстѣ съ ними противъ невѣрныхъ. Какъ-бы то ни было, Ибнъ-Фодланъ разсказываетъ, что въ 309 году гиджры (921 отъ Р. Х.) прибыло въ Багдадъ къ халифу Муктедиру посольство отъ царя булгарскаго Алмаса, сына Силки, владавца, «царя Славянъ», съ просьбою прислать ему людей свѣдущихъ въ мусульманскомъ законѣ, и художниковъ для сооруженія мечети, каѳедры съ которой-бы можно было призывать къ обращенію въ Исламизмъ народы земли его, и крѣпости гдѣбы онъ могъ быть безопасенъ отъ нападенія враждебныхъ царей. Соизволяя на эту просьбу, халифъ отправилъ въ Булгарію посланниками Соусена-эль-Раси и Ахмеда Ибнъ-Фодлана, которые поѣхали въ Булгаръ черезъ Харезмъ (Хиву) и Землю-Башкировъ. Ибнъ-Фодланъ оставилъ намъ описаніе Булгаріи и земель которыя ему удалось видѣть во время этого путешествія. Какъ извѣстіе Ибнъ-Фодлана о Булгаріи очень важно, и составляетъ единственный историческій документъ, то мы приведемъ слова его вполнѣ, въ такомъ видѣ, въ какомъ сохранилъ ихъ Якутъ въ своемъ Географическомъ Словарѣ. Арабскій текстъ повѣствованія Ибнъ-Фодланова напечатанъ съ нѣмецкимъ переводомъ и весьма учеными объясненіями г. академикомъ Френомъ. Сказавъ то, чтó мы сейчасъ повторили о посольствахъ Альмаса и Муктедира, и описавъ путь, которымъ слѣдовало последнее посольство халифа, Ибнъ-Фодланъ продолжаетъ:

«Когда мы были только на разстояніи однѣхъ сутокъ пути отъ царя Славянъ, *Малекъ-эль-Саклабъ* (rex Sclabinorum) къ которому ѣхало наше посольство, вышли къ

намъ на встрѣчу братья его, дѣти и четверо подвластныхъ ему царей, неся хлѣбъ, мясо и просо. Отсюда мы отправились далѣе вмѣстѣ съ ними; и когда до царскаго жилища оставалось только двѣ парасанги (восемь верстъ), встрѣтилъ насъ самъ царь. Увидѣвъ насъ, онъ сошелъ съ лошади и палъ ницъ, восхваляя и благодаря Аллаха. Потомъ онъ разсыпалъ передъ нами серебряныя деньги, бывшія у него въ рукавѣ, и для помѣщенія нашего велѣлъ разбить палатки, въ которыхъ мы и остановились. Это было въ воскресенье, 12 числа мухаррема, 310 года (11 мая 922 по Р. Х.). Отъ харезмскаго города Джорджана (Ургенджа) до сюда было семдесятъ дней пути (около двухъ тысячъ пяти сотъ верстъ). Въ этихъ палаткахъ пробыли мы до среды, дожидаясь пока соберутся цари и вельможи земли его для присутствованія при чтеніи привезенной нами граматы. Въ четвергъ приготовили мы два вышитые золотомъ чахла, бывшіе съ нами, украсили лошадь богатымъ сѣдломъ, одѣли царя въ черное платье и голову ему обернули турбаномъ; я вынулъ грамату халифа, и онъ прочелъ ее стоя. Потомъ онъ прочелъ письмо верховнаго визиря Хамида Ибнъ-эль-Аббаси, также стоя, хотя былъ очень дороденъ. Его вельможи осыпали насъ серебряными деньгами. Мы вынули подарки халифа и представили ихъ царю; потомъ надѣли мы жалованную шубу на его супругу, которая по обычаю той земли садится (всенародно) рядомъ съ мужемъ».

«Потомъ царь позвалъ насъ въ свою палатку. Самъ онъ сидѣлъ на престолѣ, покрытомъ греческою парчею; по правую руку его находились подвластные цари, прямо противъ него сидѣли его дѣти, а насъ онъ посадилъ по лѣвую руку отъ себя. Тотчасъ, по повелѣнію царя, принесли столъ, а на столѣ жареное мясо. Взявъ ножъ, онъ сначала отрѣзалъ отъ мяса одинъ кусокъ и съѣлъ его; потомъ такимъ же образомъ съѣлъ другой и третій; потомъ отрѣзалъ еще кусокъ, и подалъ его послу нашему, Соусену, передъ кото-

рымъ тотчасъ же послѣ этого поставили небольшой столъ. Таковъ тамъ обычай, что никто не можетъ дотронуться до кушанья, пока царь ему не дастъ куска; и тогда уже тому, кто получилъ кусокъ, подаютъ особый столъ. Послѣ Соусена царь далъ кусокъ мяса одному изъ своихъ подвластныхъ царей, сидѣвшему по правую его руку, и передъ нимъ тоже поставили столикъ; потомъ другому, третьему, и такъ далѣе, всѣмъ присутствовавшимъ. Такимъ образомъ каждый получилъ особый столикъ и ѣлъ на немъ одинъ, не сообщаясь съ другими. По окончаніи обѣда мы взяли съ собою домой чтò оставалось на нашихъ столикахъ; но, прежде чѣмъ мы ушли, царь велѣлъ подать медоваго вина, которое называется на ихъ языкѣ *сичоу* (сычовка), пилъ самъ и мы пили».

«До нашего прибытія въ *хутбѣ* (проповѣди) поминали царя такимъ образомъ: «*Господи, дай благоденствіе царю и владавцу, царю Булгара!*» Я ему замѣтилъ, что только Богъ есть царь, и что никому не позволительно величать себя такъ предъ Богомъ, особенно съ каѳедры. «Самъ твой верховный начальникъ, халифъ, повелитель правовѣрныхъ, сказалъ я ему, велѣлъ, чтобы на всѣхъ каѳедрахъ Востока и Запада (Азіи и Африки) поминали его не иначе какъ: «*Господи, дай благоденствіе рабу твоему и намѣстнику Джафару, Могучему въ Богѣ* (Муктедиръ-билъ-Лахъ), *повелителю правовѣрныхъ*».—Царь спросилъ: «Какъ же надо говорить?» — Я отвѣчалъ: «Надо, чтобы поминали тебя по имени и отчеству». — На это онъ возразилъ: «Мой отецъ былъ недовѣрокъ и я тоже: не хочу, чтобы меня поминали по имени, когда тотъ, кто далъ его мнѣ, былъ невѣрный. Какъ зовутъ верховнаго начальника моего, повелителя правовѣрныхъ?»—«Джафаромъ», отвѣчалъ я.—«А можно-ли мнѣ называться его именемъ?» спросилъ опять царь.—«Можно».—«Такъ я принимаю для себя имя Джафаръ, произнесъ царь, а отецъ мой будетъ отсель называться Абдаллахомъ (рабомъ Божіимъ)». — И онъ объявилъ

объ этомъ *хатибу* (проповѣднику). Съ тѣхъ поръ въ хутбѣ стали поминать уже такимъ образомъ: «*Господи, дай благоденствіе рабу твоему Джафару, сыну Абдаллахову, эмиру* (повелителю) *Булгара и кліенту повелителя правовѣрныхъ*».

«Въ столицѣ этого царя видѣлъ я такое множество удивительныхъ вещей, что и перечесть невозможно. Въ самую первую ночь, которую мы провели въ этомъ городѣ, примѣтилъ я, незадолго до заката солнца, что горизонтъ ужасно красенъ, и услыхалъ высоко въ воздухѣ громкіе отголоски и глухой шумъ. Я поднялъ голову, и что-жъ вижу: надо мною плаваетъ облако, красное какъ огонь (сѣверное сіяніе), и этотъ шумъ и эти отголоски выходятъ оттуда! Въ облакѣ видны были какъ-бы люди и лошади, а въ рукахъ у тѣхъ призраковъ луки, копья и мечи. Такъ видѣлъ я, или по-крайней-мѣрѣ такъ мнѣ казалось. Потомъ явилось другое облако, такое же какъ первое, и въ немъ тоже разсмотрѣлъ я людей, оружіе и лошадей. Бросилось это облако на первое, словно какъ два отряда конницы нападаютъ другъ на друга, и мы такъ этого испугались, что съ величайшимъ сокрушеніемъ сердца принялись молиться Аллаху; туземцы напротивъ стали надъ нами смѣяться, и очень дивились нашему поступку. Мы видѣли, какъ одно облако устремилось на другое: нѣсколько времени были они смѣшаны вмѣстѣ, потомъ опять отдѣлились, и эти движенія продолжались до самой ночи, пока облака не исчезли. Когда мы потомъ спросили царя что̀ значило это явленіе, онъ отвѣчалъ: «Дѣды мои говаривали, что это духи вѣрующіе и невѣрующіе, которые сражаются между собою каждый вечеръ, и что они дѣлаютъ это съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ».

«Желая потолковать съ царскимъ портнымъ, который былъ изъ багдадскихъ уроженцевъ, я вошелъ съ нимъ въ свою палатку. Мы побесѣдовали не болѣе получаса, въ ожиданіи вечерняго призыва на молитву, и, услышавъ пѣ-

ніе муэззина на минаретѣ, вышли изъ палатки. Вотъ, вмѣсто вечера, на востокѣ видна уже заря! Я спросилъ муэззина: «Къ какой молитвѣ призывалъ ты?»—«Къ утренней», отвѣчалъ онъ. — «А что-же сдѣлалось съ вечернею?» спросилъ я опять.— «Мы читаемъ ее вмѣстѣ съ предвечернею».— «А ночь-то гдѣ-же?»—«Какъ видишь; она бываетъ еще короче нынѣшней; теперь начала прибавляться».—Тутъ муэззинъ разсказалъ мнѣ, что онъ не спитъ уже цѣлый мѣсяцъ, боясь пропустить утреннюю молитву, потому что ночь такъ коротка, что если поставить котелъ на огонь во время первой вечерней молитвы, въ немъ ничего еще не успѣетъ свариться, какъ уже надо звать на утреннюю. Я самъ испыталъ какъ ужасно дологъ бываетъ тамъ день. Въ одну часть года день бываетъ длиненъ, а ночь коротка, въ другую ночь длинна, а день коротокъ. На вторую ночь нашего пріѣзда я замѣтилъ, что звѣздъ на небѣ было очень немного; какъ казалось мнѣ, звѣздъ до пятнадцати, разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ. Заря, бывающая на западѣ при закатѣ солнца, не исчезала вовсе, и ночь была такъ свѣтла, что человѣкъ человѣка могъ узнать въ лице на разстояніи выстрѣла изъ лука. Луна едва успѣетъ появиться на горизонтѣ, какъ тотчасъ и блекнетъ передъ утреннимъ свѣтомъ. Царь разсказывалъ мнѣ, что за его землею, въ разстояніи трехъ мѣсяцовъ пути (тысяча верстъ), есть народъ, называемый *Вису* (Вѣсь), у котораго ночь короче часу. Видѣлъ я еще въ землѣ Булгаровъ, что, когда солнце восходитъ, все, и низменныя мѣста, и всякій предметъ, на который ни взглянешь, кажутся красными. Восходящее солнце огромно какъ облако, и краснота его исчезаетъ только, когда оно достигнетъ высшихъ областей неба. Туземцы разсказывали мнѣ, что зимою ночь бываетъ такъ же долга какъ лѣтній день, а день коротокъ какъ лѣтняя ночь, «до того что если кому изъ насъ, говорили они, случится на разсвѣтѣ итти къ рѣкѣ, называемой *Итилемъ* (Волгою), которая отстоитъ отъ насъ менѣе чѣмъ

на парасангу (четыре версты), прежде чѣмъ онъ дойдетъ, все небо уже покроется звѣздами».

«Въ собачьемъ лаѣ Булгары видятъ хорошее предзнаменованіе, и по лаю заключаютъ о томъ, плодороденъ, счастливъ и миренъ ли будетъ годъ. Змѣй видѣлъ я множество, такъ, что часто на деревѣ около одной вѣтви ихъ обовьется штукъ до десяти и болѣе. Ихъ не убиваютъ, да и сами онѣ никому вреда не дѣлаютъ. Есть у нихъ одинъ родъ яблокъ, зеленыхъ и ужасно кислыхъ, которыя ѣдятъ только дѣвушки и оттого толстѣютъ. Но ничего нѣтъ въ Булгаріи болѣе какъ орѣховыхъ деревъ; я видалъ ихъ цѣлыя лѣса, парасангъ въ сорокъ. Видѣлъ я также тамъ дерево, которое не знаю какъ назвать (береза): оно вышины необыкновенной, стволъ имѣетъ безлиственный, а вершину какъ у пальмы, и листья мелкіе, но густые. Дерево это прокалываютъ въ извѣстномъ мѣстѣ на стволѣ, и вытекающую изъ отверстія жидкость, которая пріятнѣе меду, собираютъ въ сосудъ. Этотъ напитокъ также пьянъ какъ вино, если употреблять его въ большомъ количествѣ».

«Пища Булгаровъ состоитъ бо́льшею частію изъ проса и конины, хотя въ землѣ ихъ пшеницы и ячменю родится очень много. Всякой пользуется вполнѣ произведеніемъ своего посѣва, не отдавая никакой части жатвы царю, которому платятъ только по бычачьей кожѣ съ дому: сверхъ того царь, если пошлетъ войско грабить какую-нибудь землю, получаетъ еще на свою долю часть добычи. Масла нѣтъ никакого, кромѣ рыбьяго жиру, который употребляютъ вездѣ, гдѣ другіе употребляютъ оливковое и кунжутное масло. И оттого запахъ ихъ отвратителенъ. Всѣ носятъ шапки. Если царь выѣзжаетъ куда, онъ всегда бываетъ одинъ, безъ служителя и безъ свиты. Когда онъ ѣдетъ мимо рынка, всѣ встаютъ, снимаютъ съ головы шапки, кладутъ ихъ подъ мышку, и надѣваютъ опять не прежде, какъ когда онъ проѣдетъ. Такимъ же образомъ и всѣ, кто входитъ къ царю, вельможи и простой народъ,

даже собственные его дѣти и братья, лишь только увидятъ его, тотчасъ снимаютъ шапки, кладутъ ихъ подъ мышку, кланяются ему въ поясъ (въ подлинникѣ — наклоняютъ головы и присѣдаютъ), потомъ выпрямляются и стоятъ, покуда онъ не велитъ имъ присѣсть. Всякой, кто садится передъ царемъ, дѣлаетъ это преклоняя колѣна и не показывая своей шапки, которую онъ надѣваетъ только когда выйдетъ изъ царскаго присутствія».

«Грѳзы случаются очень часто, и если молнія ударитъ въ домъ, всѣ удаляются оттуда и предоставляютъ строенію разрушаться отъ времени, говоря, что надъ этимъ мѣстомъ гнѣвъ Божій».

«Если встрѣтятъ человѣка съ необыкновеннымъ умомъ и глубокимъ познаніемъ вещей, говорятъ: «Ему въ пору служить Богу»; потомъ схватываютъ его, надѣваютъ ему на шею веревку, вѣшаютъ на деревѣ, и оставляютъ въ такомъ положеніи, доколѣ трупъ не распадется по частямъ».

«Если во время пути кто-нибудь станетъ мочиться не снимая съ себя оружія, у того отнимаютъ оружіе и все, что на немъ есть. Кто въ подобномъ случаѣ сниметъ оружіе и положитъ его всторону, того не трегаютъ. Таковъ у нихъ обычай! Мужчины и женщины ходятъ купаться въ рѣку и моются вмѣстѣ, нагіе, ничѣмъ не закрываясь другъ отъ друга; но непозволительнаго сообщенія между собою не имѣютъ. Если кто будетъ въ этомъ виновенъ, того, кто-бы онъ ни былъ, привязываютъ за руки и за ноги къ четыремъ столбамъ, которые вколачиваются въ землю, и топоромъ разсѣкаютъ ему тѣло отъ шеи до бедры. Такимъ же образомъ поступаютъ и съ женщиною. Потомъ каждую половину тѣла вѣшаютъ на дерево. Я очень старался уговорить женщинъ, чтобы онѣ въ баняхъ закрывались отъ мужчинъ, но не успѣлъ въ этомъ».

«Вора наказываютъ такимъ же образомъ какъ виновнаго въ прелюбодѣяніи».

«Много можно было бы сказать объ этомъ народѣ, но мы ограничиваемся тѣмъ, что сказано».

Послѣднія слова, по мнѣнію г. Френа, и по смыслу, принадлежатъ очевидно не Ибнъ-Фодлану, но Якуту, который сократилъ его разсказъ.

Послѣ Ибнъ-Фодлана многіе изъ Аравитянъ были въ Булгарѣ въ качествѣ путешественниковъ, кадіевъ, муллъ, хатибовъ (проповѣдниковъ), и прочая.

Масъуди говоритъ, что, нѣсколько времени послѣ торжественнаго принятія вѣры исламской при Муктедирѣ, сынъ царя булгарскаго отправился на поклоненіе въ Мекку и, по пути заѣхавъ въ Багдадъ, получилъ отъ Муктедира знамя, черное платье и нѣсколько денегъ.

Съ этого времени сношенія Булгаровъ съ Южною-Азіею сдѣлались гораздо дѣятельнѣе и имя ихъ, до самаго нашествія Монголовъ, встрѣчается чаще не только у писателей мусульманскихъ, но и въ русскихъ лѣтописяхъ.

Греки означали Волжскую Булгарію именемъ «Великой», а Аравитяне называли ее — *Дахеле*, «Внутреннею», точнѣе — «Входящею», то-есть, входящею въ шестой климатъ Птоломеевъ, или входящею въ составъ мусульманской имперіи халифовъ, а названіе «Великой» давали они Булгаріи Дунайской. Константинъ Багрянородный, говоря о землѣ Волжскихъ Булгаровъ, отличилъ ее названіемъ «Черной Булгаріи», и у Нестора есть одно мѣсто, гдѣ Булгары эти являются съ эпитетомъ «черные». Г. Френъ полагаетъ, что это названіе произошло отъ цвѣта одежды, въ которую облеклись государи булгарскіе по принятіи мусульманской вѣры, потому что черный былъ любимымъ цвѣтомъ Аббасидовъ и употреблялся не только ими, но даже всѣми ихъ приверженцами и подвластными: отъ этого произошло и самое названіе Мавровъ, то-есть, «Черныхъ», которое Греки дали Аравитянамъ. Въ русскихъ лѣтописяхъ встрѣчаются еще другія названія Булгаровъ; именно, въ нихъ говорится: 1) о Болгарахъ на Волгѣ; 2) о Болгарахъ Сереб-

ряныхъ, или *Нукратскихъ:* эти, какъ видно, жили по Камѣ, вѣроятно по близости какихъ-нибудь серебряныхъ рудниковъ, отъ которыхъ получили свое имя: *нукратъ*, слово арабское, перешедшее въ татарскій языкъ, значить «серебро»; 3) о Болгарахъ *Тимтюзяхъ*, которые жили гдѣ-нибудь недалеко отъ Серебряныхъ; 4) о Болгарахъ *Черемшанскихъ*, вѣроятно при рѣкѣ Черемшанѣ; 5) о Болгарахъ *Хвалисскихъ* или *Нижнихъ*, обитавшихъ при Каспійскомъ Морѣ, которое прежде называлось у Русскихъ Хвалимскимъ, по имени этихъ Булгаровъ: это — Халисіи, народъ извѣстный и Византійцамъ. Всѣми этими названіями лѣтописи наши означали по-видимому различныя поколѣнія одного и того же народа, отличая ихъ по имени рѣкъ или урочищъ; и этихъ-то поколѣній начальниками были тѣ «подвластные цари», *мулюкъ*, о которыхъ упоминаетъ Ибнъ-Фодланъ. Такимъ образомъ можно заключить, что Булгарская Держава состояла изъ многихъ удѣловъ, управляемыхъ особыми и наслѣдственными владѣтелями, которые болѣе или менѣе зависѣли отъ царя или «хана Булгара», и подобно ему назывались «ханами» или «тарханами», потому что этотъ титулъ встрѣчается и у Булгаровъ переселившихся на Дунай. Судя по описанію Ибнъ-Фодлана, Булгары, какъ и два другіе приволжскіе народа, именно Буртасы и Хазары, были поколѣніями частію осѣдлыми и земледѣльческими, частію кочевыми, то-есть, зимою жили въ деревянныхъ избахъ по городамъ и селеніямъ, а лѣтомъ удалялись въ юрты. Весьма трудно было бы опредѣлить пространство ихъ державы въ это время: въ продолженіе четырехъ столѣтій оно, должно быть, часто измѣнялось смотря по тому, въ какомъ положеніи находились дѣла народа. Арабскіе географы говорятъ объ этомъ весьма неясно, а изъ нашихъ лѣтописцевъ вовсе ничего нельзя извлечь. Вѣроятно, владычество Булгаровъ на восточномъ берегу Волги было утверждено гораздо прочнѣе, чѣмъ на западномъ. Это доказывается и развалинами ихъ городовъ.

Надо полагать, что въ разныя времена границы ихъ владѣній простирались отъ Горъ Уральскихъ до Суры и Оки и отъ Вятки и Камы до истоковъ Дона, Хопра и Самары; но нѣтъ сомнѣнія, что на этомъ пространствѣ жили вмѣстѣ съ ними и другіе народы, какъ-то: Мордва, Черемисы, Чуваши и Вотяки.

Господствующая религія была такимъ образомъ мусульманская, и Булгаре отличались ревностью къ закону пророка. Такъ, передъ самымъ вторженіемъ Монголовъ, только-что заключивъ миръ съ Русскими, они безчеловѣчно умертвили одного богатаго христіянскаго купца, который пріѣхалъ для торговли въ ихъ «Великій Городъ» и не хотѣлъ поклониться Магомету. Хаджи-Хальфа сохранилъ извѣстіе о посольствѣ Булгаровъ въ Харезмъ къ знаменитому богослову имаму Баккали, котораго они просили разрѣшить разныя ихъ сомнѣнія по предмету вѣры: извѣстіе это весьма важно по другому обстоятельству, о которомъ мы скажемъ послѣ. Изъ словъ Масъуди и Шемсъ-эдъ-Дина Димешки видно, что они часто ходили на поклоненіе въ Мекку. Но при раздѣленіи народа на поколѣнія и удѣлы, религія эта не могла быть общею. Несторъ, выражаясь — «пришли Болгаре вѣры Бохмичи», то-есть, Магометане, какъ-будто хочетъ сказать этимъ, что есть Булгары не-Бохмичи. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ, которые не приняли Исламизма, были или христіане или язычники. Судя по разсказу Ибнъ-Фодлана, у нихъ былъ еще порядочный запасъ разныхъ суевѣрій. О храбрости Булгаръ-магометанъ и ревности ихъ къ вѣрѣ говоритъ также и персидскій писатель XII вѣка, Ахмедъ Туси.

Исторія Волжскихъ Булгаровъ почти вся погибла. Мы узнаемъ отъ Ибнъ-Фодлана, что въ 922 году правилъ ими дородный царь *Алмасъ*, владавацъ, сынъ *Силки*, который, вѣроятно, царствовалъ въ исходѣ девятаго и началѣ десятаго вѣка. Хотя, по системѣ арабскаго письма, гласныя вообще пропускаются, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что-

бы можно было подразумѣвать такія гласныя, какія угодно; пропускаются только гласныя краткія, и по этому удареніе можетъ служить хорошимъ руководствомъ при опредѣленіи настоящаго характера слова. Такъ, имя, которое мы доселѣ читали *Алмасъ*, написано у Ибнъ-Фодлана *Алмсъ:* очевидно, что оно не произносилось *алмáсъ*, съ удареніемъ на второмъ *а*, и не имѣетъ ничего общаго съ *алмазомъ;* скорѣе должно читать его *Алмусъ* или *Ульмасъ*: въ первомъ случаѣ оно было-бы угрское, венгерское, или восточно-финское; во второмъ — турецкое. Что касается до слова *Владавацъ*, которое Ибнъ-Фодланъ пишетъ *Блтвдзъ*, то дѣло здѣсь гораздо яснѣе: самое скопленіе согласныхъ показываетъ, что это слово не принадлежитъ ни къ финскимъ, ни къ турецкимъ языкамъ, и что «царь Славянъ» дѣйствительно носилъ титулъ, составленный изъ жесткихъ звуковъ славянскихъ; сверхъ-того, особеннаго рода *т* (*та муаллефъ*), которое находимъ мы въ этомъ словѣ, весьма часто употребляется Аравитянами для выраженія звука *д* нашихъ языковъ, съ которымъ оно имѣетъ болѣе сходства нежели постоянное *д* арабское; а наше *в* они всегда произносятъ въ началѣ словъ какъ *б*. Опираясь на этихъ началахъ, г. Сенковскій весьма замысловато, какъ говоритъ академикъ Френъ, возстановилъ произношеніе слова *Влтвдзъ*, читая его *Владавацъ*. Г. Френъ принялъ это чтеніе, котораго важность для историческаго вопроса о Вулгарахъ мы увидимъ далѣе. Возстановленіе г. Сенковскаго тѣмъ правдоподобнѣе, что слово владавацъ, vladavaz, существуетъ доселѣ въ языкѣ Дунайскихъ Вулгаровъ; впрочемъ свѣдущіе въ арабскомъ языкѣ знаютъ, что слова «владавацъ» и нельзя написать иначе арабскою грамотою какъ только *блтвазъ*. Касательно *Силки* (чтеніе также г. Сенковскаго, который полагаетъ, что это можетъ быть родительный падежъ отъ «Силка», *сынъ Силки*), г. Френъ предпочитаетъ принимать эти звуки за испорченное имя *Василько:* сверхъ-того, по буквамъ, какими оно выражено

у Ибнъ-Фодлана, можно еще читать его *Шилки*, *Жилки* и *Хилки*, потому что Аравитяне равномѣрно превращають въ *ш* наши *ж* и *х*. Какъ-бы то ни было, этотъ *Алмасъ*, *Алмусъ*, или *Ульмасъ*, сынъ *Силки*, *Шилки*, *Жилки*, *Хилки*, или *Василька*, сдѣлавшись мусульманиномъ, принялъ имя Джафаръ и титулъ эмира (повелителя) булгарскаго. Кромѣ Силки, прозваннаго въ могилѣ Абдаллахомъ, и сына его Алмаса, или Джафара, изъ дошедшихъ до насъ монетъ булгарскихъ мы узнаёмъ еще о существованіи трехъ государей, именно: Ахмеда, вѣроятно сына Джафарова, Талеба и Мумена, сыновей Ахмедовыхъ. Монета Талеба выбита въ 338 году гиджры (949-950 по Р. Х.), а монета Мумена—въ 366 году гиджры (976 по Р. Х.). Открытіемъ и объясненіемъ этихъ драгоцѣнныхъ нумизматическихъ памятниковъ одолжены мы также знаменитому оріенталисту нашему, г. Френу. Съ Муменемъ, по-видимому, воевалъ нашъ Владиміръ-Великій, въ 989 году: «Въ лѣто 6493 иде Володиміръ на Булгаре съ Добрынею, уемъ своимъ, въ лодьяхъ, а Торки берегомъ приведе на конѣхъ, и тако побѣди Болгары», — то-есть, и *тако* одержалъ надъ ними нѣкоторую поверхность, но, видя что они «всѣ въ сапогахъ», и что поэтому ихъ трудно принудить къ дани, предпочелъ оставить ихъ въ покоѣ и обратиться на лапотниковъ. Въ татарскихъ преданіяхъ упоминаются еще цари, или ханы, Айдаръ, Ирханъ, и прочіе, которые владычествовали въ Булгарѣ до нашествія Монголовъ.

Вотъ все, что мы доселѣ знаемъ объ исторіи этого народа. Случай быть можетъ откроетъ Лѣтопись Булгарскую, *Тарихъ Булгаръ*, о которой говорили мы въ началѣ статьи. Между-тѣмъ изъ описанія Ибнъ-Фодланова и этихъ историческихъ именъ раждается любопытный вопросъ, который долго упражнялъ проницательность ученыхъ, и доселѣ остался нерѣшеннымъ — къ какому племени принадлежали Волжскіе Булгары? Были ли они Славяне, Турки или, какъ иные полагаютъ, восточные Финны? Прежнее преданіе,

которое причисляло ихъ къ славянскимъ народамъ, исчезло передъ пристрастіемъ новѣйшей эрудиціи къ восточности, и весьма знаменитые ученые еще недавно придерживались того мнѣнія, что Булгары были коренные Турки. Г. Сенковскій, хотя и оріенталистъ, попалъ на мысль читать булгарскія слова, приводимыя Ибнъ-Фодланомъ, *блтвазъ* и *сидэкоу*, по звукамъ славянскаго языка, и его дешифровка, принятая г. Френомъ, объяснила вопросъ такимъ образомъ, что есть возможность согласить кажущіяся противорѣчія восточныхъ писателей, упоминавшихъ о Булгарахъ, Нѣтъ сомнѣнія, что, въ этнографіи Булгаровъ есть весьма важные поводы усматривать турецкое начало. Между собственными именами Дунайскихъ Булгаровъ встрѣчаются слова чисто турецкія или, все равно, татарскія — *терханъ*, *тохту*, *тегинъ*, и прочія. Названія городовъ Волжскихъ Булгаровъ звучатъ также по-татарски — Ашли, Челматъ, Сабакула, Тухчинъ, Арнасъ, и прочія. Да и самое слово «Булгаръ», или по другому произношенію «Вуляръ», какъ-нельзя болѣе татарское. Въ словѣ *Бохмитъ* заключаются еще сильнѣйшія улики Волжскихъ Булгаровъ къ татарщинѣ: ежели, какъ все заставляетъ думать, сами Булгары называли Магомета *Бахметомъ* — изъ чего у Нестора вышло *Бохмитъ* — то они несомнѣнно говорили по-татарски: живое доказательство этого мы имѣемъ въ названіи русскаго дома «Бахметьевыхъ», которое удостовѣряетъ, что и Монгольскіе Татары, въ началѣ своей мусульманской образованности, по свойству восточно-турецкихъ нарѣчій, точно также произносили имя пророка. Наконецъ не-славянское происхожденіе Волжскихъ Булгаровъ можно еще подкрѣпить лѣтописью Нестора: онъ не упоминаетъ объ нихъ въ исчисленіи славянскихъ народовъ, ставитъ Булгаровъ и Хвалисовъ вмѣстѣ, какъ одно племя, а Дунайскихъ Булгаровъ именно называетъ Скиѳами и притѣснителями Славянъ: «Къ Словенскому-же народу, живущему на Дунаѣ, говоритъ онъ, пришли *отъ Скиѳъ*, то-есть,

отъ Козаръ, *рекоміи Булгари*, и сѣли по Дунаю, и были *насильницы Словенамъ*». Послѣ всего этого, кажется, невозможно и думать объ открытіи чего-либо славянскаго въ Булгарѣ. Между-тѣмъ, какъ согласить съ такимъ множествомъ признаковъ турецкаго начала то, что единогласно говорятъ восточные писатели, между которыми иные были очными свидѣтелями? Неужели всѣ они ошибались, называя Булгаровъ Славянами? Неужели послы халифа, бывшіе въ Булгарѣ, не умѣли различить Славянъ отъ Турковъ, проѣхавъ черезъ земли множества турецкихъ народовъ, и живши въ Багдадѣ посреди турецкихъ ратниковъ? Очевидно, что халифы и ихъ визири, въ граматахъ къ государямъ Булгара, не могли давать имъ другаго титула, кромѣ того, какой эти государи сами себѣ давали въ письмахъ своихъ къ халифамъ; что послы «повелителя правовѣрныхъ», и Ибнъ-Фодланъ, одинъ изъ пословъ, такъ величали булгарскаго владѣтеля, какъ онъ оффиціяльно названъ былъ въ граматахъ Багдадскаго Двора, и какъ самъ называлъ себя передъ халифомъ и передъ ними. Халифъ, послы и всѣ мусульманскіе писатели тѣхъ временъ и позднѣйшихъ, называли его неиначе какъ *царемъ Славянъ*. Алмасъ, сынъ Силки, «владавацъ», конечно имѣлъ основательныя причины употреблять это титло, и его мусульманскіе просвѣтители не могли быть въ такомъ заблужденіи, чтобы не знать, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло, съ Турками или Славянами. Притомъ обычаи, описанные Ибнъ-Фодланомъ, совершенно противны турецкимъ, и вообще всѣмъ азіятскимъ: не показываютъ ли они, въ этихъ Булгарахъ, настоящихъ Славянъ? Это сниманіе шапокъ, это прятаніе ихъ подъ мышку, это сидѣніе съ открытою головою передъ старшими, это присутствіе обоихъ половъ въ баняхъ, эти поклоны въ поясъ, повѣріе о молніи, березовый сокъ, питейный медъ, который сверхъ-того называется *сычов*(ка), все это — неотъемлемыя принадлежности Славянскаго Племени. Оставивъ всторонѣ имена «Алмаса»

и «Силки», какъ сомнительныя, не слѣдуетъ ли принять въ соображеніе названія разслащеннаго медомъ напитка и самаго титула царя, «владавацъ» — двухъ единственныхъ словъ булгарскаго языка, какія сохранила намъ Исторія? Если между названіями булгарскихъ городовъ встрѣчаются формы турецкія, съ другой стороны есть такія, которыхъ нельзя не признать славянскими: на-примѣръ *Жукотинъ*, *Кременчукъ*, *Басовъ* и самый *Исбилъ* или *Исболъ* Ибнъ-Хаукаловъ, котораго имя явно начиналось двумя согласными и поэтому не было ни турецкое, ни финское: вѣроятно надо читать это слово — *Свилъ* или *Своль. Бряхимовъ,* вмѣсто *Ибрагимовъ*, могло образоваться только въ устахъ славянскихъ. Далѣе, названія *Великаго Города*, вмѣсто Болгара, Болгаровъ *Серебряныхъ*, или *Нукратныхъ*, и прочія славянскія, встрѣчаемыя въ нашихъ лѣтописяхъ подлѣ другихъ чисто турецкихъ, безъ-сомнѣнія, заимствованы у самихъ Булгаровъ, изъ ихъ языка: можно даже сомнѣваться, назывался ли Булгаръ, на самомъ мѣстѣ неиначе какъ «Великимъ Городомъ»; имя «Булгаръ» могло быть присвоено ему Аравитянами, по обыкновенію ихъ — называть столицу именемъ самой области для избѣжанія трудныхъ иностранныхъ звуковъ. Наконецъ вспомнимъ, что Иванъ Васильевичъ Грозный требовалъ отъ Татаръ сдачи Казани, какъ древней «земли славянской»: это доказываетъ, что преданіе о славянскомъ характерѣ Булгара жило на Руси до XVI вѣка, когда уже и имя этого города было забыто.

Что-жъ говорятъ Аравитяне объ языкѣ Булгаровъ? Вотъ это именно и сбиваетъ всѣхъ съ толку. Ибнъ-Хаукалъ утверждаетъ, что языкъ Булгаровъ тотъ же какъ Хазаровъ: а Хазары состояли изъ двухъ народовъ, и одинъ изъ нихъ, черноволосый, второстепенный, положительно говорилъ по-турецки, а другой, главный и бѣлокурый, по-видимому финскаго происхожденія, восточно-финскимъ нарѣчіемъ, какъ это доказалъ г. Френъ названіемъ столицы ихъ, Саркеля. И въ самомъ дѣлѣ, подлѣ турецкихъ, можно

отыскать у Булгаровъ и нѣсколько финскихъ именъ. Другіе восточные писатели говорятъ еще хуже — что *Славяне суть Турки*, подразумѣвая именно подданныхъ «царя Славянъ», то есть, булгарскаго. На этомъ г. Гаммеръ хотѣлъ основать огромную ипотезу, которая имѣла цѣлію не болѣе и не менѣе, какъ вывести всѣхъ Славянъ изъ Средней Азіи. Между-тѣмъ Якутъ свидѣтельствуетъ о Буртасахъ, народѣ обитавшемъ при Волгѣ между Булгарами и Хазарами: «У Буртасовъ есть языкъ свой, отдѣльный, который не похожъ *ни на турецкій*, ни на хазарскій (финскій), *ни на булгарскій*. Которое-же изъ этихъ показаній можно принять за достовѣрное? Г. Сенковскій, которому принадлежитъ все это разысканіе, полагаетъ, что всѣ они справедливы, ежели мы пріймемъ въ соображеніе составъ полу-кочевыхъ имперій той эпохи и то достовѣрное обстоятельство, что Булгарская Держава состояла изъ многихъ поколѣній, управляемыхъ особыми князьями. Какъ почти во всѣхъ такихъ имперіяхъ, эти поколѣнія конечно принадлежатъ къ разнороднымъ племенамъ, и тутъ были неминуемо и турецкіе и финскіе и славянскіе народы, которыхъ соединяла между собою власть одной династіи, вѣроятно турецкой, но ославянившейся въ «Великомъ Городѣ», который сдѣлался ея столицей. Явно, что всѣ эти писатели говорили каждый только объ одной какой-нибудь части Булгарскаго Народа, исключительно имъ знакомой, и примѣняли къ ней общее названіе «Булгаровъ», распространяя свое объ ней понятіе и на прочія части, имъ неизвѣстныя. Такимъ образомъ одни утверждали, что Булгары говорятъ по-турецки, другіе, что языкъ ихъ — хазарскій (финскій), третьи, которые думали о Булгарахъ «Великаго Города», отличали этотъ языкъ и отъ турецкаго, и отъ хазарскаго, и отъ буртасскаго, а какъ булгарскаго государя на Востокѣ называли «царемъ Славянъ» и, слѣдственно, *всѣхъ* его подданныхъ Славянами, то иные писатели, находя что часть ихъ, и вѣроятно самая значитель-

ная, говоритъ по-турецки, очень естественно прибавляли— «*а эти Славяне суть Турки*». Арабскій космографъ Шемсъ-эдъ-Динъ Димешки пишетъ, что онъ спрашивалъ у пилигримовъ, шедшихъ черезъ Багдадъ на поклоненіе въ Мекку — «Что вы за народъ?» — и что они отвѣчали ему: — «Мы Булгары, а *Булгары суть смѣсь Турковъ съ Славянами*». Наконецъ слова компилатора Хаджи-Калфы, которыми начинается выписка его изъ описанія посольства царя Булгаровъ: «*Ихъ языкъ и обычаи похожи на русскіе:* этотъ народъ при династіи Аббасидовъ обратился въ мусульманскую вѣру», и прочая. Г. Сенковскій думаетъ, что славянская часть Булгарскаго Народа была преимущественно сосредоточена въ городѣ Булгарѣ, столицѣ государства. Постоянное смѣшеніе ея съ турецкими и финскими подданными «царя Славянъ» вѣроятно еще до нашествія Монголовъ измѣнило первобытный ея характеръ, а при новомъ приливѣ татарскихъ массъ, нахлынувшихъ съ Батыемъ, онъ и совершенно изгладился. Тѣмъ не менѣе, выговоръ казанскаго татарскаго нарѣчія до сихъ поръ носитъ на себѣ отпечатокъ вліянія славянизма на первоначальное его образованіе.

Когда и откуда славянское населеніе «Великаго Города» двинулось на берега Волги, это совсѣмъ другой вопросъ: быть можетъ при покореніи западныхъ и южныхъ областей Руссами; и потомъ увеличилось плѣнными, которыхъ Булгары уводили во время набѣговъ.

Булгары платили подати своему владавцу кожами — вѣроятно юфтью, которая до сихъ поръ слыветъ въ Азіи подъ ихъ именемъ и называется *булгаръ* или *булгари*. Эта отрасль промышленности, кажется, процвѣтала въ ихъ землѣ, и даже нынѣшніе жители Казанской Губерніи отличаются ею. Но въ другихъ искусствахъ они ушли не далеко: для постройки первой мечети и городскихъ стѣнъ имъ надлежало выписывать зодчихъ изъ Багдада, какъ Хазарамъ изъ Греціи Ибнъ-Хаукалъ упоминаетъ еще о двухъ

городахъ: *Сиваръ* и *Исбилъ* или *Исболъ*; имя перваго встрѣчается на одной булгарской монетѣ. Въ Булгарѣ, по словамъ Ибнъ-Хаукала, было нѣсколько мечетей и десять тысячъ жителей. Сиваромъ могъ быть Симбирскъ, такъ какъ онъ однажды принадлежалъ Буртасамъ, южнымъ сосѣдямъ Булгаровъ. Ахмедъ Туси приводитъ названія еще нѣсколькихъ укрѣпленныхъ мѣстъ въ Булгаріи, какъ-то, Басовъ, Марха, Арнасъ и еще одного, котораго совсѣмъ нельзя прочитать. Русскія лѣтописи упоминаютъ о «Великомъ Городѣ» томъ самомъ, который Аравитяне называли Булгаромъ, по имени государства; о Бряхимовѣ, прозванномъ славнымъ; о Билярѣ при Черемшанѣ, на развалинахъ котораго стоитъ нынѣшній Билярскъ; объ Ашли или Ошелѣ, при Волгѣ, котораго слѣды видны и теперь при устьѣ Кирелки; о Тухчинѣ, Собекулѣ и Челматѣ, которыхъ мѣстоположеніе вовсе неизвѣстно. Должно еще упомянуть, что по мнѣнію г. Сенковскаго, были два города, которые назывались Булгарами, Билярами и Великими, но доказательства этого мнѣнія потребовали бы обширнаго развитія, для котораго здѣсь нѣтъ мѣста.

Булгары производили значительную торговлю, которую весьма любятъ и нынѣшніе дунайскіе ихъ потомки. Черезъ ихъ земли провозились всѣ товары изъ мусульманскихъ краевъ на сѣверъ Европы и обратно. По Вяткѣ и Камѣ могли они имѣть сношенія съ разными финскими поколѣніями на востокъ и на сѣверъ отъ Булгара; внизъ по теченію Волги—съ народами около Каспійскаго Моря, а вверхъ по ней—съ западными и сѣверозападными жителями Россіи. Кромѣ того между Булгаромъ, Харезмомъ и Хорасаномъ производилась постоянная торговля посредствомъ карavановъ. Парчи, и слѣдственно разныя другія издѣлія Византіи, не чужды были въ Булгаріи. Предметами торговли были мѣха, шерсть, медъ, орѣхи, юфть и мамонтовые зубы. Эти зубы продавались въ Хорасанѣ по большой цѣнѣ, и, подобно слоновой кости, служили матеріаломъ для вы-

дѣлки гребней и другихъ предметовъ. Казвини говоритъ, что Булгары торговали также и клинками, которые изъ земель мусульманскихъ вывозили къ народамъ Вѣси и Югрѣ. Посольство халифа осыпано было серебряными деньгами: слѣдственно въ Булгарѣ были деньги — вѣроятно арабскія и бухарскія (Саманидовъ), которыя тогда обильно кружили во всей Россіи; но по принятія мусульманской вѣры эмиры булгарскіе начали чеканить и свои собственныя. Монеты эти сдѣланы по образцу арабскихъ, съ мусульманскими надписями и именемъ царствующаго государя. Письмо на нихъ куфическое. Искусство письма Булгары должны были узнать довольно рано; къ Муктедиру отправлена была грамата, и Царь Булгарскій читалъ письма халифа и его визиря передъ посланниками. Грамата къ Муктедиру могла быть писана по-арабски кѣмъ-нибудь изъ купцовъ: но на какомъ языкѣ читалъ царь Альмасъ отвѣты халифа и его министра, это совершенная загадка! Халифы не употребляли въ своей корреспонденціи другаго языка кромѣ священнаго и классическаго, арабскаго. Неужели «царь Славянъ» зналъ этотъ языкъ прежде обращенія своего въ вѣру пророка? Ежели онъ читалъ переводъ, то послы, которые называли его «царемъ Славянъ», не могли представить ему перевода на другомъ языкѣ кромѣ какъ на славянскомъ, и всего ближе на языкѣ Булгаровъ Дунайскихъ. Въ такомъ случаѣ пришлось бы допустить, что успѣхи дунайскихъ переселенцевъ въ грамотѣ не были чужды ихъ волжскимъ собратамъ — вещь возможная, но не слишкомъ вѣроятная. Какъ бы то ни было, и каковъ бы ни былъ главный языкъ Волжскихъ Булгаровъ, несомнѣнно то, что сдѣлавшись мусульманами, они, по примѣру всѣхъ народовъ принявшихъ эту вѣру, стали употреблять арабскія письмена.

Наказаніе за воровство и прелюбодѣяніе, какъ мы видѣли, было самое строгое. Такой же строгости подвергались и душегубцы: если кто убивалъ другаго, говоритъ

Ахмедъ Туси, убійцу запирали въ деревянный сундукъ, который вѣшали на высокій столбъ, чтобы онъ умеръ тамъ отъ холоду или отъ жару. Ибнъ-Фодланово сказаніе, что знающихъ и очень умныхъ людей въ Булгаріи вѣшали, можетъ относиться, какъ весьма справедливо замѣчаетъ г. Кеппенъ, къ тѣмъ людямъ, которыхъ у насъ на Руси называли «знахарями». Ибнъ-Фодланъ, вѣроятно, худо понялъ смыслъ этого славянскаго выраженія.

Торговый духъ Булгаровъ не уменьшалъ однакожъ въ нихъ воинственности. Не знаемъ въ какихъ отношеніяхъ были они съ сосѣдями своими съ сѣвера, юга и востока, но съ Русскими враждовали они почти безпрерывно. Въ 913 году они, по извѣстію Масъуди содѣйствовали истребленію Русскихъ, предпринимавшихъ походъ на южныя берега Моря Каспійскаго, а Русскіе по сказанію Ибнъ-Хаукала, вѣроятно въ отмщеніе за это, въ 969 году разорили ихъ землю. Мы уже говорили о походѣ Владиміра Великаго, который послѣ побѣды, одержанной за одно съ своими союзниками, Торками, заключилъ миръ съ Булгарами: они клялись быть дружными съ Россіей «доколѣ камень не начнетъ плавать а хмѣль грязнуть». Въ 1024 году, когда въ Суздалѣ свирѣпствовалъ голодъ, Земля Булгарская снабдила Русскихъ большимъ количествомъ хлѣба. Въ 1088 Булгары овладѣли Муромомъ, но не на долго. Въ 1164, оскорбленный Булгарами, Андрей Георгіевичъ Боголюбскій выступилъ противъ нихъ въ поле, разбилъ ихъ войско, взялъ знамена и прогналъ Князя. Въ этотъ походъ Русскіе овладѣли *славнымъ* булгарскимъ городомъ Бряхимовымъ (Ибрагимовымъ) и сожгли нѣсколько другихъ. Въ память этого установленъ особенный праздникъ, донынѣ торжествуемый нашею церковью перваго августа. Въ 1172 Андрей посылалъ на нихъ сына своего Мстислава, который однако самъ едва спасся. Въ 1183 Булгары вторглись въ земли Муромскія и Рязанскія, такъ, что великій князь Всеволодъ Георгіевичъ принужденъ былъ предпринять на нихъ походъ.

Къ нему присоединились разныя князья Русскіе и Половцы. Вмѣстѣ съ ними Русскіе осадили «Великій Городъ», въ землѣ «Серебряныхъ Булгаровъ», но юный племянникъ Всеволодовъ Изъяславъ былъ раненъ на приступѣ стрѣлою, и это спасло жителей. Заключивъ съ ними миръ, Всеволодъ возвратился во-свояси. Въ 1186 опять былъ походъ на Булгаровъ, а въ 1218 они овладѣли Устюгомъ. Это заставило великаго князя Георгія Всеволодовича отправить противъ нихъ брата своего Святослава, который сжегъ городъ ихъ Ошель, укрѣпленный высокимъ дубовымъ тыномъ съ двумя оплотами, между которыми находился валъ. Георгій произвелъ въ ихъ землѣ такія опустошенія, что Булгары униженно просили мира, который наконецъ былъ заключенъ; послы наши ѣздили въ ихъ землю. Это однакожъ не помѣшало Булгарамъ враждовать съ Русскими до самаго нашествія Монголовъ.

Въ первое нападеніе на Россію, Монголы оставили, кажется, Булгаровъ въ покоѣ; но когда потомки Чингисъ-хана отправились покорять земли лежащія къ западу, Булгарія первая пала жертвою ихъ кровожадности. Весною 1236 года военачальникъ Субутай вступилъ въ предѣлы ея съ отрядомъ монгольскихъ войскъ и взялъ Булгаръ. Видя силу Монголовъ, Булгары покорились безъ сопротивленія, но скоро по удаленіи ихъ взбунтовались. Тогда Субутай, вступивъ вторично въ ихъ землю, поработилъ ее совершенно. Порабощеніе это, сопровождаемое обычнымъ кровопролитіемъ и разореніемъ, нанесло рѣшительный ударъ независимости Булгаровъ. Съ этого времени они перестали существовать въ видѣ отдѣльной націи, составили часть Державы Кипчакской, и до самаго паденія раздѣляли судьбу ея, сливаясь болѣе и болѣе съ побѣдителями, такъ-что утратили наконецъ и свое народное имя. До основанія Сарая при Ахтубѣ, Булгаръ былъ кажется столицею монгольскихъ хановъ Золотой Орды; по-крайней-мѣрѣ они приходили лѣтомъ кочевать въ его окрестностяхъ. Они-то вѣ-

роятно построили тотъ городъ, котораго остатки видны въ селѣ Волгарахъ. Въ этомъ же городѣ были биты и первыя ихъ монеты. Вообще въ періодъ монгольскаго владычества исторія Булгаровъ переходитъ въ исторію столичнаго ихъ города, и лѣтописи говорятъ только о томъ, что случилось съ Булгаромъ, не упоминая ничего, или очень мало, о народѣ. По перенесеніи главнаго мѣстопребыванія хановъ въ Сарай, и до этого времени, Булгаръ управлялся по-видимому намѣстниками, которые ставились отъ хановъ. Когда въ Ордѣ произошли междоусобія, городъ этотъ сталъ переходить изъ рукъ въ руки къ разнымъ монгольскимъ князьямъ. Между-тѣмъ старинная вражда съ Русскими не прекращалась, и Новгородцы неразъ грабили земли Булгаровъ, хотя они были подданные хановъ, властителей Россіи. Въ 1359 вольница новгородская овладѣла булгарскимъ городомъ Жукотинымъ, а на слѣдующій годъ великій князь Дмитрій Константиновичъ, братъ его Андрей Нижегородскій и Константинъ Ростовскій должны были судиться за это съ Булгарами передъ ханскимъ посломъ. Разбойники были отысканы и выданы; не смотря на это въ 1365 году «охотники» новгородскіе разграбили и самый Булгаръ: Булгары въ свою очередь при князѣ Булатъ-Темирѣ, въ 1361 году, овладѣвшемъ ихъ землею, сдѣлали вторженіе въ предѣлы нижегородскіе, но усмирены были, съ согласія Мамаева, Василіемъ, сыномъ Димитрія Константиновича Суздальскаго. Въ 1374 и 1375 годахъ Булгарія снова подверглась грабежамъ Новгородцевъ, и въ 1376 Димитрій Іоанновичъ, который уже замышлялъ рѣшительно свергнуть иго Монголовъ, желая подчинить себѣ эту богатую землю, отправилъ въ нее сильное войско, которое въ соединеніи съ ратью суздальскою приблизилось къ Казани, и истребивъ огнемъ села, зимовища и суда Казанцевъ, принудило тогдашнихъ владѣтелей булгарскихъ, Осана и Махметъ-Салтана покориться великому князю. Казанцы заплатили 5000 рб. окупу и приняли въ городъ свой

московскаго «таможенника». Въ это время Казань начала уже затмѣвать прежнюю славу Булгара и скоро сдѣлалась преемницею его торговой значительности. Въ 1383 въ Булгарѣ, по повелѣнію Тохтамыша, ограблены были русскіе купцы, а черезъ восемь лѣтъ городъ, по сказанію татарской исторіи *Даситани-Аксакъ-Темиръ*, былъ совершенно разрушенъ Тамерланомъ, во время похода его на Тохтамыша. Другіе историки Тамерлана не упоминаютъ объ этомъ событіи. Какъ бы то ни было, изъ нашихъ лѣтописей видно, что въ 1389 году великій князь Василій Димитріевичъ отправилъ въ Булгарію съ сильнымъ войскомъ брата своего Юрія, который овладѣлъ Булгаромъ, Жукотинымъ, Казанью и Кременчукомъ, три мѣсяца опустошалъ эту торговую землю, и возвратился съ богатою добычею. Лѣтописцы говорятъ, что никогда еще полки русскіе не ходили такъ далеко во владѣнія монгольскія, и съ того времени Василій Димитріевичъ прослылъ «Завоевателемъ Булгаріи». Герберштейнъ почитаетъ этотъ походъ на Булгарію достопамятнѣйшимъ дѣломъ правленія Василіева. Въ Софійскомъ Времянникѣ подъ 1409 годомъ встрѣчается извѣстіе, что воевода Анфалъ былъ въ Булгаріи, а въ 1431 году великій князь Василій Васильевичъ Темный посылалъ на Булгаръ князя Өедора Даниловича Пестраго, который и взялъ его. Между тѣмъ въ продолженіе первой половины XV столѣтія безпрестанно встрѣчаются битыя въ Булгарѣ монеты Шадибека съ 1402 по 1407, и хановъ Пулада, Тимура, Джелаль-эдъ-Дина, Кибака и Чегре. Опредѣлить положительно время, когда Земля Булгарская перешла окончательно во власть царей русскихъ, невозможно, по недостатку объ этомъ свѣдѣній; но вѣроятно, что это произошло при Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ, въ одно время съ паденіемъ Казанскаго Царства; однако титулъ «государя Болгаріи» носилъ еще дѣдъ его, Іоаннъ III. Въ нынѣшнемъ императорскомъ титулѣ государь императоръ называется также «Княземъ Болгарскимъ».

Теперь, гдѣ красовалась торговая и воинственная Булгарія, видны бѣдныя жилища Ногаевъ, Чувашей, Черемисы и Мордвы. Только въ воспоминаніе древней славы, нынѣшніе Татаре казанскіе и симбирскіе, разнося халаты по улицамъ русскихъ городовъ, иногда еще съ гордостью величаютъ себя *Булгарлыкъ*, «Булгарствомъ».

О КУФИЧЕСКИХЪ МОНЕТАХЪ

НАХОДИМЫХЪ

ВЪ РОССІИ И ПРИБАЛТІЙСКИХЪ СТРАНАХЪ

КАКЪ ИСТОЧНИКАХЪ ДЛЯ ДРЕВНѢЙШЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ *.

Первыя времена народной жизни нашей покрыты густою мглою, въ которой глазъ историка можетъ различать только немногія болѣе или менѣе свѣтлыя точки; но и на этотъ свѣтъ полагаться ненадежно: это не звѣзды неподвижныя, блестящія во мракѣ ночи; это летучіе огоньки надъ могилами нашихъ предковъ, безпрестанно перемѣняющіе мѣсто. Что̀ представлялось намъ яснымъ и несомнѣннымъ вчера, оказывается сегодня темнымъ и проблематическимъ, отвергнется можетъ-быть завтра, какъ невѣрное и невозможное. Мы не знаемъ даже, когда появился, гдѣ обиталъ первоначально, къ какому племени (raçe) принадлежалъ тотъ народъ или поколѣніе, именемъ котораго гордимся теперь мы, сорокъ милліоновъ сѣверныхъ Славянъ, владѣющіе девятою частію земной поверхности. Мы не знаемъ, кто такіе были эти Руссы или Русь, которыхъ находимъ и на Волгѣ и на Днѣпрѣ, на берегахъ Черноморскихъ, на Балтикѣ и на Адріатикѣ, подъ Балканами и подъ Карпатами, между поколѣніями славянскими и между финскими и скандинав-

* Изслѣдованіе это, написанное въ 1841 году, напечатано въ I-мъ томѣ «Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей», вышедшемъ въ свѣтъ въ 1844 году, но отдѣльными оттисками выпущено еще въ 1842. *Изд.*

скими. Не знаемъ, что за люди были Варяги, играющіе столь видную роль въ древнѣйшей лѣтописи нашей — Шведы, Датчане, или Славяне Поморскіе. Не знаемъ основательно ни отношеній Славянъ, Финновъ, Руси и Варяговъ между собою, ни вообще отношеній древнѣйшей Россіи къ южнымъ и западнымъ Славянамъ, тѣмъ-менѣе еще — отношеній ея къ своимъ восточнымъ сосѣдямъ. Не знаемъ ни степени образованности нашихъ праотцевъ, ни ихъ быта общественнаго и семейнаго, ни ихъ религіи языческой, ни того, кàкъ, когда и откуда пришла къ нимъ первоначально религія Спасителя. Не знаемъ начинать-ли намъ исторію свою со временъ Митридата, или съ IX, или съ XI вѣка по Р. Х. Короче — не знаемъ почти ничего положительнаго, неоспоримаго; бо̀льшая часть написаннаго доселѣ о древнѣйшемъ періодѣ нашей исторіи, основывается на шаткихъ началахъ. Подуетъ легонькій вѣтерокъ скептизма, и системы, построенныя съ большимъ искусствомъ, но на основаніи непрочномъ, валятся и разбиваются въ дребезги. Мы пишемъ, разсуждаемъ, доказываемъ, и часто сами не знаемъ, вѣрить или не вѣрить тому, что̀ пишемъ, о чемъ разсуждаемъ, что̀ доказываемъ. Всѣ знанія наши объ этомъ темномъ времени не суть знаніе того, *что* и *какъ было*, а знаніе разныхъ системъ и мнѣній о томъ, *что* и *какъ могло быть*, системъ отжившихъ уже свой вѣкъ, увядающихъ или еще цвѣтущихъ. Горько, но должно сознаться въ этой истинѣ. IX и X вѣка нашей исторіи, съ тѣхъ поръ какъ обратилось на нихъ впервые вниманіе ученыхъ изслѣдователей, были постоянно предметомъ самыхъ различныхъ, иногда вовсе неосновательныхъ предположеній, мнѣній часто діаметрально противуположныхъ; по-крайней-мѣрѣ всѣ изслѣдователи долгое время соглашались хотя въ томъ, что истину, которой искали, старались извлечь преимущественно изъ одной книги, которую признавали «несомнѣнною», изъ лѣтописи извѣстной подъ именемъ Несторовой. На ней, какъ на

скалѣ гранитной, строили они свои системы; изъ нея извлекали пищу для всѣхъ своихъ предположеній. Но съ тѣхъ поръ какъ авторитетъ этой лѣтописи, дотолѣ незыблемый, какъ непогрѣшительность ея, дотолѣ признаваемая единогласно проповѣдниками самыхъ противуположныхъ ученій, подверглись сильнымъ ударамъ скептицизма, и сказанія ея утратили въ глазахъ многихъ ту достовѣрность и уваженіе, которыми пользовались у прежнихъ критиковъ, системы ихъ шатнулись, рухнули — и тьма тяготѣющая надъ древнею Русью сгустилась еще болѣе[1]. Подавленные обломками, оглушенные шумомъ этого паденія, мы не знаемъ теперь почти ничего о судьбахъ нашего отечества въ первые вѣка его жизни: сказанія современныхъ иноземныхъ писателей, сколько доселѣ они извѣстны намъ, не представляютъ ничего цѣлаго, ничего такого, изъ чего бы можно было реставрировать разрушенное зданіе древнѣйшей исторіи нашей, основывавшееся прежде на помянутой лѣтописи. Съ потерею довѣренности къ ней, мы лишились единственнаго проводника въ катакомбахъ историческихъ изслѣдованій о судьбахъ нашихъ праотцевъ; затушили послѣдній факелъ освѣщавшій намъ путь въ ихъ мрачныхъ извилинахъ, и остаемся блуждать въ совершенной темнотѣ...

Что-жь дѣлать въ такомъ положеніи, на что рѣшиться? отказаться-ли отъ возможности, отъ надежды разъяснить

---

[1] Я лично не раздѣляю во многомъ мнѣнія нашихъ скептиковъ касательно этой лѣтописи; но пусть она дѣйствительно принадлежитъ Нестору, пусть написана въ началѣ XII столѣтія и написана добросовѣстно, тѣмъ-не-менѣе нельзя отрицать, чтобы въ ней не было сбивчивости, множества темныхъ мѣстъ, множества важныхъ пропусковъ, отрицать того, что она дошла до насъ не въ томъ видѣ, въ какомъ вышла изъ кельи творца своего. Со временемъ окажется, можетъ быть, что сбивчивость была не въ лѣтописи, а въ нашихъ понятіяхъ, что мы не умѣли смотрѣть на нее съ надлежащей точки зрѣнія; но это со временемъ, а покуда оно придетъ, намъ кажется лучшимъ теперь забыть о ея непогрѣшительности, и сказаній ея не полагать въ основу нашихъ разысканій.

этотъ мракъ, и оставаться въ невѣдѣніи, предоставляя отдаленному будущему или неожиданному случаю снять покрывало съ непроницаемаго для насъ; или приступить къ новому, основательнѣйшему допросу современныхъ иноземцевъ, пролагать пути новые, искать свѣжихъ источниковъ? Будемъ надѣяться, что послѣдняя рѣшимость преодолѣетъ первую. Извѣстно, какъ недостаточно разработаны еще иноземные источники нашей исторіи, какъ недавно еще принялись у насъ отыскивать и издавать въ свѣтъ туземные. Византійцевъ знаютъ у насъ бо̀льшею частію только по извлеченіямъ и переводамъ Стриттера; саги Скандинавовъ — почти по одному слуху; до латинскихъ лѣтописцевъ Западной-Европы едва прикоснулись; извѣстія арабскихъ географовъ, историковъ и путешественниковъ стали употреблять въ дѣло очень съ недавняго времени; со всѣхъ сторонъ еще можно ожидать жатвы богатой. Пытливая любознательность, ища новыхъ источниковъ, нѣтъ сомнѣнія, откроетъ ихъ, а умы проницательные, обративъ вниманіе на извѣстное уже прежде, взглянувъ на старое съ новыхъ точекъ зрѣнія, съумѣютъ извлечь изъ розысканій своихъ результаты неожиданные, замѣнять разрушенное новымъ, построеннымъ на прочнѣйшемъ основаніи.

Съ этимъ убѣжденіемъ въ возможности возсозданія древнѣйшей исторіи нашего отечества, указываю нынѣ на одинъ родъ памятниковъ, могущій служить новымъ источникомъ для объясненія этихъ темныхъ временъ — памятниковъ, которые, сколько мнѣ извѣстно, не обратили еще на себя вниманія ни одного русскаго ученаго, о которыхъ доселѣ не писано ничего на отечественномъ языкѣ.

Памятники сіи суть куфическія монеты VIII, IX, X и отчасти VII и XI вѣка нашей эры, отрываемыя въ Россіи и странахъ прибалтійскихъ. Клады изъ этихъ монетъ находили и находятъ безпрестанно въ помянутыхъ земляхъ. Каждый годъ постоянно возращаютъ онѣ изъ нѣдръ

своихъ новую жатву Нумизматикѣ. Огромное, изумительное количество этихъ монетъ, имѣющееся теперь у насъ, въ Швеціи, Норвегіи, Даніи, Голштиніи, Мекленбургѣ, Пруссіи и Польшѣ, въ рукахъ правительствъ и частныхъ людей, не ввезено съ Востока въ новыя времена, не собрано и не куплено въ Азіи путешественниками и торгашами; за немногими исключеніями, почти все оно доставлено почвою этихъ же самыхъ странъ. А сколько еще этихъ драгоцѣнностей исчезло въ плавильномъ горшкѣ, перелито невѣжественными ихъ владѣтелями и отрывателями на ложки, на посуду, на кольца, на шпоры! Кто знаетъ, сколько растопляется ихъ въ настоящую минуту! Бо̀льшая часть, и можетъ быть важнѣйшихъ, находокъ, нѣтъ сомнѣнія, пропала безъ вѣсти; при-всемъ-томъ число такихъ, о которыхъ сохранились какія нибудь свѣдѣнія, еще велико, и велико такъ, что я не могу упомянуть здѣсь обо всѣхъ; но такъ-какъ познакомиться съ такого рода находками необходимо, чтобы оцѣнить ихъ достоинство какъ источниковъ, и видѣть что̀ возможно извлечь изъ нихъ для объясненія нашей древности, я ограничусь, въ отношеніи къ находкамъ сдѣланнымъ въ прибалтійскихъ краяхъ, только исчисленіемъ важнѣйшихъ и преимущественно тѣхъ, которыя описаны были знающими дѣло учеными [2].

Нумизматическій периплъ нашъ Балтійскаго-Моря начнемъ со Швеціи, какъ страны гдѣ на сохраненіе отечественныхъ древностей вниманіе правительства обратилось

[2] Извѣстія болѣе обстоятельныя о находкахъ этого рода въ прибалтійскихъ краяхъ вообще находятся въ *Гартманоѳой* книгѣ: Oluf Gerhard Tychsen, oder Wanderungen durch die mannigfaltigen Gebiete der biblisch-orientalischen Literatur. Band. II, 2. und 3 Abth., и въ *Ледебуровомъ* трактатѣ: Ueber die in den Baltischen Ländern in der Erde gefundenen Zeugnisse eines Handels-Verkehrs mit dem Orient zur Zeit der Arabischen Weltherrschaft. Berlin, 1840. Съ топографическою картою этихъ находокъ.

ранѣе, чѣмъ въ другихъ сосѣдственныхъ земляхъ, вслѣдствіе чего и находки, составляющія предметъ нашего разсужденія, были описаны здѣсь вѣрнѣе и сбережены лучше чѣмъ гдѣ-либо. При перечисленіи ихъ я буду слѣдовать хронологическому порядку [3].

Что Восточныя монеты отрываемы были на Шведскомъ материкѣ до XVIII столѣтія узнаёмъ мы отъ Олая Вормія [4], Шеффера [5], Гадорфа [6], Дикмана [7], Бреннера [8], но объ этихъ находкахъ говорится слишкомъ неопредѣленно. Изъ извѣстныхъ точнѣе, укажемъ на слѣдующія:

1. Въ 1702 году, въ холмѣ у деревни *Oena*, въ приходѣ *Mora*, вырыты, вмѣстѣ съ англосаксонскими и датскими монетами Этельреда и Канута, и халифскія IX и X вѣка [9].

2. Въ 1703 году, у *Näsby*, въ приходѣ *Ackers*, въ *Roslagen*'ѣ, найдено на 326 лотовъ серебряныхъ вещей и монетъ X вѣка, между которыми значительное число куфическихъ [10].

---

[3] Полное перечисленіе всѣмъ находкамъ по части древностей, сдѣланнымъ на Шведской землѣ съ 1547 по 1829 годъ, и дошедшимъ до свѣдѣнія правительства, въ томъ числѣ множества Восточныхъ монетъ и вещей, сдѣлано *Лилієгреномъ*. Статья его объ этомъ, подъ заглавіемъ: Strödda anteckningar om Fynd i Svensk Iord, med en dertill hörande Förteckning, помѣщена въ Kongl. Witterhets, Historie och Antiquitets Academiens Handlingar. T. XIII, s. 153—278. Превосходное разсужденіе *Адлербета* о Восточныхъ монетахъ найденныхъ въ Швеціи, подъ заглавіемъ: Inträdes-Tal, om Sveriges fordna Osterländska handel, i anledning af Arabisca penningar fundne in Svenks jord, находится въ запискахъ той же академіи томъ, I, ст. 102—174.

[4] Epistolae. Hauniae. 1751. I, 50.

[5] Upsalia. Edit. Upsaliae. 1668. p. 199.

[6] Praef. in leges Delekarl. Stockh. 1676. p. 5.

[7] Observat till Svenskars och Göthers Penninge Räckning. Stockh. 1686. p. 3.

[8] Thesaurus numorum Sveo-Gothicorum. Stockh. 1731. p. 265.

[9] *Ледебуръ*, s. 28, съ указаніемъ на *Zach. Holenius*: De Dalekarlia dissert. posterior. Upsal. 1725. p. 130.

[10] *Лилієгренъ*, s. 173, съ указаніемъ на *Keder*: Numi aliquot ex argento praestantissimi. p. 1.

3. Въ 1715 году, у *Kullaberg*, въ *Malmöhus-Län*'ѣ, найдено на 48 лотовъ серебра въ запястьяхъ и кольцахъ, равно какъ и арабскими монетами, частію разломанными [11].

4. Въ 1729 году, у *Gersnäs*, въ *Shonen*'ѣ, найдено на полѣ 204½ лота серебра монетами англійскими, ирландскими, нѣмецкими и арабскими, вмѣстѣ съ запястьями и другими украшеніями, частію въ обломкахъ [12].

5. Въ 1762 году, недалеко отъ *Gronstorp*'а въ приходѣ *Tuna*, въ *Södermanland*'ѣ, между англійскими и нѣмецкими монетами, найдены и обломки серебряныхъ Восточныхъ, вѣсомъ на 2 марки 6 лотовъ [13].

6. Въ 1781 году, найдено въ *Roslagen*'ѣ, на 141½ лота древнихъ серебряныхъ монетъ, въ томъ числѣ 100 штукъ однѣхъ арабскихъ, и въ томъ же году, въ той же провинціи, у *Norr Näna*, въ приходѣ *Estuna* — разныя украшенія и 99 частію арабскихъ, частію греческихъ (византійскихъ?) монетъ [14].

7. Въ 1802 году, недалеко отъ *Enköping*'а, въ приходѣ *Tillinge*, у *Hagby*, найдено подъ камнемъ 14 цѣлыхъ и 8 разломанныхъ куфическихъ монетъ [15].

8. Въ 1805 году, у *Ersta*, недалеко отъ *Eskilstuna*, вырыто изъ земли 806 англосаксонскихъ и куфическихъ монетъ, вмѣстѣ со всякаго рода серебряными украшеніями, всего на 5 марокъ и 7 лотовъ вѣсомъ [16].

9. Въ 1823 году, въ приходѣ *Bro*, у *Önnestad*, въ *Upsala-Län*'ѣ — 5 цѣлыхъ и 2 разломанныхъ арабскихъ монеты, битыхъ съ 905 по 915 годъ по Р. Х. [17].

10. Въ 1824 году, у *Asbygge*, въ приходѣ *Wahlbo*, въ *Gefleborgs-Län*'ѣ — 66 цѣлыхъ и 50 болѣе или менѣе изломанныхъ арабскихъ монетъ, битыхъ съ 896 по 925 годъ по Р. Х. вѣсомъ на 21 лотъ [18].

---

[11] *Лиліегренъ*, s. 176.
[12] [13] [14] *Лиліегренъ*, s. 179, 186, 200.
[15] Ibid. s. 215, съ указаніемъ на *Göthlin*: De numis Cuficis. p. 9.
[16] Ibid. s. 218, съ указ. на *Hallenberg's* Anm. öfver Lagerbrink. I, 315 — 318
[17] [18] Ibid. s. 152, 253.

11. Въ іюлѣ и августѣ 1828 года, у *Wasby*, въ приходѣ *Hammerby*, въ *Stockholm-Län*'ѣ—Восточныхъ монетъ на 50 лотовъ, въ томъ числѣ 300 однѣхъ куфическихъ, битыхъ съ 699 по 864 годъ по Р. Х., и 50 сассанидскихъ (?) [19].

12. Въ томъ же году, 11 августа, у *Soldattorpen Horda*, въ приходѣ *Moheda*, въ *Kronoborgs-Län*'ѣ, найдено въ урнѣ 3/4 лота золота и 95 лотовъ серебра въ монетахъ, кольцахъ и обломкахъ. Въ числѣ монетъ было 200 нѣмецкихъ, отъ временъ Оттона I до герцога Бернгарда I саксонскаго (973—1061), битыхъ частію въ Кельнѣ, Майнцѣ, Магдебургѣ и Дортмундѣ; 63 англосаксонскихъ и 30 куфическихъ [20].

Еще богаче находками прилежащіе къ Швеціи острова *Оландъ* и *Готландъ*. На первомъ найдено:

13. Въ 1768 году, въ приходѣ *Bredsätra* — 78 лотовъ арабскихъ монетъ, бо́льшею частію въ обломкахъ [21].

14. Въ 1771 году — 40 цѣлыхъ, 80 довольно сохранившихся, хотя и не цѣлыхъ, и до 700 обломковъ арабскихъ монетъ. Ауривиллій, описавшій эту находку, говоритъ, что монеты и обломки принадлежатъ слѣдующимъ династіямъ:

Халифамъ	— 12 цѣлыхъ и	9 обломковъ
Бувейгидамъ	— 1 цѣлая и	2 обломка.
Саманидамъ	— 22 цѣлыхъ и	657 обломковъ.

Изъ саманидскихъ относятся къ правленію:

Исмаила сына Ахмедова	— 2 цѣлыя и	46 обломковъ
Ахмеда сына Исмаилова	— 1 цѣлая и	37 обломковъ.
Насра сына Ахмедова	— 11 цѣлыхъ и	220 обломковъ.
Нуха сына Насрова	— 8 цѣлыхъ и	84 обломка.

Въ обломкахъ Ауривиллій насчиталъ еще 270 сама-

---

[19] Ibid. s. 275. См. также Nordisk Tidsskrift for Oldkyndighed. 1832. B. I. H. 1. s. 225.

[20] Ibid. s. 275. См. также Nordisk Tidsscrift for Oldkindighed. 1832. B. I. H. 1. s. 235.

[21] Ibid. s. 195.

нидскихъ; остальныхъ не разобралъ. Обломки принадлежали разнымъ монетамъ, такъ-что изъ 700 штукъ ихъ не нашлось двухъ, которыя были-бы отъ одной и той же монеты [22].

15. Въ 1775 году — два клада: одинъ у *Klinta*, состоявшій изъ колецъ, цѣпей и другихъ украшеній, также арабскихъ монетъ, вѣсомъ на $31\frac{1}{4}$ лотъ серебра; другой у *Ofra Wagnberga*, въ приходѣ *Köping*, состоявшій изъ запястьевъ, колецъ, застежекъ и другихъ украшеній вмѣстѣ съ арабскими, англосаксонскими и нѣмецкими монетами, на $192\frac{1}{2}$ лота серебра [23].

16. Въ 1779 году, въ томъ же приходѣ, въ двухъ различныхъ мѣстахъ — арабскія, англосаксонскія и нѣмецкія монеты. Изъ 101 арабской монеты, 84 было однѣхъ саманидскихъ [24].

17. Въ 1797 году, найдены арабскія монеты въ *Sikehamn*'ѣ, *Bredsätra*, *Köpinge*, *Borgehamn*'ѣ и *Petgärde* [25].

18. Въ 1824 году, у *Petgärde*, въ приходѣ *Löts* — множество арабскихъ монетъ вмѣстѣ съ ожерельемъ, и въ томъ же приходѣ, у *Hvalnäs*, подъ большимъ камнемъ — на $53\frac{1}{2}$ лота куфическихъ монетъ, битыхъ съ 896 по 940 годъ по Р. X. [26].

На Готландѣ особенно богаты находками окрестности Висби.

19. Уже Стреловъ упоминаетъ, что около *Висби* находятъ часто сирійскія (?), арабскія, греческія, римскія и другія монеты [27]. Извѣстно, что въ 1675 году найдено не

---

22 De numis Arabicis in Sviogothia repertis. Disquisitio *Caroli Aurivillii*, помѣщено въ Nova acta regiae societatis scientiarum Upsaliensis. Vol. II. Upsaliae. 1775. p. 79.

23 *Лилiегренъ*, s. 197 и 198.

24 *Ледебуръ*, s. 17, съ ссылкою на *Адлербета*, въ Kongl. Witterhets etc. Academiens Handlingar. I, 116.

25 *Лилiегренъ*, s. 208 и 209.

26 *Лилiегренъ*, s. 276. См. также Nordisk Tidsscrift. 1832 B. 1. H. 1. s. 231.

27 *Hans Nilson Strelow*: Chronica Guthilandorum. Hafn. 1633. Въ предисловіи.

этомъ островѣ большое количество арабскихъ монетъ [28]. Въ 1685 году, между *Wiblingsgard*'омъ и *Harde*, въ приходѣ *Helvi* — серебряныя кольца вмѣстѣ со многими арабскими монетами [29], и въ 1690 году — опять большое количество послѣднихъ [30].

20. Въ 1703 году, у *Висби* — 21 арабская монета [31].

21. Въ 1711 году, тамъ же — 358 серебряныхъ монетъ, бо́льшею частію англійскихъ королей: Этельреда, Канута, Эдуарда и Гаральда, кельнскія Оттоновъ, 4 арабскихъ и разныя серебряныя украшенія [32].

22. Въ 1733 году, въ *Gonnegard*'ѣ, въ приходѣ *Sanda* — на 100 лотовъ серебра, въ томъ числѣ на 55 лотовъ частію цѣлыхъ, частію изломанныхъ арабскихъ монетъ. Остальное состояло изъ обломковъ колецъ и другихъ украшеній [33].

23. Въ 1739 году, у *Wibblegärd*'а, въ приходѣ *Westernede*, въ полумилѣ отъ *Висби* — на 135⅝ лотовъ серебра, въ томъ числѣ 6 большихъ колецъ, которыя однѣ вѣсили 59 лотовъ, и другія болѣе мелкія серебряныя вещи и монеты. Послѣднія были англосаксонскія, нѣмецкія, арабскія и константинопольскія, вѣсомъ на 58⅝ лота [34].

24. Въ 1797 году, у *Löjsta* — значительное количество серебряныхъ украшеній вмѣстѣ съ персидскими, сирійскими (?) и арабскими монетами [35].

25. Въ 1807 году, вырыто на полѣ въ приходѣ *Linden*, серебра на 72 лота, частію въ украшеніяхъ, частію англосаксонскими, нѣмецкими и куфическими монетами. Послѣднихъ было 12 штукъ [36].

26. Въ 1812 году, въ приходѣ *Lummelund* — 708 хорошо сохранившихся и множество изломанныхъ монетъ и

---

[28] *Ледебуръ*, s. 20, ссылкою на C. D. Rhode: Cimbrisch-Golsteinsche Antiquitäten-Remarques. Hamb. 1720 s. 421.

[29] *Лиліегренъ*, s. 167.

[30] Ibid. s. 169, и *Ледебуръ*, s. 21.

[31] [32] [33] *Лиліегренъ*, s. 173, 175.

[34] [35] [36] *Лиліегренъ*, s. 180, 208, 220, 235, 271, 276.

серебряныхъ украшеній, относящихся къ VIII и IX столѣтіямъ; въ томъ числѣ много арабскихъ. Всего вѣсомъ на 5 марокъ и 3 лота [37].

27. Въ іюнѣ 1827 года, въ приходѣ *Grötlingbo,* вырыто подъ камнемъ на $5^7/_8$ лотовъ серебра; въ томъ числѣ 7 персидскихъ и 23 куфическія монеты [38].

28. Въ ноябрѣ 1828 года, у *Sundre*, найдено въ мѣдномъ горшкѣ около 300 англосаксонскихъ, куфическихъ и византійскихъ монетъ, вмѣстѣ съ украшеніями, всего вѣсомъ на 46 лотовъ [39].

Чтобы составить себѣ общее понятіе о богатствахъ, извлеченныхъ изъ Шведской почвы, довольно знать, что въ однѣхъ исчисленныхъ у Лиліегрена находкахъ монетъ и вещей полагаютъ на 2000 лотовъ золота и 6500 лотовъ серебра; и что монеты бо́льшею частію Восточныя и принадлежатъ къ пространству времени отъ VII по XI вѣкъ [40]. Находки, сдѣланныя съ 1829 года въ послѣднее десятилѣтіе, еще значительнѣе, какъ говорилъ это въ 1839 году Ледебуру королевскій государственный антикварій Гильдебрандъ, намѣревавшійся продолжать Лиліегреново перечисленіе, и какъ это извѣстно частію и мнѣ лично, чрезъ посредство постоянныхъ сношеній академика Френа съ шведскими нумизматами. Консерваторъ королевскаго мюнцкабинета въ Стокгольмѣ, Мальмстремъ, писалъ въ 1795 году знаменитому Тихсену, что куфическія монеты этого кабинета состоятъ изъ халифскихъ, отъ самаго начала монетнаго дѣла до эль-Моттаки-Лиллаха, 21-го халифа аббасидскаго; соффаридскихъ, гамданидскихъ, бувейгидскихъ, окайлидскихъ, аль-моравитскихъ и другихъ, но преимущественно саманидскихъ, которыя, начиная отъ основателя этой династіи, Исмаила сына Ахмедова, обнимаютъ почти всѣ годы властвованія его преемниковъ до Мансура сына

[37] [38] [39] *Лиліегренъ*, s. 180, 208, 220, 235, 271, 276.
[40] *Ледебуръ*, s. 8.

Нухова; что почти всѣ эти монеты серебряныя, и что всѣ вырыты изъ земли въ самой Швеціи [41].

Въ сосѣдственной съ Швеціею Норвегіи также издавна находятъ куфическія монеты, какъ видно это изъ Сума [42]. Въ новѣйшее тремя сдѣлано много находокъ, и все въ южныхъ частяхъ Норвегіи, въ епархіяхъ Христіанійской и Христіансандской [43]; такъ:

29. Въ августѣ 1834 года, нашли работники, въ имѣніи *Hoen*, въ приходѣ *Eger*, значительное количество золотыхъ (вѣсомъ на 88 1/16 унцовъ) и серебряныхъ украшеній и монетъ, за которыя Христіанійскій Университетъ выдалъ имъ 2030 норвежскихъ спеціесъ-талеровъ. Между золотыми монетами находились арабскія VIII вѣка, римсковизантійскія, франкскія и англосаксонскія [44].

30. Въ февралѣ 1836 года, нашли подъ большимъ камнемъ въ *Aarstad*'ѣ, недалеко отъ города *Egersund*'а, въ епархіи *Христіансандской*, около 1300 древнихъ серебряныхъ монетъ, вмѣстѣ съ разными украшеніями изъ того же металла, цѣлыми или въ обломкахъ; а при дальнѣйшемъ расчищеніи того же поля — еще нѣсколько такихъ предметовъ, такъ-что всѣхъ монетъ набралось до 1500, а вся находка оказалась вѣсомъ въ 73 3/8 унца. Бо́льшая часть монетъ были англосаксонскія, преимущественно Канута Великаго, и нѣмецкія. Куфическія были либо аббасидскія, битыя съ 913 по 932, либо саманидскія, битыя съ 913 по 942 годъ [45].

Перейдемъ изъ Норвегіи на Ютландскій-Полуостровъ.

---

41 *O. G. Tychsen*: Introductio in rem numariam Muhammedanorum. Additamentum primum. Rostochii, 1796. p. 7 и 8.

42 *P. F. Suhm*: Historie af Danmark. 1784. II, 100.

43 *Ледебуръ*, s. 5.

44 *C. A. Holmboe*: Ornamentornm et numorum maximam partem aureorum in parochia Eger nuper repertorum descriptio. Christianiae, 1835. A. Grote's Blätter für Münzkunde. 1835. Nr. 1 u. 2.

45 *C. A. Holmboe*: De numis MD medii aevi in Norvegia nuper repertis. Particula prior. Christianiae. 1836. Particula posterior. Ibid. 1837.

Онъ не извѣстенъ замѣчательными находками куфическихъ монетъ, но иногда ихъ отрываютъ и здѣсь, какъ свидѣтельствуетъ извѣстный путешественникъ К. Нибуръ [46].

Касательно находокъ этого рода въ Шлезвигѣ, извѣстно, что арабскія монеты, хранившіяся въ прежнемъ Готторпскомъ Кабинетѣ Рѣдкостей, открыты были въ одномъ курганѣ (Grabhügel) подъ *Шлезвигомъ* [47].

Необиліе куфическихъ монетъ на Датскомъ Материкѣ, вознаграждается богатствомъ въ нихъ острововъ образующихъ Датскій Архипелагъ. О двухъ самыхъ большихъ, Зеландіи и Фіоніи, нельзя сказать опредѣлительно были ли сдѣланы на нихъ находки, или нѣтъ [48]; но вотъ примѣры ихъ на другихъ:

31. Въ 1837 году, у *Sönder kirkebye*, на островѣ *Фальстеръ*, найдены обломки серебряныхъ колецъ, вмѣстѣ съ 24 куфическими и испегбедскими монетами. Древнѣйшая монета въ находкѣ относится къ 713, позднѣйшая къ 846 году по Р. Х. Куфическія принадлежатъ Восточнымъ Умейядамъ и Аббасидамъ. Три биты въ Африкѣ, въ исходѣ VIII столѣтія [49].

32. Въ томъ же году представлены были въ королевскій Копенгагенскій Кабинетъ Древностей кольца, застежки и обломки разныхъ вещей, вмѣстѣ съ англосаксонскими монетами отъ 924 по 940, куфическими съ 907 по 942 годъ, и множествомъ другихъ, найденныя подъ камнемъ въ приходѣ *Tullebölle*, на островѣ *Лангеландъ* [50].

Чаще другихъ датскихъ острововъ попадаются такія

---

[46] Description de l'Arabie. Copenhague, 1773. p. 87.

[47] *Ледебуръ*, s. 72, съ ссылкою на Niedersächsische Nachrichten. 1731, s. 612.

[48] *Ледебуръ*, s. 73.

[49] *Ледебуръ*, s. 73, съ ссылкою на Nordisk Tidsscrift for Oldkindighed. 1832. B. I, H. 1, s. 226. Находка эта описана точнѣе у *Lindberg*'а въ Lettre à M. Bröndsted sur quelques médailles cufiques, etc. Copenh. 1830.

[50] *Ледебуръ*, s. 75, съ указаніемъ на Antiquariske Annaler 1827. B. IV. H. 1. s. 596—599.

находки на *Борнгольмъ*. По одному старинному извѣстію, здѣсь при королѣ Фридрихѣ IV (1699 — 1730) найдена была въ одномъ болотѣ цѣлая мѣра полная арабскихъ монетъ [51].

Спускаясь изъ Датскихъ Владѣній въ Голштинію, Мекленбургъ, и идя далѣе къ востоку, мы встрѣчаемъ по всему Померанскому и Прусскому побережью Балтики много мѣстъ извѣстныхъ такими находками. Ихъ тѣмъ болѣе, чѣмъ ближе къ берегу, особенно въ мѣстахъ которыя исторія Среднихъ Вѣковъ показываетъ намъ какъ торговые пункты [52], и тѣмъ рѣже попадаются онѣ, чѣмъ далѣе станемъ углубляться во внутренность Германіи.

Въ Голштиніи находили арабскія монеты [53], но несравненно обильнѣе ими почва Мекленбургская. Вниманіе на нихъ обращено было здѣсь трудами О. Тихсена. Куфическія монеты, отрытыя въ 1767 году, вблизи монастыря *Рюнъ* (*Rhün*), у *Бюцова* (*Bützow*), и въ то же время у *Пасевалка* (*Pasewalk*) и *Торгелова* (*Torgelow*) въ Помераніи, не только подали ему поводъ описать ихъ [54], но и внушили такое расположеніе къ занятіямъ Восточною Нумизматикою, которое въ послѣдствіи дало существованіе произведеніямъ усвоившимъ ему славу отца этой науки. Черезъ него узнаёмъ, что:

33. Около 1775 года, одинъ крестьянинъ нашелъ въ *Дассовскомъ* Округѣ, въ двухъ миляхъ къ востоку отъ *Любека*, цѣлый горшокъ съ саманидскими монетами, частію изломанными. Онѣ проданы были жиду, который ихъ тот-

---

[51] Ibid. s. 75, съ указаніемъ на Leitfaden zur nordischen Alterthumskunde. Kopenhagen, 1837. s. 85. Исчисленіе прочихъ находокъ въ Датскихъ Владѣніяхъ можно видѣть у *Ледебура* же, s. 71—76.

[52] *J. G. C. Adler*: De numis Samanidicis aliisque ad litus maris Baltici effossis, въ его Collectio nova uumorum Cuficorum seu Arabicorum veterum. Hafniae, 1792. p. 65—112.

[53] *Ледебуръ*, s. 69, съ ссылкою на Eichhorn's Repertorium. VI, s. 183, и Niedersächsische Nachrichten. 1731. s. 611.

[54] Въ Bützow'sche Nebenstunden. III, s. 49—62.

часъ расплавилъ. Подобная же участь постигла и 10½ фунтовъ арабскихъ и другихъ монетъ и украшеній, выпаханныхъ изъ земли въ *Штеенгузенѣ*, въ одной милѣ къ С.В. отъ *Висмара* [55].

34. Въ маѣ 1779 года, въ одной могилѣ на кладбищѣ въ *Крумбекѣ*, въ *Стрѣлицкихъ* Владѣніяхъ, найдено не менѣе 10 фунтовъ арабскихъ монетъ, какъ писалъ объ этомъ Машъ къ Тихсену въ 1780 году [56].

35. Въ 1809 году, Тихсенъ опять извѣщенъ былъ о находкѣ, у городка *Гадебуша*, около 1200 арабскихъ монетъ, которыя тотчасъ же и были расплавлены [57].

Въ послѣднее десятилѣтіе въ Мекленбургскихъ Владѣніяхъ сдѣланы были также довольно важныя находки [58].

Въ Помераніи находятъ куфическія монеты преимущественно около *Кольберга* и *Воллина*. Около перваго большое количество ихъ найдено было еще въ 1663 году [59]; въ новѣйшее время такіе случаи часто повторялись; такъ:

36. Въ маѣ 1837 года, при отрываніи каменьевъ для шоссе, найденъ подъ камнемъ въ *Бугентинѣ*, недалеко отъ *Кольберга*, горшокъ съ серебряными вещами и монетами временъ саксонскихъ и франкскихъ королей. Между монетами были и 26 арабскихъ, принадлежащихъ, по объясненію извѣстнаго оріенталиста Козегартена, Аббасидамъ, Соффаридамъ, Саманидамъ, Бувейгидамъ и Зіяридамъ, и битыхъ съ 772 по 979 годъ [60].

37. Въ 1839 году, у *Кольберга* же, найдено 40 Восточ-

---

[55] Von den Arabischen Alterthümern in Meklenburg und ihrem Entstehen, помѣщено въ Gelehrte Beiträge zu den Meklenburg Schwerinschen Nachrichten Jahrgang 1779.

[56] Hartmann's Wanderungen etc. II. 2. Abth. s. 39.

[57] Ibid. s. 42.

[58] Объ нихъ въ Jahresberichten des Vereins für meklenburgische Geschichte und Alterthumskunde.

[59] *Ледебуръ*. s. 53, съ указаніемъ на *J. H. Hottingeri* Bibliothecarius quadripartitus, p. 116.

[60] Baltische Studien. IV Jahrh. 1839. 1. H. s. 215—220.

ныхъ монетъ, изъ которыхъ 4 бувейгидскихъ, нѣсколько аббасидскихъ, большая-же часть саманидскія [61].

Касательно воллинскихъ находокъ Ледебуръ говоритъ, что нигдѣ не находили арабскихъ монетъ и драгоцѣнныхъ украшеній въ большемъ обиліи, чѣмъ здѣсь [62]. Такъ въ 1755 году, при копаніи колодца въ одномъ изъ предмѣстій *Воллина*, найденъ сосудъ съ разными древностями и многими арабскими монетами, цѣнность которыхъ опредѣлена была во 100 талеровъ [63]; такъ:

38. Въ 1795 году, въ *Воллинѣ* же, подъ корнемъ вырытаго дерева, найдены 34 халифскія, саманидскія и другія куфическія монеты, поступившія въ нумизматическій кабинетъ Адлера въ Берлинѣ [64].

39. Въ 1823 году, недалеко отъ *Воллина* — разломанныя серебряныя монеты и серьги, вѣсомъ на 6 фунтовъ; и тамъ же, въ слѣдующемъ году — подобная же находка: обломки монетъ, украшеній, цѣпей, колецъ, вѣсили 30½ лотовъ. Между хорошо сохранившимися монетами, принадлежавшими вообще ко времени Оттоновъ, находились нѣмецкія, вендскія и арабскія [65].

На островахъ прилежащихъ къ Помераніи, *Узедомѣ* и *Рюгенѣ*, извѣстны также разныя находки куфическихъ монетъ [66].

Далѣе, можно упомянуть еще о слѣдующихъ въ разныхъ мѣстахъ Помераніи:

---

[61] A. Bartsch: Jahresbericht des Vereins für meklenburg. Gesch. u. Alterthümer. IV Jahrg. 1839. s. 57.

[62] L. c. s. 55. Тамъ же и указанія на извѣстныя находки.

[63] Zöllner's Reise durch Pommern. s. 91. *Боленъ*, въ Preussische Provinzialblätter. Band XIV, October-Heft. s. 322.

[64] *Тихсенъ*, въ Addiment. primum ad introduct. in rem num. Muhammed. p. 5.

[65] Das königliche Museum vaterländischer Alterthümer in Berlin. 1838. s. 22.

[66] *Ледебуръ*, s. 60—63. Jahresberichte der Gesellschaft für Pommersche Geschichte und Alterthumskunde.

40. Лѣтомъ 1837 года, найденъ при выкапываніи камней на полѣ деревни *Бирковъ*, въ округѣ *Штольпе*, глиняный сосудъ съ древними, частію разломанными, монетами, вѣсомъ на 6 фунтовъ 18 лотовъ. Третья часть этой находки поступила въ минцкабинетъ королевскаго Берлинскаго Музея, и между поступившими монетами были сассанидскія (?), умейядскія и аббасидскія [67].

41. Въ 1752 году, въ имѣніи *Мюддельмовъ*, въ *Вольденбургскомъ* приходѣ *Регенвальдерскаго* Округа — сосудъ съ арабскими серебряными монетами, металлическая цѣнность которыхъ опредѣлена была въ 200 талеровъ [68].

42. Въ 1802 году, у *Белькова*, недалеко отъ *Колбаца*, въ *Грейфенгагенскомъ* Округѣ — 238 отлично сохранившихся арабскихъ монетъ, битыхъ съ 714 по 938 годъ [69].

43. Въ послѣднемъ десятилѣтіи, недалеко отъ *Деммина*, *Девена*, въ округѣ *Гримме* — горшокъ съ арабскими монетами. Ихъ купилъ за 80 талеровъ одинъ еврей [70].

44. Около 1767 года, у *Пасевалка* и *Torгелова* — 20 арабскихъ монетъ съ куфическими надписями [71].

На югъ отъ Помераніи, куфическія монеты находимы были только въ сѣверовосточныхъ частяхъ Бранденбургской Области.

45. Зимою съ 1831 на 1832 годъ, у *Гёрица*, между *Пасевалкомъ* и *Пренцлау*, найденъ кладъ, оцѣненный въ 250 талеровъ, и состоявшій изъ отличной работы и прекрасно сохранившихся ожерелій и другихъ серебряныхъ украшеній, изъ 41 хорошо сберегшихся, 58 только отчасти сохранившихся, и 7 фунтовъ 17 лотовъ разломанныхъ куфическихъ монетъ [72].

46. Въ декабрѣ 1818 года, у *Гралова*, близъ *Ландсберга*, на Вартѣ, найдено огромное количество монетъ. За-

---

67 68 69 *Ледебуръ*, s. 58 и 59.

70 Baltische Studien. 1833. Bd. II, H. 1, s. 104.

71 Описаны *О. Тихсеномъ* въ Bützow'sche Nebenstunden. III s. 49—62.

72 73 Museum vaterländischer Alterthümer in Berlin. s. 80—81 и 62.

мѣчательнѣйшія куплены для королевскаго собранія за 230 талеровъ. Между ними были нѣмецкія, вендскія, куфическія и византійскія [73].

47. Въ 1769 году, во *Франкфуртѣ-на-Одерѣ*, найденъ сосудъ съ арабскими монетами, на $1^1/_2$ фунта вѣсомъ. Это самый южный пунктъ прибалтійскихъ странъ на которомъ найдены куфическія монеты. Южнѣе не находили ихъ доселѣ [74].

Въ собственной Пруссіи извѣстно такихъ находокъ менѣе, чѣмъ на сосѣднемъ Померанскомъ Побережьѣ; причина этого заключается не въ томъ, чтобы дѣйствительно было ихъ менѣе, а въ томъ, что на нихъ обращали менѣе вниманія. Болѣе другихъ мѣстъ извѣстны здѣсь ими окрестности Данцига. Такъ въ *Гагельсбергѣ*, у *Данцига*, на мѣстѣ называемомъ *Heidenberg*, найдена была, еще въ XVI столѣтіи, урна съ золотыми и серебряными монетами, въ томъ числѣ Оттоновъ и, по всей вѣроятности, куфическими [75].

48. Въ 1722 году, у *Штегена*, въ двухъ миляхъ къ востоку отъ *Данцига*, найдено рыбаками болѣе 70 арабскихъ монетъ, которыя, по изслѣдованіямъ Кера, оказались халифскими диргемами, битыми преимущественно между 802 и 813 годами. Четыре, битыхъ ранѣе, принадлежали къ 724, 746, 779 и 797 годамъ [76].

Самая замѣчательная изъ находокъ въ Пруссіи сдѣлана была—

49. Лѣтомъ 1832 года, у *Мюнстервальде*, на лѣвомъ

---

[74] *Ледебуръ*, s. 65, съ ссылкою на Minutoli: Beschreibung einer zu Stendal aufgefundenen alten heidnischen Grabstätte. Berlin, 1827.

[75] *Ледебуръ*, s. 48, съ указаніемъ на *Casp. Schützii* Rerum Prussicar. historia. Ed *Zerbst*. 1592. p. 9.

[76] Находка эта подала *Керу* поводъ написать о ней трактатъ подъ заглавіемъ: Monarchiae Asiatico-Saracenicae status qualis VIII et IX sec. fuit, ex nummis argenteis prisca Arabum scriptura Kufica cusis et nuper prope Gedanum effossis, illustratus. Lipsiae, 1724 — трактатъ почитаемый первымъ основательнымъ трудомъ по части Мусульманской Нумизматики.

берегу Вислы, около полуторы мили отъ *Маріенвердера*. Для шоссе разбили большой камень, служившій можетъ-быть жертвенникомъ во времена языческія, и подъ нимъ нашли, въ развалившейся урнѣ, спиральной формы серебряную змѣю длиною въ $1^1/_2$ прусскіе локтя, другія серебряныя украшенія и Восточныя монеты, всего вмѣстѣ на 7 фунтовъ. Цѣльныхъ монетъ было 570, обломковъ на 3 фунта. Цѣлыя всѣ хорошо сохранились, такъ что по-видимому до зарытія своего находились мало въ обращеніи. Многія были съ проверченными дырочками. Изъ цѣлыхъ нѣсколько было сассанидскихъ (?), 5 умейядскихъ, 2 халифа Абуль-Аббаса, 22 Мансура, 50 Могди, 161 Гарунъ-эр-Рашида (всѣхъ годовъ его халифствованія, кромѣ послѣднихъ пяти, когда онъ воевалъ съ Византійцами), около 20 Эмина и Мамуна, нѣсколько монетъ позднѣйшихъ халифовъ, и болѣе 200 саманидскихъ: Исмаила, Ахмеда и Насра II, отъ 279 (892) по 330 (941) годъ гиджры. Позднѣйшихъ не было. Обломки, почти все отъ аббасидскихъ монетъ, какъ по старательномъ изысканіи оказалось, не подходили одинъ къ другому, слѣдовательно всѣ принадлежали разнымъ монетамъ [77].

Есть основаніе думать, что подобныя находки имѣли мѣсто и въ Великомъ Герцогствѣ Познанскомъ. Въ собственной-же Польшѣ сдѣлано ихъ нѣсколько въ новѣйшее время, какъ узнаёмъ это отъ Лелевеля. Халифскія монеты, которыя здѣсь найдены, и которыя онъ имѣлъ случай видѣть, биты отъ 777 по 818 годъ, а такія же саманидскія — съ 901 по 954 [78].

---

[77] Westpreussische Mittheilungen, III. Jahrg. 1832, Nr. 32—36. Статья *Болена*: Ueber den wissenschaftlichen Werth und die Bedeutsamkeit der in den Ostseeländern vorkommenden arabischen Münzen, въ Preussische Provinzialblätter, Bd. XIV, October-Heft, s. 313—328.

[78] D'où vient l'argent qu'on trouve en Pologne? — статья *Лелевеля*, во второмъ томѣ его Numismatique du moyen âge. Paris, 1835; и статьи его объ этихъ же монетахъ, помѣщенныя въ 1828 и 1829 годахъ въ «Литературномъ Журналѣ Варшавскомъ», издававшемся *Ширмою* (*Szyrma*).



Въ заключеніе этого обозрѣнія находокъ въ прибалтійскихъ странахъ, остается замѣтить, что есть примѣры ихъ въ Англіи и даже Исландіи. Такъ отъ Марсдена узнаёмъ, что описанные имъ и находившіеся въ его же собраніи: халифскій диргемъ, битый въ Басрѣ въ 182 году (798 по Р. Х.), и два саманидскіе, битые въ Шашѣ, въ 293 и 292 годахъ (906 и 907 по Р. Х.), найдены, въ исходѣ прошедшаго столѣтія, въ деревнѣ *Dean*, въ 18 верстахъ отъ *Кесвика*, въ *Комберлендѣ*; а третій саманидскій, битый въ 299 г. гиджры (911 по Р. Х.), выпаханъ, въ 1807 году, близъ *Іорка*, въ приходѣ *Флакстонскомъ*, на полѣ, вмѣстѣ съ другою такою же монетою, болѣе чѣмъ съ полутораста англосаксонскими пенни, кольцами, поручнями и другими серебряными вещами [79]. Относительно Исландіи, знаемъ, что здѣсь въ *Mjoadal*, въ *Myrar*'скомъ округѣ, вырыты были въ 1837 году, вмѣстѣ съ разными украшеніями, и двѣ куфическія монеты [80].

Обращаемся теперь къ Россіи. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что испегбедскія и куфическія монеты VII, VIII, IX, X и XI вѣковъ, равно какъ и современныя имъ вещи и украшенія Восточной работы, находимы были въ отечествѣ нашемъ издавна, часто, и въ большомъ количествѣ; но на нихъ никто не обращалъ вниманія, имъ не знали цѣны: всѣ эти сокровища шли изъ-подъ земли прямо въ плавильный котелъ, шли тѣмъ скорѣе, что, какъ монеты такъ и вещи, судя по аналогіи, находимы были у насъ, какъ и вездѣ, бо̀льшею частію не цѣлыми, а въ обломкахъ. Сколько, можетъ-быть, не говоря о другомъ упо-

---

[79] The oriental coins, ancient and modern, of *W. Marsden*, described by himself. London, 1823. Vol. I, p. 39, 77 и 80.

[80] Société royale des Antiquaires du Nord; rapport des séances annuelles de 1838 et 1839. p. 14.

требленія этого языческаго и мусульманскаго серебра, надѣлано изъ него однихъ окладовъ на иконы! Изъ испегбедскихъ монетъ, вырытыхъ не очень давно близъ Могилева, извѣстно навѣрное, сдѣланъ былъ тяжелый серебряный бокалъ[81]. Несмотря однако же на такое обращеніе съ находками, и на то, что только немногіе, и то съ недавняго времени, начали беречь и собирать эти монеты, мы находимъ ихъ уже въ огромномъ числѣ въ нашихъ нумизматическихъ собраніяхъ, принадлежащихъ частныхъ лицамъ и правительству. Въ тридцатыхъ годахъ прошедшаго столѣтія число мусульманскихъ монетъ С.-Петербургской Императорской Академіи наукъ было уже такъ значительно, что для приведенія ихъ въ порядокъ, она, въ 1731 году, вызвала изъ Лейпцига, единственнаго въ то время мусульманскаго нумизмата, Кера (Kehr). Въ 1776 году, по показанію Бакмейстера, ихъ считалось уже болѣе 8000 штукъ[82]. Въ 1817, находилось 19,800[83], и съ тѣхъ поръ число это увеличивается безпрерывно. Какимъ путемъ, отъ кого, откуда бóльшая часть ихъ попала въ Академію, Френъ, нынѣшній хранитель кабинета Восточныхъ монетъ, не могъ отыскать въ ея архивахъ, но онъ ни мало не сомнѣвается, что древнѣйшія, какъ-то: халифскія, саманидскія и другія, равно какъ изъ позднѣйшихъ джучидскія или золото-ордынскія, найдены въ нѣдрахъ самой Земли Русской[84]. Мало извѣстно также какимъ образомъ составилось богатое собраніе Восточныхъ монетъ въ музеѣ графа Н. П. Румянцова. Въ нумизматическомъ кабинетѣ Института Восточныхъ Языковъ въ С.-Петербургѣ, было въ 1837 году, по каталогу Дорна, всего-на-все 4269 Восточныхъ монетъ, въ томъ числѣ 359 сассанидскихъ и испег-

---

[81] *Лелевель*, Numismatique du moyen âge. Vol. II, p. 83.

[82] Essai sur la bibliothèque et le cabinet des curiosités etc.

[83] Recensio numorum Muhammedanorum acad. Imp. scient. Petropolitanae. p. VIII.

[84] Ibid. и Bullet. scient. Vol. IX, p. 315.

бедскихъ, 404 умейядскихъ и аббасидскихъ, и 308 саманидскихъ. Въ собраніи Восточныхъ монетъ принадлежащихъ Казанскому Университету, по каталогу онымъ, изданному въ 1834 году г. Эрдманомъ [85], было тогда: сассанидскихъ 431, тагеридскихъ 43, бувейгидскихъ 59, гамданидскихъ 9, хановъ Гоей-Гу 76, аглебидскихъ 22. Кромѣ того весьма значительныя собранія куфическихъ монетъ имѣются при эрмитажѣ Зимняго Дворца, при университетахъ Дерптскомъ и Харьковскомъ, и у частныхъ людей, на-примѣръ у графа С. Г. Строгонова въ Москвѣ, покойнаго Д. И. Неѣлова въ Казани, и многихъ другихъ.

Здѣсь считаемъ не лишнимъ повторить еще разъ, что испегбедскія и куфическія монеты VII, VIII, IX, X и XI вѣковъ, хранящіяся теперь по разныхъ частнымъ и общественнымъ собраніямъ въ Россіи, зашли въ нихъ съ Востока не въ новѣйшее время, а, за исключеніемъ развѣ очень незначительнаго числа, вырыты изъ земли на пространствѣ нашего же отечества. Это очень хорошо извѣстно владѣтелямъ собраній, и сверхъ-того можетъ быть засвидѣтельствовано всѣми мѣнялами и серебряниками, которые торгуютъ у насъ этими монетами. Что касается до отдѣльныхъ находокъ, то, сравнительно съ прибалтійскими странами, ихъ извѣстно у насъ очень немного, да и это немногое стало извѣстнымъ бо̀льшею частію только мѣсяца-съ-два тому назадъ [86]. Болѣе раннія свѣдѣнія о находкахъ, сдѣланныхъ въ нашихъ прибалтійскихъ про-

---

[85] Numi Asiatici musei univers. litt. Casanensis. Casani, 1834. 4⁰.

[86] Черезъ помѣщеніе Френомъ въ 20 и 21 номерахъ IX тома Bulletin scientifique, выданныхъ въ свѣтъ 10 декабря прошлаго 1841 года, въ высочайшей степени важнаго для науки перечисленія этого рода находокъ въ Россіи подъ заглавіемъ: Topographische Uebersicht der Ausgrabungen von altem Arabischen Gelde in Russland., nebst chronologischer und geographischer Bestimmung des Inhalts der verschiedenen Funde. Кромѣ Френа, который тридцать лѣтъ постоянно и почти одинъ въ цѣлой Россіи трудится надъ Восточною Нумизматикою, интересуясь съ любовью истиннаго ученаго всѣмъ что относится до предмета его занятій, никому и возможно не было знать и написать объ

винціяхъ, чѣмъ о такихъ-же въ другихъ мѣстахъ Россіи, имѣемъ преимущественно въ Финляндіи, какъ странѣ недавно еще принадлежавшей Швеціи. Итакъ, начнемъ нашъ обзоръ съ Великаго Княжества Финляндскаго. Здѣсь:

50. Въ іюнѣ 1686 года, найдено въ деревне *Sala*, недалеко отъ *Saris*'а, въ приходѣ *Uskil*, въ *Abo-Län*'ѣ, множество англосаксонскихъ и Восточныхъ монетъ [87].

Значительное количество арабскихъ монетъ, вырытыхъ въ разное время въ Финляндіи, подало даже поводъ абовскому профессору Клюбергу написать объ нихъ, въ 1775 году, ученое разсужденіе [88].

51. Въ 1787 году, найдено, въ *Pelkene*, на 40 лотовъ серебра, преимущественно арабскими монетами, вмѣстѣ съ поручнемъ, который одинъ вѣсилъ $14^1/_2$ лотовъ [89].

52. Найденные въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Финляндіи, два цѣлые саманидскіе диргема, изъ коихъ одинъ битъ въ Самаркандѣ въ 915 году, и три обломка, описаны Галленбергомъ [90].

53. За 10 или за 12 лѣтъ предъ симъ, найдены недалеко отъ станціи *Mägrä*, въ 80 верстахъ отъ *С.-Петербурга*, по дорогѣ въ *Кексгольмъ*, 9 серебряныхъ куфическихъ, вмѣстѣ съ 12 другими, по всей вѣроятности англосаксонскими монетами. Первыя, по объясненію Френа, были: 1 аббасидская, 4 саманидскихъ, 1 бувейгидская, 1 мерванидская, 1 туркистанскаго илека Насра, и 1 туркистанская же двуязычная. Старѣйшею была саманидская 913 года; позднѣйшею—туркистанская 1008-9 года [91].

этихъ находкахъ столько, сколько знаетъ и написалъ онъ въ помянутой статьѣ. Да если что извѣстно было объ нихъ и прежде, такъ благодаря трудамъ сего же знаменитаго ученаго.

[87] *Ледебуръ*, s. 38.

[88] Dr. *C. A. Clewberg*: De numis Arabicis in patria repertis, dissertatio prior. Aboae, 1775. 4°. Продолженія не являлось въ свѣтъ.

[89] *Лилiегренъ*, s. 203.

[90] Въ его Quatuor monumenta aenea e terra Svecia eruta. Stockholmiae, 1802. p. 60.



Въ С.-Петербургской Губерніи:

54. Въ 1799 году, баронъ Ашъ писалъ изъ С.-Петербурга къ Тихсену въ Ростокъ, что при разлитіи Невы извлеченъ недавно изъ земли сосудъ съ халифскими и армянскими (?) монетами, которыя, почти всѣ, пошли въ переплавку [92].

Объ этой же самой находкѣ, вѣроятно, писалъ изъ С.-Петербурга къ Тихсену же, въ 1800 году и надв. сов. Kah; онъ сообщалъ, что изъ числа монетъ, избѣжавщихъ плавильнаго горшка, 13 пріобрѣтены имъ самимъ, а 3 аббасидскія и 3 саманидскія — португальскимъ посланникомъ кавалеромъ D'Horta [93]. Разысканія Френа объ этой находкѣ привели его къ тому только, что случилась она не въ 1799, а въ 1797 году, въ *Галерной-Гавани*, на *Васильевскомъ-Острову*, и что составлявшія ее куфическія монеты (армянскихъ никакихъ не было и быть не могло), разошлись по рукамъ тамошнихъ жителей. Одна изъ нихъ, сообщенная Френу г. Усовымъ, оказалась африканскимъ диргемомъ, битымъ въ Аббасіѣ, вѣроятно въ 780 году, намѣстникомъ халифа Могди, знаменитымъ Іезидъ Ибнъ-Хатимомъ [94].

55. Въ числѣ куфическихъ монетъ, найденныхъ довольно времени тому, въ *Старой-Ладогѣ*, и сообщенныхъ Френу г. Томиловымъ, находилась между прочими одна мерванидская, битая въ 1002 году [95].

56. «Въ 1809 или въ 1810 году, рыбакъ, крестьянинъ г. Бестужева, нашелъ, что дерево, къ которому онъ обыкновенно привязывалъ свою лодку, на берегу *Ладожскаго Озера*, въ 12 верстахъ отъ устья *Волхова* — сломано бурею. Занимаясь прикрѣпленіемъ суденышка своего къ

[91] Bullet. scient. Vol. IX. p. 332.
[92] Hartmann's Wanderungen. II Th., 2. Abth, s. 41.
[93] *Ледебуръ*, l. c. s. 39.
[94] Bulletin scientifique, l. c. p. 330—331.
[95] Bullet. scient. l. c. p. 331.

оставшемуся корню, онъ примѣтилъ, что волны глубоко вымывали и уносили землю изъ-подъ этого корня, а скоро изумленнымъ глазамъ его представилось и множество серебряныхъ монетъ. При дальнѣйшемъ изслѣдованіи, увидѣлъ онъ что тутъ зарыта цѣлая бочка съ монетами, и что дерево посажено было надъ нею, чтобы можно было признать мѣсто клада. Два раза нужно было крестьянину нагружать лодку, чтобы найденное сокровище перевезти въ свою деревню, гдѣ скоро разнесся объ этомъ слухъ, въ-слѣдствіе чего явились притязанія со-стороны земской полиціи и владѣтельницы имѣнія. Онѣ были удовлетворены семью пудами; но крестьянинъ, должно-быть, удержалъ у себя еще значительное количество, потому-что черезъ нѣсколько лѣтъ выкупился на волю со всею семьею и отправился въ Тихвинъ, гдѣ пріобрѣлъ себѣ домъ и завелъ небольшую торговлю. Кладъ состоялъ бо́льшею частію изъ куфическихъ монетъ, и къ-сожалѣнію отправился въ плавильный котелъ». Свѣдѣніе это доставлено Френу извѣстнымъ нумизматомъ г. Рейхелемъ [96].

Въ Эстляндіи:

57. Въ 1685 году, у *Jervis*'а въ приходѣ *Karusen*, вырытъ большой кладъ арабскихъ монетъ, и вмѣстѣ съ ними нѣсколько англосаксонскихъ, королей Этельреда, Канута-Великаго, Гаральда I, Гарда-Канута, Эдуарда-Исповѣдника и Гаральда II, равно-какъ и большое количество современныхъ монетъ нѣмецкихъ князей и епископовъ [97].

58. Изъ 17 куфическихъ монетъ, хранящихся въ музеумѣ Геттингенскаго Университета, 12, по словамъ тамошняго ученаго Т. Х. Тихсена, найдены были на *Ревельской* землѣ, въ глиняномъ сосудѣ; 8 изъ нихъ, по описанію его, умейядскія и аббасидскія, а 4 саманидскія. Древнѣйшая бита въ 716, позднѣйшая въ 942 по Р. Х.[98].

[96] Bullet. scient. l. c. p. 331.

[97] *Лилiегренъ*, s. 167. *Brenneri* Thesaur. numm. p. 266.

[98] Comment. soc. reg. scient. Göttingen. Vol. IX, p. 108.

59. Въ 1813 году, подъ *Ревелемъ*, въ имѣніи *Bickel*, принадлежащемъ барону Икскулю, найдено значительное количество серебряныхъ колецъ и украшеній, вмѣстѣ съ цѣлыми и разломанными Восточными монетами [99].

Въ Лифляндіи:

60. Изъ письма профессора Ринка къ О. Тихсену, въ 1794 году, узнаёмъ, что, около четырехъ лѣтъ передъ тѣмъ, найдено около *Риги* 36 куфическихъ монетъ [100].

61. Въ 1821 году, въ 70 верстахъ къ юговостоку отъ *Дерпта*, въ *Wendau*'скомъ пасторатѣ — вмѣстѣ съ англосаксонскими монетами Этельреда, 7 серебряныхъ куфическихъ, именно 2 саманидскія 960 и 962 года, 1 вѣроятно булгарской поддѣлки саманидская, 1 илека туркистанскаго, битая въ 1008—9 году въ Бухарѣ, и 3 мерванидскія, битыя съ 997 по 1011 годъ по Р. Х. [101].

62. 38 куфическихъ монетъ, поступившія въ мюнцкабинетъ сенатора Германа въ Ригѣ, изъ числа составлявшихъ одну изъ лифляндскихъ находокъ, оказались, по разсмотрѣніиихъ Френомъ: 36 — аббасидскими десяти разныхъ халифовъ, и 2 — тагеридскими. Биты всѣ въ періодъ времени отъ 751 по 872 годъ по Р. Х. [102].

63. Описанныя д-ромъ Гансеномъ, 43 куфическія монеты, изъ числа найденныхъ въ разное время въ Лифляндіи, преимущественно въ *Дерптскомъ* Округѣ, суть, за исключеніемъ нѣсколькихъ халифскихъ и тагеридскихъ, одной гамданидской и одной окайлидской, все саманидскія. Самая древняя бита въ 785 году; самая поздняя относится къ концу X вѣка по Р. Х. [103].

64. Въ исходѣ 1839 года, найдено крестьянами въ *Оберпаленъ*, при очищеніи подъ пашню поросшей кустар-

---

[99] *Лидебуръ*, в. 42. Онъ слышалъ объ этомъ отъ графини Сиверсъ.

[100] *Гартмана* Wanderungen; l. c. p. 40.

[101] *Френъ*, въ Journ. Asiat. T. IV, p. 375, и въ Bullet. scient. l. c. p. 328.

[102] Bullet. scient., l. c. p. 328.

[103] Recensio LXIII numorum Arabicorum, quorum major pars in Agro Dorpatensi reperta est. Dorp. 1838.

никомъ земли, много серебряныхъ англосаксонскихъ и куфическихъ монетъ; 12 изъ числа послѣднихъ описаны Гансеномъ, и принадлежатъ: 2 Аббасидамъ, 5 Саманидамъ, 2 Гамданидамъ, 2 Бувейгидамъ и 1 по всей вѣроятности Окайлидамъ. Это самая поздняя и бита въ 996 году. Самою древнею была саманидская 895 года по Р. Х. [104].

Въ Курляндіи:

65. Въ 1796 году, вблизи городка *Гробина*, открылъ мельникъ, на казенномъ участкѣ земли, горшокъ, въ которомъ было болѣе 100 куфическихъ монетъ, въ томъ числѣ много разломленныхъ по-поламъ, и слитокъ серебра, что̀ все, какъ казенная собственность, продано было въ томъ же году съ аукціона, и куплено евреемъ, который бо̀льшую часть находки уступилъ золотыхъ дѣлъ мастеру въ Митавѣ. Этотъ пустилъ ихъ въ переплавку, такъ что отъ истребленія спаслось только около 20-ти, пріобрѣтенныхъ у него двумя любителями Нумизматики. Восемь изъ нихъ, хранящіяся теперь въ музеумѣ Курляндскаго Общества Литературы и Искусствъ, и описанныя въ «Трудахъ» его, принадлежатъ: Аббасидамъ—5, Саманидамъ—2, Бувейгидамъ—1. Изъ аббасидскихъ двѣ биты въ Африкѣ. Самая древняя изъ осьми монетъ бита въ 766 году, самая поздняя въ 946 году по Р. Х. [105].

66. Въ 1823 году, сообщена была Френу статскимъ совѣтникомъ Рекэ одна испегбедская монета, найденная на *Talsen*'ской землѣ [106].

Бѣлорусскія губерніи также всѣ извѣстны находками. Изъ одной такой, имѣвшей мѣсто въ Минской Губерніи,

67. Поступило, въ 1835 году, въ Азіатскій Музеумъ

---

[104] Verhandlungen der gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat. Bd. I, Heft 1, s. 68—72. Bullet. scientif. l. c. p. 329.

[105] Jahresverhandlungen der Kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst. Bd. II, s. 395, и Sendungen того же общества, Bd. 1, s. 70. См. также *Ледебура*, s. 43, и *Френа*, въ Bull. scient. l. c. p. 327, выноска 54.

[106] Bullet. scient. l. c. p. 327.

Императорской Академіи Наукъ, 21 серебряная куфическая монета. Изъ того числа 1 была умейядская, битая въ 748, бóльшая часть аббасидскія, съ 751 по 816 годъ, и между ними двѣ африканскія, битыя въ 791 и 796 гг. да нѣсколько африканскихъ же, Ибрагима I и Идриса I, битыхъ въ 802 и 790 годахъ по Р. Х. [107].

Въ Могилевской Губерніи:

68. Найдены въ 1822 году, въ городѣ *Гомелѣ*, при нивеллированіи рыночной площади, 82 серебряныя саманидскія монеты, битыя съ 896 по 943 годъ по Р. Х. [108].

69. Въ томъ же году, попался Френу въ Москвѣ, въ серебряномъ ряду, цѣлый мѣшокъ съ древними Восточными серебряными монетами, которыя привезъ туда еврей изъ *Могилевской* Губерніи, гдѣ незадолго передъ тѣмъ были онѣ найдены. Въ мѣшкѣ заключалось ихъ вѣсомъ болѣе чѣмъ на 7 фунтовъ. Число цѣлыхъ монетъ простиралось до 1300; половинокъ и четвертушекъ было еще болѣе. Находка эта состояла изъ монетъ: 1) испегбедскихъ; ихъ находилось нѣсколько сотенъ, съ надписями какъ на одномъ пеглевійскомъ, такъ и на пеглевійскомъ и арабскомъ вмѣстѣ. Послѣднія относятся къ VIII столѣтію нашей эры и къ началу IX. 2) Восточныхъ Умейядовъ, съ 999 по 747 годъ. 3) Аббасидскихъ, съ 749 по 815. Монеты намѣстниковъ первыхъ въ Африкѣ биты между 729 и 731; намѣстниковъ ихъ въ Испаніи — между 728 и 736. Монеты аббасидскихъ намѣстниковъ въ Африкѣ — между 768 и 799. 4) Западныхъ или Испанскихъ Умейядовъ, съ 767 по 802; и наконецъ 5) Эдрисидовъ, съ 789 по 802 г. по Р. Х. Изъ куфическихъ монетъ этой находки далеко бóльшая часть бита къ Африкѣ, и довольно значительное число въ Испаніи [109].

---

[107] Bullet. scient. l. c. p. 323.

[108] Journ. de St.-Pétersbourg. 1825. Nr. 100. Bullet. scient. l. c. p. 324.

[109] *Френъ*, въ Ibn Foszlan's Russen, s. 49; Journal Asiat. T. II. p. 21, и Bullet. scient. l. c. p. 325.

Въ Витебской Губерніи:

70. Найденныя здѣсь кантонистами мѣстнаго батальона 3 серебряныя цѣлыя монеты и 4 монетныхъ обломка препровождены были, въ 1839 году, г. министромъ народнаго просвѣщенія въ Императорскую Академію Наукъ, и оказались принадлежащими: 1 десятому умейядскому, 3 тремъ первымъ аббасидскимъ халифамъ, стало быть изъ VIII вѣка нашей эры, и 1, битая въ 834 году по Р. Х., третьему эмиру тагеридскому, Абдъ-ул-Лаху [110].

Изъ собственно русскихъ губерній, знаемъ о такихъ находкахъ въ Смоленской:

71. Въ 1785 году, прислалъ Палласъ въ Императорскую Академію Наукъ извѣстіе о 12 Восточныхъ монетахъ, здѣсь найденныхъ, изъ котораго можно видѣть, что это были испегбскія, умейядскія и аббасидскія монеты VIII вѣка [111].

72. Восточныя же монеты найдены, при разламываніи одной древней башни, въ самомъ Смоленскѣ. Находка эта хранится въ тамошней губернской гимназіи [112].

73. Въ 1830 году, вырыто, въ этой же губерніи, 10 саманидскихъ монетъ X вѣка, которыя Государь Императоръ соизволилъ пожаловать Академіи Наукъ [113].

Въ Псковской:

74. «Въ полуверстѣ отъ города *Великихъ-Лукъ*, на мѣстѣ гдѣ видны еще развалины древняго городища, а теперь стоятъ только двѣ крестьянскія избы, нашли пастухи, въ 1802 или 1803 году, копаясь въ пескѣ на берегу *Ловати*, сначала нѣсколько разсѣянныхъ тамъ-и-сямъ почернѣвшихъ монетъ. Вскорѣ потомъ наткнулись они на небольшой сундучокъ, въ которомъ были такія же начинавшія чернѣть монеты. Наконецъ, при дальнѣйшемъ ро-

[110] Bullet. scient. l. c. p. 326.

[111] Bullet. scient. l. c. p. 325—326.

[112] Объ этомъ узналъ я отъ Н. Н. Мурзакевича, уроженца смоленскаго.

[113] Bullet. scient. l. c. p. 326.

зысканіи, отрыли они еще большой сундукъ, который, выскользнувъ у нихъ изъ рукъ, скатился съ крутаго берега въ рѣку, отчего высыпалась въ нее и часть заключавшихся въ немъ монетъ. Когда съ большимъ трудомъ вытащили они сундукъ изъ воды опять на берегъ, оставшихся въ немъ монетъ оказалось еще значительное количество. Вся находка долженствовала вѣсить отъ 6 до 7 пудовъ, и продана была въ Тоснѣ, во время тамошней ярманки, купцу. Мѣсто на берегу, гдѣ найдены монеты, отмывалось ежегодно водою болѣе и болѣе, такъ-что сдѣлалось теперь совершенно плоскимъ». Такъ писалъ къ Френу покойный Пфлугъ, въ 1818 году, когда купилъ для себя часть этой находки [114]. Френъ описалъ тогда только неизданныя дотолѣ монеты изъ числа пріобрѣтенныхъ Пфлугомъ [115]. Это были: 2 халифскія монеты, битыя въ 932 и 934 годахъ, 41 саманидская, съ 924 по 974 годъ; 4 бувейгидскія, изъ которыхъ самая поздняя бита въ 974 году; 4 зіяридскія; съ 969 по 977 годъ; 1 гамданидская 948 или 958 года, и 1 хорезмшаховъ, битая въ 959 году.

75. Въ 1836 году, сообщена была Френу княземъ Волконскимъ сдѣланная въ этой же губерніи находка. Она состояла изъ около 40 цѣлыхъ и 33 разломанныхъ серебряныхъ монетъ, въ томъ числѣ халифскихъ, битыхъ съ 872 по 944 годъ; саманидскихъ, съ 897 по 952, и наконецъ 5 волжско-булгарскихъ обломковъ [116].

76. Въ *Островскомъ* Уѣздѣ, въ 12 верстахъ отъ города *Острова*, въ курганѣ, на берегу рѣки *Вэликой*, найдено въ кожаномъ кошелькѣ 100, бóльшею частію превосходно сохранившихся, куфическихъ монетъ. Находка эта, извѣстіе о которой сообщено г. Булгаринымъ, не была описана никѣмъ знающимъ дѣло [117]. Одну изъ составляв-

---

[114] Bullet. scient. l. c. p. 322.

[115] Novae symbolae ad rem numar. Muhammed. p. 1—27.

[116] Bullet. scient. l. c. p. 322—323.

[117] Сѣверная Пчела 1837 года, № 141.

шихъ ее монетъ получилъ я отъ г. Мурзакевича; это аббасидская, битая въ Багдадѣ, въ 156 году гиджры (772 по Р. Х.).

Въ Новгородской:

77. Найденныя въ 1833 году, въ *Череповецкомъ* Уѣздѣ и препровожденныя г. министромъ народнаго просвѣщенія въ Императорскую Академію Наукъ, 5 серебряныхъ монетъ оказались: 2 халифскими, битыми въ 849 и 759 годахъ, а 3 тагеридскими 856, 862 и 863 годовъ по Р. Х. [118].

78. Изъ 3 цѣлыхъ и 3 половинокъ серебряныхъ монетъ, найденныхъ въ томъ же году, близъ города *Демянска*, и присланныхъ въ Академію, 5 было халифскихъ, съ 716 по 823 годъ, и 1 тагеридская 824-5 года по Р. Х. [119].

79. Въ 1829 году, въ *Валдайскомъ* Уѣздѣ, на озерѣ *Шлинѣ*, вытащенъ рыбаками, изъ-подъ подмытаго водою дуба, сильно поврежденный временемъ, боченокъ и въ немъ около 200 серебряныхъ монетъ: 5 изъ этого числа, видѣнныя Френомъ, были всѣ саманидскія, битыя съ 928 по 951 годъ по Р. Х. [120].

Въ Ярославской:

80. Работавшими на ярославскомъ шоссе, между городомъ *Ростовомъ* и деревнею *Новоселками*, сдѣлана была, въ 1836 году, очень любопытная находка древнихъ серебряныхъ вещей, купленная потомъ для Азіятскаго Музея Императорской Академіи Наукъ. Изъ отчета представленнаго объ ней Френомъ заимствуемъ слѣдующія подробности. Всѣ найденныя вещи, числомъ 108, вѣсили около 1 фунта 24 золотниковъ. Это были: маленькія застежки, маленькія въ видѣ полулунія пластинки съ придѣланными къ нимъ остреями, обломки трубочекъ нѣсколько конической формы, согнутая серебряная проволока, дутые шарики, пуговицеобразныя вещицы, отчасти прикрѣпленныя къ кожѣ, дру-

[118] [119] [120] Bullet. scient. l. c. p. 321.

гія такого же рода съ ушками или кольцами, продолговатыя оковки, и многія тому подобныя вещи, все такія которыя служили украшеніемъ конской сбруѣ, и наконецъ одна монета съ придѣланнымъ къ ней ушкомъ. На многихъ изъ помянутыхъ пластинокъ и пуговочекъ находятся арабскія слова, какъ: *берекетъ* (благословеніе!), или *эс-султанъ* или *лиллахъ* (во славу Божію!), или имя Божіе, *Аллахъ*, нѣсколько разъ повторенное. Почеркъ этихъ надписей относится по-видимому къ XI столѣтію нашей эры; но монета найденная вмѣстѣ съ этими вещами принадлежитъ X-му. Это диргемъ саманида Нуха II, сына Мансурова, битый въ Шашѣ, въ 982 или 985 году по Р. Х., на основаніи чего должно полагать, что находка зарыта была послѣ X вѣка. Вышеприведенныя арабскія слова, встрѣчаемыя на многихъ изъ помянутыхъ вещей, заставляютъ заключать, что сіи-послѣднія суть всѣ Восточнаго происхожденія, и, по-крайней-мѣрѣ первоначально, принадлежали какому нибудь магометанину — обстоятельство важное, тѣмъ болѣе что даетъ намъ возможность опредѣлить отечество и другихъ, частію очень сходныхъ, серебряныхъ украшеній, находимыхъ въ сѣверныхъ странахъ Европы; ибо хотя таковыя и признаются археологами за произведенія Восточнаго искусства временъ всемірнаго владычества Арабовъ [121], однакоже, сколько извѣстно, доселѣ не найдено было ни одной такой, которая-бы находящимися на ней арабскими надписями свидѣтельствовала опредѣлительно свое Восточное происхожденіе [122].

Въ Владимірской:

81. Близъ *Владиміра-на-Клязьмѣ*, найдены въ курганѣ, вмѣстѣ съ серебряными куфическими монетами, таковыя же германскихъ императоровъ Оттона II, Оттона III и Генриха (?). Часть этой находки пріобрѣтена въ 1821 году,

---

[121] *Ледебуръ*, l. c. s. 10 и 46.
[122] Bullet. scient. l. c. p. 318—320.

въ Москвѣ, покойнымъ нумизмофиломъ Неѣловымъ. Куфическія монеты этой части были: 1) умейядскія и аббасидскія, битыя съ 699 по 818 годъ, въ томъ числѣ африканскія, съ 774 по 787 годъ; 2) одна тагеридская 823 года; 3) саманидскія, битыя съ 906 по 977 годъ; 4) бувейгидскія, съ 975 по 979. Древнѣйшая монета относится такимъ образомъ къ 699, позднѣйшая къ 979 году, «предполагая» — говоритъ Френъ — «что всѣ принадлежатъ къ одной находкѣ» [123].

Въ Рязанской:

82. Въ началѣ 1839 года, въ селѣ *Бѣломъ-Омутѣ*, лежащемъ въ *Зарайскомъ* Уѣздѣ, на берегу Оки, противъ мѣста гдѣ видны еще остатки древняго города Перевитеска, найденъ, при рытьѣ земли подъ сваи, горшокъ съ серебряными монетами. Находка эта, поступившая въ собственность Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, благодаря его президенту, по разсмотрѣніи мною, оказалась состоящею изъ 25 цѣлыхъ, болѣе или менѣе истершихся, 10 обломанныхъ, 6 переломленныхъ по-поламъ, и 16 кусковъ куфическихъ монетъ. Многія изъ монетъ были проткнуты, иныя даже въ двухъ мѣстахъ. Куски и половинки, по тщательномъ сличеніи, найдены не подходящими одни къ другимъ и принадлежащими разнымъ монетамъ. Относительно происхожденія этихъ монетъ, изъ нихъ, какъ цѣлыхъ, такъ и обломковъ, 2 было аббасидскихъ, 41 саманидскихъ, 5 зіяридскихъ, 4 бувейгидскихъ, 3 волжско-булгарскихъ, и еще 2 такихъ обломка, на которыхъ ничего не видно. Относительно времени битья, самая ранняя есть аббасидская, битая въ 899, самая поздняя, волжско-булгарская, битая въ 976 или 986 году по Р. Х. Составленное мною подробное описаніе этой находки издано въ свѣтъ на счетъ означеннаго Общества [124].

---

[123] Muhammed. Münzkabinet, s. 120; Bullet. scient. l. c. p. 318.

[124] Подъ заглавіемъ: «Описаніе куфическихъ монетъ, найденныхъ въ Рязанской губерніи, въ 1839 году». С.-Петербургъ. 1841. 4°. Въ настоящей статьѣ

Въ Тульской:

83. Въ 1821 году, получилъ Френъ изъ Москвы извѣстіе что около семи верстъ отъ *Тулы* крестьянинъ, вспахивая землю, нашелъ сосудъ, въ которомъ было около 200 куфическихъ серебряныхъ монетъ [125].

84. Въ 1823 году, въ *Крапивенскомъ* Уѣздѣ, близь принадлежащихъ г. Лазареву деревни *Лапотковой* и села *Покровскаго*, найдены, при паханіи поля, 62 такія же монеты, вмѣстѣ съ парою серебряныхъ рукоятокъ, и кускомъ зеленаго воска съ оттискомъ на немъ (по видимому) печати. Древнѣйшая изъ монетъ относится къ 710 или 711 году, позднѣйшая къ 816 или 817 году по Р. Х. Частію онѣ азіятскія, частію африканскія. Первыя составляютъ большинство, и, за исключеніемъ 6 испегбедскихъ, биты халифами, съ 710-11 по 816-17 годъ. Испегбедскія есть съ надписями на пеглевійскомъ и арабскомъ вмѣстѣ. Изъ послѣднихъ, на трехъ написано куфическими буквами имя Омара (т. е. Омара Ибнъ-эль-Аълы), который съ 772 по 778, и съ 781 по 783 годъ былъ два раза намѣстникомъ въ Таберистанѣ отъ имени халифовъ Мансура и Могди. 12 африканскихъ монетъ этой находки принадлежатъ частію Мугаллебидамъ, и биты въ Кайрованѣ и Аббасійѣ съ 779 по 792 годъ, частію Идрисидамъ, и биты въ Мавританіи, въ городѣ Бедаѣ, съ 790 по 803 годъ нашего лѣтосчисленія. Саманидскихъ монетъ въ этой находкѣ и слѣда не было [126].

85. Отъ г. Покровскаго, изъ *Бѣлева*, получилъ Френъ, въ 1829 году, найденныя тамъ три монеты: халифа Гаруна, битую въ 806-7 году, саманида Нуха I, битую въ 951-52, и африканскую Идриса II, битую въ 796-97 году по Р. Х. [127].

представляются обѣщанныя въ этой книжкѣ доказательства исторической цѣнности подобныхъ находокъ для объясненія древнѣйшихъ судебъ нашего отечества.

[125] Bullet. scient. l. c. p. 316.

[126] St.-Petersburger Zeitung, 1828, Nr. 11; Bullet. scient. l. c. p. 317.

[127] Bullet. scient. l. c. p. 317 и 318.

86. Въ 1834 году, принесены г. Барышниковомъ въ даръ Азіятскому Музеуму Императорской Академіи Наукъ 9 куфическихъ монетъ, найденныхъ близь *Острога* въ *Каширскомъ* Уѣздѣ. Это были: 5 халифскихъ, съ 739 по 816 годъ, и 4 тагеридскія, съ 862 по 870 годъ [128].

Въ Казанской:

87. Изъ найденнаго здѣсь, въ 1840 году, большаго количества куфическихъ серебряныхъ монетъ, 365 пріобрѣтены графомъ С. Г. Строгановымъ; по разсмотрѣніи ихъ Френомъ, оказалось, что изъ того числа 4 аббасидскихъ и 6 соффаридскихъ биты съ 806 по 907 годъ. Остальныя, все саманидскія, биты съ 893 по 913 годъ нашей эры [129].

Эту-послѣднюю находку почитаетъ Френъ самою восточною изъ всѣхъ извѣстныхъ такого рода. Сталенбергъ однако же говоритъ, что на *Печорѣ* и въ-особенности около города *Чердыня* (Пермской Губерніи) находятъ въ курганахъ много монетъ древнихъ арабскихъ халифовъ [130]; но Френъ, на томъ основаніи, что во все время пребыванія его въ Россіи, никогда не доходило до свѣдѣнія его о такихъ находкахъ въ этихъ краяхъ, и что авторитетъ «добраго» Страленберга въ опредѣленіи древнихъ Восточныхъ монетъ кажется ему не довольно силенъ, сомнѣвается въ вѣрности приведеннаго Страленбергова извѣстія, и полагаетъ, что монеты, принятыя симъ-послѣднимъ за древнія халифскія, могли быть позднѣйшія, золото-ордынскихъ хановъ [131]. Раздѣляя съ знаменитымъ нумизматомъ сомнѣнія его относительно Страленберговыхъ познаній въ Мусульманской Нумизматикѣ, я смѣю думать однако же, что вопросъ о томъ, какія монеты видѣлъ Страленбергъ — дѣйствительно халифскія, или какія либо другія позднѣйшія, на-примѣръ джу-

---

[128] Bullet. scient. l. c. p. 317 и 318.

[129] Описаніе этой находки помѣщено *Френомъ* въ Bullet. scient. Vol. IX, Nr. 19, p. 295.

[130] Beschreibung von Nord- und Ost-Europa. s. 103.

[131] Bullet. scient. p. 302, выноска 2.

чидскія — можетъ оставаться еще sub judice, ибо покуда ни того, ни другаго, нельзя ни утверждать, ни отрицать положительно.

Въ Таврической:

88. Въ 1824 году, получилъ Френъ отъ г. Шпревица изъ Москвы, 82 серебряныя монеты, которыя, какъ писалъ г. Шпревицъ, найдены «должно быть» въ *Крыму*, въ развалинахъ древняго *Херсона,* между *Севастополемъ* и *Балаклавою*. Это были халифскія и тагеридскія, битыя съ 728 по 870 годъ, и одна аглебидская, 803 года по Р. Х. [132].

Это самая южная изъ всѣхъ извѣстныхъ въ Россіи и прибалтійскихъ краяхъ этого рода находокъ, если только она дѣйствительно имѣла мѣсто тамъ, гдѣ ее полагаютъ найденною. Ею и оканчиваемъ наше перечисленіе.

Теперь, чтобы приготовиться къ историческимъ выводамъ которые намѣреваюсь сдѣлать изъ свѣдѣній объ этихъ находкахъ, бросимъ на нихъ предварительно одинъ общій взглядъ.

Всѣ найденныя доселѣ въ исчисленныхъ и другихъ случаяхъ Восточныя монеты принадлежатъ къ одному періоду времени — отъ начала VIII по начало XI вѣка включительно. Большинство относится къ послѣдней четверти IX и тремъ первымъ X вѣка [133]. Иногда попадаются и болѣе раннія, изъ конца VII вѣка, какъ испегбедскія и первыя умейядскія; но позднѣйшихъ начала XI вѣка въ извѣстныхъ находкахъ не случалось, такъ-что монета 1012 года, найденная на Оландѣ, въ 1771 году, какъ считалъ ее Адлербетъ, такъ и теперь, остается самою младшею [134].

Относительно мѣста происхожденія своего, монеты эти

---

[132] Mémoires de l'Académie Imperiale des sciences. (5-me serie) T. X, p. 397; Bullet. scient. I. c. p. 323.

[133] *Френъ*, въ Bullet. l. c. p. 304, и другихъ мѣстахъ.

[134] У *Ледебура*, s. 19, и *Боленъ*, l. c. s. 326.

суть или азіатскія, или африканскія и испанскія. Азіатскія принадлежатъ Испегбедскимъ князьямъ, халифамъ изъ рода Умейи и Аббаса, Тагеридамъ, Соффаридамъ, Саманидамъ, Зіяридамъ, Бувейгидамъ и отчасти Гамданидамъ, Окайлидамъ, Мерванидамъ, Туркистантскимъ Илекамъ и другимъ, вообще мусульманскимъ династіямъ, властвовавшимъ въ нынѣшнихъ Хивѣ, Бухарѣ, Афганистанѣ, Персіи, Сиріи и Арменіи, отъ Евфрата до Сыръ-Дарьи. Къ этому разряду можно причислить нѣкоторымъ образомъ и монеты Волжскихъ Булгаръ. Африканскія, которыя изъ всѣхъ прибалтійскихъ странъ, находимы были, въ значительномъ количествѣ, только въ одной Россіи, биты намѣстниками Восточныхъ Умейядовъ и Аббасидовъ, Аглебидами и Идрисидами. Испанскія, найденныя доселѣ только въ Россіи, и то, сколько извѣстно, однажды [135], принадлежатъ намѣстникамъ Умейядовъ Восточныхъ и Умейядамъ Западнымъ. Нѣкоторые ученые прошедшаго столѣтія, на-примѣръ Адлербетъ [136] и О. Тихсенъ [137], утверждали, а за ними повторяютъ Размуссенъ [138] и Ледебуръ [139] въ нынѣшнемъ, что въ прибалтійскихъ находкахъ не встрѣчалось никогда мусульманскихъ монетъ династій египетскихъ, африканскихъ, испанскихъ и сицилійскихъ, и эти ученые были отчасти правы: относительно египетскихъ и сицилійскихъ, положеніе ихъ и доселѣ сохраняетъ всю свою силу, распространяя его даже и на Россію; испанскія, какъ уже замѣчено найдены только въ Россіи, и то черезъ долгое время по кончинѣ обоихъ помянутыхъ ученыхъ; африканскія-же, если и находимы были въ прибалтійскихъ странахъ, какъ это неоспоримо доказываетъ Френъ [140], то О. Тихсенъ и дру-

[135] Въ Могилевской Губерніи, въ 1822 году. См. находку № 69. Bullet. scient. I. c. p. 307.

[136] У *Ледебура*, s. 19.

[137] Introductio in rem num. Moham. p. 80.

[138] De orientis commercio cum Russia et Scandinavia. p. 11 et 57.

[139] S. 18, 19, 36.

[140] Bullet. scient. p. 307—309. См. находку подъ № 31.

гіе современные нумизматы принимали ихъ, по незнанію, за азіятскія. Вообще должно сказать, что число найденныхъ африканскихъ и въ сравненіе не можетъ идти съ числомъ азіатскихъ. Изъ сихъ-послѣднихъ, кромѣ саманидскихъ и аббасидскихъ, монеты другихъ вышеисчисленныхъ династій попадаются также не въ большомъ количествѣ въ сравненіи съ монетами этихъ двухъ, составляющими главную часть почти всѣхъ находокъ. Количество ихъ, извлеченное изъ земли въ Россіи и прибалтійскихъ краяхъ, по истинѣ приводитъ въ изумленіе. Когда Френъ разбиралъ, въ 1817 году, Восточный мюнцкабинетъ нашей Академіи Наукъ, ему попадалось нерѣдко до 300 экземпляровъ одной и той же саманидской монеты [141]. Онъ и Адлербетъ того мнѣнія, что саманидскія однѣ превышаютъ числомъ своимъ монеты всѣхъ прочихъ династій [142]. На Прусскомъ побережьѣ, по замѣчанію Адлера, находятъ болѣе аббасидскія, на Шведскомъ и Померанскомъ — болѣе саманидскія [143]. Замѣчательно также и то, что послѣднія никогда не встрѣчаются въ одной находкѣ съ африканскими [144]. За монетами этихъ двухъ династій, по степени количества въ какомъ ихъ находятъ, я думаю можно помѣстить испегбедскія и умейядскія. Первыя попадаются преимущественно въ Бѣлоруссіи [145].

Монеты эти находятъ или однѣ, несмѣшанныя ни съ какими другихъ странъ, и ни съ какими другими вещами, или вмѣстѣ съ монетами другихъ народовъ, и различными вещами и украшеніями, часто золотыми. Первое случается по-видимому, чаще въ Россіи; послѣднее—въ сосѣднихъ прибалтійскихъ земляхъ. Чуземныя монеты, попадающіяся въ сообществѣ куфическихъ, бываютъ преимущественно англосаксонскія, нѣмецкія и византійскія, и всегда современныя

[141] Recensio num. p. X.
[142] у *Ледебура*, s. 18—19. Bullet. scient. l. c. p. 304.
[143] у *Болена*, l. c. p. 327.
[144] Bullet. scient. l. c. p. 310. Сравни находки № 31, 67, 69, 84.
[145] *Лелевель*, въ Numismatique du moyen âge. Vol. II, p. 83.

имъ, т. е. IX, X и XI вѣка. Мнѣ самому не удавалось видѣть вещей и украшеній находимыхъ вмѣстѣ съ монетами; но тѣ, которые видѣли ихъ и подвергали изслѣдованію, не сомнѣваются ни мало въ ихъ древности и Восточномъ происхожденіи [146]. Подтвержденіемъ достовѣрности этого мнѣнія, можетъ служить, какъ замѣчено выше, и ярославская находка № 80.

Что касается до металла этихъ монетъ, то обыкновенно находятъ и находили серебряныя, между которыми золотыя попадаются какъ рѣдкія исключенія, а мѣдныя не попадались никогда [147].

Иногда монеты эти находятъ отлично хорошо сохранившимися, такъ-что кажется будто онѣ попали подъ землю прямо съ монетнаго двора. Иногда—довольно потертыми, обломанными, съ проверченными дырочками. Часто—въ половинкахъ и даже очень мелкихъ кускахъ. Нерѣдко масса кусковъ и половинчатыхъ монетъ далеко превосходитъ число цѣлыхъ. Но замѣчено, что куски эти и половинки, въ бо́льшей части находокъ, принадлежатъ всегда разнымъ монетамъ, которыхъ остальныя соотвѣтствующія части тутъ не находятся: ни одинъ кусокъ, ни одна половинка не подходятъ къ другимъ таковымъ же, изъ чего видно, что это раздробленіе произошло умышленно, до ихъ зарытія, а не послѣ, отъ неосторожности при выкапываніи [148].

Наконецъ, относительно мѣстности находокъ, замѣтимъ

---

146 *Ледебуръ*. passim. Нѣкоторыя изъ этихъ вещей и украшеній могутъ быть не только арабской или персидской, но даже индѣйской работы, какъ золотое кольцо, найденное въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, близъ Монтроза, въ Шотландіи, и описанное извѣстнымъ антикваріемъ *Дж. Тодомъ*, въ Transactions of the royal asiatic society. Vol. II. p. 559 (London. 1830).

147 *О. Тихсенъ*, l. c. p. 80, и другіе. Если въ нашихъ мюнцкабинетахъ и имѣются фульсы аббасидскіе, саманидскіе, тагеридскіе и другіе, то извѣстно положительно, что они привезены въ новѣйшее время, и открыты въ древнихъ Саманидскихъ Владѣніяхъ.

148 *О. Тихсенъ*, l. c. p. 81, и другіе.

что онѣ случаются и въ лѣсахъ, подъ старыми деревьями, и на пашняхъ, и на высотахъ, и подъ камнями, вездѣ, но преимущественно по близости городовъ и дорогъ, которые, въ началѣ и половинѣ Среднихъ Вѣковъ, извѣстны какъ торговые, или неизвѣстны еще, но должны быть такими [149].

Когда-же попали эти диргемы на востокъ и сѣверъ Европы? Какимъ путемъ зашли они туда? Кто засѣялъ ими все пространство отъ Норвегіи и береговъ Эльбы до Оки и Камы? Что доказываетъ ихъ присутствіе въ этихъ странахъ? Вотъ вопросы, рождающіеся необходимо при представленіи себѣ этихъ подземныхъ богатствъ, оставленныхъ предками въ наслѣдіе нашей пытливости. И какіе еще это вопросы! — вопросы, съ которыми тѣсно связано объясненіе многихъ важнѣйшихъ задачъ въ исторіи Европейскаго Сѣвера и преимущественно нашего отечества, съ разрѣшеніемъ которыхъ много должна разрѣдѣть мгла, покрывающая теперь утро нашей народной жизни.

Объясненіемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ вопросовъ занимались уже разные ученые, но бо́льшею частію слишкомъ односторонно, основываясь на маломъ числѣ находокъ, не зная о таковыхъ же въ другихъ странахъ, и особенно въ Россіи. Въ свое время объясненія ихъ имѣли цѣну, теперь устарѣли, и едва-ли заслуживаютъ опроверженія, опровергаемыя однимъ накопленіемъ новыхъ находокъ по мѣстамъ, гдѣ они не подозрѣвали даже возможности ихъ существованія.

Такъ Шефферъ полагалъ, что въ Швецію занесли эти монеты Шведы, которые служили въ войскахъ Восточной Римской Имперіи, и могли добыть ихъ на войнѣ съ Мусульманами [150], а О. Цельсій внесеніе ихъ туда приписывалъ богомольцамъ, ходившимъ на поклоненіе св. гробу [151].

---

[149] *Адлеръ* у *Ледебура*, р. 52, и другіе.
[150] У *Аурнвиллія*, въ Nova acta soc. scient. Upsaliensis. Vol. II. p. 102.
[151] У *Френа*, въ Ibn-Foszlan. s. 80.

Шольцъ думалъ, что голштейнскія находки обязаны существованіемъ крестовымъ походамъ въ Азію[152]. Керъ, найденныя близь Данцига монеты почиталъ занесенными туда изъ Палестины тевтонскими рыцарями[153]. Аурнвиллій думалъ, что куфическія монеты привезены были въ Висби, вмѣстѣ съ товарами, изъ странъ при каспійскихъ, черезъ Россію, въ XIII вѣкѣ, послѣ разоренія Самарканда Чингисомъ, а изъ Висби, черезъ ганзеатическихъ торговцевъ, разошлись уже по берегамъ Балтики. Это мнѣніе основывалъ онъ на сказаніи Арабшаха, что въ развалинахъ Самарканда находили древнія куфическія монеты[154]. Бартелеми занесеніе этого рода монетъ приписывалъ пребыванію Татаръ въ Литвѣ и сосѣдственныхъ странахъ[155]. При нынѣшнемъ состояніи нашихъ знаній о мѣстности и числѣ находокъ, ни одно изъ этихъ мнѣній не выдержитъ критики. Шведы и вообще всѣ тѣ выходцы изъ сѣверныхъ европейскихъ народовъ, которые подъ именемъ «*варанг*'овъ» служили Восточно-Римскимъ императорамъ, никогда не могли, въ сраженіяхъ съ Мусульманами, добыть отъ нихъ столько монеты, сколько видимъ мы отрытой на пространствѣ, на которомъ ее находятъ и находили. Тѣмъ менѣе еще могли принести ее съ собою благочестивые паломники, возвращавшіеся домой обыкновенно съ пустою сумою. Этому мнѣнію, равно какъ и тому, которое внесеніе ихъ приписываетъ воинамъ возвращавшимся изъ крестовыхъ походовъ, противорѣчитъ еще и то обстоятельство, что въ такомъ случаѣ надлежало-бы находить вмѣсто монетъ персидскихъ и мавераупнагрскихъ VII, VIII, IX и X вѣка, монеты египетскія, сирійскія и малоазійскія XI, XII и XIII вѣка, монеты Фатимидовъ, Сельджукидовъ, Ортокидовъ, Атабековъ, Эй-

---

152 У *Ледебура*, l. c. p. 70.

153 У *Френа*, l. c.

154 Nova acta soc. scient. Upsaliensis. Vol. II, p. 105 et 106.

155 Mémoires de l'acad. royale des inscriptions et belles lettres. Paris. 1759. Vol. XXVI. p. 571.

юбидовъ, а такихъ вовсе не находятъ. Нельзя также приписывать ихъ внесенія Татарамъ, или ганзейской торговлѣ во время татарскаго могущества: тогда-бы съ диргемами VIII, IX и X вѣка находили вмѣстѣ и монеты позднѣйшихъ турецкихъ и монгольскихъ династій XIII, XIV и XV вѣка, монеты Хорезмшаховъ, Джагатаидовъ, Гулагидовъ, Джучидовъ, а это еще ни разу не случалось, и, вмѣсто англосаксонскихъ, нѣмецкихъ и византійскихъ IX, X и XI вѣка, которыя находятъ съ современными имъ куфическими, находили-бы съ сими-послѣдними позднѣйшую мѣстную монету. Самое сказаніе Арабшаха, послужившее основаніемъ мнѣнію Аурнвиллія, обращается противъ него же: Арабшахъ говоритъ о находкѣ древнихъ куфическихъ монетъ въ Самаркандѣ, какъ о рѣдкости въ его время. И точно, въ XIII, XIV и XV вѣкѣ, монеты испегбедскія, тагеридскія, саманидскія и другія VIII и трехъ слѣдующихъ вѣковъ, вышли уже изъ обращенія на Востокѣ, гдѣ одна династія переливаетъ монеты другой, и даже одинъ владѣтель — монеты своего предшественника. По-крайней-мѣрѣ, тамъ не было ихъ тогда такого количества, чтобы Татаре могли засыпать ими всю Русь и Польшу, а ганзеатическіе купцы—все Балтійское Побережье. Далѣе: Татаре не были ни въ Швеціи, ни въ Норвегіи, ни въ Даніи, какъ-же могли они занести туда монеты о которыхъ идетъ рѣчь? Наконецъ, предположимъ на-время возможность привоза этихъ монетъ съ Востока черезъ Россію, въ XIII и XIV вѣкѣ, ганзейскими купцами. Что-жъ, изъ любви къ Нумизматикѣ собирали они эти монеты, или брали ихъ за товаръ? Разумѣется не изъ нумизматической любознательности, а за послѣдній. Въ такомъ случаѣ они брали-бы и привозили съ собою и татарскія деньги, по-крайней-мѣрѣ въ равномъ количествѣ съ этими древними; тогда-бы, вмѣстѣ съ послѣдними, находили въ Швеціи, Норвегіи, Даніи и вообще по балтійскимъ берегамъ, и татарскія въ одинаковомъ количествѣ; а ихъ не только не выкапываютъ въ

этихъ мѣстахъ въ такомъ же количествѣ и вмѣстѣ съ древними куфическими, но не находятъ вовсе. Въ Россіи, дѣйствительно, отрываютъ тьму джучидскихъ монетъ; но эти находки служатъ новымъ подтвержденіемъ тому, что древнія куфическія зашли въ Россію, и вообще на сѣверъ Европы, ранѣе разлива монгольскаго въ началѣ XIII вѣка. Джучидскія находятъ, во-первыхъ, преимущественно по Волгѣ въ восточной и южной Россіи, въ тѣхъ мѣстахъ только, гдѣ кочевали Татаре; во-вторыхъ, отдѣльно или вмѣстѣ съ русскими копѣечками XIV и XV вѣка, и, въ-третьихъ, что всего важнѣе — отнюдь не вмѣстѣ съ древними куфическими и испегбедскими, или англосаксонскими нѣмецкими и византійскими.

Самыя удовлетворительныя предположенія, которыми стараются объяснить находки многоупоминаемыхъ монетъ на сѣверѣ и востокѣ Европы, суть тѣ, которыя внесеніе ихъ въ эти края приписываютъ либо торговлѣ, которая съ VIII вѣка, или еще ранѣе, и вплоть до XI, должна была производиться между сѣверомъ Европы и Азіею, черезъ Россію, либо военнымъ экспедиціямъ Норманновъ, либо тому и другому вмѣстѣ. Эти мнѣнія существуютъ и повторяются, съ болѣе или менѣе значительными измѣненіями, съ конца прошедшаго столѣтія, и имѣютъ на своей сторонѣ авторитетъ многихъ уважаемыхъ именъ, каковы имена Сума, Адлербета, Тихсена, Френа, Гартмана, Болена, Лелевеля и другихъ, и я считаю ихъ вполнѣ основательными; но...

Но вѣдь все-таки это не иное что, какъ предположенія, которыя сами должны быть подкрѣплены доказательствами заимствованными изъ историческихъ источниковъ, каковы лѣтописи, записки современниковъ, саги и тому подобные письменные памятники. Вмѣсто того, чтобы объяснять несомнѣнный фактъ, каковы находки монетъ о которыхъ идетъ рѣчь, предположеніями, степень вѣроятности кото-

рыхъ зависитъ отъ степени достовѣрности письменныхъ источниковъ, изъ которыхъ заимствованы будутъ доказательства въ ихъ подкрѣпленіе — тогда,-какъ не всѣ одинаково убѣждены въ достовѣрности многихъ изъ этихъ источниковъ — было-бы гораздо основательнѣе, по-видимому, объяснить этотъ фактъ изъ самыхъ его памятниковъ, если только это возможно; а я думаю что это возможно, и постараюсь доказать что находки заключаютъ сами въ себѣ разрѣшеніе почти всѣхъ вышепредложенныхъ вопросовъ, и не только мало нуждаются для этого въ помощи позднѣйшихъ письменныхъ памятниковъ, лѣтописей, сагъ и тому подобнаго, но еще имъ же самимъ могутъ служить опорою, объясненіемъ и дополненіемъ; думаю, что подземныя сокровища эти могутъ служить краеугольнымъ камнемъ древнѣйшей исторіи нашего отечества, котораго не сдвинетъ никакой основательный скептицизмъ. Это современники VII, VIII, IX, X и XI вѣковъ, надъ которыми невидимо пролетѣло тысячелѣтіе, для которыхъ десять столѣтій прошли какъ десять минутъ, и которые выходятъ къ намъ изъ гробовъ свидѣтельствовать истину, не прибавляя и не убавляя ни единаго слова,—современники, сохранившіе всю свою свѣжесть, которыхъ мы можемъ разглядѣть, ощупать, которые позволяютъ намъ убѣдиться всѣми чувствами, что они существенность, дѣйствительность, истина, а не призракъ, не миѳъ, не сказка, не анахронизмъ, не описка переписчика, не вставка позднѣйшаго компилатора!

Посмотримъ, что́-же скажутъ эти свидѣтели при нашемъ допросѣ.

а) Вырываемыя куфическія монеты не восходятъ, какъ сказано, позже 1012 года. Стало-быть самые позднѣйшіе клады зарыты были вскорѣ послѣ этого: иначе находили-бы въ нихъ монеты позднѣйшія. Стало-быть въ мѣста, гдѣ ихъ нашли, онѣ попали нѣсколько ранѣе времени ихъ зарытія. Иначе быть не можетъ, иначе нельзя разсуждать.

б) Есть такія находки, что самыя позднія изъ состав-

ляющихъ ихъ монетъ относятся къ концу, къ половинѣ и къ началу X вѣка (№ 36, 64, 74, 81, 82; № 18, 30, 32, 49, 58, 68, 75, 79; № 10, 42, 87). Стало-быть такіе клады зарываемы были около того же времени, въ концѣ, въ половинѣ и въ началѣ X вѣка.

в) Есть находки, въ которыхъ самыя позднѣйшія изъ составляющихъ ихъ монетъ, принадлежатъ къ концу, къ половинѣ и началу IX вѣка (№ 62, 86, 88; № 11, 31, 77; № 48, 67, 69, 78, 84). Стало-быть такіе клады зарыты около того же времени, въ концѣ, въ половинѣ и въ началѣ IX вѣка.

Весьма возможно и вѣроятно, что есть находки, въ которыхъ самыя позднія монеты еще ранѣе девятаго вѣка: бо̀льшая часть кладовъ пошла въ плавильный котелъ безъ описанія; обо многихъ имѣемъ свѣдѣнія не довольно точныя и опредѣлительныя. Но не будемъ основываться на вѣроятностяхъ и возможностяхъ, предоставимъ оправдать предположенія наши будущему, ограничимся покуда извѣстнымъ, и остановимся на томъ, что самая ранняя изъ находокъ есть штегенская 1722 года, въ которой бо̀льшая часть монетъ биты между 802 и 813, и позднѣе 813 года нѣтъ.

г) Африканскія монеты встрѣчаются преимущественно въ кладахъ относящихся къ IX вѣку. Могилевская находка (№ 69), самая обильная ими, и съ-тѣмъ-вмѣстѣ единственная по заключавшимся въ ней испанскимъ диргемамъ, относится къ началу этого вѣка. Въ позднѣйшихъ находкахъ попадаются онѣ рѣдко и въ маломъ числѣ, притомъ большинство ихъ принадлежитъ къ концу VIII, и только немногія къ первымъ годамъ IX вѣка, такъ-что доселѣ не было находимо битой позже 803 года нашей эры. Изо всего этого надлежитъ заключать, что африканскіе и испанскіе диргемы зашли туда, гдѣ ихъ находятъ, если не исключительно, то преимущественно, въ первой половинѣ или даже въ началѣ IX вѣка.

Соединивъ вмѣстѣ извлеченныя показанія, видимъ, что азіятскія монеты прибывали въ Россію и при-Балтику постоянно въ-теченіе болѣе чѣмъ двухъ вѣковъ, съ конца VIII по начало XI столѣтія, а африканскія и испанскія зашли въ эти страны, если не исключительно, то преимущественно, въ первой половинѣ IX вѣка. Вотъ покуда отвѣтъ на то, *когда* попали сюда монеты.

д) Изъ странъ Азіи, гдѣ владычествовали династія которымъ принадлежатъ находимыя азіятскія монеты, въ сѣверную и часть центральной Европы по-сю-сторону Эльбы должны были проникнуть эти монеты не инымъ путемъ, какъ чрезъ сѣверную, среднюю и западную Россію, ибо здѣсь видимъ повсюду слѣды этого перехода, тогда-какъ на западъ отъ Эльбы, и южнѣе 52° широты не находимъ ихъ нигдѣ. Изъ какой-же части Азіи, и какимъ путемъ зашли онѣ въ означенныя части Россіи? Самый ближайшій къ Азіи пунктъ Россіи, извѣстный находкою такого рода монетъ, есть покуда Казанская Губернія (см. находка № 87). Посему надлежитъ думать, что, если не исключительная, то главная дорога, которою текли монеты въ Россію, шла на нее изъ Азіи въ этомъ направленіи.

е) Въ числѣ находимыхъ монетъ есть и принадлежащія Булгарамъ Волжскимъ, называемымъ такъ въ отличіе отъ Дунайскихъ (см. находки № 75 и 82). Монеты этѣ наружностью своею такъ сходны съ саманидскими, что ихъ долгое время, пока Френомъ не объяснено было настоящее происхожденіе, принимали за сіи-послѣднія, хотя и не могли объяснить несообразностей, рождавшихся отъ такого qui pro quo [156]. Сходство это булгарскихъ монетъ съ саманидскими доказываетъ, что саманидскія служили имъ первообразомъ, и что потому Булгаре должны были находиться въ близкихъ связяхъ съ Саманидскими Владѣніями. А

---

[156] См. Ueber drei Münzen der Wolga-Bulgaren, въ Mémoires de l'Academie Imperiale des sciences de St.-Pétersbourg (9-me serie), Vol. I. p. 171.

какъ нынѣшняя Казанская Губернія составляетъ часть древней земли Булгаръ Приволжскихъ, то вотъ мы и находимъ непрерывную связь, соединяющую казанскую находку съ Саманидскими Владѣніями — рудникомъ большинства находимыхъ монетъ; значитъ саманидскіе диргемы шли въ Россію, а изъ нея въ при-Балтику, черезъ землю Волжскихъ Булгаръ. Сюда-же имъ не было другихъ путей какъ: либо черезъ Каспійское-Море, вверхъ по Волгѣ, либо отъ Аральскаго-Озера, черезъ нынѣшнія Киргизъ-Казачьи Степи, дорогами, которыми ходятъ нынѣ въ Оренбургъ бухарскіе и хивинскіе караваны.

ж) Но саманидскія монеты находятъ не отдѣльно отъ другихъ азіятскихъ, а бо́льшею частію вмѣстѣ съ ними; стало-быть азіятскія разныхъ другихъ династій шли въ Россію отчасти черезъ тѣ же Саманидскія Владѣнія и тѣми же путями. Были для нихъ въ Россію, безъ сомнѣнія, и другіе пути, но пути не обозначаемые находками, потому здѣсь я и умолчу объ нихъ, ограничиваясь при настоящемъ изслѣдованіи только тѣмъ, что монеты сами открываютъ относительно возникающихъ объ нихъ вопросовъ.

з) Труднѣе опредѣлить дорогу, которою африканскія и испанскія монеты пришли въ Россію и прибалтійскіе края. Ихъ находятъ вмѣстѣ съ азіятскими: халифскими и испегбедскими, стало-быть ничто не мѣшаетъ думать, чтобы не могли онѣ притти черезъ Азію, тѣмъ же путемъ какъ и азіятскія. Это еще болѣе подтверждается рѣдкостью ихъ въ находкахъ прибалтійскихъ, тогда-какъ здѣсь-то именно и надлежало-бы находить ихъ въ бо́льшемъ числѣ, чѣмъ въ Россіи, если-бы изъ Африки и Испаніи шли онѣ въ Россію ближайшимъ, западнымъ, а не отдаленнѣйшимъ, восточнымъ, путемъ. Вмѣстѣ съ саманидскими однако-же ихъ до-сихъ-поръ не находили, изъ чего необходимо слѣдуетъ, что путь или пути, которыми онѣ пришли въ Россію, были не тѣ которыми текли сюда саманидскія деньги; что пришли онѣ другимъ каналомъ, не черезъ Саманидскія Вла-

дѣнія. Монеты, составляющія могилевскую находку (№ 69), Размусенъ, опираясь впрочемъ на ложномъ основаніи что въ прибалтійскихъ краяхъ не находимо было африканскихъ монетъ, считаетъ зашедшими черезъ Константинополь[157] — предположеніе которое опровергается и другими обстоятельствами: ни въ настоящемъ случаѣ не было найдено византійскихъ монетъ вмѣстѣ съ прочими, составлявшими кладъ, ни въ другихъ находкахъ не попадались онѣ вмѣстѣ съ африканскими, но съ азіятскими весьма часто (см. № 6, 23, 28, 29, 46), что̀, доказывая сношенія Сѣвера съ Византіею, доказываетъ вмѣстѣ и то, что африканскія не имѣли въ ней хода, а потому не могли зайти черезъ нее и въ Россію, туда, гдѣ ихъ нашли. Въ такой большой массѣ, какую составляютъ эти африканскія и испанскія монеты, относительно къ количеству всей могилевской находки, едва-ли вѣроятно, чтобы онѣ могли попасть сюда и черезъ Азію. Очень можно думать, напротивъ, что пришли онѣ, хоть на этотъ разъ, другою, естественнѣйшею дорогою — съ Запада, моремъ; что, если не нѣсколько, то былъ хоть одинъ случай, когда какіе-либо изъ жителей окрестностей нынѣшняго Могилева находились въ прямыхъ или посредственныхъ, какого-бы то ни было рода, сношеніяхъ съ родиною этихъ монетъ — Испаніею и сѣверо-западною Африкою.

Итакъ саманидскія монеты, составляющія большинство въ находкахъ, и если не всѣ, то отчасти и другія азіятскія, въ особенности-же изъ сосѣднихъ Саманидскимъ Прикаспійскихъ и Персидскихъ владѣній — шли въ Россію и оттуда въ при-Балтику черезъ земли Волжскихъ Булгаръ. О пути-же въ Россію африканскихъ и испанскихъ извѣстно только, что онъ былъ не тотъ что саманидскихъ, не лежалъ черезъ Византію, а, всего вѣроятнѣе, шелъ черезъ

---

[157] De orientis commercio cum Russia et Scandinavia medio aevo. Hauniae. 1825. p. 11.

Западъ. Вотъ покуда отвѣтъ на то, *какимъ путемъ* зашли монеты.

i) Вмѣстѣ съ цѣлыми монетами находятъ обыкновенно и обломки, массою своею превышающіе нерѣдко количество первыхъ. Какъ сказано уже, обломки эти разной величины, не бываютъ никогда частями одной монеты, а остатками разныхъ, такъ-что, соединяя ихъ между собою, никогда нельзя составить цѣлыхъ монетъ, изъ чего должно заключать, что раздробленіе это произошло до зарытія монетъ, а не отъ неосторожности при ихъ откапываніи, оттого, что при этомъ онѣ были разломлены неловкимъ ударомъ заступа или напоромъ сохи: въ такомъ случаѣ монета можетъ скорѣе согнуться, чѣмъ переломиться. Притомъ, обломки въ огромномъ числѣ находили вмѣстѣ съ цѣлыми, въ металлическихъ сосудахъ, подъ камнями, подъ деревьями, гдѣ не касалась ихъ ни соха, ни лопата. Ясно, что раздробленіе монетъ имѣло мѣсто до ихъ зарытія. Какая-же причина этому? А вотъ какая: извѣстно, что мелкая монета, серебряная или мѣдная, необходимо нужна при всѣхъ небольшихъ торговыхъ оборотахъ, особенно внутри страны. Гдѣ ея нѣтъ, и гдѣ еще притомъ монета принимается на вѣсъ, тамъ этому недостатку пособляютъ разрубая, или разламывая крупную монету на части различной величины, которыя такимъ образомъ и замѣняютъ въ обращеніи мелкую монету, а при взвѣшиваніи служатъ къ дополненію и уравненію вѣса. Примѣръ этого мы имѣемъ теперь въ Кантонѣ, гдѣ крупные испанскіе піастры подвергаются, въ такихъ обстоятельствахъ, намѣренному раздробленію. Тоже, въ XI и XII столѣтіяхъ, происходило въ Англіи, гдѣ, за неимѣніемъ мелкой монеты, разбивали penegas на двѣ и на четыре части, отъ чего и произошло данное этимъ фракціямъ названіе brokemoney, «ломаныхъ денегъ». Путешественникъ X вѣка, котораго Узли выдалъ ошибочно за Ибнъ-Хаукала, расказываетъ, что въ Самаркандѣ, гдѣ, какъ извѣстно. была и мелкая мѣдная монета,

находились въ обращеніи, между прочимъ, «ломаные диргемы» *(диргеми-шикестѐ)* [158]. Вспомнимъ, наконецъ, наши четвертаки и полтинники, которые первоначально имѣли форму 1/4 и 1/2 круга. Итакъ, причиною разломки монетъ бываетъ недостатокъ въ мелкой монетѣ, необходимой во внутреннемъ обращеніи. Никакое другое обстоятельство, кромѣ этого, не могло дать существованія и обломкамъ Восточныхъ монетъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Стало-быть обломки эти находились въ торговомъ оборотѣ у какого-либо народа. Гдѣ-же — на Востокѣ еще, или уже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятъ ихъ? Знаемъ положительно о раздробленіи монеты только въ одномъ Самаркандѣ изо всѣхъ городовъ Востока, знаемъ потому, что путешественникомъ X вѣка замѣчено это какъ нѣчто необыкновенное. По другимъ мѣстамъ Мусульманскаго Востока этого не дѣлали. Притомъ, тамъ вездѣ находилась въ обращеніи мелкая мѣдная монета. Слѣдственно раздробленіе происходило либо въ Россіи и при-Балтикѣ, гдѣ, какъ извѣстно, не было тогда мѣстной монеты, либо при торгахъ въ странѣ Волжскихъ Булгаръ, или у другихъ народовъ, черезъ земли которыхъ шли въ Россію азіятскія деньги. Во всякомъ случаѣ это доказываетъ существованіе или дѣятельной внутренной торговли въ Россіи и прибалтійскихъ краяхъ, или постоянной торговли Россіи съ Восточными странами, преимущественно съ Саманидскими Владѣніями. Раздробленіе диргемовъ въ Россіи и при-Балтикѣ, а не на Востокѣ, подтверждается еще и тѣмъ, что какъ сказано, мѣдной мусульманской монеты, фульсовъ, вовсе не находятъ въ этихъ странахъ [159].

---

[158] The oriental Geography by *Ibn Haukal*. London. 1800. p. 258.

[159] Доказательствомъ, что въ древней Россіи, въ періодѣ времени, о которомъ говоримъ, деньги ходили на вѣсъ, можетъ служить слово «золотникъ», которымъ означали тогда византійскіе солиды, и съ-тѣмъ-вмѣстѣ извѣстный вѣсъ = 70 гранамъ. См. *Круга*, Критическія разъисканія о древнихъ Русскихъ монетахъ. Стр. 118 и 119.

и) Итакъ, обломки обязаны существованіемъ торговлѣ. Ей же преимущественно должно приписать занесеніе къ намъ и цѣлыхъ монетъ. Торговля и война суть два исключительные проводника денегъ изъ одной страны въ другую. Положимъ, что жители Россіи и вносили въ прикаспійскія страны побѣдоносное оружіе свое[160], и что слѣдствіемъ этихъ вторженій было пріобрѣтеніе и разсѣяніе по Россіи значительнаго количества азіятской монеты: все-таки война не могла доставить ее въ такомъ числѣ, въ какомъ она доселѣ найдена; притомъ, самое постоянство притока монеты въ-теченіе двухъ вѣковъ, если не болѣе, доказываетъ, что увлекало ее съ Востока не счастіе оружія, а что-то другое; другаго-же, кромѣ торговли, ничего быть не могло.

Изо всего сказаннаго заключаемъ, что, если не вся, то бо́льшая часть монеты въ Россіи и при-Балтикѣ обязана существованіемъ своимъ *торговлѣ*, которую эти страны должны были вести съ мусульманскими и не-мусульманскими владѣніями Передней-Азіи, преимущественно Каспійскаго Побережья. Вотъ покуда отвѣтъ на то, *что́ доказываютъ* находки.

Сдѣланными выводами однакожъ далеко не ограничивается число тѣхъ, которые можно извлечь изъ разсмотрѣнія монетъ, совокупно съ мѣстностью находокъ; притомъ, изъ первыхъ выводовъ вытекаютъ логически второстепенные и третьестепенные, важные не менѣе основныхъ. Пойдемъ далѣе.

к) Чтобы прибалтійскія земли могли получать монету черезъ Россію, надо чтобы онѣ были съ нею въ какихъ нибудь связяхъ, добровольныхъ или насильственныхъ; надо предполагать одно изъ трехъ: или что Азіятцы приходили за товарами въ приБалтику; или жители при-балтійскіе

[160] Дѣйствительность такихъ походовъ изслѣдовалъ и доказалъ я въ статьѣ, помѣщенной въ Журналѣ Минист. Народн. Просвѣщенія, годъ 1835 книжка II.

возили ихъ въ Азію; или посредниками и участниками въ этой торговлѣ служили жители Россіи, передававшіе серебро Восточное за товары прибалтійскимъ жителямъ, и получавшіе его за свои. Какой-бы изъ этихъ трехъ случаевъ ни имѣлъ мѣсто, всякій заставляетъ предполагать довольно тѣсную связь между всѣми народами принимавшими участіе въ торговлѣ, связь продолжавшуюся никакъ не менѣе, но вѣроятно гораздо болѣе двухъ столѣтій; итакъ Россія, въ-теченіе IX и X вѣка, не была страною изолированною, населенною совершенными дикарями. Во всякомъ случаѣ въ ней было сильное торговое движеніе, и, какъ необходимое слѣдствіе его, нѣкоторая образованность, если не во многихъ, то въ нѣсколькихъ пунктахъ; нѣкоторая роскошь, нераздѣльная съ производствомъ выгодной торговли, и извѣстная степень гражданской безопасности, нужная для ея поддержанія. Что торговля эта была выгодна для жителей Россіи, что торговый балансъ былъ на ихъ сторонѣ, доказывается тѣмъ, что выручавшаяся монета оставалась въ ихъ землѣ. Когда слѣды этой торговли находятся, быть можетъ, даже на отдаленныхъ берегахъ Печоры, когда изъ отрываемыхъ въ Россіи монетъ Волжскихъ Булгаръ узнаёмъ, что подлѣ насъ, на Волгѣ, въ странѣ благопріятствуемой природою отнюдь не болѣе чѣмъ прочія части Россіи, существовалъ въ X вѣкѣ народъ жившій въ городахъ, имѣвшій собственную монету, исповѣдывавшій Исламъ, и бывшій потому въ тѣсныхъ связяхъ съ багдадскими халифами [161] это заставляетъ предполагать, что при двухсотлѣтней постоянной торговлѣ должны были и въ Россіи явиться города, какъ складочныя мѣста для товаровъ, какъ мѣста отдохновенія для торговцевъ. Соображая, что монета занесена къ намъ, если не исключительно, то по-бо́льшей-части торговлею, и то

---

[161] См. *Френа*, въ Mémoires de l'Acad. Impér. des sciences de St.-Pétersburg (6-me serie), Vol. I, p. 171 и 527.

что въ Швеціи, на островахъ Балтійскаго-Моря и по южному побережью его, находятъ ее преимущественно около пунктовъ которые изъ другихъ источниковъ извѣстны намъ за торговыя мѣста въ Средніе Вѣка, можемъ заключать, что и у насъ торговля производилась живѣе, и торговыя мѣста — городà, существовали тамъ, гдѣ болѣе находимъ монетъ.

л) Но тѣ же монеты, съ-другой-стороны, показываютъ, что гражданская образованность, неразлучная съ торговлею, не сдѣлала въ Россіи такихъ успѣховъ, какихъ надлежало-бы ожидать отъ болѣе чѣмъ двухсотлѣтняго ея производства. Постоянное, а не случайное, одновременное зарытіе монетъ указываетъ на то, что жители Россіи и при-Балтики не умѣли дѣлать изъ нихъ надлежащаго употребленія, копили безполезныя сокровища только для того, чтобы зарывать ихъ, смотрѣли на монету какъ на мертвый капиталъ, какъ на цѣль, а не какъ на средство; изъ чего видно, что они имѣли нужды самыя ограниченныя, стояли еще на очень низкой степени гражданственности. Изъ самыхъ-же монетъ, изъ того, что на нихъ часто находимъ круглыя дырочки по краямъ, видно еще, что монета употреблялась какъ украшеніе, что ее нанизывали на снурокъ или что-нибудь подобное, и дѣлали такимъ образомъ повязки, ожерелья, поручни и т. д., или нашивали на платье, на пояса, на головной уборъ, какъ и донынѣ поступаютъ съ монетою многіе народы малообразованные.

Продолжая изслѣдованіе монетъ, я могъ-бы вывести еще нѣсколько заключеній; но не имѣя притязаній представить въ настоящемъ случаѣ nec plus ultra того, что можно извлечь изъ нихъ для исторіи, я укажу еще только на одно очень важное обстоятельство.

м) Съ начала IX до начала XI вѣка мы видимъ, что монета постоянно прибывала. Въ началѣ XI вдругъ прекращается приливъ ея съ Востока. Въ Польшѣ находятъ богатые клады изъ мѣстныхъ, византійскихъ, нѣмецкихъ,

англосаксонскихъ, венгерскихъ, богемскихъ монетъ; но и позднѣйшіе изъ этихъ кладовъ, какъ найденные въ *Каскахъ* близь *Варшавы*, въ 1775 году, въ *Серповѣ* близь *Ленчицы*, въ 1823, и въ *Тршебуни*, въ 1824 году, относятся не позже, какъ къ сороковымъ и пятидесятымъ годамъ XI столѣтія [162]. На что-же указываетъ это явленіе? На какіе-нибудь великіе торговые или гражданскіе перевороты, которые должны были имѣть мѣсто въ первой половинѣ XI вѣка, на Востокѣ, или въ сѣверо восточной Европѣ, или тамъ и тутъ вмѣстѣ. Чтобы прекратить торговлѣ путь, которымъ шла она болѣе двухъ вѣковъ, или измѣнить вдругъ ея характеръ въ самыхъ основаніяхъ, надо сильныхъ потрясеній, необыкновеннаго стеченія обстоятельствъ. Фактъ прекращенія или измѣненія образа торговли мы имѣемъ несомнѣнный: пусть объяснятъ намъ его причины. Отъ монетъ довольно покуда и того, что они открыли его намъ и обозначили.

Выше обѣщалъ я доказать, что находки, о которыхъ шла и идетъ рѣчь, могутъ служить краеугольнымъ камнемъ древнѣйшей исторіи нашего отечества, опорою, дополненіемъ и поясненіемъ всѣмъ позднѣйшимъ письменнымъ источникамъ о временахъ отъ VII до XI вѣка. Пора взглянуть теперь: не слишкомъ-ли много придавалъ я имъ значительности, не увлекло-ли меня пристрастіе къ объясняемому мною источнику, какъ обыкновенно водится, слишкомъ далеко? Посмотримъ.

Изъ многоупомянутыхъ находокъ узнаёмъ мы, какъ выведено выше:

1) Что съ конца VIII до начала XI вѣка включительно, жители нынѣшней Россіи производили постоянно торговлю съ прикаспійскими мусульманскими и огнепоклонническими владѣніями.

2) Что въ то же время и столь же постоянно вели они ее съ побережными народами Балтійскаго-Моря.

---

[162] *Лелевель*, въ Numismatique du moyen âge. Vol. II, p. 108 и слѣд.

3) Что торговля эта была выгодна, какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ.

4) Что шла она черезъ нынѣшнія губерніи: Казанскую, Владимірскую, Рязанскую, Тульскую, Смоленскую, Минскую, Могилевскую, Витебскую, Курляндію и Лифляндію; сѣвернѣе: черезъ Ярославскую, Новгородскую, Петербургскую и южную часть Великаго-Княжества Финляндскаго, или черезъ Тверскую, Псковскую и Эстляндію, то есть, сколько можно покуда видѣть, водяными, единственно-возможными тогда, путями: по Волгѣ, Окѣ, Днѣпру, Западной Двинѣ, съ одной стороны; по Волгѣ, Шекснѣ, Вытегрѣ, Свири, Невѣ, черезъ озера: Бѣлое, Онежское и Ладожское — съ другой; и между этими двумя еще третьимъ серединимъ: по Волгѣ, Тверцѣ, Мстѣ, Ильменю, Волхову и Ладожскому-Озеру, гдѣ этотъ средній путь соединялся съ сѣвернымъ.

5) Что, слѣдовательно, выгодами этой торговли пользовались жители всѣхъ теперешнихъ остзейскихъ, бѣлорусскихъ и многихъ велико-россійскихъ губерній. Всѣ онѣ потому въ VIII, IX, X и XI вѣкахъ, населены были болѣе или менѣе людьми промышленными, стоявшими на такой степени гражданственности, какой, по естественному ходу вещей, надлежитъ ожидать отъ вліянія торговли выгодной и продолжавшейся постоянно болѣе двухъсотъ лѣтъ; людьми, которые, по-крайней-мѣрѣ, не были дикарями, видали кое-что на своемъ вѣку, имѣли нѣкоторыя географическія и этнографическія свѣдѣнія.

6) Что на пространствѣ помянутыхъ губерній были города, не въ смыслѣ огороженныхъ, укрѣпленныхъ мѣстъ, а въ значеніи торговыхъ поселеній, которыя пользовались извѣстною безопасностію и въ которыхъ развиты были первыя начала гражданскаго благоустройства.

7) Что къ востоку отъ Россіи обиталъ на Волгѣ народъ Булгаре, который также имѣлъ города, управлялся независимыми владѣльцами, исповѣдывалъ Исламъ, билъ свою

монету, находился въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Саманидскими Владѣніями, въ связяхъ съ главами Мусульманскаго Востока, халифами багдадскими, и служилъ жителямъ Россіи посредникомъ въ торговлѣ съ Закаспійскими Азіятцами.

8) Что въ первой половинѣ XI вѣка произошли какіе нибудь сильные перевороты, въ-слѣдствіе которыхъ торговля эта вдругъ прекратилась, или измѣнилась въ основаніяхъ.

Спрашиваемъ: развѣ перечисленные результаты, извлеченные изъ совокупнаго изученія монетъ и мѣстностей находокъ, равно-какъ и дальнѣйшіе выводы изъ этихъ первыхъ результатовъ, сдѣланные логически, на основаніи общихъ законовъ развитія народовъ, можно оспаривать съ добросовѣстностію? Смѣю думать, что нѣтъ. А много-ли такихъ *неоспоримыхъ* данныхъ о временахъ отъ исхода VIII по XI вѣкъ представляютъ намъ другіе, извѣстные доселѣ источники нашей исторіи? Единственный туземный источникъ, лѣтопись приписываемая преподобному Нестору, принимая даже, что она дѣйствительно написана имъ въ томъ видѣ, въ какомъ дошла до насъ, и писана въ первыхъ годахъ XII вѣка, а не позже, получила слѣдовательно существованіе черезъ 250 лѣтъ послѣ древнѣйшаго событія въ Россіи, о которомъ упоминаетъ хронологически, а это древнѣйшее, которымъ начинается въ ней исторія Русскаго Сѣвера, по-крайней-мѣрѣ полувѣкомъ моложе тѣхъ, о которыхъ узнаемъ изъ монетъ. При этомъ не худо припомнить и то, что древнѣйшій списокъ помянутой лѣтописи, какой мы доселѣ имѣемъ (пушкинскій или лаврентьевскій), относится ко второй половинѣ XIV вѣка (1377 г.), писанъ слѣдовательно черезъ *пять вѣковъ* послѣ древнѣйшихъ событій, упоминаемыхъ лѣтописью. Гдѣ-же было лѣтописцу, монаху, сидя въ Кіевѣ, знать съ достовѣрностью о томъ, что за 250 лѣтъ дѣлалось въ Новѣгородѣ и на Бѣло-Озерѣ? Источниками его, за исключеніемъ византій-

скихъ, и пожалуй болгарскихъ хронографовъ, могли быть лишь преданіе да пѣсни историческія — «слова», а извѣстно сколько въ источникахъ этого рода къ дѣйствительности примѣшивается вымыслу, какъ измѣняются и преобразуются они въ устахъ народа, временемъ, однимъ временемъ! Еще менѣе достовѣрны, въ-отношеніи къ нашей исторіи, саги исландскія, которыя слагались часто Богъ-вѣсть кѣмъ, перелагаемы были въ прозу изъ пѣсенъ, и съ устъ передавались письменамъ черезъ нѣсколько вѣковъ по смерти творцовъ своихъ. Такъ, важнѣйшая для насъ изъ извѣстныхъ доселѣ сагъ, Еймундова, преобразилась въ сагу изъ пѣсни, списана на бумагу въ XIII, и имѣется лишь въ рукописи XIV вѣка. Извѣстія о Россіи мусульманскихъ путешественниковъ X вѣка относятся только къ этому времени, а не восходятъ выше, къ тому же собраны ими не на мѣстѣ, и не отличаются ни подробностью, ни точностью. Нѣмецкіе хроникеры почти вовсе не упоминаютъ объ насъ до XI вѣка; а византійскіе писатели начинаютъ знать о Руси тоже не ранѣе какъ съ половины IX вѣка. Перебирая такимъ образомъ источники древнѣйшей отечественной исторіи, я вовсе не имѣю въ виду унизить ихъ достоинство, чтобы возвысить этимъ цѣнность того который выводится на свѣтъ мною; я очень далекъ отъ этой мысли: всѣ они болѣе или менѣе важны, всѣ, болѣе или менѣе, могутъ итти въ дѣло при возсозданіи нашей древнѣйшей исторіи, и многіе гораздо болѣе чѣмъ монеты о которыхъ идетъ рѣчь; цѣль моя въ этомъ случаѣ — высказать превосходство свѣдѣній, извлекаемыхъ изъ сего-послѣдняго источника, предпочтительно передъ другими въ одномъ только отношеніи — въ-отношеніи ихъ *достовѣрности, неоспоримости*. А это достоинство такъ важно вообще, и относительно древнѣйшей Русской Исторіи въ-особенности, что нельзя не выставить его сколь можно рельефнѣе: разумъ человѣческій такъ склоненъ къ сомнѣнію, что слыша дѣйствительно правду, готовъ часто не вѣрить

ей и сомнѣваться, потому только, что не знаетъ, *какъ* дошла до него эта правда, *какимъ образомъ* могла она дойти правдой, когда всякая правда обростаетъ отъ времени ложью, столь же необходимо, какъ камен мхомъ. Итакъ, по степени достовѣрности, свѣденія сообщаемыя монетами имѣютъ неоспоримое преимущество предъ сказаніями заимствуемыми изъ другихъ извѣстныхъ источниковъ, потому-что свидѣтели наши не старецъ Янъ, не наемные варяги Біорнъ и Гарда-Кетилль съ товарищи, сгнившіе со всѣми праправнучатами, а имѣются на лицо, и могутъ быть спрошены всякимъ, и отвѣтятъ ни болѣе, ни менѣе того сколько могли отвѣтить за тысячу лѣтъ назадъ. Имѣютъ преимущество эти свѣдѣнія и потому еще, что восходятъ въ древность, по-крайней-мѣрѣ, на полвѣка глубже, чѣмъ самыя раннія сказанія Византійцевъ и Несторовой Лѣтописи, не говоря уже о прочихъ. Стало-быть мы правы, полагая, что монеты о которыхъ идетъ рѣчь, могутъ служить краеугольнымъ камнемъ древнѣйшей Русской Исторіи.

Далѣе. Пусть данныя, сообщаемыя монетами, были-бы даже мелочны и не новы; все-бы онѣ имѣли большую цѣну по своей неоспоримой достовѣрности: по одному этому могли бы онѣ служить *опорою* шаткимъ сказаніямъ лѣтописей, сагъ и тому подобныхъ источниковъ. Знанія наши не увеличились-бы ничѣмъ новымъ, но мы узнали бы *нѣчто несомнѣнно достовѣрное*, а въ настоящихъ обстоятельствахъ такое «нѣчто» надлежитъ почитать большимъ пріобрѣтеніемъ. Но заслуга нашихъ находокъ передъ исторіею далеко не такъ ограничена: къ великому достоинству несомнѣнной достовѣрности своихъ показаній онѣ присоединяютъ еще и другія немаловажныя: *новость* и *цѣнность*. Обо многомъ изъ того, что повѣдали намъ находки, развѣ знали мы изъ другихъ источниковъ? Развѣ лѣтописи, саги, записки путешественниковъ и т. п. говорятъ о такой обширной и долговременной торговлѣ, существованіе какой въ Россіи, съ исхода VIII по начало XI столѣтія, откры-

лось изъ монетъ; о такихъ постоянныхъ связяхъ ея съ Востокомъ и Западомъ, въ теченіе болѣе двухъсотъ лѣтъ, какія предполагаетъ эта торговля? Развѣ Россія представлялась намъ въ этихъ лѣтописяхъ, сагахъ и запискахъ такою, какою должна быть по монетамъ? Развѣ заикнулся хоть одинъ извѣстный источникъ о великомъ переворотѣ, вслѣдствіе котораго около половины XI вѣка пресѣклась, или приняла другой видъ, торговля азіятская на востокѣ и сѣверѣ Европы? Нѣтъ. Извѣстно было, правда, съ одной стороны изъ сагъ и сѣверныхъ лѣтописцевъ, что ѣздили Норманны въ Гардарикъ и Біармію для торговли; извѣстно было съ другой, изъ арабскихъ путешественниковъ и географовъ, что купцы какого-то народа Русь, жившаго на островѣ, краснорожіе и крайне неопрятные, пріѣзжали въ Итиль къ Хазарамъ съ товарами, и что Булгаре торговали въ-молчанку съ Вису, въ землѣ мрака; да развѣ это то же, что говорятъ находки? Развѣ изъ этихъ отрывочныхъ, неточныхъ сказаній можно было видѣть всю значительность, древность и обширность торговли русской, которыя открылись намъ изъ находокъ? Итакъ свѣдѣнія, сообщаемыя находками, *дополняютъ* сказанія другихъ источниковъ фактами *новыми*, о которыхъ источники эти не доставляютъ, бо́льшею частію, никакого понятія; мало того: освѣщая множество явленій въ исторіи отношеній жителей Россіи къ Востоку и Западу, явленій темныхъ и непонятныхъ безъ этого свѣта, они, свѣдѣнія эти, *дополняютъ* часто отрывочныя и безсвязныя сказанія другихъ источниковъ самымъ важнымъ — *смысломъ* и *связью!*

Много-бы можно было перечислить въ тѣхъ или другихъ источникахъ разныхъ сказаній, которыя *объясняются* изъ свѣдѣній доставляемыхъ находками, указать на многія темныя явленія озаряющіяся теперь этимъ новымъ подземнымъ свѣтомъ, да это завело-бы насъ слишкомъ далеко: ограничимся немногими, первыми, какія приходятъ на память. Послѣ того, что узнали мы изъ находокъ, намъ

понятно, на-примѣръ, вслѣдствіе чего, посреди непроходимыхъ лѣсовъ и топкихъ болотъ Россіи, преимущественно западной, могли возникнуть города, о которыхъ Несторова Лѣтопись упоминаетъ современно съ рожденіемъ Руси: Муромъ, Ростовъ, Бѣлозерскъ, Новгородъ, Смоленскъ, Изборскъ, Черниговъ, Любечъ, Овручъ, Коростенъ, Полоцкъ; почему новгородская сага о призваніи Чудью и Славянами трехъ братьевъ Варяговъ, сага сохранившаяся въ лѣтописи Нестора, разсадила братьевъ въ Ладогѣ, Бѣлозерскѣ и Изборскѣ [163]; откуда проистекало благосостояніе и богатство Трузо, Юлина, Висби и другихъ городовъ Славянъ прибалтійскихъ — богатство, которому не могли надивиться западные лѣтописцы; чѣмъ могла существовать торговля въ Біарміи; кàкъ могъ св. Олафъ закупать для себя дорогія ткани въ Гольмгардѣ [164]; какимъ путемъ зашли въ Майнцъ саманидскіе диргемы Насра сына Ахмедова, и индѣйскіе товары, каковы перецъ, инбирь, гвоздика, нардъ и другіе которые, въ концѣ XI столѣтія, видѣлъ тамъ съ удивленіемъ испанскій арабъ Абу-Бекръ Тортуши [165]; и какимъ образомъ могли имѣть арабскіе географы тѣ свѣдѣнія о торговыхъ городахъ Балтійскаго-Моря, которыя у нихъ находимъ [166]. Извѣстія этихъ географовъ о торговлѣ Руси въ Хазаріи [167] получаютъ новый видъ и цѣну; проблематическое существованіе торговыхъ связей съ Славянами прибалтійскими становится несомнѣннымъ; а съ тѣмъ-вмѣстѣ большое вѣроятіе получаетъ предположеніе, что въ числѣ Норманновъ, опустошавшихъ въ IX вѣкѣ берега Франціи, Испаніи и Африки, были и жители Россіи.

---

163 *Несторъ*, по кенигсбергскому списку, стр. 16.

164 *Снорре Стурлезонъ*. I, 449, у *Круга*, въ Крит. розыск. стр. 123.

165 Beleuchtung der merkwürdigen Notiz eines Arabers aus dem XI Jahrhundert über die Stadt Mayns, *Френа*, въ Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg, 6-me serie. Vol. II, p. 87.

166 *Размусенъ*: De orientis commercio. p. 46 et seq.

167 *Френа* Ibn-Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit. St.-Petersburg. 1823.

Такъ могилевскую находку (№ 69) очень можно считать однимъ изъ памятниковъ счастливаго разбоя какого-нибудь кривичскаго витязя, громившаго, въ числѣ другихъ, испанскія и африканскія владѣнія халифовъ.

Остановимся здѣсь. Нельзя сказать, чтобы изъ разсмотрѣнія находокъ мы вывели мало результатовъ; но то-ли еще, и съ гораздо-бо́льшею опредѣлительностью, можно было-бы вывести, если-бъ мы имѣли ихъ болѣе, и притомъ описанныхъ удовлетворительно; находокъ, о которыхъ бы извѣстно было, въ какомъ или близъ какого урочища онѣ сдѣланы; найдены-ли монеты просто подъ землею, подъ камнемъ, подъ деревомъ, или въ сосудѣ и т. п.; какимъ династіямъ онѣ принадлежатъ, въ какихъ городахъ и въ какихъ годахъ биты, или, по-крайней-мѣрѣ, къ какому году относится самая древняя, къ какому самая поздняя изъ нихъ, и между какими годами бито большинство; относительно металла — золотыя онѣ, серебряныя, или мѣдныя; относительно вида — цѣлыя или обломанныя, стертыя или хорошо сохранившіяся, и не носятъ-ли на себѣ какихъ особенныхъ знаковъ: дырочекъ, наскобленныхъ рунъ, и т. п. Если съ этими Восточными найдены вмѣстѣ какія-либо другія монеты иноземныя, на-примѣръ византійскія, англосаксонскія [168],

---

[168] Византійскія, англосаксонскія и нѣмецкія монеты, современныя многоупомянутымъ Восточнымъ, находятъ у насъ нерѣдко въ значительномъ количествѣ, не только вмѣстѣ съ послѣдними, но и отдѣльно; первыя—наиболѣе по Днѣпру и даже до Волги (немалое число ихъ найдено было близъ Пскова. *Шодуаръ*, Aperçu sur les monnaies russes. I, 53); вторыя и третьи —частію въ западныхъ, преимущественно-же въ сѣверныхъ, за-московскихъ, губерніяхъ; но объ этихъ находкахъ мы вовсе не имѣемъ точныхъ свѣдѣній, а не худо-бы и на нихъ обратить вниманіе: судя по аналогіи, ближайшее изученіе ихъ также могло-бы обогатить насъ какими-нибудь немаловажными результатами для древнѣйшей отечественной исторіи. Въ этомъ отношеніи многаго можно ожидать въ-особенности отъ англосаксонскихъ: нѣтъ сомнѣнія, что праотцы наши были знакомы съ ними очень издавна, можетъ-быть даже ранѣе чѣмъ съ Восточными. Это убѣжденіе основываю я на томъ, что древнѣйшее иноземное названіе звонкой монеты на Руси, встрѣчающееся въ Несторовой Лѣтописи, есть англосаксонское *щелягъ*, scylling (*Несторъ* подъ 883 и 964 годами); всѣ-же народы, какъ доказываетъ сравнительная

надлежало-бы знать и объ нихъ тѣ-же самыя обстоятельства; а если вещи—то металлическія онѣ, каменныя, или изъ другаго-какого матеріала, ихъ назначеніе, форму, вѣсъ и т. п. Изъ числа извѣстныхъ находокъ очень немногія описаны съ такою точностью и подробностью.

Наконецъ, независимо отъ недостаточности свѣдѣній, которыя имѣемъ мы о большинствѣ извѣстныхъ находокъ, я не могъ представить здѣсь дѣла объ нихъ столь удовлетворительно, какъ-бы желалъ, и потому еще, что не имѣлъ возможности прочитать многаго изъ писаннаго объ этомъ предметѣ въ Швеціи и Германіи, долженъ былъ полагаться нерѣдко на чужія ссылки, не имѣя средствъ повѣрить ихъ. Во всякомъ случаѣ, съ меня довольно и того, что я, первый изъ Русскихъ, обращаю вниманіе соотечественниковъ на этотъ новый источникъ нашей исторіи, и что способъ объяснять находки изъ нихъ же самихъ — не былъ никѣмъ доселѣ употребленъ, сколько я знаю.

Тысячи находокъ должны были погибнуть неописанными, безъ слѣда и памяти; но почва Россіи и при-Балтики не истощилась еще этими Восточными сокровищами: каждый годъ почти открываются десятки новыхъ. Чѣмъ жа-

филологія, крестятъ вещь тѣмъ именемъ, какимъ называлась она на языкѣ націи, отъ которой они впервые узнали объ ней, или научились ея употребленію. Что «шелягъ» или «шлягъ» лѣтописи означаетъ «звонкую монету», а не мѣру хлѣбную, не мѣхъ, или иное-что, я нимало не сомнѣваюсь. Сомнѣваться въ этомъ можно было только покуда думали, что въ IX и X вѣкахъ не было звонкой монеты въ Заднѣпровской Руси; теперь-же, когда находками Восточныхъ и другихъ монетъ неопровержимо доказано противное, объясненіе этого слова въ лѣтописи не представляетъ болѣе прежнихъ затрудненій. Если «шеляги», которыми платили дань Вятичи и Радимичи, и не были монетою англосаксонскою, такъ могли быть азіятскими диргемами. Мое мнѣніе то, что слово «шелягъ» означало англосаксонскую монету только первоначально, впослѣдствіи-же значеніе его могло быть распространено вообще на металлическія деньги, какому-бы народу онѣ ни принадлежали, и какое-бы имя ни носили въ своемъ отечествѣ.—Любопытно было-бы также имѣть свѣдѣнія, находятъ-ли далеко внутри Россіи монеты греческія и римскія, отрываемыя иногда, по словамъ Лелевеля, въ Литвѣ, Украйнѣ и Подоліи (Numismatique du moyen âge, II, 77 и 80).

лѣть о невозвратимомъ, лучше стараться о сохраненіи того что еще можетъ найтись, и я льщу себя надеждою, что настоящее изслѣдованіе не останется безъ содѣйствія къ обращенію бо̀льшаго вниманія на эти и другія находки древностей подобнаго рода, и спасетъ отъ огня хоть нѣкоторыя. Hoc erat in votis. Хорошо, если-бы со временемъ онѣ привели къ какимъ-нибудь новымъ историческимъ открытіямъ, и къ скромному желанію, теперь нами высказанному, можно было прибавить вмѣстѣ съ Горацiемъ:

Auctius atque
Di melius fecêre.

О ДОСТОВѢРНОСТИ ЯРЛЫКОВЪ ДАННЫХЪ ХАНАМИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ РУССКОМУ ДУХОВЕНСТВУ *.

Къ числу памятниковъ нашей исторіи, не разобранныхъ еще и не объясненныхъ критически, но заклейменныхъ уже подложностію по однѣмъ подозрѣніямъ, принадлежатъ и льготныя или жалованныя грамоты данныя разнымъ митрополитамъ русскимъ четырьмя золото-ордынскими ханами и одною ханшею, и дошедшія до насъ подъ именемъ «ярлыковъ».

Только семь такихъ ярлыковъ знаемъ мы, именно: 1) Отъ хана Менгу-Темира русскимъ митрополитамъ безъименно и всѣмъ церковнымъ людамъ вообще; 2) отъ хана Узбека митрополиту Петру; 3) отъ ханши Тайдулы митрополиту Ѳеогносту; 4) отъ нея же митрополиту Алексѣю; 5) емуже отъ хана Бирдибека; 6) отъ Тайдулы же митрополиту Іонѣ или Ивану; 7) отъ хана Атюляка митрополиту Михаилу.

Всѣ семь изданы впервые Новиковымъ въ его «Древней Россійской Вивліоѳикѣ», Москва. 1787. Т. IV. Съ тѣхъ поръ, кромѣ этихъ семи, другихъ такихъ ярлыковъ не было ни найдено, ни напечатано. Откуда и какъ добылъ ихъ Новиковъ — неизвѣстно. Изъ введенія и послѣсловія, со-

---

* Изслѣдованіе это напечатано было впервые особою книгою, вышедшею въ Москвѣ, въ 1842 году. *Изд.*

провождающихъ эти акты въ его изданіи, должно заключать, что онъ извлекъ ихъ изъ ихъ какой-нибудь лѣтописи доселѣ ненапечатанной. Во второй разъ ярлыки явились на свѣтъ въ такъ-называемой «Суздальской Лѣтописи», изданной Н. Львовымъ въ С. Петербургѣ въ 1792 году; но здѣсь помѣщено ихъ только шесть. Четыре: Атюляковъ, Тайдулины Ивану и Өеогносту и Менгу-Темировъ — подъ 1342, и два: Тайдулинъ Алексѣю и ему же Бирдибековъ — подъ 1357 годомъ (т. III, стр. 101 и 123). Третьяго изданія удостоились ярлыки въ «Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ», во второмъ томѣ котораго (Москва, 1819. № 2, 7, 9, 10, 11, 12) напечатано ихъ также шесть: Менгу-Темировъ, Узбековъ, Тайдулины Өеогносту и Алексѣю, Бирдибековъ и Атюляковъ. Печатали ихъ со списковъ сихъ актовъ, хранящихся въ архивѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

До Карамзина, сколько мнѣ извѣстно, ярлыки эти не обратили на себя ни чьего вниманія; никто не пользовался ими какъ источниками для монгольскаго періода нашей исторіи, никто не подвергалъ ихъ изслѣдованію, но за то никто и не подозрилъ ихъ достовѣрности. Карамзинъ, также не употребившій ярлыковъ въ дѣло, первый предположилъ относительно ихъ возможность подлога. Напечатавъ въ 245 примѣчаніи къ IV тому своей «Исторіи» ярлыкъ Узбека митрополиту Петру, какъ самъ говоритъ, изъ Ростовской Архивной Лѣтописи, онъ присовокупилъ къ нему слѣдующее замѣчаніе: «Нѣсколько сихъ ярлыковъ истинныхъ или подложныхъ, напечатано въ Россійской Вивліоѳикѣ, т. VI. Во многихъ рукописныхъ означенъ надъ каждымъ ярлыкомъ годъ и бо́льшею частію несправедливо» (Ист. Гос. Росс. Изд. перв. Т. IV. Стр. 411).

«Истинныхъ или подложныхъ» говоритъ Карамзинъ; стало-быть онъ не былъ увѣренъ въ достовѣрности ярлыковъ. Что-же дало незабвенному исторіографу поводъ усомниться въ ней и предположить подлогъ? Содержаніе ярлы-

ковъ или форма? предположеніе что они не могли быть писаны въ Ордѣ на русскомъ языкѣ, или что подлинники ярлыковъ, монгольскіе, татарскіе или даже русскіе, не дошли до нашего времени, и что мы имѣемъ ярлыки только въ позднѣйшихъ спискахъ? Анахронизмы, наконецъ, о которыхъ онъ упоминаетъ, или какія-либо другія обстоятельства? Отвѣта на эти вопросы не находимъ у Карамзина, и, судя по всему, должно полагать, что выраженное имъ сомнѣніе не было плодомъ очень основательнаго изслѣдованія. Какъ бы то ни было, впрочемъ, только тѣнь, наброшенная Карамзинымъ на достовѣрность этихъ актовъ, удалила отъ пользованія ими послѣдовавшихъ за нимъ историковъ и изслѣдователей нашихъ. Такъ Гагемейстеръ, который въ изслѣдованіяхъ своихъ «О финансахъ древней Россіи» (Спб. 1833), могъ бы почерпнуть изъ ярлыковъ много новаго для объясненія предмета своего въ-теченіе монгольскаго періода, не пользовался ими какъ бы слѣдовало, на томъ основаніи, что «подлинность ярлыковъ еще оспаривается» (стр. 151). Даже тѣ, которые и не выражали явно своей недовѣрчивости, все-таки не пользовались ярлыками какъ бы исповѣдуя ее tacite; труда-же прояснить дѣло никто на себя не бралъ, такъ что вопросъ о ярлыкахъ остается доселѣ въ такомъ же положеніи, въ какомъ оставилъ его Карамзинъ. Къ сказанному имъ прибавилъ нѣсколько предположеній только Полевой. Онъ думаетъ, что ярлыки дошли до насъ въ переводѣ, то-есть первоначально не были писаны на русскомъ; что переводъ не современенъ подлинникамъ, а переведены всѣ они позже и въ одно время, вѣроятно по случаю какого-нибудь притѣсненія духовенству (можетъ быть на соборѣ бывшемъ въ 1500 году при Іоаннѣ III, или на соборѣ 1580 года); что основаніе ихъ истинно, но что въ новѣйшія времена они передѣланы или, по крайней мѣрѣ, измѣнены переводчиками и списывателями (Ист. Русскаго Народа, т. IV. стр. 176—177).

Иностранцы писавшіе объ исторіи Россіи и Золотой-

Орды, Штраль и Гаммеръ, тоже не съумѣли извлечь изъ этихъ драгоцѣнныхъ актовъ болѣе нашего. Первый, разбирая источники церковной русской исторіи въ своихъ Beyträge zur russischen Kirchengeschichte (Halle, 1827), опредѣлилъ ярлыкамъ видное мѣсто между ними (I, 18-20); но въ своей Geschichte der Russischen Kirche (Halle, 1830), вмѣсто того чтобы на дѣлѣ показать важность этого источника, ограничился помѣщеніемъ въ переводѣ Узбекова ярлыка митрополиту Петру. Второй и въ глаза не видалъ ярлыковъ, кромѣ одного, сейчасъ поименованнаго, да и тѣмъ не воспользовался (Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth. 1840. s. 589).

Вотъ ка̀къ пользовались до сихъ поръ ярлыками, и что̀ высказали объ нихъ — весьма немного и въ томъ, и въ другомъ отношеніи. Между тѣмъ акты эти заслуживали бы, по мнѣнію нашему, несравненно бо̀льшаго вниманія. Мы думаемъ, и со временемъ постараемся доказать на дѣлѣ, что ярлыки суть одни изъ самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ нашей древности, замѣчательные не менѣе чѣмъ договоры Олега и Игоря съ восточно-римскими императорами, чѣмъ договоры великихъ князей тверскихъ и московскихъ съ Новымъгородомъ, духовныя завѣщанія сихъ-послѣднихъ, или какіе-либо другіе акты изъ древняго періода нашей исторіи. Они содержатъ въ себѣ много драгоцѣнныхъ историческихъ фактовъ и указаній, которые, при умѣньи пользоваться ими, и при знаніи быта, обычаевъ и установленій монгольскихъ, могутъ объяснить многое въ исторіи двухсотлѣтняго рабства нашего подъ желѣзнымъ хотя и хрупкимъ скиптромъ сихъ завоевателей; но такъ какъ степень довѣренности къ этимъ фактамъ и указаніямъ зависитъ отъ степени довѣренности къ подлинности актовъ, въ которыхъ они заключаются, то, прежде чѣмъ приступать къ пользованію сими актами, состоящими подъ подозрѣніемъ въ подложности, должно подвергнуть ихъ изслѣ-

дованію и доказать ихъ достовѣрность. Эту цѣль и предположили мы себѣ въ настоящемъ разсужденіи [1].

I.

О ярлыкахъ вообще.

Начнемъ изслѣдованія наши разсмотрѣніемъ происхожденія и значенія слова «ярлыкъ» — техническаго названія льготныхъ грамотъ о которыхъ идетъ рѣчь.

«Ярлыками» названы эти грамоты въ нихъ самихъ. Въ Менгу-Темировомъ находимъ: «Тако молвя *ярлыкъ* далъ». Въ Узбековомъ: «А кто нашъ *ярлыкъ* и наше слово преслушаетъ»; далѣе: «А мы, по томужъ пути, тѣмижъ *ярлыки* жалуемъ»; далѣе: «Вся его люди... какъ *ярлыкъ* имѣетъ», и «такъ *ярлыкъ* данъ». Въ Тайдулиномъ Ѳеогносту: «Такъ молвя, Ѳеогноста Митрополита Царь пожаловалъ, со алою тамгою *ярлыкъ* далъ». Въ Бирдибековомъ: «Такъ рекше и *ярлыкъ* со алою тамгою дали есмя». Въ Атюляковомъ: «Такъ рекше утвердихомъ, со алою тамгою *ярлыкъ* дали есмя».

«Ярлыками» же называются онѣ и въ припискѣ, сопутствующей имъ въ Новиковскомъ изданіи: «Суть же и иніи велицы *ярлыцы* преданы быша церкви Божіей». И далѣе: «Елико же обрѣтохомъ во святѣйшей Митрополіи старыхъ Царей *ярлыки*, сихъ и написахомъ. Мнози же

---

[1] Для ясности дѣла мнѣ казалось не лишнимъ чтобы читатели, для повѣрки изслѣдованій моихъ, могли имѣть передъ глазами и самые ярлыки. Я помѣстилъ ихъ приложеніемъ, перепечатавъ изъ «Вивліоѳики» съ сохраненіемъ введенія и заключенія, которыя имъ тамъ сопутствуютъ. Къ Новиковскому изданію, принятому за текстъ, присоединены варіанты изъ Собранія Государственныхъ Грамотъ и Ростовской Лѣтописи (по Карамзину), да нѣкоторыя важнѣйшія изъ Суздальской. Я не могъ сохранить пунктуаціи ни котораго изъ трехъ изданій, по причинамъ объясненнымъ ниже, въ главѣ шестой, и ввелъ свою.

суть... иные велицы *ярлыцы*, но иныхъ не возмогохомъ превести».

Въ самихъ же ярлыкахъ говорится, что акты одинаковаго съ ними содержанія и названія даваемы были русскому духовенству въ разное время и отъ разныхъ хановъ. Такъ въ Менгу-Темировомъ читаемъ: «Чингій Царь, потомъ кто ни будетъ, дали есмя жалованныя грамоты Русскимъ Митрополитомъ и церковнымъ людемъ... и какъ первые Цари ихъ пожаловали, и мы, Богу моляся, и ихъ грамотъ не изыначивая, потомужъ жалуемъ». Въ Узбековомъ: «Да вси покаряются и повинуются Митрополиту... по первымъ изначала закономъ ихъ, и первымъ грамотамъ нашимъ, первыхъ Царей великихъ грамотамъ и дефтеремъ». Въ Бирдибековомъ: «Чингисъ Царь и первыи Цари, отцы наши, жаловали церковныхъ людей... *ярлыки* подавали. И то уведавши, всѣ иже по нихъ иные Цари *ярлыки* свои давали. И мы нынѣ, первыхъ *ярлыковъ* не изыначивая, и думавъ, по томужъ есмя Алексѣя Митрополита пожаловали». Въ Атюляковомъ: «Отъ первыхъ Царей, при Чингисъ Царь, и по немъ иные Цари, Азизъ и Бердебекъ, и тіи жаловали церковныхъ людей... да и по ихъ кто ни будетъ, всѣ тѣ, обыскавъ, *ярлыки* давали. И нынѣ мы, по первымъ *ярлыкомъ* изыскавши, и удумавши, не изыначиваемъ первыхъ *ярлыковъ*, потомужъ сего Митрополита Михаила пожаловали есмя».

Итакъ, изъ семи ярлыковъ имѣющихся въ нашихъ рукахъ, равно какъ и изъ всѣхъ вышеприведенныхъ изъ нихъ же мѣстъ, должно заключать, что «ярлыками» назывались на Руси и въ самой Ордѣ льготныя или жалованныя грамоты, которыя ордынскіе ханы давали русскому духовенству. Что-жъ, справедливо это? Дѣйствительно существовали въ Ордѣ и Россіи акты, которые носили такое названіе и даны были ханами нашему духовенству? — Дѣйствительно; и акты этого названія даваемы были не только духовенству нашему, но и князьямъ (а можетъ быть еще и ли-

цамъ другихъ сословій). Это доказывается словами разныхъ лѣтописей и современныхъ государственныхъ грамотъ и договоровъ.

Иногда, преимущественно въ началѣ монгольскаго владычества, когда Русскіе были еще мало знакомы съ языкомъ и обычаями своихъ повелителей, ярлыки ханскіе упоминаются просто подъ именемъ «грамотъ царскихъ». Такъ въ «Волынской Лѣтописи» говорится, что, когда около 1255 г. Татаре пришли къ Кременцу, сидѣвшій тамъ Андрей, королевичь венгерскій, сказалъ имъ: «Батыева *грамота* у мене есть» (Ист. Гос. Росс. изд. первое, т. IV, прим. 102, стр. 319). Въ договорной грамотѣ великаго князя Ярослава Ярославича съ Новымъгородомъ, писанной около 1270 года, сказано: «А гости нашему гостити по Суждальской землѣ безъ рубежа, по *Царевѣ грамотѣ*» (Собр. Гос. Грамотъ, т. I. № 3, стр. 4) [1]. На оборотѣ этой же грамоты приписано, что для того, чтобы посадить Ярослава на престолъ Новгородскій, пріѣзжали «отъ Мангу Темеря Царя послы Чевгу и Байши съ *грамотою*».

Позднѣе объ ярлыкахъ упоминается въ лѣтописяхъ подъ ихъ собственнымъ названіемъ. Въ «Троицкой» подъ 1303 годомъ, при описаніи съѣзда князей въ Переяславлѣ, говорится, что «Ту чли грамоты Царевы, *ярлыки*» (Ист. Гос. Росс. Т. IV. прим. 191). Въ «Никоновской» подъ 1351 годомъ находимъ: «Тогожъ лѣта Князь Василію Михаиловичу Тверскому пріиде изъ Орды отъ Царя посолъ Ахматъ, и привезе ему *ярлыкъ* на его имя» (Ник. Лѣт. Т. III. стр. 198). Въ ней же, подъ 1362 годомъ — что къ В. К. Дмитрію Іоанновичу Донскому прибылъ во Владиміръ

---

[1] Объ этой «царевой грамотѣ» упоминается и во всѣхъ послѣдующихъ договорахъ Новагорода съ великими князьями Тверскими и Московскими: съ Михаиломъ Ярославичемъ—писанныхъ между 1305 и 1308 годами; съ Александромъ Михаиловичемъ—писанномъ въ 1327 году, и съ Іоанномъ Васильевичемъ и сыномъ его Іоанномъ Іоанновичемъ—писанномъ въ 1471 году (Собр. Гос. Грамотъ, т. I).

«посолъ изъ Мамаевы Орды отъ Царя Авдула съ *ярлыки* на великое княженіе Володимерское» (ibid. T. IV. стр. 4), и вслѣдъ за тѣмъ: «Тогожъ лѣта Амуратъ Царь, братъ Хидыря, услышавъ, что отъ Царя Авдула посолъ ходилъ съ *ярлыки*... отпусти князя Ивана на Русь, а съ нимъ посла своего Иляка съ 30 Татарины, съ *ярлыки* ко князю Дмитрію Константиновичу». Тамъ же, подъ 1364 годомъ: «Тогожъ лѣта пріиде изъ Орды отъ Царя Озиза князь... а съ нимъ Царевъ посолъ, имя ему Урусъ Малды, и вынесе *ярлыки* на княженіе великое князю Дмитрію Константиновичу Суздальскому» (ibid. T. IV. стр. 9). Тамъ же, подъ 1370 годомъ, — что посолъ ханскій «посылалъ къ великому князю Дмитрію Ивановичу, зовя его въ Володимеръ къ *ярлыку*, и онъ отвѣщалъ къ *ярлыку* не ѣду»... (ibid. T. IV. стр. 28). Тамъ же, еще нѣсколько разъ подъ 1381, 1400 и 1432 годами (ibid. T. IV. стр. 137, 296, и T. V. стр. 111). Въ Суздальской, подъ 1375 годомъ: «Тоже лѣта... нѣкомасъ пріиде посломъ изъ Орды съ Ацыхожею... съ *ярлыки* ко князь Михаилу на великое княженіе» (Лѣтописецъ Русской. Спб. 1792, часть II, стр. 151). Въ договорныхъ грамотахъ Юрія Дмитріевича Галицкаго съ В. К. Василіемъ Васильевичемъ, писанныхъ въ 1433 году, Юрій Дмитріевичь говоритъ: «А что есмь взялъ Царевъ *ярлыкъ* на Дмитровъ, и тотъ ми *ярлыкъ* тобѣ дати» (Собр. Гос. Грамотъ. T. I. № 49 и 50, стр. 100 и 102). Въ договорной грамотѣ князя можайскаго Ивана Андреевича съ В. К. Василіемъ Васильевичемъ, писанной въ 1447 году, помянутый князь можайскій обязуется возвратить взятые имъ изъ казны великокняжеской «грамоты докончалные, и *ярлыки*, и дефтери, и иные которые грамоты надобные» (ibid. № 66, стр. 148). О такихъ же ярлыкахъ, грамотахъ и дефтеряхъ, хранившихся въ казнѣ великокняжеской, упоминается еще и въ договорной записи Дмитрія Юрьевича Шемяки и можайскаго князя Ивана Андреевича съ младшимъ братомъ послѣдняго, княземъ Михаиломъ

Андреевичемъ, и съ княземъ боровскимъ Василіемъ Ярославичемъ, писанной въ 1448 году (ibid. № 67, стр. 150); а въ договорныхъ грамотахъ князя суздальскаго Ивана Васильевича съ В. К. Васильемъ Васильевичемъ, писанныхъ около 1451 года, князь суздальскій говоритъ: «А што будетъ у мене *ярлыковъ* старыхъ на Суждаль и на Новгородъ на Нижней, и на Городець, и на все на Новугородское Княженье, и мнѣ, Господине, князю Ивану, тѣ *ярлыки* всѣ отдати тебѣ Великому Князю и твоимъ дѣтемъ безхитростно. А новыхъ ми *ярлыковъ* не имати; а хотя, Господине, который Царь *ярлыки* свои мнѣ каковы дастъ на Новгородъ и на Суждаль, или ко мнѣ пришлетъ, и мнѣ и тѣ *ярлыки* всѣ отдати тобѣ Великому Князю и твоимъ дѣтемъ по крестному целованью, а у собе мнѣ ихъ не держати» (ibid. № 80 и 81, стр. 186 и 188).

А вотъ мѣста изъ лѣтописей, которыми подтверждается полученіе ярлыковъ отъ хановъ и духовенствомъ нашимъ. Въ Ростовской, подъ 1213 годомъ, когда повѣствуется о хожденіи въ Орду митрополита Петра съ В. К. Михаиломъ Ярославичемъ, сказано между прочимъ: «Милостію Божіею Петръ Митрополитъ въ Ордѣ у Царя былъ въ чести велицѣй и отпущенъ бысть вскорѣ съ управою и съ *ярлыки* и съ дефтери» (Ист. Гос. Росс. Т. IV. пр. 245). Подъ тѣмъ же годомъ въ Никоновской: «И вси прихождаху во Орду, того ради понеже тогда во Ордѣ и *ярлыки* имаху, коиждо на свое имя, и князи, и епископы» (Н. Л. т. III. стр. 108). И въ той же лѣтописи, подъ 1341 годомъ: «Того же лѣта пріиде изъ Орды отъ Царя Чанибека митрополитъ Ѳеогностъ, ходилъ о причтѣ церковномъ, имаше бо и митрополитъ и епискупъ *ерлыки* на своя причты церковныя отъ Царей Ординскихъ» (ibid. Т. III, стр. 179).

Въ томъ, что слово ярлыкъ, какъ названіе извѣстнаго намъ рода жалованнымъ грамотамъ, перешло въ Россію изъ Орды, и употреблялось тамъ въ такомъ же смыслѣ, нѣтъ также ни малѣйшаго сомнѣнія. Слово это принадле-

жить первоначально языку Монголовъ, которыми произносится *дзарликъ*, и значитъ: «слово старшаго къ младшему», а потомъ вообще «повелѣніе», «приказаніе» (Монгольская Христоматія О. Ковалевскаго. Казань, 1836, стр. 248) [3]. Отъ существительнаго *дзарликъ* произошелъ, на томъ же языкѣ, глаголъ *дзарликлаху*, «приказывать», «повелѣвать». Встарину слогъ *дза* въ словѣ *дзарликъ* и другихъ произносимъ былъ Монголами, а можетъ быть нѣкоторою частію народа произносится и нынѣ, какъ *я;* тюркскіе народы [4], заимствовавъ это слово у Монголовъ съ его древнимъ произношеніемъ [5], стали произносить это *я* иногда какъ *е*, причемъ окончаніе *икъ* измѣнили въ *ыкъ* или *ыгъ* [6]. Такимъ образомъ явилась у нихъ та форма этого слова въ которой перешло оно и въ нашъ языкъ. Изъ существительнаго ярлыкъ, ярлыгъ, ерлыкъ, ерлыгъ, Джагатайскіе Турки также сдѣлали глаголъ — يارليماق *ярлымакъ*, имѣющій одинакое значеніе съ монгольскимъ *дзарликлаху* [7]. Кромѣ тюркскихъ и

---

[3] Въ Монгольскомъ Словарѣ Я. Шмидта (Спб. 1834. стр. 298) *дзарликъ* переведено такъ: «слово знатныхъ особъ», «приказаніе».

[4] Тюркскими народами, по примѣру новѣйшихъ оріенталистовъ, называемъ мы всѣ народы говорящіе діалектами одного и того же первоначальнаго языка Тюркскаго تركى, совмѣщая одинаково подъ этимъ названіемъ какъ Татаръ Сибирскихъ, Уральскихъ, Волжскихъ, Крымскихъ и Закавказскихъ, такъ и Османлы, Тюркменовъ, Узбековъ, Туркистанцевъ, Каргизъ-Казаковъ и другіе одноплеменные и одноязычные съ этими народы и поколѣнія.

[5] Можетъ быть, впрочемъ, что въ тюркскихъ языкахъ слово *ярлыкъ* столь же древне какъ и въ монгольскомъ, и принадлежитъ обоимъ одинаково. Взаимныя отношенія этихъ двухъ вѣтвей одного ствола еще вовсе не изслѣдованы, потому часто случается что не знаешь какому языку въ собственность отнести то или другое слово, встрѣчаемое равно въ обоихъ; въ которомъ признать его кореннымъ, въ которомъ заимствованнымъ. Таковы слова: *ага*, *аймакъ*, *арсланъ*, *багадыръ*, *тенгри*, *улусъ*, *черикъ*, *ханъ*, *ярту* и множество другихъ.

[6] Слово это пишется въ тюркскихъ языкахъ разнымъ образомъ. Встрѣчаемъ его въ формахъ: يارليق и يارلق يرليق يرلق يارليغ يرليغ يرلغ

[7] То-есть «приказывать», но употребляющійся и въ значеніи «говорить» когда рѣчь идетъ о важныхъ особахъ, точно такъ же какъ и *дзарликлаху*

русскаго, слово ярлыкъ, во время блестящаго періода владычества Монголовъ, перешло и въ языки иныхъ подвластныхъ имъ народовъ, въ персидскій, арабскій, сирійскій, армянскій, а можетъ быть еще и въ нѣкоторые другіе (Collection Orientale. Histoire des Mongols de la Perse. Vol. 1, p. 179—180) [8]. Въ нашемъ языкѣ слово это потеряло въ послѣдствіи времени настоящее значеніе, и вмѣсто его приняло совершенно иное, стало означать то, что по-французски называется étiquette; но во всѣхъ вышеисчисленныхъ оно постоянно сохраняло то значеніе, съ которымъ перешло въ нихъ первоначально. Значеніе это впрочемъ было уже не коренное, въ какомъ находимъ мы его доселѣ въ монгольскомъ, т. е. «словеснаго приказа», а второстепенное, именно «письменный приказъ», «указъ». Слово ярлыкъ приняло его въ тюркскихъ языкахъ во время Чинкгиса и первыхъ его преемниковъ [9]. Тогда всякая бумага, получавшая существованіе въ монгольскихъ канцеляріяхъ, и исходившая отъ высочайшей власти — былъ ли это указъ, приказъ, дипломъ, паспортъ, прокламація, грамота дарственная или охранная, письмо или инаго рода писанье — получала одинаковое названіе ярлыка, «повелѣнія», «приказанія». Другаго названія государственнымъ

Монголовъ, بیورمك *буюрмекъ* Турокъ, и فرمودن *фермуденъ* Персіянъ; которые глаголы значатъ въ одно время и «приказывать», и «говорить».

[8] На-примѣръ манджуйскій, гиндустани, грузинскій. Аравитяне изъ единственнаго ярлыкъ образовали, въ духѣ языка своего, множественное يراليق *яралыкъ*, по формѣ فعاعيل, и эта форма множественнаго вошла въ употребленіе и у Персіянъ.

[9] Если не имѣло его уже прежде того въ языкѣ Уйгуровъ, тюркскаго народа славившагося по Средней Азіи знаніемъ письменнаго искусства еще за долго до Чинкгиса, и имѣвшаго свою азбуку, передѣланную изъ сирійскаго Эстрангело, которую азбуку заимствовали у нихъ и Монголы. См. Абель-Ремюза: Recherches sur les langues tartares. Paris. 1820; Клапрота Abhandlung ueber die Sprache und Schrift der Uiguren, въ Verzeichniss der chinesischen und mandschuischen Bücher und Handschriften der Königl. Bibliothek zu Berlin. Paris, 1822. folio.

бумагамъ разнаго рода не было; ярлыкъ вмѣщалъ въ себѣ всѣ виды ихъ, такъ же какъ нѣкогда унасъ «грамота». Если станемъ отыскивать причину этому, мы найдемъ ее отчасти въ бѣдности кочевыхъ языковъ, не имѣющихъ словъ для выраженія канцелярско-юридическихъ понятій, развивающихся у народовъ осѣдлыхъ болѣе образованныхъ, и потому необходимо принужденныхъ довольствоваться для выраженія видовыхъ понятій употребленіемъ одного родоваго; но еще болѣе найдемъ ее въ томъ высокомъ мнѣніи, какое имѣли о своей власти монгольскіе хаганы или императоры, мнѣніи заимствованномъ ими у Китайцевъ, которые искони служили кочевымъ сосѣдямъ своимъ образцомъ во всемъ, что касалось до государственнаго или придворнаго устройства и удобствъ жизни [10]. Подобно им-

10 Китайскіе историки пишутъ, что еще за два вѣка до Р. Х. при хуннскомъ владѣтелѣ Модо-Шаньюѣ, Монголы заимствовали у Китайцевъ ихъ іероглифическое письмо и переняли многія обыкновенія (Записки о Монголіи О. Іакинеа. Спб. 1828, Т. I. стр. 201 и 212). Во время владычества домовъ киданьскаго и нючжискаго въ X, XI и XII вѣкѣ, монгольская образованность совершенно облеклась въ стѣснительныя формы китайской церемоніальности, какъ повтореніе того же видимъ нынѣ на Манджуяхъ. По разрушеніи Нюджискаго Царства оружіемъ Чингиса, и расширеніи владѣній и могущества сего-послѣдняго на счетъ Китая, много китайскаго перешло также и къ сѣвернымъ Монголамъ, и заимствованія становились тѣмъ многочисленнѣе, чѣмъ болѣе проникались китаизмомъ преемники Чингиса, властвовавшіе въ Великой-Ордѣ. Многія званія, должности, обряды и принадлежности ихъ, которыя встрѣчаемъ у Монголовъ, ведутъ происхожденіе изъ «Срединной Имперіи». Даже наружная форма и стиль въ произведеніяхъ монгольскихъ канцелярій рабски скопированы были съ китайскихъ. Такъ отъ Рашидъ-уд-Дина узнаёмъ, что уже при Угедеѣ былъ особенный чиновникъ, обязанный записывать ежедневно замѣчательныя слова его, и что такой же былъ и при братѣ его Джагатаѣ (д'Охсона Histoire des Mongols. La Haye, 1834. Vol. II. p. 189 и 499). Это древній китайскій обычай, который находимъ впрочемъ и въ царствѣ Ахеменидовъ. Мангу, по примѣру Китайцевъ, покойнаго отца своего Тули произвелъ въ императоры, и далъ ему почетное прозваніе въ храмѣ предкамъ (Гань-Му, въ Исторіи перв. четырехъ хановъ изъ дома Чингисова. Пер. съ китайск. О. Іакинеа. Спб. 1829. стр. 309); а Хубилай былъ уже совершеннымъ китайцемъ по понятіямъ, по привычкамъ, по образу жизни. — Золотыя и серебряныя бляхи, бывшія въ употребленіи у Монголовъ, и извѣстныя подъ именемъ *пайзе*, پایزه, самымъ

ператорамъ, великіе ханы монгольскіе именовали себѣ «сынами Неба», и на землѣ никого не признавали себѣ равнымъ. Весь шаръ земной считали они своимъ законнымъ владѣніемъ, всѣхъ государей и всѣ народы—рабами своими, всякое сопротивленіе своей власти—бунтомъ, заслуживающимъ жестокаго наказанія [11]. Отсюда ясно почему каждое слово ихъ къ другому, изустно или письменно сообщаемое, было необходимо «словомъ старшаго къ младшему, «повеленіемъ», «приказаніемъ».

названіемъ обнаруживаютъ китайское происхожденіе свое. Это китайское *пай* съ прибавленіемъ частицы *цзы* (Сенъ-Мартена Mémoires sur L'Arménie. Paris. 1819. vol. II. p. 281). *Тугъ*, توغ, родъ знамени изъ древка съ привязаннымъ къ нему буйволовымъ или лошадинымъ хвостомъ, издревле принятаго Монголами, есть тоже китайское *тау* или *ту* (Абель-Ремюза: Recherches sur les langues tartares. vol. I. p. 303). По словамъ Марка Поло, важнѣйшіе придворные сановники жгли въ новый годъ ладонъ на жертвенникѣ, поставленномъ посреди двора передъ картиною, на которой написано было имя императора Хубилая (книга II, глава XII). Не имѣетъ ли эта китайская церемонія чего нибудь общаго съ поклоненіемъ *басмѣ*, о которомъ говорятъ наши лѣтописи?

[11] «Сынъ Неба», *тянь-цзы*, китайскій титулъ императора, католическіе миссіонеры XIII вѣка, ѣздившіе въ Азію, переводили всегда filius Dei, «сынъ Бога», потому, что какъ на китайскомъ слово *тянь*, такъ и на монгольскомъ слово *тенгри*, означаетъ вмѣстѣ и «небо», и «божество». Такъ Плано Карпини говоритъ: Ipse (Imperator) quoque gloriatur se esse filium Dei, seque sic ab hominibus apellari. Онъ же въ другомъ мѣстѣ: Tantae vero impietatis et arrogantiae sunt (Tartari) ut Dominum suum Cham filium Dei appellent et ipsum loco Dei super terram venerantes adorent.... nam et ipse Cham se filium Dei appellat, et in litteris suis sub hoc nomine mandat omnibus. По его же словамъ, на печати императора Куюка написано было: «Богъ въ небесахъ, а Куюкъ-ханъ на земли. Силою Божіею печать повелителя всѣхъ людей» (Собр. Путешествій къ Татарамъ, изд. Языковымъ. Спб. 1825. стр. 44 и 104). Num scit ille (papa) quod Cham sit Dei filius? говорилъ воевода Байджу-Ноянъ монаху Асцелину, когда тотъ разсказывалъ ему, что Папа выше всѣхъ людей (Ibid. стр. 222). Такимъ же образомъ выражается армянскій лѣтописецъ Ваграмъ о воцареніи Мангу, говоря, что онъ провозглашенъ былъ «сыномъ Бога въ небесахъ» (Vahram's Chronicle of the Armenian Kingdom in Cilicia during the time of the Crusades, translated from Armenian by Ch. Neumann. Lond. 1831. p. 49). Ярлыкъ, присланный отъ Чингисъ-хана Байджу-Нояну, и сохранившійся для насъ въ варварскомъ латинскомъ переводѣ, Татаре, по словамъ Асцелина, называли litterae Dei.

Потомки Чингиса основавшіе себѣ независимыя владѣнія въ Азіи и Восточной Европѣ, и преемники ихъ наслѣдовавшіе эти владѣнія, не могли, разумѣется, имѣть тѣхъ же понятій о своей власти, какъ великіе хаганы; тѣмъ не менѣе слово ярлыкъ оставалось въ ихъ кочевыхъ и осѣдлыхъ канцеляріяхъ общимъ наименованіемъ всякаго рода и содержанія бумагамъ изъ нихъ выходившимъ, независимо отъ того, что для разныхъ видовъ ихъ заимствованы были со-временемъ, особенно въ царствѣ Гулагидовъ, другія названія изъ арабскаго и персидскаго языковъ, какъ на-примѣръ پروانه *перване* и برات *бератъ* [12]. Крымскіе Гиреи, какъ положительно извѣстно, сохранили ярлыку

Это — китайское выраженіе: «небесныя писанія», которымъ дѣйствительно означаются въ Китаѣ повелѣнія императора. Эта грамота или ярлыкъ можетъ служить однимъ изъ лучшихъ образчиковъ какого мнѣнія былъ о себѣ Чингисъ, или какое хотѣлъ внушить онъ о себѣ другимъ. Вотъ его же прокламація къ жителямъ Нишабура: «Начальники, люди именитые и народъ! Знайте, что Богъ далъ мнѣ власть надъ міромъ отъ Востока до Запада. Кто покорится, будетъ пощаженъ; но горе тѣмъ, кто станетъ противиться: они будутъ избиты съ женами, дѣтьми и домочадцами» (Рашидъ-уд-Динъ, въ Hist. des Mongols д'Охсона, vol. I. p. 249). Преемники Чингиса были рѣшительно убѣждены, что Небо опредѣлило имъ быть властителями цѣлаго міра. Это говорили они и писали всѣмъ и каждому. Отъ того и происходило, что въ началѣ своихъ завоеваній, Монголы, отправляясь войною на какой-либо народъ, требовали отъ него покорности себѣ какъ должнаго, и на сопротивленіе оружію своему смотрѣли какъ на дерзостное сопротивленіе волѣ Неба, вызывавшее со стороны ихъ, какъ орудій этой воли, истребленіе виновныхъ. Когда-же владѣтель, котораго Монголы призывали къ тягостной покорности, рѣшался покориться и сдѣлаться ихъ вассаломъ, онъ долженъ былъ непремѣнно ѣхать къ императору для засвидѣтельствованія ему своего подданства. Такъ, послѣ того какъ В. К. Ярославъ Всеволодовичъ торжественно призналъ надъ собою власть Монголовъ въ ордѣ Батыя, Батый послалъ его на поклоненіе къ «Кановичемъ», какъ говорятъ наши лѣтописи, то есть, къ великому каану или хагану.

[12] Но и у Гулагидовъ жалованныя грамоты, дипломы и паспорты всегда сохраняли названіе ярлыка. Извѣстительное письмо къ султану египетскому Келауну о восшествіи своемъ на престолъ, султанъ Ахмедъ называетъ ярлыкомъ (ordre, ordonnance). Письмо это, въ французскомъ переводѣ, можно видѣть у д'Охсона въ его Hist. des. Mongols, vol. III, p. 563. См. еще тамъ же, vol. IV. p. 410—711 и Абель-Ремюза: Mémoires sur les relations poli-

эту обширность значенія до послѣднихъ временъ своего существованія. Вотъ доказательства: Договоръ свой съ В. К. Іоанномъ Васильевичемъ, писанный въ 1474 году. Менгли-Гирей называетъ «ярлыкомъ»: «Какъ писано въ семъ *ярлыцѣ*» (Ист. Гос. Росс. Т. VI, пр. 124, стр. 378); а великій князь, въ наставленіяхъ послу Старкову, называетъ тотъ же договоръ «шертнымъ ярлыкомъ». Письма разнаго содержанія отъ Менгли-Гирея къ королямъ польскимъ, Александру и Сигизмунду I, и къ воеводѣ молдавскому Богдану, равно какъ и жалованная грамота отъ Менгли-Гирея Сигизмунду I, писанныя въ 913 г. гиджры (1506 по Р. Х.), называются ярлыками (иногда «листами»), какъ въ нихъ самихъ, такъ и тогда, когда о нихъ упоминается въ другихъ актахъ (Сборникъ Князя Оболенскаго. Москва. 1839. № I). Ярлыкомъ величаетъ помянутый Сигизмундъ даже письмо полученное имъ отъ хана казанскаго Магметъ-Аминя (ibid. стр. 43). Льготная грамота, данная въ 1550 году ханомъ Сахибъ-Гиреемъ нѣкоторому Шагану Чагаріару, зоветъ себя ярлыкомъ (Журналъ Министерства Народн. Просв. на 1836 г., книжка третья). Наконецъ я самъ имѣлъ въ рукахъ болѣе десяти подлинныхъ татарскихъ грамотъ различнаго содержанія и разныхъ крымскихъ хановъ, съ начала XVI по конецъ прошедшаго столѣтія, которыя всѣ одинаково носятъ титулъ ярлыковъ [13].

То же, что у Гиреевъ въ Крыму, было, должно полагать, и у Джучидовъ въ Золотой-Ордѣ, менѣе подверженной персо-арабскому вліянію чѣмъ ханство Гулагидовъ въ Персіи или Джагатаидовъ въ Мавераннагрѣ. Положеніе это подтверждается всѣми извѣстными доселѣ, изданными въ подлинникѣ или переводѣ, актами золото-ордын-

---

tiques des princes Chrétiens avec des empéreurs mongols. Paris. 1824, p. 96). Манифестъ свой о томъ же къ народу преемникъ Ахмеда Аргунъ-Ханъ величаетъ тѣмъ же именемъ (Абель Ремюза. l. c. p. 97.)

[13] Ярлыки эти, въ fac-simile, подлинникѣ и переводѣ, изданы будутъ въ запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

скихъ канцелярій. Договоры, заключенные Венеціянами съ Джанибекомъ въ 1347, и съ Бирдибекомъ въ 1358 году, названы въ нихъ «commandamento», т. е. ярлыками (см. ихъ въ Гаммеровой Gescichte d. Gold. Horde, s. 517—522). Тарханная грамота Кутлукъ-Тимура, данная имъ въ 1397 году нѣкоему Мохаммедъ-Бею съ сыновьями, объявляетъ себѣ ярлыкомъ: التون نشانلق آل تمغالیق یارلیق بیرلدی, *Алтунъ нишанлыкъ аль тамгалыкъ ярлыкъ бирильди*, «данъ сей ярлыкъ за золотымъ вензелемъ, за алою тамгою» (Mines de l'Orient. Vol. VI, p. 359). Льготная грамота Тохтамыша, данная имъ въ 1382 году Бику Хаджи съ племенемъ, называетъ себя ярлыкомъ (Журналъ Министерства Нар. Просв. на 1840 годъ, книжка осьмая). Письмо свое къ Ягайлѣ, писанное въ 1392 году, Тохтамышъ величаетъ тѣмъ же названіемъ [14]. Такъ же называетъ и Едигей письмо свое къ В. К. Василію Дмитріевичу, писанное въ 1409 году (Собр. Гос. Грамотъ. Т. I. № 15, стр. 16). Ярлыками же, наконецъ, именуются жалованныя грамоты Тохтамыша и другихъ золото-ордынскихъ хановъ королямъ польскимъ и великимъ князьямъ литовскимъ, какъ въ письмахъ Менгли-Гирея къ Сигизмунду I, такъ и въ отвѣтахъ ему сего-послѣдняго, имѣвшихъ мѣсто въ 1506 году (Сборникъ Князя Оболенскаго, № I, стр. 45, 84 и 89).

И мало того, что «ярлыкъ» было общимъ наименованіемъ всякаго рода бумагамъ, исходившимъ отъ хановъ татарскихъ: на Руси и въ Литвѣ привыкли къ нему до того, что стали звать ярлыками даже письма и грамоты русскихъ и литовскихъ владѣтелей къ ханамъ. Такъ въ Нико-

[14] О существованіи этого важнаго документа и содержаніи его публика знаетъ доселѣ только изъ Гаммеровой Geschichte d. Gold. Horde, и только то, что онъ написалъ объ немъ (стр. 355). Fac-simile этого письма уйгурскими буквами, съ татарскою транскрипціею, современнымъ бѣлорусскимъ переводомъ, и переводомъ и объясненіями нѣсколькихъ нашихъ оріенталистовъ, явится вскорѣ на свѣтъ въ драгоцѣнномъ «Сборникѣ» Князя М. А. Оболенскаго.

новской Лѣтописи, подъ 1379 годомъ, читаемъ: «Олегъ Рязанскій посла посла своего къ Царю Мамаю и *ярлыки* свои написа къ нему сице:» (Ник. Лѣт. Т. IV, стр. 90). Такъ ярлыкомъ же названо письмо короля Сигизмунда I къ хану Менгли-Гирею въ «Посольской Книгѣ Великаго Княжества Литовскаго» (Сборникъ Князя Оболенскаго, № I, стр. 82).

Послѣ всего сказаннаго не остается, надѣюсь, ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ Золотой-Ордѣ существовали акты носившіе названіе «ярлыковъ», и что ханы ея давали таковые князьямъ нашимъ и духовенству. Теперь спрашивается: семь ярлыковъ на русскомъ языкѣ, дошедшіе до нашего времени, и находимые въ разныхъ лѣтописяхъ и сборникахъ [15], истинны или подложны?

Разсмотримъ сначала содержаніе и форму этихъ ярлыковъ, поищемъ: не представляетъ ли то или другое какихъ нибудь обстоятельствъ, которыя подтвердили бы ихъ достовѣрность, или обнаружили въ нихъ подлогъ; а тамъ разслѣдуемъ, съ тою же цѣлію, лица дававшія и получавшія ихъ, мѣсто, время и поводъ ихъ дачи, языкъ этихъ актовъ и, наконецъ, какъ могли сохраниться они до нашего времени, и въ какомъ видѣ сохранились.

II.

Содержаніе ярлыковъ

Ярлыки, за исключеніемъ Тайдулинаго Алексѣю, который есть не что иное какъ подорожная на случай отправле-

---

[15] Въ Суздальской, въ Ростовской, въ неизвѣстной, откуда извлекъ ихъ Новиковъ, и должно быть еще въ разныхъ другихъ. Карамзинъ говоритъ: «во многихъ рукописныхъ ярлыкахъ означенъ годъ»: стало-быть онъ имѣлъ въ рукахъ какіе нибудь списки ихъ. При изданіи Софійскаго Временника, П. Строевъ пользовался однимъ сборникомъ изъ библіотеки Воскресенскаго Монастыря, въ которомъ сборникѣ между прочимъ помѣщены и «ярлыки (числомъ 5) иже суть давали Цари Ординскіе Митрополитамъ Кіевскимъ всея Русіи на церковные домы и на люди» (Софійскій Временникъ. Москва. 1820. Т. I. стр XXVII).

нія его въ Константинополь, всѣ одинаковаго содержанія. Во всѣхъ даются нашему духовенству разныя права и преимущества; освобождается оно отъ платежа всякаго рода пошлинъ, даней и повинностей; митрополитамъ предоставляется право суда и расправы надъ всѣмъ духовенствомъ и подвѣдомственными ему людьми, равно какъ и распоряженія всякаго рода церковнымъ и монастырскимъ имуществомъ; Татарамъ предписывается величайшее уваженіе къ нашей религіи, за хулу на которую, такъ же какъ и за нарушеніе всѣхъ вышеозначенныхъ преимуществъ, опредѣляется наказаніемъ не менѣе какъ смертная казнь. И за всѣ эти преимущества, даруемыя духовенству, ханы просятъ у него только молитвъ за себя и благоденствіе своего рода и племени.

Спрашивается: сообразное ли съ чѣмъ это дѣло, чтобы властители Золотой-Орды, исповѣдывавшіе Исламизмъ, покровительствовали духовенству враждебнаго Исламизму христіанскаго исповѣданія въ такой мѣрѣ, что дѣлались почти отступниками отъ своей вѣры, и все это не только безъ выгоды для себя, но съ ущербомъ для собственной казны, и того, что называется гордостію народной? Чтобы они давали христіанскому духовенству такія преимущества, и оказывали такое уваженіе къ христіанской религіи, тогда какъ ихъ, мусульманская, предписываетъ величайшую нетерпимость и презрѣніе къ иновѣрцамъ; тогда какъ извѣстно какія притѣсненія терпѣли Христіане и какому униженію подвергались они въ Азіи вездѣ, гдѣ находились подъ властію Магометанъ; тогда какъ историки разсказываютъ, что государи, которымъ приписываются ярлыки, славились ревностными приверженцами ученія Магометова, и лѣтописи наши полны печальными сказаніями о разореніи Татарами церквей и монастырей, и слезными повѣстями о разныхъ князьяхъ принявшихъ въ Ордѣ отъ этихъ же самыхъ хановъ смерть мученическую за твердость свою въ вѣрѣ христіанской? Не находится ли поэтому содержаніе

ярлыковъ въ совершенномъ противорѣчіи съ исторіею? Не показываютъ ли эти самыя права и преимущества, даруемыя въ нихъ духовенству, что ярлыки сочинены въ Россіи самимъ духовенствомъ, не во время татарскаго владычества, когда это ни къ чему бы не послужило, а въ позднѣйшее время, съ тою цѣлію чтобы, показавъ какъ самые враги Россіи, нехристи, бусурмане, покровительствовали духовенству, подвигнуть этимъ православныхъ царей къ соревнованію и дарованію духовнымъ новыхъ правъ или сохраненію прежнихъ; чтобы, такъ сказать, попрекать ихъ этими ярлыками, приговаривая какъ авторъ приписки къ нимъ у Новикова: «Вы, православніи и христолюбивіи Царіе и Князи и Бояре, потщитеся къ святымъ Божіимъ церквамъ всяко благотвореніе показати.... и милость и милостыню.... да не посрамлени будете отъ онѣхъ варваръ въ день судный!»

Отвѣчаемъ: нѣтъ! Въ-продолженіе тысячелѣтняго существованія Народа Русскаго духовенство наше, всегда вѣрное высокому призванію своему, не оскверня лось никогда такою ложью, такими дѣлами духа тьмы; довольствовалось всегда тѣмъ, что имѣло, не стремилось къ увеличенію свѣтскаго могущества своего путями неправыми; потому нѣтъ повода обвинять его въ подлогѣ и въ настоящемъ случаѣ, не говоря уже о томъ, что противъ подлога съ его стороны вопіютъ и другія обстоятельства: ярлыки даны не одному какому-либо монастырю, не одной эпархіи, а духовенству цѣлой Россіи, митрополитамъ извѣстнымъ святостію жизни. Предполагая подлогъ, надо предположить согласіе на оный цѣлаго духовенства, по крайней мѣрѣ высшаго, а намъ нравственное чувство не позволяетъ вѣрить возможности такого ужаснаго поступка въ какомъ бы то ни было народѣ, тѣмъ болѣе въ православномъ Царствѣ Русскомъ. Исчисленныя въ ярлыкахъ права, льготы и преимущества оно дѣйствительно должно было получить отъ хановъ, ибо дѣйствительно пользовалось ими какъ из-

древле, такъ и долгое время по сверженіи монгольскаго ига. Когда Іоаннъ III Васильевичь хотѣлъ отобрать у духовенства принадлежавшія ему села и деревни, и собралъ для этого въ 1500 году соборъ, то митрополитъ Симонъ отъ лица всего народа писалъ ему: «...Такоже, Государь, и въ нашихъ Русскихъ странахъ при твоихъ прародителяхъ, при В. К. Владимірѣ и при его сынѣ В. К. Ярославѣ.... даже и до сихъ мѣстъ, святители монастыри, грады и волости, слободы и села имѣли, и суды и управы и пошлины и оброки и дани церковныя держали по божественнымъ велѣніемъ и установленіемъ» и пр. И далѣе: «Мнози и отъ невѣрныхъ и нечестивыхъ Царей въ своихъ царствахъ отъ св. церквей и отъ священныхъ мѣстъ ни что же не имаху.... и зѣло по святыхъ церквахъ побораху, не токмо въ своихъ странахъ, но и въ Русскомъ вашемъ царствіи, и *ярлыки* давали» (Истор. Гос. Росс. т. VI. прим. 622, стр. 340 и 457). Да и въ самыхъ лѣтописяхъ находимъ этому подтвержденіе. Въ Софійскомъ Временникѣ, подъ 1255 годомъ читаемъ: «Тое же зимы пріѣхаша численницы отъ Татаръ, и сочтоша всю землю Руськую.... только не чтоша игуменовъ, поповъ и чернъцовъ и кто служитъ святымъ церьквамъ» (Соф. Врем. изд. Строева. Т. I, стр. 269). Въ Никоновской Лѣтописи подъ 1257 г.: «Тое же зимы пріѣхаша числѣницы исъ Татаръ и изочтоша всю землю Суздальскую и Рязанскую и Муромскую.... точію не чтоша архимандритовъ и игуменовъ и иноковъ и поповъ и дьяковъ и крилошанъ и всего причета церковнаго» (т. III. стр. 37). И въ ней же подъ 1275 годомъ: «Тогожъ лѣта бысть на Руси и въ Новѣгородѣ число (перечисленіе народа) второе изъ Орды отъ Царя. Изочтоша вси кромѣ священниковъ» (ibid. стр. 59). Когда лица духовныя и весь причетъ церковный не входили въ общую народную перепись, значитъ они избавлены были отъ податей, не платили ничего въ казну завоевателей Россіи; потому, что цѣлью переписи у Монголовъ было не иное

что, какъ правильное обложеніе народа податями. Для этого единственно принимали они на себя трудъ перечислять подвластные имъ народы, а не изъ статистическаго любопытства. Такъ было въ Китаѣ, Мавераннагрѣ, Персіи: такъ должно было быть и въ Россіи.

Теперь, когда сомнѣнія относительно дачи правъ и льготъ, помянутыхъ въ ярлыкахъ, удалены положительнымъ свидѣтельствомъ лѣтописей, остается объяснить еще: почему ханы дѣйствовали такимъ образомъ, чтò заставляло ихъ питать такое уваженіе къ нашей религіи и служителямъ ея, и выражать его столь убыточно для казны своей и мусульманскаго правовѣрія? Карамзинъ (Ист. Гос. Росс. Т. IV, стр. 71), а вслѣдъ за нимъ и другіе, старались объяснить это явленіе; но вмѣсто того чтобы отыскивать его причины, ихъ придумывали; вмѣсто того чтобы проникнуть основательно въ сущность дѣла, ограничивались предположеніями безъ доказательствъ, и противорѣчили сами себѣ. Такъ какъ настоящій вопросъ довольно важенъ, мы считаемъ нелишнимъ объяснить его съ нѣкоторою подробностію.

Можно предполагать, какъ и предполагаютъ вообще, что причины расположенія къ нашему духовенству со стороны хановъ были политическія; что, покровительствуя ему, они имѣли въ виду упрочить свое владычество, связавъ его съ выгодами класса, который всегда и вездѣ имѣлъ могущественное вліяніе на народъ; сдѣлавъ себѣ изъ духовныхъ не враговъ ярыхъ, какими бы они необходимо явились терпя притѣсненія отъ Татаръ, а заступниковъ усердныхъ, которые видѣли бы свою пользу въ игѣ наложенномъ иноплеменными на ихъ соотечественниковъ. Но мы не думаемъ, чтобы золото-ордынскіе ханы были въ состояніи понять такую умную хотя и простую политику, и слѣдовать ей постоянно въ-теченіе двухъ сотъ лѣтъ. Изъ исторіи ихъ владычества надъ Россіею, изъ того, кàкъ допустили они усилиться московскимъ князьямъ, кàкъ

сами содѣйствовали соединенію раздробленной Россіи, тогда какъ имъ должно было поддерживать всѣми силами это раздробленіе, нельзя заключать, чтобы они были хитрыми, дальновидными правителями. Нѣтъ, причины ихъ покровительства духовенству, ихъ уваженія къ нашей религіи, были другія, именно: отсутствіе въ нихъ религіи, а вслѣдствіе того и всякой религіозной ревности, величайшая вѣротерпимость, и вмѣстѣ съ тѣмъ безпредѣльное суевѣріе.

Національной религіи у Монголовъ не было. До Чингисиса мѣсто религіи заступали имъ нѣкоторыя темныя вѣрованія въ какое то Высочайшее Существо (которое, равно какъ и Небо, они означали словомъ *Тангри*), и поклоненіе солнцу, лунѣ, горамъ, рѣкамъ, стихіямъ и предкамъ, которымъ приносились жертвы нерѣдко кровавыя [16]. Виновниками всѣхъ золъ и бѣдствій своихъ считали они злыхъ духовъ, которыхъ боялись ужасно и старались задабривать приношеніями, черезъ посредство *камовъ*, бывшихъ вмѣстѣ жрецами, кудесниками, гадателями и лекарями. Существованіе этихъ злыхъ и отчасти добрыхъ духовъ, и могущественное вліяніе на нихъ камовъ — были капитальными догматами ихъ вѣрованій; кромѣ того они имѣли тьму разныхъ другихъ предразсудковъ и суевѣрій, короче: у нихъ былъ тотъ родъ религіи, который нѣкогда существовалъ у всѣхъ средне и сѣверо-восточныхъ азійскихъ народовъ, и нынѣ называется шаманствомъ, котораго держатся еще и теперь всѣ дикари Сѣверной Азіи, и который, по ученію Конфуція, сорокъ вѣковъ исповѣдуютъ Китайцы (Плано Карпини, кн. II, глава 3; д'Охсона: Hist. des Mon-

---

[16] Такъ китайскіе историки разсказываютъ, что по смерти Апаки, основателя Царства Киданьскаго, вдова его Шуру лишила жизни нѣсколько сотень киданьскихъ вельможъ, для того чтобы они сопровождали покойнаго на тотъ свѣтъ (Записки о Монголіи О. Іакинфа. Т. II, стр. 160). Такъ изъ персидскаго историка Вассафа узнаёмъ, что въ могилу Гулагу зарыты были вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько молодыхъ и красивыхъ дѣвушекъ (д'Охсона Hist. des Mongols. vol. III. p. 407). См. также Марка Поло, кн. I. глава LIII и LIV, и Жана де Мандевиля, гл. XXXIX.



gols. Vol. I. p. 16—17; Записки о Монголіи О. Іакинѳа. Ч. I. стр. 188—190). Чингисъ явился Монголамъ чѣмъ-то въ родѣ пророка. Самъ выдавалъ онъ себя за человѣка предназначеннаго Небомъ для владычества надъ міромъ, такимъ признавъ былъ отъ единоплеменниковъ, и велѣнія его сдѣлались для нихъ самыми святыми, самыми ненарушимыми законами, сдѣлались для нихъ почти религіозными догматами. Чингисъ самъ не держался ни какого вѣроисповѣданія, признавалъ бытіе одного Высочайшаго Существа, но былъ при томъ суевѣренъ какъ всякій монголъ [17], потому боялся всѣхъ боговъ, и буддійскаго, и мусульманскаго, и христіанскаго; всѣхъ ихъ желалъ задобрить, какъ задабривалъ національныхъ злыхъ духовъ [18], потому оказывалъ всегда величайшую вѣротерпимость, и одинаково покровительствовалъ духовнымъ всѣхъ религій [19], какъ посредникамъ между людьми и ихъ относительными божествами, какъ камамъ, которые могли укрощать ихъ гнѣвъ или испрашивать ихъ милость по волѣ. Эту же вѣротерпимость, равное уваженіе ко всѣмъ религіямъ, освобожденіе отъ всякихъ податей и повинностей ихъ служителей, а также и всякаго рода ученыхъ, предписывалъ онъ и своимъ преемникамъ. Эти и другія предписанія и

---

[17] «Монгольскій государь (Чингисъ) передъ каждымъ походомъ заставлялъ Ѣлюй-Чуцая предварительно ворожить удачно ли будетъ предпріятіе; также и самъ повѣрялъ его ворожбу сожиганіемъ бараньяго легкаго (кости?) и потомъ уже приступалъ къ дѣйствію» (Гань-Му въ Исторіи первыхъ четырехъ хановъ изъ дома Чингисова. Пер. съ Китайск. О. Іакинѳа. Спб. 1829. стр. 107).

[18] Любопытнымъ памятникомъ вѣрованія Чингиса въ злыхъ духовъ остался для насъ камень, посвященный имъ 335 *элье*, особеннаго рода крылатымъ демонамъ. См. объ этомъ Bericht ueber eine Inschrift aus der aeltesten Zeit der Mongolen-herrschaft, von. I. J. Schmidt, въ Mémoires de l'Acad. Imp. des sciences de St. Petersbourg. VI-me serie. Sciences hist. Tome II.

[19] چون جنکیزخان تابع هیچ دین وملت نبود از تعصب و ترجیح ملتی برملتی احتراز واجتناب نمودی Мирхондъ, въ Роузетъ-эс-Сеѳа. См. Notices et extraits des manuscrits de la bibliothèque du Roi. vol. V. p. 205 и 221.

установленія Чинкгиса, основанныя большею частію на древнихъ обычаяхъ и суевѣріяхъ Монголовъ (и обнародованныя имъ на курилтаѣ (сеймѣ) 1206 года), собраны были въ одну книгу, которую Монголы называли *Тунджинъ*, и которую персидскіе писатели цитируютъ подъ именемъ یاسا نامه *Яса-Намэ*, «Книги Запретовъ», чаще просто подъ именемъ یاسا *Яса*, иногда же подъ именемъ یاسا وتورای جنکیزخانی *Яса ве Тура-и-Дженгизхани*, «Запретовъ и Законовъ Чинкгисъ-хановыхъ» [20]. По смерти Чинкгиса, эти «запреты и законы» сдѣлались для премниковъ его и всѣхъ Монголовъ вообще единственными, но за то въ высшей степени обязательными правилами въ жизни и правленіи, стали для нихъ Ведами, Евангеліемъ, Кораномъ. При восшествіи хановъ на престолъ приносили Яса, и присутствующіе клялись соблюдать въ точности всѣ содержащіяся въ ней постановленія [21]. Нарушеніе ихъ какимъ бы то ни было лицомъ считалось величайшимъ преступленіемъ и наказывалось строжайшимъ образомъ. Въ самомъ Яса, государя не соблюдавшаго ихъ предписывалось свергать съ престола и держать въ заточеніи цѣлую жизнь (Notices et Extraits, vol V, p. 206). Сообразно съ этими законами всѣ монгольскіе императоры, преемники Чинкгиса, покровительствовали одинаково всѣмъ религіямъ [22], одинаково

[20] Этотъ памятникъ Чингкисова законодательства не дошелъ до насъ въ цѣлости, и мы знаемъ его только по отрывкамъ, цитированнымъ разными мусульманскими писателями. О законахъ Чинкгисовыхъ см. Пти-де-Лакруа Vie de Genghizkhan; Notices et extraits des manuscrits, vol. V. p. 205—229; д'Охсона Hist. des Mongols. V. I. p. 290 и слѣд.; Де-Саси Chrestomathie arabe, II, 58; Histoire des Mongols de la Perse par Raschid-el-Din. vol. I. p. CLX — CLXIX; Гаммера Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, s. 182 — 202.

[21] Hist. des Mongols de la Perse par Raschid el-Din. Préface. p. CLXVII. Онѣ исполнялись еще при Тамерланѣ и его преемникахъ, и, какъ говоритъ Макризи, имѣли силу закона даже въ Египтѣ. Ibidem, и въ Chrestomathie arabe par De Sacy, vol. II. p. 60.

[22] «Они не принуждаютъ никого къ отступленію отъ своей вѣры или закона» говоритъ Плано Карпини о Татарахъ, а Винцентій Бовезскій при-

освобождали отъ податей какъ поповъ и монаховъ, такъ муллъ, ламъ и шамановъ, и въ одно и то же время исполняли обряды и присутствовали при церемоніяхъ Христіанъ различныхъ сектъ, Магометанъ, Буддистовъ и язычниковъ другихъ религій. Жены и приближенные императоровъ слѣдовали въ точности ихъ примѣру. Разсказывая о послѣднемъ обстоятельствѣ, Рубруквисъ (глава XXXVI) объясняетъ, что «дѣлали они все это для того, чтобы получить тѣ блага, которыхъ желали, и избѣгнуть тѣхъ золъ, которыя могли ихъ постичь, не подозрѣвая чтобы религіозные обряды могли имѣть какую-либо другую цѣль». Императоръ Мангу любилъ слушать споры проповѣдниковъ разныхъ вѣръ; но когда Рубруквисъ началъ говорить ему настоятельнѣе о своей, Мангу отвѣчалъ: «Всѣ люди обожаютъ одного и того же Бога, и всякому свобода обожать его какъ угодно; благодѣянія же Божіи, равно на всѣхъ изливаемыя, заставляютъ каждаго изъ нихъ думать будто его вѣра лучше другихъ». Несмотря на чистый деизмъ этихъ словъ, Мангу «приносилъ жертвы небу, солнцу, лунѣ и горамъ», и «крайнѣ вѣрилъ волхвованіямъ шамановъ и ворожей, при каждомъ предпріятіи призывалъ ихъ къ себѣ, и не скучалъ быть съ ними почти каждый день», говоритъ китайская исторія дома Юань (Ист. перв. чет. хановъ. Стр. 322, 331 и 350). Преемникъ Мангу, Хубилай, хотя и особенно расположенный къ Буддизму, уважалъ тѣмъ не менѣе и религію Христіанъ, Мусульманъ и Евреевъ. Марко Поло (кн. II. гл. II) разсказываетъ, что въ тѣ дни, когда Христіане праздновали большіе праздники свои, онъ призывалъ ихъ предъ себя, и съ благоговѣніемъ цѣловалъ Евангеліе, приказавъ прежде окадить

бавляетъ: «Христіанамъ и всякимъ сектамъ и всякимъ вѣроисповѣданіямъ позволяютъ они у себя отправлять богослуженіе свободно и безопасно; да и во всѣхъ владѣніяхъ своихъ не обращаютъ вниманія на людскіе обычаи, только бы повиновались имъ во всемъ, и служили какъ приказываютъ» (Собр. путеш. къ Татарамъ; изд. Языковымъ. Стр. 86 — 87).

его. — Но къ Христіанамъ монгольскіе государи были вначалѣ вообще болѣе расположены чѣмъ къ Магометанамъ или послѣдователямъ другихъ религій [23]. Виною сему были преимущественно два обстоятельства: то, что нѣкоторыя монгольскія и турецкія поколѣнія, какъ Кераиты и Уйгуры, были болѣе или менѣе обращены въ Христіанство несторіанскими проповѣдниками еще задолго до Чинггиса; и то, что многіе государи имѣли женъ христіанокъ, сильно покровительствовавшихъ своимъ единовѣрцамъ. Это особенное благоволеніе къ Христіанамъ, и крещеніе, которое многіе государи и вельможи принимали какъ неважную и ни къ чему не обязывающую церемонію, и подали поводъ западнымъ Европейцамъ считать Монголовъ за Христіанъ, слѣдствіемъ чего были многочисленныя посольства миссіонеровъ въ Среднюю-Азію ко двору императоровъ, посольства, совершенно не достигшія своей цѣли [24].

Гулагу и первые преемники его въ Персіи отличали Христіанъ особенными милостями, все потому же, что жены ихъ были христіанки. О женѣ Гулагу, по имени Докузъ-хатунъ, Рашидъ-уд-Динъ расказываетъ: «Она постоянно поддерживала Христіанъ, и при жизни ея они очень усилились. Гулагу, изъ уваженія къ ней, оказывалъ имъ большія милости и почести, до такой степени, что на всемъ пространствѣ его владѣній они выстроили себѣ но-

---

[23] Плано Карпини пишетъ, что Куюкъ имѣлъ при себѣ христіанскихъ священнослужителей и давалъ имъ содержаніе, и что передъ большимъ шатромъ его стояла всегда христіанская часовня, въ которой они явно и открыто пѣли и звонили къ часамъ (Собр. Пут. къ Татарамъ. Стр. 42). «Мангу-Ханъ былъ благочестивъ, и при дверяхъ главнаго дворца своего имѣлъ церковь, гдѣ священники отправляли свои религіозныя обязанности безпрестанно и безъ всякой помѣхи. Онъ очень любилъ Христіанъ» (Стеф. Орпеліанъ, въ Mémoires sur l'Armenie Сенъ-Мартена. Vol. II. p. 135).

[24] Подробности этихъ посольствъ и дѣйствій христіанскихъ миссіонеровъ въ Средней-Азіи можно найти въ Мосгеймовой: Historia Tartarorum ecclesiastica. Helmstadi. 1741.

выя церкви, у входа-же въ орду (ставку) Докузъ-хатунъ стояла всегда походная часовня и звонили въ колокола» (Hist. des Mongols de la Perse par Rachid-el-din. Paris, 1836, vol 1, p. 94). Это покровительство, которое оказывали Христіанамъ Гулагу и жена его, и было причиною того, что армянскіе и сирійскіе историки не находили довольно словъ, чтобы превознести достойно высокія качества обоихъ супруговъ, тогда какъ Гулагу былъ такой же варваръ монголъ какъ и другіе (см. Исторію Орпеліановъ Стефана Орпеліана въ Mémoires sur l'Armenie Сенъ-Мартена, vol II. p. 123 и 151 [25]; Баръ-Гебрея Chronicon Syriacum, p. 542; Гайтона Hist. orient. гл. XXVII). Преемникъ Гулагу, Абака, женатъ былъ на побочной дочери императора Михаила Палеолога, и милостями своими къ Христіанамъ также заслужилъ ихъ похвалы (Пахимеръ, кн. III, гл. 3; Стефанъ Орпеліанъ. l. c. p. 153); но здѣсь эти милости имѣли уже отчасти и цѣль политическую. Въ расположеніи къ себѣ Христіанъ онъ и его преемники могли имѣть опору и помощь противъ мусульманскихъ владѣтелей Египта и Сиріи, съ которыми безпрерывно находились къ войнѣ. Какъ цѣнили они эту помощь и какъ искали ее у западныхъ Христіанъ, доказываютъ многочисленныя посольства ихъ къ папамъ и дворамъ французскому, англійскому, испанскому и другимъ (см. Mémoires sur les relations politiques des princes chrétiens et particulièremant des rois de France, avec les empereurs mongols, par M. Abel-Rémusat. Paris. 1822 и 1824). Обстоятельство это было такъ важно, что преемники Абаки долго колебались: принять ли имъ Исламизмъ или Христіанство,

[25] Вотъ слова Стефана: «Господу извѣстно, что они (Гулагу и Докузъ-хатунъ) относительно благотворительности ни чѣмъ не уступали Константину и матери его Еленѣ». Сукіасъ Сомаль доказываетъ, впрочемъ, что «Исторія Орпеліановъ, переведенная Сенъ-Мартеномъ, не есть произведеніе Стефана Орпеліана, а часть другаго сочиненія: «Исторія Грузинцевъ», напечатанной въ 1775 году въ Мадрасѣ. См. Quadro della storia letteraria di Armenia estesa da Placido Sukias Somal. Venezia. 1829. p. 119.

чего ревностно добивались ихъ подданные и окружающіе, исповѣдывавшіе ту или другую изъ этихъ религій. Принятіе религіи было тутъ для нихъ политическою мѣрою, а не дѣломъ убѣжденія. Окруженные проповѣдниками разныхъ сектъ, Христіанами, Евреями, Магометанами, Буддистами, которые безпрестанно спорили о догматахъ и превосходствѣ одной вѣры передъ другою, они невольно лишались всякаго религіознаго убѣжденія, и если покровительствовали болѣе той или другой религіи, то не вслѣдствіе убѣжденія, а разсчета, или привычекъ дѣтства. Такъ преемникъ Абаки, Тегударъ, крещеный въ младенчествѣ, оказывалъ потомъ болѣе расположенія къ Мусульманамъ, и по восшествіи на престолъ торжественно принялъ Исламъ, ибо былъ воспитанъ Мусульманами (Гайтонъ, гл. XXXVII); но ревность его къ Исламизму была не въ духѣ тогдашнихъ Монголовъ, и онъ лишенъ былъ престола недовольными за оставленіе имъ древнихъ обычаевъ (Баръ-Гебрей. Стр. 605). Преемнику Тегудара, Аргуну, который любилъ Христіанъ и Буддистовъ, и у котораго дѣти были крещены, Мусульмане приписывали намѣреніе выдать себя за пророка и основать новую религію (Вассафъ, въ Дохсоновой Hist. des Mongols. IV. 51—53). Это очень вѣроятно, ибо сообразно съ обстоятельствами. Великіе Моголы въ Индіи, относительно религіозныхъ понятій, находились въ такомъ же положеніи какъ Гулагиды въ Персіи, и нѣкоторымъ изъ нихъ приходили въ голову такія же идеи и намѣренія, какъ и Аргуну. Однѣ и тѣ же причины, при одинаковыхъ обстоятельствахъ, производятъ однѣ и тѣ же слѣдствія. Очеркъ Байду-хана, шестаго владѣтеля Персіи изъ рода Гулагу, оставленный намъ сирійскимъ историкомъ Баръ-Гебреемъ, превосходно изображаетъ религіозное состояніе всѣхъ монгольскихъ властителей Персіи, колебаніе, нерѣшительность, страхъ ихъ предаться тому или другому исповѣданію. «Байду»—говоритъ онъ—«былъ государь кроткій, скромный, человѣколюбивый; любилъ уче-

ныхъ и даровитыхъ людей какой бы націи они ни были, осыпалъ ихъ щедротами и одарялъ почетными платьями. Въ бесѣдахъ съ греческою принцессою, женою Абаки, которую посѣщалъ въ-теченіе многихъ лѣтъ, онъ получилъ хорошее мнѣніе о Христіанахъ, позволилъ имъ имѣть часовни въ своей ордѣ и звонить въ колокола. Онъ сказывался имъ даже христіаниномъ и носилъ крестъ на шеѣ; но онъ не смѣлъ показывать къ нимъ своего расположенія очень открыто, потому что сдѣлался магометаниномъ по примѣру бо̀льшей части Монголовъ въ Персіи, которые въ это время обратились въ Исламъ. Тѣмъ не менѣе онъ вовсе не соблюдалъ обрядовъ этой вѣры, и Магометане были очень злы на него за расположеніе его къ Христіанамъ, которые получили многія должности въ его столь кратковременное царствованіе» (Chron. Syriac. p. 609). Гайтонъ паденіе этого государя также приписываетъ злобѣ на него Мусульманъ. «Государь этотъ», говоритъ онъ, «былъ хорошій христіанинъ, далъ позволеніе строить церкви, и приказалъ чтобы никто не осмѣливался проповѣдывать ученія Магометова между Татарами; но какъ изъ нихъ было много такихъ, которые приняли уже Исламъ, то это приказаніе пришлось имъ очень не по сердцу. Ради того отправили они тайно людей къ Газану, сыну Аргунову, предлагая возвести его на престолъ, если только онъ отречется отъ христіанско̀й вѣры. Газанъ, который былъ не очень ей преданъ (qui n'avait pas grande réligion), принялъ ихъ предположеніе и поднялъ бунтъ. Байду собралъ войско чтобы захватить его, ибо не зналъ объ измѣнѣ своихъ. Такимъ образомъ, когда дѣло дошло до битвы, всѣ тѣ, которые были Магометанами въ войскѣ Байду, оставили его и перешли на сторону Газана. Видя себя оставленнымъ, Байду обратился въ бѣгство, но былъ преслѣдованъ и убитъ» (Hist. orient., глава XL). Мусульманскіе историки превозносятъ православіе и ревность къ Исламу этого Газана; но мы не думаемъ чтобы это было справедливо. По

сказаніямъ самихъ Магометанъ онъ принялъ Исламъ только для достиженія престола. Религія служила ему только средствомъ для выполненія замысловъ честолюбія. Да и законы Чингиса, предписывавшіе религіозное равнодушіе, пользовались еще между персидскими Монголами слишкомъ большимъ уваженіемъ, чтобы Газанъ могъ ихъ нарушать смѣло исключительною привязанностію своею къ Мусульманамъ: предшественникъ Байду-хана, Гайхату, свержень былъ съ престола именно за несоблюденіе законовъ Чингиса и обычаевъ предковъ (Chron Syriac. Стр. 601). Противъ преданности Газана Исламу говорятъ многія обстоятельства. Самъ онъ имѣлъ женою христіанку, дочь государя армянскаго, и одну изъ родственницъ своихъ отдалъ въ замужество за армянскаго же владѣтеля Семпада; искалъ союза съ Христіанами противъ мусульманскихъ владѣтелей Египта, и когда христіанскіе государи Запада, считавшіе его полу-христіаниномъ,' въ письмахъ къ нему называли Мусульманъ «врагами божіими», мало того что не оскорбляяся этимъ и не старался разувѣрить ихъ въ противномъ, онъ отвѣчалъ на эти письма дружескими посольствами и увѣрялъ ихъ въ готовности своей принять Христіанство (History of Armenia by Mich. Chamich, translated from Armenian by J. Audall. Calcutta, 1827, vol. II, p. 272; Абель-Ремюза: Mémoires sur les relations polit. etc. p. 127—130). Наконецъ мусульманскій же писатель Новайри именно говоритъ, что Газанъ на словахъ исповѣдывалъ Исламъ, а дѣлами доказывалъ противное, покровительствуя Христіанамъ (Hist. des Mongols д'Охсона. IV, 260). Когда помянутый выше Гайхату лежалъ одержимый опасною болѣзнію, то, по словамъ Вассафа, собраны были улемы, имамы, епископы, монахи и даже раввины, чтобы молить Бога о продолженіи его жизни (ibid. IV. 86). Преемникъ Газана, Олджайту, также былъ въ дѣтствѣ крещенъ матерью своею Урукъ-хатунъ, женатъ на Маріи, сестрѣ императора Андроника младшаго, и только

въ-послѣдствіи принялъ Исламъ (Гайтонъ, гл. XLV; Пахимеръ, кн. VII, гл. XXV). Наконецъ и скорое паденіе владычества Гулагидовъ въ Персіи Абель-Ремюза приписываетъ религіозному равнодушію, не позволившему имъ укрѣпить своего могущества искреннимъ принятіемъ вѣрованій христіанской или мусульманской части своихъ подданныхъ (Mémoires sur les relations etc. p. 125). И точно, покровительствуя то тѣмъ, то другимъ, они не могли привязать къ себѣ ни которыхъ.

Таково было религіозное поведеніе властителей Персіи изъ потомства Чингисова. Такъ же строго соблюдались предписанія Яса и въ Ордѣ Джагатайской. Въ подверждение сего имѣемъ мы свидѣтельство путешественника XIV вѣка Ибнъ-Батуты, который разсказываетъ о джагатайскомъ ханѣ Тарма-ширинѣ: «Этотъ Тарма-ширинъ нарушилъ нѣкоторые уставы Чингисъ-хана, обнародовавшаго книгу подъ названіемъ *эль-ясакъ*, «Запретъ», которою постановлялось, что нарушитель какого-либо изъ ея уставовъ долженъ былъ лишиться своего мѣста (слѣдуетъ описаніе одного изъ установленій Яса)... Тарма-ширинъ нарушилъ это постановленіе, что̀ почтено было великимъ оскорбленіемъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ того какъ мы выѣхали изъ этой земли, Татаре, вмѣстѣ съ своими вельможами, собрались и низложили его, а на престолъ возвели одного изъ его родственниковъ. Тарма-ширинъ бѣжалъ, но былъ умерщвленъ (Travels of Ibn Batuta, p. 92). Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что этотъ ханъ старался о введеніи Ислама между своими подданными. Вѣроятно, что это обстоятельство было также одною изъ причинъ неудовольствія на него блюстителей Яса (Geschichte der Hunnen und Türken etc. von Deguignes. Uebersetzt von J. K. Dähnert. Greifswald, 1769, vol. III, s. 334 [26].

---

[26] Слѣды уваженія къ установленіямъ Яса сохранялись въ Туркестанѣ еще во второй половинѣ прошедшаго столѣтія, какъ видно изъ описанія этой

Обратимся къ Золотой-Ордѣ. Общій законъ проявляется во всѣхъ частныхъ явленіяхъ. Ханы Золотой-Орды были такіе же потомки Чинкгиса какъ Гулагиды въ Персіи, какъ Джагатаиды въ Мавераннагрѣ и Туркестанѣ, точно также обязаны были исполнять велѣнія Яса, соблюдать тоже предписанное Чинкгисомъ равнодушіе ко всѣмъ вѣрованіямъ, покровительство духовенству всѣхъ исповѣданій: слѣдственно и въ Золотой-Ордѣ должны были повторяться болѣе или менѣе тѣ же явленія, какія видѣли мы въ другихъ родственныхъ ей ордахъ. Такъ и было. До Берге-хана предшественники его оставались вполнѣ вѣрными однѣмъ суевѣріямъ предковъ. О Батыѣ Хондемиръ говоритъ, что «онъ не исповѣдывалъ никакой религіи, не принадлежалъ ни къ какой сектѣ, поклонялся только единому Богу» (Исторія Монголовъ. Пер. съ Персидскаго. Спб. 1834, стр. 49). О сынѣ его Сартакѣ шли слухи, что онъ христіанинъ; но Рубруквисъ разубѣдился въ этомъ, когда увидѣлъ его лично. Берге первый изъ золото-ордынскихъ хановъ принялъ Исламъ (ibid. и Абульгази Historia Mongolorum et Tartarorum nunc primum tatarice edita. Casani. 1825 p. 97). Чтò побудило его къ этому, не знаемъ, но знаемъ что Русскіе свободно отправляли свое богослуженіе въ столицѣ его Сараѣ, потому что въ 1261 году митрополитъ Кириллъ учредилъ тамъ эпархію, извѣстную подъ именемъ Сарайской, и поставилъ туда епископомъ Митрофана (Никон. Лѣтоп. т. III, стр. 41). Знаемъ, что прежде того, въ 1257 году, при перечисленіи народа въ Россіи, духовенство и весь причетъ церковный не во-

---

страны, составленнаго въ 1773 году однимъ маньчжуйскимъ чиновникомъ. «Въ первый день новаго года», говоритъ онъ, «ахуны судили о добродѣтеляхъ и порокахъ Акимъ-Бека. Если находили его добродѣтельнымъ, то оставляли, а если открывали какія противузаконныя дѣла, то вмѣстѣ съ народомъ отмѣняли его и предавали смерти». О. Іакинѳъ прибавляетъ, что обыкновеніе это продолжается и донынѣ (Описаніе Джуньгаріи и Восточнаго Туркистана. Пер. съ Китайск. монахомъ Іакинѳомъ. Часть II, стр. 199).

шли въ «число», то есть не были обложены податями (ibid. стр. 37; Софійск. Временникъ, т. 1, стр. 269). О Ногаѣ извѣстно, что онъ женатъ былъ на христіанкѣ Эвфросиніи, побочной дочери императора Михаила Палеолога (Пахимеръ, кн. III, гл. 5). При Менгу-Темирѣ, въ 1275 году, было второе перечисленіе народа въ Россіи, и духовенство опять не вошло въ «число» (Ник. Лѣт. III, 59). Удѣльный князь можайскій Ѳедоръ Ростиславичъ женился на его дочери, ханъ позволилъ ей креститься, и она отличалась потомъ ревностію къ вѣрѣ и благочестіемъ (Степенная Книга. Москва. 1775, часть 1, стр. 393—397; Ист. Гос. Росс. т. IV, стр. 105) [27]. Ханъ Тохтогу женатъ былъ на дочери императора Андроника старшаго, а Узбекъ на дочери Андроника младшаго (Пахимеръ, кн. III, гл. XXVII; Ибнъ-Батута, стр. 83). Обо всѣхъ этихъ бракахъ съ христіанскими княжнами упоминаемъ мы потому, что они не могли оставаться безъ вліянія на благосостояніе Христіанъ, по крайней мѣрѣ духовенства христіанскаго, а съ другой стороны доказываютъ, что ханы вовсе не были такими жаркими приверженцами Магометова ученія, какими изображаютъ ихъ наши историки. Пойдемъ далѣе. Объ Узбекѣ лѣтописи наши говорятъ: «Озбякъ войде въ богомерскую вѣру Срачиньскую» (Воскрес. Лѣт. II, 281); и «Сяде Царь Азбякъ на царство и обесерменился» (Ник. Лѣт. III, 189). Абульгази (Hist. Mong. et Tatar. p. 98) повѣствуетъ, что онъ ايل واولوسنى دين اسلام غه كيركوزدى «обратилъ къ Исламу народъ свой и землю свою», о самомъ-же Узбекѣ выражается, что онъ آتا باباسينينك دستورى برلان ضبط قيلدى «пра-

---

[27] «Если сія повѣсть новѣйшихъ лѣтописцевъ справедлива», говоритъ Карамзинъ, «то вѣроятно, что Ѳедоръ былъ зятемъ не Менгу-Темира, а Ногая, женатаго на христіанкѣ и не хотѣвшаго принять вѣры магометанской». Вотъ что̀ значитъ увлечься какою нибудь ложною мыслью, какъ мысль Карамзина о ревностномъ исламизмѣ золото-ордынскихъ хановъ: вездѣ она будетъ показывать вещи не въ настоящемъ свѣтѣ и вводить въ ложныя сужденія и заключенія.

вилъ по закону (или обычаю) отцовъ и дѣдовъ своихъ». Изо всего этого необходимо надо заключить:

1) Что если Берге и принялъ прежде того Исламъ, то онъ не утвердился ни въ родѣ его, ни между подданными: иначе не за чѣмъ было Узбеку принимать его вновь. Что по этому вѣроятно, что ни Менгу-Темиръ или Тохтогу, ни Тула-Буга, ни Туда-Мангу, ни другіе предшественники Узбека не были мусульманами [28].

2) Что самъ Узбекъ до вступленія на престолъ не былъ мусульманиномъ, и принявъ Исламъ уже по вступленіи на царство, сдѣлалъ это изъ какихъ нибудь видовъ, тѣмъ болѣе, что правилъ потомъ не по закону Пророка, а по обычаю дѣдовъ и отцовъ.

Вотъ вамъ и «Узбекъ славный въ лѣтописяхъ Востока ревностію къ вѣрѣ Магометовой», какъ выражается Карамзинъ (И. Г. Р. IV, 162). Этотъ же Узбекъ, какъ видимъ изъ Ибнъ-Батуты, покровительствуетъ Христіанамъ въ Кафѣ (Travels, p. 75), позволяетъ католическому монаху Іонѣ Валенсу обращать въ Христіанство Ясовъ и другіе народы по берегамъ Чернаго-Моря, въ чемъ Валенсъ и подвизается съ успѣхомъ (Raynaldi Annales ecclesiastici, ad ann. 1338, № 74 и 75; Штраля Beyträge zur Russischen Kirchengesichte. Halle. 1827. I, 158). И этотъ же Узбекъ выдаетъ за Георгія Даниловича московскаго сестру свою

---

[28] Правда, на монетахъ этихъ хановъ встрѣчаемъ символы магометанскіе, изъ которыхъ надлежало бы заключать, что если не по убѣжденію, такъ наружно исповѣдывали они Исламъ; но мы не можемъ сдѣлать такого заключенія въ настоящемъ случаѣ, предполагая, что монетчиками первыхъ хановъ были вѣроятно булгарскіе, харизмскіе или бухарскіе Мусульмане, которые могли sua sponte выбивать эти символы на монетахъ; ибо видимъ тѣже самые символы на монетахъ Чингиса, Мангу, Гулагу, Абаки, о которыхъ знаемъ навѣрное, что они не принимали Ислама, и видимъ христіанскій символъ: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа, Бога единосущнаго» на монетахъ того же Абаки, Аргуна, о которомъ не извѣстно чтобы онъ торжественно исповѣдывалъ религію Спасителя, и Ахмеда, о которомъ знаемъ что онъ являлся ревностнымъ магометаниномъ. См. Френа: Recensio numorum etc. p. 179, 193—204, 634—637; и его же: Монеты хановъ улуса Джучи. Стр. 60.

Кончаку и позволяеть ей креститься. «Дѣло не весьма согласно съ ревностію сего хана къ вѣрѣ Магометовой!» восклицаетъ Карамзинъ (И. Г. Р. IV, 167). Точно, несогласно съ ревностію къ вѣрѣ Магометовой, — да мы не видимъ этой ревности ни въ Узбекѣ, и ни въ комъ изъ его предшественниковъ и преемниковъ.

Теперь, если до Узбека ханы Золотой-Орды не исповѣдывали Ислама, или исповѣдывали только на словахъ, а не на дѣлѣ, такъ по крайней мѣрѣ можно ожидать, что послѣ него они были уже настоящими Мусульманами; но что́ же дѣлаетъ преемникъ его Джанибекъ, когда жена его Тайдула впадаетъ въ тяжкую болѣзнь? — Ждетъ исцѣленія ея отъ христіанина, шлетъ къ В. К. Іоанну Іоанновичу по митрополита Алексѣя, и пишетъ ему: «Слышали мы, что есть у васъ попъ, которому Богъ даетъ все по молитвѣ его. Пустите къ намъ сего служителя Божія, да испроситъ онъ здравіе моей супругѣ» (Степенная Книга. I, 455). И Алексѣй отправляется въ Орду, кропитъ ханшу святою водою, и мольбами угодника Божія ханша выздоравливаетъ. Если бы ханы Золотой-Орды и не соблюдали вѣротерпимости и уваженія къ духовенству всѣхъ вѣроисповѣданій, предписанныхъ Чинкгисомъ, такъ они могли и должны были жаловать наше духовенство за однѣ этакія услуги и чудеса; и нѣтъ сомнѣнія, что такія чудеса не мало содѣйствовали поселенію въ нихъ уваженія къ христіанской религіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшенію его къ мусульманской; ибо, какъ въ настоящемъ случаѣ, они видѣли, что Небо явно благосклоннѣе къ молитвамъ духовныхъ русскихъ, чѣмъ ихъ мусульманскихъ. Наконецъ, лѣтописи наши разсказываютъ, что у Бирдибека были сыновья Михаилъ и Иванъ, стало быть Христіане (Ник. Лѣт. III, 312; Троицкая, въ Ист. Гос. Рос. IV, прим. 391).

Спрашиваю: гдѣ-же во всѣхъ исчисленныхъ фактахъ видѣнъ изступленный фанатизмъ магометанскій? Вездѣ, напротивъ, находимъ уваженіе къ вѣрѣ христіанской, или,

по крайней мѣрѣ, терпимость религіозную [29]. Теперь, надѣемся, понятно почему ханы давали нашему духовенству тѣ права, льготы и преимущества, которыя видимъ мы данными ему въ ярлыкахъ: милости эти не были ни чѣмъ особеннымъ, необыкновеннымъ, исключительнымъ, а проявленіемъ общаго закона вѣротерпимости, слѣдствіемъ покровительства духовнымъ всѣхъ вѣроисповѣданій, которое предписано было Чинкгисомъ, и соблюдалось потомками его вездѣ, гдѣ они властвовали, въ Китаѣ какъ въ Персіи одинаково. Понятно почему ханы оказывали такое уваженіе къ нашей религіи, что за хулу на нее грозили смертною казнію: уваженіе это завѣщано было имъ законодателемъ ихъ великимъ Чинкгисомъ, память котораго и уставы были для нихъ священны. Такое же уваженіе питали они и ко всѣмъ другимъ религіямъ въ мірѣ, такой же смертной казни подвергался всякой, кто бы вздумалъ хулить ихъ. Понятно почему они просили молитвъ за себя и родъ свой: это было слѣдствіемъ вѣрованія ихъ, что всѣ религіи одинаково хороши, одинаково ведутъ въ одной цѣли — отвратить зло которымъ грозятъ небеса, или низвести его милости, и что сдѣлать то и другое зависитъ отъ воли духовныхъ какъ посредниковъ между людьми и небомъ — вѣрованія, оставленнаго имъ въ наслѣдіе также Чинкгисомъ. И вслѣдствіе этого вѣрованія молитвы христіанскаго священника казались для суевѣрія ихъ одинаково дѣйствительными, одинаково достигающими цѣли, какъ и молитвы имама и ламы, или заклинанія шамана.

Страннымъ можетъ показаться, какъ могла держаться

---

[29] По этому Штраль очень ошибается говоря, что со временъ Берге Татаре сдѣлались пламенными приверженцами Корана; что wilder Fanatismus und Intoleranz bezeichneten nun alle ihre Handlungen, und Grausamkeiten geübt an Christen schienen ihnen Werke der Tugend (Geschichte der Russischen Kirche. Halle. 1830. s. 258). Столько же несправедливъ онъ, когда по случаю освобожденія духовенства отъ податей, замѣчаетъ: So geschah es doch keineswegs aus Grossmuth oder Achtung vor fremder Religion, sondern aus blosse Schlauheit und List (ibid. s. 248).

такая система абсолютнаго безвѣрія или совершеннаго суевѣрія; но вглядитесь въ нее ближе, и увидите что она заключала въ себѣ много элементовъ жизненности, ибо уживалась удивительно и съ умами тѣсными, и съ умами обширными. Въ умахъ тѣсныхъ она давала огромную пищу суевѣрію, свойственному невѣжеству и недальновидности, а умы обширные, но непросвѣщенные свѣтомъ ученія Спасителева, могли смотрѣть на нее съ той точки зрѣнія, что всѣ религіи суть не иное что, какъ видоизмѣненія поклоненія одному и тому же Высочайшему Существу; что каждая имѣетъ свою хорошую сторону, но ни одна не соединяетъ всѣхъ, и потому умный человѣкъ можетъ въ одно и тоже время исповѣдывать всѣ и не держаться ни одной, если это ему полезно, или оказывать преимущественное покровительство той или другой, смотря по обстоятельствамъ. На обряды разныхъ вѣръ можно было смотрѣть съ этой точки зрѣнія не болѣе какъ на обряды и не придавать имъ особенной важности. Система эта была, слѣдственно могла и должна была быть. Она родилась и поддерживалась вслѣдствіе обстоятельствъ. Столкновеніе стольких вѣрованій въ одну точку, соединеніе стольких разновѣрныхъ народовъ подъ одинъ скипетръ, не могло и произвести въ необразованныхъ властителяхъ такихъ массъ ничего кромѣ суевѣрія, или религіознаго равнодушія. Но по мѣрѣ того, какъ условія, подъ которыми образовалась эта система, уничтожались, уничтожалось и владычество ея надъ умами. Мѣстныя религіи пріобрѣтали постепенно болѣе и болѣе силъ, и толерантизмъ Монголовъ потонулъ наконецъ совершенно въ Исламизмѣ и Буддизмѣ. Впрочемъ, той же самой системы держатся доселѣ манджуйскіе властители Китая. Въ одно и тоже время, какъ патріархи класса ученыхъ, они совершаютъ поклоненіе Небу, Землѣ и Конфуцію, молятся духамъ которыхъ чтутъ Даосы, и обожаютъ Шакьямуни-будду, воплощеннаго въ лицѣ хутухтъ, не находя никакого противорѣчія во всѣхъ трехъ столь противуположныхъ религіяхъ.

Остается разрѣшить еще одно недоумѣніе. Если золото-ордынскіе ханы оказывали терпимость и уваженіе ко всѣмъ религіямъ, слѣдовательно и къ христіанской, то какимъ же образомъ многіе изъ нашихъ князей погибли въ Ордѣ мученическою смертію за твердость свою въ сей-послѣдней, какъ разсказываютъ наши лѣтописи, а за ними повторяютъ тоже и наши историки? Тутъ было недоразумѣніе и со стороны князей, и со стороны лѣтописцевъ и исторіографовъ. Что князья наши погибали въ Ордѣ, и что причиною тому была отчасти и ихъ христіанская ревность — это фактъ неоспоримый, но который не только не служитъ опроверженіемъ существованію въ Ордѣ системы покровительства и уваженія ко всѣмъ религіямъ, но служитъ новымъ оному доказательствомъ. Припомнимъ, что смертная казнь назначалась тамъ наказаніемъ за хулу всякой религіи, а не одной христіанской, слѣдственно и за хулу магометанской. За чтò напримѣръ замученъ былъ въ Ордѣ Романъ Ольговичь рязанскій? За то, что «хулилъ законъ Магометовъ», говорятъ лѣтописи; по понятіямъ-же Монголовъ, наказывать за хулу одной вѣрѣ было совсѣмъ не то, что за приверженность къ другой. Тутъ есть большая разница. Припомнимъ также, какъ доказано выше, что есть довольно-основательный поводъ думать, что Менгу-Темиръ, при которомъ произошла мученическая смерть Романа, не былъ даже мусульманиномъ, слѣдовательно никакъ не могъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ по внушенію мусульманскаго фанатизма, а исполнялъ только со строгостію законы Чингиса. Но по понятіямъ самаго Романа, по понятіямъ его соотечественниковъ и единовѣрцевъ, умереть ругая мусульманскую вѣру значило умереть за твердость въ христіанской. И князь былъ правъ, и лѣтописцы правы. Доказательствомъ, что не за приверженность къ Христіанству, не изъ мусульманскаго фанатизма, убивали князей нашихъ въ Ордѣ, можетъ служить и умерщвленіе Михаила Ярославича тверскаго. Во все время пребыванія въ Ордѣ,

и даже по произнесеніи ему смертнаго приговора, Татаре, замѣчаютъ лѣтописи, не мѣшали ему «творити ничтоже, еже по Закону Христіанскому творима суть» (Ник. Лѣт. III, 119). Справедливо или нѣтъ, но ханы казнили князей за преступленія политическія, какъ ослушниковъ своей воли, какъ измѣнниковъ, бунтовщиковъ. Многіе князья погибли безвинно, жертвою клеветы, шли въ Орду на вѣрную гибель, единственно для спасенія народа своего отъ бѣдствій, и цѣною собственной жизни покупали спокойствіе подданныхъ. Эти жертвы благородной любви къ отечеству, эти мученики, полагавшіе животъ за братій, будутъ вѣчно поминаемы съ благодарностію въ Землѣ Русской, будутъ всегда служитъ украшеніемъ бытописаніямъ нашего отечества, но — Татаре мучили ихъ не изъ фанатическаго пристрастія къ ученію Корана!

Грабежи церквей и монастырей нашихъ войсками хановъ также не доказываютъ противъ уваженія ихъ къ нашей религіи. Это имѣло мѣсто въ военное время, во владѣніяхъ ослушныхъ князей, а когда надлежало наказывать ослушниковъ, то, по Чингисовымъ же законамъ, Монголы ничего не должны были щадить.

Полагаемъ, что мы удалили всѣ поводы сомнѣваться въ истинности ярлыковъ, и предполагать подлогъ, какіе могли возникнуть изъ ихъ содержанія. Оно ни въ чемъ не противорѣчитъ открывающемуся изъ соображенія другихъ историческихъ источниковъ. Формы, въ которыхъ изложено это содержаніе, также не подаютъ ни малѣйшаго повода къ сомнѣнію, будучи совершенно сходны съ таковыми же другихъ однородныхъ произведеній монгольскихъ канцелярій, какъ докажетъ это ихъ сравненіе.

III.

Форма ярлыковъ.

Старѣйшій изъ ярлыковъ, Менгу-Темировъ, начинается такъ: «Безсмертнаго Бога силою»; Бирдибековъ и Атюля-

ковъ: «Безсмертнаго Бога силою и величествомъ»; Узбековъ: «Вышняго и безсмертнаго Бога силою и величествомъ и милостію его многою». Всѣ эти варіаціи простаго начала Менгу-Темирова ярлыка суть переводъ монгольской фразы: *Мөнкэ Тәгрійин кючундур* «Вѣчнаго Бога (или Неба) силою», которая относится къ слѣдующему за нею имени хана, и означаетъ, что властію своею считаетъ онъ себя обязаннымъ одному Богу или Небу. Фразою этою начинаются всѣ древнѣйшіе извѣстные памятники монгольской письменности. Въ письмѣ хана Аргуна къ королю французскому Филиппу Прекрасному, писанномъ въ 1289 году, она находится въ томъ самомъ видѣ, какъ привели мы ее по-монгольски (Mémoires sur les relations etc. par Abel-Rémusat. p. 170; Zugabe zu den zwei mongolischen original-Briefen der Könige von Persien Argun und Oldshaitu. Von I. J. Schmidt. St. Petersburg, 1842. s. 7). Въ указѣ Чингиса Байджу-Нояну, сохраненномъ для насъ Асцелиномъ въ латинскомъ переводѣ, она переведена такъ: «Per praeceptum Dei vivi» (Собр. путеш. къ Татарамъ. Стр. 206). Въ томъ же видѣ, какъ въ письмѣ Аргуна, находимъ ее и въ письмѣ Ахмеда къ египетскому султану Келауну, писанномъ въ 1282 году [30], и на монетахъ хана Газана [31]. Въ-послѣдствіи, при болѣе преданныхъ Исламизму ханахъ чингисидскихъ фраза эта замѣнилась изрѣченіями Корана, какъ видно это изъ ярлыка Тохтамышева Беку Хаджи, въ которомъ мѣсто ея занимаетъ слѣдующая: «Надежда моя на Бога и упованіе на благость и милость его» (Журн. Мин. Нар. Просв. годъ 1840, книжка осьмая).

[30] Въ французскомъ переводѣ д' Охсона: Par la puissance de Dieu (Hist. des Mongols. III, 563). Въ переводѣ Ремюза: Par la puissance du Dieu très-haut (Mémoires etc. p. 96).

[31] Френа De Ilchanorum numis. Petropoli. 1834. p. 30. См. также Nachtrag къ цитированной выше книжкѣ академика Шмидта: Philologisch-kritische Zugabe u s. w. Шмидтъ первый прочелъ на гулагидскихъ монетахъ эту и другія монгольскія надписи, которыя не могли объяснить Тиксенъ, Адлеръ и Марсденъ, описывавшіе монеты, на которыхъ онѣ находятся.

Въ вышеупомянутомъ письмѣ Ахмеда находимъ какъ древнюю языческую, такъ вмѣстѣ съ нею и мусульманскую: «Во имя Аллаха всемилостиваго, всемилосердаго».

Далѣе въ помянутыхъ четырехъ ярлыкахъ слѣдуетъ обращеніе съ *словомъ*: «Менгу-Темирово слово»; «Азбяково слово»; «Бердебеково слово»; «Атюлякъ Царь слово рекъ». Такъ и во всѣхъ ярлыкахъ, которые имѣемъ мы на татарскомъ и другихъ языкахъ, за изрѣченіемъ «силою Бога» слѣдуетъ имя хана, такой-то, «слово мое», *укге мину* по-монгольски, *сöзюмъ* по-татарски.

Ярлыкъ отъ ханши Тайдулы митрополиту Іонѣ или Ивану начинается прямо: «Тайдулино слово», безъ предшествующаго въ другихъ «Силою Божіею». Такъ и быть должно: если Тайдула и имѣла власть дѣлать и приказывать то или другое, такъ власть эту имѣла она въ качествѣ жены ханской, имѣла ее не отъ Бога, а отъ мужа.

Тайдулины ярлыки митрополитамъ Ѳеогносту и Алексѣю начинаются такъ: «По Зенебекову ярлыку Тайдулино слово». «По Зенебекову ярлыку» можетъ значитъ либо то, что свой ярлыкъ она давала въ дополненіе къ мужнину, какъ знакъ своей благосклонности, какъ приказъ своимъ собственнымъ чиновникамъ въ подтвержденіе мужнина ярлыка: это можно заключать изъ ярлыка Ѳеогносту, въ которомъ упоминается, что Ѳеогностъ пожалованъ уже былъ ханскимъ ярлыкомъ за алою тамгою; либо слово ярлыкъ должно принимать здѣсь не въ смыслѣ «письменнаго указа», а просто «повелѣнія словеснаго», то-есть, словами этими Тайдула означаетъ, что ярлыкъ свой даетъ она по приказанію или съ позволенія мужа. Въ этомъ значеніи, то-есть «приказанія» находимъ мы слово ярлыкъ и на монетахъ Узбека, битыхъ въ Сараѣ, въ 726 году гиджры (1325-6 по Р. X), на которыхъ написано: يرليغ همايون «бита по Высочайшему повелѣнію» [32]. Такъ же начинается и письмо Байджу-

[32] На другихъ, вмѣсто يرليغ همايون видимъ حكم همايون, какъ на сарай-

Нояна къ папѣ, сохраненное Асцелиномъ: Dispositione Divina ipsius Chaan transmissum, Baiothnoy verbum. «Силою Божіею, по приказанію (или вслѣдствіе ярлыка) самаго хагана, Баіотной слово мое». Тоже находимъ и въ письмахъ персидскихъ хановъ Ахмеда и Аргуна, признававшихъ надъ собою верховную власть хагановъ Великой-Орды. Они писали: «Силою Божіею, по милости (или изволеніемъ) хагана, слово (или повелѣніе, ярлыкъ) такого-то».

Вслѣдъ за «словомъ» идетъ во всѣхъ ярлыкахъ (кромѣ даннаго Тайдулою Іонѣ или Ивану) исчисленіе разныхъ военныхъ, гражданскихъ, финансовыхъ, полицейскихъ и придворныхъ чиновниковъ, къ которымъ обращается это слово. Не во всѣхъ ярлыкахъ порядокъ перечисленія одинаковъ, но почти во всѣхъ перечисляются одни и тѣже чиновники. Тоже самое расположеніе, перечисленіе тѣхъ же самыхъ чиновниковъ и почти въ такомъ же порядкѣ, только съ исключеніемъ нѣкоторыхъ или прибавкою другихъ, находимъ въ помянутыхъ выше ярлыкахъ Тохтамыша, Кутлукъ-Тимура и Сахибъ-Гирея, равно какъ и въ договорахъ Джанибека и Бирдибека съ Венеціанами.

По перечисленіи чиновниковъ начинается въ нашихъ ярлыкахъ самое дѣло, изложеніе даруемыхъ правъ, льготъ и преимуществъ. Такъ и въ другихъ, о которыхъ сейчасъ упомянуто: за переборомъ чиновъ, къ которымъ ханы обра-

скихъ 1336-7 года, или از حکم همایون, что означаетъ тоже самое. См. Recensio numorum Muhammedanorum Acad. imp. scient. Petropolitanae. Auct. C. M. Fraehn. Petropoli. 1826. p. 211, 218, 219; и его же: Монеты хановъ улуса Джучіева. Спб. 1832. стр. 7 и 9. Знаемъ еще монету Чинкгиса съ такою же надписью: قاان العادل جنکیز خانینك یرلیغی «Велѣніемъ правосуднаго каана Чинкгиса», и нѣсколько съ таковыми же, битыхъ джагатайскими владѣтелями Сююргатмишемъ и Махмудомъ. На первыхъ читаемъ: سیورغتمش یرلغی امیر تیمور کورکان «По повелѣнію Сююргатмиша, эмиръ Тимуръ Курканъ»; на вторыхъ: سلطان محمود یرلغی امیر تیمور کورکان «По повелѣнію султана Махмуда, эмиръ Тимуръ Курканъ». См. Recensio. p. 224-6; Монеты улуса Джучи, стр. 60.

щаютъ слово, излагается кому, почему, и на какой конецъ дается ярлыкъ.

Все заключается показаніемъ: 1) года, мѣсяца и дня, когда писанъ ярлыкъ по монгольскому лѣтосчисленію, а иногда и съ прибавленіемъ мусульманскаго; 2) мѣста, гдѣ находилась орда, когда писанъ ярлыкъ; 3) лицъ, докладывавшихъ и писавшихъ ярлыкъ. Тѣмъ же самымъ и въ такомъ же порядкѣ оканчиваются и многоупомянутые ярлыки Тохтамыша, Кутлукъ-Тимура, Сахибъ-Гирея, договоры Джанибека и Бирдибека съ Венеціанами.

Образъ и порядокъ изложенія, пріемы и формы изслѣдуемыхъ нами ярлыковъ совершенно одинаковы съ таковыми же татарскихъ, подлинники которыхъ существуютъ и достовѣрность которыхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Стало-быть и съ этой стороны ярлыки наши выходятъ изъ боя съ побѣдой.

IV.

Лица давшія и получившія ярлыки

Изъ имѣющихся семи ярлыковъ четыре даны ханами, три ханшею. Что ханы имѣли право и могли давать льготныя и жалованныя грамоты своимъ подданнымъ, какими въ отношеніи къ нимъ были Русскіе, этого никто не станетъ оспаривать. Кромѣ того въ вышеприведенныхъ мѣстахъ нашихъ грамотъ и лѣтописей мы имѣемъ положительныя свидѣтельства, что ханы давали ихъ. Трое изъ этихъ хановъ: Менгу-Темиръ, Узбекъ и Бирдибекъ — лица извѣстныя въ исторіи, и намъ не нужно объяснять, когда они царствовали. По крайней мѣрѣ наши и мусульманскіе лѣтописцы говорятъ объ нихъ довольно, для того чтобы мы не сомнѣвались въ ихъ существованіи; но не таковъ четвертый изъ этихъ хановъ, тотъ который далъ ярлыкъ митрополиту Михаилу — ханъ Атюлякъ, по Новиковскому изданію ярлыковъ, или Тютякъ, какъ въ Суздальской Лѣтописи.

Хана, который бы носилъ то или другое изъ этихъ именъ, мы не находимъ ни въ спискахъ хановъ Золотой Орды, оставленныхъ намъ мусульманскими писателями, ни въ лѣтописяхъ отечественныхъ. Стало-быть этого хана не существовало, стало-быть это ханъ выдуманный и ярлыкъ его подложенъ? Нѣтъ, ни то, ни другое. Были въ Ордѣ такіе ханы, о которыхъ не упоминаютъ ни наши лѣтописи, ни магометанскіе историки, но въ существованіи которыхъ мы нимало не сомнѣваемся, потому что до насъ дошли другія неопровержимыя свидѣтельства онаго — монеты сихъ хановъ. Таковъ, на примѣръ, Орду-Меликъ ханъ, котораго знаемъ только по монетамъ его, битымъ въ Азовѣ и Новомъ-Сараѣ въ 762 г. гиджры (1362-1 по Р. Х. См. Recensio etc. p. 272; Монеты хановъ улуса Джучи, стр. 17). Можетъ статься, что были и такіе ханы, отъ которыхъ даже и монетъ не осталось, какъ не осталось ихъ, или по крайней мѣрѣ не извѣстно доселѣ, отъ хановъ, которыхъ знаемъ по другимъ историческимъ источникамъ, на-примѣръ отъ Тула-Буги, Тинибека, Токтакія, Барака и другихъ. Слѣдовательно если бы мы и не нашли имени Атюляка или Тютяка ни на монетахъ, ни въ лѣтописяхъ нашихъ и мусульманскихъ, все бы мы не имѣли права отвергать существованіе такого хана; но мы отыщемъ его, припомнивши, въ какомъ исковерканномъ видѣ встрѣчаемъ иногда въ нашихъ лѣтописяхъ имена хановъ. Абдъ-ул-Лаха называютъ онѣ Овдуломъ; Джелаль-эд-Дина — Зелени или Зелетъ-Салтаномъ; Мохаммедъ-Булака — Мамантъ или Маматъ-Салтаномъ. Такъ и въ Атюляка или Тютяка могли перекрестить переводчики или переписчики ярлыковъ какого нибудь хана сходнозвучнаго имени татарскаго, подъ которымъ мы давно уже его знаемъ. Принимая это въ соображеніе, равно какъ имя Мамая, который въ ярлыкѣ называется дядею Атюляка, и 1379 годъ, когда данъ и писанъ ярлыкъ, мы признаемъ въ Атюлякѣ или Тютякѣ — Тулунъ-бекъ-хана, отъ котораго дошли до насъ монеты,

битыя въ Новомъ-Сараѣ въ 773 году гиджры (1371-2 по Р. Х. См. Френа Recensio etc. p. 294; и его же Монеты улуса Джучи, стр. 22).

Три ярлыка: митрополитамъ Ѳеогносту, Алексѣю и Іонѣ или Ивану, дала ханша Тайдула, жена Джанибекова. Объ ней молчатъ Восточныя лѣтописи, за то цѣлую повѣсть разсказываютъ наши. За исключеніемъ этой повѣсти объ исцѣленіи ея митрополитомъ Алексѣемъ, мы узнаёмъ еще изъ лѣтописей, что въ 1359 году она лишена была жизни во время смятеній въ Ордѣ, при низверженіи съ престола Неврузъ-хана (Ник. Лѣт. III, 216). Вопросъ: правдоподобно ли, чтобы ханши могли давать ярлыки вообще, и такого содержанія какъ Тайдулины тѣмъ болѣе, то-есть, чтобы онѣ могли вмѣшиваться въ дѣла государственнаго управленія въ такой степени, въ какой видимъ мы вмѣшательство со стороны Тайдулы? Можемъ ли мы вѣрить этому, тогда какъ въ Европѣ привыкли думать, что женщины у всѣхъ азіатскихъ народовъ не только не принимаютъ ни какого участія въ правленіи, но едва ли имѣютъ какія-либо права гражданскія? Да, мнѣніе это существуетъ и отъ частаго повторенія пріобрѣло силу аксіомы, но оно неосновательно. Всегда и у всѣхъ азіатскихъ народовъ женщины имѣли часто огромное вліяніе на дѣла, были виновницами многихъ важныхъ событій. Гаремныя интриги не разъ свергали и возводили на престолъ государей, и есть много примѣровъ, что самый престолъ этотъ занимали женщины, даже въ государствахъ мусульманскихъ, гдѣ менѣе чѣмъ-либо на Востокѣ уважалось и уважается достоинство женщины. Исчисленіе подобныхъ случаевъ въ разныя времена и у разныхъ народовъ Азіи удалило бы насъ слишкомъ отъ предмета нашихъ изслѣдованій, потому мы ограничимся здѣсь бѣглымъ взглядомъ на значеніе и права женскаго пола только въ государствахъ монгольскихъ.

Одна кочевая жизнь сама по себѣ дѣлаетъ уже женщину болѣе дѣятельнымъ членомъ общества, чѣмъ какимъ является

она у народовъ осѣдлыхъ. Въ трудахъ и опасностяхъ ея женщины принимаютъ большое участіе, оттого пользуются и бо̀льшими правами и бо̀льшимъ уваженіемъ. Если вѣрить словамъ Волынскаго Лѣтописца, а мы не видимъ почему бы имъ не вѣрить, то Монголы поклонялись тѣнямъ не только отцовъ своихъ и предковъ мужескаго пола, но и тѣнямъ матерей (Ист. Гос. Росс. Т. IV, пр. 45); значитъ женщина высоко стояла во мнѣніи монгола, была совершенно равною мужчинѣ. Изъ преданій, сохраненныхъ китайскими, персидскими и монгольскими историками, видимъ, что женщина по имени Алунгъ-Гоа, или Аланкова, была долгое время правительницею разныхъ монгольскихъ поколѣній по смерти мужа своего. Тоже самое и въ тѣхъ же источникахъ читаемъ о Менулуни (Geschichte der Ost-Mongolen. s. 61; Historia Mongol. et Tatar. p. 37; Исторія перв. чет. хановъ. Стр. 2 и 37; Исторія Монголовъ. Спб. 1831. Стр. 8-9). Когда, по смерти Исукая, отца Чингисова, повиновавшіяся ему поколѣнія отложились отъ сего послѣдняго и откочевали, вдова Исукая погналась за ними лично предводительствуя войскомъ, и бо̀льшую часть успѣла вернуть (Ист. перв. чет. хановъ, стр. 9 и 38). Чингисъ оказывалъ большое уваженіе къ своимъ женамъ, и въ Яса повелѣлъ щадить женщинъ и не причинять имъ зла даже во время смятеній и войны, когда противъ непокорныхъ надлежало употреблять неумолимую жестокость, когда забывались даже правила вѣротерпимости и уваженія къ предметамъ религіознаго обожанія и лицамъ духовнымъ (д'Охсона Hist. des Mongols. III, 605). Жены монгольскихъ императоровъ и хановъ имѣли каждая свою орду, то есть дворъ, своихъ конюшихъ, букауловъ и другихъ чиновниковъ (ibid. II, 4), имѣли каждая свой юртъ, т. е. удѣлъ, состоящій изъ одного или нѣсколькихъ городовъ, или цѣлой области, доходы съ которыхъ поступали въ ихъ собственную казну и собираемы были ихъ собственными чиновниками (Hist. des Mongols д'Охсона, vol. III, 420, IV, 90 и въ другихъ мѣстахъ). По край-

ней мѣрѣ такъ было въ Великой-Ордѣ и Персіи, а потому по аналогіи можно предполагать существованіе того же и въ другихъ ордахъ. Думаемъ, что ханши могли имѣть иногда даже свои войскà, какъ имѣли ихъ принцы крови, и мнѣніе это основываемъ на томъ, что Чингисъ оставилъ въ наслѣдство матери своей Улунъ три тысячи воиновъ (ibid. II, 5). Жены и матери властвующихъ хановъ играли всегда значительную роль въ правленіи, имѣли огромное вліяніе на всѣ дѣла государственныя, на всѣ милости, исходившія отъ трона, наконецъ на самое избраніе государей; ибо видимъ что въ Великой-Ордѣ и Персіи онѣ участвовали, и по законамъ Яса (Ibn-Batuta Travels. p. 92) должны были участвовать, во всѣхъ куриятахъ или государственныхъ сеймахъ, собиравшихся какъ для избранія новаго императора или хана, такъ и въ случаѣ другихъ какихъ-либо важныхъ событій. По кончинѣ-же императоровъ или хановъ, участіе ихъ вдовъ въ правленіи увеличивалось еще болѣе. До собранія сейма и избранія новаго государя, правительницею государства оставалась всегда одна изъ женъ покойнаго. Такъ по смерти Угедэя правительницею избрана жена его Туракина-хатунъ; на избирательномъ сеймѣ она успѣла соединить голоса въ пользу сына своего Куюка, который и провозглашенъ былъ императоромъ; но и по вступленіи Куюка на престолъ правленіе все еще нѣсколько времени оставалось въ рукахъ его матери (Ист. дома Юань и Гань-му, въ Исторіи перв. чет. хановъ. Стр. 299 и 300). По смерти Куюка правительницею избрана была жена его Огулъ-Гаймишь, а на избирательномъ сеймѣ, стараніями Сююркуктени-хатунъ, жены сына Чингисова Тулуя, престолъ достался сыну ея Мангу. По смерти мужа и во время малолѣтства Мангу и другихъ сыновей своихъ, эта Сююркуктени управляла многочисленными поколѣніями, доставшимися имъ въ удѣлъ, съ рѣдкимъ благоразуміемъ и пріобрѣла большое уваженіе Батыя у другихъ князей крови (Hist. des Mongols д'Охсона. II,

248 — 249). Когда Кара-Гулагу, долженствовавшій наслѣдовать удѣлъ дѣда своего Джагатая, умеръ, владѣніе имъ перешло къ женѣ его Органѣ, которая и управляла цѣлые десять лѣтъ (ibid. II, 271). По кончинѣ Хубилая регентшею оставалась жена его Гокчинъ, хитростями своими достигшая того, что наслѣдникомъ Хубилая провозглашенъ былъ сынъ ея Тимуръ (ibid. p. 506), послѣ котораго регентшею, до избранія ему преемника, была жена же его Булуганъ (ibid. p. 506). Такъ въ Китаѣ, подъ управленіемъ династіи Юань, было постояннымъ правиломъ, что по кончинѣ императора, во время междуцарствія, власть переходила къ женѣ усопшаго. Въ Персіи также видимъ, что ханши участвуютъ во всѣхъ курилтаяхъ (ibid. III, 414, 551; IV, 7, 83, 480, 603, 720), мѣшаются во всѣ интриги. Жена Абу-Саида, Багдадъ-хатунъ, и дочь Олджайту, Сати-бикъ, были новыми Еленами послѣднихъ смутныхъ временъ владычества монгольскаго въ Персіи. Сатибикъ царствовала даже нѣсколько времени отъ своего имени [23] (ibid. IV, 729; Исторія Монголовъ Хондемира, стр. 95).

Видя роль, какую играли въ правленіи жены императоровъ и хановъ въ Великой-Ордѣ, въ Китаѣ, въ Персіи, можно ожидать, что и въ Золотой-Ордѣ онѣ пользовались хотя частію тѣхъ правъ и того вліянія, которыя имѣли въ родственныхъ ордахъ; и дѣйствительно исторія свидѣтельствуетъ, что золото-ордынскія ханши принимали значительное участіе въ государственныхъ дѣлахъ, пользовались вліяніемъ, уваженіемъ и правами такими же какъ императрицы и ханши монгольскія въ Монголіи, Китаѣ, Джагатаѣ и Персіи. Изъ разсказа Плано Карпини о Батыѣ видно, что Батый очень уважалъ главную жену свою, ибо сажалъ ее вмѣстѣ съ собою на возвышеніи въ родѣ трона

[23] Въ мемуарѣ Френа: De Ilchanorum seu Chulagidarum numis, p. 60, описаны двѣ монеты Сати-бикъ, принадлежащія Имп. Академіи Наукъ, на которыхъ изображено: «Правосудная Султанша Сати-бикъ. Да продлитъ Аллахъ ея царствованіе».

въ то время какъ даже братья и сыновья его должны были сидѣть ниже (Собр. пут. къ Татарамъ, стр. 20). Волынская Лѣтопись повѣствуетъ, что Даніилъ Галицкій, прибывши въ Орду къ Батыю, являлся на поклонъ и къ «великой княгинѣ» его, Баракчинъ (Ист. Гос. Росс. Т. IV. пр. 302). Эта же Баракчинъ, жена Батыева, по словамъ Рашидъ-эд-Дина, поставлена была отъ императора Мангу правительницею Орды на время малолѣтства Улагчи, сына Сартакова, назначеннаго ему въ преемники (Гаммера Gesch. der Goldenen Horde. s. 143). Когда Михаилъ Ярославичь Тверской кончалъ мученически жизнь свою въ Ордѣ, онъ поручилъ сына своего Константина покровительству ханши Баялынь, и она защищала отъ гнѣва ханскаго, не только его, но и всѣхъ бояръ Михаиловыхъ, успѣвшихъ отдать себя въ ея покровительство (Ник. Лѣт. подъ 1319 годомъ). Ибнъ-Батута, посѣщавшій дворъ и странствовавшій во владѣніяхъ Узбека, разсказываетъ, что когда по пятницамъ ханъ этотъ держалъ торжественныя аудіенціи въ золотомъ шатрѣ, то самъ онъ и четыре главныя жены его сидѣли на тронѣ; передъ нимъ ниже сидѣли его дочери; сыновья же его, братья и ближайшіе родственники стояли. Когда которая изъ этихъ четырехъ женъ входила въ шатеръ, ханъ вставалъ, бралъ ее за руку и самъ сажалъ на тронъ. (Travels of Ibn-Batuta, translated by S. Lee. London. 1829. p. 77). Кому извѣстны восточные обычаи, тотъ изъ такого обращенія хана съ своими женами необходимо выведетъ заключеніе, что онѣ пользовались огромнымъ уваженіемъ: да и самъ Ибнъ-Батута замѣчаетъ, что «въ Кипчакѣ къ женщинамъ имѣютъ глубокое уваженіе, особенно къ женамъ хановъ и вельможъ» (Ibid. p. 76). Князья наши, митрополиты, бояре, пріѣзжая въ Орду, ходили на поклонъ съ дарами, не только къ самому хану и ханшѣ, но и къ князьямъ ордынскимъ и даже ихъ женамъ. Такъ Никоновская Лѣтопись (III, 116) разсказываетъ, что когда В. К. Михаилъ Ярославичь Тверской явился въ 1319 году въ Орду, то «по

обычаю дари всѣхъ князей и княгинь, послѣди самаго царя и царицу». Наконецъ и то, что знаемъ мы о заботахъ Джанибека для излеченія Тайдулы, по поводу которой вошли мы въ изложенныя подробности, показываетъ какъ почитали ханы своихъ женъ, какимъ заботливымъ вниманіемъ окружали ихъ. Итакъ нѣтъ сомнѣнія, что Тайдула могла дать, даже отъ своего имени, тѣ ярлыки, которые дошли до насъ; ибо мы видѣли, что золото-ордынскія ханши имѣли въ правленіи такое же участіе, и такое же вліяніе на дѣла какъ велико-ордынскія, китайскія и персидскія. Мѣра вмѣшательства въ дѣла государственнаго управленія и степень вліянія вообще, разумѣется, зависѣли много отъ личныхъ достоинствъ ханшъ, ихъ ума, красоты, оставляя въ сторонѣ права на это. Одна ханша могла дѣлать то, для чего у другой недостало бы характера, силы воли, хитрости. Такія исключенія не идутъ за правило; на нихъ мы и не основываемся, но не считаемъ лишнимъ, въ заключеніе сказаннаго о мѣстѣ какое занимали женщины въ монголо-татарскомъ обществѣ, привести одинъ примѣръ того вліянія, какое могла имѣть въ немъ необыкновенная женщина. Говоримъ о Турканъ-хатунъ, матери знаменитаго султана Мохаммеда хорезмъ-шаха, современника и противника Чингисова. Вотъ какъ обрисовываетъ ее д'Охсонъ на основаніи извѣстій, оставленныхъ достовѣрными писателями: «Одаренная сильнымъ характеромъ, она пользовалась въ государствѣ такою же властію, какъ и сынъ. Когда въ какое-либо мѣсто получались два различныя повелѣнія объ одномъ и томъ же предметѣ, одно отъ Мохаммеда, другое отъ Турканъ-хатунъ, то обращалось вниманіе только на число, отъ котораго писаны были бумаги, и исполненіе производилось по позднѣйшему. Мохаммедъ не пріобрѣталъ ни одной области безъ того чтобы какою-нибудь значительною ея частію не увеличить удѣла матери. У нея было семь секретарей, все людей съ большими достоинствами. Тугра ея, которую она собственноручно над-

писывала надо всѣми указами своими, состояла изъ словъ: «Покровительница міра и религіи, Турканъ, царица надо всѣми женщинами вселенной». Девизомъ ея было: «Одинъ Богъ мое прибѣжище». Она носила титулъ Худавенди - Джеганъ, «Властительницы Міра» (Hist. des Mongols. I, 198).

Обращаемся къ лицамъ получившимъ ярлыки. Трое изъ нихъ, митрополиты Петръ, Θеогностъ и Алексѣй — люди не только замѣчательные въ исторіи нашей іерархіи, но мужи, память которыхъ чтимъ какъ святыхъ. Михаилъ, названный митрополитомъ въ ярлыкѣ, данномъ ему отъ Атюляка, есть Михаилъ Митяй, Спасскій архимандритъ, который не дожилъ до полученія этого сана, но извѣстно что искалъ его. Пятое-же лицо, которое въ ярлыкѣ данномъ ему Тайдулою именуется митрополитомъ Іоною, какъ читаемъ въ Новиковскомъ изданіи, или митрополитомъ Иваномъ, какъ находимъ въ Суздальской Лѣтописи — вовсе намъ незнакомо.

Изъ митрополитовъ кіевскихъ и всея Руси не было ни одного именемъ Ивана. Іонъ знаемъ нѣсколько; но самый древній изъ нихъ, Іона святой, избранъ въ этотъ санъ не ранѣе 1437 года, а Тайдула лишилась жизни въ 1359, за 78 лѣтъ до его избранія, стало-быть уже никакъ не могла дать ему ярлыка. При жизни ея митрополитами кіевскими и всея Руси были только двое, Θеогностъ и Алексѣй. Въ Кіевѣ и Литвѣ были еще въ это время митрополиты Θеодоритъ и Романъ; митрополита-же Іоны не было въ ея время. Какъ объяснить это обстоятельство? Не знаемъ, и всѣ предположенія, которыя могли придумать въ объясненіе его, объявляемъ заранѣе неудовлетворительными для насъ самихъ. Ближе всего было бы предположить, что Іона, которому данъ ярлыкъ, есть Іона святой, но что Тайдула, давшая ему оный, не одно и тоже лицо съ Тайдулою, женою Джанибековой, а жена котораго-нибудь позднѣйшаго хана золото-ордынскаго, современнаго этому Іонѣ; только для поддержанія этого предположенія мы не имѣемъ ни-

какихъ доказательствъ. Гаммеръ принимаетъ, не знаемъ на какомъ основаніи, существованіе двухъ Тайдулъ; но его вторая Тайдула не объясняетъ нисколько настоящаго затрудненія, ибо жалуя ее въ жены Узбека, онъ заставляетъ ее жить ранѣе нашей, жены Джанибековой (Gesch. d. Gold. Horde. s. 312). — Видя, что Михаилъ Митяй, получившій ярлыкъ отъ Атюляка, названъ въ немъ митрополитомъ, тогда какъ не былъ еще посвященъ въ этотъ санъ, можно подумать, не произошло ли и въ настоящемъ случаѣ чего-либо подобнаго, не былъ ли и этотъ, титулуемый въ ярлыкѣ митрополитомъ, Іона или Иванъ, простымъ епископомъ который собирался попасть въ митрополиты и, подобно Митяю, выхлопоталъ ярлыкъ заблаговременно. Молчаніе лѣтописей объ этомъ объяснить не трудно: онѣ умалчиваютъ слишкомъ обо многомъ. Наконецъ, можно предполагать, что всей запутанности вопроса виною ошибка писцовъ ордынскихъ, или переводчиковъ и переписчиковъ русскихъ, которые простаго епископа назвали митрополитомъ; и это предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что ярлыки получали не одни митрополиты, но и епископы, какъ видно, на-примѣръ, изъ словъ Никоновской Лѣтописи подъ 1313 годомъ: «ярлыки имаху коиждо на свое имя, и князи, и епископы» (III, 108). И въ той же лѣтописи, подъ 1329 годомъ, именно говорится, что «пожалова царь Азбякъ сарайскаго владыку, даде ему вся по прошенію его, и никто же его ни чѣмъ да не обидитъ» (III, 154), т. е. далъ ему ярлыкъ, который не дошелъ до насъ, какъ и тьма другихъ. Описку въ словѣ «митрополитъ» можно подозрѣвать тѣмъ основательнѣе, что есть два различныя чтенія самаго имени того лица, которому данъ ярлыкъ. Какой-же епископъ былъ этотъ Іона или Иванъ? Изъ современныхъ Тайдулѣ епископовъ разныхъ епархій не знаемъ ни одного по имени Іона. Іоанновъ было трое: Іоаннъ, епископъ ростовскій, переяславскій и ярославскій, хиротонисанный въ 1346 и скончавшійся въ 1355 году; Іоаннъ, который около 1352 года былъ,

можетъ быть, епископомъ суздальскимъ, что̀ навѣрное не извѣстно; и Іоаннъ, епископъ сарайскій, поставленный въ 1355 году митрополитомъ Алексѣемъ (Исторія Россійской іерархіи, соч. Іеромонаха Амвросія. Москва. 1807. Ч. I, ст. 117 и 176; Ник. Лѣт. III, 206). Которому-нибудь изъ нихъ и данъ, можетъ быть, затрудняющій насъ ярлыкъ.

Замѣчательно, что историки наши, упоминающіе хотя мелькомъ о прочихъ ярлыкахъ, не сказали ни слова объ этомъ; не напечатанъ онъ, какъ шесть другихъ, и въ «Собраніи Государственныхъ Грамотъ».

V.

Мѣсто, время и обстоятельства, въ которыхъ даны ярлыки.

Видя, что всѣ ярлыки совершенно сходны по содержанію, что во всѣхъ митрополитамъ, духовенству и церковному причту даются однѣ и тѣже права, льготы и преимущества, мы невольно поражаемся мыслію: къ чему было столько разъ повторять одно и тоже; не довольно развѣ было дать одинъ такой ярлыкъ, чтобы потомъ не имѣть уже надобности давать подобные, чтобы права, льготы и преимущества, пожалованныя въ немъ однажды, оставались неприкосновенными навсегда? Не довольно: кромѣ законовъ Яса, основныхъ, конституціонныхъ, долженствовавшихъ пребывать ненарушимыми для потомковъ Чингиса, всякій новый ханъ могъ отмѣнить постановленія и распоряженія своего предшественника, отставить всѣхъ его чиновниковъ, отнять всѣ дарованныя имъ кому-либо льготы, права и имущества, и вслѣдствіе того отмѣнялъ ихъ или оставлялъ въ прежней силѣ, смотря по желанію. Въ послѣднемъ случаѣ, императоры и ханы, по восшествіи своемъ на престолъ, объявляли, какъ видимъ это въ Великой-Ордѣ и Персіи, что всѣ, или такіе-то и такіе-то ярлыки и постановленія своего предшественника они утверждаютъ и оставляютъ въ полной силѣ, либо давали эти яр-

лыки снова, либо скрѣпляли ихъ своею подписью. Тоже должно было быть и въ Золотой-Ордѣ; потому и вѣроятно, что каждый ханъ, по восшествіи на престолъ, давалъ духовенству нашему новый ярлыкъ. До насъ дошли таковые только отъ четырехъ: Менгу-Темира, Узбека, Бирдибека и Атюляка. Нѣтъ сомнѣнія, что были ярлыки и отъ другихъ хановъ, но потерялись. Это свидѣтельствуется словами самыхъ ярлыковъ, въ которыхъ говорится, что другіе ярлыки одинаковаго содержанія даны были прежде того предшествовавшими ханами. Такъ въ Менгу-Темировомъ читаемъ: «Чингій Царь потомъ кто ни будетъ *дали семя жалованныя грамоты* Русскимъ Митрополитамъ и церковнымъ людемъ тако молвячи, чтобъ есте и послѣдніе Цари по томужъ пути пожаловали поповъ и чернцовъ и всѣхъ богадѣльныхъ людей.... И какъ первые Цари ихъ пожаловали и мы, Богу моляся и *ихъ грамотъ не изыначивая*, по томужъ жалуемъ». Въ Узбековомъ: «Да вси покаряются и повинуются Митрополиту, вся его церковныя причты, по первымъ изначала закономъ ихъ и *по первымъ грамотамъ нашимъ*, *первыхъ Царей великихъ грамотамъ и дефтерямъ*». И далѣе: «И мы бо также управляемъ и жалуемъ, якоже и прежніе Цари *ярлыки имъ давали* и жаловали ихъ. А мы, потомужъ пути, *тѣмижъ ярлыки* жалуемъ ихъ». Еще далѣе: «И мы, Богу моляся, *по первыхъ же Царей грамотамъ*, грамоты имъ давали жалованныя, а не изыначиваемъ ни въ чемъ». Тоже самое, и въ тѣхъ же самыхъ словахъ, повторяется и въ другихъ ярлыкахъ. Въ Тайдулиномъ Ѳеогносту и Атюляковомъ Михаилу упоминается именно объ ярлыкахъ данныхъ нашему духовенству Джанибекомъ, Азизомъ и Бирдибекомъ. Изъ нихъ дошелъ до насъ одинъ послѣдній.

Что при вступленіи на престолъ каждаго новаго хана надлежало просить у него новаго ярлыка, новаго подтвержденія прежнимъ привилегіямъ духовенства, и что каждый ханъ давалъ, или по обычаю долженъ былъ давать таковой, видно также изъ разныхъ мѣстъ нашихъ лѣтописей, въ

которыхъ, при сказаніи о вступленіи на престолъ хановъ, повѣствуется вмѣстѣ съ тѣмъ о хожденіи къ нимъ въ Орду митрополитовъ за причетъ церковный и для полученія ярлыковъ. Такъ въ 1313 году умеръ Тохтогу-ханъ, вступилъ на престолъ Узбекъ, и вотъ въ томъ же году митрополитъ Петръ отправляется въ Орду «того ради понеже тогда въ Ордѣ Тахтя Царь умре, а новый Царь Азбякъ сѣлъ на царствѣ и вся обновишася: и вси прихожаху въ Орду того ради понеже тогда во Ордѣ ярлыки имаху» (Ник. Лѣт. III, 108), и получаетъ таковой, который дошелъ и до насъ. Въ 1340 году умираетъ Узбекъ; на царствѣ, послѣ разныхъ смутъ, утверждается въ 1341 году сынъ его Джанибекъ, и вотъ, въ томъ же году, митрополитъ Ѳеогностъ идетъ въ Орду «за причетъ церковный къ Царю Чанибеку», и въ томъ же году возвращается изъ Орды, куда, говоритъ таже лѣтопись, «ходилъ о причтѣ церковномъ, имаше бо Митрополитъ и епископы ярлыки на своя причты церковныя отъ Царей Ординскихъ». (Ник. Лѣт. III, 179). Ярлыкъ, данный ему Джанибекомъ, до насъ не дошелъ, но мы имѣемъ полученный имъ, вѣроятно въ тоже время, ярлыкъ жены Джанибековой, Тайдулы, въ которомъ упоминается о дачѣ ему таковаго же отъ Джанибека. Умираетъ Джанибекъ, вступаетъ на престолъ въ 1357 году сынъ его Бирдибекъ, и мы видимъ, что митрополитъ Алексѣй, только что передъ тѣмъ бывшій въ Ордѣ, опять туда отправляется. Въ лѣтописяхъ, сколько мнѣ извѣстно, о семъ хожденіи Алексѣя не упоминается; Степенная Книга разсказываетъ, что цѣлію онаго было умилостивить Бирдибека, наложившаго тяжкій «запросъ», т. е. временной сборъ, на всѣхъ князей русскихъ (I, 456). Если этотъ запросъ со стороны Бирдибека дѣйствительно имѣлъ мѣсто, то нѣтъ сомнѣнія, что отечестволюбецъ Алексѣй, отправляясь въ Орду, имѣлъ въ виду и освобожденіе отъ него Россіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень вѣроятно и то, что прямою цѣлію отправленія его къ Бирдибеку была необходимость поздра-

вить его по обычаю со вступленіемъ на царство, и ходатайствовать о новомъ ярлыкѣ въ подтвержденіе льготъ дарованныхъ духовенству его предшественниками. Свидѣтельство этого — ярлыкъ Бирдибека Алексѣю — имѣемъ въ рукахъ.

И мало того что каждый ханъ, при восшествіи своемъ на престолъ, давалъ духовенству нашему ярлыкъ по образцу прежнихъ: онъ могъ давать ихъ нѣсколько въ продолженіе своего царствованія, смотря потому, сколько митрополитовъ перемѣнялось при немъ. Полученіе ярлыка отъ хана, какъ инвеституры на санъ свой, было для митрополитовъ столь же необходимо, какъ князьямъ полученіе ярлыковъ на княженія и города. Какъ власть князей надъ свѣтскими, такъ и власть митрополитовъ надъ духовными, не имѣла законности, не утвержденная ярлыкомъ ханскимъ. Отправляясь въ Орду, по воцареніи новыхъ хановъ, для ходатайства о возобновленіи льготъ духовенству, митрополиты ѣздили вмѣстѣ съ тѣмъ и за собственнымъ утвержденіемъ. Сказанное основываемъ мы: 1) На самыхъ ярлыкахъ, которые разбираемъ: три изъ ханскихъ очевидно носятъ характеръ инвеституръ; однимъ и тѣмъ же ярлыкомъ ханъ утверждалъ какъ преимущества духовенства, такъ и митрополита въ его санѣ. 2) На томъ, что персидскіе Чингисиды давали такіе инвеститурные ярлыки митрополитамъ армянскимъ. Такъ въ «Исторіи Орпеліановъ» читаемъ, что гулагидъ Аргунъ далъ въ 1288 году Стефану, митрополиту сіунійскому, по обычаю народа своего, ярлыкъ на управленіе церковью, народомъ и епископами» (Mémoires sur l'Armenie Сенъ-Мартена. II. p. 169). 3) На отправленіи въ Орду митрополитовъ Максима и Ѳеогноста, перваго тотчасъ по поставленіи его на митрополитство въ 1283 году, втораго — послѣ того. Во время возведенія Ѳеогноста на митрополитство, ханомъ въ Ордѣ былъ Узбекъ, отъ котораго духовенство русское имѣло уже ярлыкъ, полученный на имя митрополита Петра, но это не по-

мѣшало Өеогносту ѣхать къ Узбеку. За чѣмъ ѣздилъ онъ — лѣтописи не говорятъ; за ярлыкомъ для себя — думаемъ мы.

Но мы не видимъ, чтобы митрополиты Петръ и Алексѣй отправлялись въ Орду тотчасъ или вскорѣ по хиротонисаніи своемъ. Петръ, поставленный въ 1308 году, отправился въ Орду только въ 1313, по случаю восшествія на престолъ Узбека. Алексѣй, поставленный въ 1353 году, поѣхалъ туда не ранѣе 1356 года, и то по вызову хана лечить жену его Тайдулу, вслѣдствіе исцѣленія которой и получилъ отъ нея, вѣроятно, тотъ ярлыкъ, который имѣемъ мы отъ Тайдулы на имя сего митрополита.

Возраженіемъ этимъ нисколько не опровергается наше положеніе: мы имѣемъ въ рукахъ ярлыкъ Менгу-Темира, данный въ митрополитствованіе Кирилла III, а не находимъ въ лѣтописяхъ, чтобы Кириллъ ѣздилъ за полученіемъ его въ Орду, стало-быть, или лѣтописи умолчали о хожденіи Кирилла къ Менгу-Темиру, слѣдственно могли умолчать и о хожденіяхъ въ Орду другихъ митрополитовъ, или ярлыки можно было получать митрополитамъ отъ хановъ, и не отправляясь за ними лично въ Орду. Съ 1357 года, когда Св. Алексѣй ходилъ къ Бирдибеку, лѣтописи не упоминаютъ болѣе ни о какомъ хожденіи въ Орду его или другихъ митрополитовъ, его преемниковъ. Можетъ быть они и въ самомъ дѣлѣ не отправлялись туда болѣе, по разнымъ причинамъ, между прочимъ по причинѣ безпрерывныхъ переворотовъ волновавшихъ Орду. Ярлыкъ отъ Атюляка Михаилу не доказываетъ противнаго. Лѣтописи не разсказываютъ, чтобы Михаилъ Митяй ѣздилъ въ Орду за полученіемъ онаго, или просто ѣздилъ туда для чего-бы то ни было. Они не упоминаютъ даже о полученіи имъ ярлыка, а говорятъ только, что на пути въ Константинополь, куда Михаилъ отправлялся для испрошенія митрополитства у патріарха, остановленъ онъ былъ Татарами, приведенъ къ Мамаю въ Орду, отпущенъ потомъ Мамаемъ «съ миромъ и тихостію» (Ник. Лѣт. IV. 74),

и продолжалъ путь далѣе. Во время этого пребыванія въ Ордѣ и долженъ былъ онъ получить отъ Атюляка или Тулунъ-бека тотъ ярлыкъ, который имѣемъ мы отъ сего хана на имя Михаила, какъ митрополита. Ярлыкъ Азиза, о которомъ упоминается въ ярлыкѣ Атюляковомъ, равно какъ и тѣ ярлыки, которые давали, или могли давать, митрополитамъ прочіе ханы отъ Бирдибека до Атюляка и послѣ него, митрополиты могли получать и не ѣздя сами въ Орду, а посылая туда за ними бояръ своихъ или епископовъ, или принимая ихъ отъ ханскихъ пословъ, которые могли привозить ярлыки митрополитамъ, какъ привозили инвеститурные и другіе ярлыки князьямъ нашимъ. Такимъ же образомъ могли получить ярлыки митрополиты Петръ и Алексѣй до хожденія ихъ въ Орду.

Когда-же завелось у хановъ это обыкновеніе утверждать митрополитовъ въ ихъ санѣ? Митрополитъ Максимъ есть первый, о хожденіи котораго въ Орду упоминаютъ лѣтописи. Самъ ли онъ, изъ какихъ либо видовъ, вздумалъ первый изъ митрополитовъ ѣхать въ Орду искать добровольно утвержденія отъ Туда-Мангу, и ханы стали послѣ того требовать этого какъ должнаго отъ его преемниковъ, или позвали его туда за этимъ перваго, и по какому поводу — не знаемъ. Г. Наумовъ, неизвѣстно мнѣ на какомъ основаніи, говоритъ утвердительно, что «при Тода-Мангу (въ 1283) постановлено было, чтобы и митрополитъ, яко глава россійскаго духовенства, являлся въ Орду для испрошенія на свой санъ утвердительной грамоты» (объ отношеніи Россійскихъ Князей къ Монгольскимъ и Татарскимъ Ханамъ. Спб. 1823. стр. 57). Оно могло быть и такъ, могло быть и иначе. Можно было бы даже думать, что право утверждать митрополитовъ присвоено было себѣ ханами вмѣстѣ съ правомъ полнаго владычества надъ Россіею, т. е. при Батыѣ, если бы не противорѣчилъ этому нѣкоторымъ образомъ, подтверждая при томъ слова г. Наумова, ярлыкъ Менгу Темира: онъ не имѣетъ, какъ

позднѣйшіе, характера инвеституры, что̀ заставляетъ думать, что первый инвеститурный ярлыкъ точно данъ былъ Максиму; ибо ни между Максимомъ и Кирилломъ не было другаго митрополита, ни между Менгу-Темиромъ и Туда-Мангу — другаго хана.

Этотъ Менгу-Темировъ ярлыкъ есть древнѣйшій изъ дошедшихъ до насъ. Данъ онъ Менгу-Темиромъ вѣроятно по случаю восшествія его на престолъ, въ 1266 или 1267 году. Почему издатели «Собранія Государственныхъ Грамотъ» полагаютъ, что онъ писанъ между 1270 и 1279 годами — не знаемъ. Неизвѣстно также по чьему ходатайству онъ данъ. Изъ лѣтописей, какъ сказано уже выше, не видно, чтобы Кириллъ ѣздилъ въ Орду, и если это дѣйствительно такъ, то можно думать, что выхлопотать его позаботился тогдашній епископъ сарайскій Ѳеогностъ, и что Ѳеогностъ же и доставилъ его Кириллу.

Но не Менгу-Темировымъ ярлыкомъ начинается рядъ этого рода актовъ, данныхъ ханами нашему духовенству: ханы давали ихъ и прежде, что̀ видно изъ словъ тогоже ярлыка: «Чингій Царь потомъ кто ни будетъ дали есмя жалованныя грамоты Русскимъ митрополитомъ и церковнымъ людемъ... И какъ первые цари ихъ пожаловали, и мы, Богу моляся, и ихъ грамотъ не взынычивая по тому жъ жалуемъ». Предшественниками Менгу-Темира были въ восходящемъ порядкѣ: Берге, Улагчи, Сартакъ и Батый. Кто-же ходатайствовалъ у нихъ о полученіи ярлыковъ? Вѣроятно тотъ же Ѳеогностъ, епископъ сарайскій, а до него Митрофанъ, первый епископъ этой епархіи, учрежденной въ 1261 году. Замѣтимъ при этомъ въ-заключеніе, что фразу «Чингій царь потомъ кто ни будетъ» надо понимать такъ: «всѣ потомки Чинкгиса, властвовавшіе въ Золотой-Ордѣ», а не такъ, будто говорится, что и самъ Чинкгисъ давалъ ярлыки нашему духовенству: извѣстно, что Чинкгисъ умеръ въ 1227 году, когда никто въ Россіи не имѣлъ съ нимъ никакихъ сношеній.

До сихъ поръ мы старались опредѣлить: когда и какъ даны ярлыки, изъ соображенія обстоятельствъ, вѣроятіями, предположеніями. Ближе, казалось бы, искать разрѣшенія этихъ вопросовъ въ самихъ ярлыкахъ: въ каждомъ находимъ означеніе года, мѣсяца и дня, когда онъ писанъ; но въ томъ-то и дѣло, что этимъ хронологическимъ числамъ нельзя много довѣрять; по изслѣдованіи оказываются онѣ не совсѣмъ вѣрными. Постараемся объяснить эти анахронизмы, сколько можемъ.

Атюляковъ ярлыкъ писанъ «овечья лѣта, дарыка въ семь сотъ осьмое лѣто, Солгата мѣсяца въ 10 день нова». Мы разсудили прежде, что онъ долженъ быть данъ въ 1379 году, и точно — осьмой или овечій годъ по монгольскому и тибетскому двѣнадцатилѣтнему циклу соотвѣтствуетъ 1379 году нашей эры отъ Р. Х,: но по мусульманскому лѣтосчисленію отъ бѣгства Магометова онъ совпадаетъ не съ 708, какъ выставлено въ изданіи Новикова и въ «Собраніи Государственныхъ Грамотъ», и не съ 700, какъ въ Суздальской Лѣтописи, а съ 780-781. Эту неправильность считаемъ мы происшедшею просто отъ описки. Хронологическія числа въ ярлыкахъ писаны были прежде вѣроятно славянскими числами, которыя, при неразборчивости письма и не большой внимательности переписчиковъ, легко могли измѣняться подъ перомъ ихъ изъ однѣхъ въ другія. Такъ и въ настоящемъ случаѣ число ѱп҃ = 780 очень легко могло быть принято за ѱи҃ = 708; другой переписчикъ проглядѣлъ цифру п҃, а оставилъ одно ѱ = 700. — «Солгатъ» мѣсяцъ есть испорченное названіе одиннадцатаго мусульманскаго мѣсяца ذوالقعدة *Дзулькаьде*. Чтобы понять что̀ значитъ «въ 10 день нова» надо знать что дни мѣсяца раздѣляются у Монголовъ на двѣ половины: начальные 15 называются *шинэ*, «новыми», остальные *хагучинъ*, «ветхими» (См. о Китайскомъ Календарѣ. О. Ковалевскаго. Казань. 1835. стр. 17). Поэтому «въ 10 день нова» значитъ «въ десятый день первой половины мѣсяца».

Что-же бы такое было слово «дарыкъ», встрѣчаемое послѣ «овечья лѣта», не могу догадаться. Не могъ объяснить его себѣ и извѣстный монгологъ академикъ Шмидтъ (Philologisch-Kritische Zugabe u. s. w. s. 26 - 27).

Означеніе года по мусульманскому лѣточисленію находимъ, кромѣ Атюлякова, еще въ Бирдибековомъ ярлыкѣ, т. е. въ двухъ позднѣйшихъ; въ остальныхъ пяти, старѣйшихъ, выставленъ онъ только по двѣнадцатилѣтнему монгольскому циклу — еще свидѣтельство медленности, съ какою проникались Исламизмомъ бытъ и обычаи золото-ордынскихъ Монголовъ. Этотъ Бирдибековъ ярлыкъ данъ «Тегигуя лѣта, десятаго мѣсяца, въ 10 нова; Алгата мѣсяца въ семь сотъ осьмое». «Тегигуя», какъ у Новикова и въ «Собр. Госуд. Грамотъ», или «Тетигуя», какъ въ Суздальской Лѣтописи, есть изуродованное монгольское *Такья* «курица», названіе десятаго года двѣнадцатилѣтняго цикла. Дѣйствительно, 1357 годъ, когда Алексѣй долженъ былъ получить этотъ ярлыкъ, былъ годомъ курицы; но годъ этотъ соотвѣтствуетъ 758 по мусульманскому лѣтосчисленію отъ гиджры, а въ ярлыкѣ встрѣчаемъ выставленнымъ вмѣсто того 709 годъ, тотъ же что и въ Атюляковомъ! Ошибка явная: здѣсь также ѱи҃ описка вмѣсто ѱ н и҃. «Алгата мѣсяца», какъ въ «Собр. Госуд. Грамотъ», «А Льгота мѣсяца», какъ у Новикова, и менѣе неправильно «Салгата мѣсяца», какъ въ Суздальской Лѣтописи, — значитъ въ мѣсяцѣ ذوالقعدة *Дзулькаъде*, въ томъ же, въ которомъ писанъ и Атюляковъ ярлыкъ. Чтó значитъ слово «нова» посла означенія мѣсячнаго числа, объяснено выше; мѣсяцы года Монголы считаютъ по порядку, не давая имъ особенныхъ названій, и начиная счетъ съ весны, потому мѣсяцъ дачи Бирлибекова ярлыка и означенъ въ немъ просто числительнымъ прилагательнымъ «десятый».

Время дачи Тайдулина ярлыка Алексѣю опредѣлено такъ: «Ентя году, Арама мѣсяца, во 2 ветха». Въ Суздальской, вмѣсто «Ентя», стоитъ «Сита». Надлежало бы

думать, что «Ентя» или «Сита» есть названіе одного изъ двѣнадцати годовъ монгольскаго цикла, также какъ «Тегигуя» или «Тетигуя» въ ярлыкѣ Бирдибека; но не только такого, а даже сколько нибудь похожаго на это названія не находимъ между монгольскими именами двѣнадцати лѣтъ цикла. Чтожъ бы такое было это «Ентя» или «Сита»? Утвердительно разрѣшить не беремся, но вотъ предположеніе: буква є въ славянскомъ алфавитѣ имѣетъ числительное значеніе 5; буква н = 50; буква т = 300; а если принять что ıа есть описка вмѣсто очень похожаго ≠а которое = 1000, то получилось бы число 1355, очень близкое къ 1356, году дачи ярлыка, какъ выходитъ изъ другихъ соображеній; значило бы, что въ этомъ ярлыкѣ употреблено лѣточисленіе христіанское — дѣло весьма возможное въ монгольскомъ государствѣ; что переводчикъ ярлыка выразилъ годовое число славянскими цифрами, а не полною прописью; что Новиковъ и издатели «Государственныхъ Грамотъ» не поняли этого, приняли число за названіе одного изъ 12-ти годовъ монгольскаго цикла, и такъ напечатали. «Сита» Суздальской Лѣтописи можно принимать въ такомъ случаѣ за изуродованіе «Ентя». Одно странно и не клеится съ этимъ предложеніемъ — что число написано на оборотъ. Мы не знаемъ примѣровъ такого извращенія, и если можемъ объяснить его чѣмъ-нибудь въ настоящемъ случаѣ, такъ опять предположеніемъ же, что число 1355 выражено было и въ подлинникѣ ярлыка не прописью, а арабскими буквами въ числительномъ значеніи, которыя пишутся справо на лѣво, и что переводчикъ послѣдовалъ примѣру подлинника. — Все это предположенія на предположеніяхъ и болѣе ничего. Оставляя разрѣшить настоящую загадку болѣе насъ проницательнымъ, мы видимъ себя принужденными довольствоваться покуда, чѣмъ довольствуются въ такихъ случаяхъ мусульманскіе писатели, сознаніемъ, что الله اعلم بغيبه «тайна этого извѣстна Аллаху лучше всѣхъ». — Не много болѣе «Ентя» года, знаемъ

мы и объ «Арамѣ» мѣсяцѣ. Такого мѣсяца мы не находимъ ни въ календарѣ мусульманскомъ, ни въ календарѣ Сирійцевъ, ни у Евреевъ, ни у Персовъ, и только благодаря Эрбло (Bibl. Orient. статья Aram) можемъ сказать вслѣдъ за нимъ, что мѣсяцъ такого имени есть у Хатайцевъ, познакомится ближе съ времячисленіемъ которыхъ не позволяетъ намъ отсутствіе нужныхъ для сего источниковъ. «Во 2 ветха» значитъ «во второй день послѣдней половины мѣсяца», или по нашему просто 17 числа.

Относительно ярлыка отъ Тайдулы Ѳеогносту, издатели «Собранія Государственныхъ Грамотъ» опредѣлили время дачи онаго около 1333 года, что̀ несправедливо уже потому, что онъ данъ въ правленіе Джанибека, а Джанибекъ вступилъ на престолъ не ранѣе 1341 года. Гаммеръ полагаетъ его даннымъ въ 1342 году; мы высказали выше то же мнѣніе, но «заячій годъ», когда онъ писанъ, не совпадаетъ ни съ 1333, ни съ 1342, а съ 1339 и потомъ съ 1351. Шмидтъ, а за нимъ и Гаммеръ, выпутываются изъ этого затрудненія очень просто: вмѣсто «заячьяго» ставятъ въ ярлыкѣ «лошадинаго» = 1342, говоря, что такъ должно быть по-настоящему (Gesch. der Gold. Horde. s. 306). Не будучи въ состояніи разрубить этаго узла искуснѣе, мы подписываемъ покуда согласіе подъ опредѣленіемъ двухъ столь достойныхъ уваженія оріенталистовъ; но никакъ ужъ не можемъ согласиться съ первымъ изъ нихъ, чтобы «Арамъ мѣсяцъ», когда писанъ этотъ ярлыкъ, также какъ и Тайдулинъ Алексѣю, былъ мусульманскій محرم Мухарремъ (Philologisch-Kritische Zugabe u s. w. s. 26).

Тайдулинъ ярлыкъ Іонѣ или Ивану данъ «Свинаго лѣта, осьмаго мѣсяца, въ пятый ветха», какъ въ Суздальской Лѣтописи, или «Виннаго лѣта, осьмаго мѣсяца въ 6 ветха», какъ у Новикова и въ «Собраніи Государственныхъ Грамотъ». «Винного» есть явная описка вмѣсто «свинаго». Отъ вступленія на престолъ Джанибека до кончины Тайдулы свиной годъ приходился только разъ, имен-

но въ 1347 году. Если показаніе года въ этомъ ярлыкѣ справедливо, то можемъ думать, что получателемъ его скорѣе всѣхъ другихъ Іоанновъ, былъ Іоаннъ, поставленный Ѳеогностомъ въ 1346 году въ епископы ростовскіе (Лѣтописецъ Русской. Ч. II. стр. 111). Варіанты чиселъ 5 и 6 въ означеніи дня писанья ярлыка, свидѣтельствуя въ этомъ случаѣ о небрежности переписчиковъ, служатъ въ тоже время подкрѣпленіемъ нашему объясненію анахронизмовъ, встрѣчаемыхъ въ мусульманскихъ датахъ Атюлякова и Бирдибекова ярлыковъ.

Въ Узбековомъ ярлыкѣ Петру митрополиту читаемъ, что данъ онъ «заячьяго лѣта, осенняго перваго мѣсяца, въ 4 день ветха». Карамзинъ, Полевой, издатели «Собр. Госуд. Грамотъ», Гаммеръ, Штраль и всѣ другіе, кому случилось упоминать объ этомъ ярлыкѣ, согласны въ томъ, что онъ данъ въ 1313 году; между тѣмъ 1313 годъ былъ не заячій, а телячій *(укэръ)*; заячьимъ-же *(таолай)* во все время митрополитствованія Петра приходится одинъ 1315 годъ — опять анахронизмъ необъяснимый. Объясняя ярлыкъ Бирдибика, мы сказали, что Монголы считаютъ мѣсяцы по порядку, называя ихъ просто первымъ, вторымъ и такъ далѣе до двѣнадцатаго включительнаго. Здѣсь должно прибавить къ этому, что иногда раздѣляютъ они ихъ по временамъ года, и говорятъ: первый весенній, мѣсяцъ, второй весенній, третій весенній, первый лѣтній, второй лѣтній и т. д. (О Китайскомъ календарѣ. О. Ковалевскаго. Казань. 1835. стр. 13). Это раздѣленіе мѣсяцовъ видимъ мы принятымъ и въ Узбековымъ ярлыкѣ. «Первый осенній» мѣсяцъ соотвѣтствуетъ нашему сентябрю въ обыкновенныхъ, не высокосныхъ, годахъ.

Въ Менгу-Темировомъ ярлыкѣ опять находимъ туже дату, что въ Узбековомъ – «заячьяго лѣта, осеняго перваго мѣсяца, въ 4 день ветха». Невозможнаго тутъ, разумѣется, ничего нѣтъ: 19 число перваго осенняго мѣсяца зячьяго года приходилось трижды въ правленіе Узбека, и

дважды въ правленіе Менгу-Темира. Странно только, что оба ярлыка даны въ одинъ и тотъ же день, одного и того же мѣсяца, одного и того же циклическаго года. Въ Менгу-Темировомъ ярлыкѣ дата эта не представляетъ ничего анахронистическаго. Въ продолженіе властвованія сего хана, съ 1266 по 1281 годъ, заячье лѣто монгольское совпадало съ двумя христіанскими годами: 1267 и 1279. По какому бы поводу могъ ярлыкъ этотъ получить существованіе въ 1279 году — не видимъ; въ 1267 могъ онъ быть данъ по случаю Менгу-Темирова вступленія на престолъ, что̀ какъ нельзя болѣе въ порядкѣ вещей. Между тѣмъ эта же дата въ Узбековомъ ярлыкѣ вовсе не согласуется со временемъ дачи его, извѣстнымъ изъ другихъ источниковъ. Что̀ если она не принадлежала первоначально этому ярлыку, а попала въ него какимъ нибудь образомъ изъ Менгу-Темирова?!

Теперь о мѣстностяхъ, въ которыхъ даны ярлыки.

Въ каждомъ ярлыкѣ означено мѣсто его дачи. Всѣ они даны въ ордѣ, т. е. въ мѣстопребываніи хановъ, но это мѣстопребываніе мѣнялось: орда переходила изъ мѣста въ мѣсто, изъ урочища въ урочище. Эти-то мѣста и урочища и означены въ ярлыкахъ.

Мѣсто дачи Менгу-Темирова ярлыка означено въ немъ такъ: «на Телы», какъ читаемъ у Новикова и въ «Собраніи Государственныхъ Грамотъ», или «на Тали», какъ въ Суздальской Лѣтописи. Что̀ это такое «Телы» или «Тали»? Тала значитъ по-монгольски «равнина», «степь»; по этому «на тали» не значитъ ли: на степи, въ степи, въ такомъ мѣстѣ, которое не имѣло усвоеннаго ему названія? Это объясненіе подтверждается и Узбековымъ ярлыкомъ, въ которомъ читаемъ «на поліихъ писанъ и данъ», т. е. на полѣ, на степи. Въ семъ-послѣднемъ «тала» подлинника переведено соотвѣтственнымъ русскимъ словомъ, а въ Менгу-Темировомъ осталось безъ перевода, бывши принято, можетъ быть, за собственное имя.

Тайдулинъ ярлыкъ Ѳеогносту митрополиту писанъ когда «въ Саргѣ орда кочевала». Такъ читаемъ у Новикова и въ «Собраніи Государственныхъ Грамотъ». Въ Суздальской, вмѣсто «въ Саргѣ», находимъ «въ Сарае», и нѣтъ сомнѣнія, что послѣднее чтеніе предпочтительнѣе. Сарай— извѣстная столица хановъ, о которой мы не имѣемъ нужды входить здѣсь въ подробности.

Ярлыкъ Тайдулы митрополиту Алексѣю писанъ, когда «орда кочевала на Гулистанѣ». Имя Гюлистана گلستان часто встрѣчается на золото-ордынскихъ монетахъ. Въ первый разъ находимъ его на монетѣ Тайдулина мужа Джанибека, битой въ 752 году гиджры (1352 по Р. X.). Въ послѣдній — на монетѣ Азиза, битой въ 767 (13656) году (Монеты Хановъ улуса Джучіева. Стр. 43). Грамота Джанибека Венеціанамъ въ 1347 году писана также въ Гюлистанѣ. Мѣсто это, по мнѣнію Френа, находилось вблизи Сарая (С. Петербургскія Вѣдомости 1830 г. № 11. Стр. 72).

Гдѣ находится урочище «Желтая-Трость», въ которомъ кочевала орда, когда писался ярлыкъ Тайдулы Іонѣ или Ивану — не знаю; не знаю также и того, гдѣ должно искать «Каонга», мѣста кочевки орды во время полученія Бирдибекова ярлыка митрополитомъ Алексѣемъ. Трудъ опредѣлить положеніе этихъ урочищъ предоставляемъ другимъ, имѣвшимъ или имѣющимъ возможность познакомиться съ топографіею Кипчакской Степи болѣе нашего.

Въ Атюляковомъ читаемъ, что «Орда кочевала на великомъ лузѣ на рѣчномъ». Это столько же неопредѣленно, какъ и «на поліихъ» Узбекова. Кто можетъ сказать гдѣ этотъ «великій лугъ» и на какой рѣкѣ — на Волгѣ, на Дону? Развѣ не носило-ли какое урочище собственно ему усвоеннаго названія «великаго луга», какъ городъ «Великіе Луки» въ Псковской Губерніи.

VI.

Язык ярлыков

Как дошли до нас ярлыки, въ подлинникѣ или въ переводѣ, т. е. на какомъ языкѣ писаны были они первоначально въ Ордѣ, на русскомъ, на которомъ имѣемъ ихъ теперь, или на какомъ другомъ? Утверждаемъ, что въ переводѣ, что первоначально писаны они не на русскомъ. Странно было бы предполагать, чтобы государственныя бумаги писались въ Ордѣ на русскомъ, хотя бы бумаги эти и назначались для Россіи. Мы знаемъ, что когда монгольскіе государи сносились съ иноземцами, то письма и грамоты свои къ нимъ писали обыкновенно на монгольскомъ. Письма Аргуна и Олджайту къ королю французскому Филиппу Прекрасному, дошедшія до насъ въ подлинникахъ, писаны на монгольскомъ. Грамота, которую Куюкъ послалъ къ папѣ черезъ Плано Карпини — на монгольскомъ же [34]. Другіе памятники сношеній императоровъ и хановъ монгольскихъ съ папами и государями Европы, дошедшіе до насъ на латинскомъ языкѣ, обнаруживаютъ, что подлинники ихъ писаны были на этомъ же языкѣ (Абель-Ремюза Mémoires sur les relations etc. passim). Если въ Персіи, подъ владычествомъ Гулагидовъ, многія бумаги писались на персидскомъ и арабскомъ, такъ это потому, что Гулагиды жили посреди Персовъ и Арабовъ, что министры и чиновники ихъ были бо̀льшею частію изъ туземцовъ, что персидскій, какъ общенародный, и арабскій, какъ ученый, господствовали даже и при дворѣ ихъ. По тѣмъ же причинамъ употреблялся при дворѣ и въ канцеляріяхъ Кипчакскаго Царства языкъ татарскій. Употреблять-же русскій въ сихъ-послѣднихъ не было никакой стати. Но не на этихъ

---

[34] Собр. путеш. къ Татарамъ. Стр. 47. Tartarice значитъ у Плано Карпини «по-монгольски», а не «по-татарски». Монголовъ онъ нигдѣ не называетъ Монголами, а всегда Татарами.

соображеніяхъ основываемъ мы убѣжденіе наше въ переводности ярлыковъ; нѣтъ, доказательства этому находимъ мы преимущественно въ слогѣ и оборотахъ ярлыковъ, обнаруживающихъ въ нихъ не русское, а монгольское или тюркское происхожденіе. Еслибы ярлыки писаны были въ Ордѣ прямо на рускомъ, словорасположеніе въ нихъ никогда бы не могло проникнуться монголизмомъ или татаризмомъ до такой степени, въ какой видимъ это въ нашихъ ярлыкахъ. Это монголо-тюркское построеніе періодовъ и расположеніе словъ, столь противуположное духу семитическихъ и индо-германскихъ языковъ, было между прочимъ, причиною того, что ни Новиковъ, ни издатели «Собранія Государственныхъ Грамотъ», незнакомые, какъ видно, ни съ монгольскимъ, ни съ татарскими языками, не могли понять хорошенько, гдѣ начало, гдѣ конецъ періода, и вслѣдствіе этого, своею разстановкою знаковъ препинанія, перепутывали нерѣдко періоды, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ затмили даже смыслъ. Синтаксисъ монгольскаго и тюркскихъ языковъ требуетъ, чтобы словà въ періодѣ и въ предложеніи располагались въ порядкѣ почти прямо противуположномъ употребительному въ нашемъ и родственныхъ нашему языкахъ. Вставочныя и объяснительныя части предложенія, которыя ставятся въ нашемъ послѣ главныхъ, въ тѣхъ напротивъ помѣщаются спереди. Кромѣ того, по неимѣнію, ни въ монгольскомъ, ни въ тюркскихъ. соединительнаго союза *что*, фразы, въ которыхъ мы употребляемъ этотъ союзъ, принимаютъ въ нихъ совершенно особенную, имъ только свойственную форму. *Что* замѣняется обыкновенно дѣепричастіемъ настоящимъ или прошедшимъ глагола «говорить», *кемеку* по-монгольски, *демекъ* по-турецки и по-татарски, и все что слѣдуетъ у насъ за этимъ «что», въ тѣхъ языкахъ ставится впереди дѣепричастія «говоря» или «сказавъ». Это самыя характеристическія черты монгольскаго и тюркскаго синтаксиса, и мы находимъ рѣзкій отпечатокъ ихъ въ языкѣ разби-

раемыхъ нами ярлыковъ. Такъ, вмѣсто того, чтобы сказать, какъ сказали бы мы: «Царь пожаловалъ митрополита Өеогноста, далъ ему ярлыкъ съ алою тамгою, на томъ основаніи, что поповскій чинъ и тѣ которые зовутся богомольцами, съ давнихъ добрыхъ временъ и доселѣ, не должны платить никакихъ пошлинъ, ибо они молятся за насъ самому Богу и воздаютъ молитвы за племя наше въ родъ и родъ», — Монголы и Татаре дали бы этому періоду совершенно иную форму, именно такую, въ какой находимъ его въ ярлыкѣ Тайдулы Өеогносту: «Отъ давныхъ добрыхъ временъ и доселѣ, что зовутся богомольцы и весь поповскій чинъ, тѣмъ не надобѣ ни которые пошлины, занеже самому Богу молится за насъ и за наше племя въ родъ и родъ, и молитву воздаютъ: такъ молвя (*эйенъ кеменъ*), Өеогноста митрополита Царь пожаловалъ, со алою тамгою ярлыкъ далъ». Такъ, вмѣсто: «И мы повелѣли, чтобы было по прежнему», они сказали бы, какъ сказано въ ярлыкѣ Узбека митрополиту Петру: «Какъ то было прежъ насъ, такъ молвя, и наше слово уставило». Дѣепричастія, употребительнѣйшая форма глаголовъ въ монгольскихъ и тюркскихъ языкахъ, встрѣчаются въ большомъ числѣ и въ ярлыкахъ, тогда какъ въ современныхъ актахъ, писанныхъ въ Россіи, попадаются они очень рѣдко. Выраженія: «ходить правымъ путемъ», «управлять» или «молить правымъ сердцемъ и правою мыслію», «а отъ насъ будетъ не кротко», наше око тихо не смотритъ», «ѣсть одинъ хлѣбъ» вмѣсто «жить вмѣстѣ», и другія, встрѣчающіяся въ ярлыкахъ — вовсе не русскія, а чистые татаризмы, и татаризмы не встрѣчающіеся притомъ въ современныхъ актахъ и лѣтописяхъ. Мы не приводимъ татарской формы ярлыковъ въ доказательство утверждаемаго нами; она, по мнѣнію нашему, не можетъ служить тутъ доказательствомъ: если бы ярлыки писались въ Ордѣ и прямо по-русски, это не мѣшало бы излагать содержаніе ихъ въ формахъ, принятыхъ для подобныхъ жалованныхъ грамотъ въ монгольскомъ или

татарскомъ языкѣ, слѣдовать въ расположеніи частей ярлыка порядку соблюдавшемуся и утвержденному временемъ и употребленіемъ въ монгольскихъ канцеляріяхъ; но языкъ, языкъ ярлыковъ свидѣтельствуетъ, что они переводы. Съ какого же — съ монгольскаго или съ татарскаго? Этого нельзя рѣшить филологически: духъ, конструкція, обороты обоихъ этихъ языковъ чрезвычайно сходны, даже теперь, черезъ 500 лѣтъ послѣ того, какъ писаны ярлыки. Въ ордынскихъ канцеляріяхъ, нѣтъ сомнѣнія, употреблялись оба-хотя покуда не извѣстно еще ни одного акта изъ Золотой-Орды, который былъ бы писанъ на монгольскомъ; потому ярлыки наши могли быть писаны и на томъ, и на другомъ. Но такъ какъ монгольскій языкъ постепенно выходилъ изъ употребленія въ Ордѣ, а наконецъ и совсѣмъ былъ забытъ отатарившимися Монголами, то изъ этого можно заключагъ съ большою вѣроятностію, что древнѣйшіе ярлыки писаны были на монгольскомъ, а позднѣйшіе—на татарскомъ языкѣ.

Рѣшивъ, что мы имѣемъ ярлыки въ переводахъ, надо узнать еще: какіе это переводы, современные подлинникамъ, или позднѣйшіе? Судя по словамъ автора приписки къ ярлыкамъ, находимой въ Новиковскомъ изданіи, автора, жившаго уже при Царяхъ: «Мнози же суть отъ первыхъ и давныхъ иные велицы ярлыци суть, но иныхъ не возмогохомъ превести, зане неудобь познаваемую рѣчью писаны быша», надлежитъ думать, что позднѣйшіе. Поводомъ къ переводу, какъ замѣчаетъ Полевой, могло послужить какое-нибудь ограниченіе правъ духовенства, какъ, на-примѣръ, на соборахъ бывшихъ въ 1500 или въ 1580 году. Но должно сказать и то, что мнѣніе о несовременности перевода съ подлинниками основывается единственно на этой припискѣ, о которой не знаемъ, ни откуда она взята, ни кто такой ея авторъ. Не будь этой приписки, мы бы стали доказывать, что переводы, въ которыхъ имѣемъ ярлыки, современны подлинникамъ. Въ ханскомъ диванѣ не-

обходимо должны были находиться люди, знавшіе русскую грамоту, и служившіе какъ для изустныхъ переговоровъ съ русскими князьями, боярами и духовными, когда эти не знали по-татарски, и не могли объясняться съ ханами и ихъ чиновниками прямо, безъ посредства переводчиковъ, такъ и для переводовъ разныхъ бумагъ съ татарскаго на русскій или съ русскаго на татарскій. Князья наши также, нѣтъ сомнѣнія, держали при себѣ въ Россіи людей знавшихъ татарскую грамоту: частыя сношенія съ Татарами дѣлали это необходимымъ. Были такіе переводчики, вѣроятно, и при митрополитахъ. Въ то время не трудно было имѣть ихъ: въ Ордѣ всегда было много нашихъ соотечественниковъ, которые не наѣздомъ пріѣзжали туда, а жили тамъ постоянно, слѣдовательно необходимо должны были знать языкъ, которымъ говорили въ ней. Мы имѣемъ на это очень раннія свидѣтельства. Когда, въ 1246 году, Плано Карпини привезъ къ Батыю папскую грамоту, писанную на латинскомъ, ему дали толмачей для перевода ея на татарскій (т. е. монгольскій); но такъ какъ между ними не нашлось людей, которые понимали бы вмѣстѣ и по-латыни и по-татарски, то ее перевели сначала на русскій, а потомъ на арабскій и татарскій. [35] Стало-быть уже при Батыѣ были въ Ордѣ переводчики, знавшіе по-русски. Мало того, они были въ это время даже въ Великой-Ордѣ, въ глубинѣ Монголіи. Когда императору Куюку надо было писать отвѣтную грамоту на письмо папы, привезенное ему Плано Карпини, у сего-послѣдняго спрашивали: есть ли у папы люди, которые разумѣли бы русское, сарацинское или татарское письмо (Собр. путеш. къ Татарамъ. Стр. 55) — вопросъ, показывающій, что въ Великой-Ордѣ была тогда возможность написать грамоту на русскомъ языкѣ.

---

[35] In litera Ruthenica, Saracenica et in Tartarica diligenter cum ipsis transtulimus. Собр. Пут. къ Татарамъ. стр. 20. Далѣе (стр. 214) Плано Карпини говоритъ, что русскимъ переводчикомъ его былъ суздалецъ (Russien de Susdal).

Далѣе Карпини именно говоритъ, что какъ при сношеніяхъ съ самимъ Куюкомъ, такъ и для перевода грамоты сего императора къ папѣ, толмачомъ имъ служилъ дворянинъ одного русскаго герцога, умершаго въ Ордѣ, по имени Темерь (ibid. p. 214). Современные переводы ярлыковъ необходимо должны были существовать; если не въ Ордѣ переводили ихъ на русскій, такъ переводили тотчасъ же по доставленіи въ Россію. Безъ перевода не могли они оставаться: ихъ, для всеобщаго свѣдѣнія, должно было сообщать на прочтеніе въ церкви и монастыри, какъ видно это изъ словъ Менгу-Темирова ярлыка: «И сію грамоту видяще и слышаще попове и чернцы, ни дани, ни иного чего не дають». Въ Узбековомъ говорится тоже самое; а нельзя-же думать, чтобы все духовенство въ Россіи знало по-монгольски или по-татарски. Въ современныхъ же переводахъ дошли можетъ быть ярлыки и до нашего времени, ибо слова вышеупомянутой переписки, на которыхъ основывается противное мнѣніе, можно толковать различно. Предложенію: «Мнози же суть иные велицы ярлыци» и пр. предшествуетъ въ ней другое: «Елико же обрѣтохомъ во святѣйшей Митрополіи старыхъ Царей ярлыки, сихъ и написахомъ». *Написать* значитъ иногда въ старинномъ языкѣ нашемъ *сочинить*, чаще *переписать*; но я не знаю, чтобы оно значило когда нибудь — *переводить*; потому, предложеніе это, въ связи съ послѣдущимъ за нимъ, можно понимать и такъ: «Сколько нашелъ я во св. митрополіи ярлыковъ на русскомъ языкѣ, столько и переписалъ, столько и помѣстилъ (въ эту лѣтопись, въ этотъ сборникъ); есть тамъ еще много другихъ, на непонятномъ для меня языкѣ: тѣхъ я не могъ перевести». Да и самое «перевести» можно понимать въ смыслѣ *приводить*, citer, а не *переводить*, traduire. «Неудобь познаваемою рючью» также можетъ значить «стариннымъ языкомъ» или «неразборчивымъ почеркомъ». При такомъ толкованіи, помянутыя предложенія имѣли бы слѣдующій смыслъ: «Сколько я нашелъ яр-

лыковъ, писанныхъ понятно, столько и помѣстилъ ихъ здѣсь. Есть еще много другихъ, да тѣхъ я не помѣстилъ, потому что не могъ разобрать, не могъ прочесть». Впрочемъ, все это тонкости. Покуда какое-нибудь обстоятельство не объяснитъ дѣла болѣе, мы готовы принять, что древніе переводы ярлыковъ, переводы современные, утратились, ходя по монастырямъ и церквамъ, а въ архивахъ митрополіи сохранились только подлинники, съ которыхъ, въ XVI столѣтіи, и сдѣланы тѣ переводы, которые мы теперь имѣемъ. Историческое достоинство ярлыковъ зависитъ не отъ того когда они переведены съ подлинниковъ, въ XIII, XIV, XV или XVI столѣтіяхъ, и отъ того, вѣренъ переводъ или нѣтъ. Вотъ вопросъ, который важно рѣшить.

Подлинниковъ у насъ нѣтъ: какъ же рѣшить его? Такъ, изъ соображенія обстоятельствъ. Какая нужда была переводить невѣрно, измѣнять смыслъ? Никакой: въ ярлыкахъ все было въ пользу духовенства; ничего противъ его выгодъ, или противъ нашей религіи. Мы видѣли, какъ самый слогъ ярлыковъ доказываетъ, что они переведены буквально. Вся невѣрность, какая можетъ быть въ нихъ, состоитъ развѣ въ томъ, что переводчикъ или переводчики могли придать монгольскимъ или татарскимъ выраженіямъ нѣсколько христіанскій цвѣтъ, чтобы сдѣлать ихъ понятнѣе для единовѣрцевъ, ввести незначительныя вставки, позволить себѣ небольшія амплификаціи. Такъ, на-примѣръ, можно думать, что тогда какъ въ ярлыкѣ Узбекова, было просто:

«*Вѣчнаго Бога* (или *неба*) *силою*» —

переводчикъ амплифировалъ эту фразу такимъ образомъ:

«Вышняго и безсмертнаго Бога силою и волею и величествомъ».

Что тогда какъ Менгу-Темировъ ярлыкъ начинался просто:

«*Вышняго Бога силою*» —

Переводчикъ вставилъ вслѣдъ за тѣмъ:

«И вышняя Троицы волею».

Что когда въ Бирдибековомъ сказано было только:

«Да будетъ тому худо» —
переводчикъ замѣнилъ это выраженіе болѣе христіанскимъ:

«Во грѣсѣхъ да будетъ».

Такія амплификаціи, вставки и измѣненія, если и дѣйствительно имѣли мѣсто — чего еще нельзя доказать несомнѣнно — не важны въ отношеніи къ сущности дѣла; потому я рѣшительно держусь того мнѣнія, что имѣющіеся въ рукахъ нашихъ русскіе ярлыки — переведены съ подлинниковъ вѣрно.

VII.

Содержаніе ярлыковъ, очень выгодное для нашего духовенства, противорѣчіемъ своимъ съ существующимъ мнѣніемъ о ревностномъ Исламизмѣ золото-ордынскихъ хановъ, и нѣкоторыми показаніями нашихъ лѣтописей, могло подавать поводъ подозрѣвать эти акты въ подложности, и предполагать подлогъ дѣломъ духовенства. Мы доказали невозможность подлога съ этой стороны, обнаружили ложность помянутаго мнѣнія, представили въ настоящемъ свѣтѣ сказанія лѣтописей. Въ числѣ лицъ, давшихъ и получившихъ ярлыки, было два, существованіе которыхъ могло казаться сомнительнымъ. Мы объяснили кто такое было одно изъ нихъ, кѣмъ могло быть другое. Нѣкоторые ярлыки возбуждали подозрѣніе ложностію своихъ датъ. Мы старались объяснить какимъ образомъ могли произойти эти анохронизмы. Существовало мнѣніе, уменьшавшее цѣнность ярлыковъ какъ источниковъ, — что содержаніе ихъ передѣлано или измѣнено переводчиками. Мы показали, что нѣтъ достаточныхъ причинъ предполагать передѣлку или невѣрность перевода. Вообще мы старались разрѣшить всѣ вопросы, уничтожить всѣ недоразумѣнія, которыя могли возникнуть при чтеніи ярлыковъ, и навести на достовѣрность ихъ хотя малѣйшую тѣнь сомнѣнія. Надѣемся, что

послѣ всего сказаннаго и доказаннаго, сомнѣнія эти будутъ уже неумѣстны, и авторитетъ Карамзинскихъ подозрѣній не станетъ мѣшать никому употреблять ярлыки въ дѣло, какъ источники.

Въ заключеніе нашихъ изслѣдованій предлагаемъ объясненіе еще одного вопроса: почему дошло до насъ нѣсколько ярлыковъ данныхъ ханами митрополитамъ, а не дошло ни одного изъ данныхъ ими князьямъ нашимъ, великимъ и удѣльнымъ, тогда какъ послѣднихъ дано было, по всей вѣроятности, болѣе чѣмъ первыхъ? Что касается до князей удѣльныхъ, то, судя по тому, что читаемъ въ договорныхъ грамотахъ князя суздальскаго Ивана Васильевича съ В. К. Василіемъ Васильевичемъ (см. выше, стр. 178), надо думать, что удѣльные князья передали всѣ ярлыки свои великимъ, какъ знакъ покорности имъ, и отрѣченія отъ самовластія; а великимъ князьямъ къ чему было беречь ихъ? Очень вѣроятно даже, что они старались уничтожить ихъ поскорѣе, какъ свидѣтельства могшія напоминать потомкамъ удѣльныхъ князей такія вещи, которыя имъ надлежало забыть совершенно. Великокняжескіе-же ярлыки могли утратиться сами собою, какъ акты отжившіе вѣкъ и потерявшіе цѣнность, какъ ни къ чему болѣе ненужные памятники тягостнаго рабства. Мало ли чего, гораздо болѣе драгоцѣннаго, погибло во время пожаровъ и другихъ бѣдствій. Духовенство, напротивъ того, видѣло свою пользу въ сбереженіи ярлыковъ: они сохраняли для него часть своей цѣны и по паденіи татарскаго владычества, ибо всегда могли служить упрекомъ тѣмъ царямъ, которые бы вздумали ограничивать его права, уменьшать привиллегіи; что это не только могло быть, но и дѣйствительно было такъ, свидѣтельствуютъ слова Симонова посланія къ Іоанну III, по случаю собора въ 1500 году (см. выше стр. 189). Да и для лѣтописцевъ, людей духовнаго званія, ярлыки митрополичьи были несравненно интереснѣе княжескихъ, потому и въ лѣтописи могли попасть скорѣе, чѣмъ сіи-послѣдніе.

Ярлыки, сирѣчь жалованныя грамоты, иже давали первые Цари Ординскіе, и сущіи по нихъ вси, святѣйшимъ преосвященнымъ Митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руссіи, легость церковнымъ домомъ и людемъ православнымъ.

Въ лѣто 6721 (1313) поиде во Орду Петръ Митрополитъ Кіевскій и всея Руссіи, вкупѣ съ Великимъ Княземъ Михайломъ Ярославичемъ Тѳерскимъ, обиды ради церковныхъ отъ лукавыхъ человѣкъ судовъ и управленій, и пошлинъ, и уроковъ, и даней, имѣній и стяжаній людей всего причта церковнаго, и о всѣхъ десятинахъ Митрополичьихъ. Да и того ради, чтобъ напередъ быти у Царя Нѣмецкихъ пословъ, и Бискупа Матѳея Папы Римскаго; да и того ради понеже тогда во Ордѣ Царь Батый умеръ, а новый Царь Язбякъ сѣлъ на царство, и вся обновишася; отъ многихъ царствъ, и отъ многихъ великихъ княженій, и отъ многихъ странъ вси приходили въ Орду къ Царемъ, и ярлыки имали, кождо на свое имя. И вси великіе Князи Русскіе и Митрополиты, и Епископы Русскіе, ярлыки имали, кождой на свое имя. Но милостію Божію, Петръ Митрополитъ во Ордѣ у Царя былъ въ велицей чести, и отпущенъ былъ отъ Царя въ борзѣ со многою честію и управою, и съ ярлыки и съ деѳтери; и пріиде въ свою Митрополію на Русь; и вси православные Христіане срѣтоша его со многою радостію.

Первый ярлыкъ

А се ярлыкъ Язбека Царя, Петру Митрополиту, всея Руссіи чудотворцу.

Вышняго и безсмертнаго Бога силою и волею и величествомъ и милостію его многою. Язбяково [1] слово. Всѣмъ нашимъ Княземъ, великимъ и среднимъ и нижнимъ, и силь-

---

ВАРІАНТЫ

(Буквы Г. Г. означаютъ «Собраніе Государственныхъ Грамотъ; буквы С. Л. — «Суздальскую лѣтопись»; буквы Р. Л. — «Ростовскую»)

[1] Азбяково. Г. Г. и Р. Л.

нымъ Воеводамъ и Вельможамъ, и Княземъ нашимъ удѣльнымъ, и Дорогамъ славнымъ, и Польскимъ [2] Княземъ высокимъ и нижнимъ, и Книжникомъ, Уставодержальникомъ [3], и учительнымъ людскимъ [4] Повѣстникомъ, и Сбирателемъ и Баскакомъ, и Посломъ нашимъ и Гонцомъ, и Данщищикомъ, и Писцомъ, и мимоѣздящимъ Посломъ, и Ловцомъ нашимъ, и Сокольникомъ, и Пардусникомъ, и всѣмъ людямъ высокимъ и нижнимъ, малымъ и великимъ, нашего царства, по всѣмъ нашимъ странамъ, по всѣмъ нашимъ улусамъ, гдѣ наша, Бога безсмертнаго силою, власть держитъ и слово наше владѣетъ. Да никто же не обидитъ на Руси соборную церковь Митрополита Петра, и его людей и церковныхъ его; да никто же взимаетъ [5] ни [6] стяжаній, ни имѣній [7], ни людей [8]. А знаетъ Петръ Митрополитъ въ правду, и право судитъ, и управляетъ люди своя въ правду, въ чемъ ни будь: и въ разбои, и въ поличномъ, и въ татьбѣ, и во всякихъ дѣлахъ вѣдаетъ самъ [9] Петръ Митрополитъ единъ, или кому прикажетъ. Да вси покоряются и повинуются Митрополиту, вся его церковныя причты, по [10] первымъ изначала закономъ ихъ, и по первымъ грамотамъ нашимъ, первыхъ Царей великихъ грамотъ [11] и дефтеремъ. Да не вступаются въ церковное и [12] Митрополиче никто же, занеже то Божіе все суть [13]; а кто вступится, а нашъ ярлыкъ и наше слово преслушаетъ [14], тотъ есть Богу повиненъ, и гнѣвъ на себя отъ него пріиметъ, а отъ насъ казнь ему будетъ смертная. А Митрополитъ правымъ путемъ ходитъ, да [15] правымъ путемъ пребываетъ и спѣшится [16], да правымъ сердцемъ и правою мыслію вся своя церковная управляетъ [17] и судитъ и вѣдаетъ, или кому

---

[2] полчнымъ. Р. Л. [3] Книжникомъ и Уставодержальникомъ. Г. Г. и Р. Л. [4] Учительнымъ и людскимъ. Р. Л. [5] Възимаютъ. Р. Л. [6] ни deest. Р. Л. [7] имѣніемъ. Р. Л. [8] людемъ. Р. Л. [9] самъ deest Р. Л. [10] по deest. ГГ. [11] Грамотамъ. ГГ. и Р. Л. [12] и deest. Р. Л. [13] есть все. Р. Л. [14] преступитъ. Р. Л. [15] правымъ путемъ ходитъ; да deest. Р. Л. [16] тѣшится. Г. Г. и Р. Л. [17] устрояетъ. Р. Л.

повелитъ таковая дѣяти [18] и управляти. А намъ въ то не вступатися ни во что, ни [19] дѣтямъ нашимъ, ни всѣмъ нашимъ княземъ нашего царства и всѣхъ нашихъ странъ, и всѣхъ нашихъ улусовъ; да не вступаются никто же, ни чемъ, въ церковныя и въ митрополичи, ни въ волости ихъ [20], и [21] въ села ихъ, ни во всякія ловли ихъ, ни въ борти ихъ, ни въ земли ихъ, ни въ улусы [22] ихъ, ни въ лѣсы ихъ, ни во ограды [23], ни въ волостныя мѣста ихъ, ни виногради ихъ, ни въ мѣльницы ихъ, ни въ зимовища ихъ, ни въ стада ихъ конныя, ни во всякія скотскія стада [24]; но [25] вся стяжанія и имѣнія ихъ церковныя, и люди ихъ [26], и вся причты ихъ, и вся законы ихъ уложенные старые отъ начала ихъ — то все вѣдаетъ Митрополитъ, или кому прикажетъ [27]. Да не будетъ ничто же перечинено, или порушено, или кѣмъ изобижено; да пребываетъ Митрополитъ въ тихомъ и кроткомъ житіи безо всякія голки; да правымъ сердцемъ и правою мыслію молитъ Бога за насъ, и за наши жены [28], и за наши дѣти, и за наши племя. И [29] мы бо такоже управляемъ и жалуемъ якоже и прежніе Цари ярлыки имъ давали и жаловали ихъ; а мы, по томужъ пути, тѣмижъ ярлыки жалуемъ ихъ, да Богъ насъ пожалуетъ, заступитъ [30]; а мы Божія бережемъ, и даннаго Богу не взимаемъ; а кто взимаетъ Божія, и тотъ будетъ Богу [31] повиненъ; а гнѣвъ Божій на него же будетъ, а отъ насъ будетъ казненъ смертною казнью; да то видя, и иныя въ боязни будутъ. А поѣдутъ наши Баскаки, и Таможники, Данщики, Поборщики, Писцы, — по симъ нашимъ грамотамъ, какъ наше слово молвило и уставило [32], да всѣ будутъ цѣлы соборные [33] церкви митрополичи, ни кѣмъ, ни отъ кого не изобижены вся его люди и вся его стяжанія,

---

[18] вѣдати. Р. Л. [19] и. Р. Л. [20] ихъ deest. Р. Л. [21] ни. Г. Г. и Р. Л. [22] луга. Р. Л. [23] ограды ихъ. Г. Г. грады Р. Л. [24]. стада ихъ. Р. Л. [25] ни въ. Р. Л. [26] ихъ deest. Р. Л. [27] да прикажетъ. Р. Л. [28] и за наши жены deest. Р. Л. [29] и deest. Р. Л. [30] заступитъ deest. Р.Л. [31] Богу deest. Р. Л. [32] и уставило deest Р. Л. [33] всѣ соборные Р. Л.

какъ ярлыкъ имѣетъ [34]: Архимандриты, и Игумены, и Попы, и вся причты церковныя, ни чѣмъ ни кто да не будетъ изобиженъ. Дань ли на насъ емлютъ, или иное что ни буди: тамга ли, поплужское ли, ямъ ли, мытъ ли, мостовщина ли, война ли [35], ловитва ли коя ни буди наша; или егда на службу нашу съ нашихъ улусовъ повелимъ рать сбирати, гдѣ восхотимъ воевати,—а отъ соборныя церкви и отъ [36] Петра Митрополита ни кто же да [37] не взимаетъ, и отъ ихъ [38] людей и отъ всего его причта: тѣ бо за насъ Бога молятъ, и насъ блюдутъ, и наше воинство укрѣпляютъ; кто бо того и прежъ насъ не вѣдаетъ, что Бога безсмертнаго силою и волею живутъ всѣ и воюютъ? То всѣ вѣдаютъ. И мы, Богу моляся, по первымъ [39] же [40] Царей грамотамъ, грамоты имъ давали жалованыя [41], а не изыначивали [42] ни въ чемъ. Какъ то было прежъ насъ, такъ молвя, и наше слово уставило. По первому пути которая дань наша будетъ, или запросы наши накинемъ, или поплужное, или Послы наши будутъ, или кормы наши и [43] коней нашихъ, или подводы, или кормъ Пословъ нашихъ, или нашихъ Царицъ, или нашихъ дѣтей, и кто ни есть, и кто ни будь, да не взимаютъ, да не просятъ ничто же; а что возмутъ, и они отдадутъ назадъ третицею, аще [44] будетъ взяли за нужду великую; а отъ насъ имъ будетъ не кротко, а наше око тихо на нихъ не смотритъ. А что будутъ церковныя люди, ремесленицы кои, или писцы, или каменные здатели, или древянные [45], или иные мастеры каковы ни буди, или ловцы какова лова ни буди, или сокольницы, а въ то наши никто не [46] вступаются и на наше дѣло да [47] не емлютъ ихъ; и Пардусницы наши, и Ловцы наши, и Сокольницы наши, и Побережницы наши, да не вступаются въ нихъ, и да не взимаютъ у нихъ [48] ихъ [49]

---

[34] имѣетъ и. Г. Г. и Р. Л. [35] война ли deest. Р. Л. [36] и отъ deest. Р. Л. [37] да deest. Р. Л. [38] всѣхъ. Р. Л. [39] первыхъ. Г. Г. и Р. Л. [40] же deest. Р. Л. [41] жаловалные. Г. Г. [42] изыначиваемъ. Р. Л. [43] или Р. Л. [44] и аще. Р. Л. [45] древодѣлные. Р. Л. [46] да не. Р. Л. [47] да deest. Р. Л. [48] *вмѣсто*: у нихъ—ихъ. Р. Л. [49] ни у нихъ. Р. Л.

дѣльныхъ орудій [50], да не отнимаютъ ничего же. А что законъ ихъ, и въ законѣ ихъ церкви, и монастыри, и часовни ихъ, ничемъ [51] да не вредятъ ихъ, ни хулятъ [52]; а кто учнетъ вѣру хулити или осужати [53], и тотъ человѣкъ не извинится ни чимъ же и умретъ злою смертію. А что Попы и Дьяконы ихъ, единъ хлѣбъ ядятъ [54] и во единомъ дому живутъ [55] у кого братъ или сынъ, и тѣмъ, по томужъ пути, наше жалованье [56]; ожъ [57] кто будетъ отъ нихъ не выступилъ, а Митрополиту не служитъ, а живетъ тотъ себѣ именемъ поповскимъ, да не отымается [58], но даетъ дань. А Попы, и Дьяконы, и причты церковные пожалованы отъ насъ по перьвой нашей грамотѣ, и стоятъ молящеся за насъ Богу правымъ сердцемъ и правою мыслію; а кто учнетъ неправымъ сердцемъ о насъ молитися Богу, то [59] грѣхъ на немъ будетъ. А кто будетъ Попъ, или Діаконъ, или Причетникъ церковный [60], или Людинъ [61], кто ни буде, откуду ни есть, Митрополиту похотятъ служити и о насъ Бога молити, что будетъ о нихъ у Митрополита въ мысли, то вѣдаетъ Митрополитъ. Такъ слово наше учинило, и дали есмя Петру Митрополиту грамоту сію крѣпости ему для, да сію грамоту видяще и слышаще вси людіе, и всѣ церкви, и всѣ монастыри, и всѣ причты церковные, да не преслушаютъ его ни въ чемъ, но послушни ему будутъ, по ихъ закону и по старинѣ, какъ у нихъ изстари идетъ. Да пребываетъ Митрополитъ правымъ сердцемъ, безъ всякія скорби и безъ печали, Бога моля о насъ и о нашемъ царствѣ. А кто вступитъ въ церковное и въ митрополичье, и на того гнѣвъ будетъ Божій, а по нашему великому истязанію [62] не извинится ничимъ же, и умретъ злою казнью [63]. Такъ ярлыкъ данъ [64]. Такъ молвя, слово

---

[50] дѣльныхъ ихъ орудій. Р. Л. [51] ничемъ deest. Р. Л. [52] хулятъ ихъ. Р. Л. [53] вѣру осужати ихъ и хулити. Р. Л. [54] ядуще. Р. Л. [55] живуще. Р. Л. [56] пожалованіе. Р. Л. [57] еже. Р. Л. [58] отъімаетца. Г. Г. отнимается. Р. Л. [59] тотъ. Г. Г. [60] или церковные. Р. Л. [61] иные люди. Р. Л. [62] великому наказанію и. Р. Л. [63] злою смертною казнью. Р. Л. [64] нашъ. Р. Л. [65] таковою данною. Р. Л.

наше учинило. Таковою [65] крѣпостію утвердило. Заечьего лѣта, осѣньняго [66] перваго мѣсяца 4 ветха. На поліихъ писанъ [67] и данъ.

Вторый ярлыкъ

А се ярлыкъ Атюляка Царя Михаилу Митрополиту Кіевскому и всея Руссіи.

Безсмертнаго Бога силою и величествомъ. Изъ дѣдъ и [68] изъ прадѣдъ, отъ первыхъ Царей и отъ [69] отецъ нашихъ, Атюлякъ Царь слово рекъ [70], Момаевою [71] мыслію дядиною. Ординскимъ и улуснымъ всѣмъ и ратнымъ Княземъ, и волостнымъ Дорогамъ и Княземъ, Писцемъ, и Таможникомъ, и Побережникомъ и мимохожимъ Посломъ, и Сокольникомъ, и Пардусникомъ, и Бураложникомъ, и Сотникомъ, и Заставщикомъ, и Лодейникомъ, или кто на каково дѣло ни пойдетъ, и многимъ людемъ. Отъ первыхъ Царей при [72] Чингисъ Царь, и по немъ иные Цари, Азизъ и Бердебекъ, и тіи жаловали церковныхъ людей, а они за нихъ молились. И весь чинъ поповскій, и всіи церковніи люди, не токмо жаловали ихъ, какова дань ни буди, или какая пошлина, или которые доходы, или заказы [73], или работы, или сторожа [74], или кормы: ино тѣмъ церковнымъ людемъ ни видити, ни слышити того не надобь, чтобъ во упокои Бога молили, и молитву за нихъ воздавали къ Богу. Да и по ихъ кто ни будетъ, всѣ тѣ, обыскавъ, ярлыки подавали. И нынѣ мы, по первомъ ярлыкомъ изыскавши, и удумавши, и думавъ [75], не изыначиваемъ первыхъ ярлыковъ, потомужъ сего Митрополита Михаила пожаловали есмя. И онъ, какъ сядетъ на своемъ столѣ, молитъ Бога за насъ и за наше племя въ родъ и родъ, и молитву воздаетъ. И тако есмя его пожаловали, что не надобь ему, ни его людемъ, ни всѣмъ церковнымъ богомольцамъ, Попомъ, и Черндомъ, и Бѣльцомъ, и ихъ

---

[66] асеняго. Г. Г. [67] на Поліихъ писана и дана. Г. Г. на поляхъ писана и дана. Р. Л. [68] и deest. Г. Г. [69] отъ deest. Г. Г. [70] *вмѣсто*: Атюлякъ Царь слово рекъ — Тютяково слово. С. Л. [71] Мамаевою. Г. Г. [72] преже. Г. Г. [73] или заказы или служба. Г. Г. [74] сто; ожи. Г. Г. [7] и думавъ deest. Г. Г.

людемъ, отъ мала и до велика, ни какова дань, ни которая пошлина, ни кормъ, ни питіе, ни запросъ, ни дары, ни почестья не воздаютъ никакова, ни служба, ни работа, ни сторожа, ни которые доходы, ни поминки, ни поклонное, ни выходъ, ни полѣтное, ни становое, ни въѣздное, ни мимоходное на дорозѣ Послу, ни Басмаку [76], ни которому моему пошлиннику; или что церковные домы, воды, земли, огороды, винограды, мельницы, стада конскіе, скоть [77] и [78] овчіи, или что ни буди ихъ, въ то ся у нихъ не вступаетъ никто, ни насилья да не творятъ имъ никакова; а кто будетъ взялъ не вѣдая, и онъ отдастъ безпосудно [79]. А въ церковныхъ домѣхъ ни стати никому, не рушити ихъ; а кто ся станетъ ставити въ церковныхъ домѣхъ, или рушити ихъ, и тѣ люди отъ Бога во грѣсѣхъ будутъ; а намъ ся на кого пожалуютъ тѣ церковные люди, и тотъ [80] отъ насъ не животною казнью казненъ будетъ; а кого нашихъ Пословъ или Пошлинниковъ убіютъ церковные люди надъ своимъ добромъ, тому телеватнѣ [81]; а кого нашъ убіетъ церковныхъ людей, и тотъ самъ смертію да умретъ. И ты, Михайло Митрополитъ, возмолвишь, что такъ есмь пожаловалъ [82], да тѣмъ домомъ церковнымъ, или землямъ, или водамъ, и въ огородѣхъ и въ виноградѣхъ или надъ людьми своими что учинишь чрезъ пошлину, ино то на тобѣ [83]. Или кто учинитъ татьбу, или ложь, или иное какое злое дѣло, а не имешь того смотрити, или слуги твои почнутъ какову нужу церковнымъ людемъ твоимъ [84] творити, ино то на тобѣ; и ты самъ вѣдаешь каковъ отвѣтъ Богу за то воздати, и тотъ грѣхъ на тобѣ, а мы о томъ ничто же не имѣемъ, но за насъ къ Богу молитвы воздавай, дабы церковные люди во упокой за насъ молилися, понеже ты преже, а они потомъ; а мы о томъ ничего не молвимъ. Такъ рѣкши, утвердихомъ со алою тамгою ярлыкъ. Да-

---

[76] Баскаку. Г. Г. [77] скотьи Г. Г. [78] и deest. Г. Г. [79] безпосулно. Г. Г. [80] и то. Г. Г. [81] телева нѣтъ. Г. Г. [82] пожалованъ. Г. Г. [83] на тебѣ взыщется. С. Л. [84] твоимъ deest. Г. Г

ли есмя овечья лѣта, дарыка въ семь сотъ осьмое [85] лѣто, Солгата [86] мѣсяца, 10 день нова. На великомъ лузѣ на рѣчномъ [87] Орда кочевала. Написано.

Третій ярлыкъ

А се ярлыкъ дала Тайдула Царица Іонѣ Митрополиту Кіевскому и всея Руссіи.

Тайдулино слово. Гдѣ сей Іона [88] Митрополитъ молебникъ за насъ молится, отъ первыхъ добрыхъ временъ и доселѣ, такожъ и иные церковные молебницы, ино не надобе имъ мзда, ни которая пошлина, и не емлютъ у нихъ ничего, занеже они молитву за насъ творятъ къ Богу. И что есмя молвили, и то бы есте всѣ вѣдали. Или что въ городѣхъ какія пошлины, или какое дѣло, или насилье будетъ имъ отъ кого, а тобѣ пожалуются, и ты слово ихъ выслушай, и дѣло ихъ по правдѣ прави. Или паки кто на кого предъ самымъ тобою слово молвитъ, и ты бы силы не учинилъ ни которыя, но опытай иныхъ людей, дабы въ упокой были, и о насъ молились. И вы Русскіе все Митрополиты, какъ было прежъ сего при первыхъ Царяхъ, кои дѣлали дѣла, и нынѣ такожъ дѣлали [89]. Такъ молвя, грамоту [90] дали есмя. Виннаго [91] лѣта, осмого мѣсяца, въ 6 вѣтха [92]. На желтой трости Орды кочевала. Писано [93].

Четвертый ярлыкъ

А се ярлыкъ дала Зенебекова Царица тажъ Тайдула Ѳеогносту Митрополиту Кіевскому и всея Руссіи.

По Зенебекову [94] ярлыку [95], Тайдулино слово. Ординскимъ [96] улуснымъ Княземъ, и волостнымъ и ого-

[85] вседмьсотое. С. Л. [86] Салгата. С. Л. [87] нареченномъ. С. Л. [88] Иванъ. С. Л. [89] *вмѣсто*: И вы Русскіе.... такожъ дѣлали, — а вы Русскіе князи Семеномъ почeнъ всѣми Митрополиты, какъ напередъ сего, кои дѣла дѣлали, а нынѣча такъ же дѣлаютъ. С. Л. [90] сеишенемъ грамоту. С. Л. [91] Свиного. С. Л. [92] Въ пятый вѣтха. С. Л. [93] Написано. С. Л. [94] Чанибѣкову. С. Л. [95] слову. С. Л. [96] Татарскимъ. С. Л.

роднымъ [97] и сельскимъ Дорогамъ, и Таможникомъ, и Побережникомъ, и мимохожимъ Посломъ, или кто на каково дѣло поидетъ, ко всемъ Пошлинникомъ. Отъ давныхъ добрыхъ временъ и доселѣ, что зовутся богомольцы и весь поповскій чинъ, тѣмъ не надобѣ ни которые пошлины, занеже самому Богу молятся [98] за насъ и за наше племя въ родъ и родъ, и молитву воздаютъ: такъ молвя, Өеогноста Митрополита Царь пожаловалъ, со алою тамгою ярлыкъ [99] далъ. И мы, первыхъ ярлыковъ не изыноча, такожъ молвя, Өеогносту Митрополиту съ нишенемъ [100] грамоту дали есмя. И какъ онъ сѣлъ въ Володимерѣ, молится за Зенебека Царя, и за наши дѣти молитву воздаетъ; и [101] пошлина ему не надобе, ни подводы, ни кормъ; ни запросъ, ни каковъ даръ, ни почестье не воздаетъ никакова, ни люди его. А земли его, и воды, ни огородовъ [102], ни мельницъ, и что ни будетъ церковное, кто ни будѐтъ нашихъ, не замаютъ; ни силы не творятъ надъ ними, ни истомы никакой, и не отнимаютъ у нихъ ничего. Или гдѣ станутъ, да не емлютъ у нихъ ничего: такъ есмя молвили. А кто паки безпутно силу учинитъ какову, или пошлину замыслитъ, тотъ смертію умретъ. И ты, Өеогностъ Митрополитъ, возмолвишь, что такъ есми пожалованъ. А которые къ тебѣ не причастни огороды, винограды, воды, земли, а надъ тѣми какову неправду учинишь, и ты самъ вѣдаешь каковъ отвѣтъ даси Богу, и тотъ грѣхъ на тебѣ. А за насъ молитву воздавай Богу. Тако молвя, на утвержденіе нынѣшнюю [103] грамоту дали есмя. Заячьяго лѣта, Арама мѣсяца, въ 8 день нова. Въ Саргѣ [104] Орда кочевала. Написано. А жалобу положилъ Тайбога [105]; Айхоча [106], Мухтаръ, Учагуи, Карапчіи [107], писали [108].

---

[97] городнымъ. С. Л. [98] молится. Г. Г. [99] ерлыки. С. Л. [100] мишенемъ. Г. Г. [101] а. Г. Г. [102] ни огородовъ, ни виноградовъ. Г. Г. [103] мишененую. Г. Г. [104] Сарае. С. Л. [105] тебѣ Бога. С. Л. [106] а Кхоча. Г. Г. Акхоча. С. Л. [107] Учагуйкаранчіи. С. Л. [108] писанъ. С. Л.

Пятый ярлыкъ

А се ярлыкъ далъ Менгу темиръ Оксанъ Царь, Русскимъ Митрополитомъ, безымянно всѣмъ церковнымъ людемъ.

Вышняго Бога силою, и вышняя Троицы волею, Менгутемирово [109] слово. Людскимъ Баскакомъ и Княземъ, и Полководнымъ [110] Княземъ, и Данщикомъ и Писцомъ, и мимоѣздящимъ Посломъ, и Сокольникомъ, и Пардусникомъ, и Бураложникомъ, и всѣмъ Пошлинникомъ. Чингій [111] Царь потомъ кто ни будетъ, дали есмя жалованныя грамоты Русскимъ Митрополитомъ и церковнымъ людемъ, тако молвячи, чтобъ есте и послѣдніе Цари, по томужъ пути, пожаловали Поповъ и Чернцовъ и всѣхъ богодѣльныхъ людей, да правымъ сердцемъ молятъ Бога, и за наше племя, безъ печали, и благословляютъ насъ. И не надобе имъ дань, и томга [112], и поплужное, ни ямъ, ни подводы, ни война, ни кормъ. И какъ первые Цари ихъ пожаловали, и мы, Богу моляся, и ихъ грамотъ не изыначивая, потомужъ жалуемъ. Во всѣхъ пошлинахъ, не надобѣ имъ ни которая Царева пошлина, ни Царицына, ни Князей, ни Рядцевъ, ни Дороги, ни Посла, ни которыхъ Пошлинниковъ, ни которые доходы. Или что церковные земли, воды, огороды, винограды, мельницы, зимовища, лѣтовища, да не замаютъ ихъ, а что будетъ взяли, и они отдадутъ безпосульно. А что церковныя люди: мастеры, сокольницы, пардусницы, или которыя слуги и работницы, и кто не будетъ ихъ людей, тѣхъ да не замаютъ ни на что: ни на работу, ни на сторожу. Или что въ законѣ ихъ иконы и книги, или иное что, почему Бога молятъ, того да не емлютъ, ни издерутъ, ни испортятъ. Да не кленутъ насъ, но впокои молятся за насъ. А кто вѣру ихъ похулитъ или ругается, тотъ ничемъ не извинится, и умретъ злою смертію. А попове единъ хлѣбъ ядуще и во единомъ мѣстѣ

---

[109] Менгу Темирово. Г. Г. [110] полнощочнымъ. С. Л. [111] Чингисъ. С. Л.

живуще, и у кого братъ или сынъ, и тѣ потомужъ пожалованы будутъ; аще ли отъ нихъ отдѣлилися, изъ дому вышли, и тѣмъ пошлины и дани давать. А попове отъ насъ пожалованы по первымъ грамотамъ, Бога молятъ стояще, и насъ благословляюще; аще ли кто имать [113] неправымъ сердцемъ за насъ молити Бога, ино тотъ грѣхъ на немъ будетъ, или иныя люди имать [114] къ себѣ пріимати, хотя Богови молитися. И въ томъ, и такъ что будетъ, молвя, сему Митрополиту грамоту сію дали есмя. И сію грамоту видяще и слышаще попове и черцы, ни дани, ни иного чего не даютъ; а кто возметъ, Баскаци наши и Княжіе Писцы, и Поплужницы, и Таможницы, и они по велицѣй язѣ не извинятся [115], и смертію да умретъ. Тако молвя, ярлыкъ далъ [116]. Заячьяго лѣта, осенняго перваго мѣсяца, въ 4 день ветха. На Телы [117] писаны.

Шестый ярлыкъ

А се ярлыкъ далъ Бердебекъ Царь Алексѣю Митрополиту Кіевскому и всея Руссіи Чудотворцу.

Безсмертнаго Бога силою и величествомъ, изъ дѣдъ и прадѣдъ, Бердебеково слово. Татарскимъ улуснымъ и ратнымъ Княземъ, Муалбегиною [118] мыслію, волостнымъ самымъ Дорогамъ и Княземъ, и Писцомъ, и Таможникомъ, и Побережникомъ, и мимохожимъ Посломъ, и Сокольникомъ, и Пардусникомъ, и Бураложникомъ, и Заставщикомъ, и Лодейщикомъ, и Заказникомъ, и всѣмъ Пошлинникомъ, или кто на каково дѣло ни поѣдетъ, и всѣмъ многимъ людемъ. Чингисъ Царь и первыи Цари, отцы наши, жаловали церковныхъ людей, кои за нихъ молилися, молебники и весь чинъ поповскій: такъ молвя, написали есмя. Какова дань ни будетъ, или пошлина, ино того тѣмъ ни видити, ни слы-

---

[112] тамга Г. Г. [113] иметъ. Г. Г. [114] иметъ. Г. Г. [115] не извинется. Г. Г. [116] данъ. Г. Г. [117] На Тали. С. Л. [118] Муалбугиною. Г. Г. Муяльбугиною. С. Л.

шати не надобѣ, чтобы во упокои Бога молили, и молитву воздавали: такъ молвя, ярлыки подавали. И то увѣдавши, всѣ, иже по нихъ, иные Цари ярлыки свои давали. И мы нынѣ, первыхъ ярлыковъ не изыначивая, и думавъ [119], потомужъ есмя Алексѣя Митрополита пожаловали. Какъ сядетъ на своемъ столѣ [120], и молитву воздаетъ къ Богу за насъ и за наше племя: такъ есмя молвили. Какова дань ни буди, или пошлина, и того тѣмъ ни видатя, ни слышати не надобѣ. Да не емлютъ у нихъ ни подводъ, ни корму, ни питья; ни запросовъ, ни почести не даютъ. Или что церковныя земли и воды, домы, огороды, винограды, мельницы, того у нихъ никто ничего не замаютъ, ни насилуютъ надъ ними; а кто будетъ что взялъ, и онъ отдастъ безпосульно. А въ церковныхъ домѣхъ никтоже не ставится, ни рушити ихъ; а кто ся въ нихъ имѣетъ ставити, или рушити ихъ учнетъ, и тотъ во грѣсѣхъ да будетъ, и умретъ злою смертію. И ты, Алексѣй Митрополитъ, и весь нашъ поповскій чинъ возмолвите, что есте пожалованы и церковнымъ домомъ, и землямъ, и водамъ, огородамъ и виноградомъ. Или что надъ церковными людьми учините черезъ пошлину, ино то на васъ; или кто разбоемъ и татьбою и ложью лихое дѣло учинитъ каково, а не имѣшь того смотрити, и ты самъ вѣдаешь что будетъ тебѣ отъ Бога. А о насъ Богу молися, занеже ты преже, а мы о томъ не молвимъ ничего: такъ рекше и ярлыкъ [121] съ алою тамгою дали есмя на утвержденіе вамъ. Тегигуя [122] лѣта, десятаго мѣсяца, въ 10 нова; Альгота [123] мѣсяца въ семьсотъ осьмое [124]. Орда кочевала на Каонгѣ. Написано. У васъ Бога [125], Усяинъ [126], Сараи, Ягатляи [127], Кутлубуга — [128] и тѣ головные Князи жалобу клали. Сеунчъ, Темирѣ [129], Мюрбакшеи [130] писали [131].

---

[119] удумавъ. Г. Г. [120] *вмѣсто* сядетъ... столѣ — какъ въ Володимірѣ сѣдъ С. Л. [121] Вайдуса ерлыкъ. С. Л. [122] Тетигуя. С. Л. [123] Алгата. Г. Г. Салгата. С. Л. [124] въ семсотное лѣто. С. Л. [125] Увалъ Бога. ГГ. Валбога. С. Л. [126] Ураинъ. С. Л. [127] Елгота. С. Л. [128] Кутлубога. С. Л. [129] Темиръ. С. Л. [130] Мурбакшіи. С. Л. [131] писалъ С.

Седмый ярлыкъ

А се ярлыкъ дала томужъ Алексѣю Митрополиту Кіевскому и всея Руси чудотворцу Тайдула Царица Зенебекова, коли ему лучится итти къ Царюграду.

По Зенебекову [132] ярлыку, Тайдулино слово. Къ Темнимъ и къ Тысячнымъ Княземъ, и Сотникомъ, и Десятникомъ, и Волостелемъ [133], и Городнымъ Дорогамъ, и Княземъ, и мимохожимъ Посломъ, и ко многимъ людемъ, и всѣмъ Приказникомъ. Сей Алексѣй Митрополитъ, коли пойдетъ ко Царюграду, и здѣ [134] кто ни будетъ, чтобъ его не замали, ни силыбъ надъ нимъ не учинили ни какіе; или гдѣ ему лучится постояти, чтобъ его ни кто не двигнулъ, ни коней его не имали, занеже за Зенебека [135] Царя, и за дѣтей его, и за насъ молитву творитъ, такъ есмя молвили. А кто паки силу учинитъ, и онъ на великой пошлинѣ перемолвитъ самъ: [136] такъ молвя, нишенную [137] грамоту дали есмя. Ентя [138] году, Арама мѣсяца, во 2 Ветха. Орда кочевала на Гулистанѣ [139]. Написано. Семиръ [140] Ходча жалобу положилъ.

Суть же и иніи велицы Ярлыцы предани быша церкви Божій, Пречистой Богоматерѣ, отъ безбожныхъ онѣхъ Царей крѣпости для утвержденія святѣйшимъ Митрополитомъ Русскимъ и всему причту церковному. Не реку Осанна Батыя, иже бѣ поплѣнилъ всю Русскую землю: наипаче рещи всѣхъ Царей, иже по немъ царствовавшихъ. Но охъ, увы! слезы мя обдержатъ, понеже убо милость получи святая соборная апостольская церковь даже и донынѣ отъ невѣрныхъ и поганыхъ Агарянскихъ дѣтей!

Вы православніи и Христолюбивіи Царіе, и Князи, и Бояре, потщитеся ко святымъ Божіимъ церквамъ всяко

---

[132] Ченебекову. С. Л. [133] волостнымъ. С. Л. [134] гдѣ. С. Л. [135] Ченебека. С. Л. [136] не перемолвится. С. Л. [137] мишеную. Г. Г. [138] Сита. С. Л. [139] Гулистанѣ. Г. Г. Гулистани. С. Л. [140] Темиръ. С. Л.

благотвореніе показати, вѣру праву и любовь нелицемѣрну, и милость и милостыню и прочая вся добродѣтели исправляти, да не посрамлени будете отъ онѣхъ варваръ въ день судный, яко же рече Господь во Евангеліи: Царица Южная востанетъ на судъ съ родомъ симъ, и осудитъ ихъ проповѣдію Іониною, занеже не покаяшеся. Елико же обрѣтохомъ во святѣйшій Митрополіи старыхъ Царей ярлыки, сихъ и написахомъ. Мнози же суть отъ первыхъ и давнихъ, иные велицы ярлыцы суть, но иныхъ не возмогохомъ превести, зане неудобь познаваемою рѣчью писаны быша, ниже паки ихъ именовахомъ. Здѣ довольно бысть и се разумнымъ къ наказанію, еже отъ Сарацинъ требованіе милости отъ Бога, и къ церкви Божіей милостыня и молитва, неже правда Христіанская неразумѣющихъ по истиннѣ Бога, но ослѣпленныхъ суетою міра сего еже преобидѣти святыя церкви, и домы ихъ, и сами отъ Бога преобидимы будутъ въ вѣки безконечныя. Аминь.

О МѢСТОПОЛОЖЕНІИ САРАЯ, СТОЛИЦЫ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ*.

Три вѣка съ половиною прошло лишь съ тѣхъ поръ какъ мечь и политика «собирателя» Земли Русской, Іоанна III, нанесли послѣдній ударъ существованію разрушенной уже междоусобіями Золотой-Орды; только три вѣка съ половиною: а мы въ настоящее время, какъ ни бьемся, не можемъ уже собрать о бывшихъ властителяхъ Руси никакихъ удовлетворительныхъ свѣдѣній. Все, что̀ знаемъ мы о нихъ, знаемъ крайне сбивчиво и отрывчато. Исторія Золото-Ордынскаго Ханства есть одна изъ наиболѣе обиженныхъ временемъ и обстоятельствами: мало того, что онѣ истребили важнѣйшіе письменные памятники, которые могли-бы служить ей источниками: онѣ стерли почти съ лица земли и бо̀льшую-часть самыхъ монументальныхъ слѣдовъ существованія Ханства. Его нѣкогда цвѣтущіе и многолюдные города—Булгаръ, Укекъ, Джюлладъ, Маджаръ, Сарайчикъ и многіе другіе—лежатъ въ развалинахъ, или, выражаясь точнѣе, напоминаютъ о существованіи своемъ только грудами кирпича и щебня, поросшими мхомъ и травою; а о столицѣ Орды, о знаменитомъ Сараѣ, мы не знаемъ даже навѣрное, къ какимъ-бы развалинамъ могли пріурочить его громкое имя.

Не знаемъ, говорю — не потому, чтобы изъ мнѣній, существующихъ о мѣстоположеніи Сарая, не было ни одного,

* Изслѣдованіе это появилось впервые въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ за 1845 годъ. *Изд.*

которое попало бы на истину; нѣтъ: многіе, какъ я думаю, указывали вѣрно на настоящее положеніе бывшей столицы преемниковъ Батыевыхъ; да дѣло въ томъ, что указанія эти дѣлались обыкновенно на удачу, зря, безъ достаточнаго основанія, безъ подтвержденія ихъ дѣльнымъ изслѣдованіемъ; если-же и случалось, что онѣ имѣли въ подкрѣпленіе свое авторитетъ какихъ-либо основательныхъ соображеній или достовѣрныхъ свидѣтельствъ, то публикѣ все-таки представляемы были безъ этого необходимаго въ ученомъ мірѣ поѣзда, въ видѣ простыхъ догадокъ и предположеній, выраженныхъ скорѣе съ сомнѣніемъ, чѣмъ съ увѣренностію. Такимъ образомъ, какъ ни одно изъ высказанныхъ о предметѣ мнѣній не опирается на полное по возможности и основательное его изслѣдованіе, читатель и остается въ неизвѣстности: которое изъ нихъ ближе въ истинѣ, и которому долженъ онъ отдать преимущество предъ прочими? То-есть: послѣ всего, что писано было о Сараѣ, мѣстоположеніе его остается столь же загадочнымъ, какъ-бы объ немъ ничего не было писано — случай весьма обыкновенный въ лѣтописяхъ наукъ!

Разрытія, въ теченіе двухъ уже лѣтъ производимыя по порученію Правительства въ окрестностяхъ города Царева, одномъ изъ предполагаемыхъ мѣстоположеній Сарая [1], обратили мое вниманіе на плачевное состояніе этого вопроса. Я предпринялъ разрѣшить его себѣ сколько возможно, сравнивъ и сообразивъ все, что доселѣ было писано о Сараѣ: и вотъ представляю теперь тощіе плоды моихъ изслѣдованій на невоздѣланной почвѣ кипчацкой топографіи, если не съ увѣренностію въ нихъ успѣшности, такъ съ убѣжденіемъ по-крайней-мѣрѣ, что на этотъ разъ онѣ произведены въ указанныхъ наукою формахъ.

Но такъ какъ не одно мѣстоположеніе Сарая остается

---

[1] Ж. М. В. Д. ч. II, с. 426—430; ч. IV, с. 112—130 и 279—298; ч. VII, с. 290—295; ч. VIII, с. 294—318.

доселѣ необъясненнымъ, а и время основанія его, и эпоха разрушенія, въ чемъ раздѣляетъ онъ участь и всѣхъ другихъ городовъ золото-ордынскихъ, то въ настоящемъ изслѣдованіи не счелъ я лишнимъ заняться разъясненіемъ и этихъ, равно какъ и еще нѣкоторыхъ другихъ вопросовъ, относящихся къ исторіи столицы Улуса Джучіева.

Начнемъ съ начала, съ основанія Сарая.

Построеніе этого города Ибнъ-Арабшахъ, а за нимъ и Дженнаби, приписываютъ Берге или Бергаю, родному брату Батыя, вступившему на престолъ Золотой-Орды вскорѣ по смерти сего-послѣдняго и властвовавшему съ 1257 по 1267 годъ[2]. Сказаніе это невѣрно: съ одной стороны имѣется противу него равносильное свидѣтельство другихъ историковъ, на-примѣръ Абульфеды и Мохаммеда Ризы, которые основателемъ этого города называютъ Батыя[3]; съ другой, оно совершенно опровергается тѣмъ, что Руисбрёкъ былъ уже въ Сараѣ еще при жизни этого грознаго бича Славянской Европы[4]. Итакъ нѣтъ сомнѣнія, что честь основанія Сарая принадлежитъ Батыю, а не Бергаю; но теперь спрашивается: когда именно произошло это основаніе? Изъ нашихъ писателей прошлаго вѣка, нѣкоторые относили его къ промежутку между первымъ и вторымъ нашествіемъ Батыя на Россію, къ 1238 — 1239 годамъ, то-есть допускали предположеніе не только ни на чемъ неоснованное, но и несовмѣстное даже съ тѣмъ, что положительно извѣстно намъ о подвигахъ Батыя въ это время. Послѣ перваго похода на Россію, окончившагося взятіемъ

[2] Ибнъ-Арабшаха Vitae et rerum gestarum Timuri historia. Ed. S. H. Manger, Leovardiae, 1767. t. I, p. 374; Гаммера Gesch. d. Gold. Horde, S. 150. A. 5.

[3] Géographie d' Abouféda, texte arabe, Paris, 1840. p. 217; Семь Планетъ, Исторія Крымскихъ Хановъ, Казань, 1832. с. 66.

[4] Батый умеръ въ 1255 или 1256, а Руисбрёкъ посѣщалъ Сарай въ 1254 году. Бержерона Voyages faits principalement en Asie. La Haye, 1735. v. I. p. 137.

Козельска, Батый, вышедши изъ ней въ исходѣ 1238 года, отправился въ Землю Половецкую, гдѣ всю зиму и весну слишкомъ занятъ былъ войною съ Половцами, чтобы имѣть досугъ и желаніе основывать новые города. Къ этому пространству времени, между первымъ и вторымъ вторженіемъ Батыя въ Россію, относятся пораженіе имъ на Степяхъ Астраханскихъ половецкаго хана Котяна, о которомъ разсказываютъ венгерскіе историки, и осада и взятіе Орны или Азова, при устьяхъ Дона, о чемъ упоминаетъ Плано Карпини [5]; а наступило только лѣто 1239 года, какъ Батый воевалъ уже Землю Мордовскою, и черезъ Муромъ шелъ на вторичное опустошеніе Россіи. Гаммеръ, ссылаясь на Мирхонда и Хондемира, полагающихъ, по словамъ его, основаніе Сарая въ 654 г. гиджры (=1256), относитъ это событіе къ тремъ послѣднимъ годамъ жизни Батыя [6]. На это можно замѣтить, что точность хронологическаго опредѣленія помянутыхъ персидскихъ историковъ опровергается тѣмъ же свидѣтельствомъ, которое противупоставили мы сказанію Ибнъ-Арабшаха и Дженнаби, свидѣтельствомъ Руисбрёка, видѣвшаго Сарай уже въ 1254 году. Стало-быть, Сарай, во всякомъ случаѣ, основанъ ранѣе 1246 года, и едвали въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ жизни Батыя. Вообще соображая обстоятельства, можно почти совершенно быть увѣреннымъ, что основаніе Сарая положено было грознымъ внукомъ Чингиса не ранѣе какъ по возвращеніи изъ венгерскаго похода, въ 1242 году, когда, избравъ себѣ мѣстопребываніемъ низовья Волги, началъ онъ утверждать основанія владычества своего въ покоренныхъ земляхъ, звать къ себѣ въ орду князей русскихъ, и осидѣлся такъ, что не хотѣлъ даже ѣздить въ Великую-Орду на *курултаи* или «государственные сеймы», гдѣ, какъ извѣстно, вліяніе его играло такую блистательную роль при избраніи на престолъ хагановъ. Съ 1235 года, какъ дано было ему на-

---

[5] См. у Карамзина въ Ист. Гос. Росс. т. IV. пр. 4.

[6] Gesch. d. Gold. Horde. S. 140—141.

чальство надъ полчищами, отправлявшимися на покореніе «Западныхъ Странъ», до 1242 года, онъ слишкомъ мало оставался на равнинахъ при-Волжскихъ, и слишкомъ ревностно заботился объ исполненіи завѣта дѣда, и приказа дяди, чтобы думать объ основаніи тамъ городовъ и найти довольно времени для приведенія въ исполненіе такихъ замысловъ, еслибы даже и имѣлъ ихъ. Самыхъ положительныхъ указаній на эпоху основанія Сарая надлежало-бы, казалось, ожидать отъ нашихъ лѣтописей, которыя, начиная съ 1242 года, съ позыва къ Батыю великаго князя Ярослава Всеволодовича, повѣствуютъ почти ежегодно о хожденіи къ нему въ Орду разныхъ русскихъ князей; но лѣтописи наши въ настоящемъ случаѣ зло обманываютъ ожиданіе: говоря о хожденіи князей въ Орду или ко Двору, онѣ не опредѣляютъ, гдѣ находилась Орда во время представленія къ Батыю того или другаго изъ князей; о Сараѣ-же, сколько мнѣ извѣстно, не упоминаютъ ни разу ранѣе 1261 года, когда имя это является въ нихъ по случаю извѣстія объ учрежденіи здѣсь митрополитомъ Кирилломъ отдѣльной русской епархіи [7]. Плано Карпини, видѣвшій Батыя весною 1246 года, нашелъ его кочующимъ въ предѣлахъ «Земли Команской», и описываетъ шатры властителя монгольскаго, а не дворцы его [8]; это впрочемъ ничего не доказываетъ противъ существованія Сарая ранѣе 1246 года: ни Батый, ни преемники его не жили-же безвыѣздно въ Сараѣ, напротивъ-того проводили въ немъ обыкновенно только нѣкоторое время года; въ остальное-же откочевывали, и часто весьма далеко, отъ своей столицы, какъ видимъ это, между прочимъ, изъ сказанія лѣтописей о мученической кончинѣ Михаила Тверскаго [9]. Могъ, потому, и Плано Карпини пріѣхать къ Батыю во время кочевки

---

[7] Никоновская Лѣтопись, III, 41.

[8] Собраніе Путешествій къ Татарамъ, изд. *Д. Языкова*. Спб. 1825. I, 18—20.

[9] Никоновская Лѣтопись, III, 119.

сего-послѣдняго по своимъ владѣніямъ: точно также и Руисбрёкъ нашелъ его въ первый пріѣздъ къ нему, въ 1253 году, не въ Сараѣ, а гдѣ-то на Волгѣ, недалеко отъ Земли Болгарской [10], между тѣмъ какъ въ 1253 году Сарай, по всей вѣроятности, уже существовалъ. Такъ или иначе, только вслѣдствіе всего вышеизложеннаго, основанія Сарая надлежитъ полагать между 1242 годомъ, временемъ возвращенія Батыя изъ венгерскаго похода и водворенія въ низовьяхъ Волги, и между 1254 годомъ, когда Руисбрёкъ видѣлъ уже своими глазами этотъ, какъ говоритъ онъ, «новопостроенный» городъ. Принявъ это за вѣрное, я затѣмъ уже нимало не сомнѣваюсь, что когда, въ «Таквимъ-эт-Теварихъ» Хаджи-Хальфы, находимъ подъ 651 г. гиджры (=1253), что въ этомъ году построенъ по повелѣнію Батыя городъ Багче-Сарай, то мы необходимо должны предположить здѣсь ошибку со стороны самаго автора, переписчиковъ его или издателя, и вмѣсто «Багче-Сарай» читать просто «Сарай». Что древность крымскаго Багче-Сарая не такъ глубока, какъ выходило-бы по этому, видно изъ многихъ обстоятельствъ, и между прочимъ изъ свидѣтельства одного крымскаго писателя, который построеніе этого города приписываетъ дѣду Хаджи-Герая, Хюда-Бирди-хану [11]; а если такъ, то можемъ думать, что означенный у Хаджи-Хальфы за годъ построенія Багче-Сарая, 651 годъ гиджры (=1253) есть точно настоящая эпоха основанія Батыемъ Сарая при-Волжскаго.

Во всякомъ случаѣ, послѣ свидѣтельства Руисбрёка о существованіи Сарая уже въ 1254 году, не можетъ возникнуть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что основаніе этого города должно быть отнесено ко времени владычества Батыева; съ другой стороны, однако, можно предполагать, что, недаромъ-же и на какомъ нибудь да основаніи,

---

[10] Бержеронъ. I, 40.

[11] Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Одесса, 1844. т. I. с. 381.

честь построенія Сарая Ибнъ-Арабшахъ и Дженнаби приписали не Батыю, а брату его Бергаю. Основаніе это, при неимѣніи лучшаго объясненія, можно было-бы найти, пожалуй, въ особенномъ расположеніи, какое мусульманскіе писатели естественно должны были питать и питали къ Бергаю за то, что онъ первый изо всѣхъ владѣтелей рода Чингисова принялъ Исламъ, старался о распространеніи его между своими подданными, славился ревностнымъ покровителемъ мусульманскихъ богослововъ и святошъ, и окружалъ ими себя постоянно [12]; но, въ оправданіе словъ Ибнъ-Арабшаха и Дженнаби, вѣроятно гораздо ближе къ истинѣ будетъ предположить, что они точно имѣли право назвать Бергая строителемъ Сарая, по тому, что онъ можетъ-быть дѣйствительно распространилъ, упрочилъ и украсилъ тò, чтò при Батыѣ только-что образовывалось въ гòродъ, только-что переходило въ постоянное жилье изъ подвижнаго стана кочеваго двора. Предположеніе это имѣетъ на своей сторонѣ авторитъ аналогіи образованія другихъ большихъ азіатскихъ городовъ изъ военачальническаго лагеря, и сверхъ того въ подтвержденіе его можно привести извѣстный фактъ, вѣроятно одинъ изъ многихъ того же рода, но потерянныхъ для исторіи — фактъ основанія въ Сараѣ, въ 1261 году, русской епархіи, предполагающій уже значительную населенность этого города, и стремленіе тогдашняго хана къ распространенію и увеличенію его; а ханомъ въ то время былъ Бергай. Такимъ образомъ находимъ мы средство согласить противорѣчивыя свидѣтельства историковъ, приписывающихъ построеніе Сарая то Батыю,

---

[12] Ибнъ-Арабшаха, Vitæ et rerum gestarum Timuri historia. I, 374; Абульгази, Historia Mongol. et Tatar. Casani, 1825. p. 97; Гаммера, Gesch. d. Gold. Horde, S. 150 und 181. Самое даже монгольское имя *Берге* или *Бергай* хана обращено было мусульманскими писателями въ *Береке*, чтò поарабски значитъ «благословеніе», «благодать»: на томъ же самомъ основаніи, на какомъ король французскій Лудовикъ Святой нашелъ весьма приличнымъ назвать Татаръ — «Tartaræi», то-есть «адскіе выходцы».

то Бергаю, и оправдать обѣ стороны безъ натяжекъ и нарушенія исторической достовѣрности.

До-сихъ-поръ объ основаніи Сарая. Теперь нѣсколько словъ объ немъ, какъ о столицѣ Золото-Ордынскаго Ханства. Несмотря на распространеніе свое при Бергаѣ, и на то, что онъ предпочтительно передъ другими городами пользовался преимуществомъ и выгодами пребыванія въ немъ хановъ, Сарай не очень скоро по основаніи своемъ сдѣлался первенствующимъ городомъ Орды. Долгое и довольно долгое время уступалъ онъ въ этомъ отношеніи Булгару на Волгѣ [13]; да, и превзойдя его въ-послѣдствіи, онъ и тогда едва-ли не продолжалъ раздѣлять съ нимъ честь первенства, не присвоивая ее себѣ исключительно. До самаго паденія своего въ половинѣ XV вѣка, Булгаръ на сѣверѣ Золото-Ордынскихъ Владѣній игралъ почти такую же роль и въ торговомъ, и въ политическомъ отношеніяхъ, какъ Сарай въ центральной части тѣхъ же владѣній, и какъ Солгатъ или Крымъ на юго-западной ихъ оконечности; по разрушеніи-же Булгара, наслѣдницею утраченной имъ значительности сдѣлалась сосѣдка его, юная Казань. Къ такому мнѣнію приводятъ разныя соображенія. Такъ въ путешествіи Марка Поло главными городами владѣній Бергая не только называются одинаково Булгаръ и Сарай, но Булгаръ ставится еще на первомъ мѣстѣ [14]. Такъ древнѣйшая извѣстная намъ монета сарайская бита лишь при Туда-Мангу въ 681 г. гиджры (=1282-3) [15], тогда какъ мы знаемъ одну Менгу-Тимурову, битую въ Солгатѣ или Крыму въ

---

[13] Это, около десяти лѣтъ назадъ, замѣчено уже было мною въ статьѣ о «Волжскихъ Булгарахъ», помѣщенной въ «Библіотекѣ для Чтенія» за 1836 за № XI. отд. III. с. 23.

[14] Viaggi raccolti da Ramusio, Venet. 1583. II, 2.

[15] Френа, Монеты Хановъ Улуса Джучіева, № 15 и с. 44. Впрочемъ, можно сомнѣваться еще, точно-ли эта монета бита въ Сараѣ: первая, неоспоримо сарайская, принадлежитъ къ ханствованію Тохтогу, и бита въ 690 г. гиджры (=1291). См. Френа же Recensio numorum Muhammedanorum Acad. Scient. Imp. Petropolitanae, p. 198.

665 или 675 г. гиджры (=1266-7 или 1276-7) [16], и тогда такъ *всѣ* древнѣйшія золото-ордынскія, битыя при первыхъ преемникахъ Батыя, Бергаѣ и Менгу-Тимурѣ, носятъ исключительно клеймо Булгара [17]. Затѣмъ, булгарскому же монетному двору принадлежитъ большинство извѣстныхъ монетъ и преемника Менгу-Темирова Туда-Мангу [18]. Съ эпитетомъ-же «махрусэ» (богохранимаго, богоспасаемаго), эпитетомъ который дается лишь столицамъ или большимъ городамъ, обильнымъ мечетями или святыми, является Сарай впервые только при Тохтогу-ханѣ, на монетѣ битой въ 710 г. гиджры (=1310-1) [19]. Итакъ, на степень столицы Улуса Джучіева Сарай поднялся вѣроятно не прежде, какъ въ ханствованіе Туда-Мангу или Тохтогу.

Самымъ цвѣтущимъ періодомъ существованія Сарая было время правленія Узбека и Джанибека, или вообще первая треть XIV вѣка, когда Орда была сильна внутри и грозна извнѣ, когда черезъ земли ея лежалъ «индѣйскій путь» въ Европу, а порядокъ и благоустройство обезпечивали безопасность торговыхъ каравановъ. Тогда Сарай знакомъ былъ Западу и славился на Востокѣ. Знаменитый путешественникъ африканскій Ибнъ-Батута посѣщалъ Сарай лично въ сороковыхъ годахъ XIV вѣка, и въ описаніи путешествій своихъ оставилъ намъ слѣдующія драгоцѣнныя строки о предметѣ нашихъ изслѣдованій: «Городъ «Сарай», говоритъ онъ, «есть одинъ изъ лучшихъ и вели«чайшихъ; расположенъ на равнинѣ, чрезвычайно много«люденъ, имѣетъ прекрасные рынки и широкія улицы. «Разъ, съ однимъ изъ князей здѣшнихъ, отправились мы «въ объѣздъ вокругъ города, чтобы составить себѣ понятіе «о занимаемомъ имъ пространствѣ. Жилище наше нахо«дилось на одной изъ оконечностей его; до противополож-

---

[16] Bulletin scientifique de l'Acad. des scien. de St.-Petersbourg, t. IV № 15.
[17] Мон. Хан. Ул. Джуч. №№ 1—12.
[18] Тамъ же, №№ 13, 14, 18, 19, 23 и 24.
[19] Тамъ же, № 28.

«ной добрались мы только послѣ полудня. Совершивъ тамъ «полуденную молитву и поѣвши, мы возвратились опять «въ наше жилище не ранѣе какъ по закатѣ солнца. Та«кимъ образомъ проѣздили мы цѣлый день, употребивъ «половину его на путешествіе изъ дому и на возвращеніе «обратно: и все это по многолюднымъ и обстроеннымъ «мѣстамъ, не встрѣтивъ на пути ни пустыря, ни виноград«никовъ. Здѣсь есть тринадцать однѣхъ соборныхъ мече«тей, въ которыхъ моленіе производится только по пятни«цамъ, въ томъ числѣ одна для послѣдователей шафіит«скаго обряда, да сверхъ того множество другихъ. Жители «состоятъ изъ разныхъ націй; между-прочимъ, есть Амагал«лы, потомки туземцевъ и царей. Нѣкоторые изъ нихъ «суть Мусульмане, каковы Аларадцы, Мусульмане изъ Кап«чака; другіе, какъ Руссы и Греки—Христіане. Каждая «нація живетъ отдѣльнымъ лагеремъ, въ которомъ имѣются «рынки. Купцы и иностранцы изъ Вавилоніи (Ирака?), «Египта, Сиріи и другихъ странъ, живутъ въ мѣстѣ обве«денномъ стѣною, для безопасности ихъ товаровъ. Тутъ же «и дворецъ султанскій называемый Аттуко Таша (*аттуко* «значитъ «золото», а *таша* — «голова)» [20]. Далѣе перечи-

---

[20] Этого описанія Сарая нѣтъ въ англійскомъ переводѣ «Сокращенія Путешествій» Ибнъ-Батуты, изданномъ въ Лондонѣ въ 1829 году профессоромъ Ли. Мы заимствовали его изъ новѣйшаго португальскаго перевода «Полныхъ Путешествій» знаменитаго танджерца, перевода вышедшаго въ 1840 году въ Лисабонѣ, подъ заглавіемъ: «Viagens extensas e dilatadas de celebre Arabe Abu-Abdallah, mais conhecido pelo nome de Ben-Batuta, traduzidas por Iosé de santo Antonio Moura». Не надѣясь слишкомъ на свѣдѣнія свои въ Португальскомъ Языкѣ, считаю нелишнимъ, по рѣдкости у насъ португальскихъ книгъ, выписать цѣликомъ все переведенное мною мѣсто, для доставленія желающимъ возможности повѣрить переводъ мой съ подлинникомъ (t. I. p. 475): «A cidade de Açarà he huma das melhores e maiores, situada en «huma campina, povoadissima, e com bellas praças, e espaçosas estradas. «Montámos hum dia com hum dos principaes della, sendo nosso intento gyrar «ao redor da mesma, e conhecer o seu espaço; e sendo a nossa pousada em «hum extremo della, não chegámos ao outro senão depois do meio dia, e «tendo ali celebrado a oração do meio dia, e comido, não chegámos à dita

сляетъ Ибнъ-Батута сарайскихъ представителей мусульманскаго духовенства и разныя благочестивыя лица, съ которыми имѣлъ тамъ сношенія, что въ настоящемъ случаѣ, какъ неимѣющее никакой важности для дѣла, мы опускаемъ.

Дополненіемъ къ сообщаемому Ибнъ-Батутою могутъ служить извѣстія, которыя находимъ о Сараѣ въ Ибнъ-Арабшаховой исторіи Тамерлана. «Когда Береке-ханъ», говоритъ этотъ историкъ, «облекся въ одежду Ислама и «воздвигъ повсюду въ Дештѣ знамена исповѣданія ханефитскаго, сталъ звать онъ къ себѣ мусульманскихъ ученыхъ изъ всѣхъ странъ и изо всѣхъ земель, да наставятъ «народъ въ ученіи вѣры ихъ, и укажутъ ему пути къ по«знанію единства Божія и того, что̀ есть истина. Щедро «награждалъ онъ и роскошно осыпалъ дарами тѣхъ, которые «внимали этому зву и пріѣзжали къ нему; наукѣ и ученымъ

«pousada senão depois do sol posto. Camminhámos tambem hum dia a sua «largura; e em ir e vir gastámos meio dia; e isto por povoação continuada «e sempre por casas, cem haver lugar deserto, nem pomares. Nella ha treze «mesquitas para a celebração da oração da sexta feira, huma dellas perten«cente à seita da Axxafeaia, e alem destas muitas outras. Ha na mesma «turbas de povos, e destes os Amagallos, que são os descendentes do paiz, «e dos Reis; e alguns deles são Mosselemanos, sendo destes os Alarados, que «são os Mosselemanos de Alcafejaq, os de Aljarçak, os Russos, e os Gregos, «que são Christãos; e cada turba habita em acampamento sobre si, em que «ha praças, mercadores, e estrangeiros da Babylonia, do Egypto, da Syrià, e «de outras partes, que habitão em sitio murado para segurança de suas fa«zendas. Nella esta o palacio do soltão chamado Attuco-Taxa (Attuco signi«fica o ouro, e Taxa a cabeça)». Форма *Açarà*, подъ которою является здѣсь Сарай, произошла отъ присоединенія къ слову *Сарай* арабскаго опредѣлительнаго члена *аль*, при чемъ буква *л* въ семъ-послѣднемъ исчезла на основаніи того, что начальная буква слова *Сарай* есть «солнечная»: Марко Поло также пишетъ *Assara*. Гораздо труднѣе и гораздо важнѣе вмѣстѣ-съ-тѣмъ объяснить что̀-бы такое были *Amagallos;* извѣстно, какъ арабскія буквы въ *ламъ* и *ре* легко могутъ перемѣняться и быть принимаемы одна за другую рукописяхъ: не сдѣлалъ-ли Моура своихъ *Amagallos* изъ *Амаджиръ* арабскаго текста? въ такомъ случаѣ *Амаджиръ* можно-бы принять за арабскую форму множественнаго числа отъ единственнаго *Маджиръ* или *Маджаръ*, и думать, что подъ Амаджирами своими Ибнъ-Батута разумѣлъ Маджаровъ или Венгровъ, точно обитавшихъ нѣкогда въ Землѣ Команской, гдѣ находился

«показывалъ великое уваженіе, чтилъ высоко Слово Божіе «и заповѣди пророковъ. При немъ и, по смерти его, при «Узбекѣ и Джанибекѣ находились: мевлана ученѣйшій Кутбъ-«ед-Динъ Рази, шейхъ Саадъ-ед-Динъ Тефтазани, сейидъ «Джелалъ-ед-Динъ, толкователь «Хаджебійэ» и другіе отлич-«ные мужи ханефитскаго и шафіитскаго обряда. Послѣ нихъ «жили здѣсь покойные мевлана Хафизъ-ед-Динъ Безази и «мевлана Ахмедъ-Ходженди. При посредствѣ этихъ знаме-«нитостей, Сарай сдѣлался убѣжищемъ науки и рудникомъ «благополучія. Въ короткое время собралось въ него столько «отличнѣйшихъ ученыхъ, богослововъ и всякаго рода умныхъ «и даровитыхъ людей, сколько никогда и нигдѣ еще не со-«биралось ихъ въ одномъ мѣстѣ»[21]. Отъ упомянутаго въ этомъ перечисленіи шейха Кемаль-ед-Динъ Ахмеда-Ходженди остались даже стихи къ Сараю, которые стихи дошли и до насъ, благодаря Девлетъ-Шаху, сохранившему ихъ въ своей «Тезкире-и-Шуэра» или «Памятной Книгѣ Стихотворцевъ»[22].

Но едва, лѣтъ черезъ пятьдесятъ или сорокъ послѣ основанія своего, успѣлъ Сарай, при Туда-Менгу или Тох-

---

Сарай; впрочемъ, это предположеніе не что иное какъ предположеніе, дозволительное при отсутствіи арабскаго текста, не видавши котораго нельзя ни утверждать, ни отрицать ничего рѣшительнымъ образомъ. *Os Alaradios*, у меня *Аларадцы*, — не имѣютъ ли какой связи съ *Аларсіей* хазарской, о которой упоминаетъ Масуди? Чтó надо разумѣть подъ *Aljarçak*, не могъ я придумать, почему и опустилъ это слово въ переводѣ. Вмѣсто *Attuco-Taxa*, судя по объясненію самаго автора, должно читать *Алтунъ-Башъ*, ибо «золото» по-татарски называется *алтунъ*, а «голова» — *башъ*: *алтунъ-башъ*, какъ прилагательное, будетъ значить въ такомъ случаѣ «златоглавый, златоверхій, съ золотою маковкою»; но какъ *Taxa* можно произносить и *Таха* (читай по-русски), а *cabeça* по-португальски значитъ также и «столица», то *Attuco-Taxa* можетъ быть также испорченнымъ *Алтунъ-Тахтъ*, то-есть «Золотой-Престолъ», отъ чего произошло и наше русское названіе Улуса Джучіева — «Золотая-Орда». Впрочемъ, вообще я не слишкомъ довѣряю вѣрности чтенія и перевода г. Моуры.

[21] Vitae et rerum gestarum Timuri historia, ed. Manger, I, 378—380.

[22] Numophylacium Universitatis Caesareae Casanensis Orientale, delin. F. Erdmann. Casani, 1826. p. 54—56.

тогу, получить перевѣсъ значительности надъ другими, старѣйшими извѣстностію городами Золото-Ордынскаго Ханства, какъ лѣтъ черезъ двадцать или тридцать послѣ того, изъ монетъ помянутаго же Тохтогу, узнаёмъ впервые о существованіи уже еще «*Новаго-Сарая*» (*Серам-Джедидъ*). Древнѣйшая извѣстная доселѣ монета съ именемъ этого «Новаго»-Сарая принадлежитъ, какъ сказано, къ правленію Тохтогу, и бита въ 710 г. гиджры (=1310-11)[23]. Узбековыхъ монетъ съ именемъ этого города до-сихъ-поръ не встрѣчалось; часто, напротивъ того, находимъ на нихъ просто «Сарай»; но со времени вступленія на престолъ преемника Узбекова, Джанибека, Сарай почти совсѣмъ исчезаетъ на монетахъ, вытѣсненный «Новымъ»-Сараемъ, что̀ и продолжается вплоть до воцаренія Тамерлана, на нумизматическихъ памятникахъ котораго имя «Сарая» является опять просто, и встрѣчается не рѣже, какъ и «Новаго»-Сарая. Относительно сего-послѣдняго, должно замѣтить еще, что существованіе его свидѣтельствуетъ одна нумизматика; въ путешественникахъ, географахъ и лѣтописцахъ, какъ мусульманскихъ, такъ и христіанскихъ, не находимъ объ этомъ городѣ ровно ничего. Что̀-же такое былъ этотъ «Новый-Сарай», гдѣ находился, когда и кѣмъ выстроенъ, когда и какимъ образомъ палъ?

Френъ гадательно, а за нимъ Гаммеръ уже рѣшительно, говорятъ, что «Новый»-Сарай не былъ городъ отдѣльный отъ Стараго-Сарая или просто Сарая, а часть его или пристройка[24]. Ни петербургскій, ни вѣнскій оріенталисты не привели никакихъ доказательствъ въ подкрѣпленіе первый своего предположенія, а послѣдній рѣшительнаго утвержденія, но мнѣніе ихъ тѣмъ-не-менѣе имѣетъ много вѣроятности на своей сторонѣ. Въ защиту его можно припомнить что на монетахъ Золотой-Орды встрѣчаемъ мы нерѣдко

---

[23] Recensio numorum, p. 201.

[24] Монеты Хановъ Улуса Джучіева, с. 44; Gesch. d. Gold. Horde, S. 9.

имена нѣкоторыхъ извѣстныхъ городовъ ея съ прибавленіемъ эпитета «новый», не переставая въ тоже время имѣть монеты съ именами этихъ городовъ безъ прибавленія помянутаго эпитета; когда исчезаютъ монеты съ именами «старыхъ» городовъ, видимъ, что современно съ тѣмъ пропадаютъ онѣ и съ «новыми». Потомъ, эти «новые» города знаетъ только нумизматика; въ другихъ историческихъ источникахъ не добьешься объ нихъ ни слуха, ни духа. Наконецъ, намъ извѣстны развалины или слѣды свидѣтельствующіе о точномъ мѣстоположеніи нѣкоторыхъ «старыхъ» городовъ: такъ знаемъ мы, на-примѣръ, гдѣ находились Маджаръ и Крымъ или Солгатъ, а не отыскиваемъ никакихъ городищъ, которые принадлежали-бы извѣстнымъ по монетамъ «Новому-Маджару» и «Новому-Крыму». Изо всего этого съ большою вѣроятностію позволительно заключать, что вообще «новыхъ» городовъ, извѣстныхъ по монетамъ, въ томъ числѣ и «Новаго»-Сарая, какъ отдѣльныхъ городовъ никогда не существовало, а что назывались такъ или новыя значительныя пристройки къ «старымъ» городамъ тѣхъ же названій — пристройки, получавшія существованіе вслѣдствіе необыкновеннаго прилива народонаселенія, слiянія съ городомъ близь-лежавшихъ деревень, основанія загородныхъ дворцовъ съ цѣлыми слободами для помѣщенія царедворцевъ и служителей—или возобновленные кварталы «старыхъ» городовъ, истребленные пожарами или другими бѣдствіями. Далѣе, на монетные дворы вообще на Востокѣ была большая роскошь, такъ-что существовало множество городковъ, ничѣмъ не замѣчательныхъ, но въ которыхъ между-тѣмъ монета чеканилась, какъ чеканилась она золото-ордынскими ханами даже въ лагеряхъ ихъ, въ продолженіе походовъ или кочевки. Изъ этого объясняется весьма просто, какъ могло случиться то, что мы имѣемъ монеты битыя въ одно время и въ «новомъ» и въ «старомъ» городѣ одного имени, предполагая что оба составляли одно общее цѣлое: это значитъ, что

и въ «старомъ», и въ «новомъ» городѣ, было въ каждомъ по монетному двору, и что монетный дворъ переходилъ по временамъ изъ одного въ другой, какъ заведеніе по простотѣ своей не многимъ-чѣмъ превосходящее обыкновенную кузницу. Послѣ всего сказаннаго, можно бы, кажется, совершенно согласиться съ мнѣніемъ Френа и Гаммера относительно «Новаго-Сарая», порѣшивъ дѣло тѣмъ, что это былъ «пригородъ», «пристройка» къ Старому-Сараю. Но нѣтъ: вышеприведенныя соображенія представляютъ только одну сторону медали. Переверненъ ее, и увидимъ, что если одни изъ «новыхъ» городовъ могли быть не инымъ-чѣмъ, какъ новыми или возобновленными частями «старыхъ», то не менѣе вѣроятно, что были изъ нихъ и совершенно отдѣльные отъ своихъ «старыхъ». Такъ, относительно Астрахани, не только однѣ монеты свидѣтельствуютъ, что было два города этого имени, «Старая» и «Новая» Астрахань, но свидѣтельство это подтверждается и исторіею, и преданіемъ, пріурочивающимъ имя первой къ остаткамъ развалинъ находящихся на правомъ берегу Волги, верстахъ въ осьми выше нынѣшней или «Новой»-Астрахани, построенной на одномъ изъ волжскихъ острововъ. Такъ, хотя мы и не знаемъ гдѣ находился «Новый»-Крымъ, знаемъ однакоже, что существующіе остатки перваго города этого имени носятъ у жителей издавна и доселѣ названіе *Эски*-Крыма, то-есть «Стараго»-Крыма: былъ стало-быть гдѣ нибудь и «Новый»-Крымъ, и былъ не тамъ, гдѣ видимъ развалины «Стараго», верстахъ въ двадцати отъ Ѳеодосіи. Могъ, поэтому, и «Новый-Сарай» быть городомъ отдѣльнымъ отъ Сарая, первокрещеннаго этимъ именемъ, хотя и не въ далекомъ отъ него разстояніи. Однимъ-словомъ, опредѣлительнаго объ этомъ нельзя сказать ничего.

Съ бо̀льшею увѣренностію, пригородомъ Сарая, или отдѣльнымъ дворцомъ невдалекѣ отъ него, или даже небольшимъ городкомъ въ нѣкоторомъ отъ него отдаленіи, слѣдуетъ почесть *Гюлистанъ*. Древнѣйшее упоминовеніе

объ этомъ мѣстѣ, названіе котораго значитъ «Садъ Розъ» или вообще «Цвѣтникъ», находимъ въ договорѣ Джанибека съ Венеціанами, заключенномъ въ 748 г. гиджры (=1347). Договоръ этотъ писанъ былъ, какъ значится въ немъ, въ Гюлистанѣ, «dado in Gulistan» [25]. Далѣе встрѣчаемъ Гюлистанъ въ ярлыкѣ, данномъ въ 1356 году отъ жены Джанибековой Тайдулы митрополиту нашему св. Алексію, и также какъ мѣстопребываніе Двора во время дачи этого ярлыка [26]. На монетахъ, имя Гюлистана попадается впервые также при Джанибекѣ, именно въ 752 г. гиджры (=1351), нерѣдко потомъ при его преемникахъ, и впослѣдніе на монетѣ Азиза, битой въ 767 г. гиджры (=1365-6) [27]. Какое же отношеніе къ Сараю имѣетъ этотъ послужной списокъ Гюлистана? Такое, что есть монета Мюрида или Муруда, битая въ 863 г. гиджры, на которой читаемъ «*Гюлистанъ-лис-Серай*», то есть «Гюлистанъ Сарайскій» или «Гюлистанъ при Сараѣ» [28]: чѣмъ доказывается, что Гюлистанъ долженъ былъ находиться вблизи столицы, о которой идетъ рѣчь, былъ вѣроятно, судя по названію, однимъ изъ загородныхъ дворцовъ, которыми она украшалась. Ниже, говоря о мѣстоположеніи Сарая, я возвращусь еще къ Гюлистану; здѣсь-же, въ дополненіе къ сказанному объ немъ, прибавлю только что независимо отъ Гюлистана просто, находимъ на монетахъ Джанибека, Пулада и Азиза еще «*Новый-Гюлистанъ*» [29], можетъ-быть новый загородный дворецъ, и совсѣмъ въ противуположной сторонѣ отъ того мѣста, гдѣ стоялъ первенецъ этого заманчиваго имени.

Представивъ сколько можно было свѣдѣній о расширеніи золото-ордынской столицы въ блистательный періодъ ея

---

[25] Gesch. d. Gold. Horde, S. 519.

[26] О достовѣрности ярлыковъ, данныхъ ханами Золотой-Орды русскому духовенству. Москва, 1842. с. 80, 95 и 129.

[27] Монеты Хановъ Улуса Джучіева, №№ 95, 160 и другіе.

[28] Також, № 151; Recensio, p. 276, № 4.

[29] Мон. Хан. Ул. Джуч. №№ 107 и 158; Recensio, p. 254, № XCI, в; p. 278, № 3; p. 282.

существованія, переходимъ теперь ко второму періоду, періоду упадка. Благосостояніемъ своимъ Сарай, нѣтъ сомнѣнія, обязанъ былъ не столько выгодамъ географическаго положенія своего, сколько политическому значенію; поэтому цвѣтущій пока сильна была Орда, онъ долженъ былъ и упадать вмѣстѣ съ ослабленіемъ ея отъ междоусобій внутреннихъ и отъ усиленія сосѣдей извнѣ. Россія мало-помалу начинала прекращать присылку ко Двору омытыхъ кровавымъ потомъ дапей и даровъ своихъ; не изъ чего, да и некогда, было безсильнымъ ханамъ, ежегодно смѣнявшимся, украшать столицу свою новыми зданіями или поддерживать даже великолѣпіе предковъ. Не наслаждаясь болѣе прежнимъ спокойствіемъ и безопасностію, плодами безпрекословнаго повиновенія одной прочно утвержденной власти, столицѣ ордынской приходилось, напротивъ, съ года на годъ чаще быть свидѣтельницею и жертвою столкновенія въ стѣнахъ ея честолюбій домашнихъ, а потомъ испытывать и отъ внѣшнихъ враговъ участь умирающаго льва. Русскіе, давно-ли еще съ трепетомъ говорившіе «близь царя близь смерти», эти самые Русскіе, къ концу XIV вѣка одушевились до того, что стали даже налагать руку, хотя и украдкою, на самое сердце владѣній этихъ смертоносныхъ царей. Ростовская Лѣтопись сказываетъ, что въ 1374 и 1375 годахъ, ушкуйники новгородскіе «поидоша въ насѣдахъ (по Волгѣ) къ Сараю, гостей Христіанъ грабяще, а Бесерменъ грабяще и убивающе» [30]. Вскорѣ за тѣмъ, владѣнія Хановъ испытали при Тохтамышѣ грозу Тамерланова нашествія. Въ 1395 году полчища его, по взятіи Астрахани, «двинулись къ Сараю, зажгли его, обратили въ пепелъ, а жителей, выведя изъ города, погнали передъ собою какъ стадо барановъ»: такъ выражается знаменитый историкъ Тамерлановъ Шерефъ-ед-Динъ [31], и нѣтъ сомнѣнія

[30] У Карамзина, въ Ист. Гос. Росс. т. V. пр. 106.
[31] Histoire de Timur-Bec, traduite par Petis de la Croix. II, 381.

что слова эти не были гиперболою въ устахъ его, что месть грознаго завоевателя джагатайскаго, разразившаяся надъ Сараемъ и другими городами золото-ордынскими, не измѣнила въ этомъ случаѣ обычному ей характеру разрушительности. Заклятый врагъ Тамерлановъ, Ибнъ-Арабшахъ, описывая бѣдствія, претерпѣнныя въ это время Землею Кипчацкою, представляетъ однакоже такую картину опустошенія, которой отказывается вѣрить нашъ историческій смыслъ [32]. Жизненность существованія Орды, какъ видно изъ послѣдующихъ событій, не была истощена совершенно этимъ пронесшимся надъ нею кровавымъ и огненнымъ ураганомъ; такъ и столица ея была разграблена, испепелена пожаромъ, лишилась огромнаго количества жителей, но не истреблена въ-конецъ, и чрезъ нѣсколько времени должно-быть оправилась и ожила снова, хотя далеко не въ прежнемъ видѣ. Не Тамерлану суждено было нанести ей смертельный ударъ, и не тогда пробилъ послѣдній ея часъ. Цѣлый вѣкъ еще оставалось Сараю влачить свое жалкое существованіе, и пасть ему, вмѣстѣ съ Ордою, предопредѣлено было отъ меча Русскихъ, по слову Іоанна III. На монетахъ, имя Сарая является впослѣдніе при ханѣ Мухаммедѣ, около половины XV столѣтія [33]. Въ 1472 году, по сказанію нашихъ лѣтописей, приплыли Вятчане къ Сараю Волгою, и слыша что Ханъ кочуетъ въ пятидесяти верстахъ оттуда, взяли Сарай въ расплохъ, захватили всѣ товары, поплѣнили между прочимъ нѣсколько княгинь, и съ добычею своею, несмотря на сопротивленіе Татаръ, ушли назадъ по-здорову [34]. Этотъ удалой набѣгъ смѣлыхъ новгородскихъ выходцевъ былъ какъ-бы предвѣстіемъ совершеннаго и окончательнаго паденія столицы преемниковъ Батыевыхъ. Черезъ восемь лѣтъ послѣ того, въ 1480 году,

---

[32] Vitæ et rerum gestarum Timuri historia, ed. Manger, 372 и 396.

[33] Монеты Хановъ Улуса Джучіева. с. 44.

[34] Исторія Государства Россійскаго, изданіе второе, т. VI, с. 53, пр. 76.

пока ханъ Ахматъ, собравъ послѣднія силы Орды, стоялъ съ огромною ратью на берегахъ Угры, грозя Россіи новымъ страшнымъ опустошеніемъ, оставленный имъ безъ защиты Сарай былъ взятъ и разграбленъ посланнымъ туда по Волгѣ отъ Іоанна III воеводою звенигородскимъ княземъ Василіемъ Ноздроватымъ и царевичемъ крымскимъ Нуръ-Девлетомъ. Лѣтопись Казанская, единственный источникъ откуда узнаемъ о походѣ князя Ноздроватаго [35], не упоминаетъ о взятіи и разграбленіи имъ именно Сарая: она говоритъ только, что взятъ и разграбленъ былъ имъ «Юртъ-Батыевъ»; но подъ «Юртомъ Батыевымъ» здѣсь, соображая обстоятельства, нельзя понимать ничего инаго, кромѣ столичнаго города Орды, то-есть Сарая. «Саиновымъ-Юртомъ», то-есть Батыевымъ же, потому-что Батый носилъ монгольское прозваніе «Саина», называлась также Казань [36]; но, при разореніи золото-ордынскихъ улусовъ воеводою звенигородскимъ, о Казани и рѣчи быть не могло.

Здѣсь умѣстно будетъ замѣтить, что имя «Сарай» вообще не часто встрѣчается въ нашихъ лѣтописяхъ. Говоря о хожденіи князей нашихъ къ Ханамъ, или о возвращеніи ихъ оттуда, или о прибытіи пословъ ханскихъ въ Россію, или вообще о событіяхъ въ Ханствѣ, лѣтописи, какъ замѣчено уже выше, выражаются въ такихъ случаяхъ просто: *«поиде въ Орду»*, *«пріиде изъ Орды»*, не означая, гдѣ именно находилась Орда во время упоминаемаго происшествія. Попадается въ нихъ «Сарай» съ эпитетомъ «Великій», и означается онъ въ нихъ иногда также подъименемъ «Большой-Орды» и «Золотой-Орды».

Возвращаемся къ Казанской Лѣтописи. Разсказывая подробности о походѣ князя Ноздроватаго, она замѣчаетъ что въ этомъ случаѣ Орда могла-бы быть истреблена въконецъ, еслибы Нуръ-Девлетъ не увлекся ходатайствомъ

---

[35] Ист. Гос. Росс. т. IV. с. 159.
[36] Опытъ Казанской Исторіи, П. Рычкова. Спб. 1767. стр. 68.

одного изъ улановъ своихъ о пощадѣ остатковъ ея, какъ «общей ихъ всѣхъ матери», и не удалился оттуда ранѣе времени [37]. Авторъ Казанской Лѣтописи думалъ, стало-быть, что результаты этой экспедиціи были недовольно рѣшительны, и что Орда продолжала существованіе свое и послѣ того; но вотъ Никоновская Лѣтопись утверждаетъ совершенно противное: она опредѣлительно говоритъ, что «Большая-Орда имъ (Іоанномъ III) порушилась, и почали Цари Ординскіе жить въ Асторохани, а Большая-Орда опустѣла, а мѣсто ея области близь Асторохани, два днища по Волгѣ вверхъ, именуется: Сараи Большіе» [38]. Кромѣ похода воеводы звенигородскаго, мы не знаемъ никакого другаго, въ силу котораго Никоновская Лѣтопись могла-бы приписать Іоанну III «порушеніе Большой-Орды»; выходитъ поэтому, что разрушительная дѣятельность князя Ноздроватаго увѣнчалась гораздо блистательнѣйшимъ успѣхомъ, чѣмъ какъ предполагалъ писатель Казанской Лѣтописи. Впрочемъ, вслѣдствіе-ли именно этого похода или и другихъ обстоятельствъ вмѣстѣ, вѣрно во всякомъ случаѣ, что Сарай окончилъ свое существованіе въ послѣдней четверти XV вѣка. По опустѣлымъ улицамъ, въ остаткахъ обгорѣвшихъ и развалившихся зданій, можетъ-быть и долго послѣ того гнѣздились еще, вмѣстѣ со змѣями, новыми жительницами этихъ мѣстъ, какіе нибудь ничтожные остатки прежняго населенія; но политическое, но торговое значеніе Сарая было уже уничтожено окончательно. Итакъ, съ конца XV столѣтія Сарай перестал существовать, былъ уже только гніющимъ, постепенно разрушающимся трупомъ, за сто лѣтъ передъ тѣмъ еще обширной, многолюдной и красивой столицы.

---

[37] Оп. Казан. Истор. с. 61; Ист. Гос. Росс. т. VI. с. 159.
[38] Никон. Лѣтопись. VII, 210.

Современно съ паденіемъ и опустѣніемъ Сарая, нѣсколько ранѣе или нѣсколько позже того, пришли въ упадокъ и опустѣли также многіе другіе города Золото-Ордынскаго Ханства. Все побережье Волги и Ахтубы, отъ Астрахани до Саратова и выше, покрылось развалинами. Три или четыре вѣка, пролетѣвшіе съ тѣхъ поръ, придавали къ землѣ высокіе дворцы, мечети и каравансараи, обратили дома въ кучи мусора, и все пространство былаго жилья заростили травою и бурьяномъ. Чтò могло еще противустать напору времени и сохраниться болѣе или менѣе до нашихъ поръ, то уничтожалось постоянно потребностію домостроительства и корыстолюбивою кладоискательностію позднѣйшихъ обитателей края. Изъ развалинъ татарскихъ воздвигались стѣны, церкви, казармы, частные дома, въ возникшихъ на нихъ или близъ нихъ новыхъ городахъ русскихъ. Теперь изгладились вѣроятно и самые слѣды нѣкоторыхъ городищъ. Гдѣ-же, между существующими еще, станемъ отыскивать могилу Сарая? Какія изъ нихъ признаемъ за кости сраженнаго великана?

Трудность опредѣлить мѣстоположеніе Сарая чувствовалъ уже *Витсенъ*, лѣтъ около полуторости до нашего времени. Онъ смѣшивалъ, должно-быть, Сарай съ Сарайчикомъ [39], и потому думалъ, что первому могутъ принадлежать развалины послѣдняго, слѣды которыхъ видимы на Уралѣ и донынѣ; въ Витсеново время онѣ должны были быть еще весьма значительны. Вѣроятнѣйшимъ однакоже казалось ему, что Сарай лежалъ на самой Волгѣ, или одномъ изъ рукавовъ ея, недалеко выше Астрахани, тамъ

[39] Сарайчикъ или Сарайчукъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ городовъ Золото-Ордынскаго Ханства и мѣсто погребенія хановъ, находился на Уралѣ, въ 60 верстахъ выше Гурьева, тамъ гдѣ нынѣ крѣпость Сарайчикъ или Сарайчикова. Лѣтъ за семьдесятъ назадъ видны были еще значительные его остатки. Смѣшивалъ Сарайчикъ съ Сараемъ не одинъ Витсенъ: многіе впадали въ эту ошибку. См. Рычкова, Оренбургская Топографія, Спб. 1762. I, 260; также I. Эрдмана, Beiträge zur Kenntniss des Innern von Russland. Leipzig, 1825. II, I. S. 218.

гдѣ въ его время видны были еще остатки весьма большаго города, изъ камней котораго построены были и строились еще, по словамъ его, стѣны домовъ въ Астрахани [40]. Къ постройкѣ стѣнъ и домовъ нынѣшней (новой) Астрахани служили, знаемъ мы изъ разныхъ источниковъ, остатки развалинъ, находящихся еще или находившихся въ разныхъ урочищахъ. Возили въ нее кирпичь и съ урочища извѣстнаго подъ назнаніемъ Шаренаго или Жаренаго-Бугра, которое находится на правомъ берегу Волги, верстахъ въ 7—10 выше Астрахани, и почитается отъ многихъ, какъ думаемъ мы весьма основательно, за мѣсто, гдѣ стояла нѣкогда Старая-Астрахань [41]; возили его и верстъ изъ-за 80, съ береговъ Ахтубы, добывая въ развалинахъ около урочища Чигитъ или Джигитъ, о которомъ съ бóльшею подробностію говорено будетъ ниже [42]; возили, можетъ-быть и еще изъ другихъ мѣстъ, гдѣ есть или были какія развалины. Къ какому-же изъ этихъ мѣстъ пріурочиваетъ Витсенъ имя Сарая, гдѣ именно находились или находятся еще «остатки» того «весьма большаго города», которые считаетъ онъ принадлежащими золото-ордынской столицѣ? Судя по словамъ его «недалеко выше Астрахани», надо полагать, что онъ пріурочивалъ Сарай къ бывшимъ Шарено-Бугорскимъ развалинамъ; но принимая въ соображеніе, что онъ помѣщаетъ его «на одномъ изъ рукавовъ Волги», позволительно думать и то, что онъ хотѣлъ при-

---

[40] «Wær de Stad Saraye eigentlijk gelegen heeft, is onzeker; doch het schynt de zelve of æn de Rivier Volga, of æn een tak van de zelve, of æn de Rivier Jaik geplaetst is geweest; maer meest wærschynelijk is æn de Volga, of æn tak van de zelve, en dat niet verre boven Astrakan, alwær heden noch overblijfzelen van een zeer grote Stad te zien zyn, van welkers steenen de muren en huizen der Stad Astrakan gemaekt zyn en noch heden gebouwt worden». Корнелія Витсена: Noord and Oost Tartarye. Amsterdam, 1705, p. 217.

[41] Фалька, Beiträge zur topographischen Kenntniss des Russischen Reichs. St.-Petersburg, 1785. I, 128—129.

[42] Палласа, Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго Государства. Спб. 1788. ч. III, половина II, с. 145.

вязать имя Сарая къ остаткамъ развалинъ Джигитѣ. Какъ бы то ни было впрочемъ, Витсенъ предполагаетъ только, догадывается, а не изслѣдуетъ, не доказываетъ. Съ его легкой руки пошли дѣлать тоже и другіе, кому приходилось заводить рѣчь о томъ же предметѣ. Онъ, какъ сказали мы, находилъ возможнымъ отыскивать Сарай даже на Уралѣ. *Д'Анвиль* бросился совсѣмъ въ другую сторону: ему казалось, на основаніи описанія Сарая, оставленнаго Руисбрёкомъ, что городъ этотъ долженъ былъ находиться на мѣстѣ нынѣшняго Царевъ-Города на Царицынскомъ-Волокѣ [43]. *Рычковъ*, водимый кажется авторитетомъ тогоже Руисбрёка, помѣщаетъ свой «Шири-Сарай» на лѣвой сторонѣ Ахтубы, въ 35 верстахъ ниже Царицына, на мѣстѣ, которое, по словамъ его, «понынѣ Домъ Царевъ зовется» [44]. *Пти-дела-Круа*, слѣдуя, не зная какому, Восточному писателю, ставитъ Сарай подъ 81° долготы и 52° широты [45]. *Карамзинъ*, дозволявшій себѣ свободу краснорѣчиваго разсказа въ текстѣ «Исторіи», но не бросавшій ни одного слова на воздухъ въ «примѣчаніяхъ», и потому авторитетъ весьма уважительный, не можетъ однакожъ служить имъ въ настоящемъ случаѣ больше чѣмъ другіе. Въ текстѣ онъ разсказываетъ, что «Сарай былъ построенъ на берегу Ахтубы въ 60 верстахъ отъ Астрахани»; въ примѣчаніи-же, относящемся къ этому мѣсту, добавляетъ, ссылаясь на

---

[43] D'Anville, l'Empire de Russie, p. 38. Ссылка эта взята изъ книги Ф. Г. Мюллера «Der Ugrische Volksstamm».

[44] «Шири-Сарай» у Рычкова, равно-какъ «Шери-Сарай» у Воейкова, явились отъ присоединенія къ имени «Сарая» слова *шегръ*, «городъ», которое исковеркали они, одинъ въ *ширъ*, другой въ *шеръ*: *и*, слѣдующее за буквою *р* въ этомъ словѣ, есть знакъ «изафета», или того, что слова *шегръ* и *Сарай* находятся in statu constructo. «Шири-Сараемъ» Рычковъ впрочемъ называетъ дворецъ, построенный Батыемъ, отличая, кажется, этотъ дворецъ отъ города Сарая, столицы Золотой-Орды; ибо вслѣдъ, за вышеприведенными словами, продолжаетъ: «по рѣчкѣ-жъ Царевѣ, сказываютъ, что верстъ на 30 великія строенія въ развалинахъ видимы.» См. Опытъ Казанской Исторіи, с. 23; и Новости Литтературы, іюль 1824, с. 20.

[45] Histoire de Timur-Bec. II. p. 381.

Путешествіе Палласа (ч. III, половина II, с. 143), что «Сарай былъ тамъ, гдѣ нынѣ Селитряный-Городокъ»; затѣмъ слѣдуетъ у него выписка двухъ мѣстъ о Сараѣ изъ Никоновской Лѣтописи и Книги Большему Чертежу, которыя, какъ доказано будетъ ниже, прямо противорѣчатъ тому мнѣнію, которое онъ хочетъ ими подкрѣпить; наконецъ все заключается слѣдующею сокращенною выпискою изъ Палласа: «Тамъ (въ Селитряномъ-Городкѣ) видны еще развалины двухъ великолѣпныхъ зданій; въ одномъ изъ оныхъ нашлось нѣсколько обитыхъ серебромъ гробовъ. Рвы выведены кирпичемъ; стѣны состоятъ изъ большихъ прекрасныхъ плитъ съ муравлеными украшеніями; примѣтны также остатки готической архитектуры» [46]. Тутъже, въ развалинахъ у Селитрянаго-Городка, находитъ Сарай и г. *Рыбушкинъ*, приведенный къ этому заключенію результатами археологическихъ разрытій, которыя производилъ онъ здѣсь въ 1836 году, на счетъ и по порученію Правительства [47]. По мнѣнію *Френа*, Сарай лежалъ на Ахтубѣ, вѣроятно тамъ, гдѣ впадаютъ въ нее соляные ручьи Царевка и Солянка; при этомъ опредѣленіи мѣстности Сарая, заслуженный академикъ имѣлъ въ виду между прочимъ и свидѣтельство Ибнъ-Арабшаха, что Сарай находился на рѣкѣ «Сенкеля», что̀ Френъ предлагаетъ читать «Селенка», разумѣя подъ этимъ помянутый соленый ручей Солянку [48]. Въ этихъ же самыхъ мѣстахъ, то-есть около нынѣшняго уѣзднаго города Саратовской Губерніи Царева, преимущественно въ урочищѣ обильномъ развалинами и извѣстномъ издавна подъ именемъ «Царевы-Поды», помѣщаютъ Сарай какъ всѣ почти остальные извѣстные мнѣ писатели, которымъ почему-либо приходилось сказать слово о его мѣстоположеніи, такъ и бо̀льшая-часть изъ множества путешественниковъ, посѣщавшихъ и описывавшихъ эти развалины;

[46] Исторія Госуд. Росс. т. IV. с. 40. пр. 74 (по изданію Эйнерлинга).
[47] Ж. М. В. Д. 1837. ч. XXIII с. 132.
[48] Монеты Хановъ Улуса Джучіева, с. 44.

къ «Царевымъ-Подамъ» привязываетъ титулъ золотоордынской столицы и мѣстная народная молва, родившаяся безъ сомнѣнія не въ новѣйшія времена, а имѣющая источникъ свой въ преданіи [49]. *Ф. Г. Мюллеръ*, одинъ который, изъ всѣхъ говорившихъ о мѣстоположеніи Сарая, сводилъ и сличалъ существующія объ этомъ мнѣнія и свидѣтельства, пришелъ отъ противорѣчія ихъ въ такое затрудненіе, что, не рѣшаясь отдать предпочтенія ни тому, которое пріурочиваетъ Сарай къ развалинамъ Царево-Подскимъ, ни тому которое видитъ остатки его въ курганахъ у Селитрянаго-Городка, и признавая основательными и то и другое, счелъ за благо примирить ихъ предположеніемъ, что «обѣ мѣстности вмѣстѣ носили имя Сарая, служа быть-можетъ, въ разныя времена года, мѣстопребываніемъ двора золотоордынскихъ хановъ, чтб, какъ извѣстно, есть явленіе весьма обыкновенное на Востокѣ» [50]. Къ такому заключенію пришелъ онъ, не будучи даже знакомъ съ трудами Френа и другихъ по части нумизматики Золотой-Орды, не зная даже о существованіи Новаго-Сарая и обоихъ Гюлистановъ: знакомство съ этими фактами должно было-бы высказанному имъ примирительному предположенію придать въ глазахъ его полную и совершенную достовѣрность. *Г. Савлуковъ*, которому помянутые факты были извѣстны, также надѣляетъ именемъ Сарая обѣ поименованныя мѣстности, съ тою противъ Мюллера разницею, что городъ, существовавшій въ урочищѣ Джигитъ-Хаджи носилъ, по мнѣнію его, имя Сарая только во времена Батыевы, развалины-же у нынѣшняго Царева принадлежатъ «Серай-эль-Джежиду» или Новому-Сараю, который, какъ думаетъ онъ, русскія лѣтописи отличали отъ перваго названіемъ «Большіе-Сараи» [51]. Гораздо хитростнѣе мнѣніе г. *Леопольдова*.

[49] Лепехина: Дневныя Записки путешествія по разнымъ провинціямъ Россійскаго Государства. Спб. 1771. I, 437.

[50] Der Ugrische Volksstamm. I Th. II Abth. Berlin, 1839. S. 577.

[51] Это мнѣніе г. Саблукова изложено въ прекрасной статьѣ его «Очеркъ

Онъ тоже признаетъ существованіе двухъ Сараевъ, стараго и новаго, но не на основаніи памятниковъ нумизматическихъ. Старый-Сарай существовалъ для него задолго до Батыя: остатки этого Сарая—въ Царевыхъ-Подахъ; Батый построилъ новый, и слѣды этого новаго Сарая находятся у Селитрянаго-Городка [52]. Источникомъ этому странному, чтобъ не назвать его иначе, мнѣнію, послужило очевидно непонятое и дурно истолкованное сказаніе Руисбрёка. Наконецъ, весьма любопытно было бы знать, какое мнѣніе о мѣстоположеніи Сарая принялъ или составилъ себѣ г. *Гаммеръ*, единственный доселѣ историкъ Золото-Ордынскаго Ханства; но узнать это, къ сожалѣнію, не такъ-то легко: г. Гаммеръ объявляетъ, что Сарай находился «an der Saliserai von Gorodetz !!!» [53]. Что-бы за мѣсто былъ этотъ Saliserai von Gorodetz? Судя по нѣсколькимъ предшествующимъ словамъ о Сараѣ, чудное урочище это должно находиться гдѣ нибудь у Волги и Ахтубы; но такого дивнаго татарско-русскаго гермафродита нѣтъ тутъ, не было, да и никогда и нигдѣ не могло быть. Г. Гаммеръ ссылается по этому случаю на «Дневникъ» Лепехина; но у Лепехина нѣтъ ничего подобнаго. Ссылается онъ еще на статью г. Воейкова въ «Новостяхъ Литературы» 1824 года, и это даетъ кажется ключь къ разгадкѣ: Воейковъ точно упоминаетъ о «Селитряномъ-Городкѣ», на Ахтубѣ, въ 30 верстахъ отъ Сарепты [54]. Знаменитый оріенталистъ должно-быть захотѣлъ перевести на нѣмецкій языкъ названіе «Селитряной-Городокъ», не понялъ, какъ водится за нимъ, что́ значитъ оно по-русски, и вмѣсто Salpeterstadt, изъ «Селитрянаго» явился у него Saliserai, а изъ «Городокъ»—von Gorodetz!!! Можетъ-быть я ошибаюсь, объясняя такъ

внутренняго состоянія Кипчакскаго Царства», помѣщенной въ Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ на 1815 годъ, отдѣльнаго оттиска с. 18.

[52] Матеріалы для Статистики Росс. Госуд. т. I. с. 100.

[53] Geschichte der Gold. Horde, s. 9.

[54] Новости Литературы, іюнь 1824, с. 7.

происхожденіе существующей въ Исторіи г. Гаммера мѣстности Saliserai von Gorodetz, но не вижу, какъ-бы можно было объяснить это явленіе иначе. Принять, что подъ своимъ «Городецкимъ-Салисераемъ» понимаетъ онъ «Селитряный-Городокъ» въ урочищѣ Джигатъ, о которомъ могъ онъ начитать у Карамзина, нельзя, потому-что предшествующія слова его и самыя ссылки указываютъ ясно на окрестности Царево-Подскія; да если-бы и можно было, заслуга сдѣланнаго имъ перевода или искаженія остается за нимъ, нисколько не утративъ отъ того своего блеска. Этотъ промахъ прославленнаго гофдольметчера не бросился кажется въ глаза ни одному изъ критиковъ его «Исторіи Золотой-Орды» [55].

Мы перечислили извѣстныя намъ мнѣнія о мѣстоположеніи Сарая: какому-же изъ нихъ отдадимъ предпочтеніе? Выше замѣчено уже, что большинство ихъ не опирается ни на какомъ прочномъ основаніи; остальныя, если и имѣютъ основанія, такъ основанія эти оставались почти всегда скрытыми отъ публики въ портфеляхъ или въ головѣ авторовъ. Утверждавшіе то или другое, обыкновенно не знали о томъ, что есть другіе, которые держатся противнаго мнѣнія, а если и знали, такъ, Богъ знаетъ почему, не принимали или не считали нужнымъ принимать труда опровергнуть эти мнѣнія и указать причины, по которымъ находили лучшимъ свое собственное. Что касается до путешественниковъ, то нѣкоторые изъ нихъ имѣли, если только имѣли, весьма темное понятіе о томъ, что кромѣ Сарая было въ Золотой-Ордѣ много другихъ городовъ; потому для нихъ

[55] «Городецкій Салисерай» не есть еще единственный промахъ Гаммера при опредѣленіи мѣстоположенія Сарая. Означая пространство Сарайскихъ развалинъ, онъ руководствуется описаніемъ ихъ у Воейкова, и говоритъ, что развалины эти простираются «vierzig Werste in der Steppe vom Ufer der Wolga und wenigstens zehn Werste langs der Achtuba». Но у Воейкова не то. Онъ пишетъ: «на пространствѣ 40 верстъ въ степь отъ берега, и по-крайней-мѣрѣ на 10 вдоль Ахтубы»; слѣдовательно на 40 верстъ въ степь отъ берега Ахтубы, а не отъ берега Волги.

довольно было наѣхать на первыя попавшіеся остатки развалинъ, и услышать что тутъ находятъ вещи, посуду, монеты татарскія, чтобы тотчасъже признать и объявить эти развалины за принадлежащія Сараю, радуясь поводу состроить при такомъ удобномъ случаѣ нѣсколько пустыхъ, но громкихъ фразъ, или высказать нѣсколько пошлыхъ размышленій о бренности земнаго величія и непостоянствѣ счастія; а путешественники эти служили потомъ авторитетомъ для подобныхъ имъ ученыхъ изыскателей. Замѣчательно, что этому соблазну не поддался, и описывая развалины, разсѣянныя по Волгѣ и Ахтубѣ, не позволилъ себѣ никакихъ рѣшительныхъ заключеній о принадлежности ихъ Сараю или другому историческому имени города, ни одинъ почти изъ старыхъ академиковъ нашихъ, путешествовавшихъ по Россіи въ концѣ семидесятыхъ и началѣ осьмидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія. Замѣтимъ здѣсь также, что монеты, вещи и утварь разнаго рода, которыя находятъ въ развалинахъ приписываемыхъ Сараю, никакъ не могутъ служить доказательствомъ въ подтвержденіе этого мнѣнія: такія же точно монеты, вещи и утварь находятъ въ развалинахъ всѣхъ татарскихъ городовъ. Предметы эти доказываютъ только, что мѣста, гдѣ они найдены, обитаемы были прежде Татарами — не болѣе. Фундаменты четырехугольныхъ зданій, которые такъ охотно производятъ въ дворцы, могутъ гораздо скорѣе принадлежать караван-сараямъ и безестенамъ; а этого рода зданія, хотя не болѣе какъ по одному, должны были находиться во всякомъ татарскомъ мало-мальски торговомъ городкѣ. Итакъ приходится повторить сказанное: между указаніями сдѣланными на мѣстоположеніе Сарая есть, по мнѣнію нашему, попавшія на истину, но нѣтъ ни одного, подкрѣпленнаго сравненіемъ и изслѣдованіемъ противорѣчивыхъ сказаній, оставленныхъ объ этомъ городѣ посѣщавшими его или писавшими объ немъ современниками; ни одного, изложеннаго удовлетворительнаго и убѣдительно

для человѣка, знакомаго съ разнообразіемъ существующихъ объ этомъ предметѣ произвольныхъ, но не разобранныхъ, не опровергнутыхъ мнѣній. Попробуемъ пополнить, сколько въ силахъ нашихъ, этотъ недостатокъ.

Сарай, какъ видѣли мы наше изъ сказанія Ибнъ-Ватуты, не только былъ городъ весьма обширный и многолюдный, но, какъ говоритъ Ибнъ-Арабшахъ, «одинъ изъ величайшихъ въ мірѣ, и по пространству, и по народонаселенію»[56]. Имени его, стало-быть, нельзя приурочивать ко всякимъ, какимъ-бы то ни было, остаткамъ бывшихъ обиталищъ. Городà какъ Сарай оставляютъ по себѣ и слѣды соотвѣтственные ихъ огромности. Мы не имѣемъ, слѣдовательно, нужды перечислять здѣсь всѣ разсѣянные тамъ и сямъ, по Волгѣ и Ахтубѣ, остатки развалившихся городовъ татарскихъ, съ мыслію открыть въ тѣхъ или другихъ изъ нихъ прахъ чингисидской столицы Кипчака, а должны обратить вниманіе только на такія группы развалинъ, которыя-бы по величинѣ ихъ имѣли право претендовать на эту честь. Такихъ группъ представляются только двѣ, и обѣ находятся на лѣвомъ берегу Ахтубы: одна въ урочищѣ Джигитъ-Хаджи, называемомъ также и Селитряный-Городокъ, въ предѣлахъ Губерніи Астраханской; другая — около нынѣшняго уѣзднаго города Саратовской Губерніи Царева, въ урочищѣ Царевы-Поды. Мы имѣемъ по нѣскольку описаній той и другой, въ-особенности послѣдней группы. Чтобы дать понятіе объ нихъ представимъ здѣсь по одному описанію каждой, какое почтемъ за лучшее. Сводить и сравнивать между собою всѣ имѣющіяся или извѣстныя намъ описанія обѣихъ группъ не считаемъ нужнымъ, имѣя въ виду не изслѣдованіе топографическихъ подробностей, а опредѣленіе географическаго положенія Сарая.

---

[56] *«Канатъ мэнъ аъземъ эль-мудунъ уадъанъ уа эксерига лиль-халки джамъанъ»*. Vitæ et rerum gestarum Timuri historia. Leovardiæ, 1767. t. I, p. 380.

Начнемъ съ развалинъ Джигитскихъ или при Селитряномъ-Городкѣ, заимствуя описаніе ихъ изъ «Путешествія Палласа», и прося у читателей извиненія, что, за неимѣніемъ подъ рукою нѣмецкаго подлинника, представляемъ выписку изъ стариннаго перевода Зуева.

«Старинный Селитрянный-Городокъ», говоритъ знаменитый натуралистъ и филологъ, «стоитъ на срединѣ цѣпи холмовъ, на десять верстъ простирающейся, на коемъ вдоль по Ахтубѣ, въ ширину на версту или на двѣ, ничего не видно, кромѣ щебня и слѣдовъ отъ зданій или кирпичемъ выкладенныхъ рвовъ бывшаго здѣсь доселѣ знатнаго Нагайскаго города. Небольшая для прикрытія селитрянной работы построенная, но нынѣ со всѣми находящимися въ ней строеніями въ крайней упадокъ пришедшая крѣпость, лежитъ на томъ холму, на которомъ вѣроятно главнѣйшее и великолѣпнѣйшее строеніе города и, какъ кажется, большою стѣною окруженный замокъ находился. Тамъ видны еще великіе остатки отъ двухъ зданій, изъ коихъ великолѣпнѣйшее, по случаю новой селитряной работы и отъ желанія искать богатствъ, отъ развалинъ, въ коихъ оное находилось, очищено было; другое-же, судя по оставшимся слѣдамъ, кажется было жилымъ домомъ со многими небольшими отдѣленіями. Первое строеніе, по оголившимся стѣнамъ основанія и по сводамъ могилъ, изъ коихъ доселѣ великія богатства и гробы совершенно серебромъ обитые выкапывали, ни за что иное почитать можно, какъ за могилу, въ которой погребенъ какой-нибудь ханъ, или за памятникъ съ часовнею построенный. Все зданіе представляетъ видъ продолговатаго четыреугольника отъ сѣверо-востока къ юго-западу въ длину на двѣнадцать саженъ; а по фасаду, въ южную сторону простирающемуся, повидимому почти девять саженъ съ половиною въ ширину имѣетъ. Въ немъ ясно примѣтны два почти равныя отдѣленія, изъ коихъ къ сѣверу лежащее заключало въ себѣ настоящую могилу, гдѣ еще видны скрытые гробы. Напро-

тивъ того, южное отдѣленіе, особливо по фасаду, котораго стѣны въ вышину почти девять саженъ, а основаніе въ толщину болѣе двухъ локтей имѣетъ, было украшено готическими пиластрами, столбами и сводами, коихъ остатки еще донынѣ видны. На всѣхъ еще понынѣ оставшихся стѣнахъ, кои изъ прекрасныхъ кирпичныхъ плитъ весьма правильно построенныхъ, видно великолѣпіе и красота, какой я еще нигдѣ при татарсиихъ развалинахъ не видывалъ. Внѣшняя сторона стѣнъ не только по нѣкоторымъ пространствамъ, во всѣхъ уступахъ, съ муравленными украшеніями изъ глины, зеленаго, желтаго, бѣлаго и синяго цвѣта треугольниками и другими фигурами украшена, но также на главнѣйшемъ фасадѣ сего строенія примѣтны остатки готической щекатуры, которая такимиже муравленными фигурами, представляющими цвѣты улитковаго изображенія, даже цѣлыми изразцами на подобіе мозаики украшена была. Но время, а еще болѣе корыстолюбіе черни, давно уже преобратили всѣ сіи достопамятные остатки древности въ груды каменья. Досего цѣлыя суда нагружали кирпичемъ и перевозили въ Астрахань, при чемъ ради затвердѣлой извести при разбираніи цѣлыхъ строеній, чтобъ получить тысячу цѣлыхъ кирпичей, по-крайней-мѣрѣ двѣ тысячи разбиваво и въ щебень превращаемо было. Еще и понынѣ слышно о монетахъ и драгоцѣнностяхъ, кои прежде сего здѣсь собираемы и выкапываемы были; но было-ли многое изъ того спасено отъ грубаго корыстолюбія и перешло-ли въ руки настоящихъ любителей, или въ хранилище отечественныхъ древностей, каковое находится при Императорской Академіи Наукъ, я сомнѣваюсь. Около полуторы версты отъ Селитрянаго - Городка къ сѣверу, достопамятенъ большой, нынѣ совершенно разрытый курганъ, къ которому Кундуровскіе и другіе Татары, когда только близь онаго бываютъ, суевѣріемъ побуждаемые ходятъ по обѣщанію для отправленія при ономъ ихъ молитвъ; ибо по ихъ преданію погребенъ тамъ одинъ Святой изъ ихъ Вѣры.

По той причинѣ, называютъ они сіе мѣсто Джигитъ-Хаджи, отъ чего происходитъ также и то, что Селитряной-Городокъ называютъ многіе вообще именемъ Джигитъ»[57].

Для ознакомленія съ Царево-Подскими развалинами приведемъ подробное и отчетливое описаніе ихъ, составленное г. Леопольдовымъ, сокративъ только его нѣсколькими выпусками.

«По высокому, то обрывистому, то отлогому, то холмистому сырту, который идетъ вдоль Ахтубы, встрѣчаются замѣчательныя развалины каменныхъ зданій. Начинаясь подлѣ самаго селенія Безроднаго или Верхне-Ахтубинскаго, они тянутся верстъ на 70 по самому гребню сырта до села Пришиба, мимо селъ Средне-Ахтубинскаго и Заплавнаго. Развалины сіи то часты, то рѣдки, то велики и обширны, то малы и незначительны; но вездѣ выказываютъ кирпичь, глину, известь. Далѣе, отъ села Пришиба, черезъ городъ Царевъ, почти до деревни Колобовщины, видны на 15 верстъ развалины почти сплошныя и бо̀льшею частію огромныя[58]. Это остатки бывшаго города. Мѣсто представляетъ здѣсь довольно возвышенную долину, которую перерѣзываютъ четыре рѣчки: ерики Тутовый и Раковый, Кальгута или Малая-Царевка и Большая-Царевка. Всѣ онѣ вытекаютъ изъ степи, и орошая долину въ разныхъ направленіяхъ и излучинахъ, сливаются съ протоками Ахтубы. Съ востока осѣняетъ долину довольно крутой и высокій сыртъ. Къ западу разстилается Ахтубинская-Долина, усѣянная озерами,

[57] Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго Государства. Спб. 1788. ч. III, полов. II, с. 143—146. Коротенькое описаніе Джигитскихъ развалинъ находимъ еще у Фалька, въ его Beiträge zur topographischen Kenntniss der Russischen Reichs. St.-Petersburg, 1785. I, 126. О раскопкахъ, произведенныхъ здѣсь г. Рыбушкинымъ, помѣщено краткое извѣстіе въ Ж. М. В. Д. за 1837 годъ, ч. XXXIII. с. 132.

[58] Эта низменность на 15 верстъ въ длину и 7 въ ширину (по Палласу), съ покрывающими ее развалинами, и носила названіе «Царевы-Поды», жившее въ устахъ мѣстныхъ обитателей еще въ концѣ прошлаго столѣтія, а теперь, кажется, уже забытое.

ериками, протоками, лугами и лѣсами. Бугры обрушенныхъ зданій разбросаны вездѣ: по самому сырту, по предгоріямъ и у подошвъ его. Трудно замѣтить правильность въ расположеніи нѣкогда существовавшихъ здѣсь улицъ; однако она обнаруживается нѣкоторымъ образомъ противъ Сахарнаго-Озера, и тамъ гдѣ стоитъ нынѣшній городъ Царевъ, а прежде была вѣроятно середина города. Чаще строеніе тянется по Кальгутѣ къ сырту, на сыртъ и вправо отъ него, тогда-какъ у окраинъ долины, къ рѣчкѣ Царевкѣ и къ селенію Пришибу, развалины становятся рѣже, дворы и сады просторнѣе. Тутъ, недалеко отъ Пришиба, при ерикѣ называемомъ Тутовымъ, былъ квадратный, о 20 саженяхъ съ каждой стороны, каменный домъ съ пристройками. Положеніе его прелестно: съ юга и запада видны ерикъ и озеро, обширныя луга и вдали темный лѣсъ; съ сѣвера— другой ерикъ, изъ котораго вода проведена была въ садъ и канаву обходившую вокругъ главнаго зданія. По угламъ и вблизи вырыты были глубокіе водоемы, наполнявшіеся водою изъ канавы. По сему видно, что здѣсь находился родъ загороднаго, увеселительнаго дворца. Въ полуверстѣ отсюда лежатъ другія развалины, въ которыхъ также можно узнать домъ, пристройки, садъ, канавы и водоемы. Ерикъ, къ которому примыкалось это зданіе, называется Раковымъ. Развалины по рѣчкѣ Кальгутѣ сплошны и обширны. Посредствомъ проведенныхъ изъ нея во всѣ стороны каналовъ поливались сады и наполнялись бассейны. Вода удерживалась плотиною. Въ томъ мѣстѣ гдѣ Кальгута подходитъ къ сырту, есть холмъ, на которомъ также стояло большое зданіе. Чѣмъ ближе къ Цареву, тѣмъ огромныя развалины становятся чаще и чаще. Городъ Царевъ стоитъ весь на развалинахъ; они разсѣяны здѣсь вездѣ: по дворамъ, въ огородахъ, въ садахъ, подъ домами. Улицы идутъ по фундаментамъ, пересѣкаютъ валы и канавы. Есть развалины, въ которыхъ подземеныя выходы и прежнія укрѣпленія еще цѣлы и нераскопаны; но рука времени стерла слѣды рас-

положенія зданій. Отъ города Царева тянется зеленый лугъ на три версты. По оврагу, разрѣзывающему сыртъ съ востока на западъ, льется изъ степи рѣчка Царевка. На ней уцѣлѣла доселѣ каменная плотина, съ помощію которой спертая вода разливалась въ каналы по лѣвую сторону долины, туда гдѣ развалины представляютъ слѣды нѣкогда обширнаго города или селенія. Вправо отъ рѣчки Царевки, какъ долина, такъ и сыртъ покрыты развалинами. Отъ рѣчки этой начинается опять высокій, остроконечный, неправильный сыртъ, вершину котораго составляетъ гладкая и обширная равнина. На возвышенной, къ Ахтубѣ почти утесистой долинѣ, находился огромный дворецъ, также не пощаженный временемъ. Посреди двора, каждая сторона котораго простиралась на 80 саженей, стояло главное зданіе, имѣвшее по 50 саженъ протяженія во всѣхъ направленіяхъ. Съ трехъ сторонъ окружали дворецъ побочныя зданія; съ лицевой находились ворота, тонкая стѣна и галлерея на столбахъ. Позади, саженяхъ въ 200, замѣтны остатки нѣсколькихъ строеній, составлявшихъ вѣроятно дворцовыя службы. Верстахъ въ трехъ отъ этого дворца, близь деревни Зубовки, развалины зданій представляютъ родъ правильнаго укрѣпленія, съ валами и бастіонами; внутри находились два зданія, связанныя между собою переходомъ или аркою; одно огромнѣе другаго, но въ обоихъ замѣтна роскошь матеріаловъ. По двору множество ямъ. Влѣво находится много кургановъ, еще не разрытыхъ, а посреди ихъ также слѣды огромнаго зданія; къ востоку, за дорогою, опять развалины, впрочемъ незначительныя. Въ развалинахъ этихъ найдено много драгоцѣнныхъ и рѣдкихъ вещей, какъ то: 1) золотыя перстни, кольцы, серьги; я досталъ у Царевскаго малороссіянина перстень изъ чистаго аравійскаго золота, вѣсомъ болѣе двухъ золотниковъ; 2) мраморныя колонны, карнизы, балюстрады, косяки съ разными вырѣзками; 3) полумраморныя гладкія плиты, которыми вѣроятно выстилались у богачей полы въ

домахъ или фонтанахъ; 4) жемчугъ; 5) монеты золотыя, серебряныя и мѣдныя, исключительно мелкія, съ татарскимъ штемпелемъ; найденъ также кувшинъ серебряный, служившій, можетъ быть, умывальникомъ; 6) желѣзныя вещи: бердыши, копья, сабли, кинжалы, стволы ружейные и пистолетные; стволы попадаются стальные и мѣдные; 7) изразцы: выпуклые, гладкіе, разноцвѣтные, въ родѣ мозаики, хотя и крупной; многіе изъ нихъ съ позолотою, налѣпленною на алебастрѣ, но больше съ налѣпкою разныхъ красокъ; 8) браслеты: бронзовые, подъ чернью, съ позолотою и серебромъ; 9) пронизки и ожерелья изъ стекла разныхъ цвѣтовъ; 10) карнизы алебастровые, отдѣланные подъ мраморъ; 11) банки глиняныя, вышиною около полутора аршина; 12) кирпичь четвероугольный, продолговатый и треугольный; 13) въ склепахъ недавно находили гробы съ уцѣлѣвшею даже матеріею; 14) свинцовыя трубы, служившія проводниками воды въ сады и бассейны. Отъ деревень Колобовщины и Зубовки до деревни Батаевки, которая стоитъ на границѣ Астраханской Губерніи, на 70 верстахъ, развалины встрѣчаются рѣдко, мѣстами большія но обыкновенно незначительныя. Вѣроятно здѣсь были хутора или загородные домы. Къ востоку, въ степи, почти противъ каждыхъ развалинъ, видны, никѣмъ еще нетронутые, болѣе или менѣе огромные курганы или земляныя насыпи. Можетъ статься, тутъ были могилы; по-крайней-мѣрѣ особенныхъ кладбищъ здѣсь нигдѣ не замѣтно» [59].

---

[59] Матеріалы для Статистики Россійской Имперіи, Спб. 1839. т. I. с. 97—103; Ж. М. В. Д. 1837. ч. XXIII, с. 123—132. Описаніе г. Леопольдова, впрочемъ съ большими сокращеніями, помѣщено также въ Journal de St-Pétersbourg, 1837. № 101, Supplement de l'interieur, № 16, и потомъ въ Штутгардской газетѣ Ausland, 1837, № 226. Развалины Царево Подскія описаны, кромѣ-того, сколько мнѣ извѣстно, еще слѣдующими посѣтителями ихъ: 1) Фалькомъ, 2) Гмелинымъ и 3) Палласомъ, бывшими здѣсь въ 1769—1773 годахъ: первымъ — въ Beyträge zur topographischen Kenntniss des Russischen Reichs, I, 118 — 119; вторымъ — въ Reise durch Russland, II, 5—8; третьимъ — въ Путешествіи по разнымъ провинціямъ Россійскаго Государ-

Вотъ обѣ группы при-Ахтубинскихъ развалинъ поставлены живьемъ передъ нашими глазами: которую-же изъ двухъ признаемъ за остатки Сарая? Для разрѣшенія этого вопроса всего разумнѣе, кажется, привести и разобрать извѣстія объ этомъ городѣ, оставленныя намъ современными источниками, примѣривая результаты этого изслѣдованія къ обѣимъ группамъ: къ которой приладятся они лучше, та и будетъ Сарай.

Изъ имѣющихся о Сараѣ извѣстій, первыя по хронологическому порядку принадлежатъ *Руисбрёку*, видѣвшему городъ Батыевъ еще въ самой его колыбели. Онъ ѣхалъ сюда изъ сѣверовосточной части Центральной Азіи, направляя путь на западъ. «За 15 дней почти до праздника Всѣхъ Святыхъ», говоритъ онъ, «начали мы править (d'adresser nos journées) къ Сараю, идя прямо на югъ, и спускаясь вдоль по рѣкѣ Атиліи *(Волгѣ)*, которая раздѣляется тамъ (надо понимать: *у Сарая?)* на три рукава (branches), изъ которыхъ каждый вдвое болѣе чѣмъ Нилъ при Даміеттѣ. Потомъ развѣтвляется она еще на четыре меньшіе протока

ства, III, 2. с. 304—306, и еще подробнѣе въ Bemerkungen aus einer Reise in die sudlichen Stathalterschaften des Russischen Reichs, Leipzig, 1799. I, 161—158; кромѣ описанія развалинъ, всѣ помянутые академики обогащаютъ насъ еще разсказомъ относящихся къ этимъ развалинамъ любопытныхъ мѣстныхъ преданій; 4) А. Ѳ. Воейковымъ, который пріѣзжалъ сюда въ 1813 году: статья его «Путешествіе изъ Сарепты на развалины Шери-Сарая», помѣщена въ издававшихся имъ «Новостяхъ Литтературы», іюль 1824; Воейковъ слишкомъ много поэтизировалъ: онъ описываетъ такія великолѣпныя развалины, какихъ ни до него, ни послѣ него, никто не видалъ; 5) І. Эрдманомъ, посѣщавшимъ Царевы-Поды, кажется, въ 1815 году, въ Beiträge zur Kenntniss des Innern von Russland, II, 1. S. 106—108. Наконецъ, неизвѣстно мнѣ чье описаніе тѣхъ же развалинъ помѣщено, въ объясненіе плана ихъ, снятаго въ 1842 году подполковникомъ Тетеревниковымъ, въ Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ на 1843 годъ, мѣсяцы мартъ и апрѣль, отд. Смѣси, с. 107—111. За исключеніемъ этого-послѣдняго, всѣ предшествовавшія сведены Ф. Г. Мюллеромъ въ его Ugrische Volkstamm. 1, II, s. 570—577. Есть еще въ «Очеркахъ Россіи», издававшихся В. Пассекомъ, статья: «Сарай-Орда Батыя на Волгѣ», А. Ѳ. Вельтмана; но о городѣ Сараѣ въ ней нѣтъ ни полслова.

(bras). Мы переѣзжали черезъ эту рѣку въ семи мѣстахъ, на суднѣ. На среднемъ протокѣ (bras) находится городъ Сумеркентъ, не имѣющій стѣнъ, и во время розлива окружаемый водою со всѣхъ сторонъ, какъ островъ. . . . Бату имѣлъ мѣстопребываніе въ окрестностяхъ этихъ мѣстъ (de ces quartièrs là), по ту *(лѣвую?)* сторону рѣки, а Сартакъ по сю *(правую?)*, и оба ниже не спускаются. . . . . Что же касается до города Сарая и дворца, гдѣ принимаетъ (tient sa cour) Бату, то они расположены на восточной сторонѣ рѣки, а долина, въ которую изливаются (viennent à s'épandre) различные протоки ея, имѣетъ болѣе семи льё въ поперечникѣ» [60]. По этому довольно подробному, но не точному и сбивчивому описанію, Сарай не можетъ быть пріурочепъ съ достовѣрностью ни къ какой мѣстности по Волгѣ или Ахтубѣ, и мы очень понимаемъ, какъ, на основаніи его, можно было отыскивать Сарай и около Царицына и около Астрахани вмѣстѣ. Кажется, однакожъ, что оно все-таки указываетъ болѣе на мѣстность близь перваго развѣтвленія Волги, ту, гдѣ отдѣляется отъ ней Ахтуба, и гдѣ нѣсколько ниже сама она разрѣзывается Сарпинскимъ Островомъ на два рукава. Это можно почесть первымъ раздѣленіемъ Волги на три рукава или вѣтви (branches), о которыхъ говоритъ Руисбрёкъ; въ такомъ предположеніи, дальнѣйшее подраздѣленіе ея, по словамъ его, на четыре меньшіе протока (bras) относилось-бы уже собственно къ Волжской-Дельтѣ около Астрахани, дельтѣ дѣйствительно образуемой четырьмя главнѣйшими протоками: собственно Волгою, Рычею, Бузанью и Ахтубою [61]. Притомъ нельзя помѣщать Сарай, по Руисбрёку, около Астрахани и потому, что въ такомъ случаѣ не нужно было-бы ему объявлять, что Батый и Сартакъ при кочевкахъ своихъ по Волгѣ не спускаются ниже этихъ мѣстъ: отъ

60 Бержерона, Voyages faits principalement en Asie: Relation de Rubruquis, p. 137, 138.

61 См. Подробную Карту Россіи, л. XIX.

Астрахани и безъ того некуда итти далѣе по берегу Волги; а если отъ Сарая оставалось еще на Волгѣ пространство, по которому можно было спускаться до ея устьевъ и по которому не кочевали ни Батый, ни Сартакъ, то значитъ Сарай, по Руисбрёку, лежалъ не около Астрахани, а далеко выше ея. Пространство семи льё, даваемое имъ долинѣ въ которую изливаются «протоки» (bras) Волги, можетъ также относиться только къ «Ахтубинской-Долинѣ» [62], а не къ мѣстности около Волжской-Дельты. Это доказываетъ, въ свою очередь, что на различіи употребляемыхъ Руисбрёкомъ, для означенія рукавовъ и протоковъ Волги, словъ «branches» и «bras», нельзя основывать никакихъ выводовъ: онъ употреблялъ ихъ безразлично одно вмѣсто другаго. Посему и городъ Сумеркентъ, который онъ помѣщаетъ на одномъ изъ «bras» Волги, чтó, по нашему объсненію ея развѣтвленій, пришлось-бы на одномъ изъ островов Волжской-Дельты, вблизи Астрахани, и Сумеркентъ, говорю, могъ также находиться въ верховьяхъ Ахтубинской-Долины, и близость его отъ Сарая, по указанію Руисбрёка, не должна притягивать сей-послѣдній въ сосѣдство бокъ-о-бокъ съ Волжскою-Дельтою. Все, что, принимая въ уваженіе сбивчивость Руисбрёкова разсказа, считаемъ мы возможнымъ, и то скрѣпя сердце, уступить защитникамъ близости Сарая отъ Астрахани, это — пространство отъ Царевыхъ-Подовъ до Джигита; но ниже затѣмъ ужъ ни вершка [63]. Мы согласны, пожалуй, что по Руисбрёку Са-

---

[62] «Ахтубинскою-долиною» называется пространство земли, находящееся между Ахтубою и Волгою, покрытое лугами, озерками, камышемъ, лѣсомъ и перерѣзываемое множествомъ разноименныхъ протоковъ.

[63] Г. Леопольдовъ, въ статьѣ своей «Историко-Статистическое Описаніе Заволжскаго Края Саратовской Губерніи», помѣщенной въ «Матеріалахъ для Статистики Росс. Государ.» т. I. с. 100, утверждаетъ положительно, будто «Рубруквисъ сказалъ, что Сарай *былъ* тамъ, гдѣ *нынѣ* Селитряной Городокъ!!!» Изъ этихъ словъ слѣдуетъ заключить, что Рубруквисъ или Руисбрёкъ чуть-чуть не нашъ современникъ! Не понимаемъ, какъ такой промахъ могъ вырваться изъ подъ ловкаго пера г. Леопольдова. Далѣе г. Леополь-

рай могъ находиться въ Джигитѣ; да дѣло въ томъ, что на извѣстіяхъ столь сбивчивыхъ и столь подверженныхъ разнымъ толкованіямъ, нельзя ни въ какомъ случаѣ основывать рѣшительнаго мнѣнія.

Второе мѣсто, по старшинству послѣ Руисбрёка, занимаетъ извѣстіе о Сараѣ, оставленное намъ *Абульфедою* въ его «Таквимъ-эль-Бульданъ», географическомъ сочиненіи, написанномъ въ 721 году гиджры (= 1321). Знаменитый владѣтель Гамы, какъ видно изъ его собственныхъ словъ, заимствовалъ свѣдѣнія свои о Сараѣ отъ бывшихъ въ немъ купцовъ и самихъ жителей этого города, съ которыми случалось ему встрѣчаться въ жизни. Вотъ что находимъ мы въ помянутомъ сочиненіи его, подъ рубрикою «*Сарай*»: «Городъ великій, столица государства татарскаго и властителя сѣверныхъ странъ, каковымъ въ настоящее время есть Узбекъ; лежитъ на равнинѣ къ сѣверо-западу отъ Моря-Хазарскаго *(Каспійскаго)*, которое находится отъ него въ разстояніи около двухъ дней пути къ юго-востоку. Рѣка Итиль протекаетъ подлѣ города въ направленіи съ сѣверо-запада на юго-востокъ, до самаго впаденія своего въ Море-Хазарское. Сарай расположенъ на берегу Итиля съ сѣверо-восточной стороны. Это одинъ изъ большихъ транзитныхъ торговыхъ пунктовъ. Выстроенъ недавно. Основаніе его приписываютъ одному изъ дѣтей Чингисъ-Хана, по имени Саинъ-Бату. Нѣкто изъ жителей этого города разсказывалъ мнѣ, что самая большая длина дня бываетъ здѣсь 17 часовъ: въ такомъ случаѣ, городъ этотъ долженъ находиться подъ 54° широты, что́ будетъ вѣрнѣе показаннаго въ таблицахъ». Таблицы, о которыхъ упоминаетъ Абульфеда, сопровождаютъ текстъ его «Географіи»: въ нихъ значится, что Сарай лежитъ въ седьмомъ климатѣ,

---

довъ говоритъ: «наши лѣтописцы повторили слова его (Руисбрёка)»!! Это стоитъ перваго: наши лѣтописцы—читали Руисбрёка! наши лѣтописцы—повторили со словъ этаго латинскаго монаха, что Сарай *былъ* тамъ, гдѣ *нынѣ* Селитряный-Городокъ!!!

подъ 78° долготы и 48° широты. Кромѣ этихъ извѣстій, находимъ мы въ томъ же сочиненіи Абульфеды, но подъ иными рубриками, еще нѣкоторыя свѣдѣнія о разстояніи Сарая отъ другихъ городовъ. Подъ статьею «*Укекъ*» говорится, что городокъ этотъ «находится между Сараемъ и Булгаромъ на половинѣ дороги, въ разстояніи около 15 дней пути отъ каждаго». Подъ «*Булгаромъ*» находимъ, что «городъ этотъ и Сарай находятся оба на одной непрерываемой ничѣмъ плоскости [64], а разстояніе между ними болѣе 20 дней пути». Подъ статьею «*Рѣка Итиль*» сказано: «Отъ Булгара течетъ Итиль къ городку, находящемуся на берегу его, по имени Укеку, а отъ него къ мѣстечку называемому Бельжеменъ [65], и все въ направленіи къ югу; потомъ поворачиваетъ на юго-востокъ и протекаетъ мимо города Сарая къ юго-западу отъ него, а Сарай находится на сѣверо-восточномъ берегу. Ниже Сарая раздѣляется Итиль близь Моря-Хазарскаго на рукава, на тысячу и одинъ рукавъ, какъ разсказываютъ. Всѣ они впадаютъ въ Море-Хазарское съ сѣверо-западной его стороны». Наконецъ подъ рубрикою «*Море-Хазарское*» приводится разсказъ одного купца, который, описавъ плаваніе свое по Каспійскому-Морю и приближеніе къ Волгѣ, продолжаетъ такимъ образомъ: «Потомъ встрѣтили мы въ морѣ лѣсъ камышей, но кормчій нашъ зналъ въ немъ дорогу. Пробравшись сквозь камыши, выѣхали мы на рѣку, одну изъ тѣхъ на которыя развѣтвляется Итиль, и плыли ею до мѣстечка называемаго Эски-Юртъ, что́ значитъ по-арабски «Старое-Селище», а отъ мѣстечка этого опять пустились въ путь по Итилю, и ѣхали, пока не пріѣхали къ Сараю» [66]. Абульфеда толкуетъ все объ Итилѣ, то-есть

---

[64] По-арабски: *фи барринъ уахединъ*.

[65] Не *Былыматъ*-ли это нашихъ лѣтописей? Тѣмъ болѣе, что вмѣсто «*Бельжеменъ*» арабскаго подлинника можно весьма легко и безъ всякой натяжки читать «*Бильджематъ*»?

[66] Géographie d'Aboulfeda, texte arabe, p. 36, 64 et 217.

объ Волгѣ; но это не мѣшаетъ понимать у него подъ Итилемъ, гдѣ нужно, и Ахтубу, потому-что если онъ и зналъ о существованіи сей-послѣдней, то, не зная какъ зовется этотъ рукавъ Волги, не могъ, еслибы и хотѣлъ, называть его по имени; вслѣдствіе чего, по необходимости долженъ былъ означать именемъ Итиля какъ главное русло Волги, такъ и всѣ протоки ея безразлично. Плывущему по Итюлю сверху внизъ, Сарай долженъ былъ, сколько понимаемъ слова Абульфеды, встрѣтиться вскорѣ послѣ поворота этой рѣки съ юга на юго-востокъ, а это указываетъ болѣе на Царевы-Поды чѣмъ на Джигитъ. Но, съ другой стороны, сбиваетъ съ толку помѣщеніе Укека на срединѣ пути между Сараемъ и Булгаромъ. Укекъ, какъ извѣстно, находился въ 8—9 верстахъ ниже нынѣшняго Саратова [67]. Отсюда до мѣста, гдѣ находятся теперь развалины Булгара въ 135 верстахъ къ югу отъ Казани, наберется верстъ до 500: столько же или около того, немного болѣе, немного менѣе, надлежало бы насчитывать и отъ Укека до Сарая; а по нашему разсчету, отъ Укека до Царевыхъ-Подовъ выходитъ всего не болѣе какъ верстъ 400. Нельзя также приложить этого 500-верстнаго разстоянія и къ Джигиту: онъ отстоитъ отъ Укека, по нашему счету, гораздо далѣе, именно болѣе чѣмъ на 600 верстъ [68]. Впрочемъ, тутъ можно еще добиться толку, если непремѣнно нужно отыскать его. Стоитъ предположить только, что Укекъ могъ находиться не совсѣмъ на срединѣ пути отъ Сарая въ Булгаръ; что Абуфельда могъ сказать это приблизительно; что городъ этотъ могъ быть ближе къ Сараю чѣмъ къ Булгару. Въ такомъ предположеніи, на-

---

[67] Френа Ueber die ehemalihe mongolische Stadt Ukek, въ Mémoires de l'Academie Imp. des Sciences de St.-Pétersburg, VI serie, sciences historiques etc. vol. III, отдѣльнаго оттиска с. 7.

[68] Я не ручаюсь за совершенную точность моихъ верстовыхъ исчисленій: онѣ сдѣланы приблизительно, на основаніи разстояній показанныхъ въ «Почтовомъ Дорожникѣ», изданномъ отъ Почтоваго Департамента въ 1824 году.

рѣзывая на день ѣзды верстъ около 30, найдемъ, что отъ Укека до Булгара было 17 дней пути, а отъ Укека до нынѣшнихъ Царевыхъ-Подовъ — 13 дней. Этотъ разсчетъ подойдетъ какъ нельзя лучше къ показанію Абульфеды, что Укекъ отстоитъ *около* 15 дней пути, какъ отъ Сарая, такъ и отъ Булгара: въ отношеніи къ первому, это *около* могло быть *менѣе* 15, а въ отношеніи къ послѣднему *болѣе* 15 дней. Но дѣло въ томъ, что позволивъ себѣ такія, весьма впрочемъ естественныя предположенія, можно точно такимъ же образомъ предположить, что Укекъ былъ ближе къ Булгару, чѣмъ къ Сараю; тогда надо только опредѣлить на день пути, вмѣсто 30, по 36 или 37 верстъ, и выйдетъ опять, согласно показанію Абульфеды, что отъ Булгара до Укека было *около* или *болѣе* 14, а отъ Укека до нынѣшняго Селитрянаго-Городка, *около* или *болѣе* 16 дней пути, то-есть что Сарай находился на мѣстѣ Селитрянаго-Городка. Но къ чему положительному могутъ привести насъ всѣ эти разсчеты и предположенія, когда видимъ что подъ рубрикою «*Булгаръ*» разстояніе между этимъ городомъ и Сараемъ Абульфеда опредѣляетъ уже мѣрою не *около* 30, а только *болѣе* 20 дней пути? чему-жъ вѣрить, какъ смотрѣть на это противорѣчіе? Можно-бы, пожалуй, придумать многое въ объясненіе и оправданіе Абульфеды; но это, какъ и прежнія объясненія, объяснило бы все, за исключеніемъ того именно, что́ намъ нужно знать въ настоящемъ случаѣ. Поэтому, не желая тратить словъ понапрасну, скажемъ однажды навсегда, что когда дѣло идетъ о точномъ опредѣленіи разстояній, показаніе ихъ мѣрою дней пути нельзя вовсе принимать въ соображеніе, ибо мѣра эта весьма относительна, будучи подвержена измѣненію смотря по времени года, положенію дорогъ, свойству и роду животныхъ, на которыхъ совершается путь, и многимъ другимъ обстоятельствамъ. Это, оправдывая добросовѣстность путешественниковъ и географовъ, и служа къ соглашенію противорѣчій встрѣчающихся въ ихъ из-

вѣстіяхъ, не подвигаетъ однако ни на шагъ разрѣшеніе подобныхъ нашему вопросовъ. Итакъ кончено: оставляемъ въ покоѣ измѣренія днями пути. Но зачѣмъ казалось-бы останавливаться, даже въ настоящемъ случаѣ, надъ разборомъ этой безтолковщины, когда Абульфеда опредѣляетъ намъ положеніе Сарая градусами долготы и широты: чего-бы можно желать лучше? Да, оно было-бы удовлетворительно, еслибы такого рода опредѣленія, встрѣчаемыя у мусульманскихъ географовъ, основывались всегда на вѣрныхъ способахъ измѣренія; а то опредѣленія эти, относительно къ такимъ отдаленнымъ странамъ и пунктамъ, какъ въ настоящемъ случаѣ Кипчакъ, Сарай, Укекъ, Булгаръ, дѣлали они обыкновенно не на основаніи астрономическихъ наблюденій, произведенныхъ на мѣстѣ, а приблизительно, принимая на-примѣръ, въ соображеніе, какъ видно изъ словъ самаго Абульфеды о Сараѣ, относительную величину дня и ночи въ этихъ мѣстахъ, или основываясь на разстояніи ихъ отъ другихъ пунктовъ, опредѣленныхъ уже астрономически, разстояніи измѣренномъ тѣми же днями пути, которые мы только-что объявили самымъ неопредѣлительнымъ мѣриломъ пространства! Чего можно надѣяться отъ этихъ фантастическихъ градусовъ, увидимъ сейчасъ на дѣлѣ. Широта Сарая показана Абульфедою въ таблицахъ 48°; хорошо: это приходится по Джигиту: онъ точно лежитъ по нашимъ картамъ подъ 48° широты, тогда какъ Царевы-Поды находятся подъ 49°. Но вотъ, по разсказу одного сарайца, что долгайшій день въ Сараѣ бываетъ въ 17 часовъ, Абульфеда тотчасъ же отступается отъ 48°, и объявляетъ, что вѣрнѣе будетъ замѣнить его 54°. Такая готовность вѣнценоснаго географа надбавить шесть градусовъ на свое первое опредѣленіе широты Сарая можетъ служить мѣриломъ довѣренности, какую должно имѣть и къ этому первому опредѣленію въ 48°, источникомъ которому служилъ вѣроятно разсказъ какого-нибудь землепроходца не ученѣе нашего Аѳанасія Никитина.

Относительно долготы, положеніе Сарая опредѣлено 78°: это еще лучше продѣлокъ съ широтою. Градусы долготы считалъ Абульфеда отъ самой западной оконечности Африки: стало-быть, по его опредѣленію, пришлось бы отыскивать Сарай не на Волгѣ и даже не на Уралѣ, а далеко восточнѣе, въ кочевьяхъ Малой Киргизской Орды! Ка̀къ могло произойти это обстоятельство, объяснять и долго, и безполезно. Приведемъ лучше свидѣтельство Френа, что всѣ опредѣленія въ градусахъ, какія отыскалъ онъ въ Восточныхъ географахъ для Укека, и представлялъ на судъ астроному нашему академику Вишневскому, этотъ нашелъ никуда негодными [69]. Каковы-бы, впрочемъ, ни были градусы широты и долготы показанные Абульфедою относительно Сарая, описаніе этого города, имъ оставленное, послужило для нѣкоторыхъ позднѣйшихъ географовъ и историковъ мусульманскихъ священнымъ текстомъ, который безъ всякихъ измѣненій, развѣ только съ выпусками, принимали они лишь трудъ переписывать да вставлять въ свои сборники [70].

Третье, оригинальное и почти современное Абульфедину, описаніе Сарая, оставленное Ибнъ-Батутою, приведено уже нами выше. Для географическаго опредѣленія города, оно не обогащаетъ насъ никакими данными; но тотъ же Ибнъ-Батута въ другихъ мѣстахъ своего путешествія даетъ нѣкоторыя разстоянія, которыя могутъ служить для соображенія желающимъ. Отъ Сарая до Укека онъ считаетъ 10 дней пути, отъ Сарая до Сарайчика - тоже 10, а отъ Сарая до Хорезма — 40 [71]. Мы не беремся разсматривать

---

[69] Ueber die Stadt Ukek, отдѣльнаго оттиска с. 9.

[70] Сравнить, для примѣра, Мирхондово извѣстіе о Сараѣ, приведенное изъ его «Роузетъ-эс-Сафа», въ запискѣ Шармуа Sur l'expédition de Tamerlan contre Tohtamiche (въ Mémoires de l'Acad. des Sciences de St.-Petersbourg, VI sér. Scien. histor. v. III, p. 158), и статью о Сараѣ изъ «Менازиръ-эль-Ъавалимъ» Ашикъ-Мохаммеда, умершаго 1005 г. гиджры (= 1596), въ выпискахъ Гаммера (въ Geschichte d. Gold. Horde, s. 431).

[71] The Travels of Ibn-Batuta, London, 1829. p. 80 and 85; Португальскаго перевода с. 456 и 477.

этихъ чиселъ, зная безплодность такого труда, а предоставляемъ его мудрѣйшимъ насъ. Замѣтимъ только мимоходомъ, что 10 дней пути между Сараемъ и Укекомъ, сближая между собою эти города, придаютъ нѣкоторый вѣсъ тому предположенію и тѣмъ расчетамъ, которые привели къ заключенію, что, на основаніи разстояній показанныхъ Абульфедою, имя Сарая принадлежитъ скорѣе развалинамъ Царево-Подскимъ, чѣмъ Селитрянаго-Городка. Замѣтимъ еще, что Дженкинсонъ, ѣздившій въ этихъ мѣстахъ въ половинѣ XVI столѣтія, кладетъ между Астраханью и Сарайчикомъ тоже число дней пути, какимъ Ибнъ-Батута опредѣляетъ разстояніе Сарая отъ Сарайчика. Флорентинецъ Балдуччи Пеголетти, современникъ Ибнъ-Батуты, полагаетъ взаимное растояніе этихъ-послѣднихъ городовъ въ 8 дней пути водою; а миноритъ Пасхалисъ, жившій около тогоже времени, возвышаетъ это число до 12 дней [72]. Тотъ же Бальдуччи Пеголетти разсказываетъ, что отъ Сарая до Астрахани только одинъ день пути водою [73]; но мы видѣли, что Абульфеда отъ Сарая до Каспійскаго-Моря считаетъ два дня, водою или сухопутьемъ неизвѣстно, Никоновская-же Лѣтопись помѣщаетъ свои «Большіе-Сараи» тоже въ двухъ днищахъ по Волгѣ вверхъ, только не отъ моря, а отъ Астрахани. Персидскій писатель Садикъ-Исфа-

---

[72] Шпренгеръ Geschichte der geographischen Entdeckungen. Halle, 1792. s. 257 und. 262.

[73] Avisamento del viaggio del Gattajo etc. у Паньини въ Della decima e delle altre gravezze, Lisbona e Lucca, 1766. III, 7. Какую вѣру должно имѣть къ путевымъ исчисленіямъ итальянскихъ путешественниковъ среднихъ вѣковъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ. Отъ Таны въ Астрахань Пеголетти считаетъ 25 дней пути; а венеціанецъ Контарини говоритъ, что, какъ слышалъ онъ, города эти отстоятъ другъ отъ друга не далѣе какъ на 8 дней пути!! Онъ же Контарини отъ устья Волги до Астрахани ѣхалъ водою четверо сутокъ, и считаетъ этотъ путь въ 75 миль; а Барбаро, тоже венеціанецъ, говоритъ, что Волга впадаетъ въ море въ 55 миляхъ отъ Астрахани, отъ Астрахани-же до Москвы можно легко доплыть въ трое сутокъ!!! См. «Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи», изд. М. Калистратова. Спб. 1836: Барбаро, с. 95; Контарини, с. 168, 169.

гани опредѣляетъ въ 4 дня пути разстояніе отъ Дербента до Сарая; тогда-какъ «Книга Большому Чертежу» насчитываетъ 760 или 660 верстъ только между Дербентомъ и Астраханью [74]. Наконецъ Ибнъ-Арабшахъ говоритъ: «Сарай лежитъ на берегу рѣки, отдѣляющейся отъ Итиля; имя этой рѣки Сенкеля: ее не переходятъ и не переѣзжаютъ въ бродъ, а перепраляются черезъ нее на судахъ». Не знаемъ, откуда взялъ Ибнъ-Арабшахъ эту «Сенкеля»; но ясно, что онъ разумѣлъ подъ нею не ничтожный ручей Солянку, а Ахтубу. Это единственный Восточный писатель, который положительно говоритъ, что Сарай былъ не на самой Волгѣ, а на рукавѣ ея. Извѣстіемъ его и заключаемъ рядъ противорѣчивыхъ показаній, сообщаемыхъ намъ о Сараѣ современными путешественниками и писателями Востока и Запада.

Арабы и Персіяне, Голландцы и Итальянцы, всѣ иноземцы словомъ, кого только могли мы добыть въ руки и спросить о Сараѣ, который видѣли они сами, или о которомъ слышали отъ другихъ, были нами приведены и допрошены. Что-жъ показали эти современники, какой вышелъ результатъ допроса? Говорили они все, чтò знали и чего не знали; а результатомъ вышло, что дѣло, если тольэто возможно, стало еще темнѣе, чѣмъ было до того. Странно, а между тѣмъ совершенно такъ. Мы не жалѣемъ однако, что приняли на себя трудъ свести и разобрать извѣстія современниковъ о Сараѣ, хотя трудъ этотъ и не привелъ ни къ какимъ положительнымъ заключеніямъ о предметѣ нашихъ изслѣдованій. Не намъ теперь, такъ другимъ когда-нибудь, а надо-же было-бы предпринять его для полноты дѣла: безъ того, оно все-бы продолжало оставать-

[74] Sadik Isfahani, geographical works, p. 102; Книга Большому Чертежу, с. 60 и др.

ся въ полу-свѣтѣ, если-бы мы на основаніи другихъ свидѣтельствъ и рѣшили его удовлетворительно для насъ самихъ; въ этихъ сказаніяхъ, которыхъ сбивчивость и противорѣчивость доказана, надѣемся, достаточнымъ образомъ, противники наши, безъ того, продолжали бы, каждый, находить опору своимъ мнѣніямъ: теперь-же, смѣемъ думать, не придетъ никому этого желанія.

Но сами мы что̀ предпримемъ, чтобы добыть свѣту въ той мглѣ, которая скрывала мѣстоположеніе Сарая до насъ, и которую мы сгустили еще болѣе разборомъ современныхъ свидѣтельствъ объ этомъ предметѣ, долженствовавшихъ, какъ казалось-бы, разъяснить дѣло?...

Мы заглянемъ еще въ нашихъ стариковъ, и посмотримъ не помогутъ-ли они нашему горю: имъ ближе многихъ другихъ надлежало знать гдѣ была столица Кипчацкихъ Чинкгисидовъ, и можетъ-быть они скажутъ намъ объ этомъ ясно и съ толкомъ.

Никоновская Лѣтопись, разсказывая о разрушеніи Іоанномъ III-мъ Большой, то есть Золотой Орды, и о запустѣніи съ тѣхъ поръ мѣстъ гдѣ она преимущественно кочевала, объясняетъ, какъ мы уже видѣли, что «мѣсто ея области», то-есть главный, столичный городъ Орды, «близъ Асторохани, два днища по Волгѣ вверхъ, именуется Сараи-Большіе». [75] Это опредѣленіе разстоянія «Большихъ-Сараевъ», какъ, видно, предки наши называли опустѣлую и развалившуюся столицу Орды, двумя днями воданаго пути отъ Астрахани, если не приводитъ прямо къ Царевымъ-Подамъ, такъ ужъ никакъ не указываетъ на Селитряный-Городокъ. Но вотъ Книга Большому Чертежу говоритъ: «А по рѣкѣ по Ахтубѣ, на 90 верстъ отъ Царицына, Золотая Орда, мечети татарскія каменныя» [76]. Это ужъ рѣшительно и окончательно убѣждаетъ, что Сарай, или, какъ предки на-

[75] Никоновская Лѣтопись, VII, 210.
[76] Книга Большому Чертежу, с. 159.

шія называли его иногда, «Золотая-Орда», находился на мѣстѣ Царевыхъ-Подовъ; ибо эта-послѣдняя мѣстность находится именно въ такомъ разстояніи отъ Царицына, какое въ Книгѣ Большому Чертежу показано между Царицынымъ и «Золотою-Ордою», то-есть Сараемъ. Во время составленія «Большаго-Чертежа», или описи ему, называемой собственно «Книгой Большому Чертежу», изо всѣхъ развалинъ Сарая болѣе другихъ сохранившимися, какъ самыя прочныя и большія постройки во всѣхъ мусульманскихъ земляхъ, были, вѣроятно, мечети: оттого и Книга Большому Чертежу прибавляетъ къ имени «Золотая-Орда» объяснительное дополненіе, что въ ея время видны были тамъ еще «мечети татарскія каменныя».

Странно, какимъ образомъ Карамзинъ, который самъ приводитъ оба цитированныя нами мѣста изъ Никоновской Лѣтописи и Книги Большому Чертежу, могъ, тѣмъ-не-менѣе, пріурочить Сарай къ Селитряному-Городку. Сколько можно догадываться, его соблазнило, съ одной стороны, описаніе Джигитскихъ развалинъ, сдѣланное Палласомъ, и найденные тамъ обитые серебромъ гробы, о которыхъ говоритъ знаменитый путешественникъ; съ другой—слова Никоновской Лѣтописи «близь Астрахани», и 90 верстъ разстоянія между Царицынымъ и развалинами «Золотой-Орды», показанныя Книгою Большому Чертежу. Эти версты считалъ онъ не за равныя нынѣшнимъ пятисотъ-саженнымъ, а за «старинныя», которыя онъ и многіе другіе полагали 200 саженями болѣе нынѣшнихъ; но и такъ, 90 верстъ Книги Большому-Чертежу, равняясь 126 нынѣшнимъ, не должны были бы привести его къ Селитряному-Городку, разстояніе между которымъ и Царевыми-Подами составляетъ не 126, а 220 верстъ. Кромѣ-того, мнѣніе о бо̀льшей длинѣ «старинныхъ» верстъ противъ нынѣшнихъ было ложно, и опровергнуто побѣдоносно П. Г. Бутковымъ, который доказалъ вмѣстѣ-съ-тѣмъ и въ-частности, что Книга Большому Чертежу мѣрила разстоянія тѣмиже,

жакія и нынѣ, пятисотъ-саженными верстами [77]. Что касается до словъ Никоновской Лѣтописи «близъ Астрахани», то онѣ весьма естественно объясняются тѣмъ, что когда Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный — въ уста котораго Лѣтопись влагаетъ, кажется, приведенное выше извѣстіе о разрушеніи Іоанномъ III «Большой-Орды» и что̀ потомъ слѣдуетъ о «Сараяхъ Большихъ» — когда, говорю, Грозный или бояре его разсуждали объ этомъ въ 1554 году, Царицына еще не существовало [78], и онъ или они, чтобы опредѣлить мѣстность «Большихъ-Сараевъ» означеніемъ разстоянія ихъ отъ какого нибудь извѣстнаго города, не имѣли для того въ виду ничего другаго ближе Астрахани.

Кромѣ вышеприведеннаго мѣста изъ Книги Большому Чертежу, есть въ ней еще нѣкоторыя другія, которыя подтверждаютъ, что ея «Золотая-Орда» находилась въ Царевыхъ-Подахъ. Вотъ онѣ:

«А ниже *Золотой Орды* 50 верстъ, на Волгѣ, *Кривая-Лука*».

«Отъ золотыя жь Орды, отъ рѣки Ахтубы, противъ песковъ Нарымскихъ, 70 верстъ, озеро *Ускунчакъ*, а въ томъ озерѣ ломаютъ соль, чиста какъ ледъ».

«Отъ моря жь возлѣ пески пять мечетей Татарскихъ, *Бешкызъ*; отъ песковъ 30 верстъ бугры, а въ нихъ два колодезя».

«А отъ тѣхъ бугровъ 60 верстъ къ Астрахани, другіе бугры *Чогатъ*» [79].

Если бы Книга Большому Чертежу, называя Сарай «Золотою-Ордою», опредѣляла мѣстоположеніе послѣдней только означеніемъ разстоянія ея отъ Царицына, на этомъ, положимъ, нельзя было-бы совершенно основываться; скептики

---

[77] Ж. М. В. Д. 1844. ч. VIII. с. 261—293.

[78] Карамзинъ (И. Г. Р. т. X. прим. 439) самъ говоритъ, что о нынѣшнемъ Царицынѣ упоминается въ Розрядныхъ Книгахъ только съ 1600 года, и что построенъ онъ вѣроятно Годуновымъ около этого же времени.

[79] Книга Большому Чертежу, с. 159 и 161.

могли бы, пожалуй, предположить ошибку въ цифрѣ, выражающей это разстояніе, и утверждать, что «Золотою-Ордою» называются здѣсь развалины въ Джигитѣ или Чигитѣ. Но вотъ таже Книга Большому Чертежу, черезъ нѣсколько страницъ, называетъ Чигитъ по-имени, какъ урочище совершенно отдѣльное отъ «Золотой-Орды» и отстоящее въ 60 верстахъ отъ Астрахани, а развалины тамошнія означаетъ именемъ «бугровъ». Послѣ этого, никакое недоумѣніе не можетъ уже имѣть мѣста: «Золотая-Орда», то-есть Сарай, помѣщена ясно въ Царевыхъ-Подахъ. Затѣмъ, и озеро «Ускунчакъ», нынѣ Баскунчацкое, опредѣлено Книгою Большому Чертежу находящимся между «Золотою-Ордою» и «Нарымскими-Песками», что̀ не будетъ противорѣчить дѣйствительности тогда только, когда «Золотою-Ордою» признаемъ Царевы-Поды: по пути отъ Чигита къ Нарынскимъ-Пескамъ, Баскунчацкое-Озеро останется далеко влѣво. Мѣстоположеніе «Кривой Луки», наконецъ, могло-бы служить еще ближайшимъ доказательствомъ; но мы, къ-сожалѣнію, не знаемъ: есть-ли теперь на Волгѣ лука съ прозваніемъ «Кривой», и если есть, то въ 50-ли верстахъ ниже Царево-Подскихъ развалинъ?

Итакъ изслѣдованія наши привели къ тому результату, что столица Золотой-Орды, Сарай, находилась въ урочищѣ Царевы-Поды, или на мѣстѣ и въ окрестностяхъ нынѣшняго города Царева. Результатъ не новый, потому-что многіе уже пріурочивали Сарай къ той же мѣстности. Но мы и не думали, и не обѣщали открывать новаго. Приступая къ изложенію нашихъ изслѣдованій, мы обязывались только разсмотрѣть извѣстныя намъ мнѣнія о̀ предметѣ, которыя всѣ почти представлены были безъ доказательствъ, и переизслѣдовавъ, такъ-сказать, дѣло, произнести: которому изъ этихъ мнѣній должно быть отдано преимущество? Это мы и исполнили. Отнынѣ можно говорить съ увѣренностію, что Сарай былъ тамъ-то, тогда-какъ доселѣ мѣстоположеніе его оставалось неразрѣшенною проблемою.

Этимъ, впрочемъ, не должны заключиться наши изслѣдованія. Мы доказали только, что столица Золотой-Орды, Сарай, была около нынѣшняго Царева, а это не совсѣмъ еще объясняетъ дѣло. Есть мнѣнія: 1) *Мюллерово*, что ханы золото-ордынскіе могли имѣть въ одно и тоже время двѣ резиденціи, которыя обѣ носили имя Сарая, и изъ которыхъ одна находилась въ урочищѣ Царевы-Поды, а другая—въ Джигитѣ или Селитряномъ-Городкѣ, и что та или другая мѣстность могла принадлежать также бывшему хазарскому городу Саксину или Сакасину; 2) *Саблукова*, что ханы золото-ордынскіе имѣли двѣ столицы, изъ которыхъ одна, основанная Батыемъ не вдалекѣ отъ Сумеркента, служила, подъ именемъ Сарая, резиденціею преемникамъ его въ XIII столѣтіи, называлась послѣ того Джигитъ-Хаджи или Бешъ-Кызъ, и находилась въ урочищѣ этого имени на мѣстѣ нынѣшняго Селитрянаго-Городка; другая, бывшая резиденціею Хановъ съ XIV столѣтія до паденія Орды, носила имя «Сарай-эль-Джедидъ», или «Новаго-Сарая», извѣстна въ русскихъ лѣтописяхъ подъ именемъ «Большіе-Сараи», и находилась на мѣстѣ нынѣшняго Царева, при вершинахъ Ахтубы; 3) *Леопольдова*, что было два Сарая: старый, который существовалъ до Батыя, и развалины котораго видимъ около Царева, и новый, построенный Батыемъ близь Астрахани, гдѣ нынѣ Селитряный-Городокъ. Три мнѣнія эти, стрѣляющія другъ-въ-друга перекрестнымъ огнемъ, и представляющія всѣ комбинаціи, какія только можно сдѣлать изъ именъ «Сарай», «Новый-Сарай», «Царевъ» и «Селитряный-Городокъ», требуютъ разбора, которымъ мы и займемся.

Начнемъ по порядку, съ мнѣнія *Ф. Г. Мюллера*. Какія доказательства приводитъ онъ въ подтвержденіе современнаго существованія въ Ордѣ двухъ ханскихъ резиденцій съ именемъ «Сарай»? Никакихъ. Мнѣніе это есть чистое предположеніе, къ которому онъ прибѣгнулъ, не зная какъ примирить иначе противуположныя гипотезы своихъ пред-

шественниковъ, изъ которыхъ одни помѣщали Сарай въ Царевыхъ-Подахъ, другіе—въ Селитряномъ-Городкѣ, и находя обѣ эти гипотезы имѣющими достаточныя основанія. Рѣшить, что Сарай былъ въ Царевыхъ-Подахъ: такъ не зналъ онъ, какимъ именемъ окрестить ему потомъ развалины Джигитскія; а пріурочивъ имя Сарая къ симъ-последнимъ, не видѣлъ онъ, какъ объяснить существованіе остатковъ огромнаго города въ Царевыхъ-Подахъ. Намъ, которые не имѣемъ въ виду разгадывать здѣсь происхожденіе всѣхъ развалинъ, разсѣянныхъ на пространствѣ Волжскаго-Бассейна, убѣдившись разъ, что столица Золотой-Орды, Сарай, помѣщалась въ Царевыхъ-Подахъ, нѣтъ уже никакой нужды хлопотать о развалинахъ Джигитскихъ. Мало-ли есть ихъ и кромѣ Джигитскихъ, къ которымъ не умѣемъ мы привязать никакого имени, на-примѣръ къ находящимся или находившимся у Красноярска [80]. Не ужели-же и эти назовемъ Сараемъ, потому только что не знаемъ какъ иначе объяснить ихъ происхожденіе? Доказательствъ на возможность существованія Сарая и тутъ, найдется, пожалуй, вдоволь; стало-бы лишь охоты отыскивать. Большое вліяніе на образованіе Мюллерова предположенія имѣло, по-видимому, замѣчаніе Палласа, что, такъ-какъ низменность Царево-Подская и пространство Ахтубинской-Долины отъ Царицына до Черноярска были постоянно, въ новыя времена, по причинѣ отличныхъ пастбищъ своихъ, любимымъ мѣстомъ осенняго кочевья для калмыцкихъ хановъ, то, вѣроятно, этоже пространство служило и за нѣсколько вѣковъ прежде преимущественнымъ мѣстопребываніемъ для государей и знати Золотой-Орды, тогда-какъ зимою Дворъ ихъ переносился гораздо далѣе на югъ, къ Джигиту или Селитряному-Городку [81]. Что касается до преимущественнаго мѣстопребыванія золото-ордынскихъ хановъ въ Царе-

---

[80] Палласа, Reise in die südlichen Statthalterschaften. I, 96.

[81] Тамъ же, у Палласа, с. 167—168.

выхъ-Подахъ и верхнихъ частяхъ Ахтубинской-Долины, то въ этомъ мы совершенно согласны съ Палласомъ: привольные луга и обильныя воды этихъ мѣстъ были безъ сомнѣнія важнѣйшею причиною основанія въ нихъ столицы кочеваго владѣнія; но вмѣстѣ-съ-тѣмъ мы не видимъ, почему-бы надлежало имѣть ханамъ зимнія квартиры свои именно въ Джигитѣ, не выше и не ниже. Доказательствъ на это, кромѣ развалинъ и кургановъ въ послѣднемъ урочищѣ, нѣтъ никакихъ; но развалины и курганы ничего тутъ не доказываютъ: ихъ много вездѣ по Волгѣ и Ахтубѣ; такъ не вездѣ-же, гдѣ ихъ встрѣчаемъ, было зимнее мѣстопребываніе ханскаго двора. Батый и первые его преемники, кочевавшіе лѣтомъ далеко на сѣверъ отъ Царевыхъ-Подовъ, на зиму могли укрываться въ семъ-послѣднемъ мѣстѣ. Что-же касается до позднѣйшихъ хановъ, то весьма вѣроятно, что на зиму откочевывали они южнѣе, и проводили это время года въ разныхъ мѣстахъ, кому гдѣ болѣе нравилось. Объ Узбекѣ знаемъ мы положительно изъ словъ Ибнъ-Ватуты [82], что самую холодную пору года проживалъ онъ въ Астрахани. Случалось, быть-можетъ, что нѣкоторые ханы зимовали иногда и въ Джигитѣ; но чтобы они зимовали тутъ постоянно, этого нельзя ни подтвердить чьимъ-либо современнымъ свидѣтельствомъ, ни вывести изъ соображенія обстоятельствъ. Наконецъ, ни одинъ изъ источниковъ, не только современныхъ, но и позднѣйшихъ, не упоминаетъ о существованіи въ разныхъ мѣстахъ Золото-Ордынскаго Ханства не только двухъ резиденцій, но и даже двухъ городовъ съ именемъ Сарая. Несмотря на сбивчивость и неопредѣленность извѣстій географовъ и путешественниковъ о мѣстоположеніи столицы Золотой-Орды, видно изо всѣхъ, что они говорятъ объ одномъ и томъ же городѣ Сараѣ. Историки, произнося имя Сарая, точно также ни полсловомъ не намекаютъ, чтобы

---

[82] The Travels of Ibn Batuta, p. 79 (португальскаго перевода с. 454).

было два города этого имени. Стало-быть предположеніе Мюллера о двухъ Сараяхъ, резиденціяхъ хановъ въ разныя времена года, совершенно произвольно, и не бросаетъ ни малѣйшей тѣни на результатъ нашихъ изслѣдованій. Что-же касается до мнѣнія его, что въ Царевыхъ-Подахъ или Джигитѣ могъ находиться также древнѣйшій хазарскій городъ Саксинъ, то въ дѣлѣ о мѣстоположеніи Сарая это вопросъ совершенно посторонній, о которомъ однакожъ мы скажемъ ниже нѣсколько словъ.

Обращаемся къ *г. Саблукову*. Его мнѣніе имѣетъ съ перваго взгляда видъ большой основательности, примиряя гораздо удовлетворительнѣе прочихъ всѣ запутанности дѣла; но оно также не опирается на достаточныя данныя, и не выдерживаетъ строгой повѣрки [83]. Разберемъ утвержденія его одно по одному.

Съ чего взялъ г. Саблуковъ, что Джигитъ-Хаджи и Бешъ-Кызъ есть одно и тоже мѣсто, тогда-какъ это два совершенно разныя и отдѣльныя урочища, между которыми какъ видѣли мы, Книга Большому Чертежу полагаетъ 60 верстъ разстоянія?

Съ чего взялъ онъ, что въ Батыево время Джигитъ-Хаджи носилъ имя Сарая и служилъ столицею преемникамъ его въ XIII столѣтіи, тогда-какъ этого нельзя вывести положительно ни изъ словъ Руисбрöка, ни изъ русскихъ лѣтописей, ни изъ сказаній писателей мусульманскихъ, ни даже изъ памятниковъ нумизматическихъ, какъбы ни толковать ихъ?

[83] Не соглашаясь съ г. Саблуковымъ относительно мнѣній его о золото-ордынской столицѣ или столицахъ, и находя, что въ статьѣ его «Очеркъ внутренняго состоянія Кипчакскаго Царства» весь отдѣлъ «О состояніи городовъ въ Кипчакѣ» исполненъ важныхъ ошибокъ, мы тѣмъ-не-менѣе считаемъ статью эту весьма замѣчательнымъ явленіемъ. Удивляемся особенно, какъ, съ такими ничтожными пособіями, какія были у него подъ руками, умѣлъ онъ приняться за дѣло такъ ловко и такъ много сказать новаго и основательнаго о своемъ предметѣ, тогда-какъ Гаммеръ съ четырьмя-стами источниками своей «Исторіи Золотой-Орды» не смогъ написать о томъ же ничего путнаго.

Съ чего взялъ онъ, что съ XIV вѣка Сарай пересталъ быть столицею хановъ, что ею сдѣлался Новый-Сарай извѣстный изъ монетъ, что этотъ Новый-Сарай былъ городъ отдѣльный отъ Стараго-Сарая или Сарая просто, и что русскія лѣтописи называютъ «Большими-Сараями» не сей-послѣдній, а Новый-Сарай, если только это были города отдѣльные?

Намъ кажется, что всѣ эти положенія г. Саблуковъ вывелъ просто изъ эпитета «новый», который придается Сараю на монетахъ и заставляетъ естественно предполагать существованіе другаго, «стараго» Сарая, и изъ эпитета «большіе», который не вообще русскія лѣтописи, а, сколько извѣстно намъ, одна только Никоновская Лѣтопись прибавляетъ къ слову «Сараи», говоря, что такъ именуется бывшая столица Большой-Орды. Изъ этого-послѣдняго эпитета г. Саблуковъ вѣроятно также выводилъ заключеніе, что были-же «Сараи», которые назывались «Малыми», и что эти «Малые» были однимъ и тѣмъ же городомъ съ старымъ Сараемъ, отдѣльнымъ, по мнѣнію его, отъ «Новаго»; а изъ этого заключенія вытекли уже весьма легко, при помощи Джигитскихъ развалинъ и Руисбрѣка, растолкованнаго Карамзинымъ, и всѣ прочія положенія г. Саблукова. Но, во-первыхъ, «Большіе-Сараи» Никоновской Лѣтописи нисколько не дѣлаютъ необходимымъ существованія какихъ-либо другихъ Сараевъ или Сарая. Эпитетъ «Большіе» могъ быть прибавленъ въ ней къ слову «Сараи» точно такъ же безъ всякой нужды, какъ прибавленъ эпитетъ «великій» къ томуже имени въ нѣкоторыхъ нашихъ лѣтописяхъ, при сказаніи о происхожденіи и подвигахъ Тамерлана. Онѣ упоминаютъ, что Тамерланъ между-прочимъ «и Іерусалимъ, и Севастію, и Арменію, и Дамаскъ-Великій, и Сарай-Великій поплѣни» [84]. Тутъ эпитетъ «великій» данъ Сараю точно такъже, какъ данъ онъ и Дамаску: во-

[84] Ист. Гос. Росс. т. V, прим. 150.

все не для того, чтобы отличить этимъ «Великій-Сарай» и «Великій-Дамаскъ» отъ «Малаго-Сарая» и «Малаго-Дамаска», ибо какъ не было ни Великаго, ни Малаго Дамаска, а былъ и есть одинъ большой городъ этого имени, такъ не было ни Великаго, ни Малаго Сарая, а былъ одинъ большой городъ этого имени, столица Золотой-Орды, который могли величать иногда «большимъ» или «великимъ», по причинѣ его огромности. Такъ, Москва называется въ простонародіи «Бѣлокаменною»; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ была другая Москва, «Чернокаменная». Если «Большой» или «Великій» было необходимымъ эпитетомъ Новаго-Сарая въ отличіе его отъ перваго города этого имени, и столицею Орды съ XIV вѣка былъ этотъ Новый-Сарай, то о какомъ-же Сараѣ говорятъ наши лѣтописи: Троицкая, когда подъ 1346 годомъ упоминаетъ о моровой язвѣ въ Сараѣ, и Архивная съ Архангельскою, разсказывающія подъ 1472 годомъ о взятіи Сарая Вятчанями и поплѣненіи ими тамъ между-прочимъ нѣсколькихъ «княгинь»? [85]. Ясно, что, по русскимъ лѣтописямъ, былъ одинъ Сарай. Во-вторыхъ, Новый-Сарай, о которомъ знаемъ изъ монетъ, предполагаетъ конечно существованіе другаго, «Стараго»-Сарая, но не дѣлаетъ необходимымъ существованіе этого «Новаго» *отдѣльно* отъ «Стараго». Выше мы доказывали, что обѣ они *могли находиться* въ одномъ мѣстѣ, другъ-подлѣ-друга; теперь, когда развалины Царево-Подскія признаны нами за Сарайскія, мы скажемъ положительно, что тамъ же въ Царевыхъ-Подахъ *находился* и Новый-Сарай. Сей-послѣдній, являющійся въ первый разъ на монетѣ Тохтогу-хана, битой въ 1310—11 году, по мнѣнію г. Саблукова, сдѣлался столицею Орды съ XIV вѣка: стало быть Узбекъ жилъ уже въ этой новой столицѣ, но она была при немъ еще въ колыбели; какъ-же согласить это съ огромностію и многолюдствомъ Сарая, столицы Узбековой, которымъ удив-

[85] Ист. Гос. Росс. т. IV, прим. 357, и т. VI, прим. 7.

ляется, посѣщавшій ее при этомъ государѣ, Ибнъ-Батута? Абульфеда, который подъ Сараемъ своимъ разумѣлъ тотъ же самый городъ, какъ и Ибнъ-Батута, основаніе его приписываетъ Батыю; выходитъ, что Сарай, основанный Батыемъ, и Сарай, столица хановъ въ XIV вѣкѣ, былъ одинъ и тотъже городъ и по Восточнымъ писателямъ. Если старый Сарай, помѣщаемый г. Саблуковымъ у Селитрянаго-Городка, пересталъ быть столицею Орды съ XIV вѣка и началъ зваться уже Джигитомъ, то какимъ-же образомъ имѣемъ мы монеты съ именемъ этого города, битыя въ ханствованія Узбека, Тохтамыша и другихъ властителей Орды изъ XIV и даже XV вѣка? Было-бы и еще что̀ сказать въ опроверженіе мнѣнія г. Саблукова о двухъ Сараяхъ, смѣнившихъ одинъ другаго въ качествѣ ордынской столицы: мы далеко не истощили еще запаса доказательствъ въ защиту единичности нашего Сарая Царево-Подскаго; но полагаемъ, что и сказаннаго весьма достаточно для убѣжденія, что кромѣ этого Сарая не было въ Кипчакѣ ни другаго города, ни другой столицы этого имени.

За предшествовавшимъ разборомъ мнѣній Ф. Г. *Миллера* и *г. Саблукова*, не считаемъ уже нужнымъ останавливаться надъ опроверженіемъ третьяго и послѣдняго, принадлежащаго *г. Леопольдову*. Оно само уничтожаетъ себя несовмѣстностію своею со всѣми историческими свидѣтельствами. Утверждать, что до Сарая построеннаго Батыемъ, былъ у него другой столичный городъ тогоже имени: это тоже самое, что говорить о существованіи Петербурга до основанія его Петромъ-Великимъ. Странное мнѣніе г. Леопольдова родилось, какъ догадываемся, изъ того, что онъ зналъ Руисбрёка только по выпискамъ у Карамзина. Карамзинъ говоритъ: «Рубруквисъ возвратился къ берегамъ Волги и пріѣхалъ въ Сарай, новый городъ, построенный Батыемъ въ 60 верстахъ отъ Астрахани, на берегу Ахтубы». Изъ словъ «новый городъ» г. Леопольдовъ и заключилъ, что былъ другой, «старый городъ», служившій Батыю столи-

цею до построенія имъ того Сарая, въ которомъ видѣлъ его Руисбрёкъ; но г. Леопольдовъ не сдѣлалъ-бы такого заключенія, еслибы прочелъ Руисбрёка въ подлинникѣ: посолъ Людовика - Святаго говоритъ не о «новомъ» городѣ Сараѣ, а о «ново»-построенномъ Батыемъ городѣ Сараѣ [86], чтò совершенно разрушаетъ гипотезу г. Леопольдова.

Совсѣмъ другой видъ имѣетъ гипотеза Мюллера о возможности существованія на мѣстѣ Джигита или Царевыхъ Подовъ хазарскаго города Саксина, о которомъ упоминаютъ нѣкоторые Восточные географы и историки. Но мы и съ нею не можемъ согласиться. Бакуви, арабскій географъ изъ конца XIV вѣка, на котораго ссылается Мюллеръ, говоритъ, что Саксинъ, не существовавшій уже въ его время, находился *вблизи* Сарая и погибъ залитый водою [87]; а если такъ, то Саксинъ не могъ находиться въ Джигитѣ, потому-что это было-бы не вблизи, а далеко отъ Сарая, который нашли мы въ Царевыхъ-Подахъ; не могъ находиться и въ семъ-послѣднемъ урочищѣ, потому-что тутъ стоялъ самый Сарай. Принимая во вниманіе извѣстіе Бакуви о разрушеніи Саксина отъ наводненій, я помѣстилъбы его охотнѣе на островѣ Денежномъ или иначе Голодномъ, который лежитъ на Волгѣ, между истокомъ изъ нея Ахтубы и нынѣшнимъ Царицынымъ. Нижняя часть этого острова оторвана была водою, какъ разсказываетъ Палласъ, года за четыре до посѣщенія имъ Царицына въ 1793 году [88]. Такойже участи могъ подвергаться этотъ островъ не разъ и прежде; и городъ, который былъ тутъ, могъ дѣйствительно погибнуть подъ ярыми волнами Волги во

---

[86] «*Saray*, qui est une ville que Baatu avait *batie nouvellement* sur l'Etilia». У Бержерона, Relation de Rubruquis, cap. XLIX, p. 135.

[87] «*Sacassin* etait une grande ville du pays des Khazars. . . . Elle est à présent submergée; il n'en reste aucunes traces; mais *près de la* existe maintenant une autre ville, le Serai de Barca, residence du souverain de cette contrée». Д'Оссона, Histoire des Mongols, I, 347, и Notices et extraits des manuscripts de la bibliothèque du Roi. II. p. 536.

[88] Палласа Reise in die sudlichen Statthalterschaften. I, 66.

время какого-нибудь необыкновенно сильнаго разлива ея весною. Помѣщеніе Саксина на Денежномъ-Острову согласно также и со сказаніемъ Бакуви о близости этого города отъ Сарая; въ такомъ случаѣ онъ находился-бы верстахъ въ 80 отъ Сарая, втрое ближе къ нему противъ того, когда-бы помѣщался въ Джигитѣ. Не знаю, существуютъ-ли на этомъ острову какіе-либо слѣды прежнихъ селищъ, и на какомъ основаніи полагала здѣсь самый Сарай державная составительница «Записокъ о Русской Исторіи» [89]: вѣрно то лишь, что на этомъ острову былъ нѣкогда городъ, въ XIV столѣтіи уже не существовавшій. Это узнаёмъ мы изъ Книги Большому Чертежу, которая и самый островъ, и городъ нѣкогда здѣсь стоявшій, оба называетъ Царицыными [90]. Но мало того, что мы готовы помѣстить Саксинъ на Денежномъ-Острову; мы не прочь пріютить сюдаже и Сумеркентъ Руисбрёковъ, или, другими словами, считать Сумеркентъ и Саксинъ за одинъ и тотъже городъ. О Сумеркентѣ, кромѣ Руисбрёка, не говоритъ никто, ни изъ Западныхъ путешественниковъ, ни изъ Восточныхъ географовъ; междутѣмъ, городъ, который Руисбрёкъ называетъ Сумеркентомъ, не могъ быть неизвѣстенъ симъ-послѣднимъ. Явно, что Сумеркентъ было другое имя котораго-либо изъ кипчацкихъ городовъ временъ хазарскаго владычества, о которыхъ говорятъ мусульманскіе географы; а считать Сумеркентъ именно за ихъ Саксинъ, и помѣщать его на Денежномъ-Острову, полагаемъ мы возможнымъ, основываясь на немногихъ словахъ о мѣстоположеніи Сумеркента, сказанныхъ вскользь самимъже Руисбрёкомъ. Впрочемъ, мы не держимся крѣпко за тождество Сумеркента и Саксина, и за существованіе ихъ на Денежномъ-Острову; это лишь предположеніе съ нашей стороны, которое со-временемъ подвергнется быть-можетъ такомуже приговору въ неосно-

---

[89] Записки касательно Россійской Исторіи, сочиненіе Государыни Императрицы Екатерины II. Спб. ч. VI, с. 219.

[90] Книга Большому Чертежу, с. 50 и 158.

вательности, какой произвесли мы надъ многими изъ разсмотрѣнныхъ нами мнѣній о мѣстоположеніи Сарая.

Но изъ того, что Саксинъ долженъ быть не въ Царевыхъ Подахъ, не слѣдуетъ еще чтобы здѣсь до основанія Сарая не могло быть другаго какого-либо древнѣйшаго города, или, фурмулируя это положеніе другими словами, не слѣдуетъ, чтобы Сарай Батыевъ не могъ быть построенъ на развалинахъ какого-либо другаго города, разореннаго передъ тѣмъ, быть-можетъ, самими Монголами. На это есть даже одно почти современное указаніе [91], но мы не войдемъ здѣсь въ разсмотрѣніе этого вопроса, который относится къ топографіи Кипчака подъ владычествомъ Хазаровъ, болѣе-чѣмъ къ топографіи тойже страны подъ вла-

---

[91] У монаха Гайтона, въ Собраніи Бержерона, cap. V, p. 10. *Сарай* значитъ по-персидски, а потомъ и въ тюркскихъ языкахъ, «дворецъ». Новопостроенный Батыемъ или возобновленный имъ городъ, сдѣлавшійся современемъ столицею Золотой-Орды, могъ получить и безъ сомнѣнія получилъ имя Сарая отъ того, что первое воздвигнутое здѣсь и послужившее основою городу зданіе былъ «дворецъ» Батыевъ. Въ-послѣдствіи, можетъ-быть при Тохтогу, когда въ Сараѣ выстроился кромѣ Батыева еще другой «дворецъ», сей-послѣдній, въ противуположность первому, назвали вѣроятно «новымъ»: *Еки-Сарай* по-тюркски, *Эс-Серай-эль-Джедидъ* по-арабски; отсюда могло произойти и то, что монета, битая на монетномъ дворѣ, устроенномъ при этомъ новомъ дворцѣ, стала носить на себѣ имя *Серай-эль-Джедида*, то-есть «Новаго Дворца» или «Новаго Сарая», тогда-какъ та, которая билась на монетномъ дворѣ при первомъ или «Старомъ-Дворцѣ», продолжала по прежнему чеканиться съ именемъ Сарая или «дворца» просто. Въ Тюркскихъ земляхъ было и есть еще нѣсколько городовъ съ именемъ «Сарай», всѣ тюрко-монгольскаго происхожденія. Въ Мавераннагрѣ на Джейхунѣ находился *Сали-Серай*, бывшій обыкновенною резиденціею чингисидскихъ хановъ Джагатая, какъ Сарай на Ахтубѣ столицею чингисидскихъ хановъ Кипчака. Тамъ же въ Мавераннагрѣ упоминаются еще *Эргенкъ-Серай*, тоже на Джейхунѣ, и *Зенджиръ-Серай*, въ двухъ миляхъ отъ Карши. Тамерланъ выстроилъ въ Кешѣ, избранномъ имъ въ резиденцію вмѣстѣ съ Самаркандомъ, дворецъ названный *Акъ-Сераемъ* (Histoire de Timur-Bec, I, 2, 5, 21, 258, 307), а османскій Султанъ Мурадъ I построилъ городъ *Сарай* въ Дидамотикѣ (Гаммера Gesch. d. Osmanisch. Reichs. I, 163). На Уралѣ существуютъ еще слѣды *Сарайчика* или «Малаго-Сарая», а въ Крыму, на Алмѣ, былъ у Гераевъ дворецъ по имени *Алма-Серай*; столица-же ихъ *Бахче-Серай*, на Чюрюкъ-Су, существуетъ и донынѣ.

стію золото-ордынскихъ хановъ. Итакъ вдоволь уже наговорились мы о Сараѣ; да кромѣ того, чтобы исполнить совершенно принятую на себя обязанность, намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о Джигитѣ и Гюлистанахъ.

Что касается до слѣдовъ развалинъ въ Селитряномъ-Городкѣ или Джигитѣ, то развалинъ этихъ нельзя и называть даже развалинами города. Путешественники прошлаго столѣтія видѣли тамъ остатки двухъ только строеній, одно изъ которыхъ было безъ сомнѣнія «тюрбе» или гробничное зданіе, гдѣ погребались ханы или какой-нибудь знатный родъ. Остальное пространство, занимаемое такъ-называемыми развалинами, покрыто не остатками жилыхъ строеній, а курганами, основаніе и бока которыхъ выложены кирпичемъ или камнемъ. Въ тѣхъ изъ этихъ кургановъ, которые были разрыты, найдены вездѣ человѣческія кости. Изъ этого слѣдуетъ, что чѣмъ-бы ни было другое изъ двухъ помянутыхъ строеній, мечетью, частнымъ жилищемъ или другимъ-чѣмъ, существованія города здѣсь и предполагать не должно; происхожденіе-же кургановъ объясняется вполнѣ-удовлетворительно мѣстнымъ татарскимъ преданіемъ, что такъ-какъ тутъ издавна покоится прахъ великаго святаго мусульманскаго Джигита-Хаджи, то благочестивые люди бывшаго Золото-Ордынскаго Ханства желали обыкновенно быть погребенными въ томъже мѣстѣ, и такимъ образомъ урочище это сдѣлалось кладбищемъ всей Орды [92].

---

[92] Преданіе это узнаёмъ мы отъ Фалька: см. его Beiträge, s. 126. Существованіе въ Джигитѣ общаго кладбища для святошъ Орды не представляетъ само-по-себѣ ничего невѣроятнаго. Сверхъ того, оно подтверждается еще другимъ подобнымъ явленіемъ въ Ордѣ: тѣмъ, что Сарайчикъ на Уралѣ былъ, по-крайней-мѣрѣ въ теченіе нѣкотораго времени, оффиціальнымъ некрополисомъ ея хановъ. Гдѣ-бы ханы ни умирали, мы видимъ что хоронятъ ихъ въ Сарайчикѣ. Такъ отъ Абульгази (Historia Mongolorum et Tatarorum. p. 98—99) узнаёмъ, что здѣсь похоронили Тохтогу и Джанибека, и что здѣсь же вступилъ сей-послѣдній на престолъ тотчасъ по смерти отца своего Узбека; стало-быть здѣсь же погребенъ былъ и Узбекъ. Г. Левшинъ



Обращаемся къ Гюлистанамъ. Оба ихъ считаетъ г. Саблуковъ за ханскіе дворцы въ самомъ Сараѣ, но доказательствъ этому не приводитъ. Тѣмъ-не-менѣе мы принимаемъ это мнѣніе, основываясь на томъже обстоятельствѣ, которое утвердило насъ окончательно и въ увѣренности относительно тождества или совмѣстности Новаго-Сарая монетъ съ Старымъ или просто Сараемъ. Обстоятельство это заключается въ томъ, что изъ числа монетъ, открытыхъ г. Терещенкомъ въ развалинахъ у нынѣшняго Царева, гдѣ, какъ доказано, находился Сарай, около 5,000 разсмотрѣнныхъ самымъ отрывателемъ, академикомъ Френомъ и мною, оказались, за весьма незначительнымъ исключеніемъ, битыми въ Новомъ-Сараѣ и Гюлистанѣ: значитъ ново-сарайская и гюлистанская монета была въ Сараѣ монетою мѣстною, потому-что только мѣстная монета могла обращаться между жителями Сарая въ такомъ обиліи, въ какомъ найдена тамъ ново-сарайская и гюлистанская. Точно такъ же на Таврическомъ-Полуостровѣ нахо-

---

въ статьѣ своей «Извѣстія о древнемъ татарскомъ городѣ Сарайчикѣ» (помѣщенной въ Сѣверномъ Архивѣ, февраль 1824, № 4), полагаетъ, что въ означенныхъ мѣстахъ Абульгазіевой Исторіи подъ Сарайчикомъ надлежитъ разумѣть Сарай (который г. Левшинъ, вмѣстѣ съ Карамзинымъ, помѣщаетъ въ Селитряномъ-Городкѣ), обвиняя въ опискѣ и замѣнѣ Сарая Сарайчикомъ переписчиковъ Абульгази. Предположеніе это, и безъ того не весьма основательное, совершенно опровергается, а качество ханскаго некрополиса утверждается за Сарайчикомъ вполнѣ свидѣтельствомъ извѣстной Пиццигавіевой карты, на которой близь устья Урала или Яика показано, что тутъ «Torcel (можетъ-быть Torbet, то-есть *Тюрбе*) i. e. sepulchrum imperatorum qui decedunt de Sarai (Wiener Jahrbücher der Literatur, LXV-r Bd. S. 17, и Гаммера Gesch. d. Gold. Horde. S. 11 und 280. Въ лучшей итальянской географіи Среднихъ Вѣковъ, «Fabrica del Mondo» Лоренцо д'Ананіи, начитываемъ также: «o *Caminazar*, dove si sepellivano li Imperatori dei Tatari Zavolghensi, avanti che fossero stati estinti dai Precopiti loro nemici» (ibid). При этомъ случаѣ замѣтимъ относительно мнѣній г. Гаммера о Новомъ-Сараѣ, что хотя въ одномъ мѣстѣ своей «Исторіи Золотой-Орды» (s. 9) онъ называетъ его «пристройкою» къ Старому, въ другихъ (s. 280 und 313) доказываетъ что это былъ одинъ и тотъ же городъ съ Сарайчикомъ. Послѣ всего сказаннаго, нужно-ли на то опроверженіе?

дятъ изъ временъ Золотой-Орды почти исключительно монету города Крыма, бывшую мѣстною для полуострова. Такимъ образомъ, нумизматическая добыча, представившаяся г. Терещенку въ развалинахъ Сарая [93], доказываетъ несомнѣнно, что Новый-Сарай и Гюлистанъ были не отдѣльными отъ него городами или дворцами, а дворцами внутри его или въ предмѣстіяхъ. Тоже самое должно заключать по анологіи и о Новомъ-Гюлистанѣ.

Теперь, кажется, сказали мы все, что̀ предположили сказать въ настоящее время о Сараѣ. Перечислимъ-же въ-заключеніе важнѣйшіе результаты нашихъ изслѣдованій:

1. Кромѣ Сарая, столицы Золото-Ордынскаго Ханства, не было въ томъже ханствѣ никакого другаго города этого имени (за исключеніемъ Багче-Сарая въ Крыму).

2. Сарай основанъ Батыемъ между 1242 и 1254 годами, вѣроятно вь 1253-мъ; потомъ, разрушенный Тамерланомъ въ 1395 году, опустѣлъ, и заглохъ окончательно въ концѣ XV столѣтія.

3. Развалины Сарая находятся въ урочищѣ Царевы-Поды, около и на мѣстѣ нынѣшняго города Царева.

4. Новый-Сарай, извѣстный изъ монетъ, находился тамъ же въ Царевыхъ-Подахъ, и былъ, вѣроятно, не пригородомъ стараго Сарая, а дворцемъ внутри или въ предмѣстіяхъ его.

5. Гюлистанъ, и вѣроятно также Новый-Гюлистанъ, были дворцы тамъ же въ Сараѣ.

6. Слѣды развалинъ въ урочищѣ Джигитъ не обнаруживаютъ собою существованія какого-либо города, а ведутъ скорѣе къ заключенію, что тамъ было огромное кладбище.

---

[93] Какъ и гдѣ именно находимы были монеты г. Терещенкомъ, см. Ж. М. В. Д. ч. VII и VIII.



ЦАРИ ВОСПОРА-КИММЕРІЙСКАГО, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ПО СОВРЕМЕННЫМЪ ИМЪ НАДПИСЯМЪ И МОНЕТАМЪ *.

Побережье Чернаго-Моря, усѣянное нѣкогда цвѣтущими греческими городами, представляетъ нынѣ, на всемъ протяженіи своемъ, настоящій рудникъ древностей: городà эти, стѣны и зданія которыхъ давно уже обратились въ безобразныя кучи мусору, сравнявшіяся потомъ съ землей, такъ что многихъ затерялись даже и самые слѣды, хранятъ тѣмъ не-менѣе въ останкахъ своихъ множество матеріяльныхъ памятниковъ историческихъ и археологическихъ: камней съ надписями, монетъ, статуй, утвари, украшеній, оружія и другихъ предметовъ, которые, по матеріялу своему, могутъ противиться болѣе-или-менѣе разрушительному дѣйствію естественныхъ силъ. Гдѣ ни порыться тутъ, вездѣ можно надѣяться на пріобрѣтеніе какой-нибудь древности; но особеннымъ обиліемъ извлеченной изъ нихъ добычи этого рода отличаются по-преимуществу окрестности города Керчи (на Таврическомъ-Полуостровѣ), расположеннаго на мѣстности гдѣ находилась знаменитая въ древнемъ мірѣ Пантикапея и раскиданныя на обширномъ пространствѣ кладбища ея. О раскопкахъ, издавна производящихся здѣсь съ археологическою цѣлью, на счетъ Правительства, и о результатахъ ихъ, говорено было преимущественно въ Жур-

---

* Статья эта напечатана впервые въ журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ за 1851 годъ. *Изд.*

налѣ М. В. Д. [1]; но все что сообщено тамъ по этому предмету даетъ самое слабое понятіе о количествѣ найденныхъ въ Керчи древностей; объ ученомъ-же значеніи ихъ, о томъ что̀ изученіемъ древностей этихъ извлечено уже, или можетъ быть извлечено со-временемъ, для объясненія темной исторіи Воспорскаго Царства — не даетъ никакого. Между-тѣмъ, и въ томъ, и въ другомъ отношеніи, въ-особенности касательно описанія отрытыхъ памятникомъ древности, сдѣлано въ послѣднее время довольно-много, и все у насъ въ Россіи, а не за границею.

Чтобы извлечь изъ найденныхъ памятниковъ что̀ заключаютъ они въ себѣ для объясненія прошлаго, надо чтобы эти памятники были доступны: были срисованы и описаны, а описанія и рисунки изданы. Изъ памятниковъ-же открытыхъ на пепелищѣ Пантикапеи и въ окрестностяхъ ея, долгое время извѣстны были ученому міру только монеты и надписи, изданіемъ которыхъ обязанъ онъ Де-Бозу, Кари, Экелю, Кларку, Вакселю, Кёлеру, Висконти, Сестини, Рауль Рошету, Кёппену, Грефе, Стемпковскому, Міонэ, Бёку и другимъ. Прочіе разнаго рода предметы древняго быта здѣсъ отысканные, какъ утварь, оружіе, украшенія, гробницы, статуи и т. п., поступавшіе въ Императорскій Эрмитажъ, въ Керченскій Музей Древностей и другія общественныя и частныя собранія, оставались до послѣдняго времени неописанными. Первые и важнѣйшіе доселѣ труды въ дѣлѣ ознакомленія съ послѣдняго рода па-

---

[1] Въ слѣдующихъ статьяхъ: 1) *Керченскія катакомбы*, А. В. Ашика — часть X (годъ 1845), стр 400 — 408; 2) *Объ археологическихъ поискахъ въ Керчи*, В. В. Григорьева — ч. XII (годъ 1845) стр. 426—449; 3) *О послѣднихъ археологическихъ раскопкахъ въ Керчи*, А. Б. Ашика — ч. XIV (годъ 1846) стр. 120—131; 4) *Археологическія розысканія близь древнихъ Пантикапеи, Фанагоріи и Херсонеса*, Д. В. Карейши — ч. XVI (годъ 1846), стр. 284 — 310; 5) *Археологическія розысканія на Таманскомъ-Полуостровѣ*, А. В. Ашика — ч. XVII (годъ 1847), стр. 432—453, и 6) *Археологическія розысканія вокругъ Керчи, Севастополя и на Таманскомъ-Полуостровѣ*, Д. В. Карейши — ч. XXI (годъ 1848), стр. 425—450.

мятниками принадлежатъ г. Директору Керченскаго Музея А. Б. Ашику. Въ 1845 году издалъ онъ въ Одессѣ: «*Керченскія Древности: о пантикапейской катакомбѣ украшенной фресками*» (40 стр. въ листъ и 12 таблицъ рисунковъ). Затѣмъ, въ 1848—1849 годахъ, вышло тамъ же, въ трехъ частяхъ: «*Воспорское-Царство съ его палеографическими и надгробными памятниками, росписными вазами, планами, картами и видами*» (болѣе 300 стр. въ 4 д. л. и 73 таблицы рисунковъ). Послѣднее покуда произведеніе г. Ашика по той же части, есть изданное имъ на французскомъ языкѣ: De la dècouverte de deux statues antiques à Kertch. Odessa. 1851 (19 стр. in 8°). Въ дополненіе къ трудамъ г. Ашика, по тому же предмету издано въ настоящемъ году, Императорскимъ Археологическимъ Обществомъ, сочиненіе извѣстнаго нумизмата П. П. Сабатьè: *Керчь и Воспоръ. Замѣчанія о керченскихъ древностяхъ и опытъ хронологіи Царства Воспорскаго.* Спб. 1851 (130 стр. въ 4 д. л. и 8 таблицъ рисунковъ). Увѣнчать эти частные труды, давъ публикѣ болѣе-полное описаніе всѣхъ замѣчательнѣйшихъ предметовъ, доставленныхъ почвою древней Пантикапеи, должно сочиненіе «о Керченскихъ Древностяхъ», издаваемое въ настоящее время подъ руководствомъ Ф. А. Жиля, Начальника Перваго Отдѣленія Императорскаго Эрмитажа. Въ тоже послѣднее время, по части изданія нумизматическихъ памятниковъ Пантикапеи и вообще Царства Воспорскаго, кромѣ книгъ по сему предмету вышедшихъ прежде, извѣстный многочисленными трудами своими Г. И. Спасскій обогатилъ нашу ученую литературу двумя книгами: «*Босфоръ Киммерійскій съ его древностями и достопамятностями*». Москва. 1846 (184 стр. въ 4 д. л. и 7 таблицъ монетныхъ изображеній), и «*Археолого-Нумизматическій Сборникъ, содержащій въ себѣ сочиненія и переводы относительно Тавриды вообще и Босфора-Киммерійскаго частно*». Москва. 1850 (220 стр. въ 4 д. л. и 4 таблицы монетныхъ изображеній). Такимъ-обра-

зомъ, съ 1845 года получили мы шесть сочиненій о воспорскихъ древностяхъ, вышедшихъ въ Одессѣ, Москвѣ и Петербургѣ, не имѣвши дотолѣ объ этомъ предметѣ почти ничего: явленіе свидѣтельствующее съ какою силою обратилась у насъ умственная дѣятельность на изученіе классическихъ древностей нашего отечества, и какъ повсемѣстно распространяется вкусъ къ этого рода занятіямъ!

Но, съ-одной-стороны, древности открытыя въ Керчи еще далеко не вполнѣ описаны; съ другой — и то чтò издано по этой части, издано еще такъ недавно, что новый, пріобрѣтенный для науки матеріялъ не успѣлъ еще выработаться изслѣдователями. Въ дѣлѣ разъясненія изданныхъ уже памятниковъ, въ дѣлѣ превращенія этого сыраго матеріала въ плоть и кровь исторіи, сдѣлано, сравнительно съ обширностію представляющихся задачь, еще весьма мало. Не видимъ мы, на-примѣръ, чтобы выяснено были удовлетворительно: въ чемъ заключались особенности греческой жизни развивавшейся на берегахъ Киммерійскаго-Воспора, тогда-какъ греческое населеніе этого края необходимо должно было представлять эти особенности, какъ въ устройствѣ и управленіи политическомъ, такъ въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и обрядахъ, въ обычаяхъ семейныхъ и общественныхъ, въ искуствѣ и другихъ сторонахъ жизни; не видимъ, чтобы хотя на шагъ подвинулось впередъ разрѣшеніе вопросовъ: къ какимъ племенамъ человѣчества принадлежало туземное населеніе Привоспорскаго-Края, среди котораго основали Эллины свои колоніи; кто въ-особенности были эти знаменитые Скиѳы и другіе родственные имъ народы, царей которыхъ видимъ мы занимающими престолъ Воспора; въ какихъ отношеніяхъ находились династіи эти къ греческимъ подданнымъ своимъ; въ какой мѣрѣ сильно было воздѣйствіе греческой цивилизаціи на господствовавшихъ «варваровъ», и такъ далѣе, и т. д. Между-тѣмъ эти-послѣдніе вопросы суть самые любопытные для насъ. Только къ разрѣшенію ихъ, чтобы на-

дѣяться успѣха, надо приступать съ обширною и разнообразною ученостью. Мало для этого знать по-гречески и быть знакомымъ съ писателями классической древности: надо знать также древній Востокъ, надо быть хорошимъ лингвистомъ, надо изучать дѣло сравнительно. Сопоставьте, на-примѣръ, грекоскиѳскіе памятники Воспорскаго-Царства, открытые въ Керчи въ-теченіе послѣдняго двадцатилѣтія, съ греко-скиѳскими же памятниками Бактріянскаго Царства, открытыми въ-теченіе того же времени въ «топахъ» Афганистана [1], — и быть-можетъ изъ соприкосновенія двухъ темныхъ тучь, застилающихъ былое обоихъ этихъ царствъ, брызнетъ неожиданный лучь свѣта, который озаритъ вмѣстѣ и древнѣйшія судьбы нашихъ прапраотцевъ Славянъ... Сколько знаемъ, такимъ сравнительнымъ изученіемъ обоего рода древностей не занимался еще никто. Будемъ надѣяться, что поприще это ожидаетъ по-преимуществу трудовъ и проницательности молодыхъ отечественныхъ ученыхъ, съ такимъ успѣхомъ посвятившихъ себя въ послѣднее время изученію миѳологіи, археологіи и древностей вообще, каковы гг. Аѳанасьевъ, Буслаевъ, Леонтьевъ, Ордынскій, Стасюлевичь и другіе.

Чтò несомнѣнно и положительно пріобрѣтено доселѣ исторіею въ-слѣдствіе изученія воспорскихъ памятниковъ—это имена нѣсколькихъ воспорскихъ царей, не упоминаемыхъ историками сохранившими отрывочныя извѣстія о Воспорскомъ-Царствѣ, уясненіе порядка преемства между владыками Воспорцевъ вообще, и опредѣлительныя числа продолжительности нѣкоторыхъ царствованій. Причиною, почему на эти предметы обратилось преимущественно вниманіе изслѣдователей, было давно уже, съ начала прошедшаго столѣтія, начавшееся изданіе монетъ и письменныхъ

[1] Рекомендуемъ незнакомымъ съ сими-послѣдними открытіями и результатами ихъ для науки превосходное сочиненіе Вильсона: Ariana Antiqua: a descriptive account of the antiquities and coins of Afghanistan. London. 1841. 4°.

памятниковъ Воспорскаго-Царства, доставившихъ матеріялъ для этого рода изслѣдованій, тогда-какъ памятники искуства стали издаваться въ свѣтъ, какъ видили мы выше, только съ 1845 года. Всѣ эти пріобрѣтенія, на сколько сдѣланы они и усвоены русскою наукою, преимущественно въ вышеперечисленныхъ сочиненіяхъ гг. Ашика, Спасскаго и Сабатьѐ, намѣрены мы представить въ слѣдующемъ очеркѣ, какъ важнѣйшій изъ добытыхъ покуда результатовъ керченскихъ разрытій.

Полнаго разсказа о судьбахъ Воспорскаго-Царства не находимъ ни у одного изъ древнихъ писателей, до насъ дошедшихъ. Связныя, хотя и краткія извѣстія за періодъ съ 480 по 284 годъ до Р. Х. доставляетъ одинъ Діодоръ-Сицилійскій, дополненіемъ которому за это время могутъ служить отрывочныя сказанія Страбона и нѣкоторыхъ другихъ греческихъ писателей, случайно упоминающихъ о событіяхъ и правителяхъ Воспора. Затѣмъ, съ 284 года по эпоху Митридата-Великаго не встрѣчаемъ у нихъ ни строки объ этой странѣ. Далѣе, нѣкоторые древніе писатели упоминаютъ объ ней тоже не иначе какъ случайно, преимущественно по поводу того-или-другаго дѣла, въ которое замѣшана была римская власть. Потому, не только о событіяхъ на Воспорѣ, но и о предѣлахъ этого царства, нельзя получить изъ нихъ никакого яснаго, опредѣленнаго понятія. Впрочемъ, предѣлы эти должны были измѣняться весьма часто, раздвигаясь при владѣльцахъ энергическихъ, умѣвшихъ подчинить своей власти отдаленныя отъ столицы своей колоніи греческія и сосѣднихъ «варваровъ», и съуживаясь при государяхъ слабыхъ, или во время внутреннихъ раздоровъ. Въ цвѣтущіе періоды воспорскаго могущества, на Таврическомъ-Полуостровѣ подчинялись ему Ѳеодосія и даже Херсонесъ; на Таманскомъ-Полуостровѣ — Фанагорія, Горгиппія, Гавань-Синдовъ; на берегахъ Азов-

скаго-Моря—Танаисъ; признавали также надъ собою власть царей воспорскихъ и полукочевые народы обитавшіе по степямъ Таврическаго-Полуострова, по восточному берегу Азовскаго-Моря, въ низовьяхъ Кубани, и на сѣверо-восточномъ берегу Чернаго-Моря; но чтобы Государство Воспорское занимало когда-либо зѐмли соотвѣтствующія нынѣшнимъ губерніямъ Таврической, *Херсонской*, *Екатеринославской*, Землѣ-Войска-Донскаго и Землѣ-Черноморскихъ-Казаковъ — какъ утверждаетъ г. Сабатье [3] — этого не только не видно изъ существующихъ историческихъ источниковъ, но даже и предполагать непозволительно, имѣя понятіе о томъ, что такое была Пантикапея и другія торговыя колоніи Грековъ, и какъ трудно владычествовать надъ кочевыми народами, каковы были окружавшіе Воспорскія Владѣнія разные народы скиѳскіе: Роксоланы, Сарматы, Меоты и другіе. Бо̀льшею-же частію предѣлы Царства-Воспорскаго ограничивались ближайшими къ Пантикапеѣ мѣстностями, простираясь на западъ до Горъ Таврическихъ, а на югѣ и востокѣ заходя недалеко за Полуостровъ Таманскій.

---

[3] *Керчь и Воспоръ*, стр. 31. Считаемъ не лишнимъ замѣтить также при этомъ случаѣ, что многія ссылки на древнихъ писателей, встрѣчаемыя въ этой книгѣ, сдѣланы невѣрно, а списокъ этихъ писателей упоминающихъ о воспорскихъ событіяхъ, помѣщенный на стр. 29 - 30, крайне неточенъ и неполонъ. Сомнительно также писалъ-ли Трогъ-Помпей не дошедшее до насъ особое сочиненіе «о происхожденіи и дѣяніяхъ воспорскихъ». Въ огромномъ трудѣ Трога-Помпея, извлеченіе изъ котораго сохранено для насъ Юстиномъ, говорилось быть можетъ весьма подробно и о событіяхъ на Воспорѣ, но изъ этого не слѣдуетъ что онъ написалъ особое сочиненіе объ этомъ предметѣ: иначе, обо всѣхъ изъ числа потерянныхъ для насъ древнихъ писателей всеобщей исторіи можно было-бы на этомъ основаніи сказать положительно, что они писали «Исторію Воспора». Ошибочно приписываетъ стоику Хрисиппу сочиненіе «о Воспорскихъ Царяхъ» и г. Ашикъ, введенный въ эту ошибку ссылкою Страбона (lib. VII p. 301) на означеннаго писателя: изъ того что Хрисиппъ сообщаетъ нѣсколько анекдотовъ о Левконѣ, царѣ воспорскомъ, не слѣдуетъ, что онъ писалъ «исторію» сихъ царей; анекдоты эти, по всей вѣроятности, заключались въ его, какъ видно изъ Плутарха, философскомъ, а не историческомъ, сочиненіи Περὶ βίον, до насъ не дошедшемъ.

Столицею Воспорскаго-Царства, когда не раздроблялось оно, была Пантикапея, колонія милетская, занимавшая мѣстность нынѣшней Керчи, и основанная около половины VI вѣка до Р. Х.; когда-же являлось въ царствѣ по два царя, то столицею другому служила, по всей вѣроятности, Фанагорія, находившаяся на Таманскомъ-Полуостровѣ, и получившая существованіе современно съ Пантикапеею. Впрочемъ, есть основаніе думать, что царская власть на Воспорѣ возникла первоначально на азіятской сторонѣ его, откуда не разъ и въ-послѣдствіи переходила на европейскую, и что древнѣйшею столицею ея была Фанагорія. Страбонъ положительно говоритъ, что, въ его время, столицею Воспоранцевъ на европейскомъ берегу была Пантикапея, а на азіятскомъ — Фанагорія. Имя Воспоръ, принадлежавшее собственно нынѣшнему Керченскому-Проливу, обозначало также и все царство на берегахъ его находившееся, а иногда присвоялось по-преимуществу одному городу Пантикапеѣ.

Какъ и другія греческія колоніи по берегамъ Чернаго-Моря, Пантикапея имѣла сначала правленіе народное, завися въ нѣкоторой степени отъ малоазійской метрополіи своей, и платя дань за поселеніе свое на чуждой землѣ владѣльцамъ ея Скиѳамъ. Дань эта, впрочемъ, судя по нѣкоторымъ мѣстамъ Страбона и, въ-особенности, Лукіана, не прекращалась, по-видимому, развѣ на короткіе сроки, и во все продолженіе существованія Воспорскаго-Царства.

Первымъ родомъ пользовавшимся царскою властію на берегахъ Воспора, называетъ Діодоръ Археанактидовъ (ἀρχεανακτίδαι), говоря что владычество ихъ продолжалось всего 42 года; по хронологіи его, это приходится между 480—438 годами до Р. Х. Владычество это, по словамъ Діодора, возникло на азіятской сторонѣ Воспора (κατα τὴν Ασίαν); какимъ образомъ это случилось, и простиралось-ли оно даже на Пантикапею, не видно, ни изъ Діодора, ни изъ другихъ древнихъ писателей, хотя учеными занимавшимися

исторіею Воспора, послѣднее, неизвѣстно почему, принимается за несомнѣнное. Рѣшено также большинствомъ, вслѣдъ за Байеромъ, что Archeanactidae, Milesiorum apud Panticapaeum colonia, были magistratus magis, quam reguli, «скорѣе народные сановники, чѣмъ князьки». Все это не болѣе какъ предположенія; существованіе-же Археанаксовъ I-го и II-го, и подробности ихъ водворенія на Воспорѣ, которыя читаемъ у Сестренцевича, а вслѣдъ за нимъ и у г. Спаскаго [4], есть чистое изобрѣтеніе. Тоже должно сказать и объ Археанактидахъ Перисадѣ I, Левконѣ I и Сагаврѣ, которыхъ встрѣчаемъ въ спискѣ царей воспорскихъ у г. Седильо [5], которому, какъ несомнѣнному авторитету, слѣдуетъ и г. Сабатьѐ. Монетъ или надписей отъ времени Археанактидовъ покуда неизвѣстно; впрочемъ, быть можетъ, что нѣкоторыя изъ имѣющихся автономныхъ монетъ Пантикапеи и Фанагоріи биты въ этотъ, а не въ другой періодъ времени; доказать это было-бы столь же трудно, какъ и отвергнуть.

Археанактидамъ, по словамъ Діодора, наслѣдовалъ —

I. *Спартакъ*, царствовавшій 7 лѣтъ. Кто былъ онъ, и властвовалъ-ли на одной азіятской, или вмѣстѣ и на европейской сторонѣ Воспора, Діодоръ не объясняетъ. Изъ не-греческаго имени его можно заключать только, что былъ онъ не изъ Эллиновъ, а изъ «варваровъ». Все прочее, что разсказывается объ немъ, на-примѣръ у г. Ашика [6], есть плодъ соображеній, а не дѣйствительные факты. Спартакъ этотъ, или, по орѳографіи надписей, Спартокъ, положилъ, говорятъ новѣйшіе ученые, основаніе новой на Воспорѣ династіи (второй по хронологическому порядку, если Археанактидовъ считать за первую), которую, по имени его, именуютъ Спартокидами. Преемникомъ Спартока былъ, по Діодору —

[4] Histoire de la Tauride. I, 333; Воспоръ-Киммерійскій, стр. 43—44.

[5] Manuel de Chronologie, p. 72.

[6] *Воспорское-Царство*. I, 44.

II. *Селевкъ*, царствовавшій только 4 года. Чтобы онъ былъ сынъ Спартока, какъ полагаютъ нѣкоторые, ни изъ чего не видно. Де-Бозъ, въ доказательство того, что владычество первыхъ Спартокидовъ ограничивалось самыми тѣсными предѣлами, приводитъ слова Страбона о состояніи Таврическаго-Полуострова въ его, Страбоново, время. Г. Спасскій, не понявъ ни Де-Боза, ни Страбона, вывелъ изъ словъ послѣдняго заключеніе совершенно противное словамъ того и другаго — что «владѣнія Селевка были обширны и находились въ цвѣтущимъ состояніи» [7].

Кто былъ преемникомъ Селевка, неизвѣстно; но какъ Діодоръ, подъ 4-мъ годомъ XCVI олимпіады упоминаетъ о смерти воспорскаго царя Сатира, сына Спартокова, то преемникомъ Селевка, вслѣдъ за Де-Бозомъ, признается и другими этотъ —

III. *Спартокъ*, отецъ Сатира, слѣдовательно второй этого имени. На періодъ царствованія его приходится около 22 лѣтъ. Предположеніе Де-Боза весьма вѣроятно; но Спартокъ, отецъ Сатира, могъ быть тотъже Спартокъ I, властвовавшій послѣ Археанактидовъ по 4-й годъ LXXXVI олимпіады (433 до Р. X.); а 22-лѣтній періодъ времени со смерти Селевка до воцаренія Сатира могъ быть наполненъ либо междуцарствіемъ, либо другими, неизвѣстными царями, какъ предполагалъ и Казобонъ. Сестренцевичь, неизвѣстно на какомъ основаніи, этого Спартока II, отца Сатирова, называетъ внукомъ Селевка, и продолжительность владычества его опредѣляетъ 14-ю годами. Впрочемъ, Сестренцевичь такой писатель, который гдѣ только могъ «сочинялъ» исторію. Мы и не упоминали-бы объ его утвержденіяхъ, если-бы, къ удивленію, не основывался на немъ иногда, въ наше время, почтенный г. Спасскій. Такъ-или-иначе, только со 2-го года XCIII олимпіады (407 до Р. X.), по хронологіи Діодора, властвовалъ —

---

[7] *Босфоръ-Киммерійскій*, стр. 44.

IV. *Сатиръ*, сынъ Спартока. Владычество его продолжалось, по Діодору, 14 лѣтъ, и умеръ онъ въ 4-мъ году XCVI олимпіады (393 до Р. Х.). О царѣ этомъ, кромѣ Діодора, упоминаютъ еще Страбонъ и аѳинскіе ораторы Лисій и Исократъ. Отъ послѣдняго узнаёмъ, что Сатиръ былъ большимъ другомъ Аѳинянъ; а изъ Гарпократіона — что онъ умеръ при осадѣ Ѳеодосіи [8]. Страбонъ упоминаетъ также о памятникѣ Сатиру, воздвигнутомъ на восточномъ берегу Воспора; но этому-ли Сатиру I воздвигнутъ былъ памятникъ, или другому-какому, положительно неизвѣстно: послѣднее вѣроятнѣе.

Сатиру, по Діодору, наслѣдовалъ сынъ его —

V. *Левконъ*, царствованіе котораго продолжалось 40 лѣтъ, по 3-й годъ CVI олимпіады (355 до Р. Х.) включительно. Левконъ этотъ былъ весьма знаменитъ мудростію, добродѣтелями и подвигами. Въ благодарность за правà, дарованныя имъ аѳинскимъ кораблямъ, приходившимъ за хлѣбомъ въ его владѣнія, принятъ онъ былъ въ число аѳинскихъ гражданъ. Въ началѣ царствованія своего овладѣлъ онъ Ѳеодосіей, а потомъ разбилъ сильный флотъ Ираклійцевъ, хотѣвшихъ сдѣлать высадку въ его владѣнія. Объ этомъ говорятъ Демосѳенъ, Страбонъ и Поліэнъ. Нѣсколько извѣстій объ немъ сохранилось также у Аѳинея, Діона-Хрисостома и Хрисиппа (въ Плутархѣ). По имени Левкона, преемники его получили, какъ видимъ изъ Эліана, имя Левконидовъ.

Изъ найденныхъ на пространствѣ Воспорскаго-Царства памятниковъ съ надписями, относятся ко временамъ этого Левкона два:

1. Мраморный обломокъ, найденный къ 1829 году въ Керчи, во рву, гдѣ была турецкая крѣпость, и хранящійся теперь въ Керченскомъ Музеѣ. Остатокъ отъ находившейся на немъ надписи изданъ былъ впервые Стемпковскимъ,

---

[8] Harpocrationis lexicon decem oratorum. Lugd. Batav. 1683. p. 90.

въ Одесскомъ-Вѣстникѣ (годъ 1829, № 44); у Бёка (Corpus Inscriptionum Graecarum) перепечатанъ онъ подъ № 2103, у Ашика (Воспорское-Царство, ч. I, с. 46) — подъ № 1. Это, по-видимому, остатокъ отъ декрета Аркадійцевъ въ честь Левкона.

2. Мраморъ съ надписью, найденный на сѣверномъ берегу Дона и хранящійся теперь въ С.-Петербургской Академіи Наукъ. Надпись эта издана была впервые г. Академикомъ Грефе въ Мемуарахъ этой Академіи; у Бёка помѣщена подъ № 2134, у Ашика — подъ № 2 (ч. I, стр. 47). Левконъ именуется здѣсь «архонтомъ Воспора и Θеодосіи, и царемъ Синдовъ, Торетовъ, Дандаровъ и Псессіевъ».

Есть и монеты съ именемъ «Царя Левкона» (ΒΑΣΙΛΕΩ... ΛΕΥΚΩΝ..), все мѣдныя: двѣ изъ нихъ находятся въ русскихъ собраніяхъ барона Шодуара и графа С. Г. Строгонова; описаны онѣ у Рауль-Рошета (Antiquités grecques, p. 62, pl. I, № 4), Кёппена (Alterthümer am Nordgestade des Pontus, s. 35, tab. I. № 1), Сестини (Descrizione d'alcune medaglie Greche del museo bar. di Chaudoir, p. 66, tab. III, f. 13) и Спаскаго (Босфоръ-Киммерійскій, стр. 47, табл. III, № 1). За исключеніемъ Сестини, всѣ трое приписываютъ эти монеты Левкону I, сыну Сатирову; Сестини-же, вмѣстѣ съ Висконти и Кёлеромъ, признаютъ ихъ принадлежащими къ царствованію другаго Левкона, о которомъ говорено будетъ ниже.

По смерти Левкона, на престолъ Воспора вступилъ, по Діодору, сынъ его —

VI. *Спартокъ* (считающійся третьимъ этого имени), царствовавшій 5 лѣтъ, съ 4-го года CVI (354 до Р. X.) по 4-й годъ CVII олимпіады (349 до Р. X.) включительно. Спартоку, по свидѣтельству Діодора, наслѣдовалъ братъ его, сынъ Левкона —

VII. *Парисадъ*, или—какъ правильнѣе пишется имя его на монетахъ и въ надписяхъ —*Перисадъ*. Правильнѣе, сказали

мы—потому-что это имя есть чисто-персидское *пери-задъ*, «рожденный отъ пери», «сынъ пери». Современникъ Филиппа и Александра македонскихъ, государь этотъ, по Діодору, властвовалъ 38 лѣтъ, съ 1-го года CVIII (348 до Р. Х.) по 3-й годъ CXVII олимпіады (310 до Р. Х.) включительно. По смерти своей, Перисадъ причисленъ былъ, говоритъ Страбонъ, къ лику боговъ; въ Аѳинахъ-же, еще при жизни, воздвигнута была ему, по настоянію Демосѳена, бронзовая статуя. О Перисадѣ свидѣтельствуютъ слѣдующія пять надписей:

3. Надпись на большой гранитной плитѣ, найденная въ 1805 году академикомъ Кёлеромъ, на берегу Ахтанизовскаго-Лимана, на мысу извѣстномъ подъ именемъ Рахмановскаго: нынѣ хранится въ Керченскомъ Музеѣ. Впервые издалъ ее самъ Кёлеръ, въ отдѣльномъ разсужденіи подъ заглавіемъ: Dissertation sur le monument de la reine Comosarye. St.-Pètersburg, 1805; у Рауль-Рошета помѣщена она на стр. 27—28, у Бёка — подъ № 2119, у Ашика (ч. I, стр. 50) — подъ № 3. Надпись эта гласитъ: «Комосарія, дочь Горгиппія и супруга Перисада, воздвигла по обѣту этотъ памятникъ могущественнѣйшимъ божествамъ Анергу (или Санергу) и Астартѣ, при архонтѣ Воспора и Ѳеодосіи Перисадѣ, царѣ (*Синд*)овъ, всѣхъ Меотовъ и Ѳатеевъ» [9].

4. Надпись на бѣломъ мраморѣ, найденная на Таманскомъ же Полуостровѣ, и хранящаяся тоже въ Керченскомъ-Музеѣ. Издана впервые Кёлеромъ; у Бёка находится подъ № 2118, у Ашика (ч. I, стр. 51)—подъ № 4. Относительно Перисада, надпись эта ничего не прибавляетъ къ свѣдѣніямъ доставляемымъ предшествующею.

---

[9] καὶ Θατέων. Тоже имя Ѳатеевъ встрѣчаемъ мы и въ нѣкоторыхъ другихъ воспорскихъ надписяхъ. О царѣ же Ѳатеевъ Арифарнѣ, властвовавшемъ на азіятской сторонѣ Воспора, упоминаетъ и Діодоръ (кн. XX, гл. 22, изд. Диндорфа, Парижъ, 1842—1845, II, 362). Потому, поправку Кёлера, который вмѣсто καὶ Θατέων читаетъ въ этой надписи καὶ θατέρων, «и прочихъ», должно считать весьма неудачною.

5. Надпись на двухъ обломкахъ известковаго камня, найденныхъ въ 1819 году на берегахъ Ахтанизовскаго-Лимана, въ развалинахъ древняго храма, и нынѣ хранящихся въ церкви села Ахтанизовки. Изданная первоначально Кёлеромъ, у Бёка надпись эта помѣщена подъ № 2117, у Ашика (ч. I, стр. 52) — подъ № 5. Здѣсь «Перисадъ сынъ Левкона» именуется «архонтомъ Воспора и Ѳеодосіи и царемъ Синдовъ, Торетовъ и Дандаровъ».

6. Надпись на мраморномъ пьедесталѣ синеватаго цвѣта, найденномъ въ Керчи въ 1823 году, и хранящемся теперь въ Керченскомъ Музеѣ. Издана первоначально Кёлеромъ, потомъ у Бёка помѣщена подъ № 2104, у Ашика (ч. I, стр. 52) — подъ № 6. Тутъ Перисадъ именуется «архонтомъ всей страны отъ вершинъ Тавра до Горъ Кавказскихъ».

7 Надпись на синеватомъ мраморѣ, найденная въ Керчи въ 1833 году г. Ашикомъ, и имъ же изданная первоначально въ Одесскомъ Вѣстникѣ на 1849 годъ, № 46, а въ «Воспорскомъ Царствѣ» помѣщенная у него (ч. I, стр. 53) подъ № 7. Къ предъидущимъ извѣстіямъ о Перисадѣ эта надпись не прибавляетъ ничего.

Одна изъ двухъ извѣстныхъ доселѣ золотыхъ монетъ съ именемъ «Царя Перисада», ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΠΑΙΡΙΣΑΔΟΥΣ, доставная въ королевскій минцкабинетъ въ Парижѣ путешественникомъ П. Люка (Lucas), подала поводъ къ первому замѣчательному изслѣдованію о Царяхъ Воспора — изслѣдованію Де-Боза, напечатанному въ 1729 году. Де-Бозъ не усомнился приписатъ ее Перисаду сыну Левкона, о которомъ шла теперь рѣчь. Того же мнѣнія былъ въ-послѣдствіи и Рауль-Рошетъ. Висконти, напротивъ, приписываетъ ее Перисаду (II-му) сыну Спартока (IV-го). Кёлеръ сначала соглашался съ Висконти, потомъ сталъ доказывать что она не принадлежитъ ни одному изъ извѣстныхъ Перисадовъ, а должна быть приписана какому-нибудь Перисаду, еще неизвѣстному, властвовавшему въ-продолженіе 170-лѣтняго пробѣла предшествующаго въ исторіи Воспора овладѣнію

этой страною Митридатомъ-Великимъ, а Міонэ, на-оборотъ, сначала былъ согласенъ съ Де-Бозомъ, въ-послѣдствіи-же принялъ мнѣніе Висконти. Перисаду же I-му приписываетъ Дюбуа-де-Монперё и двѣ херсонскія монеты собранія Шодуара, описанныя у Сестини (въ Descr. del museo B. di Chaudoir, p. 29, tab. I. ff. 5 e 6), находя что монограмма на нихъ образуетъ буквы ПАР; г. Спасскій оспариваетъ эту принадлежность. По поводу всѣхъ этихъ нумизматическихъ толковъ, такъ-какъ намъ не разъ придется упоминать о нихъ, замѣтимъ однажды навсегда, что для исторіи монеты имѣютъ значеніе тогда только, когда служатъ ей указаніемъ или подтвержденіемъ, а не отъ нея же требуютъ объясненій. Въ послѣднемъ случаѣ историку нѣтъ до нихъ дѣла; что-же касается до нумизматовъ, упражняющихъ остроуміе свое надъ такими именно монетами, то вообще основанія ими принимаемыя для пріуроченія монеты къ тому-или-другому мѣсту, времени, царствованію, бо̀льшею-частію крайне шатки и произвольны. Потому мы считаемъ безполезнымъ входить въ разсмотрѣніе этого рода споровъ, и ограничиваемся лишь указаніемъ на существующія о той-или-другой монетѣ мнѣнія.

Вмѣстѣ со статуею Перисаду, воздвигнуты были въ Аѳинахъ и статуи Сатиру и Горгиппу, которымъ ораторъ Динархъ даетъ, какъ и Перисаду, титулъ «тирановъ». Это заставило Де-Боза предположить, что Сатиръ и Горгиппъ были братья Перисада, сыновья Левконовы, которымъ Перисадъ уступилъ часть своихъ владѣній. Въ этомъ утверждало его извѣстіе Поліэна о Сатирѣ, властвовавшемъ въ части Воспора смежной съ Меотіею, и потерпѣвшемъ пораженіе въ войнѣ противъ оскорбленной имъ Царицы Тиргатао. Теперь, съ открытія надписи царицы Комосаріи, мы знаемъ что Горгиппъ былъ отецъ ея, тесть Перисадовъ, а изъ Діодора извѣстно что Сатиръ былъ сынъ Перисада. Обое, и Сатиръ и Горгиппъ, могли, какъ справедливо замѣчаетъ г. Ашикъ, въ качествѣ сына и тестя царскихъ,

имѣть участіе въ управленіи, и потому, по обычаю древнихъ, также именоваться «властителями». Что касается до Горгиппа, то, будучи тестемъ Перисада, онъ могъ въ тоже время быть однимъ-и-тѣмъ же лицомъ съ Горгиппомъ сыномъ Сатира, о которомъ Поліэнъ говоритъ, что онъ владѣлъ, послѣ отца своего, на Азіятскомъ Воспорѣ. Но кто-же былъ тогда Сатиръ, отецъ Горгиппа — лицо отдѣльное отъ Сатира I, сына Спартокова, или одно съ нимъ? Поліэнъ называетъ его «владѣльцемъ» воспорскимъ: и онъ могъ быть имъ — на азіятской сторонѣ Воспора, тогда-какъ на европейской властвовали въ тоже время другія лица; такое явленіе повторяется не разъ въ исторіи Воспора. Признавать тождество его съ Сатиромъ сыномъ Спартока нѣтъ, потому, никакой нужды. Этому-то Сатиру, отцу Горгиппа, и считаетъ принадлежащею г. Ашикъ ту гробницу Сатирову на азіятской сторонѣ Воспора, о которой упоминаетъ Страбонъ.

Перисадъ оставилъ нѣсколькихъ сыновей. Изъ нихъ, по словамъ Діодора, престолъ, по смерти отца въ 3-мъ году CXVII олимпіады (310 до Р. Х.), наслѣдовалъ старшій изъ нихъ —

VIII. *Сатиръ* (второй этого имени въ ряду властителей воспорскихъ). Но едва вступилъ онъ на царство, какъ одинъ изъ братьевъ его, по имени Эвмелъ, привлекши на сторону свою нѣкоторыхъ изъ сосѣдственныхъ варваровъ, сталъ оспаривать у него владычество. Разсказъ Діодора о событіяхъ этой борьбы между братьями есть одинъ изъ обстоятельнѣйшихъ, какія оставила намъ древность относительно исторіи Воспора. Имѣющему понятіе о мѣстности обоихъ береговъ Керченскаго-Пролива стоитъ только прочесть этотъ разсказъ, чтобы тотчасъ же убѣдиться, что театромъ этой войны была азіятская сторона его, какъ и признано это гг. Бёкомъ и Ашикомъ, а не европейская, какъ думали Маннертъ, Сестренцевичь, Муравьевъ-Апостолъ, Кёлеръ и другіе. Въ войнѣ этой принималъ уча-

стіе Ариѳарнъ, царь (какъ читали доселѣ) Ѳракійцевъ (ὁ τῶν Θρακῶν βασιλεύς): вмѣсто ὁ τῶν Θρακῶν, г. Ашикъ полагаетъ, что у Діодора должно читать это мѣсто ὁ τῶν Θατέων, царь Ѳатейцевъ. Это предположеніе его оправдалось совершенно въ новомъ, Диндорфовомъ, изданіи Діодора: вмѣсто Θρακῶν, дѣйствительно читаемъ Θατέων [10]. Слѣдствіемъ возстанія Эвмелова было то, что Сатиръ, раненый при одномъ дѣлѣ въ руку, умеръ отъ того послѣ 9-мѣсячнаго царствованія. Ему наслѣдовалъ братъ его —

IX. Пританисъ, владычество котораго было еще кратковременнѣе. Два раза побѣжденный Эвмеломъ, онъ бѣжалъ въ Кипосъ, неподалеку отъ Фанагоріи, гдѣ и былъ убитъ.

X. Эвмелъ, овладѣвъ престоломъ Воспора, умертвилъ все семейство и сторонниковъ Сатира и Пританиса; успѣлъ избѣжать этой участи, спасшись бѣгствомъ къ царю скиѳскому Агару, только юный сынъ Сатира, по имени Перисадъ. Но затѣмъ, по словамъ Діодора, Эвмелъ царствовалъ сообразно съ законами, къ благоденствію подданныхъ и собственной славѣ. Послѣ многихъ подвиговъ противу морскихъ разбойниковъ разныхъ націй и сосѣдственныхъ народовъ азіятскаго берега Воспора, смерть приключилась ему внезапно, во цвѣтѣ лѣтъ и силъ, отъ паденія съ колесницы. Царствованіе его продолжалось всего 5 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ, съ 4-го года CXVII по 1-й годъ CXIX олимпіады (съ 309 по 304 годъ до Р. Х.) включительно.

Есть нѣсколько монетъ съ разными изображеніями и монограмою ВАЕ, которыя нумизматами, смотря по тому, принимаютъ-ли они эту монограму за ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΕΥΠΑΤΟΡΟΣ или за ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΕΥΜΕΛΟΥ, относятся то къ Евпатору, государю воспорскому, властвовавшему съ 151 по 171 г. по Р. Х., то къ Эвмелу, но не сыну Перисадову, а другому,

---

[10] Diodori Siculi Bibliothecae Historicae quae supersunt. Ex nova recensione Ludovici Dindorfii. Parisiis 1842-5. II, 362.

позднѣйшему, второму или третьему этого имени, существованіе котораго предполагается въ извѣстномъ пробѣлѣ исторіи Воспора отъ Спартока IV до послѣдняго Перисада. Монеты эти, изъ русскихъ собраній находящіяся у графа С. Г. Строгонова и Г. И. Спасскаго, послѣдній положительно приписываетъ Эвмелу I, сыну Перисадову. Описаніе ихъ можно видѣть, между прочими, у Міонэ (Suppl. de med. ant. t. IV, p. 514 и 551) и у Спасскаго (Восфоръ-Киммерійскій, стр. 54-55).

Эвмелу, въ 1-мъ году CXIX олимпіады (304 до Р. Х), наслѣдовалъ, по Діодору, сынъ его —

XI. Спартокъ (четвертый этого имени), царствованіе котораго продолжалось 20 лѣтъ, стало-быть по 1-й годъ CXXIII олимпіады (284 до Р. Х.). О Спартокѣ этомъ извѣстно только то, что онъ пользовался дружбою Аѳинянъ, какъ видно это изъ хранящагося въ Аѳинскомъ Музеѣ псефизма въ честь его. Псефизмъ этотъ можно читать у Чандлера и Рауль-Рошета.

Затѣмъ, изъ найденныхъ въ предѣлахъ самаго Воспорскаго-Царства надписей, о существованіи этого государя свидѣтельствуютъ три слѣдующія:

8. Надпись на пьедесталѣ изъ бѣлаго мрамора, найденная, по свидѣтельству Палласа и Вакселя, въ Керчи, но послѣ того неизвѣстно кѣмъ призезенная въ Тамань. Первоначально напечатана Палласомъ (Voyage de la Russie Méridionale, II, p. XI, f. 2), потомъ Вакселомъ (Recueil, etc. № 13) и Кёлеромъ (Monum. de Comosarye, p. 28); у Бека помѣщена подъ № 2105; у Ашика — подъ № 8 (ч. I, стр. 59).

9. Надпись на мраморѣ, найденная въ Керчи вь 1824 году, и изданная первоначально г. Ашикомъ, въ Journal de St.-Pétersbourg на 1835 годъ, № 138; у Бека, дополненная, помѣщена она подъ № 2106; а въ Воспорскомъ-Царствѣ г. Ашика — подъ № 9 (ч. I, стр. 59).

10. Надпись на мраморномъ пьедесталѣ, найденная въ

Тамани, откуда перевезена въ Керченскій Музей. Изданная впервые Кёлеромъ (Mon. de Comosarye, pp. 25 - 26), у Бека помѣщена подъ № 2120, у Ашика — подъ № 10 (ч. I, стр. 60).

Первая изъ этихъ надписей, какъ значится въ ней, получила существованіе въ «царствованіе» Спартока сына Эвмелова; во второй надписи именуется онъ «архонтомъ», а въ третьей — и «архонтомъ», и вмѣстѣ «царемъ».

Періодъ исторіи воспорскихъ царей, начиная со Спартока I до этого Спартока IV, съ 438 по 284 годъ до Р. Х., представляетъ въ хронологической послѣдовательности непрерывный родъ царствованій, благодаря единственно Діодору. Послѣдняя изъ дошедшихъ до насъ въ бóльшей - или - меньшей полнотѣ книгъ его «Исторической - Библіотеки» есть XX-я, въ которой повѣствуется о раздорахъ сыновей Перисада, и царствованіяхъ Эвмела и Спартока, сына Эвмелова. Съ XX-й, слѣдующія книги имѣемъ мы лишь въ отрывкахъ, между коими нѣтъ ни одного извѣстія о событіяхъ на Воспорѣ. До временъ Митридата - Великаго, не сообщаютъ о Воспорѣ никакихъ свѣдѣній и другіе писатели древности. Такимъ - образомъ, со смерти Спартока IV до временъ Митридата - Великаго, когда царь воспорскій Перисадъ уступилъ ему свое царство, въ исторіи Воспора существуетъ пробѣлъ, обнимающій продолженіе почти двухъ столѣтій. Пробѣлъ этотъ, при помощи открытыхъ въ послѣднее время на земляхъ Воспорскаго - Царства памятниковъ съ надписями, пополняется слѣдующими царствованіями:

XII. Перисадъ (II) сынъ Спартока (IV). Есть пять надписей съ именемъ этого государя:

11. Надпись на сѣроватой мраморной плитѣ, бывшей вдѣланною въ полъ греческой церкви въ Керчи, а теперь хранящейся въ Ѳеодосійскомъ Музеѣ. Изданная впервые Кёлеромъ (Mon. de Comosarye, p. 18), у Бёка помѣщена подъ № 2107, у Ашика — подъ № 11 (ч. I, стр. 61).

12. Надпись на подножіи изъ бѣлаго мрамора съ сѣрыми и синими прожилками, найденная въ 1833 году въ Керчи, почетнымъ гражданиномъ Митровымъ, теперь-же хранящаяся въ Керченскомъ Музеѣ. Изданная первоначально г. Ашикомъ въ Одесскомъ-Вѣстникѣ, у Бёка помѣщена подъ № 2107, в, а въ «Воспорскомъ-Царствѣ» — подъ № 12 (ч. I, стр. 61).

13. Надпись на мраморѣ, найденная въ Черноморьѣ близъ Темрюка, есауломъ Пуленцовымъ. Изданная впервые г. Ашикомъ въ Одесскомъ-Вѣстникѣ (годъ 1828, № 100 и 101), у Бёка помѣщена подъ № 2120, в, а въ «Воспорскомъ-Царствѣ» — подъ № 13 (ч. I, стр. 62).

14. Надпись на мраморномъ пьедесталѣ, найденная въ Керчи, въ 1842 году, г. Ашикомъ, и въ томъ же году напечатанная имъ въ Одесскомъ-Вѣстникѣ; въ «Воспорскомъ Царствѣ» помѣщена подъ № 14 (ч. I, стр. 62).

Во всѣхъ этихъ надписяхъ, за исключеніемъ третьей, говорится, что памятники, на подножіяхъ которыхъ начертаны эти надписи, воздвигнуты «въ царствованіе» (или «при царѣ») Перисада сына Спартокова.

15. Надпись на мраморномъ пьедесталѣ, найденная въ Керчи, въ 1843 году, и изданная г. Ашикомъ въ «Воспорскомъ-Царствѣ», гдѣ помѣщена подъ № 15 (ч. 1, стр. 62 — 63). Надпись эта заключается въ слѣдующемъ: «Левконъ сынъ Перисада воздвигъ эту статую Аполлону-Врачу, послѣ бытности своей жрецомъ, въ то время какъ Перисадъ сынъ Спартока былъ архонтомъ Воспора и Ѳеодосіи, и царемъ надъ Синдами, всѣми Меотами и Ѳатеями».

Спартокъ, сыномъ котораго именуется въ этихъ надписяхъ царь Перисадъ, признается учеными, впрочемъ безъ особенно-твердыхъ основаній, за Спартока IV, сына Эвмелова. Перисада этого можно, посему, почитать непосредственнымъ преемникомъ Спартока IV, и началомъ владычества его полагать годъ кончины сего-послѣдняго — 284 до Р. Х.

Этому же Перисаду (II) сыну Спартока (IV) приписывають Висконти и Міонэ золотую монету съ именемъ «Царя Перисада», изданную впервые Де-Бозомъ.

XIII. *Спартокъ* (V) сынъ Перисада (II). Имя этого государя встрѣчается въ надписи (№ 16) на пьедесталѣ изъ простаго известковаго камня, найденной въ 1832 году въ Керчи, и тогда же изданной Стемпковскимъ въ Одесскомъ Вѣстникѣ; у Бёка помѣщена подъ № 2107, с, у Ашика— подъ № 16 (ч. I, стр. 64). Надпись эта, неизвѣстно какимъ образомъ, утратилась. Судя по разнымъ палеографическимъ признакамъ, г. Ашикъ находитъ ее сходною съ надписями Перисада (II) сына Спартокова, и потому упоминаемаго въ ней Спартока, сына Перисадова, считаетъ пятымъ этого имени и непосредственныхъ преемникомъ Перисада (II) сына Спартока (IV).

Этому же Спартоку (V) сыну Перисада можно, пожалуй, приписать и серебряную медаль изъ кабинета Канцлера Н. П. Румянцева, съ надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΠΑΡΤΟΚΟΥ, и съ изображеніемъ лука съ колчаномъ на одной сторонѣ, и головою царя на другой, описанную Кёлеромъ (Description d' une médaille de Spartocus, roi du Bosphore Cimmérien, St.-Pétersbourg. 1824); впрочемъ, Кёлеръ говоритъ, что она могла быть выбита и во время Спартока VI или VII. только въ-теченіе извѣстнаго 170-лѣтняго пробѣла въ исторіи Воспора.

XIV. *Левконъ* (II) сынъ *Перисада* (IV). Одинъ древній комментаторъ Овидія, при объясненіи 312 стиха объ Ибисѣ, говоритъ: «Левконъ, одинъ изъ царей понтійскихъ, умертвилъ Спартока, брата своего, побуждаемый женою сего-послѣдняго; но когда захотѣлъ склонить ее къ преступной связи, то самъ былъ ею умерщвленъ». Основываясь на этомъ сказаніи — съ одной стороны, а съ другой — имѣя въ виду, что нѣкоторыя порочныя дѣянія приписываемыя Поліэномъ царю воспорскому Левкону должны относиться не къ Левкону I, сыну Сатира, славному добродѣ-

телями и государственными способностями, а къ какому-нибудь другому государю воспорскому того же имени, Висконти, Кёлеръ и Бёкъ догадывались что Левконъ этотъ долженъ былъ царствовать послѣ Перисада (II) сына Спартока (IV), и назвали его Левкономъ II-мъ. Стемпковскій также полагалъ, что, если принять достовѣрнымъ сказаніе Овидіева комментатора, то въ исторію Воспора должно внести короткое царствованіе Левкона II, брата Спартокова; Спартокомъ-же этимъ признавалъ онъ Спартока V, сына Перисада II. Предположенія эти, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ г. Ашикъ, вполнѣ подтверждаются вышеприведенною надписью подъ № 15, свидѣтельствующею что у Перисада (II) сына Спартока (IV) былъ братъ по имени Левконъ. Вотъ, что говоритъ Кёлеръ объ этомъ лицѣ: «Это тотъ самый Левконъ, который перечеканилъ свою монету, чтобы тѣмъ увеличить ея нарицательную цѣнность (Polyæni Stratagem. I. VI, c. 9, § 1); это онъ употреблявшій разныя хитрости для завладѣнія деньгами торговцевъ (ibid. § 2); это онъ прибѣгавшій къ уловкамъ противу своихъ непокорныхъ военачальниковъ (ibid. § 3): средства, въ которыхъ Левконъ I не имѣлъ надобности. При немъ же, наконецъ, Ираклійцы Понтійскіе опустошали Воспоръ (ibid. § 4), на что они не осмѣлились-бы рѣшиться при другомъ Левконѣ. Сверхъ-того, Поліэнъ не означаетъ ни времени существованія Левкона о которомъ разсказываетъ, ни мѣста его царствованія, а изъ этого видно, что все повѣствованіе должно касаться одного изъ царей по имени Левкона, котораго слѣдуетъ отнести къ 170-лѣтнему пробѣлу въ исторіи Воспора, о которомъ не разъ уже упомянуто. Въ этотъ же промежутокъ времени, городъ Ѳеодосія долженъ былъ выдержать со-стороны царей воспорскихъ ту осаду, отъ которой освобожденъ былъ хитростію извѣстнаго Тиниха ираклійца, и о которой разсказываетъ Поліэнъ (ibid. lib. V, c. 23, § 1). Хитрость, употребленную Мемнономъ (ibid. lib. V, c. 44, § 1), также должно отнести къ Левкону, цар-

ствовавшему въ-теченіе 170 лѣтъ потерянныхъ для исторіи; но одно изъ повелѣній Левкона, цѣлью котораго было ввести дисциплину въ войскахъ, которымъ исключались изъ службы игроки и другіе безпутные воины (Aen. Tactic. c. V), скорѣе относиться можетъ къ Левкону I, какъ повелѣніе достойное его мудрости».

Левкону II приписываетъ Кёлеръ, а за нимъ и Міонэ, двѣ мѣдныя монеты, находящіяся въ Румянцовскомъ-Музеѣ, съ изображеніемъ на одной сторонѣ юношеской головы Геркулеса, покрытой львиною кожею, а на другой — лука съ палицею и надписи ΒΑΣΙΛΕ . . ΛΕΥΚΩ . . Описанія этихъ монетъ помѣщены у Кёлера (въ Descript. d' une médaille de Spartocus), Рауль-Рошета (Antiq. grecq. p. 61; pl. I, № 3) и Спасскаго (Босфоръ-Киммерійскій, стр. 52).

Наконецъ, къ пространству времени заключающемуся въ пробѣлѣ отъ Спартока IV до послѣдняго Перисада, уступившаго царство Митридату, могутъ быть отнесены и царствованія:

Левконора и

Эвбіота, двухъ царей воспорскихъ, о которыхъ упоминаетъ Лукіанъ въ своемъ «Тохарисѣ», если только разсказъ Лукіана не произведеніе воображенія, и означенныя лица дѣйствительно существовали.

Послѣднимъ царемъ Воспора, передъ переходомъ его подъ владычество Митридата, съ чѣмъ настаетъ въ исторіи его новая эра, былъ —

XV. *Перисадъ*, считающійся, послѣ Перисада сына Левконова, и Перисада сына Спартокова, третьимъ этого имени. Не будучи въ состояніи, по словамъ Страбона, противиться одолѣвшимъ его сосѣднимъ варварамъ, требовавшимъ дани бо́льшей прежняго, онъ уступилъ престолъ царю понтійскому Митридату-Евпатору.

Изъ пятнадцати перечисленныхъ царей Воспора, семь первыхъ, отъ Спартока 1 до Перисада I, располагаются, на основаніи извѣстій Діодора, въ одномъ-и-томъ же порядкѣ, у всѣхъ новѣйшихъ изслѣдователей. Остальныхъ восемъ разставили мы въ той послѣдовательности, которая принята г. Ашикомъ, и кажется намъ основательнѣйшею чѣмъ распредѣленія встрѣчаемыя у другихъ писателей. Въ такомъ же порядкѣ, какъ и г. Ашикъ, разставляетъ ихъ до Спартока IV и г. Сабатьѐ; за Спартокомъ-же IV помѣщаетъ послѣдній Левконора и Эвбіота; затѣмъ слѣдуетъ у него Спартокъ V; но Спартокомъ V называетъ г. Сабатьѐ не то лицо, которое разумѣетъ подъ этимъ именемъ г. Ашикъ: Спартокомъ V является у него, упоминаемый въ надписяхъ показанныхъ въ статьѣ нашей и у г. Ашика подъ №№ 11, 12, 14 и 15, отецъ Перисада, тотъ, котораго Кѣлеръ, Ашикъ и другіе признаютъ за Спартока IV; вслѣдъ за этимъ Спартокомъ V, г. Сабатьѐ ставитъ Перисада II, а за нимъ— сына этого Перисада, Спартока, который по нашему счету приходится V-мъ, а по его — VI-мъ. Доказательствъ въ пользу своего распредѣленія г. Сабатьѐ не приводитъ никакихъ. Притомъ должно замѣтить еще, что принимая на вѣру г. Седильо, существованіе Археанактидовъ Перисада I, Левкона 1 и Сагавра, которыхъ никогда не существовало [11], онъ долженъ былъ повысить на единицу всѣхъ дѣй-

[11] Обстоятельства по которымъ явились на свѣтъ эти Археанактиды, весьма забавны и вмѣстѣ поучительны; потому не лишнимъ будетъ изложить ихъ въ-подробности. Есть на французскомъ языкѣ дѣтская книжка г. Седильо подъ заглавіемъ Manuel de chronologie; въ книжкѣ этой, на стр. 72, находимъ что «Les Archoeanactides ou descendants d'Archoeanax I. roi du Bosphore Cimmerien, Paerisadus I, Leucon, Sagaurus, règnerent 42 ans, 480 — 438» (avant J. C.). Всякій, хотя нѣсколько знакомый съ источниками исторіи Воспора, видитъ, что это какая-то нелѣпая галиматья. Не понимая откуда взялъ г. Седильо трехъ поименованныхъ имъ Археанактидовъ, г. Сабатьѐ не усмотрѣлъ, однакоже, что это галиматья, и, мало-того что не усмотрѣлъ, а не усомнился даже положить это изобрѣтеніе дѣтскаго учебника въ основаніи ученому труду своему о хронологіи Воспора, въ которомъ намѣревался исправлять своихъ предшественниковъ на томъ же поприщѣ.

ствительныхъ государей носившихъ имя Левкона и Перисада. Такимъ-образомъ, наши Левконъ I сынъ Сатира, и Левконъ II братъ Спартока, являются у него Левкономъ II и Левкономъ III, а Перисадъ I сынъ Левкона, Перисадъ II сынъ Спартока, и Перисадъ III или послѣднiй, становятся у него Перисадомъ II, Перисадомъ III и Перисадомъ IV. Что касается до расположенiя царей воспорскихъ со смерти Перисада I, какое находимъ у г. Спасскаго, то оно представляетъ удивительное смѣшенiе историческихъ лицъ и хронологическихъ данныхъ, какъ это справедливо замѣчено г. Ашикомъ [12].

Г-ну Сабатье достаточнымъ казалось приэтомъ пожалѣть лишь о томъ, зачѣмъ Седильо не указываетъ на источники, откуда заимствовалъ такую важную новость! Источникъ этой новости, между-тѣмъ, было-бы весьма легко открыть ему, столько разъ цитирующему Страбона: въ книгѣ VII, п. 310 (въ латинскомъ переводѣ Казобона) Страбонъ говоритъ: Diu cum haec urbs (Panticapaeum), tum alia omnia utrinque circa os Maeotidis oppida, unius dominio paruerunt, ut *Leuconis, Sagauri, Parisadae*». Г. Седильо, или тотъ у кого онъ заимствовалъ свою нелѣпость (если не самъ онъ творецъ ея) не замѣтилъ, что тутъ идетъ рѣчь не объ Археанактидахъ, о которыхъ Страбонъ нигдѣ не упоминаетъ, а о позднѣйшихъ воспорскихъ государяхъ: Левконѣ сынѣ Сатира, Перисадѣ сынѣ этого Левкона, и Сатирѣ отцѣ Левкона (что Σάγαυρον въ этомъ мѣстѣ Страбона есть описка вмѣсто Σάτυρον, замѣтилъ еще самъ Казобонъ); и — основываясь на томъ, что черезъ строку Страбонъ продолжаетъ (по тому же переводу): Domini hi tyranni apellabantur, quamquam plerique juste imperabant: *primi* fuerunt Parisades et Leuco — заключилъ, что Парисадъ, Левконъ и Сагауръ Страбоновы были тѣ самые Археанактиды о которыхъ упоминаетъ Дiодоръ какъ о *первыхъ* владыкахъ на Воспорѣ!! Сагауръ, родившiйся изъ описки, милъ въ-особенности! Между-тѣмъ Страбонъ не говоритъ даже и того, что выходитъ по переводу Казобона — будто Парисадъ и Левконъ были *первые* изъ «тиранновъ» Воспора: говоритъ онъ совсѣмъ другое, что новѣйшiй переводчикъ его, Зибенкесъ (Лейпцигъ, 1796 г. vol II, p. 398), передаетъ такъ: Apellabantur autem (владыки Воспора) tyranni, quamquam plerique juste imperabant, *inde a* Paerisade et Leucone». Вотъ, что значитъ читать источники невнимательно, притомъ въ переводахъ, а не въ подлинникѣ, и, не умѣя понять самаго простаго разсказа, замѣнять исторiю соображенiями своего издѣлiя.

[12] Въ *Археолого-Нумизматическомъ Сборникѣ* (стр. 40) г. Спасскiй старается оправдаться въ этомъ обвиненiи, но совершенно неудачно. Главная причина ошибокъ его заключается въ томъ, что онъ, не понявъ Дiодора, смѣшалъ Перисада I съ Перисадомъ II.

Это о порядкѣ преемства царей воспорскихъ; что-же касается до характеристики власти какою пользовались они въ разсмотрѣнный, древнѣйшій періодъ, то, какъ видно изъ надписей, для греческихъ городовъ Воспора были они «архонтами», въ-отношеніи-же къ подвластнымъ имъ варварскимъ народамъ именовались «царями». Званіе архонтовъ въ-отношеніи къ первымъ сохранялось ими, по всей вѣроятности, изъ уваженія къ республиканскому тщеславію греческихъ колоній, гонявшемуся за словомъ, а не за дѣломъ; на дѣлѣ-же, архонство ихъ, безъ всякаго сомнѣнія, было таково, что сами же Греки, только не воспорскіе, по всей справедливости могли именовать ихъ, какъ и дѣлали: одни—*династами*, другіе—чисто-на-чисто *царями* (Βασιλεῦοντες). Это вѣроятно тѣмъ болѣе, что на архонство къ себѣ Воспорскіе Греки призывали, какъ видится, царей сосѣднихъ варваровъ съ азіятской стороны, чтобы имѣть въ нихъ военачальниковъ, а съ ними войско, для защиты себя противу другихъ варваровъ, преимущественно европейскихъ; призывали «править и володѣть» на томъ же основаніи, на какомъ Новгородцы призвали Рюрика съ родомъ и дружиною для защиты отъ другихъ Варяговъ. Одинаковыя обстоятельства вызываютъ и одинаковыя явленія, а торговыя республики всегда и вездѣ нуждались какъ въ воинской защитѣ, такъ и во внутреннемъ управленіи на прочныхъ началахъ единовластія. Все что выговаривали они при такомъ призывѣ, это чтобы пришельцы правили ими «по-старинѣ», то-есть не поступали противъ основныхъ обычаевъ народныхъ; того же желали и Воспорскіе Греки отъ своихъ царей-посадниковъ; и когда эти удовлетворяли ихъ желанію, то они были крайне довольны своими «архонтами» и болѣе ничего не требовали. Это ясно видно изъ слѣдующихъ словъ Діодора объ Эвмелѣ. «Когда— говоритъ онъ — совершенныя Евмеломъ убійства привели горожанъ (пантикапейскихъ) въ негодованіе, то онъ созвалъ народное собраніе, оправдался въ этихъ убійствахъ и *воз-*

становилъ общественное управленіе въ прежнемъ его видѣ (καὶ τὴν πάτριον πολιτείαν ἀποκατέστησε; въ латинскомъ переводѣ Весселинга: et patriam eis (civibus) reipubliciae formam restituit). Вмѣстѣ съ тѣмъ сохранилъ онъ и тѣ *льготы*, которыми пользовались издавна обитатели Пантикапеи, обѣщаясь не взимать съ нихъ ничего сверхъ положенныхъ *податей*, и многое другое говорилъ чтобы расположить къ себѣ народъ. Уладивши такимъ образомъ, посредствомъ *благодѣяній* (εὐεργεσίας) всѣ дѣла свои, сталъ *царствовать по законамъ*, и доблестью своею стяжалъ себѣ не малое удивленіе» (Bibl. Hist. lib. XX, cap. XXIV).

Съ переходомъ Воспорскаго-Царства подъ власть царя понтійскаго Митридата-Евпатора настаетъ, сказали мы, новая эра въ исторіи Воспора; но съ какого времени начинается эта эра, трудно опредѣлить съ точностію. Упоминая, что послѣдній изъ воспорскихъ Перисадовъ уступилъ царство свое Митридату, Страбонъ (VII, 309 и 310) не означаетъ когда именно произошла эта передача; нельзя сдѣлать вѣрнаго заключенія о времени этого событія и изъ другихъ писателей, сохранившихъ для насъ довольно-подробныя, но въ хронологическомъ отношеніи нѣсколько сбивчивыя извѣстія о Митридатѣ. Да и то еще, по-нашему, вопросъ, слѣдуетъ-ли заключать изъ словъ Страбона, что Перисадъ совершенно отказался отъ престола въ пользу Митридата, или то лишь, что, призвавъ его на помощь противу Скиѳовъ, призналъ надъ собою только верховную власть царя понтійскаго, сдѣлался только подручникомъ его, и въ этомъ качествѣ продолжалъ властвовать до-поры до-времени. Какъ-бы то ни было, упоминаемый Страбономъ переходъ верховнаго владычества надъ Воспоромъ въ руки Митридата долженъ былъ послѣдовать не ранѣе, какъ за распространеніемъ власти сего-послѣдняго на Колховъ, Геніоховъ и другіе народы по восточному берегу

Чернаго-Моря (Мемнонъ, кн. XV, гл. 30; Страбонъ, XI, 499), когда молодой царь понтійскій прославился уже какъ счастливый покоритель неукротимыхъ дотолѣ горцевъ. Въ этомъ качествѣ только и могли призвать его къ себѣ въ защитники, въ покровители (προστάτης), одолѣваемые сосѣдними Скиѳами граждане автономнаго города Херсонеса. «Собираясь уже воевать варваровъ, обитающихъ за перешейкомъ (Таврическаго-Полуострова) до Борисѳена и и даже до Адрія [13], съ-тѣмъ-чтобы обратить ихъ потомъ

---

[13] Замѣтимъ, что по словамъ Страбона, Митридатъ, до призванія его на помощь Херсонитянами, *замышлялъ* только или *собирался воевать* (στρατηγιῶντα) «варваровъ» помянутыхъ странъ, а не *воевалъ уже ихъ дѣйствительно*, какъ читаемъ у многихъ новѣйшихъ писателей. Не нашли мы также у древнихъ никакихъ *ясныхъ* свидѣтельствъ и относительно того, чтобы Митридатъ воевалъ этихъ варваровъ, лично или черезъ полководцевъ своихъ, даже *когда-либо въ-теченіе своей долголѣтней жизни*. Неоптолемова Башня, на устьѣ Тираса, о которой упоминаетъ Страбонъ, если-бы и построена была именно Неоптолемомъ, полководцемъ Митридатовымъ, какъ думаетъ г. Ашикъ (В. Ц. стр. 67), а не какимъ-либо другимъ лицомъ этого имени, все-таки не можетъ служить доказательствомъ чтобы Неоптолемъ, или кто другой изъ полководцевъ Митридата, проникалъ съ оружіемъ *до Борисѳена и даже до Адрія*. Башня эта могла быть построена во время первой войны Митридата съ Римлянами, когда войска царя понтійскаго, подъ предводительствомъ полководцевъ его Аріарата, Таксила и другихъ (въ числѣ коихъ могъ быть и Неоптолемъ), воевали *Ѳракію* и Македонію (См. Плутарха, въ жизнеописаніи Силлы, гг. 11 и 15). Если Юстинъ (кн. XXXVIII, гл. 3) говоритъ, что Митридатъ, готовясь къ первой войнѣ своей съ Римлянами, посылалъ пословъ просить помощи у Кимвровъ, Сарматовъ и Бастарновъ; если изъ Аппіана (De bello Mithrid. гл. 119) узнаёмъ, что въ войскахъ его были союзные Скиѳы изо всѣхъ странъ около-понтійскихъ, отъ Меотиды до Воспора-Ѳракійскаго, — то изъ самыхъ словъ этихъ писателей видимъ, что помянутые народы были не подданные его, а добровольные союзники, которыхъ привлекалъ онъ къ себѣ дарами, или, вѣрнѣе сказать, нанималъ, а не призывалъ какъ обязанныхъ ему службою. Сносился онъ даже и съ Серторіемъ въ Испаніи: не значитъ-же это, что оружіе его проникало даже за Пиринеи. Въ Европѣ, какъ изо всего видится, войска Митридатовы, со стороны Ѳракіи, не заходили далѣе Тираса, а со стороны Тавриды — далѣе нынѣшняго Перекопскаго-Перешейка: Роксолановъ, обитавшихъ между Танаисомъ и Борисѳеномъ, полководецъ Митридата Діоѳантъ разбилъ тогда лишь, когда они пришли на помощь съ Скиѳамъ въ предѣлы Таврическаго-Полуострова (Страбонъ, VII, 306). Что касается до Скиѳовъ Азіятскихъ, жившихъ къ сѣверу

на Римлянъ, Митридатъ охотно принялъ приглашеніе Херсонесцевъ, и пославъ къ нимъ войско, вступилъ вмѣстѣ въ войну со Скиѳами бывшими подъ царемъ Скилуромъ и сыновьями его.... покоривъ-же всѣхъ сихъ, овладѣлъ и Воспоромъ, который добровольно уступилъ ему владѣвшій этою страною Перисадъ». Такъ разсказываетъ Страбонъ (VII, 309). Все это должно было произойти по-видимому въ періодъ времени съ 112 по 94 годъ до Р. Х. Не видно также, ни изъ словъ Страбона, ни изъ другихъ источниковъ, принималъ-ли Митридатъ личное участіе въ помянутыхъ дѣйствіяхъ на Таврическомъ-Полуостровѣ, или дѣйствовалъ только черезъ полководцевъ своихъ. Относительно подвиговъ сихъ-послѣднихъ, которые, по всей вѣроятности, должно отнести къ указанному періоду времени (112 — 94 до Р. Х.), Страбонъ упоминаетъ: что они овладѣли скиѳскими крѣпостцами Палакіономъ, Хавономъ и Неаполисомъ (Новымъ-Городомъ), которые построили въ защиту себѣ отъ нихъ царь Скилуръ и сыновья его

отъ Кавказскаго-Хребта и на востокъ отъ Азовскаго-Моря, то и до нихъ Митридатъ проникъ не ранѣе какъ въ послѣдніе годы своей жизни, послѣ бѣгства изъ Арменіи отъ Помпея, когда, какъ читаемъ у Аппіана (l. c. гл. 102), проникъ онъ впервые черезъ Скиѳскія-Врата. Посему не могли быть совершены противу Скиѳовъ первые походы его молодости, какъ положительно говорятъ о томъ многіе новѣйшіе писатели, хотя оправданія этому утвержденію нѣтъ ни у кого изъ древнихъ. Да и какъ изъ наслѣдственнаго Понта своего могъ добраться Митридатъ прямо до Скиѳовъ, когда они отдѣлены были отъ владѣній его Иберами, Албанцами, Колхами, Геніохами, Зигами и другими народами? Выходитъ, что первыя дѣйствія противу Скиѳовъ, и то, по-видимому, не самаго Митридата, а полководцевъ его, имѣли мѣсто на Таврическомъ-Полуостровѣ; подъ первыми-же походами его противу Скиѳовъ должно разумѣть походы его противу кавказскихъ Геніоховъ, Ахеянъ и другихъ, которыхъ также древніе причисляли къ скиѳскимъ народамъ, какъ видно это, между прочими, и изъ Аппіана (l. c. гл. 102). — Говоря о настоящемъ предметѣ, мы, къ-сожалѣнію, не могли имѣть подъ руками ни двухъ спеціальныхъ трактатовъ о немъ: Вольтередорѳовой диссертаціи De Mithridatis vita per annos digesta (Götting. 1813) и Эмперіусова изслѣдованія De temporum belli Mithr. primi ratione (тамъ же, 1829 г.), ни Друмановой «Исторіи Рима».

(VII, 312); что Діофантъ, для обезпеченія Херсонесцамъ разработки одного соленаго озера на западномъ берегу Полуострова, возлѣ озера этого построилъ противу Скиѳовъ крѣпостцу Евпаторію (ibid.), а въ другомъ случаѣ побилъ на-голову предводителя Роксоланъ (обитавшихъ между Дономъ и Днѣпромъ) Тасія, съ 50-тысячнымъ войскомъ приходившаго на помощь къ сыну Скилурову Палаку (VII, 306); и что, наконецъ, на самомъ Воспорскомъ-Проливѣ, Неоптолемъ лѣтомъ разбилъ «варваровъ» въ морскомъ сраженіи, а зимою — на льду, въ конномъ бою (II, 73 и VII, 307). Вотъ все, что знаемъ мы о происшествіяхъ Митридатова царствованія надъ Тавридою до первой войны его съ Римлянами [14]. Къ этому можно прибавить еще, что дань хлѣбомъ, которою обложенъ былъ Полуостровъ отъ Митридата, простиралась до 180,000 [15] медимновъ, а дань серебромъ — до 200 талантовъ, которые уплачивались отчасти и азіятскою частью Воспорскаго Царства (VII, 311). Итакъ, въ ряду царей Воспора, преемникомъ послѣдняго изъ Перисадовъ былъ —

XVII. Митридатъ, первый этого имени между владѣльцами воспорскими, и шестой — въ ряду царей понтійскихъ. Но Воспорцы, покорные пока могущество Митридата возрастало, отложились отъ него — какъ узнаёмъ изъ Аппіана (De bello Mithr. гл. 64) — послѣ пораженій претерпѣнныхъ имъ подъ конецъ первой войны съ Римлянами (88-84 до Р. Х.). Чтобы усмирить непокорныхъ, пер-

---

[14] Такимъ образомъ нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ древности, по которымъ-бы можно было заключать, вмѣстѣ съ г. Кёне («*Изслѣдованія объ исторіи и древностяхъ города Херсониса-Таврическаго*», Спб. 1848, стр. 16), будто Скиѳы при Митридатѣ были совершенно изгнаны изъ Таврическаго-Полуострова. Обстоятельство это невѣроятно и потому что вся степная часть полуострова осталась-бы тогда безъ жителей, и не кому было-бы производить тотъ хлѣбъ, которымъ торговали и должны были платить наложенную Митридатомъ подать побережные греческіе города этой страны.

[15] А не 170,000, какъ читаемъ у г. Ашика (l. c.), вѣроятно вслѣдствіе опечатки.

вой отправки войскъ противу нихъ было недостаточно, и Митридатъ началъ готовить противу Воспорцевъ огромныя морскія и сухопутныя силы (ibid.), но обратить ихъ по назначенію могъ не ранѣе какъ по окончаніи второй войны съ Римлянами (84-82 до Р. Х.). Подробности возвращенія Воспора подъ власть Митридата неизвѣстны. Аппіанъ (ibid. гл. 67) говоритъ только, что покоривъ Воспорцевъ, далъ онъ имъ въ цари одного изъ сыновей своихъ, который назывался —

XVIII. Махаръ (Μαχάρης). Назначеніе это относятъ къ 79 году до Р. Х. Изъ Плутарха (Силла, гл. 11) видимъ, что владѣнія Махара простирались «до равнинъ за Меотисомъ». Черезъ нѣсколько лѣтъ затѣмъ возгорѣлась у Митридата третья его и послѣдняя война съ Римлянами. Разбитый Лукулломъ въ Малой-Азіи, онъ бѣжалъ въ Арменію, а между-тѣмъ потребовалъ помощи отъ Махара, находившагося тогда въ Колхидѣ (Мемнонъ, кн. XVI, гл. 54). Неблагодарный сынъ, вмѣсто того чтобы исполнить это требованіе, страшась могущества Римлянъ, отправилъ къ Лукуллу, осаждавшему тогда Синопъ, посольство съ просьбою принять его въ число «друзей и союзниковъ Народа Римскаго», и золотымъ вѣнцомъ въ подарокъ побѣдителю отца. Лукуллъ согласился на просьбу измѣнника, съ-тѣмъ-чтобы онъ только не доставлялъ въ осажденный Синопъ никакихъ припасовъ; но Махаръ не ограничился такою малостію, и добровольно переслалъ къ Лукуллу тѣ разнаго рода пособія, которыхъ ожидалъ отъ него отецъ (Мемнонъ, кн. XVI, гл. 54; Плутархъ, въ жизни Лукулла, гл. 24; Аппіанъ, l. c. гл. 78 и 83). Зато, когда несокрушимый бѣдствіями старецъ, послѣ ночнаго пораженія нанесеннаго ему Помпеемъ при Евфратѣ, въ Арменіи (Діонъ-Кассій, кн. XXXVI, стр. 23—24, изд. Левенклавія, Ганноверъ, 1606 г.; Аппіанъ, l. c. гл. 98; Плутархъ, въ Помпеѣ, гл. 32; Орозій, кн. VI, гл. 4), успѣлъ пробраться оттуда съ частію войска въ Колхиду,

и, прозимовавъ въ Діоскуріи, направился вдоль восточныхъ береговъ Чернаго и Азовскаго моря въ зѐмли Меотовъ, гдѣ мелкихъ владѣльцевъ скиѳскихъ покорилъ, а съ сильнѣйшимъ изъ нихъ вступилъ въ союзъ, и затѣмъ задумалъ двинуться на Римлянъ вокругъ Азовскаго и вдоль сѣверозападнаго берега Чернаго-Моря, сначала черезъ Ѳракію въ Македонію, а тамъ черезъ Паннонію и Альпы въ самую Италію [16] (Аппіанъ, l. c. гл. 102; Діонъ-Кассій, кн. XXXVI, стр. 34; Флоръ, III, 6) — Махаръ, въ основательномъ опасеніи что отецъ отыметъ у него за измѣну Царство-Воспорское, послалъ молить его о прощеніи; но не надѣясь получить это прощеніе и зная мстительный нравъ Митридата, бѣжалъ въ Херсонесъ, сожегши предварительно корабли, на которыхъ могъ-бы преслѣдовать его отецъ; когда-же тотъ послалъ за нимъ другія суда, то съ отчаянія кончилъ жизнь самоубійствомъ. Такъ разсказываетъ Аппіанъ; Діонъ-же Кассій и Орозій говорятъ что Махаръ умерщвленъ былъ по повелѣнію самого Митридата (Аппіанъ, l. c. гл. 101 — 102; Діонъ-Кассій, кн. XXXVI, стр. 25; Плутархъ, въ Помпеѣ, гл. 32, 43, 51; Орозій, кн. VI, гл. 5). Такъ-или-иначе, смерть Махара относятъ къ 65 году до Р. Х.; стало-быть всего

[16] Здѣсь опять приходится оговорить, что таковы, по Аппіану и Діону-Кассію, были только предположенія Митридата, въ дѣйствительности-же далѣе восточнаго берега Азовскаго-Моря онъ не проникалъ: Флоръ (III, 6) ясно говоритъ: tantum cogitavit. Посему, мы не можемъ согласиться съ г. Кёне, что Махаръ бѣжалъ въ Херсонесъ, когда Митридатъ вступилъ побѣдителемъ въ *дунайскія страны* (l. c. стр. 20). Какъ уже объяснено выше, Митридатъ, не только послѣ разбитія его Помпеемъ, но, по всей вѣроятности, и никогда въ жизни не являлся побѣдителемъ въ этихъ странахъ. Да и бѣгство Махара съ Воспора въ Херсонесъ было-бы непонятно въ такомъ случаѣ: значило-бы что онъ бѣжалъ не *отъ* отца, а *къ* отцу. Корабли свои сжегъ Махаръ также не въ Херсонесѣ, какъ читаемъ у г. Кёне, а, по смыслу разсказа Аппіанова, должно быть на Воспорѣ. Сжегъ онъ ихъ для того, говоритъ Аппіанъ, чтобы отнять у отца возможность преслѣдовать его: какъ-же отнялъ-бы Махаръ эту возможность у Митридата, сожегши корабли въ Херсонесѣ, гдѣ самъ находился? Ясно, что Махаръ, бѣжавъ съ Воспора въ Херсонесъ, сжегъ корабли на Воспорѣ.

правительствовалъ онъ 14 лѣтъ. Что-же касается до того. съ какимъ титуломъ правительствовалъ онъ, то Аппіанъ, упоминая объ немъ, разъ называетъ его «архонтомъ» (1. с. гл. 78), а два — «василевсомъ» (гл. 67 и 83). Монетъ съ именемъ Махара не дошло до насъ, но не потому именно, какъ думаютъ нѣкоторые, что онъ находился въ совершенной зависимости отъ отца: если до изгнанія Митридата изъ Понта и считалъ онъ себя не болѣе какъ намѣстникомъ отца, то послѣ этого, заключивъ отъ имени своего союзъ съ Римлянами, могъ вполнѣ воспользоваться правомъ бить монету отъ своего имени, какъ владѣлецъ самостоятельный.

Овладѣвъ снова Царствомъ Воспорскимъ, Митридатъ послалъ къ Помпею, который находился въ это время въ Сиріи, предложенія о мирѣ и платѣ Римлянамъ дани, если они возвратятъ ему наслѣдственныя владѣнія его; когда-же предложенныя Помпеемъ условія показались ему слишкомъ унизительны, то рѣшился продолжать войну съ Римлянами опять въ Азіи. Съ этою цѣлію, обложивъ владѣнія свои тяжкими податями и собравъ новыя войска, часть ихъ переправилъ уже онъ въ Фанагорію, какъ вдругъ вспыхнуло здѣсь возмущеніе, вслѣдъ за которымъ отложились отъ Митридата Херсонесъ, Θеодосія, Нимфеонъ и другіе городà [17]. Не унывая, Митридатъ отправилъ за вспомога-

[17] Сказанія древнихъ писателей о событіяхъ послѣднихъ годовъ жизни Митридата и театрѣ его дѣйствій въ это время, понимаются и излагаются новѣйшими весьма различно; но вникнувъ внимательно въ эти сказанія можно представить себѣ послѣдовательность и мѣстность ихъ довольно-удовлетворительно. То и другое изложено въ прекрасномъ трудѣ г. Кёне, къ сожалѣнію нашему, не весьма точно (стр. 21). Такъ, между прочимъ, Помпей возвращается у него изъ Сиріи *прежде* чѣмъ Митридатъ успѣваетъ овладѣть снова Воспоромъ (тогда-какъ Помпей пріѣхалъ въ Понтъ тогда-лишь какъ получилъ извѣстіе о смерти Митридата. См. Плутарха, въ жизнеописаніи Помпея, гл. 41). Затѣмъ читаемъ, что «одна изъ женъ Митридатовыхъ, Стратоника, измѣннически предала Помпею замокъ, *находившійся близъ Пантикапеи*, гдѣ хранились сокровища Митридата» (тогда-какъ замокъ этотъ, извѣстный подъ именемъ Симѳоріона, находился въ Понтѣ, сданъ

тельными силами къ Скиѳамъ; а когда и на ихъ помощь пропала надежда, возвратился къ прежнему замыслу — пробраться съ оставшимся у него войскомъ до Кельтовъ, и вмѣстѣ съ ними вторгнуться въ Италію. Но войску его этотъ дальній и отчаянный походъ не нравился. Пользуясь симъ обстоятельствомъ, любимый сынъ Митридата, Фарнакъ, котораго нѣсколько разъ уже объявлялъ онъ наслѣдникомъ своимъ, возсталъ противъ отца и, возмутивъ войско, былъ провозглашенъ отъ него царемъ. Безуспѣшно попробовавъ бѣжать, безуспѣшно просивъ сына о свободномъ пропускѣ, и опасаясь въ слѣдствіе того чтобы его не выдали Римлянамъ живаго, Митридатъ рѣшился наконецъ отравиться, а когда и ядъ не далъ ему смерти, вымолилъ ее отъ руки одного изъ своихъ вождей [18]. Разсказъ этотъ

былъ Помпею Стратоникою еще до похода его въ Сирію, и Помпей никогда не бывалъ на Таврическомъ-Полуостровѣ. См. Діона-Кассія, кн. XXXVI, ст. 33; Страбонъ VII, 556 — 557; Плутархъ, въ Помпеѣ, гл. 36). Къ тому же времени относитъ г. Кёне и возстаніе Фанагоріи, Херсонеса, Ѳеодосіи, Нимфеона, которые, по словамъ его, и «сдались» Римлянамъ (тогда-какъ возстаніе это имѣло мѣсто послѣ занятія Воспора Митридатомъ, въ то время когда Помпей воевалъ еще въ Сиріи; на Таврическомъ-же Полуостровѣ, равно-какъ и въ Фанагоріи, не было тогда, по-видимому, никакого римскаго войска. См. Аппіана, de bello Mithridatico, гл. 108. Относительно Фанагоріи, Орозій (VI, 5) положительно говоритъ, что возмутившій ее полководецъ Митридатовъ Касторъ, захвативъ тамъ сыновей Митридата, *transmisit* (eos) ad præsidia Romana, которые гарнизоны находились вѣроятно не ближе какъ въ Понтѣ. Да и въ-послѣдствіи, какъ можно заключать изъ тогоже Орозія (VI, 21), римскія войска явились впервые на Воспорѣ лишь съ Агриппою около 14 г. до Р. Х. 1). — У г. Ашика разбитіе Помпеемъ Митридата на Евфратѣ тоже является ошибочно событіемъ позднѣйшимъ смерти Махара.

[18] «Всѣ ученые — пишетъ г. Ашикъ — согласны, что событія эти (послѣднихъ часовъ жизни Митридата) происходили на горѣ, господствовавшей надъ Пантикапеею, гдѣ стояла цитадель, о которой упоминаетъ Страбонъ, отъ чего, *по преданію* — а не просто *по произволу Керченскихъ археологовъ*, какъ пишетъ г. Спасскій, мѣсто это до-сихъ-поръ называется Митридатовою горою» (В. Ц. стр. 68). Замѣтимъ, что въ вопросѣ, о которомъ идетъ рѣчь, мнѣніе новѣйшихъ ученыхъ не можетъ имѣть никакого значенія; а изъ древнихъ только Діонъ-Кассій (кн. XXXVII, стр. 35) говоритъ положительно, что во время возмущенія Фарнакова Митридатъ находился въ Пантикапеѣ. Относительно-же прозванія горы, господствующей надъ Керчью,

заимствованъ у Аппіана; по Діону-же Кассію послѣдніе удары нанесены были Митридату воинами Фарнака (Аппіанъ, l. c. гл. 107—111; Діонъ-Кассій, кн. XXXVI, стр. 35; Евтропій, кн. VI, гл. 12; Орозій, кн. VI, гл. 5). Такъ-или-иначе, кончина Митридата послѣдовала въ 63 году до Р. X. [19].

Съ именемъ Митридата дошло до насъ значительное число серебряныхъ, нѣсколько золотыхъ и одна мѣдная монета, бо́льшею частію съ годовыми числами понтійской эры, нѣкоторыя-же безъ означенія года. На монетахъ этихъ имя Митридата является вездѣ съ титуломъ ΒΑΣΙΛΕΩΣ. Годы понтійской эры, означенныя на нихъ, суть: 202, 205, 207, 208, 209, 212, 213, 219, 220, 221, 222, 223, 224 и 225 (соотвѣтствующіе 95, 93, 90, 89, 88, 85, 84, 78, 76, 75, 74, 73 и 72 годамъ до Р. X.). Всѣ эти монеты биты, значитъ, уже по присоединеніи Воспора къ владѣніямъ Митридата, но есть-ли между ними битыя на Воспорѣ, и какія это именно, доселѣ не опредѣлено. Только у г. Спасскаго (Б. К., стр. 60, табл. III, № 12) описывается одна монета съ именемъ Пантикапеи, на которой видитъ онъ вмѣстѣ и остатки прозвища Митридатова «Евпаторъ». Кёлеръ-же приписывалъ Митридату перечеканку монетъ города Херсона, въ которыхъ на изображеніи Артемиды находимъ штемпель съ монограммою, которую читаетъ онъ ΕΥΠΑΤΟΡΟΣ (Serapis, II, 100). Это Кёлерово объясненіе монограммы г. Кёне находитъ неудовлетворительнымъ.

«Митридатовою» или «Митридатомъ», равно-какъ и углубленія на вершинѣ этой горы, называемаго «Митридатовымъ-Кресломъ», мы будемъ держаться мнѣнія г. Спасскаго, пока не докажутъ намъ письменными памятниками, что гора эта называлась »Митридатъ» до поселенія въ Керчи гг. Дюбрюкса и Бларамберга.

[19] По Аппіану (l. c. гл. 112) Митридатъ жилъ 68 или 69 лѣтъ, изъ коихъ царствовалъ 57; Евтропій (VI, 12) и Орозій (VI, 5) даютъ ему 72 года жизни; продолжительность-же правленія его Евтропій опредѣляетъ въ 60 лѣтъ. На престолъ вступилъ онъ, по Страбону (X, 478) 11-ти лѣтъ, а по Мемнону (к. XV, г. 30) — 13-ти лѣтъ отъ роду.

Определивъ указать въ настоящемъ трудѣ какіе нумизматическіе памятники дошли до насъ отъ властвовавшихъ на Воспорѣ лицъ, и гдѣ описаны они, мы должны были-бы сослаться здѣсь на тѣ изданія, гдѣ описаны исчисленныя выше монеты Митридата, и затѣмъ, повторяя тоже при каждомъ послѣдующемъ государѣ воспорскомъ, принуждены были-бы ссылаться безпрестанно на однѣ и тѣже сочиненія. Чтобы избѣжать такого повторенія, мы сочли лучшимъ всѣ тѣ нумизматическія изданія, въ которыхъ помѣщено описаніе извѣстныхъ доселѣ монетъ воспорскихъ государей, начиная отъ Митридата-Евпатора до Рискупориса VIII, перечислить всѣ разомъ, въ концѣ нашего труда.

Понтійская эра, встрѣчаемая на монетахъ Митридата, перешла съ нимъ и на Воспоръ: тоже лѣтосчисленіе находится и на монетахъ послѣдующихъ властителей этой страны. Понтійская эра, по этому обстоятельству называемая также и воспорскою, имѣетъ началомъ своимъ 457 годъ отъ основанія Рима, или 297 до Р. Х.

XIX. Фарнакъ, провозглашенный отъ войска преемникомъ Митридата, послалъ трупъ отца своего, въ рыбьемъ разсолѣ, къ Помпею въ Синопъ, прося вождя римскаго, чтобы тотъ либо отдалъ ему всѣ наслѣдственныя владѣнія Митридата, либо утвердилъ его хотя на Воспорскомъ-Царствѣ. Помпей тѣло Митридата велѣлъ похоронить съ приличною пышностію въ Синопѣ, гдѣ покоились его предки, а Фарнака, въ благодарность за избавленіе Италіи отъ опаснаго предпріимчивостію врага, объявивъ «другомъ и союзникомъ Народа Римскаго», утвердилъ однакоже только на одномъ Воспорскомъ-Царствѣ, и то изъявъ изъ-подъ власти его Фанагорію, которой, за то что она первая изъ городовъ воспорскихъ, примѣромъ своимъ, увлекла въ пользу Римлянъ и другіе города того края, даровалъ права автономіи (Аппіанъ, l. с. гл. 113; Діонъ-Кассій, кн. XXXVII, стр. 35 - 36). Недовольный этимъ

раздѣломъ, Фарнакъ, въ послѣдніе годы царствованія своего, обратилъ оружіе свое противу Фанагорійцевъ, и, разбивъ ихъ, взялъ у нихъ заложниковъ; а потомъ, въ надеждѣ воспользоваться междоусобіями возникшими между Помпеемъ и Цезаремъ, и возвратить подъ власть свою всѣ отцовскія владѣнія, оставилъ начальство надъ Воспоромъ военачальнику своему Асандру, а самъ вторгнулся въ Колхиду, и занявъ ее безъ сопротивленія вслѣдъ затѣмъ овладѣлъ Арменіею и частью Каппадокіи и Понта. Цезарь, занятый въ это время въ Египтѣ, выслалъ противу него Домиція-Кальвина. Въ битвѣ при Никополѣ Фарнакъ разбилъ его на-голову, и, гордый этимъ успѣхомъ, овладѣлъ остальною частію Понта, отнялъ у Римлянъ Амизъ, ознаменовалъ эту побѣду страшными жестокостями, и внесъ уже оружіе свое въ Виѳинію — какъ вѣсть о возмущеніи на Воспорѣ Асандра, надѣявшагося выиграть этимъ у Римлянъ, заставила его пріостановиться и подумать о возвращеніи. Встревоженный завоеваніями Фарнака, Цезарь спѣшилъ между-тѣмъ изъ Египта, и, настигнувъ его при Зелѣ, разбилъ совершенно [20]. Всего съ тысячью всадниками, Фарнакъ бѣжалъ въ Синопъ, откуда, заключивъ миръ съ Римлянами, отправился моремъ на Таврическій-Полуостровъ. Здѣсь, съ помощію Скиѳовъ и Сарматовъ, удалось ему овладѣть Ѳеодосіею и Пантикапеею; но Асандръ собралъ новыя силы (по-видимому на азіятской сторонѣ Воспора), и на этотъ разъ Фарнакъ палъ въ битвѣ съ нимъ, на 50-мъ году отъ рожденія и 16-мъ правленія (Аппіанъ De bello Mithr. гл. 120, De bellis civilib. кн. II, гл. 91 — 92; Діонъ-Кассій, кн. XLII, стр. 183, 189 и 206 — 207; Плутархъ въ жизн. Цезаря, гл. 50; и въ-особенности Авлъ-Гирцій, De bello Alexandrino, гдѣ, въ главахъ 34-41 и 69-76, находимъ весьма подробные разсказы о дѣйствіяхъ Фарнака въ Ма-

[20] Эта легкая побѣда и дала Цезарю поводъ извѣстить объ ней знаменитыми: veni, vidi, vici (Плутархъ, въ жизнеоп. Цезаря, гл. 50).

лой-Азіи). Сверхъ этого, у Страбона находимъ еще извѣстіе, что Фарнакъ велѣлъ прокопать берегъ рѣки Гипаниса (Кубани) и водами ея затопилъ поля меотскаго народа Дандаровъ (XI, 495), и что въ области Мосховъ ограбилъ онъ знаменитое прорицалище Левкотеи (XI, 498). Первое должно было имѣть мѣсто современно съ дѣйствіями его противу Фанагорійцевъ, а послѣднее — при занятіи Колхиды, во время похода на Малую-Азію.

Отъ Фарнака дошло до насъ нѣсколько золотыхъ монетъ съ надписью на всѣхъ: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΒΑΣΙΛΕΩΝ ΜΕΓΑΛΟΥ ΦΑΡΝΑΚΟΥ «великаго царя царей Фарнака». По означеннымъ на нихъ числамъ, онѣ принадлежатъ къ 243, 245, 246 и 247 годамъ понтійской эры (то-есть къ 54, 52, 51 и 50 годамъ до Р. Х.) и, по замѣчанію Кёлера (Serapis, II, 219), должны быть биты на Воспорѣ.

По смерти Фарнака, послѣдовавшей въ 47 году до Р. Х. [21], царство его получилъ —

XX. Митридатъ, второй этого имени послѣ Митридата-Евпатора, сынъ Менодота-Пергамскаго и Адобогіоны, дочери тетрарха галатскаго, бывшей потомъ наложницею Митридата-Евпатора, почему и считался за побочнаго сына сего-послѣдняго. Вѣрно то, что подъ руководствомъ Митридата-Евпатора получилъ онъ свое воинское образованіе съ дѣтскихъ лѣтъ, а потомъ вошелъ въ большую дружбу съ Цезаремъ. За важныя услуги оказанныя Цезарю въ Египтѣ, этотъ сдѣлалъ его тетрархомъ Галатіи, и въ прибавокъ отдалъ ему опроставшійся со смертію Фарнака престолъ Царства-Воспорскаго, съ-тѣмъ-чтобы онъ изгналъ оттуда Асандра; но борьба эта окончилась гибелью не Асандра, а самаго Митридата, который, вѣроятно, на пути къ Воспору ограбилъ въ прорицалищѣ Левкотеи то чѣмъ не завладѣлъ еще Фарнакъ (Гирцій De bello Alexandrino, гл. 26 и 78; Діонъ-Кассій, кн. XLII, стр. 204 и 207;

---

[21] А не въ 50 году до Р. Х., какъ читаемъ у г. Ашика.

Страбонъ XI, 498, и XIII, 625). Такимъ образомъ владыкою на Воспорѣ опять остался —

XXI. Асандръ. Древніе писатели сообщаютъ о немъ: Страбонъ (VII, 311) — что для защиты полуострова отъ вторженій Скиѳовъ, перешеекъ его до Меотиды оградилъ онъ, на протяженіи 360 стадій, стѣною, съ 10 башнями на каждой стадіи [22]; Діонъ-Кассій (кн. LIV, стр. 538) — что онъ женатъ былъ на Динамисѣ, дочери Фарнака, которой, по смерти своей и оставилъ царство; Лукіанъ (о долговѣчныхъ, гл. 17) — что Асандръ, сначала этнархъ на Воспорѣ, а потомъ получившій отъ Октавія-Августа титулъ царя, будучи около девяноста лѣтъ отъ роду, никому не уступалъ бодростію и силою на конѣ-ли, въ пѣшемъ-ли строю, и умеръ 93 лѣтъ отъ роду, умертвивъ себя голодомъ съ отчаянія, что, въ битвѣ со Скрибоніемъ, оставленъ былъ своими, перешедшими на сторону сего-послѣдняго.

Такая же двойственность титула, о какой упоминаетъ Лукіанъ, встрѣчается и на дошедшихъ до насъ золотыхъ, серебряныхъ, мѣдныхъ и свинцовой монетахъ съ именемъ Асандра; на однѣхъ имѣетъ онъ титулъ «архонта», а на

---

[22] По неопредѣлительности выраженій Страбона, трудно сказать о какомъ «перешейкѣ» (ἰσθμός) говоритъ онъ тутъ: о Перекопскомъ, по-видимому, не можетъ быть и рѣчи, потому-что къ нему никакъ не прилагается протяженіе 360 стадій, хотя въ другомъ мѣстѣ самъ Страбонъ (VII, 4, § 1) приводитъ мнѣніе будто перешеекъ Полуострова-Херсонесскаго имѣетъ въ ширину именно это число стадій. Стало-быть дѣло идетъ о пересѣченіи стѣною отъ Чернаго до Азовскаго-Моря Полуострова-Керченскаго; но въ какомъ именно мѣстѣ? На Полуостровѣ-Керченскомъ существуютъ слѣды трехъ валовъ: одинъ, ближайшій къ Керчи — идетъ отъ Золотаго-Кургана до Азовскаго-Моря; другой — тянется къ этому морю отъ солянаго озера Актамъ-Алчинъ, пересѣкая почтовую дорогу между Ѳеодосіею и Керчью въ 4 верстахъ за первою отъ Керчи станціею Султановкою; третій — простирается отъ Арабата на западъ до горъ около Стараго-Крыма. Г. Ашикъ сооруженіе этого третьяго вала приписываетъ скиѳскимъ рабамъ, о коихъ говоритъ Геродотъ (кн. IV); Асандръ-же, по его мнѣнію, только укрѣпилъ его стѣною и башнями (В. Ц. стр. 25 и 70). Число башенъ этихъ, во всякомъ случаѣ, по счету Страбона, должно было простираться до 3,600, а не до 360, какъ читаемъ, вѣроятно вслѣдствіе опечатки, у г. Спасскаго (*Б. К.* стр. 63).

другихъ тоже зовется «василевсомъ». Монеты съ надписью ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΑΣΑΝΔΡΟΥ ΒΟΣΠΟΡΟΥ, или просто ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΑΣΑΝΔΡΟΥ, принадлежатъ къ 250, 252, 253, 254 и 257 годамъ понтiйской эры (47, 45, 44, 43 и 40 до Р. Х.), и въ тоже время представляютъ буквы Α, Γ, Δ, Ε и Η, означающiя числа 1, 3, 4, 5 и 8, которыя принимаются за годы его управленiя. Монеты съ надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΣΑΝΔΡΟΥ принадлежатъ къ 261, 263, 264, 265, 267, 269, 271, 273, 274, 280, 282, 285 и 286 годамъ воспорской эры (36, 34, 33, 32, 30, 28, 26, 24, 23, 17, 15, 12 и 11 до Р. Х.) и представляютъ вмѣстѣ буквенное обозначенiе 4, 7, 8, 10, 11, 14, 16, 17, 23, 25, 28 и 29 годовъ его властвованiя. Выходитъ, что Асандръ 8 лѣтъ властвовалъ въ званiи архонта и по-крайней-мѣрѣ 29 лѣтъ съ титуломъ василевса, послѣднiй титулъ принявъ съ 39 года до Р. Х. или 715 отъ О. Р. Выходитъ также, что умеръ онъ не ранѣе 11 года до Р. Х., или 743 отъ О. Р. Послѣднее не согласуется со сказанiемъ Дiона-Кассiя, по хронологiи котораго смерть Асандра произошла по-видимому не позже консульства М. Красса и К. Корнелiя, стало-быть не позже 740 года отъ О. Р. или 14 до Р. Х. Принятiе-же царскаго титула съ 39 года до Р. Х. не согласуется, какъ замѣчено Экелемъ, со словами Лукiана, по которому титулъ этотъ данъ былъ Асандру отъ Августа: Экель думаетъ, что до Акцiумской битвы Августъ не могъ раздавать подвластныхъ Римлянамъ царствъ, и потому полагаетъ, что царское достоинство дано было Асандру первоначально Антонiемъ, Августъ-же только утвердилъ за нимъ это званiе. По соображенiямъ Бёка, царскiй титулъ отъ Римлянъ получилъ Асандръ вѣроятно въ 718 отъ О. Р., или 36 до Р. Х.

По завѣщанiю Асандра, владѣтельницею Воспорскаго Царства назначена была, какъ сказано выше, жена его —

XXII. *Динамиса* (Δυνάμις), дочь Фарнака. Властвовала она подъ своимъ именемъ, по-видимому, весьма не долго, ибо вскорѣ по кончинѣ Асандра вышла замужъ за Скри-

бонія. Монетъ съ именемъ Динамисы, если и были онѣ, до насъ не дошло. Единственнымъ матеріальнымъ памятникомъ существованія ея остается надпись (№ 17) на мраморномъ пьедесталѣ, у Бёка помѣщенная подъ № 2122, а у г. Ашика (В. Ц. I, стр. 71) — подъ № 17, если только надпись эта дѣйствительно принадлежитъ Динамисѣ, какъ думаетъ Бёкъ, а за нимъ и Дюбуа съ Ашикомъ. Надпись, находившаяся прежде въ Тамани, нынѣ-же хранящаяся въ Керченскомъ-Музеѣ, гласитъ: «Самодержцу Кесарю, божественному, благочестивому, всей земли и всего моря повелителю, спасителю своему и благодѣтелю (посвятила эту статую) царица Ди(*намисъ*)». Спрашивается: точно-ли слогъ *Ди*, сохранившійся въ надписи, есть начало имени *Динамисъ?* Кёлеръ полагалъ, что имя царицы надлежитъ читать *Диргатао*, что это была какая-нибудь вдовствующая царица Синдовъ или Меотовъ, получившая отъ Кесаря помощь противу враговъ оспаривавшихъ у ней престолъ, и что Кесаремъ этимъ былъ Гельвій - Пертинаксъ, царствовавшій въ 193 году по Р. Х. Мнѣніе Бёка имѣетъ на своей сторонѣ болѣе основаній, чѣмъ Кёлерово; относительно времени посвященія статуи, Бёкъ и Дюбуа полагаютъ, что оно имѣло мѣсто при третьемъ мужѣ Динамисы, Полемонѣ, въ благодарность за покровительство, оказанное ей Августомъ по смерти Скрибонія.

Какъ-бы то ни было, къ числу владѣтелей воспорскихъ долженъ быть причисленъ и нѣсколько разъ уже помянутый второй мужъ Динамисы —

XXIII. Скривоній. Діонъ-Кассій (кн. LIV, стр. 538) повѣствуетъ, что «Скрибоній этотъ, выдававшій себя за внука Митридата - Евпатора, занялъ Воспоръ по кончинѣ Асандра, объявляя ложно, что царство это дано ему Августомъ, и вслѣдъ затѣмъ женился на Динамисѣ, вдовѣ Асандра, которой престолъ Воспора завѣщанъ былъ симъ послѣднимъ»: по всей вѣроятности, въ бракъ этотъ вступилъ Скрибоній для упроченія собственныхъ, сомнитель-

ныхъ правъ на престолъ. «Узнавъ объ этомъ — продолжаетъ Діонъ — Агриппа (бывшій въ то время римскимъ военачальникомъ въ Сиріи) послалъ противу него Полемона, царя той части Понта, которая прилегаетъ къ Каппадокіи; но Полемонъ не засталъ уже Скрибонія въ-живыхъ, ибо Воспорцы, свѣдавъ что Скрибоній обманулъ ихъ, сами умертвили его». Изъ Лукіана-же (о долговѣчныхъ, гл. 17) видно, что Скрибоній возсталъ противъ Асандра еще при жизни его, и, должно полагать, дѣйствовалъ успѣшно, когда заставилъ сего-послѣдняго уморить себя, съ отчаянія, голодомъ [23]. Монетъ съ именемъ Скрибонія до насъ не дошло, если онъ и билъ монету въ кратковременный періодъ своего владычества.

XXIV. *Полемонъ.* Воспорцы убили Скрибонія, но съ оружіемъ въ рукахъ встрѣтили и Полемона, когда онъ явился на Воспоръ для низверженія сего-послѣдняго, опасаясь, чтобы царь понтійскій самъ не завладѣлъ престоломъ Воспора. Полемонъ разбилъ Воспорцевъ, но къ покорности тѣмъ не принудилъ: сдались они не прежде, какъ явился противу нихъ изъ Синопа съ войскомъ самъ Агриппа, и побѣдивъ ихъ, отнялъ приэтомъ въ бою римскія знамена, взятыя нѣкогда Митридатомъ-Евпаторомъ [24]. Тогда Царство Воспорское отдано было Римлянами Полемону, вмѣстѣ-

[23] И у г. Ашика, и у г. Спасскаго, и у г. Сабатьѐ читаемъ, что Скрибоній былъ *римскій полководецъ, посланный Августомъ начальствовать римскими войсками на Воспоръ.* Любопытно было бы знать изъ какого древняго писателя заимствовано это сказаніе. Намъ извѣстенъ для исторіи Скрибонія только одинъ такой источникъ — Діонъ-Кассій, а у него ничего подобнаго не говорится; напротивъ, по словамъ его, скорѣе можно заключать, что Скрибоній былъ мѣстный, а не римскій претендентъ на престолъ Воспора.

[24] Такъ свидѣтельствуетъ Орозій, единственный древній писатель упоминающій объ этомъ обстоятельствѣ. Посему ошибочно пишетъ г. Спасскій, будто знамена римскія, взятыя Митридатомъ, отдалъ Римлянамъ самъ Полемонъ, изъ признательности за милости ихъ къ нему. Не отдавалъ онъ имъ также Херсонеса, какъ пишетъ г. Спасскій, во-первыхъ — потому-что не онъ могъ давать что-либо Римлянамъ, а ему Римляне; во-вторыхъ — потому-что Херсонесъ изъятъ былъ изъ-подъ власти воспорскихъ царей, по милости Римлянъ, еще при Асандрѣ.

съ-чѣмъ, по благоусмотрѣнію Августа, вступилъ онъ въ бракъ съ Динамисою, вдовою Асандра и Скрибонія [25] (Діонъ-Кассій, кн. LIV, стр. 538; Орозій VI, 21). До полученія престола воспорскаго, Полемонъ сдѣланъ былъ, по милости Антонія, царемъ части Понта (по Аппіану—части Киликіи, Понтъ-же отданъ былъ Антоніемъ Дарію, сыну Фарнака), и сопровождалъ его въ походѣ противъ Пароянъ, причемъ взятъ былъ ими въ плѣнъ, а потомъ получилъ отъ Антонія Малую-Арменію. Въ войну Антонія съ Октавіемъ, Полемонъ держалъ сторону перваго; тѣмъ-не-менѣе въ 728 году отъ О. Р. (26 до Р. Х.) признанъ онъ былъ «другомъ и союзникомъ Народа Римскаго», а потомъ, съ рукою Динамисы, получилъ отъ Августа, какъ сказано, и Царство Воспорское (Діонъ-Кассій, кн. XLIX, стр. 407 и 418, кн. LIII, стр. 513; Аппіанъ De bellis civil. кн. V, гл. 75; Плутархъ, въ жизнеописаніи Антонія, гл. 38 и 61). Сверхъ помянутыхъ странъ, владѣлъ онъ также и Колхидою (Страбонъ, XI, 499). Далѣе узнаёмъ изъ Страбона (XI, 493 и 495, XII, 556 и 578, XIV, 649), что Полемонъ былъ сынъ Зенона, знаменитаго ритора лаодикійскаго; царскимъ достоинствомъ награжденъ отъ Антонія, а потомъ и отъ Августа, за подвиги и достоинства свои; женатъ былъ (въ-

---

[25] По этому случаю именно и могла воздвигнуть Динамиса ту статую Августу, о которой упомянуто выше. Г. Ашикъ говоритъ положительно, что Динамисѣ, когда выходила она замужъ за Полемона, было 45 лѣтъ отъ роду (В. Ц. стр. 72). Откуда заимствовалъ онъ это извѣстіе, котораго, не только изъ прямыхъ свидѣтельствъ древнихъ, но и никакими соображеніями, нельзя добыть? Динамиса могла родиться и въ послѣдній годъ жизни отца своего Фарнака: тогда, при вступленіи ея въ бракъ съ Полемономъ, было бы ей, даже и по хронологіи г. Ашика (полагающаго смерть Фарнака въ 50-мъ, а воцареніе Полемона на Воспорѣ, въ 13 или 14-мъ году до Р. Х.), не болѣе 37 лѣтъ; но могло быть ей также объ эту пору и за пять десятковъ. Безо всякаго основанія опредѣляетъ возрастъ ея и г. Спасскій, по которому Динамисѣ, при бракосочетаніи ея съ Полемономъ, было за 40 лѣтъ. Ни изъ чего, равнымъ-образомъ, нельзя заключать и о продолжительности ея замужства послѣ этого брака, которую г. Спасскій опредѣляетъ *не болѣе трехъ лѣтъ* (Б. К. стр. 65).

роятно по смерти Динамисы) на Пиѳодорисѣ, дочери Пиѳодора-Траллійскаго [26], знаменитаго богача своего времени и друга Помпеева; имѣлъ онъ нея двухъ сыновей и дочь; разорилъ городъ Танаисъ, въ наказаніе за непокорность его; и, наконецъ, въ войнѣ съ Аспургами (меотскимъ народомъ, обитавшимъ между Фанагоріею и Горгиппіею на пространствѣ 500 стадій), которыхъ старался подчинить своей власти, взятъ былъ ими въ плѣнъ и лишенъ жизни.—Когда именно произошло это, неизвѣстно опредѣлительно.

Монетъ съ надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΠΟΛΕΜΩΝΟΣ, принадлежащихъ несомнѣнно Полемону сыну Зенонову, извѣстно два вида серебряныхъ и два же вида мѣдныхъ. Тѣ изъ нихъ, которыя представляютъ на оборотной сторонѣ голову и имя Марка-Антонія (римскими буквами), биты очевидно для Понта; тѣ-же, на оборотной сторонѣ которыхъ видимъ голову Августа съ именемъ его (римскими же буквами), могли быть биты какъ въ Понтѣ, такъ и на Воспорѣ. Ленорманъ полагаетъ, что можно также приписывать Полемону и двѣ золотыя монеты съ изображеніемъ обнаженной головы Августа на лицевой сторонѣ, и обнаженной же головы другаго лица (которую считаютъ за Полемонову) на оборотней сторонѣ, причемъ одна изъ монетъ представляетъ 290, а другая — 291 годъ понтійской эры. Всѣ прочіе нумизматы почитаютъ обѣ монеты эти принадлежащими къ царствованію преемника Полемонова, по имени Савромата.

Сверхъ-того, о Полемонѣ сынѣ Зенона-Лаодикійскаго упоминается въ отрывкѣ греческой надписи (№ 18), который открытъ Пейсонелемъ въ развалинахъ города Кумы, въ Эолидѣ; тутъ говорится, что былъ онъ «жрецомъ храма посвященнаго Риму и Кесарю-Августу, отцу отечества». А какъ титулъ «отца отечества» принятъ былъ Августомъ

[26] Вмѣсто Пиѳодора-Траллійскаго, то-есть изъ города Траллъ, въ Каріи, отцемъ Пиѳодорисы является у г. Спасскаго — Тралліанъ : имя города принялъ г. Спасскій за собственное имя отца Пиѳодорисы.

во 2-мъ году по Р. Х., то, если въ надписи идетъ рѣчь дѣйствительно о царѣ Полемонѣ сынѣ Зенона, значитъ умеръ онъ не ранѣе этого времени [27]. Надпись эта, изданная графомъ Кэлю (Caylus), помѣщена у Кари (Hist. des rois du Bosph. Cimm.) на стр. 41; у Ашика (Восп. Цар. I, 73) — подъ № 18. Наконецъ, одинъ изъ двухъ Полемоновъ, этотъ или сынъ его (о которомъ говорено будетъ ниже), извѣстенъ былъ въ свое время какъ поэтъ, подъ именемъ Πολέμον ὁ Ποντικός: отъ него сохранилось въ греческой антологіи три эпиграммы (См. Якобса Animadvers. in Anthol. III, 3. p. 940).

Разсмотрѣнный періодъ исторіи Воспорскаго-Царства былъ, кажется, самымъ блистательнымъ временемъ его могущества. При Левконидахъ владѣнія воспорскихъ царей не простирались на западъ далѣе Өеодосіи; со временъ-же Митридата-Евпатора до 718 года отъ О. Р. или 36 до Р. Х. (см. Бёка Corpus Jns. Graec. II, 1. Introd. 90) владѣли они Херсонесомъ [28], и, по-видимому, держали въ нѣкоторой зависимости ближайшія къ Таврическимъ-Горамъ селенія осѣдлыхъ Скиөовъ. Какъ далеко заходили владѣнія Левконидовъ на восточномъ берегу Азовскаго и Чернаго морей, мы не знаемъ; для періода-же съ Митридата-Евпатора до Полемона имѣемъ положительное свидѣтельство Страбона (XI, 495), что владѣнія Фарнака, Асандра и Полемона прости-

[27] Такимъ образомъ, если и принимать годомъ восшествія Полемона на престолъ Воспора 14-й годъ до Р. Х., а кончину его полагать послѣдовавшею къ 1-мъ году по Р. Х. — какъ принимаетъ это г. Спасскій — все-таки не выдетъ, какъ читаемъ у него же, что Полемонъ владѣлъ на Воспорѣ 12 лѣтъ, а выдетъ 14; но, по разнымъ соображеніямъ, основательнѣе полагать, что онъ и воцарился и умеръ годомъ позже, т. е. воцарился въ 13-мъ году до, а умеръ не ранѣе какъ во 2-мъ по Р. Х.

[28] Страбонъ жилъ около Р. Х.; а онъ говоритъ, что до его времени Херсонесъ признавалъ надъ собою власть воспорскихъ государей (VII, 4, § 3): значитъ, свидѣтельство его противорѣчитъ сказанному нами. Объясненіе этого обстоятельства см. у Бёка (l. c.) и Кёне (l. c. стр. 94).

рались здѣсь къ сѣверу до Танаиса, а къ югу обнимали временемъ Колхиду съ частью Понта и Малой-Арменіи, причемъ Меоты къ сѣверу отъ Кавказскихъ-Горъ, равно-какъ Геніохи, Ахеяне и другіе горцы западнаго ихъ склона, находились, по всей вѣроятности, отъ царей этихъ въ такой же зависимости, какъ и Скиѳы Таврическіе.

Относительно предѣловъ власти, какою пользовались въ этомъ періодѣ властители Воспора, можно замѣтить: 1) Что какъ Херсонесъ призвалъ Митридата въ «покровители» (προστατης) къ себѣ, въ такомъ же качествѣ признано было, вѣроятно, господство его и городами воспорскими. Доказательствомъ тому можетъ служить, въ нѣкоторой мѣрѣ, отложеніе отъ Митридата, подъ конецъ владычества его, городовъ Херсонеса, Фанагоріи, Ѳеодосіи и другихъ, по причинамъ объясненнымъ выше. Таково было юридическое отношеніе его и преемниковъ его къ греческимъ городамъ Воспора; но, какъ и въ періодъ Левконидовъ, эта ограниченная власть, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, безъ сомнѣнія нерѣдко переходила на-дѣлѣ въ совершенное полновластіе. 2) Что со временъ Махара и, тѣмъ-болѣе, Фарнака, признавшихъ себя зависимыми отъ Рима, въ качествѣ «друзей его и союзниковъ», Царство Воспорское находилось къ Римлянамъ почти въ такомъ же отношеніи вассальства, въ какомъ находятся нынѣ въ отношеніи къ британской власти Пенджабъ, Непалъ и нѣкоторыя другія индѣйскія владѣнія: не вмѣшиваясь во внутреннее управленіе Воспоромъ, Римляне присвоили себѣ право утверждать, назначать и смѣнять правителей его, давать имъ титулы (какъ видимъ изъ примѣра Асандра), требовать отъ нихъ, въ случаѣ нужды, вспомогательнаго войска, судовъ, военныхъ снарядовъ и провіанта, и, наконецъ, устранять изъ-подъ власти ихъ тѣ-или-другіе городà, даруя симъ-послѣднимъ право автономіи (какъ Фанагоріи, при Фарнакѣ) или элевѳеріи (какъ Херсонесу, при Асандрѣ). Постояннаго римскаго войска, по-видимому, въ городахъ Воспора не

было. 3) Что утвержденные римскою властію правители Воспора всѣ оффиціально (на монетахъ) носили титулъ «василевса»; одного Фарнака только видимъ принимающимъ, въ подраженіе независимымъ азіятскимъ государямъ, титулъ «великаго царя царей»; но это явленіе, повторявшееся и въ-послѣдствіи, было не болѣе какъ слѣдствіемъ личнаго тщеславія, и такъ малозначительно само-по-себѣ, что Римляне даже и вниманія на него не обратили [29].

Когда Страбонъ писалъ свою Географію, Полемона уже не было въ-живыхъ: надъ Колхидою и частію Понта, принадлежавшими ко владѣніямъ Полемона, властвовала въ то время, отъ своего имени, вдова его Пиѳодориса, женщина, какъ говоритъ онъ, разумная и въ дѣлахъ правленія искусная (XII, 556). Кто былъ преемникомъ Полемона на Воспорѣ, Страбонъ не упоминаетъ. Не находимъ отвѣта на этотъ вопросъ и у другихъ древнихъ писателей. Да и вообще о лицахъ, властвовавшихъ на Воспорѣ ко времени Р. Х., встрѣчаемъ у нихъ лишь самыя скудныя и крайне отрывочныя извѣстія. Важнѣйшимъ источникомъ для исторіи Воспора становятся отселѣ монеты съ именами этихъ лицъ и годами понтійской эры: по такимъ монетамъ, при помощи нѣкотораго числа надписей, и составляются списки государямъ этой страны, властвовавшимъ до окончательнаго паденія Воспорскаго-Царства.

---

[29] Кари (Histoire des rois du Bosphore-Cimmerien; disc. prél. pp. 20 и 32) думалъ что помянутый титулъ Фарнакъ принялъ уже по занятіи Малой-Арменіи, Каппадокіи и Понта. Опроверженіе этого мнѣнія см. у Кёлера (Seraris, II, 219 — 221), съ которымъ мы несогласны только въ томъ, будто Фарнакъ приступилъ къ завоеваніямъ на 16-мъ году своего правленія, въ 707 отъ О. Р., или не много ранѣе. Діонъ-Кассій (кн. XLII, стр. 206) положительно говоритъ, что Колхида и Арменія заняты были имъ въ-продолженіе междоусобной войны Цезаря съ Помпеемъ, стало-быть еще въ 705 — 706 годахъ отъ О. Р. (49—48 до Р. Х.). Посему, походъ противу Фанагорійцевъ, предшествовавшій этому занятію, долженъ былъ имѣть мѣсто еще ранѣе.

Но списки эти, у занимавшихся исторіею и нумизатикою Воспора, представляютъ преемство и даже число государей воспорскихъ весьма неодинаково. Запутанность происходитъ тутъ преимущественно въ-слѣдствіе того обстоятельства, что безпрестанно встрѣчаются монеты съ означеніемъ одного и тогоже года понтійской эры, а именами государей разными. Относительно нѣкоторыхъ изъ сихъ послѣднихъ, это обстоятельство легко объяснялось возможностію смерти одного и вступленія на престолъ другаго— въ одномъ и томъ же году. Но много и такихъ случаевъ что, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду, на монетахъ постоянно представляются имена двухъ различныхъ государей. Шесть извѣстныхъ доселѣ случаевъ такого рода естественно привели къ заключенію, что на Воспорѣ царствовало иногда современно по два государя; а какъ при этомъ трудно допустить, чтобы царствовали они совмѣстно на одномъ и томъ же престолѣ, и какъ въ такомъ случаѣ надлежало-бы ожидать что имена обоихъ изображались-бы на монетахъ ихъ совокупно — чего на монетахъ воспорскихъ не видимъ — то столь же естественно было притти къ другому предположенію — что были это государи другъ отъ-друга независимые, изъ коихъ одинъ властвовалъ на европейской, а другой, въ тоже время — на азіятской сторонѣ Воспора. Предположеніе это представляется тѣмъ основательнѣйшимъ, что обѣ стороны Воспора соперничали между собою, по-видимому, издавна. Уже Страбонъ, относительно къ своему времени, положительно говорилъ объ нихъ какъ о двухъ различныхъ частяхъ, столицею европейской стороны Воспора называя Пантикапею, а столицею азіятской — Фанагорію; причемъ объяснялъ, что послѣдняя преимущественно ведетъ торгъ произведеніями привозимыми съ Азовскаго, а первая — товарами стекающимися съ Чернаго Моря (XI, 495). При непрерывныхъ раздорахъ въ самомъ Римѣ, отражавшихся и на отдаленныхъ краяхъ Имперіи, такое давнее соперничество двухъ важнѣйшихъ

городовъ Воспора могло развиться еще сильнѣе; честолюбцы обоихъ могли искать покровительства у разныхъ партій въ Имперіи, и получать отъ нихъ утвержденіе какъ тѣ, такъ и другіе; начинался споръ, и когда обѣ стороны были одинаково сильны или безсильны, такъ-что одна другую одолѣть не могла, каждая оставалась при своемъ: одна властвовала въ Пантикапеѣ и подчиненныхъ ей городахъ европейскаго берега Воспора, а другая — въ Фанагоріи и находившихся подъ нею городахъ азіятскаго берега [30].

Въ періодъ, о которомъ слѣдуетъ намъ говорить теперь — періодъ отъ Полемона I, сына Зенонова, до сына этого Полемона и внука Зенонова, Полемона II, получившаго престолъ воспорскій въ 38 году по Р. Х. — нумизматическіе источники исторіи Воспора представляютъ еще другую трудность: монеты съ именемъ государей, властвовавшихъ въ этотъ періодъ, не носятъ на себѣ годовыхъ чиселъ, по которымъ-бы можно было расположить царствованія ихъ въ хронологическомъ порядкѣ [31]; а монеты съ

---

[30] Вотъ что говоритъ Кёлеръ относительно этого обстоятельства: «Что касается до затрудненія объяснить невозможность, чтобы два государя властвовали на Воспорѣ въ одно-и-тоже время, то затрудненіе это можно разрѣшить самымъ простымъ и естественнымъ образомъ. Несомнѣнно, что Өоөорсъ и Савроматъ VII властвовали современно; тоже извѣстно положительно о Савроматѣ V и Котисѣ III. Между тѣмъ, Савроматъ VII и Котисъ III не могли имѣть Өоөорса и Савромата V соперниками и соискателями, потомучто Царство-Воспорское въ предѣлахъ Херсонеса-Таврическаго было слишкомъ тѣсно для двухъ монарховъ. Главнымъ городомъ въ немъ была одна Пантикапея; Өеодосія-же, нѣкогда весьма цвѣтущая, лежала въ развалинахъ уже задолго до Котиса III. При упадкѣ Воспорскаго-Царства, когда государи его не имѣли силъ сопротивляться даже врагамъ своимъ въ Херсонесѣ, гдѣже было сохранить имъ области заморскія въ Воспорѣ Азіятскомъ, странѣ населенной народами Сарматскими и многочисленными колѣнами Меотовъ, которыхъ Херсонесъ могъ вмѣщать лишь весьма-малую часть? Если, какъ вывели мы выше, есть большое вѣроятіе, что въ-теченіе извѣстнаго времени, а быть-можетъ и въ разныя эпохи, Воспоръ Азіятскій былъ независимъ отъ Воспора Европейскаго, то нѣтъ ничего удивительнаго, что въ одно и тоже время царствовало въ этой странѣ по два царя» (Separis, I, 40—41). См. также «Керчь и Воспоръ», стр. 37 — 41.

[31] Воспорскими, а не какой-либо другой страны, и принадлежащими къ

годовыми числами, изъ этого періода, не представляютъ, на-оборотъ, именъ государей, къ которымъ-бы можно было пріурочить такія числа. Это обстоятельство и было причиною, что занимавшіеся исторіею и нумизматикою Воспора однѣ-и-тѣже монеты приписывали разнымъ лицамъ, разнорѣча между собою не только относительно преемства, но и относительно самаго числа лицъ властвовавшихъ на Воспорѣ въ этотъ періодъ. Съ-другой-стороны, сбивчивость эта не мало еще увеличена была ошибочнымъ чтеніемъ нѣкоторыхъ монетъ, которыя вслѣдствіе того, а затѣмъ и самыя лица, имена которыхъ изображены на нихъ, относимы были къ этому періоду, тогда-какъ принадлежатъ къ позднѣйшимъ временамъ воспорской исторіи. Изо всего вышла такая путаница, которую трудно даже изложить съ ясностью: еще съ бо̀льшими трудностями сопряжена, разумѣется, полная и отчетливая повѣрка противорѣчивыхъ утвержденій нумизматовъ по этому дѣлу. Всякому, кто-бы взялся за такой трудъ, необходимо личное изслѣдованіе монетъ, о которыхъ идетъ рѣчь, и обширныя свѣдѣнія въ древней нумизматикѣ и археологіи. Мы такими свѣдѣніями не обладаемъ; монетъ изучать по подлинникамъ или слѣпкамъ не имѣемъ возможности; да, сверхъ-того, несовмѣстно было-бы это и съ цѣлію настоящаго труда, несравненно скромнѣйшею. Потому мы и ограничимся здѣсь изложеніемъ важнѣйшихъ мнѣній о предметѣ, и то самымъ сжатымъ; въ разборъ-же ихъ относительнаго достоинства не войдемъ почти вовсе, предоставляя это спеціалистамъ. Мимоходомъ замѣтимъ только, что предметъ заслуживалъ-бы основа-

этому, а не какому-либо другому времени, признаются эти монеты по исключительному почти мѣстонахожденію ихъ въ окрестностяхъ Керчи и на Полуостровѣ-Таманскомъ, по находящимся на нихъ лицеизображеніямъ Августа, Тиверія и Калигулы, по характеру чекана, числовымъ монограммамъ и другимъ признакамъ, за объясненіемъ которыхъ отсылаемъ къ спеціально-нумизматическимъ сочиненіямъ, гдѣ подробно говорится объ этомъ предметѣ.

тельнаго критическаго разсмотрѣнія; что при этомъ можетъ онъ быть выясненъ гораздо удовлетворительнѣе, чѣмъ остается доселѣ; и что такого пересмотра дѣла, обильнаго новыми, удовлетворительнѣйшими выводами, можно ожидать отъ извѣстнаго нумизмата Доктора Кёне, который нѣсколько лѣтъ уже трудится по этому предмету.

Чтобы читателямъ нашимъ, вовсе незнакомымъ съ дѣломъ, дать хотя какую-нибудь возможность понять изложеніе разнорѣчивыхъ мнѣній нумизматовъ о предметѣ, считаемъ необходимымъ сказать предварительно, въ краткихъ словахъ, о документальныхъ палеографическихъ источникахъ разсматриваемаго періода исторіи Воспора. Полное ихъ перечисленіе было-бы несообразно съ предѣлами нашего труда: мы отдаемъ лишь отчетъ о важнѣйшихъ историческихъ результатахъ извлеченныхъ изъ воспорскихъ памятниковъ доселѣ извѣстныхъ, а не пишемъ подробной исторіи или нумизматической лѣтописи Воспорскаго-Царства.

Со времени Р. Х. до 38 года христіанской эры, когда престолъ Воспора отданъ былъ Римлянами Полемону II, имѣемъ мы слѣдующіе, дѣйствительно принадлежащіе или только относимые къ этому періоду, матеріальные письменные памятники:

1. Золотыя и отчасти серебряныя монеты воспорскія несомнѣнной достовѣрности, съ числами понтійской эры: 299, 304, 305, 306, 307, 313, 318, 321, 325, 326, 328, 329, 331, 332 и 334 (=3, 8, 9, 10, 11, 17, 22, 25, 29, 30, 32, 33, 35, 36 и 38 годамъ по Р. Х.). На лицевой и оборотной сторонахъ этихъ монетъ изображены головы разныхъ лицъ, въ которыхъ нумизматы видятъ [32] портреты

---

[32] «Видятъ» — говоримъ мы — потому-что есть тьма примѣровъ, даже въ исторіи Воспорской нумизматики, что на монетахъ нерѣдко находятся совершенно не тѣ изображенія и не тѣ надписи, которыя находили и читали на нихъ самые знаменитые нумизматы. Разсматривая предметъ съ точки зрѣнія историка, а не нумизмата, мы не должны, да и ни въ какомъ случаѣ не расположены,

императоровъ римскихъ: Августа, Тиверія, Калигулы, и царей воспорскихъ властвовавшихъ современно съ этими императорами.

Вмѣстѣ съ помянутыми изображеніями и годовыми числами, на нѣкоторыхъ монетахъ встрѣчаются еще слѣдующія монограмы: на монетахъ съ 313 и 331 годами понтійской эры — ΒΑΩΡ; съ 329 годомъ — ΒΑΡΑ; съ 334 — ΒΑΡ; съ 305 — ΚΛΕ и ΚΝΕ; съ 299 и 304 — буквы Δ и Μ одна подъ другою; а на другихъ съ 304 годомъ — Δ и Κ, также одна подъ другою. Сверхъ-того, извѣстны воспорскія монеты съ означеніемъ на нихъ и нѣкоторыхъ другихъ годовъ понтійской эры, на-примѣръ 308 и 310 (= 12 и 14 по Р. Х.); но подлинность ихъ признается сомнительною.

2. Мѣдныя монеты безъ означенія годовъ понтійской эры, но зато съ именами воспорскихъ государей. Читаемъ на нихъ:

а. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ. На монетахъ этихъ изображены: аа) на лицевой сторонѣ: голова, принимаемая за портретъ Савромата, съ монограммами ΠΑΝ и ΙΒ; бб) на оборотной — голова Августа; или — голова Тиверія съ надписью ΚΑΙΣΑΡΟΣ ΣΕΒΑΣΤΟΥ; или — щитъ, треножникъ и буквы ΜΗ; или — всадникъ съ копьемъ и буква Β; или —

признавать за несомнѣнную истину часто гадательныя соображенія нумизматовъ. Задача историка—извлечь изъ монеты, если возможно, фактъ прошлаго а не—пріурочить монету, во что-бы то ни стало, къ тому-или-другому лицу, времени, или мѣсту. Въ глазахъ его, монета есть пособіе для исторіи, а не исторія — пособіе для объясненія монеты. Если онъ не находитъ на монетѣ ничего, что-бы могло служить историческимъ матеріаломъ или указаніемъ, ему нѣтъ никакого дѣла до того, кому могъ принадлежать этотъ кусокъ золота или мѣди. У нумизмата, напротивъ, тутъ-то и разыгрывается воображеніе, и не можетъ онъ успокоиться пока не найдетъ лица или мѣстности, которымъ-бы могъ приписать ее, пока не объяснитъ такъ-или-иначе всѣхъ изображеній и надписей, которыя монета представляетъ или кажется ему представляющею. Авторъ настоящаго труда испыталъ это отчасти на себѣ самомъ, въ своихъ занятіяхъ мусульманскою нумизматикою, и потому въ этихъ словахъ его никому нѣтъ укора; но надо сказать, что отъ такой пытливости наука ничего не выигрываетъ.

монограмма ΒΑΣ, колесница съ сѣдокомъ и подъ нею буквы ΚΔ.

b. ΤΙΒΕΡΙΟΥ ΙΟΥΛΙΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ. На этихъ находимъ: аа) на лицевой сторонѣ: бюстъ, принимаемый за Савроматовъ; или — изображеніе тогоже Савромата въ сидячемъ положеніи, или — вѣнокъ на курульномъ креслѣ съ другими предметами; бб) на оборотной сторонѣ: голову женскаго божества въ модіусѣ (Астарты — по мнѣнію Кёлера); или — богиню Побѣды; или — голову принимаемую за Тиверіеву; или — два бюста, принимаемые за Тиверіевъ (?) и Савроматовъ (?); или — городскія ворота съ башнями и привязанною къ нимъ человѣческою фигурою (воиномъ?) на колѣняхъ; или — дубовый вѣнокъ во всю величину монеты; или наконецъ — щитъ съ копьемъ, каскою, лошадиною головою, мечемъ, топоромъ, и, вокругъ всего этого, надписью: ΤΕΙΜΑΙ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ «почетные знаки царя Савромата»; сверхъ-того, на оборотной же сторонѣ всѣхъ монетъ — буквы ΜΗ, вмѣстѣ или порознь.

c. ΤΙΒΕΡΙΟΣ ΙΟΥΛΙΟΣ ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ. Тутъ изображены: аа) на лицевой сторонѣ: бюстъ, принимаемый за Рискупоридовъ; или — два бюста, изъ коихъ одинъ принимается за Рискупоридовъ, а другой за бюстъ жены его; или — фигура царя въ сидячемъ положеніи, тоже принимая за Рискупоридову; или — вѣнокъ на курульномъ креслѣ, съ другими предметами; бб) на оборотной сторонѣ: женскій бюстъ въ вѣнцѣ; или — богиня Побѣды; или — стоящая фигура воина, съ двумя плѣнниками на колѣняхъ сзади его и спереди; или — всадникъ на конѣ; или — городскія ворота съ конною надъ ними статуею; или — дубовый вѣнокъ; или, наконецъ — щитъ съ копьемъ, каскою, лошадиною головою, мечемъ, топоромъ, и, вокругъ всего этого, надписью: ΤΕΙΜΑΙ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ «почетные знаки царя Рискупорида»; сверхъ-того, на оборочной же сторонѣ всѣхъ монетъ — буквы ΚΛ или ΜΗ.

d. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ, или ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, или монограммы ΒΑΩΡ и ΒΑΡ, принимаемыя за сокращеніе этого имени и титула. На такихъ монетахъ видимъ: аа) на лицевой сторонѣ: голову Тиверія; или — голову въ вѣнцѣ принимаемую за портретъ Рискупорида; бб) на оборотной сторонѣ: голову, принимаемую за Тиверіеву, съ надписью вокругъ ΤΙΒΕΡΙΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ; или — голову же, принимаемую за Калигулову, одну или съ надписью вокругъ ΓΑΙΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ ΓΕΡΜΑΝΙΚΟΥ; или — голову богини въ модіусѣ; или — всадника съ копьемъ; или — щитъ съ копьемъ, каскою, лошадиною головою, мечемъ, топоромъ и, вокругъ всего этого, надписью ΤΕΙΜΑΙ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΕΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ. Сверхъ того, на лицевой сторонѣ нѣкоторыхъ монетъ — буквы B и IB или, на-выворотъ, BI [23].

Чтобы яснѣе можно было уразумѣть послѣдующее изложеніе, къ этому перечисленію мѣдныхъ монетъ должно прибавить еще, что на монетѣ съ надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΙΘΡΑΔΑΤΟΥ на лицевой сторонѣ, и ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ ΓΗΠΑΙΠΥΡΕΩΣ на оборотной, читали ошибочно: на лицевой — ΒΑΣΙΛΣΩΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ, а на оборотной — ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ ΠΗΠΑΠΥΡΕΩΣ. Въ-слѣдствіе сего, монета эта, принадлежащая къ пятидесятымъ годамъ по Р. Х., такъ равно и монеты на которыхъ читаемъ одно имя царицы Гипепиры — относимы были къ періоду первыхъ Савроматовъ, до 17 года по Р. Х.

3. Нѣсколько надписей, изъ коихъ важнѣйшія суть:

19. На мраморномъ пьедесталѣ, вдѣланномъ въ одну изъ стѣнъ церкви въ Тамани. Изданная первоначально Кларкомъ и Палласомъ, у Бёка помѣщенная подъ № 2123, а у Ашика — подъ № 19, надпись эта гласитъ, что стоявшую на пьедесталѣ статую «воздвигъ въ честь великому царю царей всего Воспора, Тиверію-Юлію Савромату,

[23] Передавая греческою капителью надписи монетъ, мы, по типографскимъ условіямъ, не могли представить ихъ съ надлежащею палеографическою вѣрностью: потому, всѣ разнообразныя формы *Сигмы*, *Иты*, *Омеги* и *Омикрона*, передавали одними и тѣми же Σ, Η, Ω и Ο. Тоже будемъ дѣлать и далѣе.

сыну царя Рискупорида, другу кесаря и Римлянъ... жрецъ Посидона, Макаръ».

20. На мраморномъ пьедесталѣ, найденномъ въ Тамани, теперь-же хранящемся въ Керченскомъ-Музеѣ. Въ надписи этой, изданной первоначально Кларкомъ, а потомъ Кёлеромъ, и въ собраніи Бёка помѣщенной подъ № 2124, а въ книгѣ г. Ашика — подъ № 20, читаемъ слѣдующее: «Царствующему по наслѣдію отъ предковъ, великому царю царей, Тиверію-Юлію Савромату, другу кесаря и Римлянъ, благочестивому, воздвигъ (эту статую), какъ спасителю [34] своему и владыкѣ, тысячникъ Юлій (Ф)анестратъ» [35].

21. На продолговатомъ обломкѣ бѣлаго мрамора, найденномъ близь Анапы. Въ надписи этой, у Бёка находящейся подъ № 2131, в., у Ашика-же — подъ № 22, дѣло идетъ объ отпускѣ на волю раба «въ царствованіе благочестиваго царя Тиверія-Юлія Савромата, друга кесаря и Римлянъ».

22. На мраморномъ камнѣ, отысканномъ въ 1839 году въ Керчи, нынѣ-же хранящемся въ Музеѣ Одесскаго Общества Исторіи и древностей. Надпись эта, изданная первоначально г. Мурзакевичемъ въ «Запискахъ» означеннаго Общества, у Ашика-же помѣщенная подъ № 25, писана на латинскомъ языкѣ (всѣ вышеупомянутыя, подъ №№ 1—21, писаны на греческомъ): въ ней рѣчь идетъ, по-видимому, тоже о посвященіи статуи «царю Тиверію-Юлію Савромату, наилучшему другу кесаря и Римлянъ».

На основаніи всѣхъ или нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ монетъ и надписей, образовались въ новѣйшее время о происхожденіи и преемствѣ воспорскихъ государей, власт-

---

[34] «Спасителю», ΣΩΤΕΡΑ; такъ выходитъ по реставраціи надписи Рауль-Рошетомъ (Ant. Grecques, pl. VIII, № 5); если-же, какъ утверждаетъ Кёлеръ, ΣΩΤΕΡΑ нельзя читать тутъ по пространству мѣста отъ стершихся буквъ, то принимаемъ чтеніе ΒΑΣΙΛΕΑ,, но ужъ ни въ какомъ случаѣ не Кёлерово — ΚΑΙΣΑΡΑ, которое не допустимо по смыслу надписи.

[35] У г. Ашика надпись эта переведена такъ, что весьма трудно догадаться кѣмъ и кому поставлена статуя.

вовавшихъ между Полемономъ I и Полемономъ II, весьма различныя мнѣнія.

Висконти полагалъ, что по умерщвленіи Полемона I народомъ Аспурговъ, Аспурги эти овладѣли Воспоромъ; что, затѣмъ, князья ихъ, по имени Рискупоридъ и Савроматъ, во время бытности Тиверія въ Иллиріи, упросили его выхлопотать имъ у Августа утвержденіе на завоеванномъ царствѣ, и, получивъ желаемое, въ благодарность за это къ Тиверію, приняли оба имя его — Тиверій - Юлій. Всѣ эти предположенія Висконти основаны преимущественно на приискѣ Т. Ю. Савромату (сыну царя Рискупорида, упоминаемаго въ надписи подъ № 19) монетъ съ надписью ΑΣΠΥΡΓΟΥ или ΤΟΥ ΑΣΠΟΥΡΓΟΥ [35], что̀ переводилъ онъ «аспургіецъ», «изъ народа Аспурговъ». Такимъ образомъ, въ періодъ между обоими Полемонами, было на Воспорѣ, по его мнѣнію, всего два государя: Савроматъ I, основатель новой, аспургійской династіи, женатый на Гипепирѣ, и преемникъ его Рискупоридъ I, вступившій на престолъ по смерти Савромата, въ 313 году понтійской эры — 17 по Р. Х.); послѣднее утвержденіе основывается на принадлежности Рискупориду монеты съ означеннымѣ годомъ и монограммою ΒΑΥΡ. Этимъ двумъ государямъ и приписывалъ Висконти всѣ тѣ изъ перечисленныхъ монетъ съ именами: Савромата, Т. Ю. Савромата, Рискупорида и Т. Ю. Рискупорида, какія были извѣстны въ его время (См. Iconographie grecque, II, 149 et passim).

По Рауль-Рошету, преемникомъ Полемона I на престолѣ Воспора былъ Рискупоридъ I, тотъ самый, котораго надпись № 19 называетъ отцемъ Т. Ю. Савромата; вмѣстѣ же съ этимъ Рискупоридомъ, въ качествѣ соправителя, властвовалъ и другой царь, вѣроятно братъ Рискупоридовъ — Котисъ, за подвиги свои противъ Аспурговъ,

[35] О монетахъ съ этою надписью и, вмѣстѣ, съ именемъ *Савромата* или *Т. Ю. Савромата*, говорено будетъ ниже, когда пойдетъ рѣчь о Савроматѣ III.

получившій прозваніе «аспургійскаго». Поводомъ къ сочиненію такой исторіи послужила Рауль-Рошету одна изъ помянутыхъ монетъ съ именемъ ΤΟΥ ΑΣΠΟΥΡΓΟΥ на оборотной сторонѣ. Вмѣсто *Савромата*, имя котораго думали видѣть на ней Висконти и другіе, Рауль-Рошетъ, благодаря лучшему попавшемуся ему экземпляру, прочелъ правильно — *Котиса*; но, вмѣсто-того-чтобы приписать ее Котису, брату Митридата III, которому она принадлежитъ, призналъ за лучшее создать новаго государя этого имени, котораго, по разнымъ ошибочнымъ соображеніямъ, и сдѣлалъ, какъ сейчасъ сказано, современникомъ и даже братомъ и соправителемъ Рискупорида I. По кончинѣ обоихъ этихъ государей, престолъ воспорскій — продолжаетъ Рауль-Рошетъ — занималъ, сынъ Рискупорида и племянникъ Котиса, Т. Ю. Савроматъ съ женою своею Гипепирою, которая потомъ, по смерти мужа, властвовала еще нѣсколько времени отъ своего имени. Всѣ эти царствованія парижскій археологъ совмѣщаетъ въ промежуткѣ времени съ 2 до 17 года по Р. Х.; тутъ-же, согласно съ Висконти, сажаетъ онъ на престолъ Воспора новаго государя — Рискупорида, сына Т. Ю. Савромата; но этотъ Рискупоридъ приходится такимъ образомъ уже не первымъ, какъ у Висконти, а вторымъ этого имени. Рискупориду I, брату Котиса, приписываетъ Рауль-Рошетъ монету съ изображеніемъ на одной сторонѣ имени Т. Ю. Рискупорида, а на оборотѣ — богини Побѣды, и нѣкоторыя другія; а выдуманному имъ Котису приписываетъ нѣкоторыя монеты позднѣйшаго Котиса, современника Адріанова, дѣйствительно существовавшаго, и, сверхъ-того, монеты съ означеніемъ 304 и 305 года п. э. и монограммами ΔΚ и ΚΝΕ, читая ихъ Δρούσος Κότυς и ΝΕρον Κότυς. Относительно-же происхожденія обоихъ братьевъ, полагаетъ что они могли быть ѳракійскіе князьки, получившіе Воспорское-Царство отъ Римлянъ, за то что изгнали оттуда Аспурговъ, овладѣвшихъ имъ по смерти Полемона. Мнѣніе

это основываетъ онъ преимущественно на тождествѣ именъ государей воспорскихъ и ѳракійскихъ, ибо между тѣми и другими одинаково упоминаются Перисады, Котисы, Рискупориды и Римиталки (См. Antiquités grecques du Bosphore-Cimmerien, стр. 113 - 144.)

Кёлеръ, разбивъ въ прахъ всѣ произвольныя предположенія Висконти и Рауль-Рошета, счелъ необходимымъ признать существованіе двухъ Савроматовъ и двухъ Рискупоридовъ. Не опредѣляя происхожденія ихъ, за недостаткомъ историческихъ данныхъ, онъ, на основаніи монетъ съ 299, 304 и 305 годами п. э., выводилъ, что престолъ воспорскій занятъ былъ законнымъ государемъ весьма въ непродолжительномъ времени по смерти Полемона I, и что государь этотъ, по всей вѣроятности, былъ Савроматъ I, бившій мѣдную монету съ надписью «Царя Савромата», и женатый на Гипепирѣ. Затѣмъ, во времена Тиверія, какъ видно изъ прозвища Тиверій-Юлій, принятаго ими изъ лести къ царствующему императору, властвовали, быть-можетъ современно, Т. Ю. Савроматъ II и Т. Ю. Рискупоридъ I, которымъ и приписываетъ онъ всѣ мѣдныя монеты съ надписями «Тиверія-Юлія Царя Савромата» и «Тиверій-Юлій Царь Рискупоридъ». Замѣчая притомъ рѣзкія различія въ чеканѣ монетъ сихъ государей, Кёлеръ считаетъ возможнымъ заключать изъ того, что властвовали они, быть-можетъ, въ различныхъ частяхъ Воспора. Преемникомъ обоихъ считаетъ онъ Рискупорида II, бившаго мѣдную монету съ монограммою ΒΑΩΡ; почему ему же приписываетъ и золотыя монеты съ этою монограммою и 313 годомъ п. э., а затѣмъ и золотыя монеты всѣхъ послѣдующихъ годовъ по 334 включительно, оговаривая впрочемъ, что нѣкоторыя изъ нихъ, съ изображеніемъ Тиверія, могутъ принадлежать также и къ царствованію Рискупорида I, властвовавшаго, статься-можетъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ современно съ Рискупоридомъ II (См. Serapis, I, 222 - 231).

Міонэ, сначала, какъ Висконти и другіе, принимавшій существованіе одного Савромата и одного Рискупорида, въ-послѣдствіи увлекся авторитетомъ Кёлера и призналъ двухъ отдѣльныхъ Савроматовъ и двухъ отдѣльныхъ Рискупоридовъ: Савромата I — вступившаго на престолъ Воспора вскорѣ по смерти Полемона, и властвовавшаго не менѣе какъ по 10-й или 11-й годъ отъ Р. Х.; Савромата II — занявшаго престолъ не позже 13-го или 14-го и властвовавшаго по 16-й или 17-й годъ отъ Р. Х.; Рискупорида I — царствовавшаго современно съ Савроматомъ II; и Рискупорида II — государствовавшаго съ 16-го или 17-го по 38-й годъ отъ Р. Х. Всѣ извѣстныя золотыя монеты съ годами п. э. отъ 299 по 308 приписалъ онъ Савромату I, а отъ 313 по 334 — Рискупориду II. Мѣдныя между обоими Савроматами и Рискупоридами распредѣлилъ онъ также по Кёлеру, причемъ къ Рискупориду I отвесъ не только тѣ изъ нихъ которыя носятъ надпись «Т. Ю. Царя Рискупорида», но и неописанныя у Кёлера съ надписью «Царя Рискупорида» или «Царь Рискупоридъ». Гипепиру-же, удостовѣрившись что на монетахъ съ именемъ этой царицы должно читать «Миѳрадатъ», а не «Савроматъ», перенесъ онъ изъ разсматриваемаго періода на принадлежащее ей мѣсто — послѣ Митридата III (См. Description des médailles antiques, т. II, и Supplement, т. IV).

Изъ авторовъ, сочиненія которыхъ о Воспорѣ составляютъ главный предметъ настоящаго разбора, наиболѣе вникавшій въ дѣло, г. Ашикъ, является послѣдователемъ Висконти. Вслѣдъ за руководителемъ своимъ, онъ признаетъ только одного Савромата и одного Рискупорида, властвовавшихъ другъ-за-другомъ, со смерти Полемона I до 17 года по Р. Х., и отъ этого времени до вступленія на престолъ Полемона II; происхожденіе этой династіи даетъ онъ также аспургійское или сарматское, полагая что, упоминаемый въ надписи № 19, Рискупоридъ, отецъ Т. Ю. Савромата, властвовалъ во владѣніяхъ Сарматовъ;

сынъ-же, занявъ престолъ Воспора, по смерти Полемона I — какимъ-образомъ, неизвѣстно — для упроченія владычества своего прибѣгнулъ къ покровительству Тиверія, вслѣдствіе чего, изъ лести или благодарности, и присоединилъ имя сего-послѣдняго къ своему собственному; тоже самое сдѣлалъ и преемникъ его Рискупоридъ, вступившій на престолъ при томъ же императорѣ. — Г. Сабатьѐ, напротивъ, послѣдовалъ Кёлеру и, принявъ двухъ Савроматовъ и двухъ Рискупоридовъ, распредѣлилъ между ними золотыя монеты разсматриваемаго періода совершенно согласно съ Міонэ; причемъ приписалъ Савромату I и монеты съ означеніемъ 290 и 291 годовъ п. э., которыя Міонэ отнесъ къ «неизвѣстнымъ царямъ воспорскимъ». — Г. Спасскій, принявъ мнѣніе Кёлера и Міонэ, распредѣлилъ монеты разсматриваемаго періода совершенно согласно съ ихъ классификаціею, отставши отъ Міонэ въ томъ только, что Гипепиру предпочелъ по прежнему называть Пипепирою, и считать женою не Митридата III, а Савромата I (См. В. Ц., стр. 75-88; Б. К. стр. 67-75; К. и В., стр. 53-59).

Изложивъ такимъ образомъ, сколько позволилъ предположенный объемъ труда нашего, замѣчательнѣйшія мнѣнія относительно числа и преемства лицъ властвовавшихъ на Воспорѣ въ періодъ отъ Р. Х. до 38 года нашей эры, на которомъ изъ этихъ мнѣній можемъ остановиться мы сами, не имѣющіе возможности подвергнуть ихъ отчетливой оцѣнкѣ посредствомъ личнаго изслѣдованія памятниковъ? Если въ такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ позволительно вырабатывать себѣ собственное мнѣніе, или составлять его изъ смѣси чужихъ, то полагаемъ, что по имѣющимся доселѣ документальнымъ памятникамъ разсматриваемаго періода можно, относительно исторіи его, сдѣлать слѣдующіе выводы и соображенія:

а. Всѣ монеты представляющія имя «Царя Савромата» просто, или «Т. Ю. Царя Савромата», могутъ принадле-

жать одному-и-тому же лицу. Разнообразіе въ характерѣ чекана не значитъ ничего въ глазахъ нашихъ: одинъ и тотъ же государь могъ употреблять монетчиковъ весьма не равнаго достоинства; въ подтвержденіе этому достаточно указать на безграмотность надписи на монетѣ Савромата II, описанной у Кёлера подъ № 18 (Serapis, I, p. 225), сравнительно съ правильностію тѣхъ же легендъ на другихъ монетахъ того же государя: такихъ примѣровъ множество. Замѣчаніе-же Кёлера, что на монетахъ Савромата I (по его распредѣленію) государь этотъ представляется молодымъ, безъ бороды и усовъ, тогда-какъ Савроматъ II изображается иногда съ усами, даже съ бородою, и вообще болѣе-зрѣлымъ по возрасту — замѣчаніе это, вмѣсто-того-чтобы говорить противу нашего мнѣнія, подтверждаетъ его, напротивъ, показывая что монеты Савромата I принадлежатъ къ первымъ, а Савромата II — къ послѣдующимъ, позднѣйшимъ годамъ жизни и правленія одного-и-того же лица; въ это послѣдующее время могъ Савроматъ принять и имя Тиверія-Юлія, котораго прежде не носилъ: могло это произойти именно по поводу восшествія на престолъ самого императора Тиверія. Что-же касается до другаго замѣчанія того же знаменитаго археолога — что монеты Савромата съ именемъ Гипепиры, и собственныя монеты этой царицы, совершенно отличаются фабрикаціею отъ монетъ съ именемъ Т. Ю. Савромата, то это замѣчаніе, также совершенно справедливое, не имѣетъ — съ тѣхъ поръ какъ стало извѣстно, что это монеты позднѣйшаго періода — никакого приложенія къ настоящему случаю.

b. Равнымъ образомъ одному-и-тому же Рискупориду могутъ принадлежать одинаково, какъ монеты съ надписью «Т. Ю. Царя Рискупорида», такъ равно съ «Царь Рискупоридъ», или съ монограммами ΒΑΩΡ и ΒΑΡ. Если на послѣднихъ Рискупоридъ изображается молодымъ человѣкомъ, безъ бороды и усовъ, а на первыхъ глядитъ человѣкомъ зрѣлаго возраста, это, по-нашему, нисколько не

служитъ доказательствомъ необходимости признать существованіе двухъ Рискупоридовъ, свидѣтельствуя только, какъ и относительно Савромата, что монеты съ монограммою ВАΩР биты раньше, а монеты съ полнымъ именемъ Т. Ю. Рискупорида — позже.

с. Признавая существованіе одного царя Рискуропида, должно приписать ему всѣ золотыя монеты съ годами п. э., начиная съ представляющей 313 годъ. Но монета эта нисколько не доказываетъ, какъ принимается всѣми нумизматами, чтобы 313 годъ п. э., былъ годомъ восшествія Рискупоридова на престолъ: свидѣтельствуетъ она только, что воцарился онъ не позже этого года Монеты-же съ 299, 304, 305, и позднѣйшія, представляющія одну голову Августа, безъ Тиверіевой на оборотѣ, должны необходимо быть приписаны Савромату, такъ-какъ онъ властвовалъ еще и при Тиверіѣ, ранѣе императорства котораго не могъ воцариться Рискупоридъ, если только Савроматъ и Рискупоридъ не властвовали нѣсколько годовъ современно: одинъ — на европейской, другой — на азіятской сторонѣ Воспора, чтò также могло быть.

d. Къ тому же Савромату, которымъ биты всѣ монеты съ этимъ именемъ, не представляется никакой трудности отнести и всѣ надписи, въ которыхъ говорится о царѣ Т. Ю. Савроматѣ. Упоминаемый въ одной изъ этѣхъ надписей, отецъ Т. Ю. Савромата, царь Рискупоридъ могъ властвовать или на Воспорѣ, на-примѣръ въ азіятской его части — и въ такомъ случаѣ его, а не Савромата, должно считать основателемъ новой династіи, воцарившейся послѣ Полемона — или въ какой-либо другой странѣ, откуда перешла на Воспоръ эта новая династія, если она перешла туда откуда-нибудь, а не возникла на-мѣстѣ. Если-же этотъ Рискупоридъ, отецъ Т. Ю. Савромата, дѣйствительно властвовалъ въ какой-либо части Воспора, то ему же удобнѣе всего приписать и тѣ золотыя монеты съ 290 и 291 годами п э., о которыхъ сказано выше, что Ленор-

манъ относитъ ихъ къ Полемону, а другіе нумизматы — къ Савромату I. Впрочемъ, отцу-ли, сыну-ли приписывать ихъ, во всякомъ случаѣ, если только монеты эти биты не Полемономъ, выходитъ, что новая династія государей возникла, въ той-или-другой части Воспорскаго Царства, еще при Полемонѣ, по-крайней-мѣрѣ лѣтъ за восемь до его кончины: это неоспоримо, хотя и ничего не извѣстно о томъ, какъ произошло событіе.

е. Но если-бы монеты съ 290 и 291 годами п. э., нельзя было, по чему-либо, приписать ни Т. Ю. Савромату, ни отцу его Рискупориду, это нисколько-бы не помѣшало — несомнѣнныхъ для исторіи: Т. Ю. Савромата и Т. Ю. Рискупорида — назвать новою династіею. Не были-же они ни Зенониды, ни Ахемениды: такъ, откуда-же, спрашивается, явилась эта династія? гдѣ родина этихъ государей? Изъ отвѣтовъ, данныхъ на этотъ вопросъ новѣйшими изыскателями, предположеніе Висконти объ аспургійскомъ происхожденіи династіи есть, по качеству приводимыхъ доказательствъ, самое шаткое, хотя само-по-себѣ и не представляетъ ничего несообразнаго съ ходомъ дѣлъ на Воспорѣ, какъ дѣла эти являются на нашъ взглядъ (см. выше стр. 347). Болѣе ручательствъ въ правдоподобіи имѣетъ Рауль-Рошетово мнѣніе о ѳракійскомъ происхожденіи новой династіи; только въ пользу его самъ Рауль-Рошетъ не сказалъ и половины того, что можно сказать. Наконецъ, позволительно имѣть и слѣдующее мнѣніе, не ручаясь за достовѣрность его болѣе чѣмъ за предшествующія: Т. Ю. Савроматъ, Т. Ю. Рискупоридъ и даже Рискупоридъ отецъ Т. Ю. Савромата (по надписи № 19) — могли не быть чужеземцами на Воспорѣ, а быть потомками династіи царствовавшей здѣсь до водворенія Ахеменидовъ въ лицѣ Митридата-Евпатора, потомками Спартокидовъ, родъ которыхъ, въ-теченіе столѣтія, со времени занятія престола воспорскаго Ахеменидами и до самаго Полемона I, могъ длиться либо на самомъ Воспорѣ — въ званіи прос-

тыхъ граждавъ, либо гдѣ-нибудь между сосѣдними скиѳскими народами — въ званіи княжескомъ, владѣльческомъ; при Полемонѣ, какія-нибудь благопріятныя обстоятельства, потерянныя для исторіи, могли вызвать изъ забвенія этотъ родъ и снова возвести его на престолъ праотцевъ. Невозможнаго въ такомъ сохраненіи Спартокидовъ нѣтъ ничего, и не одинъ примѣръ подобной реставраціи найдется въ исторіи Востока. Фраза: τὸν ἀπὸ προγόνων βασιλεύοντα (царствующему по наслѣдію отъ предковъ), относящаяся въ надписи № 20 къ Т. Ю. Савромату, и не встрѣчающаяся въ другихъ воспорскихъ надписяхъ, можно полагать указываетъ именно на такого рода связь Т. Ю. Савромата съ древними владѣльцами Воспора: связь, которою онъ, по-видимому, весьма дорожилъ, ибо иначе не принялъ-бы въ свой титулъ означенной фразы, безъ сомнѣнія выдуманной не Фанестратомъ, поставившимъ ему статую, а оффиціальной въ то время на Воспорѣ. Подтвержденіемъ представленному предположенію служитъ также, быть можетъ, и одно брошенное вскользъ замѣчаніе Аппіана; сказавъ, что по смерти Фарнака, Ю. Кесарь отдалъ Царство Воспорское чужеземцу же, Митридату-Пергамскому, Аппіанъ прибавляетъ: Νῦν δ'εἰσὶν οἰκεῖοι «теперь-же владѣтели тамъ домашніе» (De bello Mithrid. гл. 121). Въ то время когда жилъ Аппіанъ, современникъ Траяна, Адріана и Антонина, на Воспорѣ властвовали Савроматы II и III, Котисъ II и Римиталкъ — государи, по-видимому, изъ того же рода [37], что и Т. Ю. Савроматъ; Аппіанъ-же

---

[37] Объ этомъ тождествѣ рода Т. Ю. Савромата I и Т. Ю. Рискупорида II, съ нѣкоторыми изъ позднѣйшихъ государей Воспора можно заключать по прозвищу Тиверій-Юлій, которое, какъ извѣстно по надписямъ, принимали изъ нихъ: Рискупоридъ III (современникъ Тита и Домиціана), Римиталкъ, Евпаторъ, Рискупоридъ IV (современникъ Каракаллы, Геліогабала и А. Севера) и Тейранъ, а быть можетъ еще и другіе, отъ коихъ не найдено надписей: приписывать себя къ роду Юліевъ могли всѣ эти государи не иначе какъ по происхожденію своему отъ Т. Ю. Савромата I и Т. Ю. Рискупорида I, первыхъ это сдѣлавшихъ.

считалъ ихъ чисто-туземными, а не пришлаго изъ чужой страны рода: ergo — и родъ Т. Ю. Савромата былъ на Воспорѣ не вновь пришлымъ, а издавна тутъ властвовавшимъ. Впрочемъ, должно сказать что связь приведенныхъ доказательствъ весьма тонка: того-и-гляди порвется.

Итакъ, по нашему мнѣнію, между Полемономъ I и Полемономъ II, въ ряду царей воспорскихъ должны имѣть мѣсто:

XXV. Рискупоридъ, властвовавшій отчасти современно съ Полемономъ I.

XXVI. Тиверій-Юлій Савроматъ, сынъ этого Рискупорида, властвовавшій въ первомъ пятнадцатилѣтіи по Р. Х., въ концѣ императорствованія Августова и въ началѣ Тиверіева.

XXVII. Тиверій-Юлій Рискупоридъ, стало-быть второй этого имени, вступившій на престолъ не позже 17-го и царствовавшій до 38 года по Р. Х., когда, вѣроятно со смертію его, престолъ воспорскій получилъ —

XXVIII. Полемонъ, внукъ Зенона и сынъ Полемона отъ Пиѳодорисы, значитъ второй этого имени. Пиѳодориса, какъ видно изъ Страбона (XII, 556), по смерти мужа своего Полемона I, оставлена была Римлянами во владѣніи Колхидою и частью Понта, а послѣ того вступила во второй бракъ съ Архелаемъ, владѣтелемъ Малой-Арменіи, по смерти котораго опять осталась вдовою, продолжая властвовать надъ помянутыми странами. Младшій изъ сыновей ея, Зенонъ, въ 18 году по Р. Х. возведенъ былъ Германикомъ на царство Великой-Арменіи, и коронованный имъ лично, принялъ армянское имя Арташеса (Artaxias): объ этомъ повѣствуютъ какъ Страбонъ (I. c.), такъ и Тацитъ (Annales, II, 56). Старшій сынъ Пиѳодорисы, Полемонъ, сначала помогалъ матери, частнымъ образомъ, въ управленіи ея владѣніями, а потомъ, по смерти ея, или еще и при жизни [38], какъ видимъ изъ Діона-Кассія (кн. LIX,

[38] Во всякомъ случаѣ, заключать о времени кончины Пиѳодорисы изъ

стр. 649), получилъ, въ 38 году по Р. Х., отъ Калигулы, царство отцовское подъ собственную свою власть. Но на Воспорѣ Полемонъ царствовалъ не долго: въ 41 году по Р. Х. Императоръ Клавдій отдалъ Воспоръ Митридату, считавшемуся потомкомъ знаменитаго Митридата-Евпатора, а Полемону, въ замѣнъ этого царства, далъ часть Киликіи (Діонъ-Кассій, кн. LX, стр. 670). Изъ Іосифа-Флавія (Ant. Iud., кн. XIX, гл. 8, § 1) узнаёмъ, что послѣ этого ѣздилъ онъ въ гости къ знаменитому Агриппѣ, царю іудейскому, а потомъ женился на дочери его Береникѣ, вдовѣ Ирода, которая сама предложила ему этотъ бракъ, съ тѣмъ впрочемъ условіемъ, чтобы онъ принялъ обрѣзаніе, на чтó Полемонъ и согласился. Побужденіемъ къ заключенію этого брака, со стороны Береники была молва о ея дурномъ поведеніи, со стороны Полемона — богатство Иродовой вдовы. Сожитіе ихъ продолжалось однакожъ не долго: развратная Береника скоро бросила Полемона, а онъ, вслѣдствіе того, возвратился къ язычеству (ibid. кн. XX, гл. 8, § 3). При воцареніи Тиграна на престолѣ Арменіи, часть страны этой, по волѣ Нерона, между прочими сопредѣльными владѣтелями, подчинена была и управленію Полемона (Тацитъ, Annales, XIV, 25); но затѣмъ принадлежавшая сему-послѣднему часть Понта обращена была, съ согласія его, въ римскую провинцію, которая и получила отъ того названіе «Полемонова-Понта», Pontus Polemoniacus (Светоній, въ жизни Нерона, § XVIII).

Монетъ Полемона II извѣстно нѣсколько серебряныхъ и одна мѣдная. Чиселъ понтійской эры они не представляютъ, но зато носятъ обозначеніе годовъ правленія, именно: 3, 11, 12, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 23 и 24-го. Только первая изъ этихъ монетъ, съ изображеніемъ головы Ка-

---

тѣхъ-или-другихъ мѣстъ Страбона — какъ читаемъ у г. Спасскаго (В. К. стр. 66) — невозможно; ибо Пиѳодорисa оставалась еще въ живыхъ когда Страбонъ писалъ свою Географію, въ которой нигдѣ не упоминается о смерти этой царицы.



лигулы, могла быть бита на Воспорѣ; всѣ-же прочія — въ другихъ частяхъ его владѣній. Есть также серебряныя монеты Полемона съ надписью на оборотѣ ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ ΤΡΥΦΑΙΝΗΣ; года царствованія на нихъ не означено, почему и приблизительно даже нельзя опредѣлить, когда Трифена эта была его женою: до брака съ Береникою или послѣ.

XXIX. Митридатъ, III-й этого имени, получившій Царство Воспорское отъ Императора Клавдія, въ 41 году по Р. Х., происходилъ, какъ сказано, отъ Митридата-Великаго. Замысливъ свергнуть съ себя иго Римлянъ, но желая до-поры до-времени скрыть отъ нихъ свои замыслы, послалъ онъ брата своего Котиса къ императору Клавдію съ изъявленіями преданности; но Котисъ измѣнилъ Митридату, открылъ Римлянамъ объ его умыслѣ, и въ награду за то самъ объявленъ былъ царемъ Воспора [39]. Изъ Тацита (Annales, кн. XII, гл. 15) видно, что для предотвращенія возстанія со стороны Митридата, Котисъ отправленъ былъ на Воспоръ съ сильнымъ римскимъ войскомъ подъ предводительствомъ Дадія [40]. Митридатъ былъ

---

[39] Извѣстіе это заимствуется изъ компилятора VI вѣка Петра-Патриція (Corpus Scriptorum Historiæ Byzantinæ. Editio consilio Niebuhrii instituta. Pars I, p. 122), у котораго сохранилось многое изъ потерянныхъ и неполныхъ книгъ Діона-Кассія. Считаемъ нужнымъ оговорить, впрочемъ, что посольство Котиса къ императору Клавдію Петръ-Патрицій приписываетъ ошибочно не Митридату-Воспорскому, какъ-бы должно, и какъ было на-дѣлѣ, а Митридату-Иберійскому, о которомъ подробно повѣствуется у Тацита, и который былъ лицо отдѣльное отъ Митридата-Воспорскаго. Объ этомъ различіи помянутыхъ лицъ находимъ весьма опредѣлительное мѣсто у Діона-Кассія; въ книгѣ LX, стр. 670, описывая дѣйствія императора Клавдія, онъ говоритъ: «Митридата, иберійскаго царя, котораго Кай (Калигула) вызвавъ въ Римъ, заключилъ въ оковы — снова отправилъ домой на царство; *другому-же* Митридату, ведшему родъ свой отъ Митридата-Великаго, даровалъ Воспоръ». Петръ-Патрицій, перемѣшавъ этихъ двухъ одноименныхъ и современныхъ государей, приписалъ иберійскому то, что несомнѣнно случилось съ воспорскимъ. Такимъ же образомъ и о Котисѣ пишетъ онъ ошибочно, что тотъ получилъ отъ Клавдія Царство Иберійское, когда надлежало-бы сказать — Воспорское.

[40] Г. Ашикъ полагаетъ, что это было первое появленіе римскихъ войскъ на Воспорѣ (В. Ц. стр. 89). Выше (стр. 363) мы видѣли, что римскія вой-

изгнанъ изъ своихъ владѣній; но когда Дадій съ главными силами удалился, оставивъ въ помощь молодому и неопытному Котису всего нѣсколько когортъ, изгнанникъ собралъ кое-какое войско и началъ войну противу Котиса тѣмъ, что овладѣлъ сосѣднею воспорскимъ владѣніямъ землею Дандаровъ. Котисъ, не надѣясь на собственныя силы, привлекъ на свою сторону Евнона, главу сильнаго народа Аорсовъ, и соединенная рать Римлянъ, Воспорцевъ и Аорсовъ двинулась противу Митридата. Любопытныя подробности этого похода можно видѣть у Тацита (l. c. гл. 15-17). Кончилось тѣмъ, что Митридатъ, не надѣясь уже болѣе поддержать себя силою оружія, отдался добровольно въ руки Евнона, который передалъ его Римлянамъ, выхлопотавъ гордому въ самомъ бѣдствіи царю сохраненіе жизни и освобожденіе отъ позора влачиться за колесницею тріумфатора. Доставленный въ Римъ, въ 49 по Р. Х., Митридатъ удивилъ тамъ Клавдія смѣлостію рѣчей своихъ и твердостію духа (ibid. гл. 18 — 21). Жизнь свою кончилъ онъ въ Римѣ же, убитый по повелѣнію императора Гальбы, въ 68 году по Р. Х., за участіе въ заговорѣ Нимфидія (Плутархъ, въ жизни Гальбы, § 15).

Отъ Митридата этого съ именемъ его дошли до насъ только мѣдныя монеты безъ всякихъ годовыхъ чиселъ. Кромѣ того, есть монеты, на которыхъ, вмѣстѣ съ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΙΘΡΑΔΑΤΟΥ и портретомъ его [41] на лицевой сторонѣ, находимъ на оборотной — ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ ΓΗΠΑΙΠΥΡΕΩΣ и бюстъ въ вѣнцѣ этой царицы; изъ чего оказывается, что Гипепира эта (имя которой, по неясному изображенію на монетахъ буквы Г, принимавшейся за П, читали прежде — Пипепира) была женою Митридата. А какъ дошли до

ска были тамъ уже съ Агриппою, лѣтъ за пятьдесятъ до похода подъ начальствомъ Дадія.

[41] До Стемпковскаго, всѣ нумизматы, какъ уже сказано выше, вмѣсто ΜΙΘΡΑΔΑΤΟΥ, читали на этой монетѣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ, и въ портретѣ Митридата признавали лицо Савромата. Настоящее чтеніе обнародовано было Стемпковскимъ въ 1827 году.

насъ и такія монеты на которыхъ имени Митридата нѣтъ. читается-же только одно имя «Царицы Гипепиры», а на оборотной сторонѣ голова Астарты, то можно полагать. что нѣсколько времени эта царица —

XXX. Гипепира властвовала на Воспорѣ отъ своего имени — по изгнаніи оттуда мужа ея, быть можетъ оставленная Римлянами въ обладаніи, совмѣстно съ Котисомъ, какою-либо частію этой страны. Изъ того что извѣстно о Динамисѣ, видимъ что Римляне охотно покровительствовали женамъ государей воспорскихъ, даже когда мужья ихъ вели себя дурно относительно Рима.

XXXI. Котисъ, братъ Митридата III, получилъ Царство-Воспорское, какъ видѣли мы выше, отъ императора Клавдія. О событіяхъ владычества его, кромѣ войны съ братомъ Митридатомъ, обстоятельства которой изложены кратко подъ царствованіемъ сего-послѣдняго, неизвѣстно изъ древнихъ писателей ничего болѣе. Нѣсколько данныхъ сообщаютъ, зато, относящіяся къ періоду властвованія Котиса надписи и монеты.

Надписей извѣстно двѣ:

23. Начертанная на обломкѣ бѣлаго мрамора, найденнаго въ 1840 году на хуторѣ г. Кистеня, близь Керчи, въ глубинѣ болѣе 4 саженъ подъ поверхностію земли. Надпись эта, хранящаяся нынѣ съ Керченскомъ-Музеѣ, и у г. Ашика помѣщенная подъ № 26, гласитъ, что сдѣлана она была въ то время, какъ «Котисъ, благочестивый, сынъ Аспурга, властвовалъ также и надъ Ахейцами».

24. На мраморномъ пьедесталѣ, найденномъ въ 1829 г. при сломкѣ турецкой крѣпости въ Керчи. Изданная тогда же Стемпковскимъ въ Одесскомъ Вѣстникѣ (№ 75), потомъ у Бека помѣщенная подъ № 2108, с., у Ашика-же — подъ № 27, надпись эта, сколько возможна разобрать ее, свидѣтельствуетъ, кажется, что стоявшая на пьедесталѣ статуя посвящена была (Котисомъ) «сыномъ Аспурга» одному изъ римскихъ императоровъ, ему современныхъ.

О принадлежащихъ этому государю мѣдныхъ монетахъ съ надписью на одной сторонѣ ΤΕΙΜΑΙ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΚΟΤΥΟΣ, а на другой ΤΟΥ ΑΣΠΟΥΡΓΟΥ, «Аспургіевича», «сына Аспургова», какъ оказывается теперь изъ надписей (а не «аспургійца» или «аспургійскаго» — какъ переводили Висконти и Рауль-Рошетъ), упомянуто уже было выше, по поводу приписки ихъ, со стороны Рауль-Рошета, выдуманному имъ Котису, брату Рискупорида I, а со стороны Висконти — Т. Ю. Савромату I (такъ-какъ на монетѣ, вмѣсто ΚΟΤΥΟΣ, читалъ онъ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ). Золотыя-же монеты съ монограммою ВАК, принимаемою за ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΚΟΤΥΟΣ, имѣются съ означеніемъ 342, 349, 350, 352, 354-359, 362 и 365 годовъ п. ѳ. (=46, 53, 54, 56, 58-63, 66 и 69 по Р. Х.), изъ чего слѣдуетъ заключать, что властвовалъ онъ, по-крайней-мѣрѣ, въ-теченіе 23 лѣтъ, съ 46 до 69 по Р. Х.

XXXI. Тиверій-Юлій Рискупоридъ III. Когда именно вступилъ онъ на престолъ, и былъ ли непосредственнымъ преемникомъ Котиса, или въ промежутокъ между ними на Царствѣ Воспорскомъ сидѣлъ еще какой государь — неизвѣстно. Золотыя монеты его царствованія съ надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ имѣются лишь съ означеніемъ 380 и 381 годовъ п. ѳ. (=84 и 85 по Р. Х.); приписываемыя ему же мѣдныя, годовыхъ чиселъ не представляютъ. Надпись-же (№ 25) на мраморной плитѣ, найденной въ 1832 году въ Керчи, близь Митридатовой-Горы, и помѣщенная у Бёка подъ № 2114, вв., а у Ашика — подъ № 28, свидѣтельствуетъ, что отпущеніе на волю раба [42], о которомъ идетъ въ ней дѣло, имѣло мѣсто

[42] Рабъ этотъ, какъ видно изъ надписи, былъ еврейской религіи: въ той же надписи упоминается и о существованіи на Воспорѣ (по мѣстонахожденію надписи, можно сказать еще опредѣлительнѣе — въ Пантикапеѣ) іудейской синагоги; и о той же синагогѣ говорится въ другой воспорской надписи тоже найденной въ Керчи, но въ настоящее время хранящейся въ Ѳеодосійскомъ Музеѣ (помѣщена у Бёка подъ № 2114, в., у Ашика — подъ № 29). Эти данныя весьма важны для соображеній какъ относительно загадочнаго



«подъ правленіемъ царя Тиверія-Юлія Рискупорида, друга кесаря и Римлянъ, въ 377 году» п. э. (=81 по Р. Х.); стало-быть Рискупоридъ III вступилъ на престолъ не позже 81, и оставилъ его не ранѣе 85 по Р. Х.

Послѣ монетъ Рискупорида съ 381 годомъ п. э., слѣдующія, извѣстныя доселѣ, съ означеніемъ 390 года. п. э. (=94 по Р. Х.) носятъ уже надпись ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ. Затѣмъ, съ именемъ же «Царя Савромата» извѣстны золотыя монеты 395, 400, 404—406, 408, 411, 412, 414—418 и 420, да мѣдная съ 421, 422 и 424 годами п.э. (= 99, 104, 108,-110, 112, 115—122, 124, 125, 126 и 128 по Р. Х.). Съ другой стороны, изъ писемъ къ Траяну Плинія-Младшаго (кн. X, пис. 13, 14 и 15), бывшаго правителемъ Виѳиніи и Понта, знаемъ, что черезъ Никею проѣзжали къ Императору съ важными новостями [43] гонецъ и посолъ какого-то воспорекаго царя Савромата. Наконецъ, найдена въ Тамани, хранящаяся нынѣ въ Керченскомъ-Музеѣ, надпись на мраморномъ пьедесталѣ (№ *26)*, въ которой говорится о возобновленіи и посвященіи царемъ Савроматомъ, первосвященникомъ Августовъ, новаго храма Афродитѣ-Апатуріи, причемъ означенъ въ концѣ надписи ΒΥ годъ п. э. (=106 по Р. Х.). Надпись эта у Бёка помѣщена подъ № 2125, а у Ашика—подъ № 30. Всѣ эти

еврейства Хазаровъ, такъ и относительно исторіи Іудеевъ Крымскаго-Полуострова, обогатившейся въ послѣднее время неожиданно-замѣчательными открытіями г. Фирковича. См. «Записки» Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, I, 640—649; Les peuples du Caucase Д'Оссона, стр. 30-71 и 190, 112; и мои «Еврейскія религіозныя секты въ Россіи», стр. 28—31.

[43] «Rex Sauromates scripsit mihi esse quaedam quae deberes *quam maturissime scire*: qua ex causa festinationem tabellarii, quem ad te cum epistolis misit diplomate adjuvi — пишетъ Плиній къ Траяну (пис. 14). Изъ этихъ словъ можно заключать, что гонецъ, и слѣдовавшій за нимъ посолъ Савромата, ѣхали въ Римъ не за тѣмъ «чтобы испросить покровительство Императора и вмѣстѣ-съ тѣмъ изъявить чувства покорности въ-отношеніи Рима» — какъ полагаетъ г. Ашикъ (В. Ц. стр. 95): посольству съ такою цѣлію нечего было-бы спѣшить, и ничего не везло оно Траяну такого, что-бы слѣдовало ему «знать *какъ можно заранѣе*».

памятники Кёлеръ, Міоне, а за ними и гг. Спаскій и Сабатьѐ признали принадлежащими одному царю Савромату, который, по счету ихъ, приходится третьимъ этого имени, и долженъ былъ властвовать не менѣе 34 лѣтъ, вступивъ на престолъ не позже 94, и оставивъ его не ранѣе 128 года по Р. Х (или не менѣе 30 лѣтъ, по 124 годъ отъ Р. Х., если усомниться въ дѣйствительности существованія мѣдныхъ монетъ съ 421, 422 и 424 годами п. э.). Стемпковскій-же а за нимъ и г. Ашикъ, полагаютъ, что въ означенномъ пространствѣ времени властвовали два соименные царя Савромата, одному изъ коихъ принадлежатъ монеты 390 и 395 годовъ, на которыхъ представляется изображеніе пожилаго царя, а другому—монеты 400 и послѣдующихъ годовъ, съ изображеніемъ царя молодыхъ лѣтъ, нисколько непохожаго на своего предшественника; къ этому же послѣднему относитъ г. Ашикъ и надпись № 26, и упоминовеніе Плинія о посольствѣ. Мнѣніе гг. Стемпковскаго и Ашика кажется намъ основательнѣйшимъ; посему—полагая, что монетный промежутокъ съ 381 по 390 годъ п. э. могъ быть занятъ либо продолженіемъ царствованія Рискупорида III, либо другимъ неизвѣстнымъ доселѣ государемъ, либо Савроматомъ монетъ 390 и 395 годовъ п. э.— этого послѣдняго, въ ряду царей воспорскихъ называемъ мы —

XXXII. Савроматъ II. Начавшееся не позже 94, и окончившееся не ранѣе 99 года по Р. Х., царствованіе его могло занимать и слѣдующій монетный промежутокъ до 104 года по Р. Х., если только промежутокъ этотъ не былъ наполненъ царствованіемъ какого-либо потеряннаго пока для исторіи государя, и если не царствовалъ въ-теченіе означенныхъ пяти лѣтъ —

XXXIII. Савроматъ III. Владычество его на Воспорѣ должно было продолжаться не менѣе какъ со 104 по 124 или 128 годъ отъ Р. Х. Если принять послѣднее на основаніи помянутыхъ выше мѣдныхъ монетъ, то надпись (№

271) съ означеніемъ на ней ΔΚΥ (424) года п. э., которую г. Ашикъ относитъ къ царствованію Котиса II, можетъ быть отнесена скорѣе къ царствованію Савромата III. Надпись эта, найденная въ 1809 году въ Керчи, оттуда перевезенная въ Николаевъ, а нынѣ хранящаяся въ Музеѣ Одесскаго Общества Исторіи Древностей, у Бёка помѣщена подъ № 2108, е., у Ашика—подъ № 31. Этому же Савромату III должны принадлежать, по Сестини, и упоминаемыя имъ (въ Descrizione del Museo Hedervariano, Firenze, 1828, II, p. 21) двѣ мѣдныя монеты: 1) съ надписью на лицевой сторонѣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ ΑΣΠΟΥΡΓΟΥ, а на оборотной— ΤΙΜΑΙ (sic) ΤΙ ΙΟΥΛΙΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ; причемъ на лицевой сторонѣ изображены щитъ и копье съ каскою и лошадиною головою надъ ними и каскою же и мечемъ по бокамъ, а внизу буквы ΚΛ; на оборотной—царскій вѣнокъ на курульномъ креслѣ, и по сторонамъ мечь и скиптръ; 2) съ надписью ΤΕΙΜΑΙ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ ΑΣ....ΟΥ и изображеніемъ царскаго вѣнка на курульномъ креслѣ, а по сторонамъ щита съ копьемъ и меча—на лицевой сторонѣ; на оборотной-же — съ буквами ΜΗ въ дубовомъ вѣнкѣ [44]. Признавая дѣйствительность этихъ монетъ и принадлежность ихъ Савромату III, должно признать и то, что Савроматъ этотъ, какъ нѣкоторые изъ предшественникомъ и преемниковъ его, также носилъ имя Тиверія-Юлія, и что отецъ его, какъ и отецъ Котиса I, также носилъ имя Аспурга.

[44] Эти же самыя монеты, но описанныя кратко, упоминаются у Сестини и въ Classes Generales (Florentiæ, 1821) стр. 62, гдѣ отнесены имъ не къ Савромату III, а къ Т. Ю. Савромату I. Рауль-Рошетъ (Ant. Grecques, стр. 116) опровергалъ существованіе обѣихъ, въ чемъ, отчасти, послѣдовали его мнѣнію и другіе нумизматы. Но какъ въ описаніи Гедерварскаго-Музея, которое вышло въ свѣтъ въ 1828 — 1829 годахъ, черезъ шесть лѣтъ по изданіи Рауль-Рошетомъ его Antiquités grecques, Сестини снова и подробно описываетъ эти монеты, только относя ихъ не къ Савромату I, а ужъ къ Савромату III, — то, кажется намъ, нѣтъ причинъ сомнѣваться въ дѣйствительности ихъ существованія. Монеты эти могутъ быть сами-по-себѣ, а Котисова монета съ такими же надписями и изображеніями (о которой сказано выше, на стр. 391) — сама-по-себѣ.

Такимъ образомъ нашъ Савроматъ I соотвѣтствуетъ Савромату I и Савромату II по Кёлеру, Міонэ, Спасскому и и Сабатье; а наши Савроматъ II и Савроматъ III—одному Савромату, котораго всѣ они называютъ III-мъ.

Непосредственнымъ преемникомъ Савромата III былъ, по всей видимости—

XXXIV. Котисъ, II-й этого имени, ибо съ надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΚΟΤΥΟΣ есть золотыя монеты 426, 427 и 428 годовъ п. э. (=130, 131, 132 по Р. Х.). Мѣдныя монеты, относимыя къ царствованію его, годовыхъ чиселъ п. э. не имѣютъ. Изъ Константина-Багрянороднаго (De Thematibus, кн. II, т. XII) узнаёмъ, что между прочими городами, Адріанъ отдалъ подъ власть Котису и городъ Херсонъ. О кончинѣ-же его упоминается въ Арріановомъ «Периплѣ Чернаго-Моря». Когда именно вступилъ Котисъ на престолъ, опредѣлительно не знаемъ, умереть-же долженъ былъ онъ въ 428 году п. э. (=132 по Р. Х.), ибо съ этимъ же годомъ на монетахъ является преемникъ его —

XXXV. Тиверій-Юлій Римиталкъ. Изъ того, какимъ образомъ Арріанъ упоминаетъ о смерти Котиса, можно заключать, что государь этотъ умеръ безъ прямыхъ наслѣдниковъ. Обязанный возведеніемъ своимъ на престолъ императору Адріану, Римиталкъ, въ благодарность, воздвигнулъ этому императору статую, отъ пьедестала которой изъ сѣраго мрамора дошли до насъ два обломка съ остатками надписи (№ 28), изъ коей видно, что воздвигнута она была въ ΛΥ (430) году п. э. (=134 по Р. Х.), и что Римиталкъ, подобно нѣкоторымъ предшественикамъ своимъ, тоже принялъ прозваніе Тиверія-Юлія. Надпись эта, отысканная въ 1830 году въ Керчи, и хранящаяся нынѣ въ тамошнемъ музеѣ, издана первоначально Стемпковскимъ (въ Одесскомъ Вѣстникѣ на 1831 годъ, № 93); потомъ у Бёка находимъ ее подъ № 2108, f., у Ашика — подъ № 32. Другая надпись (см. ниже № 30) титулуетъ его, не просто «царемъ», а «великимъ царемъ». При Ан-

тонинѣ, какъ узнаёмъ изъ Капитолина (гл. IX), Римиталкъ, вызванный въ Римъ для какихъ-то объясненій, былъ оправданъ и отпущенъ обратно въ свои владѣнія [45]. Мѣдныя монеты Римиталка не носятъ годовыхъ чиселъ п. э.; по золотымъ-же монетамъ съ надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΟΙΜΗΤΑΛΚΟΥ и годами понтійской эры 428—433, и, послѣ шестилѣтняго промежутка, съ 440 - 447 и 450 (=132 - 137, 144 - 151 и 154 по Р. Х.) выходитъ, что властвовалъ онъ 22 года, со 132 года по Р. Х., когда умеръ преемникъ его Котисъ, по 155 годъ нашей эры, когда на престолъ Воспора вступилъ —

XXXVI. Тиверій-Юлій Евпаторъ. Изъ писателей, о существованіи этого государя узнаёмъ изъ одного Лукіана, который (въ жизнеописаніи лжепророка Александра, гл. 57), разсказываетъ, что въ Эгіалахъ (приморскомъ городкѣ Паѳлагоніи) встрѣтился онъ «съ послами царя воспорскаго Евпатора, которые ѣхали въ Виѳинію съ ежегодною данью» [46]. Въ одной изъ надписей (№ 29) найденныхъ въ 1834 году близь устья Дона, не подалеку отъ села Недви-

[45] Вотъ собственныя слова Капитолина, по всѣмъ извѣстнымъ намъ изданіямъ: Rimethalcem in regnum Bosphoranum, audito inter ipsum et curatorem negotio, (императоръ Антонинъ) remisit». О какомъ *curatore* идетъ тутъ рѣчь? Г. Сабатье («Керчь и Воспоръ», стр. 66) заключаетъ изъ этихъ словъ что при Антонинѣ Царство-Воспорское было уже римскою провинціею, управлявшеюся римскимъ правителемъ, которому царь воспорскій долженъ былъ подчиняться; и что въ-слѣдствіе распри, возникшей между правителемъ и Римиталкомъ, послѣдній и пріѣзжалъ жаловаться въ Римъ. Кари, а за нимъ и Бёкъ, вмѣсто *Curatorem*, читаютъ *Eupatorem*, и потому полагаютъ, что распря у Римиталка была съ преемникомъ его Евпаторомъ, изъ чего можно заключать, что Евпаторъ добивался воспорскаго престола еще при жизни Римиталка. Это мнѣніе Кари принято и г. Ашикомъ. Дѣйствительно, ничего не было легче какъ изъ греческаго Eupator сдѣлать, по опискѣ, латинское Curator.

[46] По одному мѣсту у Лукіана (in vita Alexandri) — говоритъ г. Сабатье — видно, что Евпаторъ платилъ ежегодную дань Риму, и *еще до начатія своего царствованія пытался неоднократно, хотя тщетно, завладѣть престоломъ Воспора* («Керчь и Воспоръ», стр. 67). Ничего подобнаго не нашли мы у Лукіана, не только въ жизнеописаніи лжепророка Александра, но и ни въ какомъ другомъ изъ его сочиненій.

говки, гдѣ видны слѣды древняго Танаиса, говорится о посвященіи памятника Аполлону «въ царствованіе царя Тиверія-Юлія Евпатора, благочестиваго, друга кесаря и Римлянъ». Надпись эта, изданная первоначально гг. Грефе и Кёппеномъ, у Бёка помѣщена подъ № 2132, в., у Ашикаже—подъ № 33. На золотыхъ, электровыхъ и мѣдныхъ монетахъ этого государя съ надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΕΥΠΑΤΟΡΟΣ, означены годы п. э. 451-461, 463, 464, 466 и 467 (=155-165, 167, 168, 170, и 171 по Р. Х.), изъ чего видно, что властвовалъ онъ не менѣе 16 лѣтъ. Филостратъ (въ жизнеописаніи Софистовъ, кн. 1, гл. 25) разсказываетъ, что какой-то изъ властителей воспорскихъ, вполнѣ знакомый съ эллинскою мудростію, путешествуя по Іоніи, въ Смирнѣ, чтобы добиться до чести видѣть знаменитаго софиста Полемона, долженъ былъ посѣтить его самъ и подарить ему десять талантовъ. Кари полагалъ, что разсказъ этотъ относится именно къ Евпатору.

Послѣднія монеты Евпатора принадлежатъ, какъ сказано, къ 467 году п. э.; затѣмъ, съ означеніемъ 471 года встрѣчаемъ уже монеты Савромата. Въ этомъ трехлѣтнемъ промежуткѣ, по мнѣнію Кари, Сестини и даже Бёка, должно быть помѣщено кратковременное царствованіе Левконора и Эвбіота, о которыхъ упоминается въ Лукіановомъ «Тохарисѣ», и которымъ, выше (стр. 344), дали мы мѣсто между Спартокомъ IV и послѣднимъ изъ Перисадовъ. Какъ бы то ни было, съ 471 года п. э. (=175 по Р. Х.) престолъ Воспора занималъ уже —

XXXVII. Савроматъ IV, сынъ Римиталка, какъ видно изъ нижеприведенной надписи № 30. Монетами его съ надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ и годами п. э. 471, 472, 474, 475, 477, 478, 480, 483—487, 489—496, 498, 500, 501, 505 и 506 (=175, 176, 178, 179, 181, 182, 184, 187-191, 193-200, 202, 204, 205, 209, и 210 по Р. Х.) доказывается, что властвовалъ онъ не менѣе 35 лѣтъ. Отъ этого долговременнаго царствованія дошли до насъ слѣдующія надписи:

30. «Въ правленіе царя Савромата, сына великаго царя Римиталка, и при посланникѣ (его) архикитонитѣ [47] Юліѣ Менестратѣ, Эллины и Танаиты возстановили, въ пользу эмпоріи, разрушенную временемъ башню (сію) стараніемъ Родона Фазинамовича, бывшаго предъ симъ эллинархомъ [48], и Родона Харитоновича, и Атты Иракліевича, и Эвиса-Дады Зеноновича, и Мирона Уваровича, и Панникхія Панникхіевича, въ (году) 489, (мѣсяца) лоуса перваго (числа)». Надпись эта, вырѣзанная на известковомъ, довольно мягкомъ камнѣ большаго размѣра, найдена была въ 1836 году, на Дону, близь помянутаго селенія Недвиговки, и первоначально издана г. академикомъ Грефе, а потомъ въ собраніе Бёка вошла подъ № 2132, d., у Ашика-же помѣщена подъ № 36.

31. На мраморномъ пьедесталѣ, украшавшемъ, въ числѣ прочихъ, главный фонтанъ въ Керчи. Въ надписи этой, подавшей Бёку поводъ къ разнымъ ошибочнымъ выводамъ, ясно только то, что она вырѣзана 4 числа мѣсяца горпіеоса того же 489 года (=193 по Р. Х.), въ которомъ высѣчена и предшествующая. Изданная первоначально Стемпковскимъ (въ Одесскомъ Вѣстникѣ на 1829 годъ, № 59), у Бёка помѣщена она подъ № 2109, с., у Ашика — подъ № 35.

32. На известковомъ камнѣ, разбившемся на нѣсколько частей, найденномъ въ 1836 году, близь села Недвиговки, на Дону. Въ надписи этой, къ сожалѣнію не вполнѣ сохранившейся, можно разобрать слѣдующее: « . . . повоевавъ-же Сираковъ и Скиѳовъ, а съ Таврикою вступивъ въ договоръ, и сдѣлавъ свободнымъ море для плавающихъ изъ Понто-Виѳиніи, при полководцахъ гражданахъ . . . Зенонѣ

---

[47] Одно изъ высшихъ придворныхъ званій.

[48] Такъ, по-видимому, назывался особый начальникъ проживавшихъ въ Танаисѣ Эллиновъ, тогда-какъ главное управленіе городомъ ввѣрено было сановнику носившему титулъ «архонта»: это видно изъ слѣдующей надписи № 32.

сынѣ Дада . . . , и Юліѣ сынѣ Д . . . вомъ, и Юліѣ сынѣ . . одо . . . , бывшихъ прежде окольничими: я, Зенонъ. . сынъ . . . . , посланный отъ царя въ эмпорію, посвятилъ (сей памятникъ) Зевсу, Арею и Афродитѣ, при Борѣ Спокабовичѣ, архонтѣ Танаиса, и эллинархѣ Родонѣ Харитоновичѣ, въ (году) 490, (мѣсяца) дистра, перваго (числа)» [49]. Изданная первоначально академикомъ Грефе, въ собраніе Бёка надпись эта вошла подъ №: 2132, е., а у Ашика помѣщена подъ № 37.

33. На обломкѣ мраморнаго пьедестала, найденнаго въ 1840 году въ окрестностяхъ Керчи. Изъ этой надписи видно, что она получила существованіе въ 505 году п. э. Изданная первоначально г. Ашикомъ въ Одесскомъ Вѣстникѣ, въ книгѣ его о Воспорскомъ-Царствѣ помѣщена она подъ № 38, а у Бёка — подъ № 2114, с.с.

Въ помѣщенной ниже надписи № 34, имя царя Савромата упоминается съ прибавленіемъ эпитета «великій».

Послѣднія изъ монетъ Савромата, доселѣ извѣстныхъ, представляютъ, какъ сказано, 506 годъ п. э.; слѣдующія затѣмъ, съ означеніемъ 508 года п. э., носятъ уже имя царя Рискупорида, сына этого Савромата. Въ этомъ промежуточномъ 507 году, г. Сабатьѐ помѣщаетъ царствованіе открытаго имъ Евпатора II: на томъ основаніи, что въ Керчи пріобрѣлъ онъ мѣдную монету, на лицевой сторонѣ которой изображены двѣ головы одна противъ другой: царя и богини Астарты, а вокругъ ихъ надпись ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΕΥΠΑΤΟΡΟΣ, и что означенная монета, по характеру, чекану и работѣ, не можетъ быть, по мнѣнію его, отнесена къ Евпатору властовавшему въ 451—467 годахъ п. э. Основательнѣйшихъ доказательствъ въ пользу существованія Евпатора II и царствованія его въ 507 году п. э., г. Са-

[49] Передавая эту надпись, мы сочли нужнымъ значительно отступить отъ перевода г. Ашика, которому обыкновенно слѣдовали доселѣ, цитируя воспорскія надписи по-русски. Въ объясненія не входимъ: сравнивъ оба перевода съ подлинникомъ, знающіе по-гречески сами увидятъ въ чемъ дѣло.

батьѣ не представляетъ: почему, пока таковыхъ не явится, мы считаемъ за безопаснѣйшее не вводить этого Евпатора въ рядъ царей воспорскихъ.

XXXVIII. Тиверій-Юлій Рискупоридъ IV, сынъ Савромата — какъ извѣстно это изъ надписи, которая приведена ниже — наслѣдовалъ престолъ воспорскій, если не въ 506 или 507 году п. э. (=210 и 211 по Р. Х.), то уже навѣрное въ 508 (=212 по Р. Х.), ибо съ означеніемъ этого года имѣемъ монеты, на которыхъ читаемъ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ. Затѣмъ, съ тою же надписью, имѣемъ монеты означеннаго государя съ 509-517, 519-522 и 525 годами п. э. (=213-221, 223-226 и 229 по Р. Х.); изъ чего видно, что онъ властвовалъ не менѣе 17 лѣтъ. Мѣдныя-же монеты, приписываемыя Рискупориду IV, годовыхъ чиселъ п. э. не представляютъ. Ко времени правленія этого государя относится и слѣдующая надпись (№ 34) на мраморномъ пьедесталѣ, открытомъ въ Керчи въ 1845 году: «Въ добрый часъ! городъ Прусіанъ на Гиппіосѣ (въ Виѳиніи) почтилъ (этою статуею), происходящаго отъ царей, царя Тиверія-Юлія Рискупорида, сына великаго царя Савромата, друга кесаря и Римлянъ, благочестиваго, благодѣтеля своего — чрезъ пословъ своихъ (такихъ-то), въ (году) 520, мѣсяца діоса, перваго (числа)». У г. Ашика надпись эта находится подъ № 39.

Съ царствованія Рискупорида IV замѣчается, по нумизматическимъ памятникамъ, тоже явленіе въ исторіи Воспора о которомъ мы упоминали уже выше; именно: встрѣчаются монеты съ означеніемъ однихъ-и-тѣхъ же годовъ п. э., но съ именами государей разными, что̀ заставляетъ предполагать современныя царствованія двухъ государей въ разныхъ частяхъ Воспора. Такъ, съ 525 годомъ п. э. имѣемъ мы монеты еще съ именемъ Рискупорида, а съ 524 начинается уже рядъ монетъ съ именемъ Котиса: значитъ, не успѣлъ еще умереть Рискупоридъ, какъ въ той-или-другой части владѣній его, явился соперникомъ ему —

XXXIX. Котисъ, III-й этого имени въ ряду правителей воспорскихъ. Котису этому Кёлеръ, Міонэ, а за ними и г. Спасскій, приписываютъ монеты съ надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΚΟΤΥΟΣ и означеніемъ 524—527 годовъ п. э. (=228—331 по Р. Х.); монеты-же съ совершенно-одинаковою надписью, носящія означеніе 528—530 годовъ п. э. (=232—234 по Р. Х.), считаютъ принадлежащими другому государю тогоже имени, котораго называютъ Котисомъ IV: все это—на основаніи разницы въ работѣ, замѣчаемой, на ихъ взглядъ, между монетами двухъ періодовъ, и по тому еще, что на монетахъ 523—527 годовъ лицо царя изображается безъ бороды, а на монетахъ 528—530 годовъ—съ бородою. Что касается до послѣдняго обстоятельсгва, то объ немъ можно повторить тоже самое, что сказали мы говоря о монетахъ Т. Ю. Савромата I: борода могла отрасти со-временемъ. Относительно-же различія въ работѣ, г. Сабатье, нумизматъ весьма опытный, признается, что между монетами обоихъ періодовъ чувствительной разницы онъ не замѣтилъ. Поэтому, не видимъ и мы никакой надобности признавать отдѣльное существованіе Котиса IV, и всѣ монеты съ именемъ Котиса отъ 524 по 530 годъ п. э. приписываемъ, вмѣстѣ съ Сестини и другими нумизматами, одному Котису III, властвованіе котораго оказывается, такимъ-образомъ, продолжавшимся 7 лѣтъ.

Современно съ этимъ Котисомъ, властвовалъ на Воспорѣ и—

XL. Савроматъ, V-й этого имени, какъ обнаруживается изъ монетъ съ надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ и означеніемъ 526—529 годовъ п. э. (=230—233 по Р. Х.).

Затѣмъ, изъ монетъ съ 530 и 531 годами п. э. (=234 и 235 по Р. Х.) и надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ, выводимъ что преемникомъ Савромата V былъ—

XLI. Рискупоридъ V, властвованіе котораго продолжалось всего два означенные года; тогда-какъ въ другой части Воспора преемникомъ Котису III, монеты

котораго простираются до 530 года п. э. включительно, явился —

XLII. Ининѳимей, какъ заключаемъ по мѣднымъ и потиновымъ монетамъ съ означеніемъ 531, 532, 534 и 535 годовъ п. э. (= 235, 236, 238, 239 по Р. Х.) и надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΙΝΙΝΘΙΜΗΥΟΥ, или ΙΝΙΝΘΙΜΕΟΥ или ΙΝΙΝΘΙΜΕΟΣ. Позволительно предполагать, что государь этотъ, монеты котораго четырьмя годами заходятъ дальше за оставшіяся отъ Савромата V, соединилъ подъ рукою своею опять оба берега Воспора, тѣмъ-болѣе что слѣдующій за Ининѳимеемъ, по монетамъ —

XLIII. Рискупоридъ, VI-й этого имени, во все продолженіе своего владычества, царствовалъ надъ Воспоромъ нераздѣльно. Если-же Рискупоридъ VI есть одно и тоже лицо съ Рискупоридомъ V (между монетами, приписываемыми тому и другому, всего четыре года промежутка), то выдетъ, что не Ининѳимей соединилъ подъ властію своею весь Воспоръ, а сдѣлалъ это Рискупоридъ V. Такъ-или-иначе, приписываемыя Рискупориду VI потиновыя и мѣдныя монеты съ именемъ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ представляютъ рядъ годовъ п. э. съ 536 по 549 включительно (= 240 — 253 по Р. Х.): значитъ царствовалъ онъ въ-продолженіе 14 лѣтъ. За Рискупоридомъ на престолъ всего Воспора вступилъ —

XLIV. Фарвансъ, имя котораго долгое время читали ошибочно Арвансъ (Areanses) [50]. Потиновыя монеты, несомнѣнной достовѣрности, съ надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΦΑΡΕΑΝΣΟΥ носятъ обозначеніе 550, 551 и 554 годовъ п. э. (= 254, 255 и 258 по Р. Х). При государѣ этомъ, Царство-Воспорское, должно полагать, распалось опять, ибо на монетахъ съ 551 годомъ п. э. является, вмѣстѣ съ Фареансомъ, и —

[50] Подробности объ этомъ см. въ статьяхъ гг. Спасскаго и Кёне въ «Запискахъ» С.-Петербургскаго Археологическо-нумизматическаго Общества, т. I стр. 125 — 135

XLV. Рискупоридъ VII-й (или VI-й, если монеты съ 530, 531 и 536—549 приписывать одному Рискупориду V-му), который долженъ былъ снова овладѣть всѣмъ Воспоромъ и царствовать не менѣе 14 лѣтъ, ибо монеты съ надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ имѣются 551, 552 и 557—564 годовъ п. э. (=255, 256 и 261 -- 268 по Р. Х.), и съ годами этого періода не встрѣчается монетъ которыя-бы представляли имя другаго государя.

Могъ онъ властвовать и долѣе, ибо монетъ изъ періода съ 564 по 572 годъ п. э. доселѣ неизвѣстно. Съ означеніемъ же 572 года (=276 по Р. Х.) являются, вмѣстѣ, монеты какъ съ надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ, такъ и съ надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΤΕΙΡΑΝΟΥ.

XLVI. Савроматъ VI. О существованіи его знаемъ единственно изъ монетъ съ надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ и означеніемъ 572 года п. э.; но быть-можетъ царствованіе его захватывало и часть помянутаго монетнаго промежутка 565—571 годовъ п. э. Со времени этого Савромата имѣемъ исключительно однѣ мѣдныя монеты воспорскихъ государей.

XLVII. Тиверій-Юлій Тейранъ. Могъ быть и счастливымъ соперникомъ Савромата VI, вскорѣ его одолѣвшимъ, если только, по смерти Рискупорида VII, Царство-Воспорское распадалось опять между двумя искателями престола; могъ быть и непосредственнымъ преемникомъ Савромата, такъ-какъ кончина сего-послѣдняго могла произойти въ томъ же 572 году п. э., съ означеніемъ котораго только и имѣемъ мы монеты Савромата. Монеты съ надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΤΕΙΡΑΝΟΥ представляютъ четыре года п. э. сряду, съ 572 по 575 включительно (=276—279 отъ Р. Х.). Сверхъ-того, дошла до насъ изъ временъ этого царя слѣдующая замѣчательная и вполнѣ сохранившаяся надпись:

№ 35. На мраморномъ столбѣ, найденномъ въ Керчи въ 1843 году: «Въ добрый часъ! Въ царствованіе благочестиваго царя Тиверія-Юлія Тейрана, друга кесаря и Рим-

лянъ, и при жрецѣ Лихофонѣ Афродисіевичѣ, небеснымъ богамъ Зевсу-Сотиру и Юнонѣ-Сотирѣ, своимъ богамъ и заступникамъ, во славу и долголѣтіе царя Тейрана и царицы Эліи, соорудили (сей) памятникъ почетные граждане: помянутый Лихофонъ Афродисіевичь, бывшій предъ симъ лохагомъ [51]; Менестратъ Госемпліевичь, ближній государевъ и правитель Ѳеодосіи; Фанней Сакліевичь, хиліархъ [52] и правитель надъ Аспургами; Фаней Агаѳовичь, архиграмматевсъ [53]; Харитонъ Никифоровичь, лохагъ [54]; Филанъ Ѳеангеловичь, бывшій политархъ [55]; Лиманфида Менестратовичь, политархъ; Эротъ Радамантовичь, бывшій передъ симъ при письменныхъ (или — счетныхъ) дѣлахъ». Надпись эта у г. Ашика [56] помѣщена подъ № 40.

Непосредственнымъ преемникомъ Тейрана былъ —

XLVIII. Ѳофорсъ, монеты котораго, съ надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΟΘΟΡΣΟΥ имѣемъ отъ 575, 578 и 581—600 годовъ п. э. (=279, 282, 285—304 по Р. Х.): значитъ, вступивъ на престолъ въ 279 году, царствовалъ онъ около 25 лѣтъ, по 304 годъ по Р. Х. [57].

XLIX. Савроматъ, VII-й этого имени. О существованіи его свидѣтельствуютъ: съ-одной-стороны — двѣ мѣд-

---

[51] См. ниже.

[52] Тысячникъ.

[53] Главный дьякъ, правитель царской канцеляріи.

[54] Сотникъ — вѣроятно царской дружины.

[55] Градоначальникъ.

[56] Въ переводѣ этой надписи у г. Ашика всѣ званія воздвигшихъ памятникъ лицъ переведены ошибочно въ родительномъ падежѣ, вмѣсто именительнаго, и потому отнесены не къ тѣмъ лицамъ которымъ принадлежали, а къ отцамъ ихъ.

[57] У г. Ашика (В. Ц., т. III, таблица послѣдняя, рис. 10), изображена монета Керченскаго Музея съ означеніемъ 604 года п. э., на которой читаетъ онъ имя царя Ѳоѳорса, и потому царствованіе этого государя полагаетъ продолжавшимся 30 лѣтъ; г. Сабатье также принялъ это чтеніе. Быть можетъ на монетѣ этой и дѣйствительно находилось имя Ѳоѳорса; но въ томъ видѣ какъ она изображена на рисункѣ у г. Ашика, на ней ясно видна только буква О; поэтому я счелъ за лучшее молчать объ этой монетѣ, упоминая о нумизматическихъ памятникахъ Ѳоѳорсова правленія.

ныя монеты съ именемъ «Савроматъ» и означеніемъ 605 и 608 годовъ п. э. (=339 и 312 по Р. Х.), описанныя, впрочемъ, у одного Сестини (Classes generales, Florentiæ, p. 64), и то безъ указанія на собраніе въ которомъ находятся; съ-другой — слѣдующій, въ сокращеніи передаваемый, разсказъ Константина-Багрянороднаго относительно исторіи города Херсона: «Въ то время какъ Діоклитіанъ царствовалъ въ Римѣ, а стефанифоромъ и протевономъ у Херсонитянъ былъ Ѳемистъ Ѳемистовичь, Савроматъ воспорецъ, сынъ Крисконора (или Крискорона) [58], собравъ Сарматовъ обитающихъ при Меотійскомъ-Морѣ, пошелъ войною на Римлянъ, вторгнулся въ землю Лазовъ, и пробрался до рѣки Галиса. Узнавъ объ этомъ, Діоклитіанъ отправилъ противу Сарматовъ войско подъ начальствомъ трибуна Констанція. Констанцій, ставъ на Галисѣ, воспрепятствовалъ дальнѣйшему вторженію Сарматовъ; но, не имѣя самъ достаточ-

---

[58] Въ изданіи Бандури это мѣсто читалось такъ: πρωτεύοντος Θεμιστοῦ τοῦ Θεμιστοῦ Σαυρόματος, ὁ ἐκ τῶν Βοσποριανῶν Κρίσκων, Ὅρου δὲ παῖς — изъ чего выводили что Ѳемистъ былъ родомъ сарматъ, и что былъ нѣкто воспорскаго происхожденія по имени Крисконъ, сынъ Ора; въ-слѣдствіе чего Крискону этому и приписывали все что повѣствуется Багрянороднымъ о Савроматѣ. Эта путаница произошла отъ несообразнаго со смысломъ распредѣленія запятыхъ при неправильномъ грамматически согласованіи словъ, вмѣстѣ-съ-чѣмъ собственное имя принято за нарицательное, а потомъ другое собственное имя раздѣлено на-двое. Σαυρόματος, какъ именительный падежъ, никоимъ образомъ не можетъ быть почтено за appositio къ родительному Θεμιστοῦ: въ такомъ случаѣ было-бы Σαυρομάου; значитъ, запятая должна быть послѣ Θεμιστοῦ, а не послѣ Σαυρόματος. Далѣе, Σαυρόματος не есть нарицательное «сарматъ», а собственное «Савроматъ»: это видно изо всего дальнѣйшаго разсказа, въ которомъ встрѣчаются безпрестанно фразы въ родѣ: Σαυρομάτου πόλιν Βόσπορον, или γυναῖκες Σαυρομάτου и т. п.; народное-же имя «Сарматы» вездѣ въ томъ же разсказѣ пишется Σαρμάται, отнюдь не Σαυρομάται. Замѣчаніе г. Кёне («Изслѣд. объ ист. и древн. Херсона», стр. 104 и 109), что Σαυρόματος не должно быть принимаемо за собственное имя воспорскаго царя, потому-что имя это въ надписяхъ и на монетахъ пишется Sauromates, а не Sauromatos — не имѣетъ силы. Разница въ образовательномъ окончаніи ничего тутъ не значитъ: могли быть двѣ формы у этого имени, какъ и у множества другихъ именъ; въ

ныхъ силъ чтобы прогнать ихъ назадъ, придумалъ достигнуть этого возбудивъ ко вторженію въ собственныя ихъ земли Воспорцевъ и другихъ обитателей Азовскаго-Моря. Діоклитіанъ, одобривъ мысль Констанція, съ просьбою о приведеніи ея въ исполненіе обратился къ Херсонитянамъ. Херсонитяне, протевономъ у которыхъ былъ въ то время уже Христъ Папіевичь, согласились охотно на предложеніе Императора воевать землю Воспорцевъ и Сарматовъ, и посовѣтовавшись между собой какъ взять имъ Савроматовъ городъ Воспоръ и другіе города по Меотійскому-Морю, собрали по сосѣднимъ городамъ войско, исправились военными колесницами, подступили къ городу Воспорцевъ, и овладѣли имъ посредствомъ хитрости, заманивъ сихъ-послѣднихъ въ засаду. За взятіемъ Воспора послѣдовало столь же легкое завоеваніе и другихъ городовъ по Азовскому-Морю, причемъ полонено множество народа и жены Савроматовы. Затѣмъ, при посредствѣ херсонскихъ пословъ, между Савроматомъ и Римлянами заключенъ былъ миръ: Савроматъ очистилъ землю Лазовъ, а Херсонитяне возвратили ему Воспоръ и городà по Меотійскому-Морю,

---

противномъ случаѣ, на основаніи того что имя ѳракійскаго царя Римиталка у Діона-Кассія пишется ΡΥΜΗΤΑΛΚΗΣ, а на монетахъ — ΡΟΙΜΗΤΑΛΚΑΣ въ одной изъ этихъ формъ оно уже не будетъ собственнымъ именемъ; наконецъ, тоже имя Σαυρόματος нерѣдко встрѣчается у Багрянороднаго и съ окончаніемъ ας, въ формѣ Σαυρόματας. Если-же Σαυρόματος въ разсматриваемомъ мѣстѣ имѣетъ значеніе собственнаго имени, то вмѣсто Κρίσχων, Ὄρου смыслъ требуетъ читать слитно — Κρισχωνόρου. Слитность этихъ двухъ словъ можетъ подтверждаться и тѣмъ, что далѣе о потомкѣ этого Савромата, тоже Савроматѣ, говорится, ὁ ἔγγονος Σαυρομάτου τοῦ Κρισχορόνου. Крисконоромъ-ли назывался отецъ Савромата, или Крискорономъ — все равно: сила въ томъ, что имя это, во второмъ мѣстѣ, даже и у Бандури напечатано слитно. По всѣмъ этимъ основаніямъ, у Э. Беккера, въ новѣйшемъ изданіи Константина-Порфирогенета (Bonnæ, 1840, II, 244), разсматриваемое мѣсто читается уже, какъ слѣдуетъ грамматически и логически: πρωτεύοντος Θεμιστοῦ τοῦ Θυμιστοῦ, Σαυρόματος ὁ ἐχ τῶν Βοσποριανῶν, Κρισχωνόρου δὲ παῖς.

получивъ отъ Императора въ вознагражденіе за оказанную ему помощь право освобожденія отъ уплаты податей. «Вскорѣ послѣ этого — заключаетъ Багрянородный — Констанцій, по удаленіи Діоклитіана въ Никомидію, вступилъ на императорскій престолъ». (De administrando imperio, гл. LIII, Беккерова изданія т. II, стр. 244 — 250).

Изъ этого разсказа, если даже принять за несомнѣнное что онъ представляетъ событія какъ они были дѣйствительно, не перемѣшивая ни именъ, ни лицъ, все-таки нисколько не ясно—какъ находитъ г. Ашикъ—что Савроматъ VII царствовалъ вмѣстѣ съ Ѳоѳорсомъ, и что послѣдній управлялъ азіятскою частью Воспора, а первый европейскою (В. Ц. стр. 112). Скорѣе можно заключить, что Савроматъ былъ единственнымъ владѣльцемъ береговъ Воспора. Но мы полагаемъ, хотя-бы разсказъ Багрянороднаго имѣлъ основаніемъ и дѣйствительныя событія случившіяся на Воспорѣ, что подробности относительно времени этихъ событій и лицъ въ нихъ участвовавшихъ, перепутаны у него въ значительной степени. То заставляетъ онъ Констанція возбуждать противу Савромата Воспорцевъ, то противу самихъ Воспорцевъ заставляетъ воевать Херсонитянъ; а главное — Констанцій, сколько извѣстно изъ другихъ источниковъ, никогда, ни во время своего кесарства, ни во время императорства, не воевалъ въ Азіи. Посему, покуда этотъ разсказъ не будетъ надлежащимъ образомъ разобранъ и очищенъ критикою, мы считаемъ излишнимъ выводить изъ него какія-либо заключенія относительно исторіи Воспора.

Современно съ Савроматомъ VII, долженъ былъ царствовать въ теченіе нѣсколькихъ годовъ, по свидѣтельству монетъ, и государь по имени —

L. Радамсадъ или Радампсадъ [59], ибо непре-

[59] Стемпковскій и Кёлеръ, въ одно время открывшіе монеты этого государя, читали имя его: первый — *Радамеадъ* (Rhadaméadis) послѣдній — *Радамсъ* (Rhadamséé). Въ надписи, о которой упоминается ниже, подъ № 37,



рывный рядъ монетъ его съ годовыми числами, оканчивающійся 617 годомъ, начинается съ 605 п. э. (= 309—321 по Р. Х.). Другимъ памятникомъ существованія на Воспорѣ государя этого имени служитъ остатокъ надписи (№ 36) на обломкѣ мраморнаго пьедестала, найденнаго въ 1829 году въ Керчи, при сломкѣ старой турецкой крѣпости. Надпись эта, въ которой упоминается имя «царя Радамсада», въ собраніи Бёка помѣщена подъ № 2108, а у г. Ашика — подъ № 41. Есть вѣроятность, что властвовалъ онъ въ другой части Воспора нежели Савроматъ, ибо преемникомъ сего послѣдняго скорѣе могъ быть —

LI. Рискупоридъ, VIII-й этого имени, монеты котораго, съ надписью ΒΑΣΙΛΕΥΣ (или ΒΑΣΙΛΕΩΣ) ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, начинаются около того времени какъ прекращаются Савроматовы, именно съ 610 года п. э. (= 314 по Р. Х.); съ этого года непрерывный рядъ ихъ идетъ по 626 (= 330 по Р. Х), послѣ чего имѣются еще монеты его съ означеніемъ 628, 629 и 631 годовъ п. э. (= 332, 333 и 335 по Р. Х.): значитъ, Рискупоридъ VIII царствовалъ не менѣе 22 лѣтъ. По остатку отъ надписи (№ 37) на кускѣ мрамора, найденнаго въ Керчи въ 1823 году — надписи, въ которой встрѣчаются вмѣстѣ имена Радампсада и Рискупорида — можно заключать, что нѣсколько времени государи эти властвовали даже совмѣстно, если только это соединеніе именъ не имѣетъ основаніемъ какого-либо другаго обстоятельства.

Монетами Рискупорида VIII съ 631 годомъ п. э. оканчивается рядъ извѣстныхъ доселѣ монетъ воспорскихъ, а вмѣстѣ съ ними — исчезаетъ и послѣдній лучь свѣта озарявшій историческій мракъ покрывающій судьбы Воспор-

---

остатокъ окъ отъ имени этого государя представляетъ буквы ΡΑΔΑΜΨ изъ можно заключать что онъ назывался также (и это едва-ли не самая правильная орѳографія) *Радампсадъ*. Г. Сабатье, сличивши надписи на хорошихъ экземплярахъ монетъ этого государя, пришелъ въ заключенію что настоящее имя его было *Rhadamsadis*. См. «Керчь и Воспоръ», стр. 83—84.

скаго-Царства; ибо сказанія Константина-Багрянороднаго о позднѣйшихъ событіяхъ въ этомъ краю, встрѣчаемыя въ его исторіи города Херсона, отзываются такою же неточностію и недостовѣрностью, какъ и вышеприведенный разсказъ о войнѣ Савромата VII. Впрочемъ, вотъ вкратцѣ, что находимъ у него объ этихъ событіяхъ:

«Черезъ нѣсколько времени послѣ разсказанныхъ происшествій на Воспорѣ при Савроматѣ Крисконоровичѣ, другой Савроматъ, внукъ этого Савромата Крисконоровича, желая отмстить за оскорбленіе нанесенное своему дѣду, поднялся на Херсонитянъ войною, собравъ рать изъ окрестностей Меотійскаго-Моря. Прознавъ объ этомъ, Херсонитяне, подъ начальствомъ протевона своего Биска Суполиховича, сами выступили на встрѣчу къ нему: оба войска сошлись при урочищѣ Кафа, Савроматъ былъ разбитъ и принужденъ отъ Херсонитянъ признать это урочище границею обоюдныхъ владѣній, которую обязался клятвенно не переступать впредь съ оружіемъ въ рукахъ» (De Adm. Imp., гл. 53, Беккерова изданія стр. 252—253). Если вѣрить этому сказанію, то Савромата, современника Биска Суполиховича, должно считать Савроматомъ VIII-мъ.

Далѣе читаемъ: «Прошло еще нѣсколько времени, и другой Савроматъ (стало-быть уже IX-й этого имени), собравши войско тоже на Меотидѣ, также двинулся войною на Херсонитянъ. Эти-послѣдніе, протевономъ у которыхъ былъ въ то время Фарнакъ Фарнаковичь, не замедлили выступить на встрѣчу, и обѣ стороны опять сошлись при Кафѣ. Фарнакъ Фарнаковичь, не желая кровопролитія, вызвалъ Савромата на единоборство, съ-тѣмъ-чтобы побѣдителю достались владѣнія побѣжденнаго; Савроматъ согласился, и при употребленной Фарнакомъ хитрости былъ имъ убитъ. Обитатели при-меотидскіе находившіеся въ войскѣ Савроматовомъ были, по договору, отпущены домой съ миромъ, Воспорцы-же взяты въ плѣнъ, область ихъ подчинена Херсонитянамъ, и граница между воспорскими и хер-

сонскими землями проведена на будущее время черезъ урочище Киберникъ, такъ-что всего пространства на полуостровѣ оставлено за первыми лишь около сорока миль: «которая граница существуетъ и доселѣ»—замѣчаетъ Багрянородный. Затѣмъ, удержавъ у себя, для полевыхъ работъ, немногихъ изъ плѣнниковъ, остальнымъ Воспорцамъ Фарнакъ возвратилъ свободу, за чтó, по возвращеніи на Воспоръ, и поставили они тамъ статую въ честь его [60]. «Съ этого времени—заключаетъ Багрянородный—царство Савроматовъ на Воспорѣ прекратилось» (ibid., стр. 253—255).

Затѣмъ, говоря о стефанифорѣ и протевонѣ Херсона по имени Ламахѣ, Багрянородный упоминаетъ, что на Воспорѣ царствовалъ тогда государь по имени Асандръ, сынъ котораго вступилъ въ бракъ съ дочерью этого Ламаха, и потомъ погибъ въ Херсонѣ, замышляя предать этотъ городъ въ руки Воспорцевъ [61] (l. c., стр. 256—266).

Извѣстій о царяхъ воспорскихъ позднѣйшаго времени не находимъ ни у какого изъ византійскихъ писателей; у Прокопія, Ѳеофана, Кедрина, Менандра, Никифора, встрѣчается только имя города Воспора, который, до совершеннаго разрушенія своего, равно-какъ и Фанагорія, находился подъ верховною властію Византійскихъ Императоровъ.

Такимъ образомъ, изъ двадцати-семи государей и государынь, по счету нашему, властвовавшихъ на Воспорѣ со времени Р. Х. до Рискупорида VIII включительно, откры-

---

[60] На чемъ основано утвержденіе Ашика, что всѣ эти событія имѣли мѣсто въ 330 году по Р. Х. — намъ неизвѣстно. Не знаемъ, также, почему и г. Спасскій предѣлами царствованія Савромата VIII (то есть IX-го) обозначилъ 334—344 годы по Р. Х.

[61] И въ передачѣ этого разсказа дозволилъ себѣ г. Спасскій (В. К. стр. 108) ни на чемъ не основанныя утвержденія: что Асандръ возведенъ былъ на престолъ Воспора Сарматами, и что сынъ его, женатый на дочери Ламаха, тоже назывался Асандромъ, когда ни на то, ни на другое, нѣтъ у Багрянороднаго даже и намека.

тіемъ существованія девятнадцати (именно: Савромата I, Рискупорида II, Рискупорида III, Савромата II, Савромата IV, Рискупорида IV, Котиса III, Савромата V, Рискупорида V, Ининѳимея, Рискупорида VI, Фареанса, Рискупорида VII, Савромата VI, Тейрана, Ѳоѳорса, Радамсада, Рискупорида VIII и царицы Гипепиры) обязаны мы единственно монетамъ; сверхъ-того, монеты опредѣлили преемство и продолжительность царствованія, какъ многихъ изъ этихъ девятнадцати, такъ и нѣкоторыхъ изъ остальныхъ семи (именно: Котиса I, Савромата III, Котиса II, Римиталка и Евпатора), о которыхъ у греческихъ и римскихъ писателей встрѣчается всего по двѣ, по три строки. Нѣсколько данныхъ также представляютъ монеты для опредѣленія какъ отношеній царей этихъ къ римскимъ императорамъ, такъ и другихъ обстоятельствъ. Надписи сообщили доселѣ не болѣе одного царскаго имени которое не было извѣстно изъ монетъ (Рискупорида I); но зато, подтвердивъ факты сообщенные нумизматическими памятниками, открыли онѣ титулы, прозвища и родственныя связи нѣкоторыхъ царей, и доставили значительный запасъ свѣдѣній относительно внутренняго устройства и внутренней жизни царства.

Вотъ нѣкоторые изъ выводовъ касательно исторіи царей воспорскихъ со временъ Р. Х., которые можно сдѣлать преимущественно на основаніи данныхъ заключающихся въ обоего рода памятникахъ:

а. До послѣднихъ годовъ владычества Рискупорида IV, нѣтъ причинъ предполагать чтобы цѣлость Царства-Воспорскаго нарушалась раздѣленіемъ его на два независимыя одно-отъ-другаго владѣнія, съ особымъ царемъ каждое; со второй-же четверти III вѣка, такое распаденіе по-видимому имѣло мѣсто весьма часто, даже сдѣлалось какъ-бы нормальнымъ положеніемъ, такъ-что только немногіе государи успѣвали соединять подъ рукою своею оба берега Воспора. Выводъ этотъ, извлекаемый, какъ сказано выше, преимущественно изъ существованія монетъ съ одними-и-тѣми же

годами понтійской эры, а именами государей разными, можетъ, потому, оказаться совершенно или отчасти ложнымъ, если означенное обстоятельство объяснится иначе, болѣе удовлетворительнымъ образомъ.

b. До помянутаго распаденія, а быть можетъ даже и послѣ, предѣлы Царства-Воспорскаго, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи, оставались бо̀льшею-частію тѣже, что и до Р. X. Надпись № 23 свидѣтельствуетъ, что Котисъ I (въ 46—69 годахъ) властвовалъ надъ Ахейцами; Котису II (въ 130—132 годахъ), по свидѣтельству Багрянороднаго, въ числѣ другихъ городовъ, отданъ былъ Римлянами и Херсонесъ; изъ надписей подъ № 30 и 32, видимъ, что Савромату IV (въ 175—210 годахъ) крѣпокъ былъ далекій Танаисъ; а надпись № 35 можетъ служить доказательствомъ, что и послѣ эпохи распаденія, при Тейранѣ (въ 278—279 годахъ), власть государя этого простиралась, съ одной стороны—на Ѳеодосію, съ другой—на Аспурговъ. Готѳы и другіе «скиѳскіе» народы, съ половины III столѣтія сдѣлавшіеся столь опасными для Римской Имперіи, по безпрестаннымъ вторженіямъ въ ея предѣлы, воспорскимъ городамъ особеннаго вреда по-видимому не причиняли, имѣя нужду (свидѣтельство о томъ приведено будетъ ниже) въ помощи ихъ флота для набѣговъ своихъ на азіятскіе берега Черноморья. Что же касается до другихъ «варваровъ», обитавшихъ по границамъ и въ предѣлахъ царства, то отношенія этихъ варваровъ къ владыкамъ Воспора не могли быть постоянно-одинаковыя, а должны были измѣняться смотря по силѣ или безсилію сихъ-послѣднихъ, по ихъ государственнымъ способностямъ, по ихъ щедрости на подарки, и по родственнымъ связямъ съ князьками варваровъ. Во время внутреннихъ междоусобій, одинъ изъ варварскихъ народцевъ, какъ видимъ это въ войнѣ Митридата III съ Котисомъ I, могли принимать сторону одного, другіе—сторону другаго изъ соперниковъ, заставляя, вѣроятно, платиться за то обоихъ. При государяхъ-же прочно сидѣвшихъ на престолѣ,

тѣ же самые народцы изъ союзниковъ и враговъ обращались на-время въ подданныхъ, принимали къ себѣ правителей отъ нихъ и, быть-можетъ, временно, до первой возможности избавиться отъ такой зависимости, уплачивали даже какую-либо дань.

c. Титулъ всѣ владѣльцы Воспорскіе, по свидѣтельству монетъ, носили царскій — *василевса*. Изъ надписей-же видимъ, что нѣкоторые (Римиталкъ, Евпаторъ, Савроматъ IV) прибавляли къ этому титулу эпитетъ «великій»; Савроматъ-же I (въ надписи № 19) называется даже «великимъ царемъ царей всего Воспора». Что должно думать о послѣднемъ титулѣ, мы уже сказали выше (стр. 367—368). «Архонтами» въ разсмотрѣнномъ періодѣ цари воспорскіе не именуются уже ни на одномъ дошедшемъ до насъ памятникѣ. Подвластными городами и народами управляли они чрезъ посредство особыхъ уполномоченныхъ (какъ видимъ это изъ надписей подъ № 30 и 32), независимо отъ бывшихъ тамъ мѣстныхъ властей. Наконецъ, вмѣстѣ съ царскимъ достоинствомъ, нѣкоторые государи (Котисъ I, Савроматъ III) соединяли и званіе первосвященника (обоготворенныхъ) Августовъ.

d. Съ римскими императорами, цари воспорскіе, до самаго послѣдняго изъ нихъ, извѣстнаго по монетамъ Рискупорида VIII, находились въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ вполнѣ признавая надъ собою верховную власть ихъ и право распоряжаться по произволу воспорскимъ престоломъ. Послѣднее видимъ мы изъ примѣра Римиталка и словъ Арріана и Константина-Багрянороднаго о предмѣстникѣ его Котисѣ II [62]; первое-же свидѣтельствуется несомнѣнно, между прочимъ, какъ эпитетомъ «друга кесаря и

---

[62] Узнавъ — пишетъ Арріанъ — что Котисъ, царь Воспора-Киммерійскаго умеръ, постарался я описать для тебя плаваніе до самаго Воспора, на тотъ конецъ, чтобы, если желаешь имѣть какія свѣдѣнія относительно этой страны, могъ получить ихъ, ознакомившись съ моимъ плаваніемъ» (Periplus Ponti Euxini, гл. VII).



Римлянъ», который придается царямъ Воспора во всѣхъ дошедшихъ до насъ надписяхъ съ ихъ именами, такъ постояннымъ изображеніемъ современныхъ императоровъ на воспорскихъ монетахъ, и изображенными на монетахъ этихъ «почетными знаками», которые Римляне давали только тѣмъ изъ подчиненныхъ и союзныхъ имъ царей, къ которымъ были наиболѣе благосклонны [63]; знаки эти: вѣнецъ царскій, жезлъ, курульное кресло, щитъ, копье — видимъ мы изображенными, съ надписью. ТЕІМАІ или безъ оной, на монетахъ Савромата I, Рискупорида II, Котиса I, Рискупорида III, Савромата III, Котиса II, Римиталка и Савромата IV. Изъ словъ Лукіана объ Евпаторѣ видимъ, что государь этотъ платилъ Римлянамъ ежегодную дань: дѣлали-ли тоже всѣ другіе или хотя нѣкоторые государи воспорскіе, заключить изъ этого примѣра трудно: Евпаторъ, получивъ престолъ помимо прямаго наслѣдника, сына Римиталкова, царствовавшаго потомъ подъ именемъ Савромата IV, могъ находиться въ исключительномъ положеніи и получить царство подъ такимъ условіемъ, которымъ законные наслѣдственнные властители Воспора не обязывались. Напротивъ, изъ словъ историка Зосимы можно заключить скорѣе, что, подъ видомъ подарковъ, сами Римляне съ извѣстнаго времени платили царямъ воспорскимъ ежегодную дань. Вотъ что говоритъ Зосима (кн. I, гл. 31), описывая событія царствованія императора Валеріана: «Бораны, Готѳы, Карпы, Уругунды (такъ зовутся народы обитающіе по Дунаю) постоянно опустошали Италію и Иллирію, расхищая все безъ всякаго сопротивленія, Бораны-же старались даже проникнуть и въ Азію, что̀ и удалось имъ при помощи обитателей Воспора, которые, болѣе изъ страха чѣмъ по доброй волѣ, дали имъ для этого суда̀ и даже служили проводниками. Ибо пока были у нихъ (Воспорцевъ) цари дости-

---

[63] Относящіяся къ этому предмету мѣста̀ древнихъ писателей см. у Кёлера: Serapis. I, 195—198.

гавшіе власти по праву наслѣдства, цари эти, изъ пріязни къ Римлянамъ и торговыхъ выгодъ, частію-же *ради подарковъ, которые ежегодно посылали имъ императоры*, препятствовали Скиѳамъ пробираться въ Азію; когда-же царскій родъ прекратился, и владычество перешло въ руки людей недостойныхъ и презрѣнныхъ, эти, боясь за себя, допустили Скиѳовъ пробраться въ Азію черезъ Воспоръ, даже перевезли ихъ на своихъ судахъ». Это было въ 255 году по Р. Х., стало-быть въ царствованіе Фареанса и Рискупорида VII. О несостоятельности предположенія, основаннаго на опискѣ у Капитолина (Curator, вмѣсто Eupator), будто Воспоръ при Римиталкѣ былъ уже римскою провинціею, предположенія не вяжущагося ни съ чѣмъ предыдущимъ и послѣдующимъ въ исторіи Воспора, нечего и говорить: изъ словъ Секста-Руфа о Траянѣ: Iberos, Bosporanos, Colchos in fidem Romanæ ditionis accepit» (гл. 20), можно было-бы выводить, напротивъ, что передъ Траяномъ, Воспоръ, хотя на время, свергалъ съ себя иго Римлянъ. Если такъ было дѣйствительно, то отложеніе это не находилось-ли въ связи съ дѣйствіями Декебала при Домиціанѣ, и не объясняетъ-ли это какимъ либо образомъ монетный промежутокъ осьми лѣтъ между послѣдними монетами Тиверія-Юлія Рискупорида III и первыми Савромата II, промежутокъ совпадающій съ неудачною войною Римлянъ противу Квадовъ и Языговъ?

е. Относительно генеалогической связи между государями Воспора, изъ надписей узнаёмъ только, что Т. Ю. Савроматъ, почитаемый обыкновенно за основателя новой на Воспорѣ сарматской или аспургійской династіи, имѣлъ отцемъ царя Рискупорида, а Римиталкъ былъ отцемъ Савромата IV и дѣдомъ Тиверія-Юлія Рискупорида IV, сына этого Савромата. По свидѣтельству Зосимы, приведенному выше, царское достоинство на Воспорѣ долго переходило по наслѣдству отъ отца къ сыну. Выше-же, однофамильность царствовавшихъ на Воспорѣ царей выводили мы так-

же изъ того, что многіе изъ нихъ принимали прозваніе Тиверія-Юлія. Но, положимъ что царскій родъ, о которомъ говоритъ Зосима, не прекращался на Воспорѣ въ-продолженіе двухъ первыхъ вѣковъ христіанской эры; допустимъ даже, что и послѣ того таже династія восходила на престолъ Воспора въ лицѣ нѣкоторыхъ государей, на-примѣръ Тейрана и позднѣйшихъ Савроматовъ и Рискупоридовъ: все-таки, тѣмъ-не-менѣе, нельзя принять, чтобы и въ два первыя столѣтія властвовалъ надъ Воспоромъ одинъ царскій родъ. Полемонъ II былъ зенонидъ, а Митридатъ III—ахеменидъ. Предположить развѣ, что они были въ родствѣ съ Рискупоридами, Совраматами и Котисами—по женской линіи?

Оканчивая симъ настоящій трудъ, мы должны еще, въ-заключеніе, перечислить тѣ нумизматическія сочиненія въ которыхъ описаны или только упомянуты монеты служащія источникомъ для исторіи Воспора со временъ Митридата-Евпатора. Вотъ списокъ этимъ сочиненіямъ, заимствуемый изъ книги г. Сабатьѐ (полнѣйшаго въ настоящее время указателя хронологическихъ данныхъ, сообщаемыхъ нумизматическими памятниками Воспорскаго-Царства) и дополненный включеніемъ нѣкоторыхъ изъ важнѣйшихъ трудовъ по этой части, имъ не приводимыхъ:

Vaillant: Achaemenidarum imperium seu regnum Ponti, Bosphori et Bythiniæ historia. Parisiis. 1728.

Liebe: Gotha numaria. Amstelodami. 1730.

Cary: Histoire des rois de Thrace et de ceux du Bosphore Cimmérien, éclaircie par les médailles. Paris. 1752.

Eckhel: Doctrina numorum veterum. Vindobonæ. 1752.

Froelich: Regum veterum numismata anecdota. Vindobonæ. 1752.

Haym: Thesaurus Britannicus. Vindobonæ. 1705.

Guthrie: A tour through the Taurida. London. 1802.

Waxel: Recueil de quelques antiquités trouvées sur les bords de la mer Noire. Berlin. 1803.

Sestini: Lettere e dissertazione numismatiche. Livorno et Berlino, 1789 — 1806.

Его же: Classes generales, seu monetae urbium, populorum et regum, ordine geographico et chronologico dispositæ. Lipsiæ, 1797; второе изданіе — Florentiæ, 1821.

Его же: Descrizione delle medaglie antiche greche del Museo Hedervariano. Firenze, 1828—1830.

Его же: Descrizione d'alcune medaglie greche del Museo B. di Chaudoir. Firenze, 1831.

Chaudoir: Corrections et additions à l'ouvrage du chevalier D. Sestini, intitulé Descrizione d'alcune medaglie greche del Museo B. di Chaudoir, imprimé à Florence, 1831. Paris, 1835.

Mionnet: Description des médailles antiques, grecques et romaines. Paris, 1806—1813; и Дополненія, выходившія въ 1819—1829 годахъ.

Visconti: Iconographie grecque et romaine. Paris, 1811.

Raoul-Roschette: Antiquités grecques du Bosphore Cimmérien. Paris, 1822.

Köhler: Serapis, oder Abhandlungen betreffend das griechische und römische Alterthum. S.-Petersburg, 1822. Новое изданіе — тамъ же, 1850.

Köppen: Alterthümer am Nordgestade des Pontus. Wien, 1832. Русскій переводъ — въ Москвѣ, 1828.

Его же: Nachhall vom Nordgestade des Pontus. Wien, 1823.

Stempkovsky: Notice sur les médailles de Rhadaméadis. Paris, 1822.

Его же: Médaille de Mithridate III roi du Bosphore et de la reine Gépaepyris. 1827.

Dumersan: Description du Cabinet de médailles de Mr. Allier de Hauteroche. Paris, 1829.

Lenormant: Trésor de numismatique et de glyptique. Paris, 1836.

Rauch: Catalogue de la collection Heideken. Berlin, 1845.

Catalogue of the second portion greck, roman and foreign mediaeval coins and medals of the late Thomas Thomas, esq. London, 1844.

Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Одесса, 1842.

Спасскаго: Босфоръ-Киммерійскій. Москва, 1846.

Ашика: Воспорское-Царство. Одесса, 1848—1850.

Сабатье: Керчь и Воспоръ. Спб. 1851.

Послѣднее сочиненіе, въ исторической части своей крайне-слабое, въ нумизматическомъ отношеніи, напротивъ, весьма важно, знакомя впервые съ существованіемъ большаго числа воспорскихъ монетъ съ годами понтійской эры, изъ собраній Императорскаго Эрмитажа, Керченскаго-Музея, покойнаго Князя В. В. Кочубея, Графа А. С. Уварова и самого г. Сабатье. Suum cuique.

ЕВРЕЙСКІЯ РЕЛИГІОЗНЫЯ СЕКТЫ ВЪ РОССІИ *.

Религія, данная Моисеемъ Народу Еврейскому, не сохранилась между послѣдователями ея въ первоначальномъ своемъ видѣ, въ той чистотѣ и простотѣ, въ какой заключается и представляется намъ въ богодухновенныхъ книгахъ великаго Пророка и Законодателя: съ теченіемъ времени, она подверглась объясненіямъ, дополненіямъ, распространеніямъ, а наконецъ, въ-слѣдствіе примѣси чуждыхъ началъ — измѣненіямъ и искаженіямъ, которыя массу нѣкогда избраннаго народа раздѣлили на многія, болѣе-или-менѣе удаляющіяся отъ первобытной чистоты ученія, исповѣданія и расколы. Явленіе это обще всѣмъ религіямъ, и если высокую занимательность представляетъ изученіе причинъ его, хода и послѣдствій у всѣхъ народовъ и во всѣхъ случаяхъ, гдѣ оно обнаруживалось — какъ по отношенію его къ феноменологіи духа человѣческаго вообще, такъ и по вліянію на гражданскую жизнь обществъ — то у Народа Еврейскаго тѣмъ-болѣе: религіозный элементъ нигдѣ, какъ извѣстно, не проникалъ общественной и частной жизни и не обусловливалъ явленій ея въ такой мѣрѣ, какъ у этого народа, созданнаго и существующаго доселѣ единственно силою своихъ религіозныхъ вѣрованій и установленій.

Для насъ, Русскихъ, знакомство съ этимъ предметомъ

* Статья эта появилась впервые въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ за 1846 годъ. *Изд.*

имѣетъ еще, кромѣ того, можно сказать, интересъ мѣстный; ибо съ-тѣхъ-поръ какъ, утративъ отечество и самостоятельное существованіе государственное, Евреи разбрелись и разсѣялись по всему лицу земли, нигдѣ и никогда не скучивалось ихъ въ одной странѣ столько, какъ въ возсоединенныхъ потомъ отчасти съ Россіею областяхъ бывшаго Королевства Польскаго. Здѣсь образовалось какъ-бы новое Царство Израильское: въ Польшѣ собственно, въ Литвѣ, въ Бѣлорусіи и Червонной-Россіи, въ Подоліи и на Украйнѣ, обитала и обитаетъ доселѣ, если не болѣе, такъ навѣрное цѣлая треть еврейскаго народонаселенія на земномъ шарѣ; да и въ тѣхъ изъ этихъ областей которыя входятъ нынѣ въ составъ одной Россіи, съ присоединеніемъ къ нимъ Малоросіи, Новоросіи и Бессарабіи, достается на нашу долю все еще почти цѣлый милліонъ этого племени, или четвертая доля общаго количества его во всѣхъ пяти частяхъ свѣта. Многочисленность эта и скученіе съ одной стороны, а съ другой покровительство, какимъ пользовались тутъ Евреи подъ польскимъ владычествомъ, и выгоды какими пользуются они до настоящаго времени, были причинами, что жидовство утвердилось здѣсь крѣпче и развилось полнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другихъ странахъ, со времени такъ называемаго «разсѣянія Народа Еврейскаго»; оттого, естественно, и религіозныя секты, образовавшіяся въ его нѣдрахъ, ни въ какомъ другомъ краю міра не представляются въ такомъ разнообразіи и полнотѣ выраженія, какъ въ помянутыхъ возвращенныхъ отъ Польши земляхъ, откуда пустили онѣ вѣтви и въ другія русскія губерніи, гдѣ дозволено Евреямъ жительство. Немного, поэтому, теряютъ читатели наши, въ-отношеніи къ общности предмета, когда, вмѣсто того чтобы говорить обо всѣхъ еврейскихъ религіозныхъ сектахъ, мы ограничиваемся въ предлагаемомъ трудѣ только свѣдѣніями о тѣхъ изъ нихъ которыя существуютъ между Евреями обитающими въ Россіи. Свѣдѣнія эти заимствованы нами у Беэра, Кьярини,

Франка, Іоста, Капфига, Депинга, Майера [1] и другихъ новѣйшихъ и извѣстныхъ писателей о предметѣ, какъ изъ Евреевъ, такъ и изъ Христіянъ.

Въ теченіе тысячелѣтняго существованія Народа Еврейскаго, отъ кончины Моисея до Плѣненія Вавилонскаго и возвращенія изъ плѣна, мы не находимъ въ этомъ народѣ никакихъ слѣдовъ существованія сектаторства, которое-бы имѣло источникомъ разномысліе въ пониманіи или исполненіи какихъ-либо частей даннаго Богомъ Моисею Закона. Находились, правда, во Израилѣ, какъ видно это изъ нѣкоторыхъ мѣстъ Давида (пс. x, 14) и Іезекіиля (viii, 12), люди, которые или вовсе отвергали существованіе Божіе, или отрицали только вліяніе Промысла на дѣла человѣческія: но это были люди отдѣльные, которые не образовывали формальныхъ сектъ; это были мнѣнія личныя, не развивавшіяся въ школы. Да еслибы допустить, что и это имѣло мѣсто, то все-таки секты этѣ, равно-какъ и тѣ отдѣлы Еврейскаго Народа которые впадали въ идолопоклонство, никакъ нельзя было-бы назвать «сектами моисейскими»; ибо члены ихъ, отвергая основныя положенія Закона Моисеева, отпадали черезъ то отъ него вполнѣ, и существовали совершенно внѣ его. Секты эти — атеистистическія, деистическія, политеистическія — могли быть сектами еврейскими только въ этнографическомъ смыслѣ; но никакъ уже не могутъ быть названы такъ, если слово

---

[1] *P. Beer:* Geschichte, Lehren und Meinungen aller bestandenen und noch bestehenden religiösen Sekten der Juden. Brünn, 1822. *I. M. Iost:* Algemeine Geschichte des Israelitischen Volkes. Berlin, 1832. *L. A. Chiarini:* Theorie du Iudaisme. Paris, 1830. *A. Franck:* La Kabbale ou la philosophie religieuse des Hebreux. Paris, 1843. *Capefigue:* Histoire philosophique des Juifs. Paris, 1833. *G. B. Depping:* Les Juifs dans le Moyen-Age. Paris, 1845. *Bonaventura Mayer:* Die Juden unserer Zeit. Regensburg, 1842.

«еврей» принимать за синонимъ «послѣдователя Закона Моисеева».

Первые слѣды разъединенія собственно въ лонѣ Моисейства встрѣчаемъ только по возвращеніи уже избраннаго народа изъ Плѣна Вавилонскаго. Бѣдствіе это, кото[рому] онъ подвергся въ наказаніе за отступленіе свое отъ завѣта съ Богомъ, за постоянное и долговременное нарушеніе Его заповѣдей, заставило тѣхъ мужей, которые предводительствовали возвращающимися въ отечество выходцами, и облечены были отъ Персидскаго Правительства властію для введенія въ юной колоніи гражданскаго и религіознаго порядка, обратить все вниманіе на предохраненіе впредь народа отъ преступленія, за которымъ-бы могла послѣдовать вторично такая же кара. Съ этою цѣлію, такъ-называвшаяся Великая-Синагога разсудила за благо ограничить произволъ его во многихъ такихъ случаяхъ гдѣ Законъ давалъ ему просторъ. Ограниченія этѣ придумала она, какѣ выражаются Талмудисты, для-того-чтобы они дѣйствительнымъ предписаніямъ Закона служили какъ-бы защитительною отъ нарушенія ихъ «оградою» (*сеягъ*) [1]. Многія изъ установленій и нововведеній этого времени были, нѣтъ сомнѣнія, вызваны необходимостію, самымъ ходомъ дѣлъ и тогдашнимъ положеніемъ народа; но вмѣстѣ-съ-тѣмъ онѣ послужили и поводомъ къ первому, небывалому еще дотолѣ, раздѣленію Израиля. Тогда-какъ одни согласились на эти нововведенія, приняли ихъ и стали приводить въ исполненіе, другіе нашли ихъ ненужными, излишими и сочли для себя достаточнымъ слѣдовать единственно дѣйствительнымъ

[1] Таковы, на-примѣръ, запрещенія: ѣздить верхомъ въ субботу, или играть въ этотъ день на музыкальномъ инструментѣ — запрещенія, которыхъ нѣтъ въ Законѣ Моисеевомъ, и которыя придуманы были въ-послѣдствіи вотъ изъ какого чуднаго опасенія. Всаднику можетъ понадобиться срѣзать лозу, чтобы погонять лошадь, а у играющаго можетъ сломаться или испортиться инструментъ, и онъ станетъ его починивать: въ обоихъ случаяхъ, тотъ и другой займутся дѣломъ, то-есть тѣмъ, что̀ Законъ воспрещаетъ.



предписаніямъ Закона Моисеева. Первые назывались *Хассидимъ*, то-есть людьми которые, «изъ желанія угодить Богу, дѣлаютъ болѣе чѣмъ предписываетъ Законъ»; послѣдніе — *Цадикимъ*, то есть людьми которые «твердо соблюдаютъ законъ, не дѣлая ни болѣе, ни менѣе того, къ чему онъ обязываетъ».

Изъ этого первоначальнаго раскола развились въ-послѣдствіи, по опредѣлившимся двумъ направленіямъ, всѣ существующія доселѣ, или когда-либо существовавшія у Евреевъ религіозныя секты. *Цадикимы* дали происхожденіе всѣмъ тѣмъ которые держась буквально Первоначальнаго Закона, не принимали и не принимаютъ въ объясненіе и дополненіе его никакого устнаго божественнаго преданія: *Самарянамъ*, *Еллинистамъ*, *Ессеямъ*, *Саддукеямъ* [3] и *Караимамъ*. Отъ *Хассидимовъ* произошли всѣ тѣ которые, кромѣ Письменнаго Моисеева Закона, принимали и принимаютъ еще устное дополненіе къ нему и объясненіе его, сообщенныя, по мнѣнію ихъ, Моисею самимъ Богомъ, вмѣстѣ съ Закономъ Письменнымъ, и сохраняемыя по преданію: *Фарисеи* — съ потомствомъ ихъ *Талмудистами* и *Раввинистами*, и *Каббалисты* — со всѣми ихъ развѣтвленіями, образовавшимися въ новыя времена.

Указавъ такимъ образомъ на первый моментъ и исходные пункты раскола, будемъ слѣдить теперь образованіе и развитіе его въ каждой изъ существующихъ въ Россіи сектъ особо. Начнемъ съ Караимовъ, какъ изо всѣхъ потомковъ Израиля наименѣе удалившихся отъ первоначальной чистоты Моисеева Закона.

---

[3] *Саддукеевъ* не должно смѣшивать съ первоначальными *Цадикимами*; такъ же какъ и первоначальныхъ *Хассидимовъ*, о которыхъ говорится уже въ Книгахъ Маккавейскихъ, съ позднѣйшими *Каббалистами* этого имени.

I. Караиты или Караимы

Въ предѣлахъ Россіи число Караимовъ весьма незначительно и само-по-себѣ, а еще болѣе въ сравненіи съ массою живущихъ въ ней единоплеменниковъ ихъ, Раввинистовъ и Каббалистовъ; со всѣмъ тѣмъ большинство Караимовъ, сколько извѣстно, все-таки находится въ Россіи, чтò показываетъ кàкъ вообще малочисленна горсть этихъ сектаторовъ. Главное гнѣздо ихъ въ настоящее время — это Крымъ: здѣсь въ Евпаторіи, Чуфутъ-Калэ, Армянскомъ-Базарѣ, Ѳеодосіи, Севастополѣ и Симферополѣ находится ихъ въ настоящее время около 800 семействъ (по послѣдней народной переписи 2,064 мужескаго и 2,124 женскаго, всего 4,188 обоего пола душъ). Затѣмъ въ губерніи Херсонской три общины ихъ, размѣщающіяся по Одессѣ, Николаеву и Херсону, заключаютъ въ себѣ до 85 семействъ; въ Волынской, въ городѣ Луцкѣ, живетъ ихъ также около 80 семействъ; въ Виленской — около 100 семействъ въ городѣ Трокахъ, и нѣсколько въ самой Вильнѣ; въ Ковенской — отъ 50 до 60 семействъ Поневѣжскаго уѣзда въ мѣстечкѣ Новомѣстѣ, и нѣсколько въ самомъ городѣ Поневѣжѣ; наконецъ, лѣтъ десять тому, 133 души одного мужескаго пола, насчитывалось въ Закавказскомъ-Краѣ [1].

Но какъ ни мала числомъ горсть Караимовъ, горсть эта считаетъ себя — и едва-ли не имѣетъ полнаго права на то — единственною представительницею древняго національнаго правовѣрія Евреевъ, смѣло обвиняя милліоны Раввинистовъ, а тѣмъ-болѣе другія секты, въ совершенномъ отступничествѣ отъ первоначальной чистоты истиннаго Закона Моисеева. Правовѣріе это свидѣтельствуютъ слѣдующіе основные догматы вѣры Караимовъ: 1) Всѣ небесныя и земныя тѣла, со всѣмъ что въ нихъ заключается, суть существа сотворенныя; но 2) Творецъ ихъ самъ не сотво-

---

[1] Ж. М. В. Д. ч. I. с. 264—266.

ренъ; 3) Онъ единъ и не имѣетъ себѣ подобнаго; 4) Онъ послалъ служителя своего Моисея, и 5) чрезъ него возвѣстилъ совершеннѣйшій Законъ; 6) Должно знать языкъ и понимать смыслъ Закона; 7) Духомъ Божіимъ водимы были также и остальные Пророки; 8) Въ день судный Господь воскреситъ мертвыхъ, и 9) воздастъ каждому по дѣломъ его; 10) Господь наказалъ народъ свой плѣненіемъ, и отъ негожъ должно ежедневно ожидать избавленія чрезъ посредство Мессіи, сына Давидова.

Главное различіе Караимовъ отъ Раввинистовъ, а потому и отъ другихъ пріемлющихъ преданіе сектъ, заключается въ томъ, что Раввинисты, кромѣ Письменнаго Закона, даннаго Моисею отъ Бога, принимаютъ еще, что Богъ сообщилъ ему въ тоже время устное объясненіе сего послѣдняго и многія къ нему прибавленія, которыя стольже святы и обязательны какъ и самый Законъ Письменный, и что объясненія и прибавленія эти, внушенныя отъ Моисея праотцамъ, сохраняясь преданіемъ, дошли въ цѣлости и до нашего времени. Караимы-же, напротивъ, держатся буквально однихъ священныхъ книгъ Ветхаго Завѣта, отвергаютъ сообщеніе Богомъ Моисею устныхъ объясненій и дополненій къ Письменному Закону, руководствуются при толкованіи его простымъ человѣческимъ разумомъ, и не видя въ установленіяхъ и дополненіяхъ, введенныхъ позднѣйшими законодателями, ничего божественнаго, смотрятъ на нихъ какъ на изобрѣтенія человѣческія, вызванныя обстоятельствами и потребностями времени.

Эпоха появленія Караимовъ и организаціи ихъ въ самостоятельную секту — дѣло темное, которое одни рѣшаютъ такъ, другіе иначе.

Въ Евангеліи, гдѣ такъ часто попадаются имена Фарисеевъ и Саддукеевъ, имени Караимовъ не встрѣчается; но это нисколько не доказываетъ, чтобъ они не существовали еще во времена евангельскія. Еврейскаго слова *Караимъ* мы точно не находимъ въ Евангеліи; но за-

то находимъ его тамъ въ переводѣ; ибо подъ выраженіемъ γραμματεῖς (книжники) нельзя разумѣть никого другаго кромѣ Караимовъ, которыхъ отличительная черта заключается именно въ привязанности къ «книгамъ» Св. Писанія и прилежномъ занятіи ихъ изученіемъ, тогда-какъ Фарисеи, въ-отношеніи къ изученію, налегали болѣе на «Преданіе». У Матѳея (гл. XXIII) и у Луки (гл. XI, XLIV, XLV), равно какъ въ Дѣяніяхъ-Апостольскихъ (гл. XLV), Книжники опредѣлительно отличаются и отъ Фарисеевъ, и отъ Саддукеевъ: стало-быть они не принадлежали ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, а составляли особую секту, которая, по тому характеру съ какимъ являются Книжники въ Евангеліи, не могла быть иною кромѣ Караимской. Это всего яснѣе видно изъ Евангелія Марка (гл. XII), гдѣ повѣствуется, какъ Фарисеи, Саддукеи и Книжники, каждые предлагали Спасителю по вопросу изъ основныхъ началъ своего ученія. Фарисеи (вѣроятно изъ политическаго общества Гаулонитовъ, которое не хотѣло признавать надъ собой, на основаніи моисеевской теократіи, никакого верховнаго властителя, кромѣ Іеговы) предложили ему вопросъ о пенязѣ; а Саддукеи, отвергавшіе воскресеніе мертвыхъ, пытались запутать вопросомъ о томъ, кому въ такомъ случаѣ будетъ принадлежать вдова, которая семь разъ выходила за-мужъ. Чтó-же Книжники? Они спросили: какая самая главная заповѣдь въ Писаніи? Значитъ, изученіе Св. Писанія и точное послѣдованіе ему было ихъ отличительнымъ характеромъ, а это и есть характеръ Караитизма.

Въ Талмудѣ имени Караимовъ также не встрѣчается, но и это равномѣрно не можетъ еще служить доказательствомъ несуществованія ихъ прежде окончательной редакціи этого сборника (ранѣе 540 лѣтъ по Р. Х.). Причина молчанія Талмуда о Караимахъ заключается, весьма вѣроятно, въ томъ, что думая, дѣйствуя и проповѣдуя въ прямой противуположности съ Фарисейскими или Раввински-

ми началами, Караимы были, потому, заклятыми врагами Фарисеевъ, за что̀ послѣдніе платили тѣмъ, что старались всегда смѣшивать ихъ и представлять какъ одно и тоже съ ненавистною всѣмъ сектою Саддукеевъ. Это было тѣмъ легче, что Караимы, прежде-чѣмъ получили или приняли это отличительное названіе, поглощались, вѣроятно, вначалѣ, вмѣстѣ съ другими одинаковаго съ ними происхожденія сектами, подъ общинъ именемъ *Цадикимъ*. Чтобы обратить ихъ въ Саддукеевъ, *Цадукимъ*, стоило, поэтому, измѣнить только въ их имени букву *и* въ букву *у*[5]. Но Караимы вовсе не то, что были Саддукеи. Не говоря уже о различіи въ основныхъ догматахъ, о томъ что Саддукеи отвергали безсмертіе души и воскресеніе мертвыхъ, а Караимы принимаютъ и то и другое, послѣдніе отличаются отъ первыхъ и во многихъ другихъ статьяхъ: такъ Саддукеи вовсе воспрещали разводъ между супругами, а Караимы допускаютъ его въ случаѣ прелюбодѣянія; первые считали свои мѣсяцы кругомъ въ тридцать дней, а послѣдніе начинаютъ ихъ съ появленія новой луны, и т. п. Далѣе, въ доказательство того что во многихъ мѣстахъ гдѣ говорится въ Талмудѣ о Саддукеяхъ, надлежитъ разумѣть подъ ними Караимовъ, приводятъ писатели сихъ-послѣднихъ, между прочимъ, слѣдующее основаніе. Въ Талмудѣ, какъ и у Іосифа-Флавія, разсказывается, что многіе изъ

[5] Измѣненіе это въ еврейскихъ письменахъ можетъ случаться и случается даже безъ намѣренія, просто по ошибкѣ: ибо буквы *іодъ* (и) и *вавъ* (у) имѣютъ почти совершенно одинаковую форму, отличаясь другъ отъ друга только небольшимъ удлинненіемъ одной черты, почему легко могутъ быть смѣшиваемы, какъ, на-примѣръ, наши буквы *е* и *с*. А что такая продѣлка могла быть въ духѣ Фарисеевъ, свидѣтельствуется тѣмъ, что потомки ихъ Раввинисты пустили ее въ ходъ въ XVI столѣтіи по Р. Х. Константинопольскіе Караимы получили въ это время позволеніе выстроить себѣ синагогу, и надъ входомъ въ нее написали, какъ это употребительно и у Раввинистовъ, псалма CXVII стихъ 20: «*Сія врата Господня, праведніи (цадикимъ) внидутъ въ ня*». Ночью какой-то еврей-раввинистъ влѣзъ да и удлиннилъ первый *іодъ* въ словѣ *цадикимъ*, — и вышло: «*внидутъ въ ня Саддукеи*».

Саддукеевъ засѣдали, въ качествѣ членовъ, въ Великомъ-Совѣтѣ или Санхедринѣ, и достигали даже званія Первосвященническаго; изъ другихъ-же, существовавшихъ въ то время, сектаторовъ: Самаритянъ, Еллинистовъ, Ессеевъ, не было, между-тѣмъ, никого кто-бы достигалъ того или другаго изъ этихъ достоинствъ, хотя всѣ помунятыя секты принимали догматы Фарисеевъ о безсмертіи души и воскресеніи мертвыхъ. Спрашивается: какимъ-же образомъ, послѣ-того, Саддукеи, которые отвергали и то и другое, могли быть допускаемы къ занятію столь важныхъ званій, какъ Первосвященническое и членовъ Санхедрина, имѣвшихъ такое вліяніе на всѣ религіозныя дѣла? Ясно, что лица изъ Саддукеевъ, которыя облечены были въ эти званія, по словамъ Талмуда, были не изъ Саддукеевъ, а изъ Караимовъ, которые исповѣдывали и безсмертіе души, и воскресеніе мертвыхъ. «Злая секта», говоритъ *Маймонидъ*[6], «которую въ этихъ странахъ (Египтѣ) называютъ *Караимами*, именуется у мудрыхъ (талмудистовъ) Саддукеями и Байтозейцами»: стало-быть и знаменитый раввинъ подтверждаетъ въ этомъ случаѣ мнѣніе караимскихъ писателей. Нѣкоторые другіе изъ позднѣйшихъ раввиническихъ свѣтилъ также отличаютъ Караимовъ отъ Саддукеевъ. *Іуда Галеви*[7] относитъ даже происхожденіе этой секты ко временамъ древнѣйшимъ царя Александра-Іаннея. Это видно изъ разсказа его, что когда извѣстный законоучитель *Симонъ бенъ-Шета*, по возвращеніи своемъ изъ Египта, куда бѣжалъ онъ отъ преслѣдованія Іаннея, снова сталъ вводить въ отечествѣ своемъ Устный Законъ, пришедшій было, въ-слѣдствіе гоненій, которымъ подверглись Фарисеи, въ упадокъ, то встрѣтилъ сопротивленіе со стороны людей которые «держались исключительно текста Св. Писанія, и не хотѣли принимать никакого устнаго преданія.

---

[6] Коммент. на Мишну, тракт. *Аботъ*, III. 3.
[7] Книга *Кусеръ*, ч. III.

почему и прозывались ***Караимами*** (держащимися текста)». «Саддукеи», прибавляетъ къ этому Галеви, «суть эпикурейцы [8], миними [9], отрицающіе будущій міръ (безсмертіе души): они-то и есть тѣ самые, противъ которыхъ направлены наши молитвы; но не таковы *Караимы;* они согласны съ нами въ основахъ ученія, и мудрствуютъ только на-счетъ Преданія, которое отвергаютъ». Такъ пишетъ Галеви; но не такъ вообще говорятъ о Караитизмѣ другіе позднѣйшіе Раввинисты. Они представляютъ его не остаткомъ древняго безпримѣснаго Библизма, а оппозиціею противу Раввинизма, образовавшеюся уже послѣ полнаго развитія сего-послѣдняго, или возрожденіемъ въ новомъ видѣ прежняго Саддукейства. Духъ оппозиціи Раввинизму, проявлявшійся въ видѣ привязанности къ чистому Библизму, существовалъ, по мнѣнію Іоста, издавна, еще до Р. Х., но въ лицахъ отдѣльныхъ, въ которыхъ и замиралъ, не развиваясь и не организуясь въ опредѣленную секту; въ видѣ-же формальнаго, общиннаго протеста, съ характеромъ реформаторства и именемъ Караитизма, явился онъ впервые только въ половинѣ VIII вѣка по Р. Х., въ Палестинѣ, находившейся тогда подъ владычествомъ Аббасидскихъ Халифовъ. Зачинщикомъ этого протеста и основателемъ секты называютъ Раввинисты нѣкоего Анана, родомъ изъ Бетцура, человѣка ученаго и пользовавшагося сначала уваженіемъ, но который за то, что его не выбрали Решъ-Глутою (Княземъ Разсѣянія) [10], сталъ съ досады проповѣдывать противъ Преданія словомъ

---

[8] Эпикурейцемъ называется, по Талмуду, всякій кто позоритъ Раввинизмъ; по объясненію-же Маймонида, эпикуреецъ естъ тотъ кто отвергаетъ пророческое откровеніе Моисея, или даже пророческій даръ въ немъ.

[9] Минимъ называютъ Раввинисты послѣдователей ученія Мани или Манеса, основателя секты Манихеевъ; а потомъ слово *минъ* вообще означаетъ у нихъ «безбожника», «человѣка безъ религіи».

[10] Высокое званіе существовавшее въ то время у Раввинистовъ въ Персіи.

и письмомъ, совращать съ пути Раввинизма, и, собравъ многочисленныхъ учениковъ и послѣдователей своимъ мнѣніямъ, образовалъ такимъ образомъ секту, которая стала извѣстною подъ именемъ Караимовъ.

Иначе, разумѣется, разсказываютъ исторію *Анана* писатели караимскіе. Они вовсе не почитаютъ его ни основателемъ, ни возобновителемъ своего исповѣданія вѣры. По ихъ словамъ, *Ананъ* этотъ, второй по имени [11], былъ просто одинъ изъ хранителей ихъ преданія, рядъ которыхъ ведутъ они, въ непрерывной послѣдовательности, отъ *Іегуды бенъ-Табаи*, современника *Симона бенъ-Шета*, до самаго XVI столѣтія.

Но что-же говорятъ, наконецъ, о времени своего происхожденія сами Караимы? Они, какъ замѣчено уже выше, считаютъ себя за единственныхъ представителей древняго правовѣрія, какимъ было оно у истинныхъ послѣдователей Моисеева Закона до Плѣненія Вавилонскаго; посему, никакъ не признаютъ себя за раскольниковъ, за отщепенцевъ отъ истинной Церкви Ветхозавѣтной, а отщепенцами этими называютъ, напротивъ, Фарисеевъ и потомковъ ихъ Раввинистовъ, первое отложеніе которыхъ отъ правовѣрія относятъ ко времени вскорѣ по возвращеніи изъ Плѣна, когда Великая-Синагога ввела отяготительные обычаи и предохранительныя или «оградительныя» установленія. Обычаи и установленія эти предки ихъ, Караимовъ, или не хотѣли принимать, или, если и приняли, то не какъ установленія божественныя, основанныя на устномъ сообщеніи оныхъ Богомъ Моисею, вмѣстѣ съ Закономъ Письменнымъ, а какъ учрежденія вызванныя потребностями времени и обстоятельствъ, тогда-какъ другая часть народа, изъ которой образовались Фарисеи, приняла ихъ именно съ тѣмъ характеромъ. Первое, засимъ, рѣшительное отдѣленіе отъ

---

11 *Ананъ*, первый этого имени, былъ, по словамъ Караимовъ, однимъ изъ тѣхъ законоучителей которыхъ Раввинисты называютъ Амораимъ, и жилъ 250 лѣтъ по Р. Х.



нихъ Фарисеевъ относятъ Караимы ко времени законоучителя *Симона бенъ-Шета*. Предшественники этого Симона, говорятъ они, объясняли Св. Писаніе не примѣшивая въ объясненія свои ничего противнаго истинному духу религіи, и согласно съ истиннымъ преданіемъ [12]; Симонъ же, по возвращеніи своемъ изъ бѣгства въ Египетъ, гдѣ набрался мистическихъ объясненій отъ Еллинистовъ и Ессеевъ, началъ вводить новыя ученія, объявилъ позволеннымъ многое, что̀, по точному, буквальному смыслу Св. Писанія, не было позволено, прибѣгнулъ, для того чтобы подкрѣпить свои мнѣнія, къ противусмысленнымъ толкованіямъ, натяжкамъ, искаженію текста и, наконецъ, чтобы дать имъ полное освященіе, объявилъ, что поясненія эти самъ Богъ сообщилъ Моисею на горѣ Синайской, вмѣстѣ съ Закономъ Письменнымъ. Это Фарисеевъ, которые приняли за истину все чему училъ Симонъ, рѣшительно отдѣлило ужъ отъ Караимовъ, которые все это отвергли. Со всѣмъ тѣмъ, до оффиціальнаго, такъ-сказать окончательнаго раскола, прошло еще довольно времени. Онъ выразился вполнѣ по поводу разногласія возникшаго въ школахъ двухъ позднѣйшихъ законоучителей, *Самнаи* и *Гиллеля*, изъ которыхъ первый строго держался Письменнаго Закона, а послѣдній, напротивъ, ученикъ *Абталіона*, бывшаго ученикомъ *Симона бенъ-Шета*, позволялъ себѣ дѣлать облегчительныя прибавки къ Закону и толкованія на него въ духѣ Симоновомъ, которыя всѣ приняты были Фарисеями и отверг-

---

[12] Трудно понять что̀ разумѣютъ Караимы подъ «истиннымъ преданіемъ», отвергая преданіе по смыслу Раввинистовъ. Хранителями этого «истиннаго преданія» въ непрерывной преемственности отъ Моисея до нѣкоего *Рабби Боаса*, въ XVI столѣтіи по Р. Х., называютъ они цѣлый рядъ лицъ, большею-частію тѣхъ же самыхъ, какъ и Раввинисты; только начиная съ Р. *Самнаи* идутъ совершенно другія имена, но и тутъ, какъ замѣчено уже, встрѣчаемъ *Анана*, одного изъ Амораимовъ талмудистскихъ. «Заповѣди нашихъ учителей», говоритъ караимскій богословъ *Моше Бешици*, «находятся отчасти и въ Мишнѣ, и въ Талмудѣ». Тоже самое утвержденіе находимъ и у другихъ караимскихъ писателей.

нуты Караимами. Доселѣ сіи-послѣдніе принимали однихъ и тѣхъ же Учителей Закона, что и Фарисеи, но съ этого времени у Фарисеевъ начинается одинъ рядъ этихъ Учителей, хранителей преданія, исходящій отъ *Гиллеля*, а у Караимовъ другой, исходящій отъ *Самнаи*, который и ведутъ они до самаго XVI столѣтія по Р. X., до нѣкоего, жившаго въ это время, Р. *Боаса*.

Что-же положительнаго выходитъ изъ соображенія всѣхъ приведенныхъ показаній и свидѣтельствъ? Какое мнѣніе о времени происхожденія Караимовъ можно составить изъ всего этого, не пускаясь въ дальнѣйшія изслѣдованія?

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, ибо обстоятельство это заключается въ самой природѣ вещей, что со введеніемъ, по возвращеніи изъ Плѣненія, новыхъ установленій и прибавленій къ Закону Моисееву, въ опору которымъ призвано было Божественное Преданіе, могла и даже должна была образоваться между Евреями партія, вѣрная чистому Библизму, и потому враждебная какъ нововводившемуся порядку вещей, такъ и Преданію, которымъ хотѣли освятить его въ глазахъ народа. Партія эта, не обозначавшаяся сначала ясно и во многомъ еще сливавшаяся съ противуположною, которая съ ревностію ухватилась за нововведенія и грудью стала за Преданіе, отдѣлялась отъ сей послѣдней съ теченіемъ времени все рѣзче-и-рѣзче; и когда защитники Преданія, развивая съ одной стороны объемъ его, дошли съ другой до признанія произведенія своего Закономъ Божественнымъ, обязательнымъ наравнѣ съ Св. Писаніемъ, и одного съ нимъ происхожденія, когда къ несогласію религіозному примѣшалось потомъ и соперничество политическое, — то эта партія образовалась, наконецъ, въ самостоятельную, организованную секту, что̀ дѣйствительно могло произойти при *Симонѣ бенъ-Шета* и *Гиллелѣ*, лѣтъ за сто до Р. X. Имя же *Караимовъ* (держащіеся Св. Писанія) члены этой секты могли, естественно, по противуположности ихъ съ *Мекубалимъ*, общимъ названіемъ «пріемлющихъ пре-

нiе», принять или получить еще гораздо прежде того [13]. Какъ-бы то ни было, но во времена проповѣди Христовой, секта эта, какъ видимъ изъ Евангелія, была уже вполнѣ отдѣльною и самостоятельною. Затѣмъ, по вторичномъ разрушеніи Храма, во времена Разсѣянія, она ослабла, быть-можетъ, и числомъ, и духомъ, и исчезла вовсе, какъ исчезли, на-примѣръ, Саддукеи, или продолжала существовать въ весьма малыхъ общинахъ или даже въ отдѣльныхъ лицахъ, пока *Ананъ*, водимый духомъ того же философскаго анализа и религіознаго сектаторства, который разлитъ былъ въ его время, и между Мусульманами, и между Христіанами, — не оживилъ ея, не далъ разсѣяннымъ послѣдователямъ ея, установленіемъ молитвъ и обрядовъ, новой организаціи, и не напомнилъ о существованіи Караитизма, возобновивъ такимъ образомъ вовсе было замолкшій протестъ противъ системы Раввинизма, достигшей уже тогда, съ изданіемъ обоихъ Талмудовъ, совершенной опредѣленности и полнаго блеска. Итакъ, по мнѣнію нашему, *Ананъ* является въ исторіи не съ характеромъ реформатора и основателя новой секты, а возстановителемъ только древняго, пришедшаго-было въ забвеніе ученія.

О дальнѣйшихъ судьбахъ послѣдователей Караитизма извѣстно также весьма немногое. Нигдѣ не являлись они въ значительномъ числѣ, и вездѣ, гдѣ сталкивались и селились вмѣстѣ съ Раввинистами, становились во враждебныя съ ними отношенія и были ими тѣснимы и выживаемы. До Крестовыхъ Походовъ, держались они въ Палестинѣ, и частію, вѣроятно, жили въ Іерусалимѣ; по завоеваніи-же этого города Крестоносцами, выселились оттуда, частію далѣе на Востокъ, частію въ Египетъ и Византійскія Владѣнія, частію-же разсѣялись по Варварійскому-

---

[13] Слово *Караимъ* есть въ еврейскомъ языкѣ множественное число отъ единственнаго *Карам*; но откидывая еврейское окончаніе множественнаго имъ, и давши слову *Карам* европейскую форму *Караитъ*, во множественномъ будемъ имѣть *Караиты;* въ каковой формѣ и употребляютъ многіе это слово.

Побережью, откуда проникли и на Пиринейскій-Полуостровъ. Здѣсь, въ половинѣ XII столѣтія, они очень было усилились, такъ-что въ свою очередь явились гонителями Раввинистовъ, но удержаться не могли, и опять удалились въ гостепріимную для нихъ Африку, гдѣ въ Египтѣ Каиръ долгое время служилъ мѣстопребываніемъ верховнымъ главамъ ихъ секты, носившимъ титулъ **Нази** (**князь**), замѣнившійся въ-послѣдствіи другимъ — **Гахам'а**. Рядъ этихъ Главъ, или Патріарховъ, доводятъ они здѣсь до половины XVII вѣка: послѣднимъ въ спискѣ ихъ является *Іешуа бенъ-Барухъ*. Столѣтія черезъ два по выселеніи Караимовъ изъ Палестины, встрѣчаются общины ихъ въ Алеппо, Дамаскѣ и другихъ мѣстахъ Сиріи, въ Имперіи Византійской, въ Египтѣ, на Варварійскомъ-Побережьѣ, въ Фецѣ, въ Мароккo и даже въ ущельяхъ Атласа, гдѣ находимъ ихъ ведущими кочевую жизнь. Въ Польско-Литовское Королевство переселились они изъ Крыма, откуда великій князь литовскій Витовтъ вывелъ ихъ, въ числѣ 383 семействъ, въ Троки, а оттуда потомъ въ Луцкъ и Галичъ. Но откуда и когда зашли они въ Крымъ? На этотъ вопросъ недавно еще смѣло можно было-бы отвѣчать: оттуда же, вѣроятно, откуда нашли они дорогу въ Испанію и могли проникнуть въ тѣснины Атласа, то-есть изъ общаго гнѣзда ихъ, Палестины; или, основываясь на свидѣтельствѣ арабскаго историка XII вѣка, Ибнъ-эль-Эсира Джезери [14] — изъ Византійской Имперіи. Но нынѣ, въ-слѣдствіе новыхъ археологическихъ открытій, сдѣланныхъ въ послѣднее время въ Крыму, задача эта рѣшается совершенно иначе. Объ открытіяхъ этихъ и выводахъ, сдѣланныхъ изъ нихъ въ объясненіе происхожденія Крымскихъ Караимовъ, читатели могутъ узнать изъ статей объ этомъ предметѣ, помѣщенныхъ въ Журналѣ М. В. Д. [15] и въ «За-

---

[14] De Chasaris. Excerpta ex scriptoribus Arabicis, interprete C. M. Fraehnio. Petropoli. 1832. p. 21.

[15] Ж. М. В. Д. ч. I, с. 263—284.

пискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей» [16]; для полноты изложенія, мы должны, однакожъ сказать объ нихъ нѣсколько словъ, отсылая любопытствующихъ за бо́льшими подробностями къ помянутымъ статьямъ.

Сущность дѣла заключается въ томъ, что въ 1839 и 1842 году, евпаторійскій караимъ Фирковичъ и одесскій раввинистъ Штернъ открыли въ Крыму 58 древнихъ надгробій и 50 слишкомъ такихъ же рукописей, состоящихъ изъ списковъ Библіи или отдѣльныхъ ея частей и отрывковъ, съ разными къ нимъ приписками. Изъ изслѣдованія этихъ памятниковъ, необыкновенно важныхъ и любопытныхъ во многихъ отношеніяхъ, выведены были, между прочими, слѣдующія заключенія: 1) что Караимы Крымскіе, а потому и родственные имъ Караимы Литовскіе, Волынскіе и Галицкіе, происходятъ не отъ Караимовъ Палестинскихъ, организованныхъ Ананомъ, и не отъ какихъ либо другихъ, существовавшихъ до него, а суть прямые потомки особенной вѣтви Евреевъ отдѣлившихся отъ своихъ собратій еще до эпохи Вавилонскаго Плѣна, и проникшихъ въ предѣлы нынѣшней Россіи, черезъ Кавказъ, изъ глубины Персіи или даже Средней-Азіи; 2) что до X вѣка они не имѣли никакого понятія, ни даже слуха, о Талмудѣ, и были чистые Библисты, каковы и теперь ихъ единоплеменники во внутреннѣйшихъ странахъ Азіи, въ Китаѣ и Тибетѣ, не знающіе никакого другаго источника религіи, кромѣ Св. Писанія Ветхаго Завѣта; 3) что, слѣдовательно, чистое библейское правовѣріе, сохранявшееся въ Крыму до X вѣка, не имѣло того сектаторскаго характера, который принадлежитъ нынѣшнему крымскому Караитизму; 4) что сектаторскій характеръ этотъ заимствованъ былъ крымскими Караимами отъ сирійскихъ или египетскихъ, уже послѣ X вѣка; и, наконецъ, 5) что языкъ татарскій, которымъ говорятъ всѣ русскіе Караимы,

[16] Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, т. I, с. 640—649.

приняли они уже перешедши через Кавказъ, въ нынѣшней Южной России, издревле открытой для нашествій и владычества народовъ Татарскаго Племени.

Мы, съ своей стороны, не имѣемъ покуда, кромѣ помянутаго свидѣтельства Ибнъ-эль-Эсира, ничего, что-бы можно было сказать противу этихъ выводовъ, если только памятники, изъ изслѣдованія которыхъ они извлечены, точно имѣютъ ту несомнѣнную достовѣрность которую въ нихъ предполагаютъ. Замѣтимъ лишь, что нарѣчіе Татарскаго Языка, которымъ говорятъ русскіе Караимы, не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшей примѣси еврейскихъ словъ, оборотовъ или какихъ-либо другихъ слѣдовъ того языка которымъ должны были говорить ихъ предки, если эти предки точно были Евреи. Съ другой стороны, въ очертаніяхъ лица, и вообще въ физіономіи нашихъ Караимовъ, также нисколько не проглядываетъ тотъ рѣзкій національно-еврейскій типъ, который съ перваго взгляда позволяетъ отличить израильтянина отъ человѣка всякой другой націи; типъ, который Евреи сохраняютъ неизмѣнно подъ всѣми широтами земнаго шара. Оба обстоятельства эти невольно наводятъ на мысль: или, что Караимы наши, если они дѣйствительно Евреи, въ сильной мѣрѣ подвергались когда-нибудь смѣшенію съ народами Тюркскаго Племени, и что это смѣшеніе должно было быть постоянно, долговременно, и происходить еще съ весьма отдаленныхъ временъ; или — и это едвали не вѣроятнѣе, по-крайней-мѣрѣ въ нашихъ глазахъ — что они не Евреи, а потомки тѣхъ Турковъ-Хазаръ, которые, какъ извѣстно, исповѣдывали Законъ Моисея и владѣли Крымомъ съ VIII до XI вѣка [17].

Но предоставимъ времени разъясненіе этого темнаго вопроса о племенномъ происхожденіи нашихъ Караимовъ,

---

17 См. Les peuples du Caucase, par M. C. D'Ohsson. Paris, 1828. p. 30—71 et 490—212.



и, обратившись опять къ ихъ сектѣ вообще, сообщимъ нѣсколько свѣдѣній о ея литературѣ. Она вся почти имѣетъ характеръ полемическій, и направлена противъ Раввинизма; во всемъ что ни писали Караимы — а между произведеніями ихъ есть много объемистыхъ сочиненій догматическаго, философскаго, историческаго, герменевтическаго и грамматическаго содержанія — всегда имѣли они въ виду опроверженіе талмудическаго ученія. Число писателей ихъ довольно значительно, и нѣкоторые изъ нихъ пользуются заслуженною славою въ еврейскомъ литературномъ мірѣ. Изъ каирскихъ нази, многіе составили себѣ почетное имя своими сочиненіями; но бо́льшая-часть этихъ сочиненій утратилась. Поименуемъ другихъ извѣстнѣйшихъ караимскихъ ученыхъ, которыхъ произведенія сохранились. *Іефетъ Галеви*, авторъ книгъ *Сеферъ-Неимотъ* и *Сихронъ-Гадатотъ*, которыя часто и съ похвалою цитируетъ знаменитый Абенъ-Эзра, жилъ около 1140 года. *Іегуда Гаабель*, авторъ *Эшколь-Гакаферъ*, изложенія караитскаго ученія въ рифмованныхъ стихахъ, процвѣталъ въ Константинополѣ около втораго Крестоваго Похода; книга его, и формою, и содержаніемъ, свидѣтельствуетъ о сильномъ вліяніи арабской литературы на караимскую. Около 150 лѣтъ позже, написалъ тамъ же медикъ *Ааронъ бенъ-Іосефъ* весьма уважаемое грамматико-лингвистическое сочиненіе *Гамубхаръ* [18] и нѣкоторыя другія ме́ньшаго достоинства [19]. Вскорѣ послѣ него (1350), большую извѣстность пріобрѣлъ себѣ въ Каирѣ ученый *Ааронъ-бенъ-Элія*: философскимъ комментаріемъ своимъ на Св. Писаніе, подъ заглавіемъ *Кетеръ-Тора*, книгою *Ганъ-Эденъ*, о праздникахъ, которая имѣетъ у Караимовъ, во всемъ что относится къ этому предмету,

---

[18] Недавно явилось въ Константинополѣ новое изданіе этой книги и съ новымъ комментаріемъ.

[19] Онъ же *Ааронъ* исправилъ также и караитскій Молитвословъ, первое изданіе котораго, сдѣланное въ XVI столѣтіи, въ Венеціи, перепечатано послѣ того, въ 1814 году, въ Чуфутъ-Кале, въ Крыму.

такой же авторитетъ, какъ *Шулханъ-Арухъ* Іосифа Каро у Раввинистовъ, и нѣкоторыми другими трактами, изъ которыхъ одинъ въ родѣ *Море-Небухимъ* Маймонида. Столѣтіемъ позже (1480), отличался въ Константинополѣ авторскою плодовитностію *Элія Бешици*; книга его *Адеретъ-Эліягу*, о караимскихъ обрядахъ, пользуется большимъ уваженіемъ. Но и обиліемъ произведеній, и ученостію превзошелъ этого Бешици зять его, *Калобъ-Аба*, знатокъ греческой литературы, математики и астрономіи, жившій сначала въ Константинополѣ, а потомъ въ Бѣлградѣ; во введеніи къ книгѣ его *Ассара-Маамаротъ* излагается исторія секты къ которой принадлежалъ авторъ. Послѣ этихъ писателей, славился въ Константинополѣ, въ срединѣ XVII столѣтія (1670), *Моше Бешици*, правнукъ *Эліи*, писателя той же фамиліи, великій лингвистъ, въ особенности-же знатокъ еврейскаго, арабскаго и греческаго языковъ; онъ умеръ на двадцатомъ году жизни, но успѣлъ уже совершить, съ цѣлію отыскиванія и собиранія книгъ, нѣсколько путешествій, въ продолженіе которыхъ посѣтилъ всѣ караимскія общины въ Азіи, Африкѣ и Европѣ, и написать *Матта-Элогимъ*, сочиненіе объ основахъ караимскаго ученія, и многія другія. Въ три почти протекшія послѣ того столѣтія можно указать почти на одного только плодовитаго караимскаго писателя, именно *Симху-Исаака*, изъ Луцка, который написалъ двадцать, и въ томъ числѣ нѣсколько весьма объемистыхъ, сочиненій, много служащихъ къ объясненію, какъ исторіи и преданій, такъ нравовъ образа жизни и степени образованности Караимовъ [20]. Другой извѣстнѣйшій писатель изъ конца XVII и начала XVIII столѣтія, это — *Мардохаи-бенъ-Ниссанъ*, изъ Красной-Остры, недалеко отъ Лемберга, въ Галиціи, который, по вызову лейденскаго профессора Тригланда,

---

20 Послѣднее сочиненіе его, *Орахъ-Цадикимъ*, написанное въ 1757 году, вышло въ свѣтъ въ Вѣнѣ, въ 1831 году.

написалъ весьма интересную книгу о Караимахъ, подъ заглавіемъ *Додъ-Мардохаи* [21].

Главнѣйшие догматы вѣрованія Караимовъ, и различіе ихъ отъ раввиническихъ, изложены уже выше. Войдемъ теперь въ нѣкоторыя подробности. Основаніе Караитизма заключается въ привязанности къ тексту Св. Писанія и всѣмъ Ветхозавѣтнымъ установленіямъ, съ отверженіемъ Преданія и основанныхъ на немъ толкованій и позднѣйшихъ установленій такъ, какъ понимаютъ и принимаютъ ихъ Раввинисты. Но вмѣстѣ-съ-тѣмъ Караимы не вовсе отвергаютъ это преданіе, толкованія и установленія; они не признаютъ только въ нихъ божественнаго происхожденія. Первые еврейскіе законоучители до *Симона бенъ-Шета* пользуются во мнѣніи ихъ такимъ же уваженіемъ, какъ и у Раввинистовъ; но на установленія и дополненія введенныя по выходѣ изъ Плѣненія, смотрятъ они какъ на дѣло человѣческое, а уваженіе къ преданію, относительно пониманія и объясненія Св. Писанія, не мѣшаетъ имъ допускать въ каждомъ изъ своихъ Учителей законность пониманія и объясненія онаго по собственному разуму, не стѣсняясь ничьими предшествующими толкованіями. Привязанность къ буквальному пониманію и точному исполненію предписаній Св. Писанія также иногда должна была уступать у нихъ необходимости нарушенія нѣкоторыхъ изъ этихъ предписаній. Такъ, нынѣшніе Караимы, несмотря на воспрещеніе брака между самыми отдаленными родственниками, ограничиваютъ это запрещеніе только родствомъ ближе пятаго колѣна. Такъ, западные Караимы, несмотря на запрещеніе Моисея зажигать огонь въ субботу, позволяютъ себѣ пользоваться въ этотъ день огнемъ зажженымъ наканунѣ, а восточные никакъ этого не до-

---

[21] Сочиненіе это издаваемо было нѣсколько разъ: впервые напечатано въ Константинополѣ, въ листъ; потомъ въ 1714 году — въ Гамбургѣ и Лейпцигѣ, in 4°, подъ заглавіемъ *Notitia Karäorum,* вмѣстѣ съ латинскимъ переводомъ Вольфа и егоже прибавленіемъ: *Diatribe de secta Karäorum*.

пускаютъ, что и произвело родъ раскола между обѣими помянутыми вѣтвями Караитизма.

Относительно награды и наказанія ожидающихъ человѣка по смерти, Караимы принимаютъ, что если человѣкъ, въ-продолженіе земной своей жизни, приготовилъ себя къ тому добрыми дѣлами, то, по разлученіи съ этимъ міромъ, переходитъ въ другой міръ, духовный, *оломъ-хабо*, или *эденъ*, въ которомъ и будетъ жить вѣчно въ созерцаніи сверхчувственной истины; если-же, при разлученіи своемъ съ здѣшнею жизнію, обремененъ онъ грѣхами, то переходитъ въ адъ (*гехиномъ*), гдѣ продолжаетъ жить, но уже въ страданіи и мукѣ отъ неугасимаго огня и непрестающихъ точить его червей. Вѣрованіе въ дьявола и переселеніе душъ отвергаютъ. Относительно - же пришествія Мессіи, вотъ какъ говоритъ писатель ихъ *Элія Бешици*, въ книгѣ своей *Ассара-Маамаротъ*: «Должно знать, что Царь-Мессія произойдетъ изъ дому Давидова. Онъ ничего не прибавитъ къ Письменному Закону и ничего не убавитъ изъ него. Не произведетъ онъ также ни малѣйшаго измѣненія, ни въ твореніи, ни въ обыкновенномъ ходѣ природы. Не нужно вовсе, чтобы онъ обличилъ себя и возвѣстилъ чудесами или воскрешеніемъ мертвыхъ. Онъ соберетъ только разсѣянный Израиль, будетъ вести брань Божію, побѣдитъ всѣ окрестные народы, воздвигнетъ Священный Храмъ на прежнемъ мѣстѣ, озаботится, подобно праотцу своему Давиду, чтобы приводимы были въ исполненіе заповѣди Божіи, и принудитъ весь Израиль жить по уставамъ и преданіямъ Закона. Если-же онъ ничего изъ этого не сдѣлаетъ, то таковой не есть Царь-Мессія». Замѣчательны ихъ разсужденія о человѣческой душѣ. «Душа», говорятъ Караимы, «можетъ находиться въ четырехъ состояніяхъ или расположеніяхъ. Она бываетъ нравственно жива, когда отвращается отъ зла и прилежитъ къ добру. Она здорова, когда ищетъ проникнуть въ связь событій и природу вещей, доступныхъ разумѣнію, затѣмъ-чтобы научиться опре-

дѣлительно отличать доброе отъ безразличнаго, а это отъ дурнаго, и имѣетъ при-этомъ волю доброе творить, а злаго удаляться. Она **больна**, когда не можетъ понимать истины и отличать худаго отъ добраго. Она **мертва**, когда погрязаетъ въ грѣхахъ до того что теряетъ возможность обращенія къ добру». Прекрасно также правило въ отношеніи къ добрымъ дѣламъ: «Если не можешь сдѣлать сколько желаешь, **желай** сдѣлать сколько можешь».

Отвергая устныя объясненія на Письменный Законъ, сообщенныя, по мнѣнію Раввинистовъ, Моисею самимъ Богомъ, Караимы основываютъ это отверженіе на слѣдующихъ, между многими другими, основаніяхъ: 1) Еслибы Господь сообщилъ Моисею на Синаѣ устное объясненіе Письменнаго Закона, то зачѣмъ было-бы Моисею спрашивать потомъ у него: какъ поступить ему съ человѣкомъ, который собиралъ дрова въ субботу (Числ. xv, 32)? Равнымъ образомъ, въ устномъ объясненіи должно бъ было заключаться объясненіе и того, что когда кто умираетъ, не имѣя сына, то имѣніе умершаго наслѣдуютъ дочери; между тѣмъ, когда подобный случай представился со смертію Салпаада, Моисей, мы видимъ, представилъ его на разрѣшеніе Господу (тамъ же, xxvii, 5). 2) Говорится въ Писаніи опредѣлительно: «*сіи суть заповѣди*, которыя заповѣдалъ Іегова Моисею для сыновъ Израиля на горѣ Синай» (Лев. xxvii, 34): отсюда ясно слѣдуетъ, что только эти, то-есть находящіяся въ Писаніи, а не какія другія заповѣди даны были Моисею на горѣ Синайской; ибо иначе надлежало-бы выразиться: «*сіи и многія другія*, устно сообщенныя, *суть заповѣди*, которыя заповѣдалъ Іегова Моисею для сыновъ Израиля, на горѣ Синай». 3) Всѣ увѣщанія и упреки Пророковъ имѣютъ предметомъ одни нравственные проступки; никогда-же не укоряютъ они за нарушеніе устно сообщенныхъ Моисею обрядовыхъ установленій. Да и вообще, ни въ Пятикнижіи Моисея, ни въ Пророкахъ, нигдѣ нѣтъ и слѣда существованія этихъ устныхъ

законовъ. 4) Если-бы эти законы и были сообщены Моисею, то не могли сохраниться преданіемъ. Могъ сообщить ихъ Моисей Іисусу-Навину; а тотъ Старѣйшинамъ—пожалуй; но отъ Старѣйшинъ они не могли уже быть переданы Пророкамъ, какъ говорятъ Раввинисты, потому-что отъ Старѣйшинъ, которые пережили Іисуса, до Самуила, перваго изъ Пророковъ, прошло четыреста лѣтъ. Наконецъ 5) еслибы Господь точно сообщилъ устно Моисею тѣ уставы которыхъ нѣтъ въ Св. Писаніи, и которые называются у Раввиновъ *Галахотъ-Лемоше-Миссинаи*, то преданіе о томъ сохранилось-бы до Іуды-Святаго, который собралъ всѣ дошедшія до его времени преданія. Зачѣмъ-же нѣтъ у него ни малѣйшаго упоминовенія о столь важномъ обстоятельствѣ? Этимъ же возражаютъ Караимы и противу «тринадцати Герменевтическихъ Правилъ» и противу «шести-сотъ-тринадцати Заповѣдей», которыя являются впервые, въ качествѣ Преданія, только у позднѣйшихъ Талмудистовъ, и о которыхъ помянутый Іуда вовсе не упоминаетъ въ Мишнѣ [22].

Изъ этого основнаго догматическаго различія Караимовъ съ Раввинистами, само-собою выходитъ уже, что они многимъ должны отличаться отъ послѣднихъ, въ уставахъ, обрядахъ и богослуженіи. Укажемъ на нѣкоторыя изъ этихъ отличій.

Мѣсяцы свои, а слѣдовательно и праздники, опредѣляютъ Караимы дѣйствительнымъ, видимымъ появленіемъ новой луны, а потому отвергаютъ всѣ астрономическія вычисленія, съ которыми сообразуются Раввинисты въ опредѣленіи своего новолунія. «Праздника Освященія» *(Ханука)* они не празднуютъ; ибо во время Антіоха-Епифана, когда, по мнѣнію Раввинистовъ, введенъ этотъ праздникъ, Пророковъ уже болѣе не было, почему онъ есть чисто человѣческое установленіе, не заключающее въ себѣ никакой

[22] Объ этихъ Правилахъ и Заповѣдахъ будетъ говорено подробнѣе при разсмотрѣніи Талмудистовъ.

обязательностя. Раввинисты не только запрещают мужу имѣть сообщеніе съ женою своею въ-продолженіе мѣсячнаго очищенія и семь дней по прекращеніи кровей, но запрещают даже прикасаться къ ней во все это время, даже ѣсть съ нею съ одного блюда; Караимы, напротивъ, срокъ супружескаго воздержанія ограничиваютъ однимъ продолженіемъ мясячнаго очищенія, а на позволеніе соприкасаться въ это время смотрятъ какъ на излишнюю брезгливость. Разводъ допускается у нихъ только въ случаѣ нарушенія супружеской вѣрности со стороны жены; тогдакакъ у Раввинистовъ можно развестись съ женой за то даже, что она изготовила похлебку не по мужнину вкусу, или просто потому, что мужу нравится другая женщина.

Молятся Караимы въ день два раза, рано поутру и вечеромъ, потому и не читаютъ введенной у Раввинистовъ «ночной молитвы». Вначалѣ, молитвы ихъ состояли только изъ нѣсколькихъ словъ, но въ поздѣйшія времена весьма распространены Аарономъ бенъ-Іосефомъ и другими составителями. Во время молитвы держатъ они себя тихо и благоговѣйно, какъ надлежало-бы, говорятъ ихъ писатели, держать себя «находясь въ присутствіи царя», и требуютъ непремѣнно чтобы молитвы были на еврейскомъ языкѣ. Въ синагогахъ ихъ, которыя содержатся въ совершенной опрятности, производится по субботамъ чтеніе изъ Пятикнижія, которое, такъ же какъ и Раввинисты, дѣлятъ они на 52 отдѣла, и чтеніе изъ Пророковъ. Каждую-же субботу и каждый праздникъ, одною изъ важнѣйшихъ обязанностей ихъ Гахама считается сказать проповѣдь нравственнаго содержанія — что̀ у Раввинистовъ бываетъ обыкновенно всего два раза въ годъ: въ субботу передъ Пасхою, и въ суб боту передъ днемъ Отпущенія Грѣховъ. Не принимая преданія, не опоясываются они и филактеріями, или, какъ называются они въ Талмудѣ, *тефилинъ* (въ Евангеліи — *хранилища*). День субботній блюдутъ со строгою точностію. Въ праздникъ Пасхи ѣдятъ прѣсный хлѣбъ цѣлую недѣлю.

Крови хоть и не употребляютъ въ пищу, но и не вытягиваютъ ея изъ мяса, какъ Раввинисты, солью и водою, и не осматриваютъ, какъ тѣ, внутренностей убитаго животнаго Обрѣзаніе также совершаютъ другимъ способомъ. Постятся сильно: многіе — каждый понедѣльникъ и четвергъ. Мертвыхъ своихъ сами не хоронятъ, и даже не прикасаются къ нимъ.

Замѣчателенъ существующій у Караимовъ родъ религіознаго посвященія дѣтей мужескаго пола. До истеченія семилѣтняго возраста, мальчикъ воспитывается между женщинами. Съ наступленіемъ-же ему въ осьмой разъ дня рожденія, ведутъ его въ синагогу, обрѣзываютъ ему тамъ впервые волосá, и даютъ выпить вина. Торжество это, по возвращеніи домой, заключается угощеніемъ, и мальчикъ поступаетъ съ того времени на руки къ мущинамъ.

Единственный духовный глава караимской общины есть ея Гахамъ. Онъ совершаетъ обрѣзаніе надъ дѣтьми, вѣнчаетъ и разводитъ, разбираетъ и рѣшаетъ, какъ семейныя распри, такъ и спорныя дѣла изъ области права, говоритъ проповѣди въ синагогѣ, напутствуетъ наставленіями и молитвою умирающихъ, и держитъ на похоронахъ надгробную рѣчь. Въ Крыму, для завѣдыванія какъ духовными, такъ и вообще всякими дѣлами касающимися до тамошней караимской общины, существуетъ, съ 1837 года, въ Евпаторіи, особое «Караимское Духовное Правленіе», состоящее, подъ предсѣдательствомъ Гахама, изъ трехъ Газзановъ.

Въ настоящее время, общины караимскія, кромѣ Россіи, существуютъ еще: одна въ Галичѣ, чтò въ Австрійской Галиціи, одна въ Константинополѣ, одна въ Каирѣ, одна въ Гитѣ, чтó на-Ефратѣ, и нѣсколько еще въ разныхъ мѣстахъ Персіи. Вездѣ, гдѣ Караимы имѣютъ осѣдлость вмѣстѣ съ Раввинистами, живутъ они совершенно отдѣльно отъ сихъ-послѣднихъ, не вступаютъ съ ними въ бракъ, и стараются всѣми мѣрами чтобъ туземцы не смѣшивали

ихъ однихъ съ другими. Взаимнымъ нерасположеніемъ платятъ имъ и Раввинисты [23].

Вообще, въ исполненіи обязанностей религіозныхъ, Караимы оказываютъ величайшую точность и строгость, и отличительныя обыкновенія свои хранятъ ненарушимо. Относильно образа жизни и средствъ которыми добываютъ они себѣ пропитаніе, весьма справедливо отзывается о своихъ собратіяхъ галицкій караимъ *Мардохаи:* «Караимы», пишетъ онъ, «не имѣютъ обычая Раввинистовъ воздвигать себѣ златыхъ тельцовъ, то-есть заниматься ученіемъ только для того, чтобы получить званіе раввина и набивать карманъ; мы, напротивъ, живемъ по обычаю древнихъ мудрецовъ, которые для пропитанія себя предавались самыхъ грубымъ работамъ, поучаясь притомъ закону и мудрости». Въ Литвѣ занимаются Караимы преимущественно огородничествомъ и отчасти торговлей и подрядами; на Волыни — огородничествомъ, извозомъ и мясничествомъ; въ Новоросіи — кромѣ помянутыхъ промысловъ, содержаніемъ хановъ (караванъ-сараевъ), промѣномъ монеты и другими мелкими городскими занятіями, но преимущественно торговлею, какъ съ Внутренними Губерніями, такъ и внѣш-

---

[23] «Эти еретики», говоритъ о Караимахъ извѣстный талмудистъ Р. *Гедалія* въ книгѣ своей *Шальшелетъ-Гакаббала*, «никогда не сдѣлали никакого добра Израильскому Народу (Раввинистамъ). Никогда не написали ни одной книги для утвержденія Закона, или по какой-либо наукѣ, или хоть стихотвореніе: всѣ они собаки безгласныя, которыя даже и лаять-то не умѣютъ». Это просто ругательства, и только; а вотъ какія безчеловѣчныя наставленія даетъ своимъ единовѣрцамъ въ-отношеніи къ Караимамъ, другой раввинъ: «Израильтанинъ (то-есть раввинистъ) не долженъ лечить караима ни отъ какой болѣзни; если тотъ упадетъ въ яму, не долженъ его вытаскивать; не долженъ избавлять его даже изъ рукъ убійцы. Тѣмъ-менѣе еще можно допускать Караимовъ въ свидѣтели по какому-либо дѣлу, ѣсть убитую ими скотину, совершать обрѣзаніе надъ ихъ младенцами, или вступать съ ними въ бракъ. Послѣднее воспрещается даже и тогда, если они обратятся къ Іудейству (то-есть къ Раввинизму)». Объ этомъ послѣднемъ, впрочемъ, нечего было заботиться сильно почтенному раввину: весьма не много собратій потеряли Караимы отъ перехода въ Раввинизмъ, и въ прежнія времена; а въ новыя вовсе не было подобныхъ примѣровъ.

нею съ Турецкими Владѣніями. Въ Крыму многіе изъ Караимовъ имѣютъ большіе фруктовые и виноградные сады и обширныя пространства земли: есть такіе, которые владѣютъ почти десятками тысячь десятинъ; другіе богаты значительными капиталами. Въ Новоросіи или Литвѣ — всѣ вообще Караимы болѣе-или-менѣе зажиточны; Волынскіе — бѣднѣе другихъ; но совершенно бѣдныхъ, тѣмъ болѣе нищихъ, между Караитами вовсе нѣтъ: обѣднѣвшій собратъ, пока дѣлá его не поправятся, получаетъ вспомоществованіе и содержаніе отъ общины. Одежды особенной, какъ доселѣ русскіе Раввинисты, Караимы не имѣютъ, а употребляютъ вездѣ туземную: въ западныхъ губерніяхъ одѣваются какъ тамошніе мѣщане, а въ Новоросіи носятъ костюмъ татарскій, причемъ отличаются опрятностію, какъ по наружности, такъ и въ домашнемъ быту. Языкъ, на которомъ говорятъ они и переписываются между собою, тоже татарскій [24]; но письмена употребляютъ они для этого не арабскія, а еврейскія. Умственная дѣятельность ихъ ограничивается изученіемъ Св. Писанія въ подлинникѣ, для чего и занимаются еврейскимъ языкомъ. Въ послѣднее время стали они читать и ученыя сочиненія, писанныя другими Евреями на языкѣ Св. Писанія. При великолѣпной и изящной синагогѣ ихъ, въ Евпаторіи, имѣется школа для обученія дѣтей грамотѣ и Закону, и тамъ же завели они недавно и типографію, которая выпустила уже нѣсколько книгъ. Другая школа существуетъ, съ 1843 года, въ Чуфутъ-Калэ. Вообще, несмотря на свою недальнюю ученость, они вовсе не враги науки, и обнаруживаютъ большое расположеніе къ образованности. Что-же касается до нравственнаго характера, то Караиты наши всегда отличались величайшимъ дружелюбіемъ между собою, искреннею общительностію съ иновѣрцами,

[24] По-татарски же говорятъ между собою и Караимы Галиційскіе; Константинопольскіе употребляютъ для этого греческій, а Египетскіе и Гитскіе— арабскій языкъ.

дѣятельностію, трудолюбіемъ, безукоризненнымъ поведеніемъ и совершенною честностію. «Актами доказывается», говоритъ графъ Ѳ. Чацкій, «что въ-теченіе четырехъ столѣтій, какъ живутъ Караимы въ Польшѣ, никто и никогда изъ нихъ не подвергался суду за уголовное преступленіе». Нѣтъ примѣра также, чтобы Караимы обличены были въ покушеніи совратить въ свою вѣру христіанина или мусульманина. Этими качествами вездѣ и всегда заслуживали они себѣ расположеніе и уваженіе, какъ отъ Христіанъ, такъ и отъ Мусульманъ. Въ Польшѣ, королями Сигизмундомъ I и Стефаномъ Баторіемъ даны имъ были многія привилегіи; а ярлыки, полученные ими отъ Крымскихъ Гиреевъ, свидѣтельствуютъ, что большими же облегченіями пользовались они, подъ татарскимъ владычествомъ, и на Крымскомъ-Полуостровѣ. Когда-же Крымъ и Западныя Губерніи перешли подъ Русскій Скипетръ, то и наше Правительство, отдавая, въ-свою-очередь, справедливость нравственному превосходству Караимовъ передъ собратіями ихъ Раввинистами, также оказывало имъ постоянное покровительство и предпочтеніе передъ сими-послѣдними, увольняя отъ разныхъ повинностей или даруя особыя права и преимущества, какъ-то: избавленіе отъ рекрутства, позволеніе имѣть мѣстопребываніе и владѣть недвижимою собственностію въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ это воспрещено прочимъ Евреямъ, разрѣшеніе пользоваться домашними услугами Христіанъ обоего пола, и т. д. Особеннымъ покровительствомъ пользуются также у Австрійскаго Правительства и Караимы Галиційскіе. Разныя могутъ быть причины такой высокой общественной нравственности Караимовъ; но половиною, по-крайней мѣрѣ, добрыхъ качествъ своихъ они безспорно обязаны тому, что, вѣрные духу Библейскаго Ученія, умѣли сохранить себя отъ губительнаго вліянія талмудическихъ нелѣпостей и раввинскаго фанатизма, происхожденіе и развитіе которыхъ составляютъ предметъ слѣдующей главы.

Талмудисты или Раввинисты

Отдѣлъ Евреевъ, обозначаемый безразлично названіями *Талмудистовъ* и *Раввинистовъ*, заключаетъ въ себѣ и въ настоящее время большинство членовъ этого народа, а до образованія изъ среды его, въ недавнія еще времена, Кабалистовъ, совмѣщалъ (за исключеніемъ незначительной горсти Караимовъ, и разсѣянныхъ по Азіи немногочисленныхъ остатковъ древнихъ Израильтянъ-Библистовъ) почти всю массу его, такъ-что исторія Еврейскаго Народа со времени его разсѣянія есть не что иное какъ исторія Раввинистовъ. *Талмудистами* называютъ этихъ Евреевъ потому, что, кромѣ Св. Писанія Ветхаго Завѣта, и даже предпочтительно предъ нимъ, слѣдуютъ они ученію заключающемуся въ религіозно-юридическомъ сборникѣ извѣстномъ подъ именемъ *Талмуда;* названіе-же *Раввинистовъ*, то-есть «слѣдующихъ ученію Раввиновъ», даютъ имъ по безпредѣльному авторитету какимъ пользуются у нихъ законоучители ихъ — *Раббаны* или *Раввины*. Сами сектаторы эти, если только ихъ можно назвать сектаторами, тогда-какъ они составляютъ большинство націи, не принимаютъ ни одного изъ помянутыхъ отличительныхъ прозваній, а, почитая себя единственно православными изо всѣхъ Евреевъ, именуются просто «Израилемъ», «Израильтянами».

Религіозный и гражданскій авторитетъ Талмуда для Раввинистовъ происходитъ отъ вѣрованія ихъ, что въ немъ заключается Законъ Устный, который данъ Моисею отъ самого Іеговы, на горѣ Синаѣ, вмѣстѣ съ Закономъ Письменнымъ, и безъ котораго сей-послѣдній не полонъ, недостаточенъ и неясенъ. Никакой письменный законъ, говорятъ Раввинисты, не можетъ быть изложенъ съ такою ясностію, чтобы его — изъ различія-ли предварительнаго взгляда на предметъ, просто-ли по одному произволу, или

изъ какихъ-либо видовъ и выгодъ — нельзя было подвергнуть разнообразнымъ толкованіямъ и объясненіямъ; отъ этого-же родятся раздоръ, духъ партій и раскольничество, которые производятъ, наконецъ, тò, что каждый думаетъ о себѣ будто только онъ одинъ понимаетъ истинный смыслъ Закона, прочіе-же заблуждаются — чѣмъ совершенно разрушается единство религіи. Этого, напротивъ, не можетъ случиться при существованіи въ объясненіе Письменнаго Закона еще Преданія, которое устно переходитъ отъ одного поколѣнія къ другому. Такимъ образомъ, продолжаютъ они, и Письменный Законъ Моисеевъ заключаетъ въ себѣ столько неяснаго и неопредѣленнаго, что былъ-бы вовсе непонятенъ, если-бы не дано было свыше Устнаго Объясненія его, которое должно было сохраняться Преданіемъ; а что такое Устное Объясненіе Письменнаго Моисеева Закона необходимо нужно, и дѣйствительно дано было отъ Господа Моисею, на то Раввинисты приводятъ, изъ самаго Св. Писанія, множество, по мнѣнію ихъ, несомнѣнныхъ доказательствъ, изъ которыхъ, для примѣра, беремъ слѣдующія.

1. У Моисея (Исх. xx. 10) сказано: «*Въ день же седьмый да не сотвориши всякаго дѣла въ онь;*» между-тѣмъ въ другихъ мѣстахъ Пятикнижія положительнымъ образомъ воспрещено въ этотъ день только: возжигать огонь (Исх. xxxv. 3), собирать дрова (Числ. xv. 32) и удаляться отъ мѣста своего жительства (Исх. xvi. 29); почему и остается неизвѣстнымъ, чтò-же еще воспрещено въ субботу подъ именемъ «дѣла». Это долженъ былъ объяснить Господь Моисею устно, и онъ объявилъ, что запрещеніе «работать» объемлетъ 39 главныхъ видовъ работы и кромѣ-того безчисленное множество другихъ, имъ подчиненныхъ. Основаніе тому, что число воспрещенныхъ работъ не болѣе и не менѣе какъ 39, заключается, сказано въ Талмудѣ, въ томъ, что именно столько разъ встрѣчается въ Пятикнижіи слово *мелаха* — «дѣло», «работа».

2. Сказано у Моисея (Второзак. vi. 6—9): «*Да будутъ словеса сія, яже азъ заповѣдаю тебѣ днесь, въ сердцѣ твоемъ и въ душѣ твоей.... и навяжеши я въ знаменіе на руку твою, и да будутъ непоколеблема* (по еврейски — *тотафотъ* [25]) *предъ очима твоима.*» Здѣсь не опредѣляется ни то̀, какія именно слова̀ должно навязать себѣ на руки и предъ глазами, ни то̀, какимъ образомъ ихъ навязать; Устное-же Преданіе и объясняетъ, что подъ выраженіемъ «словеса» должно разумѣть слѣдующія четыре мѣста Пятикнижія: Исх. xiii. 1—10 и 11—16, и Числ. iv. 4—9 и ix. 13—21. Основаніе, почему именно четыре мѣста, а не болѣе и не менѣе, заключается въ выраженіи *тотафотъ*: ибо *татъ*, говоритъ Талмудъ, значитъ въ При-Каспійскихъ Странахъ «два», а *патъ* значитъ тоже самое въ Африкѣ; дважды-же два составляютъ четыре [26].

3. Сказано у Моисея (Исх. xxi. 24) *Око за око, зубъ за зубъ.*» По буквальному смыслу этого закона, слѣдовало-бы всякаго, кто ослѣпитъ другаго на одинъ глазъ, сломаетъ другому руку или ногу, подвергнуть по суду лишенію того же самаго члена, какой повредилъ онъ у своего ближняго; но въ такомъ случаѣ наказаніе находилось-бы часто не въ соотвѣтствіи съ совершеннымъ преступленіемъ: если-бы, на-примѣръ, кривой выкололъ одинъ глазъ человѣку здоровому на-оба, и былъ наказанъ за то лишеніемъ своего послѣдняго, это было-бы несправедливо, ибо такимъ образомъ обидчикъ вовсе былъ-бы лишенъ зрѣнія, и слѣдовательно подвергнутъ наказанію бо̀льшему, чѣмъ вредъ при-

[25] Слово *тотафотъ*, переведенное у Семидесяти Толковниковъ, равнокакъ и въ Вульгатѣ, глаголомъ, принимается Евреями за существительное, въ значеніи Denkmal, Denkzettel, Stirnschmuck, Stirnbinde, Vorderhauptbinde и другихъ.

[26] Это объясненіе частей одного и того же слова, принадлежащаго одному языку, изъ словъ другихъ языковъ, не имѣющихъ между собою никакого сродства, напоминаетъ слѣдующее извѣстное двустишіе:

Divitias et opes *hon*, lingua hæbraica dicit,
Gallica gens aurum *or*, indique venit *honor*.

чиненный имъ обиженному. Ради того, Преданіе и объясняетъ, что этого постановленія Письменнаго Закона не должно принимать буквально, и что подъ выраженіемъ «око» надлежитъ понимать «цѣну за око», которую обидчикъ долженъ уплатить въ вознагражденіе обиженному. Указаніе на это находится въ воспрещеніи самаго Письменнаго Закона принимать окупъ отъ убійцы (Числ. xxxv. 31): значитъ, отъ того, кто не убилъ, а только сдѣлалъ какое-либо поврежденіе, окупъ принимать должно.

4. Господь сказалъ Моисею (Лев. xvi. 29): «*Въ мѣсяцѣ седьмый, въ десятый день мѣсяца: покорите души ваши*». Въ чемъ должно состоять это покореніе, Письменный Законъ не опредѣляетъ; потому Устный и объясняетъ, что должно оно заключаться въ воздержаніи отъ ѣды, питья, умащенія тѣла, употребленія обуви и соитія.

5. О безсмертіи души, одномъ изъ главныхъ основаній религіи, находятся въ Писаніяхъ Моисея только немногіе намеки, но никакого опредѣлительнаго ученія, тогда-какъ Господь и Моисей никакъ не могли оставить Народа въ невѣдѣніи на-счетъ такого важнаго предмета: доказательство, что Господь устно наставилъ о томъ Моисея, а Моисей устно же предалъ сообщенное ему ученіе.

6. Сказано у Моисея (Второзак. xii. 21): «*И заколеши отъ воловъ твоихъ и отъ овецъ твоихъ, яже дастъ тебѣ Богъ твой, якоже заповѣдахъ тебѣ*». Между-тѣмъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ у Моисея не находимъ ни того, чтò должно, ни того, кáкъ должно закалать; значитъ, заповѣдь эта указываетъ на устно-сообщенное Моисею повелѣніе Божіе: стало-быть, вмѣстѣ съ письменнымъ Закономъ, Господь сообщилъ Моисею и Устныя Заповѣди, которыя не преданы были письму. Наконецъ

7. Господь опредѣлительно приказалъ, чтобы о предметахъ, неточно опредѣленныхъ въ Письменномъ Законѣ, и относительно которыхъ можетъ произойти сомнѣніе, обращались за наставленіями къ жрецамъ и судіямъ, творили

по слову ихъ, и не уклонялись отъ него ни вправо, ни влѣво (Второзак. XVII. 8—13). Спрашивается: какимъ образомъ могли-бы судьи и жрецы разрѣшать съ точностію предлагаемыя имъ недоумѣнія, если бы не получили отъ Господа, по устному преданію, или точныхъ Объясненій на Письменный Законъ, или по-крайней-мѣрѣ Правилъ, по коимъ должно разрѣшать сомнительные случаи?

Этотъ Устный Законъ или устныя дополненія къ Письменному и объясненія его, сообщенныя Господомъ Моисею, Моисей, по словамъ Талмуда, предалъ Іисусу-Навину, этотъ—Старѣйшинамъ, которые по смерти его приняли предводительство Народомъ, Старѣйшины — Пророкамъ, а Пророки—членамъ Великой-Синагоги, послѣднимъ изъ которыхъ былъ Симонъ-Праведный. Симонъ, говоритъ уже не Талмудъ, а Маймонидъ, сообщилъ Преданіе *Антигону-Сохойцу*; а съ этого времени передавалось оно въ теченіе долгаго времени не одному уже лицу, а двоимъ вдругъ. Такимъ образомъ Антигонъ передалъ его *Іоссе бенъ-Іоезеру* и *Іоссе бенъ-Іохanану;* эти передали его *Іошуа бенъ-Перахіѣ* и *Нитаю-Арбелитянину*; эти—*Шемаіѣ* и *Абталіону*; эти—*Шаммаи* и *Гиллелю*, изъ коихъ каждый образовалъ особую школу. При сихъ - послѣднихъ произошелъ расколъ, ибо учители эти стали противорѣчить другъ другу; что̀ одинъ объявлялъ запрещеннымъ, то другой—позволеннымъ, и на-оборотъ: гласъ съ Неба рѣшилъ спорные пункты въ пользу Гиллеля. Гиллель передалъ Преданіе *Р. Іохaнану бенъ-Сакаи* [27] и сыну его *Р. Симону*. Отъ перваго изъ нихъ Преданіе перешло (слѣдуемъ опять авторитету Маймонида — другіе знаменитые раввиническіе богословы ведутъ преемственность Преданія иначе) къ *Р. Тарфону* и

[27] До этого Іохaнана, Законоучители еврейскіе не носили никакого титула, и означаются просто одними своими именами. Іохaнанъ первый является съ титуломъ *раббона*, который въ-послѣдствіи измѣнился въ *равви*, *ребби*, *рабъ* и *ребъ*. Мы означаемъ этотъ титулъ, ставя передъ собственнымъ именемъ тѣхъ, которые носили его, просто букву *Р*.

Р. Акибѣ; отъ нихъ—къ *Р. Меиру* и *Р. Iегудѣ*, а отъ послѣдняго—къ *Р. Iегудѣ-Гакадошу* или *Iудѣ-Святому*, который, пользуясь дружбою римскаго императора Антонина, на тридцатомъ году отъ роду сдѣланъ былъ «Нази» или Патріархомъ всѣхъ Евреевъ въ Римской Имперіи. Видя, что по поводу несогласій, бывшихъ между Шаммаи и Гиллелемъ, появилось и укоренилось разногласіе въ объясненіи Письменнаго Закона, и видя въ тоже время, что съ раззореніемъ Iерусалима народъ разсѣевается все болѣе и болѣе, и расходится по отдаленнѣйшимъ странамъ, слѣдствіемъ чего могъ быть со временемъ еще бо́льшій расколъ, и наконецъ совершенное искаженіе и гибель Моисеева Закона—Iуда-Святой, въ предотвращеніе этого бѣдствія, рѣшился собрать постановленія Устнаго Закона и также предать ихъ письму, что́ и исполнилъ, давъ собранію своему названіе *Мишна*—«Второзаконіе» или «Повтореніе Закона». Поступивъ такимъ образомъ, Iуда нарушилъ основное положеніе самаго Преданія, которымъ воспрещалось предавать письму Законъ Устный. Онъ рѣшился на это нарушеніе—говорятъ великіе почитатели его Раввинисты—потому только, что въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, когда цѣлому объему Устнаго Закона грозила опасность гибели, счелъ за благо пожертвовать лучше частію для спасенія цѣлаго.

Разсматриваемая съ точки зрѣнія раввинической, Мишна заключаетъ въ себѣ: 1) Устныя Объясненія Письменнаго Закона, сообщенныя отъ Бога Моисею, достовѣрность которыхъ основывается единственно на личномъ авторитетѣ мужей-хранителей Преданія; 2) Преданія, въ подтвержденіе которыхъ можно привести указанія и намеки самаго Св. Писанія, и которыя потому также приняты были вообще безъ прекословія; 3) Положенія, выведенныя единственно умозаключеніемъ, на-счетъ которыхъ, поэтому, существуютъ между учеными различныя мнѣнія, смотря по различію ихъ личнаго взгляда; 4) Установленія, Обы-

чаи и Правила, введенныя Пророками и Великою-Синагогою; наконецъ 5) Установленія и Правила, введенныя Законоучителями-хранителями Преданія, въ періодъ отъ Великой-Синагоги до временъ самого Іуды. Все это подведено въ Мишнѣ подъ шесть отдѣловъ *(седеръ)*: въ первомъ *(Зераимъ)* — говорится о произведеніяхъ земли, пользованіи ими, и всѣхъ сопряженныхъ съ ними религіозныхъ обязанностяхъ; во второмъ *(Моедъ)* — о праздникахъ и всемъ, что къ нимъ относится; въ третьемъ *(Нашимъ)* — о женщинахъ, о бракѣ и другихъ соприкосновенныхъ къ этому предметахъ; въ четвертомъ *(Незакинъ)* — о правахъ и обязанностяхъ относительно собственности, установленіяхъ по части суда и расправы и т. д.; въ пятомъ *(Кодашимъ)* — о жертвоприношеніяхъ, позволенномъ и запрещенномъ относительно къ царству животныхъ, и проч.; наконецъ въ шестомъ *(Тагаротъ)* — о законахъ относительно очищенія.

Великимъ подвигомъ почитаютъ Раввинисты дѣло Іуды-Святаго, вторымъ законодателемъ своимъ называютъ они его послѣ Моисея: и дѣйствительно собраніе его есть исходный пунктъ Новаго Еврейскаго Законодательства; но трудомъ своимъ онъ не наложилъ печати на раскрытіе Преданія, не оборвалъ нити безконечнаго клубка его, а далъ еще ему, напротивъ, новую силу движенія. Авторитетъ *Танаимовъ* — «Повторителей», какъ назывались законоучители со времени Симона-Праведнаго до Іуды-Святаго — замѣнился авторитетомъ другаго ряда ихъ, подъ именемъ *Амораимовъ* — «Объяснителей». Съ жаромъ принялись въ школахъ за чтеніе и изученіе Мишны, и какъ прежде предметомъ толкованій, объясненій и дополненій было Св. Писаніе, такъ теперь въ-свою-очередь сдѣлалась имъ Мишна. Съ теченіемъ времени, мнѣнія, споры и комментаріи, къ которымъ подавала поводъ Мишна при преподаваніи ея, накопились до того, что *Р. Іохананъ*, одинъ изъ преемниковъ Іуды-Святаго въ управленіи основанною симъ-послѣднимъ Академіею въ Ямніи, что́ въ Іудеѣ, счелъ нужнымъ

собрать ихъ въ одно цѣлое, и въ 358 году по Р. Х. трудъ этотъ былъ приведенъ имъ къ концу. Заключая въ себѣ Мишну цѣликомъ, и помянутые, накопившіеся въ объясненіе и дополненіе ея мнѣнія и диспуты, расположенныя въ видѣ коментарія къ Мишнѣ, и извѣстные подъ именемъ *Гемары* — «Заключенія», «Усовершенствованія», сборникъ Р. Іоханана получилъ названіе *Талмуда* — «Ученія» или «Курса Ученія»; а такъ-какъ въ составъ его вошла только Гемара законоучителей школъ Палестинскихъ, то онъ и сталъ извѣстенъ подъ именемъ «Талмуда Іерусалимскаго». Между-тѣмъ, число школъ, гдѣ учили Мишнѣ, толковали ее и диспутировали объ ней, размножилось и въ Персіи. Здѣсь, въ половинѣ IV вѣка по Р. Х., правителемъ знаменитой Академіи въ Сорѣ избранъ былъ *Р. Аши*. По примѣру Іоханана въ Палестинѣ, онъ предпринялъ, съ 365 года, собрать всѣ диспуты, изслѣдованія и рѣшенія относительно Устнаго Закона, заключавшагося въ Мишнѣ, имѣвшія мѣсто съ появленія ея до его времени, равно-какъ всѣ легенды и аллегорическія сказанія относительно Св. Писанія, всѣ обычаи, обряды и правила, всѣ учрежденія и установленія своихъ предшественниковъ-законоучителей. Все это старался онъ, какъ и Р. Іохананъ, расположить въ порядкѣ отдѣловъ и трактатовъ Мишны, въ видѣ комментарія на нее; но не успѣлъ довести до конца своей работы. Довершена она была только около 500 года, *Р. Абиною*. Эта редакція Устнаго Закона, по мѣсту происхожденія своего, получила названіе «Талмуда Вавилонскаго». Наконецъ, *Себураимы* — «Мыслители», какъ прозваны были законоучители въ іудейскихъ академіяхъ, послѣ Р. Абины — сдѣлали еще нѣкоторыя прибавленія къ труду его и Р. Аши, и въ 540 году по Р. Х., при послѣднемъ изъ Себураимовъ, *Р. Семунѣ*, Талмудъ Вавилонскій получилъ окончательно тотъ видъ, въ которомъ существовалъ съ-тѣхъ-поръ безъ измѣненія, и дошелъ до нашего времени.

Такова, по сказанію самихъ Раввинистовъ, исторія происхожденія Устнаго Закона, сохраненія его чрезъ преданіе и раскрытія чрезъ ученіе Раввиновъ, заключенное, наконецъ, подъ именемъ Мишны и Гемары въ одно цѣлое получившее названіе Талмуда. Но — таково-ли дѣйствительное происхожденіе заключающагося въ Талмудѣ законодательства, и точно-ли, по источнику своему, не говоря уже о внутреннемъ его достоинствѣ, заслуживаетъ онъ того безмѣрнаго авторитета, какимъ пользуется у Раввинистовъ? Постараемся, въ отвѣтъ на эти вопросы, изложить образованіе и развитіе этого законодательства сколько можемъ яснѣе и сообразнѣе съ требованіями исторической критики.

Говоря, что Письменный Законъ Моисеевъ неполонъ, недостаточенъ и неясенъ, Раввинисты правы въ нѣкоторомъ отношеніи; не съ ихъ точки зрѣнія однакоже. Ни одно изъ положительныхъ законодательствъ, въ первый моментъ образованія своего, не сказываетъ тотчасъ же человѣку всего, чтò нужно знать ему, даже въ сферѣ тѣхъ вѣрованій и обязанностей которое оно налагаетъ на него, и даже на столько, чтобъ онъ былъ въ состояніи повиноваться имъ вполнѣ: посему, во всѣхъ первоначальныхъ кодексахъ есть и догматы вѣрованія имѣющіе нужду въ объясненіи; и начала изъ которыхъ остается еще вывести вытекающія изъ нихъ послѣдствія; и законы до времени неприложимые къ дѣлу; и вопросы на которые не обращено вниманія. Все это примѣняется и къ Законодательству Моисееву. Но чтобы существованіе о-бокъ съ письменнымъ кодексомъ закона, одновременнаго ему, Устнаго Закона, сохраняемаго преданіемъ, могло спасать Письменный Законъ отъ произвольныхъ толкованій, замѣнить естественное и необходимое развитіе его временемъ и обстоятельствами, и удовлетворить заранѣе всѣмъ нуждамъ и потребностямъ, имѣющимъ обнаружиться въ-послѣдствіи, подъ вліяніемъ непредвидимыхъ случаевъ — примѣра этому не было еще доселѣ въ исторіи человѣчества, да

едвали возможенъ онъ и въ будущемъ, безъ измѣненія коренныхъ законовъ человѣческой природы. Затѣмъ, еще мѣнѣе можно допустить положительное существованіе Устнаго Закона, который, по утвержденію Раввинистовъ, Господь сообщилъ великому Пророку и Законодателю Еврейскаго Народа, вмѣстѣ съ несомнѣннымъ для всѣхъ Закономъ Письменнымъ. Мы видѣли уже выше, какія доказательства изъ Св. Писанія приводятъ Караимы въ опроверженіе этого утвержденія Раввинистовъ [28]; доказательства Караимовъ весьма основательны и убѣдительны для всякаго, кромѣ закоренѣлаго талмудиста, недоступнаго никакому раціональному убѣжденію. Доводы-же и цитаціи мѣстъ Св. Писанія, которыми доказываютъ Раввинисты необходимость и дѣйствительность существованія Устнаго Закона, сообщеннаго будто-бы Моисею самимъ Господомъ (образчики ихъ также приведены нами выше) [29]—вызываютъ, напротивъ, нелѣпостію своею и ребяческимъ характеромъ, улыбку самаго хладнокровнаго мыслителя. Въ неполнотѣ, въ недостаточности обвиняютъ Раввинисты Пятикнижіе Моисея: пусть такъ; но такова-ли эта неполнота, таковы-ли недостатки, на которые они указываютъ, чтобы и то и другое предполагало явную необходимость тѣхъ дополненій и распространеній, которыхъ они требуютъ — и находятъ въ Талмудѣ? Нимало: они требуютъ отъ Пятикнижія такой опредѣлительности, которая невозможна ни для какого закона, ни письменнаго, ни устнаго, и такой мелочности, которая не только не нужна, но излишня, вредна вообще, и даже противна цѣли Закона. На какіе важные вопросы, кромѣ касающагося до безсмертія души, не находятъ они отвѣта въ книгахъ Моисея? На то: слѣдуетъ-ли въ субботу подать помощь ближнему, который безъ того погибнетъ, или черезъ сколько часовъ по принятіи мясной пищи можно ѣсть молочную. Но развѣ нужно особенное разрѣ-

[28] Стр. 440—441.
[29] Стр. 448—451.

шеніе на такіе вопросы? Неясны, непонятны многія мѣста Пятикнижія, говорятъ Раввинисты; а что-же приводятъ они въ доказательство этого? Обыкновенныя и весьма понятныя метафорическія выраженія, смыслъ которыхъ запутываютъ сами объясненіями невообразимой нелѣпости. Все зданіе ихъ доводовъ въ пользу необходимости Объяснительнаго Преданія основывается на самыхъ простыхъ обмолвкахъ, недомолвкахъ, повтореніяхъ и опущеніяхъ, встрѣчающихся въ любой книгѣ. Что-же касается до самаго важнаго, по мнѣнію ихъ, отдѣла доказательствъ въ пользу существованія при Моисеѣ Божественнаго Устнаго Закона современно съ Письменнымъ — до такъ-называемыхъ «указаній», и «намёковъ», находящихся будто-бы въ семъ-послѣднемъ на статьи перваго — то эти «указанія» и «намёки», приводимые Раввинистами (бóльшею-частію въ родѣ тѣхъ, какіе заключаются въ словахъ *малаха* и *тотафотъ* относительно субботнихъ работъ и словъ Писанія, которыя надлежитъ навязывать на руки и глазà), служатъ, по мнѣнію нашему, лучшимъ доказательствомъ чисто-человѣческаго просхожденія Талмудическихъ Законовъ, и болѣе всего даютъ ключъ къ объясненію способа образованія ихъ не ранѣе, какъ по возвращеніи уже Іудеевъ изъ Вавилонскаго Плѣненія.

Дѣло это — происхожденіе и развитіе Устнаго Закона, заключающагося въ Талмудѣ — зачалось и совершилось, сколько можно судить о немъ по древнѣйшимъ источникамъ іудейскимъ, слѣдующимъ образомъ.

На родину праотцевъ своихъ, въ Землю Обѣтованія, возвращались Іудеи изъ страны плѣна, съ береговъ Эвфрата, не тѣми уже людьми, какими увлекъ ихъ туда побѣдоносный мечъ Навуходоносора: сильно во всѣхъ отношеніяхъ подѣйствовало и неизгладимые слѣды оставило въ этомъ народѣ вѣковое пребываніе его въ странѣ чуждой, среди народовъ иноплеменныхъ, иноязычныхъ, иновѣрныхъ. Подъ другими условіями политическими, кромѣ того, долженъ онъ

былъ существовать въ Палестинѣ, по возвращеніи въ нее, чѣмъ до выхода оттуда. Не самостоятельнымъ, независимымъ народомъ, и не за тѣмъ чтобъ возстановить царство Давида и Соломона, шли Іудеи отъ предѣловъ Персіи на берега Іордана: рабами властителя иранскаго возвращались они въ землю отцевъ своихъ; рабами, которымъ отъ властителя ихъ дарована была не политическая независимость, а лишь позволеніе свободнаго исповѣданія націоной религіи и устроенія сообразной съ нею внутренней гражданской организаціи. Подъ новыми условіями существованія, организація эта не могла быть возстановленіемъ древней; предводителямъ возвращавшихся плѣнниковъ надлежало, по необходимости, отмѣнить многое изъ прежняго, ввести много новаго; и мы видимъ, что эти измѣненія совершились въ дѣйствительности: власть касты Левитовъ и могущество священнослуженія уничтожились и замѣнились гражданскими судилищами, религіозными законовѣдцами, и учрежденіями получившими со временемъ греческое названіе Синагогъ. При всемъ этомъ, главною заботою, верховнымъ стремленіемъ помянутыхъ предводителей было распространеніе между народомъ познанія Св. Писанія. Въ неотторжимой привязанности къ уставамъ Моисея, въ горячемъ вѣрованіи въ обѣтованія Пророковъ, въ неразрывной связи всей жизни съ Книгою Закона, видѣли они для народа — и залогъ сохраненія его самостоятельности между иноплеменниками, пока будетъ длиться зависимость отъ нихъ, и залогъ его славы и блистательной участи въ будущемъ, при перемѣнѣ обстоятельствъ. Съ этою цѣлію, прилагаемо было всевозможное стараніе къ увеличенію числа списковъ Св. Писанія, положено было читать его публично въ каждомъ городѣ всякій второй и пятый день недѣли, и, какъ языкъ Писанія былъ ужъ мало понятенъ народу, сильно охалдеившемуся въ продолженіе пребыванія въ Вавилонѣ, установлено, чтобы читаемое было объясняемо и истолковываемо народу людьми знающими. Стремленію сроднить

народъ съ Закономъ и внушить безпредѣльное уваженіе къ его авторитету, много препятствовало, однакоже, тогдашнее положеніе вещей. Съ одной стороны, всѣ постановленія Закона относительно поземельнаго владѣнія, раздѣленія народа, обязанностей къ Левитамъ, податей, войны, и вообще тѣ которыя предполагали полное владычество надъ страною, могли находить уже весьма малое примѣненіе, или и вовсе никакого; постановленія гражданскія и уголовныя также должны были подвергнуться и подверглись уже измѣненіямъ. Съ другой стороны, современныя установленія и мѣры, вызванныя необходимостію и обстоятельствами, были нововведеніями, чуждыми Закону, какими-то наростами не имѣвшими съ нимъ органической связи. Что́ было дѣлать въ такомъ положеніи? Оставалось, съ одной стороны, налечь на важность, сохраненіе и самое точное исполненіе постановленій обрядовыхъ: о бракѣ, праздникахъ, жертвоприношеніяхъ, пищѣ, чистомъ и нечистомъ, и другихъ тому подобныхъ; съ другой — склеить нововведенія съ древнимъ Закономъ, отыскавъ между ними какую-нибудь связь. Черезъ это достигались двѣ цѣли разомъ: освящалась законность нововведеній, и укрѣплялся авторитетъ Закона. Такъ и было поступлено. Явились охранительныя или «оградительныя» установленія (о которыхъ упоминали мы уже, говоря о Караимахъ), обнаружились требованія строгой точности въ исполненіи всѣхъ относящихся къ обрядамъ мелочей, и, вмѣстѣ-съ-тѣмъ, пошла въ ходъ мысль о Преданіи, начали отыскивать и открывать въ Св. Писаніи нужныя по обстоятельствамъ «указанія» и «намёки».

Итакъ, основаніе существованію Устнаго Закона положено было Великою-Синагогою; ею же данъ былъ ему въ самомъ началѣ и отличительный характеръ всего Талмудическаго Законодательства — безвыходное вращеніе въ сферѣ пустѣйшихъ мелочей, и стремленіе совершенно ограничить свободу человѣка религіознымъ деспотизмомъ; ею

же указанъ и путь, которымъ долженъ онъ былъ дойти со временемъ до признанія за собою божественнаго происхожденія.

Какъ, въ противуположность этому направленію, появились въ народѣ *Цадикимы*, изъ которыхъ образовались въ-послѣдствіи секты Караимовъ, Саддукеевъ и другія — говорено уже выше. Но, вмѣстѣ съ этою оппозиціею, оно нашло себѣ и жаркихъ защитниковъ, ревностныхъ приверженцевъ. Эти, извѣстные сначала подъ именемъ *Хассидимовъ*, получили потомъ прозваніе *Перушимовъ* или *Фарисеевъ* — «Сепаратистовъ».

Изъ-подъ персидскаго, перешли Евреи подъ владычество греческое, и потомъ римское. Чѣмъ тѣснѣе сближался и знакомился народъ съ своими властителями, тѣмъ, по естественному ходу вещей, болѣе-и-болѣе заимствовалъ отъ нихъ обычаевъ, нравовъ и идей, которые были несовмѣстны ни съ духомъ, ни съ уставами Моисеевой религіи, тѣмъ менѣе съ характеромъ строгихъ позднѣйшихъ охрательныхъ дополненій. Защитниками новыхъ идей и чуждыхъ нравовъ явились Саддукеи, выражавшіе въ себѣ начало движенія. Но въ какой мѣрѣ они удалялись отъ іудейской національности, въ такой же, въ противодѣйствіе имъ, Фарисеи, защитники начала неподвижности, стремились поддержать эту національность, неразрывно связанную съ религіею. Для этого, по данному уже направленію, они безпрестанно болѣе-и-болѣе увеличивали число стѣснительныхъ ограниченій, въ которыхъ видѣли для послѣдователей Закона Моисеева оплотъ и залогъ его ненарушимости; а чтобы этимъ охранительнымъ дополненіямъ и ограниченіямъ придать законность и характеръ обязательности въ глазахъ народа, основаніе имъ отыскивалось въ Св. Писаніи, или было притягиваемо въ него насильно. Такимъ образомъ, силою обстоятельствъ, Преданіе, расширяясь съ одной стороны въ объемѣ своемъ, съ другой принимало постепенно бóльшій-и-бóльшій характеръ божественнаго про-

исхожденія, и наконецъ возведено было на степень Закона Устнаго, обязательнаго наравнѣ съ Письменнымъ.

Впрочемъ, стремленіе Фарисеевъ оградить народъ отъ вліянія чуждыхъ національностей и сохранить ему самостоятельность усиленіемъ религіознаго ригоризма и фанатизма, было, кажется болѣе внѣшнею, чѣмъ внутреннею причиною образованія Устнаго Закона. Дѣло въ томъ, что выставляя народу, при всякомъ случаѣ, привязанность свою къ Національному Закону, удивляя его точнымъ исполненіемъ обрядовъ, строгостію поста, долгими и частыми молитвами, не только въ Храмѣ и Синагогахъ, но и на улицѣ, явною раздачею милостыми, и вообще строгостію и святостію жизни или наружнымъ святошествомъ, Фарисеи пользовались черезъ это его уваженіемъ и пріобрѣтали надъ нимъ вліяніе, служившее честолюбивымъ и властолюбибивымъ изъ нихъ къ достиженію высшихъ правительственственныхъ званій и участія въ дѣлахъ государственныхъ. Съ другой-стороны, они же образовали цѣлое особенное сословіе Законовѣдцевъ и Законоучителей, для которыхъ преподаваніе и приложеніе Закона было и источникомъ существованія, и средствомъ забрать въ руки свои законодательную власть: какъ-же было этому сословію не стараться, для увеличенія своихъ выгодъ и значенія, представлять истинное познаніе Закона Письменнаго невозможнымъ безъ Закона Устнаго, возвышать значеніе сего-послѣдняго, распространять его разными тонкостями и натяжками, обработывать, приводить въ систему? —

Это сословіе Законовѣдцевъ и Законоучителей образовалось, по-видимому, изъ первоначальныхъ истолкователей или переводчиковъ Св. Писанія, при чтеніи его народу, предписанномъ Эздрою. Съ Книгою Закона Эздра отдалъ въ руки народу и всю ученость іудейскую. Каждый могъ отселѣ поучаться Закону, пріобрѣтать его знаніе, и быть судьею или законоучителемъ. Это сильно развило въ народѣ расположеніе къ занятію Св. Писаніемъ, а вмѣстѣ-

съ-тѣмъ и возвысило въ его мнѣніи значеніе людей исключительно посвящающихъ себя этому дѣлу. При такихъ условіяхъ, число законоучителей скоро размножилось, и основались при синагогахъ училища, куда молодые и даже зрѣлыхъ лѣтъ люди, въ извѣстное время, преимущественно по окончаніи молитвъ, во время шабаша и по другимъ праздничнымъ днямъ, стекались слушать преподаваніе извѣстныхъ законоучителей, причемъ каждому позволялось изъявлять свои сомнѣнія и представлять возраженія. Въ этихъ-то школахъ и этими-то законоучителями—когда мысль о существованіи Преданія утвердилась уже однажды и разъ-на-всегда, вошла въ употребленіе система «указаній» и «намёковъ» — Законъ Устный преимущественно и разработывался. Чѣмъ болѣе новыхъ дополненій или неизвѣстныхъ до него толкованій выводилъ законоучитель, разными натяжками, изъ Св. Писанія, а подъ конецъ уже и просто придумывалъ, смѣло объявляя себя органомъ Преданія: тѣмъ болѣе возвышался его личный авторитетъ, тѣмъ болѣе стекалось къ нему учениковъ, и росла слава его въ народѣ. Лица, между которыми, по мнѣнію Раввинистовъ, сохранялся и передавался Устный Законъ, и списокъ которыхъ по Маймониду приведенъ выше, были не иное-что какъ знаменитѣйшіе законоучители своего времени, принимавшіе отъ предшественниковъ своихъ и передавшіе своимъ преемникамъ накопленный общими стараніями капиталъ выдумокъ и методъ ихъ произведенія на свѣтъ. Разногласіе, происшедшее между законоучителями Шаммаи и Гиллелемъ, и дошедшее въ образованныхъ ими школахъ послѣдователей до того, что, по выраженію Талмуда, «изъ одного Закона, сдѣлалось какъ бы два, различныхъ одинъ отъ другаго», лучше всего доказываетъ, какое участіе въ образованіи этого Закона принимала личность учителей, и какъ мало было въ немъ закваски Преданія.

Развиваемый и разработываемый такимъ образомъ преподаваніемъ и диспутами въ школахъ, Законъ Устный пе-

редавался и распространялся въ Палестинѣ также устно, даже и послѣ разрушенія Втораго Храма. Наконецъ, въ началѣ III вѣка по Р. Х., Іуда-Гакадошъ — въ-слѣдствіе-ли тѣхъ опасеній, которыя приписываютъ ему Раввинисты, или по духу времени, ибо въ это время цвѣли римскія школы законовѣдѣнія и ученые начали письменно обработывать право — собралъ все, что произведено было его предшественниками, расположилъ этотъ матеріалъ въ порядкѣ предметовъ, въ какомъ преподавался онъ, можетъ-быть, еще со временъ Гиллеля, предалъ письму — и вотъ явилась на свѣтъ Мишна. Законъ Устный, собственно говоря, исчезъ, а мѣсто его заступило Ново-Еврейское или Іудейское Законодательство. Затѣмъ, судьбы этого законодательства до послѣдняго заключенія Вавилонскаго Талмуда согласны въ дѣйствительности съ тѣмъ, что разсказываютъ объ нихъ Раввинисты, съ тою только разницею, что въ Гемарѣ мы видимъ, разумѣется, не дальнѣйшее раскрытіе Устнаго Закона, а дальнѣйшее развитіе и разработку Іудейскаго Законодательства.

Итакъ, Талмудъ, то-есть Мишна, вмѣстѣ съ Гемарою, какъ Палестинскою, такъ и Вавилонскою, вовсе не заключаетъ въ себѣ Устнаго Закона въ смыслѣ Раввинистовъ. Будучи произведеніемъ чисто-человѣческимъ, онъ не долженъ пользоваться, по источнику происхожденія, авторитетомъ бóльшимъ того, который заслуживаетъ достоинствомъ содержанія. Велико-ли же это достоинство? Раввинисты, не только ультра, но отчасти даже и умѣренные, независимо отъ приписываемаго Талмуду божественнаго происхожденія, старались и стараются представлять его какъ источникъ чистѣйшей нравственности и сокровищницу религіозныхъ и всякаго рода знаній. Христіанскіе писатели, напротивъ, которые занимались изученіемъ Талмуда, всѣ почти единогласно держатся того мнѣнія, что это источникъ невѣжественности, безнравственности и фанатизма, страшный хаосъ всевозможныхъ заблужденій, предразсуд-

ковъ и нелѣпостей. Обѣ стороны подкрѣпляютъ утвержденія свои выписками изъ Талмуда: кому-же вѣрить, на чьей сторонѣ справедливость? Доказательства христіанскихъ писателей и многочисленнѣе и кажутся намъ основательнѣе. Взвѣшивая безпристрастно высказанное о Талмудѣ pro и contra, и сравнивая его съ подобными же религіозными произведеніями у другихъ народовъ, приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1. Талмудъ дѣйствительно заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя такія объясненія, дополненія и измѣненія Закона Моисеева, которыя сдѣлались неизбѣжны съ теченіемъ времени (преимущественно во вниманіи къ обстоятельствамъ въ какихъ стали находиться Евреи со времени возвращенія изъ Вавилонскаго Плѣна, и потомъ по разсѣяніи изъ Палестины съ разрушеніемъ Втораго Храма). Таковы, напримѣръ: смягченіе законовъ строго-матеріальнаго возмездія, требовавшихъ непремѣнно «око за око, зубъ за зубъ»; вмѣненіе въ обязанность всякаго рода работы по «субботамъ», въ тѣхъ случаяхъ гдѣ это нужно для спасенія человѣческой жизни; разрѣшеніе браться въ этотъ день за оружіе, въ случаѣ непріятельскаго нападенія, [30] и останавливаться на дорогѣ, путешествуя сушью съ караваномъ, или моремъ на суднѣ; изъятіе отъ прощенія долговъ въ седьмой годъ, или въ «годъ отпущенія»; и т. п.

2. Въ немъ дѣйствительно встрѣчаются весьма хорошія правила общей морали, и весьма нравственныя и поучительныя притчи и легенды (*Гагадотъ*). Первыя преимущественно заключаются въ дополнительномъ трактатѣ къ Талмуду подъ названіемъ *Масехетъ-Аботъ*—«Изрѣче-

---

[30] Во времена непосредственно предшествовавшія Мишнѣ, приверженность Евреевъ къ буквальному исполненію закона о субботахъ была такъ велика, что при гоненіяхъ воздвигнутыхъ Антіохомъ-Епифаномъ, разъ въ субботу, тысяча человѣкъ ихъ допустили сжечь себя въ пещерѣ, не предпринявъ ничего не только къ оборонѣ, но и для того чтобы избавиться отъ такой ужасной смерти. Тому же много обязаны были и Римляне взятіемъ Іерусалима, когда осаждали его подъ предводительствомъ Помпея.

нія Отцовъ». Вотъ нѣкоторыя изъ тѣхъ изрѣченій: «Тремя вещами держится свѣтъ (гражданское общество): ученостію (полезными знаніями), богослуженіемъ (религіею) и добрыми дѣлами (нравственностію)» (*Симона-Праведнаго*).— «Не будьте подобны рабамъ наемнымъ, которые служатъ господину своему изъ платы, а будьте какъ тѣ рабы, которые служатъ господину безмездно (то-есть: исполняйте религіозныя обязанности и творите добро, не изъ надежды на вознагражденіе, а изъ чистой любви къ Богу и добродѣтели)» (*Антигона-Сохойца*) [30].— «Да будетъ домъ твой всегда отверстъ, и бѣдные да будутъ домочадцами твоими» (*Іоссе бенъ-Іохананa*).—«Суди о каждомъ по его хорошей сторонѣ» (*Іошуа бенъ-Перахіи*).—«Удаляйся отъ дурныхъ сосѣдей, не води пріязни съ безбожниками, помышляй безпрестанно о днѣ воздаянія» (*Нитаи-Арбелитянина*).— О тщетѣ матеріальныхъ благъ сравнительно съ духовными: «Чѣмъ-болѣе мяса, тѣмъ-болѣе червей; чѣмъ-болѣе имущества, тѣмъ-болѣе заботъ; чѣмъ-болѣе женщинъ, тѣмъ-болѣе отравы; чѣмъ-болѣе рабынь, тѣмъ-болѣе блуда; чѣмъ-болѣе рабовъ, тѣмъ-болѣе плутовства. Но — чѣмъ-болѣе знаній, тѣмъ-болѣе жизни; чѣмъ-болѣе ученія, тѣмъ-болѣе свѣденій; чѣмъ-болѣе обдуманности, тѣмъ-болѣе уразумѣнія; чѣмъ-болѣе благорасположенія, тѣмъ-болѣе единодушія» (*Гиллеля*).—«Говори мало, а дѣлай много» (*Шаммаи*).—Въ примѣръ нравственныхъ легендъ приведемъ хоть слѣдующую. Симонъ-Праведный, Первосвященникъ Іерусалимскій, сердечно заботившійся о наставленіи людей добрыми примѣрами, хвалился разъ, въ обществѣ другихъ Учителей, тѣмъ, что онъ никогда не вкушалъ отъ жертвы приносимой *насирами* [31]; ибо всякаго, кто приходилъ къ

[30] Это изрѣченіе — разсказывается въ Талмудѣ — подало двумъ ученикамъ Антигона, *Цадоку* и *Байтосу*, поводъ думать, что человѣку нечего ожидать въ будущемъ ни награды, ни наказанія, и было, такимъ образомъ, причиною образованія секты Саддукеевъ или Байтосейцевъ.

[31] Именемъ этимъ назывались тѣ, которые, изъ особеннаго благочестія, обязывались на извѣстное время обѣтомъ воздержанія. Въ-продолженіе этого

нему съ желаніемъ возложить на себя обѣтъ воздержанія, онъ обязывалъ клятвою отложить это на время, чтобы дать тѣмъ желающему возможность обдумать хорошенько свое намѣреніе. «Нерѣдко», продолжалъ Первосвященникъ, «находясь въ хладнокровномъ состояніи, люди раскаяваются въ томъ, что̀ въ минуту энтузіазма казалось имъ прекраснымъ дѣломъ; разъ, однако-же, помню, былъ случай, что и я одобрилъ принятіе такого обѣта». Случай былъ вотъ какой. «Однажды приходитъ къ Симону юноша красоты блистательной. Разумъ, выражавшійся на его благородномъ челѣ, прелестъ лица и отпечатлѣвавшаяся на немъ чистота души, роскошные волоса, ниспадавшіе на плеча естественными кудрями, все это привело Первосвященника въ восторгъ.—Владыко, сказалъ юноша, желаю возложить на себя обѣтъ воздержанія.—Ка̀къ, молодой человѣкъ, возразилъ Симонъ: да въ своемъ-ли ты умѣ! Что-жъ безпокоитъ тебя такъ, что ты хочешь погубить здоровье и лишиться прекрасныхъ волосъ своихъ?—Хочу быть добрымъ, отвѣчалъ юноша, а волоса мои мѣшаютъ этому; потому и желаю возложить на себя обѣдъ воздержанія. Издавна уже пасу я стадо отца моего; всегда любилъ я Господа, родителей и ближнихъ; ухаживалъ старательно за моими овцами, и былъ счастливъ такою жизнію. Разъ, утромъ, повелъ я стадо мое на водопой къ источнику, и пока овцы пили, я наслаждался зрѣлищемъ красотъ окружавшей меня природы. Вдругъ вижу я въ водѣ собственный мой образъ. Посмотри, шепнула тогда моя суетность, ты самъ не знаешь какъ ты хорошъ: и взоръ мой съ жадностію впился въ образъ, отражавшійся въ зеркалѣ источника, и что-то такое, чего я не зналъ прежде, зашевелилось въ душѣ моей. Полонъ удивленія къ собственной красотѣ, стоялъ я играя

времени не должны они были пить вина, ниже наслаждаться чѣмъ-либо приготовляемымъ изъ гроздій виноградныхъ, не приближаться къ трупу, не обрѣзывать волосъ; по истеченіи-же срока обѣту, предписывалось имъ обрѣзать волоса̀ и принести жертву.

волосами: то оставлялъ ихъ распадаться волнами по плечамъ, то пускалъ развѣваться по волѣ вѣтра. Между-тѣмъ, одна изъ овечекъ приблизилась ко мнѣ, чтобы утолить въ источникѣ палившую ее жажду; она хлебнула легонько воды: источникъ возмутился — и образъ мой исчезъ. Съ страшнымъ проклятіемъ, какое никогда дотолѣ не оскверняло моихъ устъ, бросаюсь я на овцу съ пастушьимъ посохомъ, и гоню бѣдняжку прочь. Она повиновалась кротко и терпѣливо, и потомъ, блея, остановилась въ положеніи, которое выражало, казалось, укоръ въ моей несправедливости. Тутъ душа моя возвратила прежнее мужество, и громовый голосъ раздался внутри меня: «Недостойный! Не забывай, откуда взялся ты, и куда дѣнешься. Знай: красота твоя преходяща; а пятна, которымъ замаралъ ты себя теперь, не смыть тебѣ такъ скоро». Тогда раскаяніе стало терзать мои внутренности, и я съ плачемъ поклялся уничтожить физически то, что грозило мнѣ лишеніемъ нравственнаго моего достоинства. Желаю, поэтому, возложить на себя обѣтъ воздержанія. Волоса эти, украшеніе головы моей, пусть падутъ подъ ножницами, и розы щекъ моихъ да поблекнутъ подъ воздержаніемъ отъ вина. Не красавцемъ, а добрымъ хочу я быть. — При этихъ словахъ, обнялъ Первосвященникъ юношу, поцѣловалъ его въ чело, и воскликнулъ: «О, еслибы многіе, подобно тебѣ, могли во Израилѣ наложить на себя обѣтъ воздержанія!» —

3. Есть много дѣльныхъ свѣдѣній по-части Права (тракт. *Баба-Камма*), Астрономіи (тракт. *Рошъ-Гашана*), Естественной Исторіи (тракт. *Киллаимъ*), Животной Анатоміи (тракт. *Холинъ*), Медицины и другихъ наукъ.

4. Нельзя ставить въ вину Талмуду весьма употребительнаго въ немъ метафорическаго образа выраженія: если это недостатокъ, такъ онъ свойственъ не Талмуду въ-особенности, а всѣмъ произведеніямъ Востока.

5. Нельзя быть слишкомъ взыскательнымъ и за ту необработанную смѣсь Еврейскаго, Халдейскаго, Сирійскаго,

Персидскаго, Греческаго и Латинскаго языковъ, на которой писанъ Талмудъ: смѣсь, получившую оттого характеристическое названіе «Талмудическаго Языка». Что-жъ дѣлать если таковъ былъ во время образованія Талмуда языкъ Іудеевъ, вслѣдствіе политическихъ отношеній ихъ къ Халдеямъ, Сирійцамъ, Персамъ, Грекамъ, Римлянамъ, и близкихъ сношеній съ этими народами?

6. Можно, наконецъ, простить Талмуду, и недостатокъ ясности въ изложеніи, и безпорядокъ и безсистемность въ расположеніи предметовъ. Древніе вообще, Восточные въ особенности, не имѣли понятія о той отчетливости, связности и, такъ сказать, рубричности въ изложеніи и распредѣленіи частей трактуемаго предмета, къ какимъ привыкли мы въ произведеніяхъ ново-европейскихъ литтературъ. Мусульманскіе сборники Сунны составлены также не отчетливѣе Талмуда.

Но — этимъ и ограничивается все, что можно привести въ пользу и защиту Талмуда. Къ несчастію человѣчества — ибо обстоятельство это имѣло гибельное вліяніе на участь милліоновъ людей — то что есть въ немъ хорошаго теряется въ гораздо бо́льшей массѣ безполезнаго, вздорнаго и вреднаго. Такимъ образомъ:

7. Вмѣстѣ съ немногими объясненіями и дополненіями Закона Моисеева, которыя дѣйствительно были нужны, Талмудъ заключаетъ въ себѣ множество такихъ, въ которыхъ не было ни малѣйшей надобности, и которыя явно произошли, не вслѣдствіе потребности въ нихъ для народа, а вслѣдствіе существованія въ немъ многочисленнаго класса праздныхъ людей, для которыхъ изобрѣтеніе этого рода объясненій и дополненій составляло источникъ пропитанія, власти и славы. Находясь, какъ объяснено выше [32], въ невозможности комментировать и распространять тѣ капитальныя постановленія Закона, которыя,

---

[32] Стр. 458 — 459.

по измѣнившимся политическимъ отношеніямъ, не могли имѣть приложенія по возвращеніи Іудеевъ изъ Вавилонскаго Плѣна, и число которыхъ увеличилось еще болѣе съ разсѣяніемъ народа по разрушеніи Втораго Храма, — Законоучители признали нужнымъ замѣнить ихъ другимъ чѣмъ-нибудь, и налегли на изобрѣтеніе выше объясненныхъ «охранительныхъ» или «оградительныхъ» установленій, на размноженіе постановленій обрядовыхъ, и на дробленіе соединенныхъ съ исполненіемъ ихъ мелочныхъ правилъ. Талмудъ биткомъ набитъ безчисленными постановленіями и правилами этого рода, которыя могутъ служить, служили и служатъ только къ отягощенію народа (отнимая у него досугъ для полезнаго труда матеріальнаго), къ охлажденію въ немъ религіознаго чувства (пріучая его, за множествомъ *наружныхъ мелочей*, забывать *внутреннее значеніе* обрядовъ, и замѣнять *благоговѣніе числомъ* наблюдаемыхъ при исполненіи ихъ правилъ), и вообще къ *угашенію духа* (располагая заниматься пустяками и видѣть въ нихъ существенную важность, и отучая отъ свободнаго мышленія и дѣйствованія опредѣленіемъ всякаго шага и движенія въ жизни). Такъ, на-примѣръ, у Моисея воспрещается варить козленка въ молокѣ его матери; какъ «оградительныя» установленія къ этому, Талмудическіе Учители придумали запретить: 1) варить въ молокѣ какое-бы то ни было мясо; 2) употреблять сосудъ, въ которомъ изготовляется мясная пища, на изготовленіе въ немъ пищи молочной; 3) ѣсть молочную пищу не ранѣе какъ по истеченіи шести часовъ послѣ принятія пищи мясной, а сію-послѣднюю послѣ молочной — не ранѣе какъ черезъ часъ. Такъ, у Моисея воспрещается совокупленіе съ женщиною въ-продолженіе періода мѣсячнаго очищенія; для охраненія этого запрета, Талмудъ постановляетъ, что, въ продолженіе этого періода, мужъ не долженъ прикасаться къ женѣ даже пальцемъ, ни даже брать что-либо непосредственно изъ ея рукъ — И пусть бы еще исполненіе всѣхъ придуманныхъ мелочей

отдано было на произволъ народа, представлено дѣломъ похвальнымъ (méritoire), но не обязательнымъ; такъ нѣтъ: Талмудъ всѣ обряды возводитъ въ догматы, и требуетъ самой строгой точности и неуклоннаго исполненія всѣхъ относящихся къ нимъ постановленій и правилъ. Такъ, Законъ Моисеевъ предписываетъ имѣющему надобность въ очищеніи себя обмыть *все тѣло*; Талмудъ-же налегаетъ столь сильно на слово *все*, что объявляетъ незаконнымъ омовеніе женщины, которая въ продолженіе этого дѣйствія держала сжатыми губы и руки, или которой попалъ въ это время волосъ въ ротъ (тракт. *Микваотъ*): вслѣдствіе чего, служанка Р. Аббы должна была повторить омовеніе, потому-что у ней нашли засѣвшую между зубовъ маленькую косточку (тракт. *Нидда*).

8. Способъ, какимъ Талмудическіе Учители извлекли изъ Св. Писанія свои объясненія и дополненія къ нему, и средства, какими вообще построено все зданіе Устнаго Закона, то-есть «указанія» и «намёки»—таковы, что изученіе Талмуда необходимо должно не изощрять умъ его послѣдователей, а пріучать ихъ во всемъ къ вреднымъ тонкостямъ, натяжкамъ, плутовской изворотливости, лживости, надувательству, и, наконецъ, совершенно убивать въ нихъ уваженіе къ самому Св. Писанію. Въ рукахъ Законоучителей оно сдѣлалось не откровеніемъ божественнымъ, а самымъ послушнымъ орудіемъ ихъ воли: они заставляли его говорить все, чего имъ хотѣлось; все, что приходило имъ въ голову; тогда-какъ Законоучителямъ этимъ, еслибы они искренно имѣли въ виду внушить народу уваженіе къ Св. Писанію, слѣдовало для этого не толковать о безднѣ премудрости заключающейся въ каждомъ его словѣ, каждой частицѣ, а прежде всего самимъ обращаться съ нимъ съ уваженіемъ, какое подобаетъ святынѣ [33]. Чтобы видѣть,

---

[33] Манеру свою объяснять Св. Писаніе, Талмудисты привели даже въ систему и изложили отчасти въ числѣ «тринадцати герменевтическихъ правилъ», о которыхъ упомянули мы выше, говоря о Караимахъ. Правила эти,

до какой степени доходило у Законоучителей злоупотребленіе въ дѣлѣ обращенія съ Св. Писаніемъ, довольно прочесть только то мѣсто въ самомъ Талмудѣ, гдѣ открыто говорится, что «въ члены Санхедрина можно было избирать только тѣхъ, которые были въ состояніи *представить нечистое какъ чистое, несмотря на Законъ»* (тракт. *Санхедринъ*). О тонкостяхъ и натяжкахъ Раввиническихъ можно составить себѣ понятіе по доказательствамъ приводимымъ Раввинистами въ пользу необходимости и дѣйствительности существованія Объяснительнаго Преданія для Письменнаго Закона Моисеева, доказательствамъ, которыя перечислены уже нами выше. Такимъ образомъ, и хорошія установленія, которыя заключаются въ Талмудѣ, какъ тѣ, что привели мы выше, совершенно теряютъ цѣну отъ способа какимъ онѣ получили существованіе. Чувствуя необходимость отмѣненія какого-нибудь неудобоисполнимаго постановленія Моисеева, Законоучители, вмѣсто того чтобы сказать это просто и откровенно, старались найти средство уклониться отъ исполненія этого постановленія — въ самомъ Св. Писаніи, и дѣлали его игрушкою. Такъ, напримѣръ, по разнымъ отношеніямъ, нужно было отмѣнить прощеніе долговъ въ «годъ отпущенія»: его и отмѣнили, но какъ? Заимодавецъ, предъ наступленіемъ этого года, долженъ былъ представить долговое обязательство въ Судъ; а какъ Судъ властенъ взыскать съ должника, то такимъ образомъ предполагалось, что *заимодавецъ имѣлъ претензію уже не на должникъ, а на Судъ*, изъ котораго во всякое время можно получить слѣдующій долгъ.

они, разумѣется, объявляютъ данными Моисею отъ самого Бога, вмѣстѣ съ закономъ Письменнымъ и Устнымъ. Позднѣйшіе Раввины вздумали припечатывать ихъ къ обыкновеннымъ молитвенникамъ, безъ объяснительныхъ примѣровъ, въ видѣ голыхъ положеній, которыя даже и изъ Раввиновъ-то понимаютъ немногіе, а изъ міранъ едвали одинъ на тысячу. По этому случаю одинъ новый писатель весьма остроумно замѣтилъ, что «Жиды молятся логикою и поютъ метафизику».

9. Мало того: все сказанное служило лишь побочнымъ поводомъ къ отнятію у народа уваженія къ Св. Писанію; а Законоучители убивали это уваженіе не только своимъ нецеремоннымъ съ нимъ обращеніемъ, но прямо проповѣдуя неуваженіе къ нему, и безстыдно ставя свой собственный авторитетъ выше святости Закона Письменнаго. Свидѣтельствуютъ это слѣдующія мѣста Талмуда: «Кто занимается изученіемъ Письменнаго Закона, тотъ дѣлаетъ такое дѣло, которое и хорошо, и нѣтъ; кто занимается изученіемъ Мишны, тотъ дѣлаетъ уже нѣчто такое, за что заслуживаетъ награды; тотъ-же, кто предается изученію Гемары, творитъ такое дѣло, съ которымъ никакое другое не можетъ сравниться достоинствомъ» (тракт. *Бава-Меція*).—«Нѣтъ покоя тѣмъ, которые отъ изученія Галахи (или Талмуда) обращаются опять къ изученію Закона Письменнаго» (тракт. *Хагига*). — «Противорѣчить своему Раввину — тоже, что противорѣчить самому Господу» (тр. *Санхедринъ*). — «Кто поступаетъ противу словъ Ученыхъ Израильскихъ, заслуживаетъ смерти» (тр. *Ерувинъ*). — Слова Ученыхъ Израильскихъ гораздо достойнѣе вниманія, чѣмъ слова Закона Моисеева» (тамъ же) [34].

---

[34] Въ доказательство, что тѣ, которые предпочитаютъ законъ Моисеевъ законамъ Раввиническимъ, заслуживаютъ смерти, и она постигаетъ ихъ, разсказывается Талмудистами слѣдующая легенда (приводимая у Буксторфа въ «Recensio Operis Thalmudici): «Rex gentilis Pirgandicus, convocatis suis consiliariis, instruxerat coenam magnificam, ad quam invitaverat undecim honoratissimos in sua terra rabbinos. Illi accedentes, supra spem honorifice a rege excepti fuere. Tria autem ipsis rex postea proponebat, ut vel carnem suillam, lautissime apparatam, secum comederent, vel cum pulcherrimis foeminis gentilibus concumberent, vid vinum gentilium cum ipso biberent. Iudaei triduanum deliberandi spatium postularunt. Eo elapso, responderunt, duo priora expresse in lege sua prohibita esse, ideoque se id facere recusare; tertium, quia a rabbinis tantummodo vetitum sit, se id minime abnuere. Coena sic fuit adparata, et Iudaei ad mensas facili arte in circulum volabiles collocati, ubi largius bibere caepissent, mensae fuerunt claculum gyratae, sic ut carnes suillae ipsorum manibus obvenirent. Iudaei diffluentes, carnes illicitas incauti comederunt. Tandem choreae institutae, mulieres forma praestantes adductae cum quibus etiam sancti rabbini isti, vino et venere incensi et victi, per

10. Все, что есть нравственнаго въ Талмудѣ теряется въ гораздо бо̀льшемъ количествѣ безнравственнаго. Въ пристрастіи къ своей учености, Законоучители проповѣдуютъ ненависть и жестокость къ людямъ чуждымъ ея, до такой степени что объявляютъ позволительнымъ «распластать неуча (*амъ-гарецъ*) какъ рыбу, съ тѣмъ только, чтобы операція эта начата была со спины» (тр. *Перашимъ*). А каковы, на-примѣръ, слѣдующія правила: «Сдери кожу съ трупа на площади, да пріобрѣти что-нибудь; не говори никогда: я Первосвященникъ, я человѣкъ значительный, это занятіе мнѣ не прилично» (тр. *Песахимъ*).—Безстыдство — это царство, только безъ короны». — «Наглостью можно дѣйствовать съ успѣхомъ даже противу самаго Бога» (тр. *Санхедринъ*). — Женскій полъ въ Талмудѣ ставится чрезвычайно низко: всѣ обязанности относительно воспитанія и устроенія судьбы дѣтей возлагаются исключительно на отца; матери считаются неспособными къ этому. «Учить женщинъ Закону», говоритъ Талмудъ, «значитъ учить ихъ искуству обольщать» (тр. *Сота*). — «Magis expetit mulier cabum unum rei venereae, quam novem cabos vitae solitariae», то-есть женщины созданы только для того, чтобы служить орудіемъ къ воспроизведенію рода человѣческаго (тамъ же).—Р. Іохананъ, объясняя причины, отчего родятся дѣти хромые, слѣпые, глухіе и нѣмые, и подъ предлогомъ воспрепятствовать мужьямъ злоупотреблять своими женами, входитъ въ самыя неблагопристойныя подробности относительно этого предмета, способныя къ возбужденію самаго грубаго распутства (тракт. *Калла*).—О Р. Акибѣ и Р. Каганѣ разсказывается, что они хотѣли собственными глазами видѣть что̀ дѣлали ихъ учители въ комнатахъ у

noctem concubuerunt. Sequente die a rege moniti, ut quid ita licentes contra legem suam peccarint, cum rubore et magno conscientiae vulnere discesserunt et mortem sibi propterea optarunt, et intra annum mortui sunt morte repentina». Все это за то, что герои разсказываемой сказки рѣшились скорѣе нарушить постановленіе Раввиновъ, чѣмъ Законъ Моисеевъ.

себя съ женами, утверждая, что и это составляло часть Закона, которому должны были учиться у нихъ (тракт. *Берахотъ*).—Р. Самуилъ учитъ торжественно какъ можно concipere facere virginem, nullo virginitatis detrimento (тракт. *Хагига*), и много тому подобнаго.

11. Противу дѣльныхъ и полезныхъ свѣдѣній, заключающихся въ Талмудѣ, воюетъ тамъ же множество вредныхъ нелѣпостей, предразсудковъ и суевѣрій. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: «Женщина, которая во время беременности ѣстъ горчицу—будетъ имѣть дитя прожорливое; если она употребляетъ въ это время опьяняющіе напитки—дитя будетъ чернаго цвѣта; если-же ѣстъ рыбу—то дитя будетъ мило людямъ», и т. д (тракт. *Кешуботъ*). — «Воскресеніе мертвыхъ можетъ имѣть мѣсто только въ Палестинѣ: поэтому, Господь открываетъ подлѣ могилъ Евреевъ, умершихъ въ Плѣненіи, длинныя пещеры, черезъ которыя трупы ихъ и катятся, какъ бочки, въ Святую-Землю, чтобы воспринять здѣсь душу» (Талм. Іерус., тракт. *Килаимъ*).—«Кто хочетъ узнать, были-ли у него черти, пусть возметъ мелко-просѣянной золы и посыплетъ ее подъ кроватью; утромъ онъ увидитъ на ней какъ-бы слѣды пѣтушьихъ лапъ. А кто желаетъ увидѣть чертей, пусть добудетъ матку черной кошки, рожденной въ первыхъ родахъ черною же кошкою, тоже родившеюся отъ матери своей въ первые ея роды; эту матку сжечь въ порошокъ, и этого порошку насыпать себѣ въ глаза: тогда и увидишь чертей» (тр. *Берахотъ*).—«Богъ создалъ свѣтъ единственно для того, чтобы приложить къ дѣлу законъ Обрѣзанія» (тр. *Шаббатъ*), и проч. и проч.

12. Что-же всего болѣе, послѣ религіознаго деспотизма, можно ставить въ вину Талмуду, это — духъ фанатизма который въ немъ разлитъ и возбуждается множествомъ предписаній, это духъ гордости который онъ поселяетъ въ своихъ послѣдователяхъ, это антисоціальныя правила которыя онъ внушаетъ, это вражда къ другимъ народамъ

которую онъ проповѣдываетъ. Намъ больно подтверждать сказанное многочисленными ссылками на Талмудъ; но какъ мы должны представить доказательства справедливости нашихъ упрековъ, то приведемъ, въ образчикъ, только нѣкоторыя изъ относящихся сюда мѣстъ этой книги, какія попадутся. Читаемъ: «Не-Іудей дѣлающій зло Іудею, дѣлаетъ зло самому Богу» (тракт. *Санхедринъ*). — «Такимъ образомъ совершаетъ онъ преступленіе противу Величества, и заслуживаетъ смерти» (тамъ-же).—«Весь Израиль будетъ участвовать въ блаженствѣ будущей жизни» (тамъже).—«Огонь Геэнны безсиленъ даже противу нечестивцевъ изъ Іудеевъ» (тр. *Ерувинъ*).—«Установленія Закона, относящіяся къ землѣ, не могутъ быть приводимы въ исполненіе нигдѣ кромѣ Земли-Израильской» (тр. *Киддушимъ*) [35]. — «Да не ждетъ никакого прощенія отъ Господа кто возвращаетъ не-Іудею вещь, нечаянно потерянную симъ-послѣднимъ» (тракт. *Санхедринъ*). — Всякое добро которое Законъ Моисеевъ предписываетъ, и всякое зло которое онъ воспрещаетъ дѣлать: «ближнему», «брату», «товарищу», должно—объясняетъ Талмудъ—понимать только въ отношеніи къ Іудеямъ: ибо не Іудеи не суть имъ ни ближніе, ни братья, ни товарищи (тракт. *Бава-Меція*), и т. п. [36].

Остальныя за симъ темныя стороны Талмуда, хотя въ этомъ отношеніи есть еще довольно на что̀ можно было-бы указать, оставляемъ въ покоѣ. Оканчивая отчетъ нашъ объ этомъ произведеніи, замѣтимъ только въ-заключеніе, что всѣ сѣмена, всѣ зародиши зла, какъ ни много ихъ въ Талмудѣ, могли-бы заглохнуть отчасти, или быть

---

[35] Этимъ объясняется, между прочимъ, отвращеніе оказываемое Евреями къ занятію земледѣліемъ вездѣ гдѣ ни старались обратить ихъ къ этому промыслу.

[36] Фанатизмъ, антисоціальность, софистическая казуистика и прочія темныя стороны Талмуда, на которыя мы здѣсь указали, не чужды и Законоучителямъ Мишническимъ, но преимущественно отличаются ими авторы Гемары, которая притомъ стоитъ гораздо ниже Мишны и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.



задушены, и не взойти, и не принести плода, какой принесли онѣ, если-бы, какъ мы видѣли, Талмудъ не провозглашалъ себя непогрѣшительнымъ, не объявлялъ обязательнымъ всего, что въ немъ предписывается, не называлъ себя, отъ начала до конца, со всемъ, что въ немъ содержится — со всѣми противорѣчивыми мнѣніями, диспутами, разсказами, легендами — откровеніемъ Божественнымъ [37]; или если-бы Раввинисты не признали за нимъ этихъ притязаній; а то они признали ихъ всѣ, и приняли его, принимаютъ доселѣ, какъ книгу въ высшей степени священную, авторитетъ которой не только равенъ авторитету Св. Писанія, но далеко его превосходитъ. Въ этой-то вѣрѣ въ непогрѣшительность и несомнѣнность Талмуда и заключается преимущественно корень зла, который отъ времени и обстоятельствъ не только не тощалъ и не сохъ, а все болѣе-и-болѣе крѣпъ и усиливался. Правда, всегда находились между Раввинистами люди съ свѣтлою головою, которые смотрѣли на него не такъ пристрастно, и старались отчасти передать этотъ взглядъ на него и единовѣрцамъ своимъ [38]; правда и то, что, особенно въ новѣйшее время, когда общее европейское образованіе начало проникать въ среду Раввинистовъ, противу воли ихъ, собственною

---

[37] Сказано въ Св. Писаніи (Исходъ, XXIV, 12): «И рече Господь къ Моисею: *Взыди ко мнѣ на гору и стани тамо; и дамъ ти скрижали каменныя законъ и заповѣди, яже написахъ законоположити имъ*». Талмудъ (тракт. *Берахотъ*) объясняетъ это мѣсто такимъ образомъ: подъ «скрижалями» разумѣются десять заповѣдей; подъ «закономъ» — остальное Пятикнижіе, подъ «заповѣдями»—Мишна; подъ «*яже написахъ*»— Пророки и прочія библейскія книги; подъ «*законоположити имъ*» — Гемара. Это, продолжаетъ Талмудъ, доказываетъ, что все — и Пророки, и прочія Библейскія книги, и Мишна, и Гемара — все это устно сообщено было Богомъ Моисею на горѣ Синаѣ.

[38] Такъ Іегуда-Галеви, писатель XII вѣка, и авторъ извѣстной книги «*Сеферъ-Козри*», признавался, что въ Талмудѣ есть много мѣстъ поразительной нелѣпости, и что онъ не иначе могъ объяснить себѣ это, какъ скрупулозностію, съ какою старались, послѣ Іегуды-Гакадоша, списывать все относящееся къ Закону и заучивать наизустъ, слово-въ слово, тогда даже, когда ни слова не понимали изъ того что̀ списывали и что̀ заучивали наизусть (*Сеферъ-Козри*, бесѣда III, въ концѣ).

своею силою, явилось между ними много такихъ которые стали открыто говорить, писать и дѣйствовать противу злоупотребленій проистекшихъ отъ вѣры въ его божественность и непогрѣшительность; но — все это не болѣе какъ исключенія изъ общей массы, которая всегда, и теперь какъ прежде, смотрѣла и смотритъ на этихъ выскочекъ какъ на еретиковъ, на отступниковъ, и, когда могла, преслѣдовала ихъ за то всѣми силами. Правовѣріе Раввинистское требуетъ безусловной, неограниченной вѣры въ Талмудъ. Это основный и капитальный догматъ Раввинизма; а между-тѣмъ, должно замѣтить, ни Мишна отдѣльно, ни вмѣстѣ съ тою или другою Гемарою, подъ именемъ Талмуда, никогда и нигдѣ, ни въ самое время появленія своего на свѣтъ, ни послѣ того, не были приняты Евреями къ неуклонному и обязательному исполненію посредствомъ какого-либо торжественнаго акта, или введены между ними Санхедриномъ или другою какою-либо законно-уполномоченною властью. При общемъ, почти утвердившемся уже тогда и распространившемся между народомъ вѣрованіи въ существованіе Устнаго Закона, Мишна и Талмудъ приняты были въ школахъ, по уваженію къ личности ихъ составителей, сначала какъ руководства при изученіи и преподаваніи этого Закона, а потомъ уже, съ теченіемъ времени только, когда, въ-свою-очередь, сами сдѣлались предметомъ толкованій и обработки, получили тотъ характеръ святыни, который до-сихъ-поръ придается имъ Раввинистами [39].

---

[39] Талмудъ, какъ Вавилонскій, такъ Іерусалимскій, много разъ издаваемъ былъ въ Европѣ. Лучшія изданія, безъ выпусковъ, суть древнѣйшія: Венеціанскія, Краковскія, Люблинское. Употребительнѣйшія между нашими Евреями изданія Талмуда Вавилонскаго суть: Вѣнское 5551 (1791) года, и Диренфуртское 5563 (1803) года. Іерусалимскій Талмудъ не изучается почти вовсе, и далеко не имѣетъ въ глазахъ Раввинистовъ того авторитета какъ Вавилонскій, потому именно, быть можетъ, что Гемаристы Іерусалимскіе не отличаются такимъ фанатизмомъ, гордостью и самоувѣренностію, какъ Вавилонскіе.

Но и собраніемъ Гемаръ, какъ прежде изданіемъ Мишны, не былъ положенъ конецъ развитію Устнаго Закона; этимъ событіемъ, можно сказать, заключился лишь первый, *образовательный*, періодъ Ново-Еврейскаго Законодательства, начавшійся съ возвращенія изъ Плѣна. Народъ, такъ или иначе, а продолжалъ жить: продолжало, естественно, измѣняться и дополняться его законодательство, вступившее, съ изданія Гемаръ, во второй періодъ, періодъ *обработки и развитія*. Имъ и займемся мы теперь.

Задолго еще до составленія обоихъ Талмудовъ, вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ Мишны, явились изданныя учениками Іегуды-Гакадоша объясненія и дополненія къ ней: *Барейта* и *Тозифта*, комментарій на Пятикнижіе извѣстный подъ именемъ *Мехильты*, и другія произведенія такого-же рода. Послѣ-же окончательной редакціи Вавилонскаго Талмуда Себураимами, дальнѣйшую систематическую обработку этого сборника начали *Гаонимы*— «Превосходные»—какъ назывались Президенты іудейскихъ Академій, отъ возстановленія сихъ-послѣднихъ въ Персіи, послѣ гоненій, испытанныхъ въ VI вѣкѣ, до совершеннаго и окончательнаго закрытія ихъ тамъ въ концѣ X вѣка, всего въ-теченіе около четырехъ столѣтій. Во второй половинѣ этого періода, когда начали процвѣтать науки у покорителей Персіи Арабовъ, Іудеи персидскіе также приняли участіе въ этомъ движеніи, и ревностно принялись за изученіе Аристотелевой философіи: чтò отразилось сильно и въ направленіи какое приняла у нихъ тогда и сохранила надолго обработка національнаго Богословія. Знаменитѣйшимъ изъ Гаонимовъ былъ *Р. Саадія* (ум. въ 942), который сочиненіями своими, преимущественно извѣстнымъ подъ заглавіемъ *Эмунотъ-Ведеотъ*, первый проложилъ путь этому направленію. Отличный богословъ, грамматистъ и языковѣдецъ, онъ извѣстенъ также переводами своими на арабскій Пятикнижія, Исаіи и Іова. Послѣдніе изъ Гаонимовъ, *Р. Шерира* и сынъ его *Р. Гай* (ум. въ

1036), также славны какъ послѣдніе ученые того времени. *Р. Гай* въ-особенности: ревностный талмудистъ, каббалистъ и противоборникъ философскаго направленія, онъ велъ огромную переписку, что не помѣшало ему оставить еще на арабскомъ и раввиническомъ языкахъ множество сочиненій юридическаго, герменевтическаго и лингвистическаго содержанія.

Въ Европѣ, въ это время, изученіе Талмуда находилось весьма въ незавидномъ положеніи. Испанскіе Евреи, знаемъ, и книги имъ нужныя выписывали изъ Персіи, и по дѣламъ искали совѣта у тамошнихъ законовѣдцевъ, и дѣтей своихъ, для обученія Закону, какъ ни затруднительны были подобныя путешествія, посылали туда-же. Но когда іудейскія Академіи въ Персіи уничтожились, и тамошніе ученые принуждены были искать убѣжища въ Африкѣ и Испаніи, гнѣздомъ и разсадникомъ богословско-юридической учености Іудеевъ сдѣлалась сія-послѣдняя въ той ея части гдѣ господствовали Мавры и языкъ арабскій. Отсюда разлилась уже она по Франціи и всей остальной Европѣ, процвѣтая по-временамъ и въ разныхъ мѣстахъ Африки, преимущественно въ Египтѣ и Магребѣ.

Первою раввиническою знаменитостію въ Европѣ, по водвореніи здѣсь изученія Талмуда, является *Исаакъ-Альфеси* (то-есть родомъ изъ Феца), прибывшій въ Испанію въ 1089 и умершій здѣсь въ Луценѣ въ 1103 году [40]. Онъ первый составилъ сокращеніе Талмуда, выкинувъ изъ него всѣ спорные вопросы и легенды. Трудъ этотъ, по имени автора, также называется *Альфеси*, и несмотря на всѣ

---

[40] Замѣтимъ здѣсь, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній со стороны читателей, что въ слѣдующихъ страницахъ предлагается очеркъ раввинической литературы лишь въ отношеніи къ обработкѣ и развитію талмудическихъ началъ, а не очеркъ исторіи раввинской литературы вообще: почему они и не встрѣтятъ здѣсь многихъ именъ пріобрѣвшихъ заслуженную знаменитость трудами по части изящной литтературы, наукъ словесныхъ, естественныхъ и другихъ отраслей знанія. Представляемый очеркъ мы весь почти цѣликомъ заимствуемъ у Беэра.



позднѣйшія изданія въ томъ же родѣ, пользуется доселѣ большимъ уваженіемъ у Раввиновъ [41]. Вскорѣ послѣ Альфеси, прославился *Комментаріемъ* своимъ на весь почти *Ветхій Завѣтъ* и на весь *Талмудъ*, почитаемый величайшимъ изъ талмудическихъ ученыхъ, *Р. Саломонъ бенъ-Исаакъ*, называемый вообще *Раши*, родомъ изъ Труа (Troyes) во Франціи. *Комментарій* его *на Талмудъ* есть гигантское и вмѣстѣ мастерское произведеніе, безъ помощи котораго чудовищный сборникъ этотъ былъ-бы совершенно непонятенъ; а *Комментарій* его *на Ветхій Завѣтъ*, безъ котораго сей-послѣдній и не читается Раввинистами, должно считать книгою, которая послѣ Талмуда можетъ-быть болѣе всего вредна по вліянію своему на еврейское юношество, ибо совершенно пропитываетъ Св. Писаніе талмудическими понятіями и заставляетъ его на каждомъ шагу говорить то, чего въ немъ вовсе нѣтъ. Вслѣдъ за Раши, упомянемъ, по знаменитости пріобрѣтенной въ ученой европейской литтературѣ книгою: *Сеферъ-Козри*, объ авторѣ ея *Іегудѣ-Галеви* (ум. около 1150), который между единовѣрцами своими извѣстенъ не менѣе и какъ авторъ превосходныхъ духовныхъ пѣсенъ; *Сеферъ-Козри* написана на арабскомъ въ защиту Раввинизма противъ Караимовъ, Христіанъ и Мусульманъ, и, вскорѣ по смерти автора, переведена была *Іегудою бенъ-Тиббономъ* на еврейскій. Въ XII-же столѣтіи жили и писали о предметахъ права и религіи, и многія другія знаметитости еврейской литтературы Среднихъ Вѣковъ, между коими звѣздами первой величины являются *Абенъ-Эзра* и *Маймонидъ*.

Р. Абрагамъ-бенъ-Эзра, или, какъ обыкновенно называютъ его, *Абенъ-Эзра*, философъ, натуралистъ, астрономъ и лингвистъ, родился въ Толедо въ 1090, умеръ, полага-

---

[41] Лучшія изданія *Альфеси* суть: Сабіонетское 1554; Краковское 1597; Константинопольское 1599; Амстердамское 1720; Зульцбахское 1764.

ютъ, въ Родосѣ въ 1170 году, а жизнь провелъ бо̀льшею частію въ странствованіяхъ. Ученикъ караимскаго писателя Яѳета Галеви, онъ отличался во всѣхъ своихъ произведеніяхъ необыкновеннымъ свободномысліемъ, оригинальностію и свѣтлостію взгляда; въ богословской литературѣ замѣчателенъ особенно тѣмъ, что въ *Комментаріи* своемъ *на Пятикнижіе* [47], вообще превосходномъ сочиненіи, первый осмѣлился уклониться отъ общепринятаго тогда у Іудеевъ талмудическаго и мистическаго способа объясненія его, и утверждалъ даже многое прямо противуположно Талмуду; но какъ онъ не могъ дѣлать этого открыто, то часто долженъ былъ высказывать свою мысль неясно, и мнѣнія свои выражать въ темныхъ и загадочныхъ фразахъ.

Р. Моше бенъ-Маймонъ, называемый обыкновенно Евреями *Рамбамъ* [48], у христіанскихъ-же писателей извѣстный болѣе подъ патронимическимъ именемъ *Маймонида*, родился въ Кордовѣ, въ 1133 году, въ молодости переселился въ Египетъ, занималъ здѣсь, какъ знаменитый медикъ, важныя государственныя мѣста при мусульманскихъ владѣтеляхъ этой страны, между прочими при извѣстномъ султанѣ Саладинѣ, и здѣсь же умеръ въ 1205 или 1206 году. «Отъ Моисея (Пророка) до Моисея (Маймонида) не не было во Израилѣ такого человѣка, какъ Моисей (Маймонидъ)» — говорятъ объ немъ Іудеи; и дѣйствительно, значеніе его въ исторіи Раввинизма весьма высоко. Онъ далъ своими трудами зданію Талмудизма, съ одной стороны, цѣлость, стройность и полноту, которыхъ оно до него не имѣло, а съ-другой — старался разрѣдить мракъ его свѣтомъ разума, утвердить его на философскихъ началахъ. Ве-

---

[47] Лучшее изданіе этого Комментарія — Амстердамское 1722 г.

[48] Вслѣдствіе обычая Евреевъ сокращать имена ученыхъ, означая только првую букву ихъ имени собственнаго и патронимическаго, и ставя впереди *Ра*, сокращеніе титула *Рабби*: такимъ-образомъ изъ *Рабби Моше бенъ-Маймонъ* выходитъ *Рамбамъ;* изъ *Рабби Саломонъ бенъ-Исаакъ* — *Раши*; и т. д.

31

ликому уму хотѣлось соединить свободу мышленія съ полною религіозностію. Какова-бы ни была задача Маймонида, онъ имѣлъ огромное вліяніе на своихъ современниковъ, и широкимъ слѣдомъ ознаменовалъ путь свой по излучинамъ Талмудизма. Еще въ самой ранней молодости пріобрѣлъ онъ необыкновенную талмудическую начитанность, такъ-что на двадцать третьемъ году отъ роду написалъ уже, по-арабски, *Комментарій на Мишну*, который въ-послѣдствіи переведенъ былъ на еврейскій, и доселѣ не перестаетъ припечатываться ко всѣмъ изданіямъ Талмуда. Сочиненіе это обнаружило уже въ Маймонидѣ рѣдкія дарованія и оригинальность метода; но необыкновенную славу свою заслужилъ онъ не этимъ Комментаріемъ, а преимущественно другими двумя произведеніями: ***Ядъ-Гахазака*** и ***Морэ-Небухимъ*** [44]. Первое, написанное на еврейскомъ языкѣ, есть сокращеніе Талмуда, расположенное, въ противность примѣру всѣхъ предшественниковъ Маймонида, не въ порядкѣ трактатовъ этого сборника, а по болѣе систематическому распредѣленію предметовъ. Книга эта отличается ясностію изложенія и чистотою языка — достоинствами, которыхъ нѣтъ въ Талмудѣ, но въ ней авторъ ни на шагъ не отступаетъ отъ строжайшаго талмудическаго правовѣрія, почему она принята была вездѣ съ величайшимъ восторгомъ и одобреніемъ, и доселѣ по авторитету пользуется вторымъ мѣстомъ послѣ Талмуда. ***Морэ-Небухимъ*** написано было Маймонидомъ по-арабски, а на еврейскій переведено уже послѣ. Въ этой книгѣ, затмившей славою своею всѣ другія произведенія раввинской литературы, заключается объясненіе метафоръ, аллегорій, притчъ и всякаго рода трудностей встрѣчающихся въ Св. Писаніи, основанное на одномъ здравомъ разсудкѣ, и раціональное

[44] Лучшія изданія *Ядъ-Гахазака* съ замѣчаніями противниковъ и комментаріями на нея суть: Венеціанскія 1524, 1550 и 1574 - 6, Амстердамское 1702 и Есницкое (Jessnitz) 1740 года. Лучшія изданія *Морэ-Небухимъ*: Венеціанское 1551, Сабіонетское 1553, и Берлинское 1791 года.

оправданіе его заповѣдей и запретовъ. Въ ней царствуетъ совершенно иной духъ, чѣмъ въ *Ядъ-Гахазака*, свидѣтельствующій, что въ семъ-послѣднемъ Маймонидъ слѣдовалъ не собственнымъ мнѣніямъ и взгляду на религію Моисея, а чисто талмудическимъ, которыхъ не раздѣлялъ весьма во многомъ. Такое свободномысліе естественно нажило Маймониду между ревностными Талмудистами множество враговъ вездѣ; но особенною враждою къ нему и его защитникамъ воспламенились раввины французскіе, отличавшіеся слѣпою приверженностію къ талмудической старинѣ: во главѣ ихъ сталъ *Р. Саломонъ-бенъ-Адеретъ*, начальникъ синагоги въ Монпелье; вслѣдствіе этого, *Морэ-Небухимъ* торжественно предано было здѣсь сожженію, авторъ его объявленъ еретикомъ, и, такъ-какъ источникомъ отступничества Маймонидова признано было знакомство его съ философіею, то, для пресѣченія зла въ корнѣ, занятіе философіею воспрещено до двадцати-пятилѣтняго возраста, подъ страхомъ проклятія. Много лѣтъ продолжалась эта война противъ Маймонида и здраваго смысла; но наконецъ всѣ испанскіе раввины, въ-особенности нарбонскіе, возстали разомъ, подъ предводительствомъ извѣстнаго грамматика и экзегета *Р. Давида Кимхи*, на защиту Маймонидова правовѣрія, и воевали до того, что, наконецъ — не здравый разсудокъ, а — партія Маймонида одержала побѣду; но несмотря на то, *Морэ-Небухимъ* и доселѣ остается камнемъ преткновенія и предметомъ ненависти для фанатиковъ.

Въ *Комментаріѣ на Мишну* и въ *Ядъ-Гахазака* Маймонидъ положилъ основаніе разработкѣ и приведенію въ систему огромной и нестройной массы Талмуда. Онъ первый представилъ «Символъ Іудейской Вѣры въ тринадцати членахъ»; имъ впервые придумана была подробная исторія непрерывной преемственности Преданія, которой нѣтъ въ Талмудѣ, и выведены изъ Пятикнижія тѣ «шестьсотъ тринадцать заповѣдей», раздѣляющихся на 365 запретовъ

и 248 приказовъ, о существованіи которыхъ въ Пятикнижіи Талмудъ только-что упоминаетъ. По проложенному имъ пути пошли потомъ многіе, какъ защитники его, такъ и противники. Ученіе Талмудическое уяснялось; но вмѣстѣ съ-тѣмъ дополнялось, распространялось и сильно росло въ объемѣ. Съ другой стороны, въ слѣдъ же за Маймонидомъ, многіе принялись сокращать Талмудъ. Первымъ подражателемъ его въ этомъ дѣлѣ явился, жившій въ Толедо, нѣмецкій еврей *Р. Ашеръ* (въ 1305), книга котораго называется *Ошори*. Другіе пустились, по примѣру Раши, комментировать весь Талмудъ или отдѣльные его трактаты. *Р. Исаакъ*, изъ Парижа, раздѣлилъ шестдесятъ трактатовъ, составляющіе Талмудъ, между такимъ же числомъ своихъ учениковъ, и каждому выпавшій на его долю трактатъ далъ изучать вмѣстѣ съ комментаріемъ Раши. Когда это изученіе было окончено, онъ, въ-теченіе тридцати лѣтъ, прочелъ съ ними всѣ эти трактаты снова, причемъ каждый изъ учениковъ обращалъ вниманіе на встрѣчавшіяся дѣйствительныя или казавшіяся ему такими противорѣчія, которыя и были устраняемы съ большимъ остроуміемъ. Такимъ образомъ получили существованіе *Тозифотъ* — «Прибавленія» — печатающіяся обыкновенно при Талмудѣ, вмѣстѣ съ комментаріемъ Раши, въ видѣ примѣчаній по бокамъ страницъ. Многіе налегли на казуистику, записывая предлагавшіеся имъ вопросы о сомнительныхъ и запутанныхъ случаяхъ относительно обрядовъ, и разрѣшая ихъ потомъ весьма остроумно и учено, а часто и помощію самой нелѣпой софистики. Писаніямъ этого рода въ Раввинской литературѣ нѣтъ числа, ибо всякій сколько-нибудь извѣстный, или желавшій пріобрѣсть извѣстность раввинъ, непремѣнно составлялъ такой сборникъ для показа своей учености. Онѣ называются вообще *Шаалотъ-у-Тешуботъ*. Иные, наконецъ, не придумали ничего лучше, какъ комментировать труды Маймонида, а нашлись и такіе, которые на эти комментаріи стали писать еще комментаріи.

Такимъ образомъ — что одинъ старался упростить и сжать, то другіе бились изо всѣхъ силъ разбавить и растянуть вздорами собственнаго изобрѣтенія, и думая разъяснить дѣло, запутывали его только болѣе-и-болѣе. Законъ Моисея, въ томъ видѣ, въ какомъ великій Учитель изложилъ его самъ, весьма просто и понятно заключается весь въ очень небольшаго объема книгѣ. *Р. Іегуда-Гакадошъ* написалъ, въ объясненіе этого Письменнаго Закона — Устный: и *Мишна* составила шесть томовъ. *Р. Аши* собралъ объясненія на Мишну: и Талмудъ занялъ двѣнадцать толстыхъ томовъ въ листъ. Къ Талмуду припечатываются еще объясненія на него Раши и такъ-называемыя *Тозифотъ*; а это все опять, въ свою очередь, комментировали *Р. Саломонъ Лурія*, *Р. Самуель Эдель*, *Р. Мейеръ Шифъ* и многіе другіе: такъ-что этими комментаріями и комментаріями на комментаріи можно наполнить нѣсколько комнатъ. Не лучшая участь постигла и Маймонидову *Ядъ-Гахазака:* есть изданія этой книги съ десятью различными комментаріями!

Послѣднее, признанное каноническимъ же, сокращеніе Талмуда есть *Арба-Туримъ*, *Р. Якоба*, сына помянутаго выше Р. Ашера. Оно раздѣляется на четыре части: 1) *Орахъ-Хаймъ* — о законахъ обрядовыхъ относительно отдѣльныхъ лицъ; 2) *Іоре-Деа* — законы о пищѣ, чистомъ и нечистомъ, и т. д.; 3) *Хошенъ-Гамишпатъ* — законы о собственности, и 4) *Абенъ-Гаезеръ* — законы относящіеся къ супружеству. Но какъ это сокращеніе все еще было слишкомъ обширно для вседневнаго употребленія, то *Р. Іосифъ Каро*, изъ Зефата, въ Палестинѣ (ум. 1574), предпринялъ его сократить; это сокращеніе, извѣстное подъ именемъ *Шулханъ-Арухъ*, употребляется обыкновенно всѣми нынѣшними раввинами.

Но и Каро не ушелъ отъ участи своихъ предшественниковъ: его также стали опровергать и исправлять. Первый, кто занялся этимъ дѣломъ, былъ *Р. Мозесъ Израель*, изъ Кра-

кова, и съ его поправками соображаются нѣмецкіе и русскіе Евреи, тогда-какъ португальскіе, итальянскіе и левантскіе прямо слѣдуютъ Каро. Потомъ, занимались тѣмъ же еще многіе, всѣ стараясь выказать начитанность свою въ Талмудѣ и его комментаріяхъ, проницательность, остроуміе, сообразительность, діалектику, софистику, и обнаруживая часто, вмѣсто того, удивительное невѣжество. Такъ, напримѣръ, *Р. Давидъ*, авторъ комментарія *Туре-Загабъ*, говоритъ, что сахаръ не варятъ, а такъ, какъ видимъ его, въ головахъ, такъ и растетъ онъ на деревьяхъ. Въ эти комментаріи вошли, кромѣ того, многія кабалистическія положенія и безчисленные *Мингаджимы* — «Обычаи» — которые тотъ или другой Раввинъ — отъ излишняго-ли благочестія, изъ суевѣрія-ли, или изъ своенравія — ввели въ употребленіе и освятили обязательными для одной собственной своей особы или для всей своей общины. Въ особенности освящены были обычаи нѣкоего *Р. Іакова Леви*, которымъ нѣтъ и слѣда, ни въ Св. Писаніи, ни въ Талмудѣ, и всѣ его выдумки и бредни возведены на степень законныхъ учрежденій. Нѣкто *Р. Исаакъ Тирна* собралъ всѣ эти раввинскіе «капризы» и издалъ ихъ въ одной книгѣ, подъ заглавіемъ *Мингаджимъ*. И пусть-бы еще другіе раввины могли отмѣнять тѣ обычаи которые предшественники ихъ ввели — такъ нѣтъ: относительно какъ введенныхъ уже, такъ и имѣющихся еще ввестись обычаевъ, у позднѣйшихъ Раввиновъ установились правила: 1) что «однажды введенный во Израилѣ обычай имѣетъ столько же силы, какъ и самый Законъ Моисеевъ», и 2) что «однажды введенному обычаю долженъ уступать даже Законъ Талмудическій», то есть — если обычай введенъ разъ, то долженъ быть сохраняемъ, хотя-бы и противорѣчилъ какому-либо опредѣленію Талмуда [45].

---

[45] Весьма справедливо и остроумно замѣчаетъ, говоря объ этомъ, одинъ просвѣщенный раввинъ новыхъ временъ,—что еслибы заповѣди: «люби ближняго какъ самаго себя, не воруй, не мсти, не клевещи», находились въ ка-

Черезъ эти безпрестанныя, отяготительныя и мелочныя прибавки къ Письменному и Устному законамъ, число постановленій, заповѣдей и запрещеній возрасло до неимовѣрности [46]. Такимъ образомъ 613 законовъ, которые признаютъ въ Пятикнижіи Талмудъ и Маймонидъ, и изъ которыхъ, за вычетомъ относящихся къ постройкѣ Скиніи Завѣта, жертвоприношеніямъ, жрецамъ и исключительно къ Палестинѣ, едвали останется до 100 возможныхъ къ исполненію — возрасли въ *Шулханъ-Арухъ* болѣе чѣмъ до 14,000. Такъ, на-примѣръ, кодексъ этотъ даетъ 23 приказа и запрета имѣющихъ соблюдаться при утреннемъ омовеніи рукъ, 17 — при отправленіи домашнихъ работъ, 27 — при молитвѣ, 319 — во время праздника Пасхи, 1,279 — въ субботу, 177 — при убіеніи скота, 255 — при изслѣдованіи убитаго животнаго, 342 — во время траура, и т. д. Иначе, впрочемъ, и быть не могло, когда всякій раввинъ имѣлъ право прибавить къ прежнимъ еще новыя отяготительныя постановленія, и ни одинъ не имѣлъ ни права, ни возможности, отмѣнить что-либо изъ постановленій своихъ предшественниковъ безъ того, чтобы не заслужить отъ сотоварищей названій еретика, отступника, безбожника, и не подвергнуться, съ ихъ стороны, иногда даже кровавымъ преслѣдованіямъ [47].

комъ-нибудь Сборникѣ Обычаевъ, вѣрно ихъ исполняли-бы съ большею точностью, чѣмъ теперь, когда они заключаются только въ Пятикнижіи.

[46] Виною этому не одни раввины, замѣчаетъ Беэръ, а и корыстолюбивые типографщики, которые скупаютъ у пользующихся извѣстностію раввиновъ книги Закона, съ отмѣтками на поляхъ мнѣній ихъ о томъ или другомъ предметѣ, мнѣній личныхъ, записанныхъ часто вовсе безъ цѣли дать имъ законодательную силу. Между-тѣмъ мнѣнія эти, вставленныя типографщиками въ текстъ или припечатанныя на поляхъ, получаютъ такимъ образомъ освященіе и силу закона, какихъ бы далеко не имѣли, будучи напечатаны отдѣльно.

[47] Не говоря уже о томъ, что дѣлалось въ этомъ отношеніи во времена болѣе отдаленныя, приведемъ въ примѣръ одинъ случай изъ новѣйшей исторіи Раввинизма: *Р. Эзехіэль Ландау*, Оберъ-Раввинъ въ Прагѣ, пользовавшійся притомъ извѣстностію величайшаго талмудиста своего времени, вздумалъ, въ 1784 году, дать разрѣшеніе на бритье бороды въ теченіе такъ-

Оставивъ законодательство, скажемъ теперь нѣсколько словъ о богослуженіи у Раввинистовъ. Въ древнія времена, въ Скиніи и въ Храмѣ Соломоновомъ, оно состояло главнымъ образомъ, почти единственно, въ жертвоприношеніи, обряды котораго суть посему единственные, предписанные опредѣлительно и обязательно въ Пятикнижіи Моисеевомъ и въ другихъ священныхъ книгахъ Ветхаго Завѣта. По разрушеніи Перваго Храма Навуходоносоромъ, когда принесеніе жертвъ прекратилось, весьма вѣроятно, что Евреи, въ-продолженіе Плѣненія, въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ жили въ большомъ числѣ, собирались, по-крайней-мѣрѣ по субботамъ, для присутствованія при нѣкоторомъ родѣ новообразовавшагося богослуженія, которое состояло, можно полагать, не въ чемъ-иномъ, какъ въ чтеніи и можетъ-быть объясненіи Моисеева Закона и Пророковъ, а потомъ въ моленіи объ освобожденіи отъ плѣна, возстановленіи народности и возвращеніи въ Палестину. Первое сочиненіе молитвъ Маймонидъ приписываетъ Эздрѣ и Великой-Синагогѣ; но по всей вѣроятности происхожденіе ихъ несравненно позже. Нѣкоторыя изъ заключающихся въ употребительномъ нынѣ молитвенникѣ *Сидуръ-Тефилла*, принадлежатъ ко временамъ талмудическимъ, остальныя получили существованія въ разное время послѣ того. Кромѣ еврейскаго языка есть въ этомъ молитвенникѣ и молитвы на халдейскомъ. Не понимая вообще и первыхъ, масса нынѣшнихъ Іудеевъ рѣшительно уже не разумѣетъ ни слова

называемыхъ *холь-гамондъ*, или среднихъ дней недѣли въ праздники Пасхи и Кущей, тогда-какъ существовало талмудическое, вовсе неоснованное на Пятикнижіи, запрещеніе стричь волоса въ-продолженіе этихъ дней. Справедливость своего разрѣшенія подкрѣпилъ онъ неоспоримыми доказательствами въ особой изданной имъ по этому случаю книгѣ. Чтожъ вышло? Прочіе раввины подняли по этому поводу такую тревогу, какъ будто-бы Ландау ниспровергалъ весь Моисеевъ Законъ, начали нападать на него словесно и письменно со всѣхъ сторонъ, и наконецъ принудили его отказаться отъ своего мнѣнія и взять разрѣшеніе назадъ.

въ послѣднихъ [48]. Затѣмъ, для праздничныхъ и постныхъ дней, въ позднѣйшія времена, между девятымъ и одиннадцатымъ столѣтіемъ, составленъ былъ разными сочинителями особый молитвенникъ, называемый *Махзоръ*, который, какъ замѣтилъ уже Абенъ-Эзра, ниже всякой критики, какъ въ отношеніи къ грамматическому и эстетическому достоинству, такъ и относительно соотвѣтственности идей съ предметами [49]. Вообще число молитвъ умножилось со временемъ до того, что, по праздникамъ, Раввинисты должны для прочтенія ихъ употреблять все дообѣденное время съ ранняго утра. Можно представить себѣ, въ какой степени такое непрерывное шестичасовое бормотанье вовсе непонятныхъ словъ, не производящихъ ни малѣйшаго впечатлѣнія ни на сердце, ни на голову, должно наскучивать молящимся, и затушать въ нихъ всякую искру благочестія. Это у себя дома: а въ синагогахъ, кромѣ того, народъ долженъ еще цѣлые часы прослушивать бо̀льшую часть этихъ молитвъ отъ такъ-называемыхъ «школьныхъ пѣвчихъ», которые бываютъ обыкновенно величайшіе идіоты, не имѣющіе ни малѣйшаго понятія о му-

[48] Между ними, каждую субботу, читается одна, называемая *Іекумъ-Пуркінъ*, о процвѣтаніи академій въ Вавилонѣ и Палестинѣ, которыя, прошло почти уже тысяча лѣтъ, какъ не существуютъ.

[49] Молитва, между-тѣмъ, которою заключаютъ Раввинисты свои пасхальныя церемоніи, молитва о пришествіи Мессіи, проста, полна увлекательнаго одушевленія и превосходно выражаетъ чувство нетерпѣнія, съ какимъ ожидаютъ они (напрасно) этого событія. Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи передать ее читателямъ, хотя въ латинскомъ переводѣ Буксторфа: «Deus omnipotens, nunc brevi et citò templum tuum aedifica, citò, in diebus nostris, quam proxime, nunc aedifica, nunc aedifica, nunc aedifica, nunc brevi templum tuum aedifica! Misericors Deus, magne Deus, mansuete Deus, summe Deus, bone Deus, suavis Deus, egregie Deus, Iudaeorum Deus, brevi templum tuum aedifica, citò, citò, in diebus nostris, nunc citò templum tuum aedifica! Potens Deus, vive Deus, fortis Deus, celebris Deus, mansuete Deus, aeterne Deus, terribilis Deus, eximie Deus, regie Deus, dives Deus, formose Deus, fidelis Deus, nunc brevi templum tuum instaura, citò, citò, in diebus nostris, brevi, citò, nunc aedifica, nunc aedifiica, nunc aedifica, nunc aedifica, nunc citò templum tuum aedifica!».

зыкѣ, и отдуваютъ ихъ съ страшнымъ ревомъ и крикомъ, нерѣдко на голоса самыхъ неприличныхъ бурлацкихъ пѣсенъ. Когда, въ настоящемъ уже столѣтіи, нѣкоторые образованные и благомыслящіе нѣмецкіе Евреи, проникнутые несообразностію такого богослуженія съ цѣлію этого установленія, вздумали замѣнить его пѣніемъ молитвъ на общепонятномъ нѣмецкомъ языкѣ, хоромъ и въ сопровожденіи органа — анаѳемы, ругательства и проклятія посыпались на нихъ градомъ; а главнѣйшія возраженія ревнителей талмудическаго правовѣрія противу помянутаго нововведенія заключались въ томъ, что «Ангелы не понимаютъ другаго языка, кромѣ еврейскаго, и потому не понесутъ молитвъ на нѣмецкомъ къ престолу Всевышняго», и что у Моисея сказано (Втор. VI, 4): «*Слыши Израилю!*» стало быть израильтянинъ долженъ только слышать, а не понимать то, о чемъ молится.

Выше обвиняли мы Талмудъ за возбужденіе въ Евреяхъ гордости, фанатизма, вражды къ другимъ народамъ, за многочисленныя нелѣпости, суевѣрія, безнравственныя правила и вредные примѣры, въ немъ заключающіеся. Въ позднѣйшихъ раввиническихъ писателяхъ, разработывавшихъ ученіе Талмуда, и комментировавшихъ Св. Писаніе — недостатки и пороки эти еще многочисленнѣе, еще ярче. Экзегеза ихъ, герменевтика, казуистика — еще хитрѣе, еще ложнѣе, еще болѣе натянуты и исполнены тонкостей и софизмовъ, а полемика — слаба логикой и площадна по тону; все вообще — проникнуто каббалистическими бреднями и духомъ фанатизма. Источники нелѣпостей, которые оставались еще нетронутыми въ самомъ Талмудѣ, безъ приложенія къ жизни, были исчерпаны позднѣйшими его разработывателями и обращены въ новое бремя для народа: такъ *гагады* или легенды, сопровождающія въ Талмудѣ *галахи* или положительныя предписанія, и не имѣвшія большаго вѣса въ глазахъ самыхъ Талмудическихъ Учителей, послужили позднѣйшимъ ихъ по-

слѣдователямъ къ установленію многихъ отяготительныхъ обычаевъ; такъ символы, гиперболы — все принято было многими въ буквальномъ значеніи, все дало поводъ къ изобрѣтенію новыхъ обязательныхъ правилъ, новыхъ постановленій [50].

Правда, среди этой толпы богословско-юридическихъ писателей, фанатическихъ и невѣжественныхъ, хотя часто изумительно трудолюбивыхъ и начитанныхъ, являлись нерѣдко головы свѣтлыя, напримѣръ *Іосифъ Альбо* (1425) или *Исаакъ Абарбанель* (1437—1508), являлись люди безкорыстные, возстававшіе противу злоупотребленій, и искренно желавшіе блага своимъ единовѣрцамъ; но — свѣтъ, который разливали такого рода головы, угасалъ въ глубокой мглѣ, среди которой возникалъ; но — голоса̀ такихъ людей заглушались враждебнымъ воплемъ толпы.

Спрашивается: какое вліяніе могли имѣть и имѣли на массу народа такой религіозный деспотизмъ, такая фанатическая проповѣдь?

Въ свое время Талмудизмъ могъ имѣть цѣну для Ев-

---

[50] Ограничимся, стѣсняемые размѣрами избранныхъ нами рамокъ, приведеніемъ одного только примѣра. Въ трактатѣ Талмуда *Рошъ-Гашана*, Р. Круспедой разсказываетъ, что въ первый день Новаго Года раскрываются въ небесномъ сенатѣ три книги: одна — для благочестивыхъ, другая — для порочныхъ, и третья — для занимающихъ середину между тѣми и другими. Благочестивые и порочные вписываются въ эти книги тотчасъ же, первые — на жизнь вѣчную, вторые—на смерть; что-же касается до третьихъ, то Богъ даетъ имъ сроку до Дня Отпущенія (слѣдующаго чрезъ десять дней за Новогодіемъ), и такимъ-образомъ отъ исправленія ихъ или упорства въ грѣхѣ въ эти десять дней — зависитъ: будутъ ли они въ день Отпущенія внесены въ первую или во вторую книгу—явная аллегорія, основанная на 29 стихѣ LXVIII псалма: «*Да потребятся отъ книги живыхъ и съ праведными да не напишутся*» — изобрѣтенная для побужденія къ исправленію и покаянію передъ днемъ отпущенія. Но позднѣйшіе раввины поняли эту аллегорію буквально и основали на ней обычай: утромъ и вечеромъ въ праздникъ Новогодія изъявлять взаимное желаніе быть вписаннымъ на жизнь вѣчную; а *Шулханъ-Арухъ*, основываясь на этомъ, воспрещаетъ изъявлять это желаніе послѣ девяти часовъ утра, потому-что тогда оно безполезно, *ибо къ этому часу помянутыя книги уже закрываются*.

реевъ, потому что, питая ихъ національную гордость, укореняя въ нихъ чувство превосходства надъ другими народами міра, внушая безпрестанно приверженность къ вѣрованіямъ и обычаямъ старины, возбуждая неугасаемо надежды на блистательное будущее — онъ спасъ имъ въ удивительной цѣлости ихъ національный типъ, сохранилъ имъ единство и самостоятельность среди самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, среди самыхъ жестокихъ испытаній, какія только можно вообразить. Лишенные отечества, разсѣянные по всему лицу земли, всюду презираемые, ненавидимые, притѣсняемые, отвсюду гонимые, Іудеи — сохранились вездѣ, и несмотря на то, что утратили національный языкъ, вездѣ остались братьями по плоти и по духу, вездѣ имѣютъ однѣ и тѣже интересы, вѣрованія, надежды и взглядъ на жизнь. Это рѣшительно должно приписать Талмудизму, ибо Евреи прочихъ исповѣданій, сохранившіе религію Моисея въ бо́льшой простотѣ, всѣ утратили національный типъ: Караимы въ Европѣ — отатарились; остатки древнихъ Библистовъ въ Аравіи — сдѣлались настоящими Бедуинами; въ Китаѣ — окитаились; въ Абиссиніи — ничѣмъ не отличаются отъ туземцевъ. Но сохранивъ національное, Талмудизмъ убилъ зато въ Евреяхъ человѣческое: онъ истребилъ въ нихъ всякое сочувствіе къ остальнымъ членамъ великой семьи Адамовой, а вмѣстѣ съ тѣмъ естественно лишилъ ихъ сочувствія и со стороны другихъ народовъ; онъ сдѣлалъ ихъ добровольными паріями среди другихъ людей, мертвецами на общемъ пиру жизни; онъ унизилъ ихъ нравственное достоинство, пріучивъ къ корыстолюбію, уничиженію, скрытности, трусливости, и заградилъ путь къ духовному развитію, погрузивъ въ невѣжество, сковавъ волю, убивъ расположеніе ко всему изящному.

Перейдемъ теперь къ нашимъ Раввинистамъ въ-особенности.

О Жидахъ въ древней Россіи упоминается впервые въ началѣ XII столѣтія. Мы находимъ ихъ тогда въ Кіевѣ,

гдѣ они населяли цѣлую улицу и занимались тѣмъ же промысломъ, какъ и въ остальной Христіанской Европѣ—ростовщичествомъ. Въ Польшѣ поселились они около того-же времени, и съ самаго начала являются весьма въ большомъ числѣ. Причиною этому были гоненія, которымъ подверглись они сначала въ Персіи, а потомъ и въ Византійской Имперіи, и отъ которыхъ искали и нашли убѣжище здѣсь. Значительныя льготы, которыя далъ имъ Казиміръ-Великій, вѣроятно побуждаемый любовью къ прекрасной еврейкѣ, съ которою прижилъ двухъ сыновей и дочь,—привлекли ихъ въ Польшу еще болѣе, а когда Евреи изгнаны были изъ Испаніи и Португаліи, немалая часть ихъ переселилась сюда же. Эти пришельцы принесли съ собою и раввинскую ученость, вслѣдствіе чего повсюду въ Польшѣ основались школы, куда еврейская молодежь не только туземная, но и изъ другихъ странъ, потекла толпами. Нѣкто *Р. Іаковъ Поллакъ* (*Полякъ?*), изобрѣтеніемъ такъ называемыхъ *Хилукимовъ*, то-есть родомъ діалектическаго фехтованія на софизмахъ, далъ здѣсь талмудическимъ занятіямъ совершенно новое направленіе, и съ этого времени Польша въ-отношеніи къ Германіи, Франціи, Голландіи и другимъ странамъ, сдѣлалась тѣмъ, же, чѣмъ въ прошедшемъ столѣтіи была Франція для Россіи и Германіи: какъ мудрость, олицетворенная въ аббатахъ, выписывалась въ эти страны въ XVIII столѣтіи съ береговъ Сены и Роны, такъ нѣмецкіе, французскіе и голландскіе Евреи стали выписывать съ того времени учителей для дѣтей своихъ и раввиновъ для синагогъ—съ береговъ Вислы и Днѣпра. Въ здѣшнемъ-же еврейскомъ народонаселеніи все жило и дышало Талмудомъ. Высшимъ желаніемъ всякаго состоянія родителей было: сдѣлать сына раввиномъ, а дочь выдать замужъ за кандидата въ это званіе. Забывалась самая любовь къ деньгамъ, и титулъ *бахура* (студента Талмудологіи) былъ при сватовствѣ самою привлекательною вещью, какъ для дѣвушки, такъ и

для ея родныхъ. Названіе *амъ-гарецъ* (неучъ въ Талмудѣ), напротивъ, было величайшимъ позоромъ, самою страшною бранью. Чтобы бахуръ, и по вступленіи въ бракъ, могъ продолжать неразвлекаемо свои талмудическія занятія, зажиточные родители доставляли обыкновенно молодымъ нужное содержаніе въ теченіе многихъ лѣтъ послѣ выхода дочери замужъ; или дочь сажали торговать чѣмъ-нибудь, къ чему пріучали ее еще въ дѣвушкахъ. Такимъ образомъ, пока мужъ ловилъ дома талмудическихъ мухъ, жена доставляла ему средства къ пропитанію. Отъ этого, естественно, въ противность извѣстной Моисевой заповѣди (Бытія III, 6), во многихъ семействахъ господствовало внутреннее управленіе à la Xantippe; но мужъ утѣшался тѣмъ, что тщеславился своею ученостью передъ глупцами, и считался свѣтиломъ міра въ глазахъ бѣдной и невѣжественной черни. «Бахуръ»—ходила тогда аксіома—«на все пригоденъ»: и вотъ бахуру, не имѣвшему ни малѣйшаго понятія о торговлѣ, поручали часто, по окончаніи имъ курса въ какой нибудь *Ѣшибѣ* (высшемъ талмудическомъ учебномъ заведеніи), завѣдываніе и управленіе значительными торговыми дѣлами; дѣла эти, какъ и слѣдовало, не клеились бо́льшею-частію въ его неопытныхъ рукахъ, онъ разорялся, банкрутился, и затѣмъ, по-необходимости — дѣлался раввиномъ: сколь же сильно долженъ былъ размножаться этотъ классъ безполезныхъ, или, вѣрнѣе сказать, тягостныхъ для общества людей!

Не у однихъ, впрочемъ, Польскихъ Евреевъ шли дѣла такимъ образомъ и воздавались такія почести талмудическимъ занятіямъ. Тоже самое почти повторялось и въ Германіи, гдѣ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, Фуртѣ близь Нюрнберга и Прагѣ, процвѣтали и славились три большія *ѣшибы*.

Но, посреди самаго разгара обожанія, которымъ въ прошломъ столѣтіи пользовался Талмудизмъ въ Германіи, онъ потрясенъ былъ здѣсь, во второй половинѣ этого столѣтія, сначала незамѣтно, потомъ сильнѣе, наконецъ въ

въ самомъ основаніи; и съ тѣхъ поръ разрушеніе его продолжаетъ распространяться все быстрѣе-и-быстрѣе, все далѣе-и-далѣе. Это потрясеніе двадцати-вѣковаго зданія Талмудизма, устоявшаго дотолѣ безъ малѣйшаго ущерба среди самыхъ ужасныхъ бурь, и пріобрѣтавшаго лишь оттого все бо́льшую-и-бо́льшую прочность, и слѣдствія этого потрясенія, даже въ той мѣрѣ, въ какой обнаружились онѣ доселѣ — суть не только явленія замѣчательныя по отношенію къ судьбамъ самихъ Раввинистовъ, но явленія имѣющія значеніе и интересъ общечеловѣческій. Переходимъ къ этому послѣднему періоду исторіи Талмудизма— періоду *преобразованія*, или возвращенія къ чистому Моисейству.

Причинами этого явленія были: съ одной стороны—освобожденіе учености изъ кабинетнаго заключенія, бо́льшій разливъ ея по массамъ, и проникновеніе въ дѣйствительную жизнь, начавшіяся въ прошломъ столѣтіи во всѣхъ образованныхъ странахъ Европы; потомъ—духъ сомнѣнія, невѣрія, изслѣдованія, требовавшій все пересмотрѣть, все перевѣрить; наконецъ—религіозное равнодушіе и философская терпимость, имѣвшія слѣдствіемъ повсемѣстное въ Европѣ ослабленіе и смягченіе того политическаго ига, подъ бременемъ котораго жили здѣсь Евреи до половины XVIII вѣка. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, духъ Евреевъ сталъ пробуждаться изъ усыпленія, въ которое погруженъ былъ въ теченіе многихъ вѣковъ. Нашлись между ними люди которые поняли, что кромѣ Талмуда, толкованій его и сокращеній, считавшихся дотолѣ единственными рудниками знанія, есть еще на свѣтѣ много достойнаго изученія: и занятія Европейскою Наукою начались среди ихъ, частію урывками, спорадически, а частію уже и стройныя, систематическія. Для поддержанія и развитія такого направленія, судьба послала въ это время Евреямъ человѣка, который, родившись ранѣе, сдѣлался-бы, можетъ быть, обыкновеннымъ раввиномъ, а теперь,

при болѣе пріятныхъ обстоятельствахъ, явился первымъ и могучимъ двигателемъ своихъ единовѣрцевъ на пути преобразованія и перерожденія. Человѣкъ этотъ былъ незабвенный для Евреевъ *Моисей Мендельсонъ* (род. 1729, ум. 1786). Сынъ бѣднаго переписчика библій и тефилиновъ въ Дессау, онъ въ самомъ раннемъ дѣтствѣ обнаруживалъ уже необыкновенныя способности; побуждаемый жаждою знанія, пріобрѣлъ онъ въ юности значительную ученость, несмотря на всѣ препятствія, цѣною голодныхъ дней и холодныхъ ночей; а потомъ, сознавъ высокое призваніе свое, шелъ къ предположенной цѣли мужественно и неуклонно въ теченіе цѣлой жизни. Главную причину темныхъ сторонъ своихъ единовѣрцевъ видѣлъ Мендельсонъ въ воспитаніи, которое они получали; потому, радикальное измѣненіе въ образѣ этого воспитанія было однимъ изъ пламеннѣйшихъ его желаній. Вмѣстѣ съ тѣмъ стремился онъ и къ просвѣтленію, такъ сказать, самой внѣшности Евреевъ, очищенію ихъ вкуса, отмѣненію вредныхъ привычекъ, и усвоенію имъ чистаго нѣмецкаго и еврейскаго языка, ибо и тотъ и другой совершенно выродились и исказились у нихъ, первый въ домашнемъ употребленіи, второй въ религіозномъ. Другою цѣлью его было: внести свѣтъ философскаго воззрѣнія въ самую сущность жидовства и устранить справедливо укоренившіяся противу него предубѣжденія. Для достиженія всего этого онъ дѣйствовалъ и перомъ, и примѣромъ собственной жизни, служившей вѣрнымъ выраженіемъ его прекрасной души и благороднаго характера. Мендельсонъ писалъ и на еврейскомъ и на нѣмецкомъ, отличаясь на обоихъ чистотою языка и достоинствами слога. Сочиненія его на первомъ изъ этихъ языковъ, лингвистическаго и экзегетическаго содержанія, назначались для единовѣрцевъ его въ цѣломъ свѣтѣ; трудами своими на нѣмецкомъ дѣйствовалъ онъ, какъ на единовѣрцевъ своихъ въ Германіи, такъ и на всю образованную Европу. Важнѣйшее сочиненіе его на нѣмецкомъ есть философское разсужденіе

подъ заглавіемъ: Ierusalem, oder über religiöse Macht und Iudenthum (1783 г.) Можно представить себѣ, какъ высказанное въ этой книгѣ мнѣніе — что свобода мышленія есть религіозный принципъ жидовства, который отрицаетъ всякое догматическое вѣрованіе — должно было поразить ревнителей Тамудизма, которые самые мелочные религіозные обычаи считали за коренные догматы вѣры, и преслѣдовали за отступленіе отъ нихъ, какъ за подрывъ подъ самое сердце религіи. Образованными Евреями произведеніе это было принято съ величайшимъ одобреніемъ; но еще обильнѣе вліяніемъ былъ изданный имъ прежде того нѣмецкій переводъ Пятикнижія, со схоліями на еврейскомъ его самого и его единомышленниковъ: *Саломона Дубно* и *Гартвиха Весели.* «Мастерскимъ переводамъ Пятикнижія» — говоритъ Беэръ — «Мендельсонъ раздулъ лежавшія въ зародышѣ искры просвѣщенія — и бысть свѣтъ во Израилѣ!» — Книга эта заставила прозрѣть самыхъ обыкновенныхъ людей и убѣдиться, что Св. Писаніе можетъ быть объясняемо при помощи простаго здраваго смысла, и что для этого вовсе не нужно прибѣгать къ употребительному у Раввинистовъ коверканію его глупымъ умничаньемъ, мистическою болтовнею и прочими нелѣпостями; а заставить прозрѣть въ это — было дѣломъ великимъ, первымъ и важнѣйшимъ шагомъ къ преобразованію.

Мендельсонъ, заслужившій, какъ писатель, удивленіе величайшихъ умовъ своего времени, а какъ пламенный защитникъ истины — уваженіе всѣхъ ея поклонниковъ, сподобился радости видѣть, еще при жизни своей, что труды его и стремленія не пропали втуне, что голосъ его не замеръ безотзывно, что почва, которую старался онъ удобрить, стала облагораживаться. Около него собрался кружокъ отличныхъ головъ и вмѣстѣ благородныхъ сердецъ, съ достаточными силами, мужествомъ и волею слѣдовать по проложенному знаменитымъ учителемъ пути къ улучшеніямъ. Изъ кружка этого, въ которомъ встрѣчаемъ достой-

ныя всякаго уваженія имена *Гартвига Весели*, *Давида Фридлендера*, *Саломона Маймона*, *Маркуса Герца*, *Іоэля Леви*, *Варуха Ландау*, *Эйхеля*, *Бендавида* — образовалось особое общество, которое стало издавать сначала въ Кенигсбергѣ, а потомъ въ Бреславлѣ, и въ продолженіе семи лѣтъ поддерживало изданіе на еврейскомъ языкѣ, съ прибавленіями, писавшимися на нѣмецкомъ, журнала подъ названіемъ: *Гамеасефъ*, «Собиратель». Цѣлью этого изданія было уничтоженіе раввинскихъ злоупотребленій, очищеніе еврейскаго языка и распространеніе полезныхъ знаній, преимущественно среди Нѣмецкихъ Евреевъ. Оно имѣло огромное вліяніе, особенно на молодежь, и, можно сказать, что ему обязаны Нѣмецкіе Евреи весьма значительною частію той образованности, въ которой сдѣлали они съ того времени столь замѣчательные успѣхи.

Но еще бо̀льшее, можетъ быть, участіе въ содѣйствіи этимъ успѣхамъ должно отнести на долю Іосифа II, императора австрійскаго. Государь этотъ, незабвенной для Евреевъ памяти, далъ сильнѣйшій толчокъ, какъ политическому, такъ нравственному и умственному возрожденію ихъ въ своей имперіи. Съ одной стороны, старался онъ пробудить въ нихъ чувство чести, для чего освободилъ Евреевъ отъ позорныхъ отмѣтокъ на одеждѣ, которыя они принуждены были носить дотолѣ,— отъ Leibzoll, то-есть пошлины которая взималась съ нихъ при проѣздѣ черезъ таможни, какъ со скота,—отъ обязанности жить только въ извѣстныхъ кварталахъ,—отъ неравенства съ другими гражданами передъ закономъ, и такъ далѣе. Съ другой стороны— завелъ, подъ государственнымъ надзоромъ и руководствомъ, особенныя школы, гдѣ дѣти Евреевъ обоего пола обучаемы были на нѣмецкомъ языкѣ всему, что необходимо знать человѣку и гражданину. Способнымъ къ дальнѣйшему образованію открыты были всѣ высшія учебныя заведенія Имперіи, и не только дозволенъ входъ въ нихъ, но отличающимся дарованіями и успѣхами положено выдавать даже значительныя стипендіи.

Этому примѣру, особенно послѣ Французской Революціи, послѣдовали почти всѣ правительства въ Европѣ; вездѣ почти Евреи были натурализованы и получили гражданскія права, одинаковыя съ Христіанами.

Слѣдствіемъ совокупнаго вліянія всѣхъ упомянутыхъ обстоятельствъ было въ Германіи, Голландіи, Даніи, Франціи, Бельгіи и другихъ государствахъ совершенное потрясеніе внутренней силы Раввинизма. Если онъ и сохраняетъ еще тамъ существованіе, то какъ дерево съ согнившею сердцевиною, которое держится только одною корою. *Ѣшибы* или высшія талмудическія школы, о которыхъ говорено было выше, уничтожились, а съ ними пало и изученіе Талмуда, и пало до такой степени, что изъ тысячи учащихся Евреевъ, едва-ли одинъ занимается имъ теперь, да и тѣ, которые занимаются, едва посвящаютъ тому часъ въ сутки, тогда-какъ прежде цѣлый день и часть ночи шли на это: чтеніе книги на другомъ языкѣ считалось уголовнымъ преступленіемъ для бахура, влекшимъ за собою по малой мѣрѣ изгнаніе изъ заведенія, и даже дурной свѣтъ бросало на него то, если онъ занимался изученіемъ еврейской грамматики. Вмѣстѣ съ оставленіемъ талмудическихъ занятій, палъ естественно и опиравшійся на нихъ авторитетъ раввиновъ, а за учрежденіемъ первыхъ не-раввиническихъ школъ сначала въ Австріи, потомъ въ Дессау, Бреславлѣ, Франкфуртѣ, Гамбургѣ и другихъ мѣстахъ, послѣдовали вскорѣ и реформы въ богослуженіи. Образованные Евреи Нѣмецкіе почувствовали необходимость замѣнить существовавшее у нихъ дотолѣ — молитвами болѣе возвышенными, постоянными проповѣдями, и обрядами болѣе понятными и говорящими внутреннему чувству. На этомъ поприщѣ ревностнѣйшимъ дѣятелемъ явился президентъ упраздненной Вестфальской Іудейской Консисторіи, *И. Якобсонъ*. Основатель первой Еврейской Семинаріи для Учителей въ Касселѣ, онъ построилъ потомъ, въ 1810 году, недалеко отъ Касселя, въ имѣніи своемъ Зеезенъ,

великолѣпную синагогу, въ которой впервые раздались звуки органа, стройное пѣніе молитвъ хоромъ, и проповѣдь съ каѳедры. Это нововведеніе принято было скоро въ Берлинѣ, Гамбургѣ, Карлсруэ и другихъ мѣстахъ Германіи. Противу него еще болѣе, чѣмъ противу школъ, возстали невѣжество и предразсудки закоренѣлыхъ талмудистовъ; несмотря на то, нововведеніе это утвердилось и безпрестанно распространяется, объ-руку съ увеличивающеюся образованностію, очищающеюся нравственностію и возрастающимъ благосостояніемъ реформирующихся, тамъ, разумѣется, гдѣ духъ реформаторства укоренился.

Между Русскими Евреями этотъ духъ всего сильнѣе проявился въ Одессѣ. Его принесла сюда съ собою та изъ двухъ еврейскихъ общинъ этого города, которая выселилась изъ Галиціи. Два содержимыя ею училища, одно для мальчиковъ, другое для дѣвочекъ, образованы совершенно по образцу таковыхъ же, устроенныхъ въ новѣйшее время въ Австріи и Германіи. Здѣсь, кромѣ еврейскаго языка, преподаются также русскій, нѣмецкій и французскій. Такимъ же образомъ, имѣетъ эта община и особый молитвенный домъ, куда члены ея собираются, по субботамъ и другимъ праздничнымъ днямъ, для богослуженія по новому обряду. Другая, многочисленнѣйшая еврейская община въ Одессѣ, образованная выходцами изъ южныхъ губерній Россіи, не питая вражды къ «Нововводителямъ» (Neuerer)— какъ правовѣрные Раввинисты называютъ реформирующихся собратій своихъ — не оказываетъ и большаго расположенія къ оставленію стараго религіознаго быта. Многіе изъ членовъ ея, впрочемъ, весьма охотно посылаютъ дѣтей своихъ учиться въ русскія учебныя заведенія — мѣстную гимназію и лицей — что̀ весьма много содѣйствуетъ къ распространенію образованія между еврейскимъ населеніемъ этого города. На другомъ краю Имперіи, нѣкоторыя нововведенія приняты частію еврейскаго населенія въ Курляндіи и Ригѣ.

Зато между остальными Русскими Раввинистами Талмудизмъ царствуетъ еще во всей силѣ. Крѣпче другихъ держится онъ въ губерніяхъ: Виленской, Минской, Гродненской и Ковенской. Города Вильно и Минскъ составляютъ въ настоящее время главный пріютъ талмудической учености въ Европѣ. Отсюда, когда началась въ Германіи реформа, метались самые страшные громы на «новводителей».

О числѣ Раввинистовъ въ Имперіи мы не можемъ сообщить никакихъ положительныхъ данныхъ; потому что во всѣхъ оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ о еврейскомъ населеніи по губерніямъ, Раввинисты никогда не показываются отдѣльно отъ другихъ еврейскихъ сектъ (кромѣ Караимовъ).

Что-же касается до степени нравственности и умственной образованности Русскихъ Раввинистовъ, ихъ образа жизни, средствъ пропитанія, внутренней администраціи духовной и гражданской, взаимныхъ отношеній и прочаго, то, не желая повторять писаннаго объ этомъ на отечественномъ языкѣ другими, отсылаемъ любопытствующихъ къ умной, дѣльной и безпристрастной статьѣ «Польскіе Евреи», напечатанной въ 1838 году въ XXVIII томѣ Б. д Ч.

III. Каббалисты

Еврейское слово *Каббала* значитъ собственно «Принятіе». Въ значеніи «Устнаго, Божественнаго Преданія» встрѣчается оно впервые въ Гемарѣ; но Амораимы разумѣли подъ этимъ «Преданіемъ» тотъ «Устный Законъ», о которомъ говорено въ предшествующей статьѣ, а не отдѣльное отъ него таинственное ученіе, которое нынѣ называется *Каббалою*. Этому таинственному ученію имя *Каббалы* усвоено было адептами его во времена позднѣйшія, уже послѣ окончательной редакціи обоихъ Талмудовъ; но когда и кѣмъ именно — неизвѣстно.

Въ семъ-послѣднемъ значеніи, то-есть таинственнаго религіозно-философскаго ученія, Каббала, по мнѣнію нѣко-

торыхъ восторженныхъ ея почитателей, есть божественное откровеніе, сообщенное первому человѣку, при сотвореніи его, отъ самаго Творца Вселенной, переданное Адамомъ сыну его Сиѳу, и потомъ переходившее между избранными изъ рода въ родъ. Приэтомъ, одни думаютъ, что помянутое откровеніе сообщено было отъ Господа Адаму устно, и такимъ же образомъ дошло до Авраама, который первый предалъ его письму, заключивъ въ книгу подъ названіемъ *Сеферъ-Іецира* — «Книга Сотворенія». Другіе полагаютъ, что эта книга, написанная самимъ Богомъ, вручена была отъ него Адаму. Такъ или иначе, но во время Египетскаго Рабства книга эта была потеряна; почему, тайны, въ ней заключающіяся, Господь снова сообщилъ Моисею, на горѣ Синаѣ, но уже устно. Такимъ же образомъ сообщены онѣ были отъ Моисея семидесяти мудрѣйшимъ изъ его спутниковъ, и передавались въ народѣ до Вавилонскаго Плѣненія, въ продолженіе котораго опять пришли въ забвеніе. Тогда Господь еще разъ сдѣлалъ участникомъ этого откровенія Эздру, по возвращеніи его въ Іерусалимъ, и повелѣлъ ему предать оное письму. Изданіе *Сеферъ-Іециры*, однакожъ, приписывается обыкновенно не Эздрѣ, а одному изъ Танаимовъ, знаменитому *Р. Акибѣ*, казненному при императорѣ Адріанѣ, въ сороковыхъ годахъ II вѣка по Р. Х., за участіе въ бунтѣ Баръ-Кохебы [51]. Затѣмъ, первымъ издателемъ другаго краеугольнаго камня Каббалистики, божественной же книги подъ заглавіемъ *Зогаръ* — «Свѣтъ», преданіе называетъ также одного изъ Танаимовъ, ученика Р. Акибы, Р. *Симона бенъ-Іохаи* [52].

---

[51] Объ этомъ *Р. Акибѣ* разсказывается въ Талмудѣ, что 24,000 учениковъ собиралось слушать ученіе его о Законѣ, а Каббалисты утверждаютъ, что Богъ открылъ ему такія тайны, которыя скрылъ даже отъ Моисея.

[52] Другіе древніе Каббалисты, извѣстные по ссылкамъ на нихъ въ *Зогарѣ*, или изъ другихъ источниковъ, суть: *Р. Іохананъ-бенъ-Сакаи*, *Р. Нехуніа бенъ-Гакана*, *Р. Исмаэль бенъ-Элиша*, *Р. Іосе-Древній*, *Р. Шамнуна-Древній*, *Р. Іеби-Древній* и пр.; а другія древнѣйшія каббалистическія книги — *Сеферъ-Разіэль*, *Сеферъ-Габахиръ*, *Пиркэ-Гехалотъ*, и т. д.

Книга эта впервые занесена была изъ Палестины въ Испанію въ концѣ XIII столѣтія, нѣкіимъ *Р. Моисеемъ Ліонскимъ*, и съ этого только времени сталà извѣстна въ Европѣ: обстоятельство, которое вмѣстѣ съ различнаго рода несообразностями встрѣчающимися въ *Зогарѣ* и другихъ каббалистическихъ книгахъ, дало поводъ думать, и отчасти укоренило мнѣніе, что каббалистическое ученіе далеко не имѣетъ глубокой древности и оригинальности, ему приписываемыхъ, а есть амальгама различныхъ религіозныхъ и философскихъ системъ—восточныхъ, египетскихъ и греческихъ — образовавшаяся окончательно не ранѣе как въ XII вѣкѣ по Р. Х. Нѣкоторые считали даже *Зогаръ* собственнымъ произведеніемъ помянутаго Моисея Ліонскаго, которое будто онъ, изъ корыстныхъ видовъ только. приписывалъ Р. Симону-бенъ-Іохаи [55].

Новѣйшія изслѣдованія о Каббалѣ не подтверждаютъ этого мнѣнія. Конечно, въ св. книгахъ Ветхаго Завѣта нѣтъ ни одного слова, которое бы указывало, или хотя только намекало, на существованіе у Евреевъ, до Вавилонскаго Плѣненія, какого-либо таинственнаго преданія, какого-либо особенно-глубокаго и чистаго ученія, жившаго и передававшагося между немногими избранными; но за то многія мѣста Мишны и Гемары, равно какъ духъ Онкелосова халдейскаго перевода Пятикнижія, и нѣкоторыя обстоятельства встрѣчающіяся въ еще болѣе древнемъ халдейскомъ парафразѣ Іонаѳана бенъ-Узіеля, свидѣтельствуютъ, что если не ранѣе, то около конца I вѣка по Р. Х. (когда жили помянутые выше Р. Акиба и Р. Симонъ бенъ-Іохаи), между Іудеями существовало уже таинственное, мистическое ученіе о сотвореніи міра и природѣ Божества; ученіе гибельное для слабыхъ умовъ, которое могло вести ихъ

---

[55] Это мнѣніе нѣкоторыхъ новыхъ критиковъ, не только изъ Христіанъ, но и изъ Евреевъ; изъ послѣднихъ оно преимущественно развито эмденскимъ раввиномъ Іаковомъ Цеви, въ книгѣ подъ заглавіемъ *Матпахатъ-Гасефаримъ*.

къ безумію или нечестивымъ заблужденіямъ, и столь страшное, что одно имя его внушало родъ религіознаго ужаса; ученіе, которое сообщалось, потому, съ величайшею скрытностію и осторожностію только людямъ отличавшимся силами умственными и нравственными, и неиначе притомъ, какъ по достиженіи ими весьма зрѣлаго возраста [54]. Ученіе это было, по всѣмъ признанамъ, то самое, которое находимъ въ дошедшихъ до насъ древнѣйшихъ памятникахъ Каббалы, и адептовъ его никоимъ образомъ не должно, какъ Іостъ и многіе другіе, смѣшивать съ знаменитою сектою Ессеевъ. Цѣль послѣднихъ была въ высшей степени нравственная и практическая; тогда-какъ Каббала, по древнѣйшимъ о ней свидѣтельствамъ, представляется ученіемъ совершенно умозрительнымъ, стремившимся раскрыть тайны творенія и сущность Божества. Ессеи составляли открытое организованное общество, довольно сходное съ религіозными общинами среднихъ вѣковъ; чувства и понятія ихъ выражались вполнѣ ихъ внѣшнею жизнію: они принимали въ среду свою всѣхъ отличавшихся чистотою жизни, даже женщинъ и дѣтей. Каббалисты, напротивъ, съ самаго появленія своего, до тѣхъ поръ пока книгопечатаніе не обнаружило ихъ ученія, всегда облекались глубокою таинственностію; изрѣдка только, и съ множествомъ предосторожностей, открывали они по-немногу новому адепту двери своего святилища, и впускали туда лишь людей избраннаго ума, которыхъ лѣта притомъ могли-бы служить

---

[54] Что, однакоже, все-таки не мѣшало многимъ изъ нихъ впадать въ крайности столь же вредныя, какъ и смѣшныя. О *Р. Ханинѣ* и *Р. Ошаіѣ*, напримѣръ, разсказывается въ Вавилонскомъ Талмудѣ, что на-канунѣ каждой субботы садились они размышлять надъ «Книгою Сотворенія», и производили на свѣтъ трехлѣтнюю телку, которую потомъ употребляли въ пищу. О *Р. Іешуа бэнъ-Хананіѣ* Іерусалимскій Талмудъ сообщаетъ, что онъ хвалился возможностію, при помощи этой книги, превращать тыквы и арбузы въ оленей и козъ, способныхъ распложаться потомъ естественнымъ образомъ. *Р. Исмаэлъ бэнъ-Элиша*, ученикъ Р. Нехуніа-бенъ-Гаканы, по словамъ Талмуда, нѣсколько разъ видалъ ангеловъ и разговаривалъ съ ними.

порукою ихъ скромности и разсудительности. Ессеи, наконецъ, несмотря на фарисейскую строгость, съ какою соблюдали они святость дня субботняго, не боялись открыто отвергать раввинскія преданія, явно отдавать исполненію нравственныхъ предписаній преимущество предъ исполненіемъ богослужебныхъ обрядовъ, и, въ отношеніи къ послѣднимъ, далеко не соблюдали даже предписаній Моисеева Закона; адепты Каббалы, напротивъ, подобно Карматамъ, между правовѣрными Мусульманами, строго исполняли всѣ внѣшніе обряды религіи, и оказывали полное уваженіе къ раввинскому преданію; многіе изъ нихъ даже сами были изъ числа знаменитѣйшихъ законоучителей Мишническихъ.

Но мало того, что новѣйшими изслѣдованіями древность каббалистическаго ученія возводится къ первымъ временамъ Христіанства; ими возстановляется также неподдѣльность и принадлежность къ отдаленнѣйшимъ временамъ и древнѣйшихъ дошедшихъ до насъ памятниковъ Каббалы: *Сеферъ-Іециры* и *Зогара*. Подвергнувъ обѣ эти книги строгой критикѣ, но съ тѣмъ безпристрастіемъ, свойственнымъ нашему времени, какимъ не отличались ученые XVI и XVII вѣка, занимавшіеся тѣмъ же предметомъ, А. Франкъ пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: что *Сеферъ-Іецира*, въ томъ видѣ въ какомъ имѣемъ ее нынѣ, есть та самая книга о которой упоминается подъ тѣмъ же именемъ въ Талмудахъ Іерусалимскомъ и Вавилонскомъ; и что, посему, Р. Акиба не былъ ея авторомъ, и книга древнѣе его, ибо не могла быть написана иначе какъ во времена первыхъ Танаимовъ, то есть въ періодъ объемлющій вѣкъ предшествующій непосредственно нашей эрѣ и первые полвѣка послѣ нея. Что-же касается до *Зогара*, то изслѣдованія Франка заставляютъ его полагать, вмѣстѣ съ другими, что, въ настоящемъ видѣ своемъ, книга эта представляется сборникомъ разновременныхъ каббалистическихъ преданій, изъ которыхъ древнѣйшія относятся къ первому, а позднѣйшія — къ седьмому вѣку нашей эры; что Симонъ бенъ-

Іохаи, по всей вѣроятности, проповѣдывалъ небольшому числу учениковъ и друзей своихъ метафизическое и религіозное ученіе составляющее основу этой книги; что уроки его, сначала сообщавшіеся устно, какъ тайны ненарушимыя, предаваемы были письму только мало-по-малу, и что преданія эти и письменныя замѣтки, къ которымъ, съ теченіемъ времени, примѣшались необходимо позднѣйшія толкованія, нерѣдко ихъ измѣнявшія и безобразившія, дошли наконецъ, такимъ образомъ, изъ Палестины въ Европу около конца XIII вѣка: значитъ, *Зогаръ*, подобно раввиническимъ Мишнѣ и Талмуду, составился постепенно, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ и трудами нѣсколькихъ поколѣній Каббалистовъ.

Теперь, когда нѣтъ причинъ сомнѣваться въ достовѣрности двухъ древнѣйшихъ памятниковъ въ которыхъ, по общему мнѣнію, каббалистическое ученіе выразилось при самомъ рожденіи своемъ, познакомимся нѣсколько съ содержаніемъ этихъ любопытныхъ памятниковъ, и скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніи заключающагося въ нихъ ученія къ другимъ религіозно - философскимъ системамъ Древности.

Сеферъ-Іецира, произведеніе весьма небольшаго объема, написанное тоюже смѣсью халдейскаго съ еврейскимъ, какъ и Мишна, и отличающееся сжатостію, отрывочностью и темнотою, предполагается содержащимъ въ себѣ изложеніе тѣхъ причинъ которыя побудили праотца Народа Еврейскаго, Авраама, оставить поклоненіе звѣздамъ и замѣнить его служеніемъ Единому Вѣчному; а потому представляется все какъ-бы однимъ длиннымъ монологомъ, вложеннымъ въ уста этого патріарха [55]. Открывается оно до-

---

[55] По причинѣ своей темноты, *Сеферъ-Іецира* издавна уже комментирована была многими писателями: *Саадіей-Гаономъ*, *Моисеемъ бенъ-Нахманомъ*, *Моисеемъ Ботрилемъ*, *Абрагамъ бенъ-Діоромъ*, и даже караимскимъ ученымъ *Іакобомъ-бенъ-Рубеномъ*. Р. Саадія-Гаонъ перевелъ ее на арабскій языкъ. Изъ латинскихъ переводовъ первый, *Постеля*, изданъ въ Парижѣ

казательствами единства и премудрости Творца, выведенными изъ созерцанія единства и порядка царствующихъ въ твореніи. Затѣмъ опредѣляется аналогія существующая между предметами и знаками мысли, или средствами черезъ которыя Премудрость раскрывается людямъ и сохраняется между ними. Средства эти суть: *двадцать-двѣ буквы еврейской азбуки* и *первыя десять чиселъ*; соединенные-же въ одной общей точкѣ зрѣнія, эти два рода знаковъ называются «тридцатью-двумя таинственными путями Премудрости». Далѣе слѣдуетъ трактатъ о десяти *Сефиротахъ*, или отвлеченныхъ числахъ, подъ коими разумѣются самыя общія и необходимыя формы всего существующаго, такъ-сказать категоріи Вселенной, и о томъ, какимъ образомъ они произошли одни изъ другихъ, принимая, по мѣрѣ удаленія своего отъ ихъ общаго начала, отъ Первоначальной Единицы, характеръ болѣе-и-болѣе матеріальный — ученіе извѣстное подъ именемъ «эманатизма». Послѣ Сефиротовъ, или ученія о существѣ Вселенной, излагается другое, о томъ, какимъ образомъ посредствомъ «двадцати-двухъ буквъ еврейской азбуки», единственно-возможной и неизмѣнной формы духа, раскрывается этотъ духъ въ природѣ. Буквы, приэтомъ, распредѣляются на различные отдѣлы, называемые: «тремя-матерями», «семью-двойными», «двѣнадцатью простыми»; послѣ чего, числа: три, семь и двѣнадцать — отыскиваются въ трехъ системахъ природы: въ общемъ составѣ міра, въ годовыхъ подраздѣленіяхъ времени, и въ составѣ человѣка. Здѣсь, хотя и неопредѣленно, развивается идея макрокосма и микрокосма, или вѣрованіе что человѣкъ есть не что иное какъ сокращенный образъ вселенной. Надъ этими тремя системами — надъ человѣкомъ, временемъ и вселенной, надъ буквами, равно какъ и надъ числами или Сефиротами — возвышается «Господь, истин-

---

въ 1552, другой, *Риттангеля*, напечатанъ въ Амстердамѣ, въ 1642. Текстъ, вмѣстѣ съ комментаріемъ Абрагама бенъ-Діора, изданъ впервые въ Мантуѣ, въ 1562; потомъ въ Амстердамѣ, въ 1642 году.

ный Царь, владычествующій надъ всѣми вещами». За этими словами, составляющими заключеніе книги, слѣдуетъ, въ родѣ драматической развязки, что праотецъ Авраамъ, уразумѣвъ все сказанное, обращается изъ идолопоклонства къ служенію Истинному Богу.

Зогаръ, книга несравненно бо́льшаго объема [56] чѣмъ *Сеферъ-Іецира*, писана на языкѣ талмудическомъ, и состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ частей: во-первыхъ, изъ Комментарія на Пятикнижіе, въ которомъ кстати и некстати изложено каббалистическое ученіе о природѣ Божества, міра и души человѣческой; во-вторыхъ, изъ отрывковъ подъ заглавіями: *Райя-Мехимна* — «Вѣрный Пастырь», *Идра-Рабба* — «Великій Соборъ», *Идра-Сута* — «Малый Соборъ», *Сифра-Дезніута* — «Книга Тайны», и *Тикунэ-Зогаръ* — «Прибавленіе къ Зогару», которыя также считаются источниками Каббалы. Основою ученію, содержащемуся въ *Зогарѣ*, служитъ конечное заключеніе *Сеферъ-Іециры*: что Богъ есть, въ высочайшемъ смыслѣ, и матерія и форма Вселенной, что внѣ его нѣтъ и не можетъ ничего быть, что субстанція Его находится въ основѣ всѣхъ существъ, и всѣ онѣ носятъ на себѣ отпечатокъ, или суть символы Его Разума. Заключеніе это развивается здѣсь, во всемъ его пространствѣ, еще съ бо́льшимъ блескомъ и съ бо́льшею таинственностію. Внѣшняя связь между выводами разрушается, правда, формою комментарія, данною книгѣ; но господствующій въ ней синтетическій характеръ видѣнъ и осязателенъ тѣмъ-не-менѣе. Важнѣйшее отличіе ученія *Зогара* отъ ученія заключающагося въ *Сеферъ-Іецирѣ*, состоитъ въ томъ, что оно шагнуло далѣе послѣдняго: числа и буквы замѣнены въ немъ внутренними формами, неизмѣнными концепціями мысли, короче-сказать — *идеями* въ обширнѣйшемъ и высшемъ значенія этого слова;

[56] Въ изданіи Амстердамскомъ, *Зогаръ* состоитъ изъ трехъ томовъ мелкой печати, страницъ по 600 in 8° въ каждомъ. Древнѣйшія изданія этой книги суть: Мантуанское и Кремонское, оба вышедшія въ 1559 году.

Божественная Субстанція не раскрывается уже исключительно въ Природѣ, а проявляется преимущественно въ человѣкѣ и его Разумѣніи, почему называется *Адамъ-Кадмонъ* — «Небесный-Человѣкъ» или «Человѣкъ-Первообразъ»; наконецъ, въ нѣкоторыхъ отрывкахъ, глубокая древность которыхъ не можетъ подлежать сомнѣнію, за Всеобщую Субстанцію, безъ ущерба ея безусловному единству, принимается уже самая мысль, и правильное саморазвитіе этой силы заступаетъ мѣсто прежней довольно-грубой теоріи эманатизма. Короче, А. Франкъ, котораго взяли мы въ руководители при изложеніи древняго каббалистическаго ученія, почти-что находитъ въ *Зогарѣ* Гегелево ученіе объ «абсолютной тождественности».

Далѣе, опредѣляя каббалистическое ученіе, поколику оно содержится въ двухъ помянутыхъ древнѣйшихъ изъ дошедшихъ до насъ памятникахъ Каббалы, тотъ же писатель приводитъ его къ слѣдующимъ началамъ: 1) Выдавая всѣ факты и слова Св. Писанія за символы, оно учитъ человѣка имѣть довѣренность къ самому себѣ, ставитъ разсудокъ на мѣсто авторитета, и въ самыхъ нѣдрахъ религіи, подъ охраною ея, даетъ существованіе философіи. 2) Вѣрованіе въ Бога, Творца Вселенной, отдѣльнаго отъ творенія, замѣняетъ оно идеею Всеобщей Субстанціи, существенно-безконечной, вѣчно-дѣятельной, вѣчно-мыслящей, вѣчно-пребывающей причины (cause immanante) Вселенной, но которую Вселенная не объемлетъ, и для которой «творить» значитъ не иное что, какъ мыслить, существовать и развиваться изъ самой-себя. 3) Вмѣсто міра чисто-матеріальнаго, отличнаго отъ Бога, возникшаго изъ ничтожества и предназначеннаго возвратиться опять въ ничтожество же, оно признаетъ существованіе безчисленныхъ формъ, подъ которыми божественная субстанція развивается и раскрывается по неизмѣннымъ законамъ мысли; формы-же эти, прежде чѣмъ осуществляются въ чемъ-либо осязательномъ, существуютъ дотолѣ совокупно въ Верхов-

номъ Разумѣ: откуда два міра — міръ разумный или высшій, и міръ низшій или матеріальный. 4) Изъ всѣхъ этихъ формъ, человѣкъ есть самая возвышенная, самая полная, единственная подъ которою позволительно представлять Бога: человѣкъ служитъ связью и переходнымъ звеномъ между Богомъ и Вселенною, и отражаетъ ихъ обоихъ въ двойственной природѣ своей; какъ все, что ограниченно, онъ находится сначала заключеннымъ въ Безусловной Субстанціи, съ которою долженъ соединиться опять, когда будетъ приготовленъ къ тому послѣдовательными развитіями; но безусловную форму, всеобщую форму человѣка, должно отличать отъ отдѣльныхъ людей, которые суть только болѣе-или-менѣе слабыя ея воспроизведенія: первая, называемая въ Каббалѣ «Небеснымъ-Человѣкомъ», нераздѣльна съ Божественною Субстанціею, и есть первое ея раскрытіе или проявленіе.

Многіе изъ этихъ началъ служатъ основаніемъ религіознымъ или философскимъ системамъ, изъ которыхъ иныя можно почитать за современныя образованію Каббалы, а другія извѣстны были уже во времена гораздо-отдаленнѣйшія; посему весьма важно и любопытно было бы знать: въ какой степени эта туземная философія Іудеевъ есть произведеніе оригинальное, и въ какой мѣрѣ и откуда вошли въ нее заимствованія? Мы не можемъ слѣдить за розысканіями предпринятыми А. Франкомъ для разрѣшенія этого вопроса; и потому, къ-сожалѣнію, опять должны ограничиться только приведеніемъ однихъ голыхъ результатовъ этихъ розысканій. Вотъ они: 1) Каббала не есть подражаніе Платоновой философіи: потому-что Платонъ не былъ извѣстенъ въ Палестинѣ, гдѣ получила существованіе Каббалистика; да, и кромѣ того, оба ученія, несмотря на многія черты сходства, поражающія при первомъ взглядѣ, совершенно разнятся между собою въ самыхъ важныхъ пунктахъ. 2) Не есть она также подражаніе школѣ Александрійской: потому-что древнѣе эти школы, и Іудеи обнаруживали

всегда въ отношеніи къ греческой цивилизаціи глубокое отвращеніе и полное ея невѣдѣніе, тогда-какъ Кабаллу возвышали въ тоже время на степень божественнаго откровенія. 3) Нельзя смотрѣть на Каббалу и какъ на произведеніе Филона, несмотря на то, что въ ученіи этого богослова-философа заключается значительное число каббалистическихъ идей: Филонъ не могъ-бы передать этихъ идей соотечественникамъ своимъ, оставшимся въ Палестинѣ, безъ того чтобы не посвятить ихъ въ тоже время въ таинства греческой философіи; онъ, по свойству ума своего, не былъ способенъ основать новаго ученія; въ памятникахъ іудейскихъ, нельзя найти ни малѣйшихъ слѣдовъ его вліянія; наконецъ, сочиненія Филона достовѣрно новѣе каббалистическихъ началъ. 4) Не могла Каббала быть и заимствованіемъ у Христіанства; ибо всѣ основныя начàла на которыя она опирается существовали прежде пришествія Спасителя. 5) Поразительное сходство между каббалистическимъ ученіемъ и вѣрованіями многихъ персидскихъ сектъ; странныя и многочисленныя отношенія его къ Зендъ-Авестѣ; слѣды которые религія Зороастрова оставила во всѣхъ частяхъ Іудейства, и частыя внѣшнія сношенія въ которыхъ, со времени Вавилонскаго Плѣненія, не переставали находиться Іудеи съ бывшими своими повелителями: все это заставляетъ заключать, что матеріалы для Каббалы почерпнуты были въ богословіи древнихъ Персовъ. Но это заимствованіе, продолжаетъ Франкъ, нисколько не уничтожаетъ оригинальности Каббалы: ибо дуализмъ въ Божествѣ и природѣ она замѣнила безусловнымъ единствомъ причины и субстанціи; вмѣсто того чтобы объяснять образованіе существъ произвольнымъ дѣйствіемъ двухъ враждебныхъ силъ, она представляетъ ихъ какъ различныя формы, какъ послѣдовательныя и самымъ Промысломъ предуставленныя откровенія Безконечнаго Разума; наконецъ, въ Каббалѣ мѣсто осуществленныхъ олицетвореній занимаютъ идеи, и миѳологіи наслѣдуетъ метафизика. Таковъ, впрочемъ, все-

общій законъ человѣческаго духа: отсутствіе всюду безусловной оригинальности, и, вмѣстѣ съ-тѣмъ, равное же отсутствіе рабскаго подражанія со стороны одного вѣка и народа другому вѣку и народу!

Во всемъ, что сказано до-сихъ-поръ о древней Каббалѣ, мы почти исключительно слѣдовали А. Франку, почитая изслѣдованія его объ этомъ ученіи за самыя основательныя и наиболѣе соотвѣтствующія современнымъ требованіямъ науки. Таковы онѣ и есть; но при этомъ должно имѣть въ виду, что разбирая помянутые памятники Каббалы, Франкъ извлекалъ изъ нихъ только самую сущность, бралъ одно зерно, а скорлупу отбрасывалъ. «Многочисленные отрывки, изъ которыхъ состоятъ «*Сеферъ-Іецира* и *Зогаръ*» — говоритъ самъ Франкъ — «отрывки, заимствованные безъ толку и выбора у разныхъ вѣковъ, далеко не представляются всѣ съ однимъ и тѣмъ же характеромъ. Одни изъ нихъ расширяютъ только миѳологическую систему Востока: они объясняютъ, съ большою роскошью подробностей, обязанности разныхъ ангеловъ и демоновъ, и такимъ образомъ относятся къ разряду идей которыя слишкомъ издавна сдѣлались народными, а потому и не могли принадлежать къ ученію на которое съ самой колыбели его смотрѣли какъ на страшную и ненарушимую тайну. Другіе, безспорно самые позднѣйшіе, обнаруживаютъ такія рабскія расположенія, такой узкій фарисеизмъ, что походятъ болѣе на преданія талмудическія, только по невѣжеству примѣшанныя къ мнѣніямъ знаменитой секты, которой одно имя внушало раболѣпное уваженіе. Третьи, наконецъ, многочисленнѣйшіе, даютъ, въ общности своей, настоящее понятіе объ истинныхъ вѣрованіяхъ древнихъ Каббалистовъ, и суть источникъ изъ котораго черпали — разумѣется, болѣе или менѣе увлекаемые философіею своего вѣка — всѣ тѣ, которые, въ новыя времена, выдавали себя за учениковъ ихъ и продолжателей». Между-тѣмъ, скорлупа эта, въ которую облечено было ядро, эти наро-

сты и прививки къ сущности каббалистическаго ученія, которыя, при разсмотрѣніи его, совершенно отбрасываетъ Франкъ, каковы игра цифрами и буквами, демонологія и тому подобное, были въ большомъ почетѣ и употребленіи съ самаго рожденія этого ученія. Въ дѣлахъ человѣческихъ мелочное всегда примѣшивается къ высокому; и тотъ имѣетъ ложное понятіе о природѣ человѣческаго духа и характерѣ древности, кто сталъ-бы утверждать, что истина когда-либо ходила по свѣту безъ покрова. У Каббалистовъ какъ у адептовъ всякаго тайнаго ученія, должны были существовать различныя степени посвященія, должны были находиться и мастера и работники: для первыхъ было ядро, для вторыхъ — скорлупа. Но такимъ образомъ внѣшняя оболочка ученія все-таки составляла необходимую часть его состава; посему, не можетъ, не должна быть совершенно отъ него отдѣляема, и никогда не была отдѣляема въ дѣйствительности; не есть, слѣдовательно, наростъ позднѣйшій, а родилась, образовывалась и развивалась вмѣстѣ съ самою сущностію ученія. Съ теченіемъ времени, сущность эта начала мало-по-малу приходить въ забвеніе, заслоняемая грубою оболочкою средствъ и символовъ, которые должны были служить ей только покровомъ. Наконецъ, для многихъ оболочка эта совершенно заступила мѣсто сущности, и каббалистическое ученіе заключилось въ безчисленныя сочетанія буквъ и числъ, въ произвольную игру цифрами, однимъ-словомъ въ тѣ болѣе-или-менѣе странные пріемы, посредствомъ которыхъ, пріобрѣтая себѣ опору въ священныхъ текстахъ, настоящая Каббала прокладывала себѣ путь къ умамъ непокорнымъ никакому другому авторитету, кромѣ Библіи.

Это вырожденіе Каббалы произошло уже, впрочемъ, преимущественно въ Европѣ, и во времена позднѣйшія. Послѣ того, что сообщаетъ Талмудъ о древнихъ Каббалистахъ, мы ничего не знаемъ объ участи этого ученія между Евреями до X столѣтія. Во всякомъ случаѣ, относительно

появленія въ этотъ промежутокъ времени Масоры (или опредѣленія чтенія книгъ Св. Писанія, посредствомъ введенія гласныхъ, акцентовъ и другихъ орѳографическихъ знаковъ, которые не были дотолѣ во всеобщемъ употребленіи), можно думать, что или она не прошла безъ вліянія на Каббалу, или, на-оборотъ, что Каббала имѣла вліяніе на ея происхожденіе. Въ этотъ же періодъ времени, вѣроятно, начали предавать письму и древнѣйшіе памятники каббалическаго ученія, дотолѣ сохранявшіеся устнымъ преданіемъ; а съ X вѣка тянется уже длинный, впрочемъ весьма малоизвѣстный, рядъ Каббалистовъ, начинающійся знаменитымъ писателемъ *Саадіею-Гаономъ*, о которомъ упомянуто выше [57], и оканчивающійся не менѣе же знаменитымъ *Моше бенъ-Нахманомъ*, раввиномъ, медикомъ и философомъ, который пользовался необыкновеннымъ уваженіемъ, какъ единовѣрцевъ своихъ, такъ и Христіанъ, и процвѣталъ въ половинѣ XIII вѣка. Вслѣдъ затѣмъ, Моисей-Ліонскій сдѣлалъ *Зогаръ* извѣстнымъ въ Европѣ, чтó споспѣшествовало обширнѣйшему распространенію его извѣстности и на Востокѣ. Здѣсь, въ Турецкихъ Владѣніяхъ, послужили къ тому преимущественно *Абодотъ-Гакодешъ* и другія сочиненія *Р. Мейра бенъ-Габаи*, современника помянутаго выше извѣстнаго раввинскаго писателя *Р. Іосифа Каро*, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ревностнымъ каббалистомъ. *Р. Саломонъ-иль-Кабецъ* основалъ въ тоже время въ Зефатѣ каѳедру для преподаванія Каббалы; а ученикъ его *Р. Моисей Кордуэро* (1508—1570), вмѣстѣ съ другимъ еще болѣе извѣстнымъ каббалистомъ *Р. Исаакомъ Луріа* (ум. 1572) [58], обработали это ученіе,

---

[57] Стр. 478. Каббалистическія сочиненія этого Гаона до насъ не дошли, а извѣстны только по ссылкамъ на нихъ.

[58] Этого *Р. Луріа* нѣкоторые считали за предтечу Мессіи, другіе за самаго Мессію. Самъ онъ говорилъ о себѣ, что въ него перешла душа *Р. Симона бенъ-Іохаи*, высшая чѣмъ души прочихъ древнихъ Каббалистовъ, и что такимъ же образомъ души шести учениковъ того же Р. Симона перешли въ

и пустили его въ такой ходъ, какого оно дотолѣ никогда и нигдѣ не имѣло. Оба эти писателя могутъ быть названы отцами новѣйшей Каббалы, хотя обработывали ее въ совершенно различномъ духѣ и основали двѣ разныя школы. Впрочемъ, оба они не проникли далеко въ глубину системы, возстановителями которой выдавали себя: но первый, при объясненіи оригинальныхъ памятниковъ Каббалы, держался довольно близко ихъ настоящаго смысла, ихъ дѣйствительнаго значенія; тогда-какъ второй удаляется отъ этого значенія почти на каждомъ шагу, чтобы дать просторъ болѣзненнымъ грезамъ своего собственнаго воображенія. Тѣмъ-не-менѣе, у новыхъ Каббалистовъ послѣдній пользуется бо̀льшимъ уваженіемъ, чѣмъ первый; ибо они почитаютъ за истинную Каббалу только то, что недоступно для здраваго ума. Кордуэро написалъ много сочиненій, изъ которыхъ однѣ напечатаны, а другія доселѣ еще ходятъ въ рукописяхъ; важнѣйшее изъ нихъ называется *Пардесъ-Римонимъ* — «Гранатовый Садъ»; Луріа-же оставилъ только значительное число отдѣльныхъ трактатовъ, которые явились въ печати не ранѣе какъ въ нынѣшнемъ столѣтіи. Славою своею и распространеніемъ своихъ идей этотъ-послѣдній обязанъ преимущественно трудамъ ученика своего *Р. Хайимъ-Виталя*, который систематически изложилъ основанія его ученія въ книгѣ подъ заглавіемъ *Эцъ-Хайимъ* — «Древо-Жизни».

Между-тѣмъ, число послѣдователей Каббалы увеличилось и въ Европѣ [58]. Умы, склонные къ мистицизму и сим-

---

шестерыхъ учениковъ его Лурія; а эти ученики, вмѣстѣ съ нимъ, суть тѣ *семь очей Божіихъ*, о которыхъ упоминаетъ Пророкъ Захарія (IV, 10). Съ духами, по свидѣтельству ученика Луріи, *Р. Виталя*, разговаривалъ онъ столь же свободно, какъ съ людьми.

[58] Первый изъ христіанскихъ ученыхъ, открывшій Европѣ имя и существованіе Каббалы былъ знаменитый *Раймондъ Люлль*. Знакомство съ этимъ ученіемъ и его пріемами, можно думать, не мало содѣйствовало изобрѣтенію его «Великаго Искусства» (Ars Magna). Замѣчательно, что болѣе чѣмъ за два съ половиною вѣка до существованія школъ Кордуэро и Луріи, въ то



волическому образу выраженія, увлекались трудностями этого ученія, которое касалось высочайшихъ предметовъ мышленія, и потому, за недостаткомъ словъ для выраженія, прибѣгало по необходимости къ символамъ, образамъ, подобіямъ. Большинство пользовавшихся въ это время извѣстностію и отличавшихся способностями раввиновъ кидалось на изученіе Каббалы, какъ высшей системы философіи, которая, оставаясь твердо въ предѣлахъ Ветхозавѣтнаго Откровенія, давала, между-тѣмъ, широкій просторъ воображенію и умственной дѣятельности, сдавленнымъ уз-

---

самое время къ которому нѣкоторые критики новыхъ временъ хотѣли отнести зарожденіе каббалистическаго ученія, Люлль полагаетъ уже различіе между древними и новыми Каббалистами. Послѣ Люлля, Каббала опять пришла въ забвеніе между Христіанами, пока *Пикъ-де-Мирандола* и *Рейхлинъ*, въ концѣ XV столѣтія, снова не пролили нѣсколько свѣта на эту науку, о которой, кромѣ имени, ничего не было извѣстно внѣ круга ея адептовъ. «Conclusiones Cabbalisticæ» Пика-де-Мирандолы изданы были впервые въ Римѣ, въ 1486; сочиненіе Рейхлина «De Verbo mirifico» и «De arte Cabbalistica вышли: первое—въ Базелѣ 1494, второе—въ Гагенау 1517. Начиная съ этого времени, каббалистическія идеи сдѣлались предметомъ болѣе общаго интереса между христіанскими учеными, и въ-теченіе цѣлаго полутора вѣка, то-есть до половины XVII столѣтія, имѣли весьма значительное вліяніе на обработку богословія, философіи, естественныхъ наукъ и медицины. Онѣ же вдохновляли людей подобныхъ Корнелію Агриппѣ, Парацельсу, Генриху Морусу, Роберту Флудду, Фанъ-Гельмонту, и даже Якову Бему, людей стремившихся отыскать «Всеобщую Науку», которая-бы въ глубинахъ Божественнаго Естества показала намъ истинную сущность и связь всѣхъ вещей. Съ начала XVI вѣка стали появляться въ Европѣ, одни за другими, относящіеся къ Каббалѣ вполнѣ или частію труды: *Агриппы*, *Постеля*, *Писторія*, *Вуазена*, *Кирхера*, и наконецъ, вѣнецъ всѣхъ ихъ — «Раскрытая Каббала» *Розенрота*. Сочиненія Агриппы «De occulta philosophia» и «De incertitudine et vanitate scientiarum» вышли въ Кельнѣ въ 1531 и 1527 годахъ. Постелевъ латинскій переводъ *Сеферъ-Iецирн*—въ Парижѣ, въ 1552 году. Писторій хотѣлъ собрать въ одно цѣлое всѣ сочиненія о Каббалѣ, или проникнутыя ея духомъ, но, неизвѣстно почему, остановился на половинѣ труда, издавъ только Каббалистовъ христіанскихъ: первый томъ собранія его, подъ заглавіемъ «Artis Cabbalisticæ, hoc est reconditæ theologicæ et philosophiæ scriptorum tomus primus, явился на свѣтъ въ Базелѣ, въ 1587 году. Вуазенова заслуга въ отношеніи къ Каббалѣ состоитъ въ томъ, что онъ перевелъ довольно вѣрно многія мѣста *Зогара;* его «Disputatio Cabbalistica R. Israel filii Mosis de animâ, etc. adjectis commentariis ex Zohar», напечатана въ Парижѣ, въ 1635 году.

кими рамами Талмудизма, и рвавшимся на свободу. Только въ низшихъ классахъ раввиновъ, между людьми слабыхъ способностей, находила она мало поклонниковъ и адептовъ. Слѣдствіемъ такого распространенія каббалическаго ученія, было, какъ замѣчено уже выше [60], внѣдреніе многихъ его положеній въ произведенія самаго строгаго раввиническаго правовѣрія. Но при этомъ, Каббала все болѣе-и-болѣе утрачивала свое философское значеніе и содержаніе: она бралась уже за рѣшеніе практическихъ задачъ алхиміи и астрологіи, и переходила въ магію. Понятно, какъ, при такомъ ея направленіи и распространеніи, могли явиться и дѣйствительно явились тогда между Евреями люди которые стали выдавать себя, и признаны были многими, за пророковъ, за чудотворцевъ, за духовидцевъ (въ послѣднихъ, впрочемъ, никогда не было недостатка между Каббалистами); и какъ изъ Каббалистовъ, существовавшихъ доселѣ въ лонѣ Раввинизма въ видѣ не болѣе какъ философской школы, могла, съ одной стороны — образоваться обширная и отдѣльная секта, какою явились нынѣшніе *Хассидимы*, съ другой – возникнуть почти новая религія, какъ та, которая основана *Шаббатаемъ Цеви* и его продолжателями. Прежде, однако-же, чѣмъ мы перейдемъ къ

Кирхеровъ «Oedipus Aegyptiacus», въ которомъ первая часть втораго тома посвящена изложенію каббалистическаго ученія, вышелъ въ Римѣ, въ 1652—1654 годахъ. Наконецъ, «Cabbala denudata» барона Розенрота, второй томъ которой заключаетъ въ себѣ текстъ и переводъ древнѣйшихъ отрывковъ *Зогара*, издана: томъ первый—въ Зальцбургѣ 1677, томъ второй—въ Франкфуртѣ 1680. Благодаря основательному изложенію каббалистическаго ученія въ этомъ сочиненіи, его перестали, какъ было доселѣ, изучать только, какъ средство къ обращенію Евреевъ, или какъ тайную науку; и съ этого времени оно получило мѣсто въ изслѣдованіяхъ философскихъ и филологическихъ. Изъ новѣйшихъ сочиненій о Каббалѣ замѣчательнѣйшія суть: Фрейтага: Cabbalismus et Pantheismus. Koenigsberg, 1832; Толука: De ortu Cabbalæ. Hamburg, 1837; Ад. Франка: La Cabbale ou la philosophie réligieuse des Hébreux. Paris, 1843.

[60] Стр. 486 и 490. Относительно заключающихся въ *Зогарѣ* подробностей касательно закона обрядоваго, принято даже было за правило: слѣдовать имъ какъ авторитету во всѣхъ тѣхъ случаяхъ гдѣ Талмудъ хранитъ молчаніе.

изложенію ученія и образованія секты *Шаббатай-Цевистовъ* и *Хассидимовъ*, считаемъ не лишнимъ представить, хотя въ самыхъ краткихъ и отрывочныхъ чертахъ, обзоръ каббалическаго ученія, въ томъ видѣ въ какомъ является оно обдѣланное новыми его истолкователями. Какъ въ изложеніи сущности древней Каббалы слѣдовали мы авторитету А. Франка, такъ, въ настоящемъ случаѣ, возьмемъ въ руководство П. Беэра.

Исходный пунктъ Каббалистовъ, въ отношеніи къ происхожденію и необходимости ихъ ученія, есть тотъ же, что и у Раввинистовъ въ отношеніи къ необходимости и происхожденію Объяснительнаго Преданія или Устнаго Закона, именно — потребность Каббалы для истиннаго уразумѣнія Св. Писанія. Какъ, по мнѣнію Раввинистовъ, Пятикнижіе было-бы непонятно, еслибы не дано было свыше Устнаго Объясненія, которое назовемъ здѣсь Преданіемъ Раввиническимъ; такимъ же образомъ, по утвержденію Каббалистовъ, буквальный смыслъ Пятикнижія есть лишь оболочка другаго, истиннаго, ключъ къ которому дается только Каббалическимъ Ученіемъ. «Горе человѣку, говорятъ они, который не видитъ въ Законѣ (Моисеевомъ) ничего, кромѣ простаго разсказа и обыкновенныхъ словъ! Еслибы онъ дѣйствительно заключалъ въ себѣ только это одно, онъ ничѣмъ-бы не возвышался надъ произведеніями другихъ законодателей міра. Но не таковъ онъ: каждое слово въ немъ, каждая буква, заключаетъ въ себѣ высокій смыслъ, таинственное значеніе. Наружный смыслъ Закона есть только завѣса, подъ которою кроется внутренній. Если ангелы, для того чтобы предстать предъ людей, должны принимать на себя покровъ, доступный человѣческимъ чувствамъ; тѣмъ-болѣе Господь, непостижимѣйшее изо всѣхъ непостижимыхъ существъ, долженъ былъ, для того чтобы явить себя людямъ, сосредоточиться въ опредѣленное пространство, и воплотить откровеніе свое въ слово и букву. И если человѣкъ, при явленіи ему ангела, принимающій

покровъ въ который облекся безплотный духъ, за самое существо этого духа, находится въ заблужденіи; то еще въ сильнѣйшее заблужденіе впадаетъ тотъ, кто, въ отношеніи къ Св. Писанію, хочетъ держаться однихъ словъ и буквъ, столь подверженныхъ измѣненію отъ различнаго употребленія ихъ въ народѣ и отъ расширенія или ограниченія связаннаго съ ними значенія, а не ищетъ проникнуть во внутренній смыслъ ихъ, какъ единственно существенный. Буква мертва, и только духъ оживотворяетъ ее». Ключъ къ уразумѣнію этого истиннаго смысла есть Каббала — таинственное откровеніе, сообщенное самимъ Богомъ нѣкоторому числу избранныхъ [61]. Къ изученію этого таинственнаго откровенія древніе Каббалисты, какъ мы видѣли, допускали съ большою осторожностію только отличнѣйшіе умы; новые, напротивъ, предписываютъ его, какъ необходимое для каждаго, и даже болѣе необходимое, чѣмъ изученіе Талмуда и Св. Писанія. Тотъ кто, по смерти, не въ состояніи будетъ доказать, что онъ занимался Каббалою въ теченіе земной жизни своей, тотъ, хотя бы онъ надѣлалъ пропасть добрыхъ дѣлъ, не только — грозятъ Каббалисты — не получитъ за нихъ награды, но подвергнется еще страшнымъ наказаніямъ на томъ свѣтѣ. За то велика и награда ожидающая тамъ прилежавшихъ здѣсь къ этому ученію. «Отъ нихъ» — говорится въ *Зогарѣ* — не только не потребуется за гробомъ никакого отчета въ ихъ дѣлахъ на землѣ, но будутъ имъ открыты всѣ райскія двери, и позволено входить куда ни пожелаютъ, и видѣть все, чего ни захотятъ». — «Кто-же» — сказано въ одномъ

[61] Какъ откровеніе это могло, по мнѣнію нѣкоторыхъ, быть сообщено еще Адаму, за тысячи лѣтъ до появленія Моисея, объясняется тѣмъ, что Пятикнижіе, по ученію Каббалистовъ, существовало уже въ лонѣ Бога еще до сотворенія міра, и было единственною цѣлію творенія (такимъ же образомъ, какъ былъ ею, по мнѣнію Раввинистовъ законъ обрѣзанія): положеніе въ подтвержденіе котораго приводятся ими слова Пророка Іереміи: *не положихъ-ли убо завѣта* (то-есть Пятикнижія) *моего между днемъ и нощію и законовъ небеси и земли* (XXXIII, 35).



отрывкѣ, приписываемомъ Р. Симону бенъ-Іохаи — «препятствуетъ распространенію этой небесной мудрости, и, утверждая что достаточно одного буквальнаго пониманія Письменнаго и Устнаго Закона, служитъ виною тому, что люди менѣе обращаютъ на нее вниманія, тотъ отвращаетъ отъ сихъ садовъ самые цѣлительные источники. Горе ему! Лучше бы ему было не родиться на свѣтъ: онъ снова ввергаетъ вселенную въ ея первобытный хаосъ, вводитъ въ міръ бѣдность, и длитъ плѣнъ Израиля».

Каббалисты предполагаютъ, что Господь далъ Моисею на горѣ Синаѣ Священное Писаніе (подъ которымъ разумѣется иногда одно Пятикнижіе, а иногда и весь Ветхозавѣтный Канонъ), со всѣми находящимися въ немъ точками, удареніями и прочимъ, короче-сказать — со всею Масорою; причемъ открылъ ему также всѣ тайны, скрывающіяся въ каждой главѣ, подъ каждымъ стихомъ, словомъ, буквою и точкою, и научилъ его: какимъ образомъ, посредствомъ перестановки буквъ въ словахъ Св. Писанія (которое все состоитъ единственно изъ безчисленныхъ именъ Божіихъ), можно, когда устремишь къ тому помышленія, производить, по желанію, различныя дѣйствія и перемѣны въ небесныхъ областяхъ. Вслѣдствіе этого, Каббала раздѣляется на *символическую* и *реальную*.

Символическая Каббала учитъ, какимъ образомъ можно открыть въ Св. Писаніи заключенный въ немъ Богомъ таинственный смыслъ. Это достигается посредствомъ. а) или *Гематріи*, или б) *Нотарикона*, или в) *Темуры*.

а) *Гематрія* (съ греческаго—геометрія) бываетъ либо *ариѳметическая*, либо *фигуративная*. *Гематрія ариѳметическая* состоитъ въ объясненіи слова чрезъ замѣненіе его другимъ, одночисленнымъ съ нимъ [62]. Такъ, на-примѣръ, слово *Мессія* одночисленно съ словомъ *нагашъ*

---

[62] Въ еврейской, какъ и въ нашей славянской азбукѣ, буквы имѣютъ численное значеніе и употребляются вмѣсто цифръ.

(именно оба выражають число 358) — «змѣй», подъ которымъ разумѣется Сатана, въ образѣ змія увлекшій Евву къ грѣху и внесшій смерть въ міръ; и эта одночисленность открываетъ ту тайну, что Мессія, по сошествіи своемъ на землю, разобьетъ этому змѣю голову, и такимъ образомъ уничтожитъ грѣхъ съ послѣдствіемъ его — смертію. *Фигуративная Гематрія* раскрываетъ тайный смыслъ Св. Писанія изъ встрѣчающихся въ немъ, на основаніи Масоры, большихъ, малыхъ, извращенныхъ или поставленныхъ между строками буквъ. Объяснить какъ это дѣлается, довольно трудно безъ помощи еврейскаго шрифта: посему оставляемъ читателей въ невѣдѣніи таинствъ фигуративной гематріи.

б) *Нотариконъ* (вѣроятно отъ латинскаго—nota, notare) состоитъ въ томъ, что изъ начальныхъ или изъ конечныхъ буквъ нѣсколькихъ словъ составляется одно, которое и объясняетъ ихъ внутренній смыслъ; или, на-оборотъ, изъ буквъ одного слова составляется нѣсколько словъ, въ которыхъ эти буквы приходятся начальными. Такъ, на-примѣръ, въ словѣ *Адамъ* [63] заключаются начальныя буквы именъ *Адамъ*, *Давидъ*, *Мессія*: это показываетъ, что душа Адама переселилась въ Давида, а изъ него въ Мессію.

в) *Темура* — анаграмматическая перестановка буквъ — бываетъ разнаго рода. Или просто изъ буквъ, заключающихся въ одномъ словѣ, перестанавливая ихъ по произволу, дѣлаютъ другое; на-примѣръ изъ *Малахіи* — *Михаилъ* [64]. Или — буквы слова замѣняются другими, такимъ образомъ, что вмѣсто первой буквы азбуки ставится послѣдняя и на-оборотъ, вмѣсто второй — предпослѣдняя и на-оборотъ, и такъ до конца, каковая перестановка назы-

---

[63] При этомъ примѣрѣ надо помнить, что коротнія гласныя, каково второе *а* въ словѣ «Адамъ», по системѣ еврейскаго письма, опускаются; почему Адамъ пишется по-еврейски *Адм*.

[64] Первое *а* въ словѣ «Малахій»—короткое; потому въ еврейскомъ письмѣ не изображается, такъ-что все слово пишется «Млахи».

вается *атъ-башъ*: этимъ способомъ слово *Сесакъ* у Пророка Іереміи, которое не имѣетъ никакого смысла, читается *Бабель*, то-есть Вавилонъ. Или — двадцать двѣ буквы еврейской азбуки дѣлятъ на двѣ строки по одиннадцати буквъ въ каждой, и замѣняютъ первую букву азбуки, стоящею подъ ней двѣнадцатою и на оборотъ, вторую — тринадцатою и на-оборотъ, и т. д.: этотъ образъ замѣны буквъ называется *алъ-бамъ*. Или — каждая буква слова замѣняется другою, слѣдующею за нею по азбучному порядку, то-есть *б* замѣняетъ *а*, *в* замѣняетъ *б*, и т. д. Каждая буква можетъ быть перестановлена и замѣнена другою на двѣсти-тридцать-одинъ маноръ. Отсюда понятно, какимъ образомъ Каббалисты могутъ находить въ Св. Писаніи рѣшительно все, что имъ вздумается.

Реальная Каббала имѣетъ предметомъ тѣ тайны которыя символическая учитъ только добывать. Она раздѣляется на а) *теоретическую* и б) *практическую*.

а) Каббала *теоретическая* говоритъ о десяти Сефиротахъ, о тридцати-двухъ путяхъ премудрости, о четырехъ мірахъ, о различныхъ именахъ Божіихъ и ангельскихъ, о небесной іерархіи и о вліяніи ея на нашъ міръ. Она состоитъ изъ двухъ частей: *космогонической*, или о сотвореніи міра, въ которой объясняются двѣ первыя главы Бытія, и *пневматической*, въ которой объясняются символическія видѣнія пророковъ, въ-особенности первая глава Іезекіиля.

б) *Практическая* Каббала имѣетъ предметомъ приложеніе къ дѣйствительности именъ Бога и Ангеловъ, узнанныхъ изъ теоретической. Она учитъ какимъ образомъ, посредствомъ произнесенія ихъ, или даже просто устремленія на нихъ мысли, можно дѣйствовать на міръ надземный и дѣлать это дѣйствіе ощутительнымъ въ нашемъ подлунномъ мірѣ. Въ этой части ученія заключаются основанія каббалистической теургіи, или заклинанія добрыхъ духовъ, и гоэціи, или заклинанія злыхъ. Производится это:

или—посредствомъ произнесенія нѣкоторыхъ стиховъ, или отдѣльныхъ словъ Св. Писанія, означающихъ, при перестановкѣ буквъ въ нихъ, различныя Божіи и Ангельскія имена; или — посредствомъ амулетовъ, то-есть лоскутковъ пергамента, на которыхъ написаны такіе стихи и слова̀, вмѣстѣ съ изображеніемъ различныхъ фигуръ.

Сжатые въ тѣсныхъ предѣлахъ, которые даны нашему труду, мы не можемъ представить читателямъ даже сколько-нибудь отчетливаго обзора содержанія теоретической Каббалы. Приходится невольно довольствоваться отрывками. При такихъ условіяхъ, мы постараемся обратить вниманіе только на самыя любопытныя статьи каббалическаго ученія (о которыхъ не упомянуто даже при изложеніи основаній древней Каббалы и содержанія двухъ важнѣйшихъ ея памятниковъ), преимущественно-же на демонологію, какъ болѣе другихъ разработанную и обогащенную новыми Каббалистами.

О десяти Сефиротахъ уже было упомянуто; дадимъ теперь, по части космогоніи, понятіе о *Четырехъ Мірахъ*, которые, по каббалическому ученію, образуютъ эти Сефироты. Міры эти, въ нисходящемъ порядкѣ, называются: ***Азила***, ***Берія***, ***Іецира*** и ***Асія***. Міръ ***Азилатическій***, какъ первое и непосредственное изліяніе Божества, граничитъ непосредственно съ его неизрѣченнымъ существомъ, и потому содержитъ въ себѣ Сефироты въ высшей потенціи: онъ есть высочайшее и совершеннѣйшее откровеніе Бога, безъ недостатковъ, измѣненій и движенія, пребывающее всегда одинаковымъ, самому себѣ равнымъ; существа, въ немъ заключающіяся, суть непосредственныя изліянія Адамъ-Кадмона, и потому подобны ему своею природою. Міръ ***Беріатическій*** есть ближайшее изліяніе Азилатическаго: онъ также содержитъ въ себѣ Сефироты, но уже не въ такой высокой потенціи, и потому ниже, ограниченнѣе; однако-же субстанціи, которыя онъ объемлетъ, все еще не имѣютъ ничего матеріяльнаго и суть чисто духовной

природы; и какъ сами онѣ имѣютъ источникъ свой въ Азилатическомъ Мірѣ, такимъ же образомъ, въ-свою-очередь, служатъ источниками для субстанцій другихъ, еще менѣе совершенныхъ міровъ. Міръ *Iециратическій* изливается изъ Беріатическаго: субстанціи его подвержены уже индивидуальности, но все еще не имѣютъ въ себѣ ничего матеріяльнаго; это міръ ангеловъ, то-есть разумныхъ и безтѣлесныхъ существъ, окруженныхъ свѣтозарною оболочкою, которую, когда являются людямъ, берутъ они изъ еще грубѣйшей матеріи. Наконецъ, четвертый, Міръ *Асіатическій*, то-есть нашъ дѣйствительный міръ, состоитъ изъ грубѣйшихъ частей всѣхъ трехъ высшихъ міровъ, которыя осѣли въ него, такъ-сказать, ради матеріяльности и тяжести своей; субстанціи этого міра состоятъ изъ ограниченной въ пространствахъ матеріи, которая для грубыхъ чувствъ является осязательною подъ многочисленными формами, и подвержена непрестанному движенію, всегдашней измѣнчивости происхожденія, уничтоженія, увеличенія, уменьшенія, и вообще всякаго рода являемости; почему Каббалисты и называютъ этотъ міръ—«міромъ кажущагося и обманчиваго»: въ немъ нѣтъ ничего простаго и нераздѣльнаго, а все только сочетанія, видоизмѣняющіяся каждое мгновеніе, какъ во внутренности, такъ и во внѣшности. Къ каждому изъ этихъ «Четырехъ Міровъ» принадлежитъ своя собственная, отдѣльная, «система Сефиротовъ», истекающая непосредственно изъ Адамъ-Кадмона.

Переходимъ къ каббалической пневматологіи. Находя, что у позднѣйшихъ пророковъ, въ-особенности у Iезекіиля и Даніила, Богъ представляется посреди лучезарнаго сонма Ангеловъ, изъ которыхъ иные названы даже по имени, Каббалисты наполнили, на этомъ основаніи, весь объемъ творенія добрыми и злыми духами, раздѣлили ихъ на категоріи и порядки, назначили имъ начальниковъ, дали симъ-послѣднимъ, какъ и многимъ другимъ отдѣль-

нымъ духамъ, опредѣленныя имена, и назначили каждому извѣстныя занятія, отправленія и должности.

Такъ-какъ Азилатическій Міръ есть чистѣйшее изліяніе Первоначальнаго Существа, недоступнаго никакому дѣленію, то, по отсутствію въ немъ всякой субъективности и индивидуальности, Каббалисты не могли населять его никакого рода духами. Въ Беріатическомъ Мірѣ, если и не существуетъ индивидуальности, то есть уже субъективность; почему въ немъ и дано мѣсто чистѣйшимъ, ближайшимъ къ Божественному Существу духамъ, которые называются *хайотъ*—«вѣчно живущіе». Въ Іециратическомъ Мірѣ полагаются уже субъективныя созданія: различнаго образа и разряда демоны, управляющіе стихіями и небесными тѣлами. Наконецъ, Міръ Асіатическій населяется, кромѣ животныхъ и людей, еще духами матеріяльными, менѣе тонкими чѣмъ духи чистые, и менѣе грубыми чѣмъ собственно матерія: эти духи стремятся безпрестанно или вознестись къ другимъ, чистѣйшимъ, и соединиться съ ними, или самихъ этихъ высшихъ духовъ стянуть къ себѣ и погрузить ихъ въ свою собственную нечистоту.

Въ природѣ нѣтъ ни одного, ни матеріяльнаго, ни умственнаго, ни нравственнаго предмета, котораго-бы Каббалисты не поручили особому Ангелу. Ангелъ, поставленный надъ огнемъ, называется у нихъ *Нуріэль*; онъ имѣетъ помощниками семь другихъ: *Габріэля*, *Нитріэля*, *Тумiэля*, *Шамшіэля*, *Гадарніэля* и *Захаріэля*. Вода подчинена *Михаэлю*, подъ которымъ состоятъ: *Раміэль*, *Оріэль*, *Мальkіэль*, *Хабріэль*, *Миніэль* и *Цоріель*. Начальникъ звѣрей называется *Іегуэль*, а помощники его: *Пасіэль*, *Газіэль* и *Хузіэль*. Птицами вѣдаетъ *Анфіэль*, съ двумя помощниками: *Бааліэлемъ* и *Узіэлемъ*. Домашній скотъ состоитъ подъ вѣденіемъ *Гаріи* и подчиненныхъ ему: *Ласіэля*, *Парвіэля* и *Гузіэля*. Черви находятся подъ начальствомъ *Саміэля*. Насѣкомыми управляетъ *Мефаніэль*. Начальникъ рыбъ называется *Даліэль*, а подъ нимъ состоятъ: *Азіэль*,

Пеканіэль и *Мактуніэль*. Вѣтрами повѣлеваетъ *Рухіэль*, съ помощниками: *Хелкіею*, *Узіелемъ* и *Азаэлемъ*. Громомъ завѣдываетъ *Габріэль;* метеорами — *Нуріэль;* скалами — *Мактугіэль*; плодоносными деревьями — *Алміэль;* лѣсными деревьями—*Зоруэль;* градомъ—*Юркема;* мертвыми—*Дума;* адомъ—*Негарсанэль;* солнцемъ—*Галгаліэль;* луною—*Офаніэль;* и т. д. Учителемъ Адама былъ—Ангелъ *Разіэль;* Сима—*Іохіэль*; Авраама—*Цадкіэль;* Іакова—*Рафаэль*; Моисея—*Сангсагаэль*, а по мнѣнію другихъ—*Михаэль*, третьи-же думаютъ—*Метатронъ;* учителемъ Иліи—*Малтіэль*; и т. п.

Число этого рода добрыхъ духовъ безгранично. Значительнѣйшіе и могущественнѣйшіе изъ нихъ суть: *Метатронъ* и *Сандальфонъ*. *Метатронъ* есть первый Слуга Божій, и потому завѣдываетъ силою, мудростію, величіемъ, всѣми добрыми Ангелами, Храмомъ Іерусалимскимъ, Богослуженіемъ, Царями, вообще всѣмъ великимъ и возвышеннымъ на небесахъ и на землѣ: собственно онъ одно и тоже съ Энохомъ, которому, при рожденіи его, дана была чистая душа, утраченная по грѣхопаденіи Адамомъ, а, въ слѣдствіе того, и занимаемая имъ, по взятіи на небо, настоящая высокая должность [65]. О *Сандальфонѣ* разсказывается, что онъ одно и тоже съ Пророкомъ Иліею, ко-

---

[65] Несмотря на высокую святость Метатрона, онъ былъ однако же, баснословятъ Каббалисты, наказанъ разъ шестидесятью ударами огненныхъ розогъ, вотъ по какому случаю: «Ангелъ этотъ долженъ разъ въ день записывать въ книгу добрыя дѣла людей; въ продолженіе этого занятія ему позволяется сидѣть въ присутствіи самаго Господа. Однажды, нѣкто Элиша бенъ Абуія, поднявшись на небо, увидѣлъ тамъ сидящими два существа: Бога и Метатрона; это дало ему поводъ предположить существованіе двухъ боговъ, а за симъ послѣдовало отпаденіе его отъ Іудейства и впаденіе въ Манихеизмъ. Въ наказаніе Метатрону за непредусмотрительность его въ этомъ случаѣ, за то, что онъ не всталъ съ сѣдалища своего при входѣ Элиши, и ввелъ его такимъ образомъ въ заблужденіе, приказано было отъ Бога вывести Метатрона и дать ему означенные шестьдесятъ ударовъ огненными розгами». Это одинъ изъ образчиковъ удивительнѣйшей смѣси въ Каббалѣ: съ одной стороны — весьма высокихъ и утонченныхъ умствованій, съ другой — самыхъ глупѣйшихъ нелѣпостей.

торый первоначально былъ Ангеломъ и посланъ на землю только на нѣкоторое время, а по окончаніи пророческаго порученія своего снова взятъ на небо: ростомъ этотъ Ангелъ на столько выше другихъ Ангеловъ, на сколько пространства можетъ проѣхать человѣкъ въ пятьсотъ лѣтъ; стоя ногами на нашей землѣ, головою касается онъ въ тоже время тѣхъ небесъ гдѣ витаютъ Духи-Хайимы; это не мѣшаетъ ему однако-же приносить ежедневныя жертвы въ Іерусалимскомъ Храмѣ, причемъ деньги, нужныя на покупку жертвенныхъ животныхъ, беретъ онъ изъ храмовой казны, которая, со времени разрушенія Храма, лежитъ скрытая гдѣ-то подъ его развалинами. Одно изъ занятій этихъ двухъ ангеловъ, вмѣстѣ съ третьимъ, *Акатріэлемъ*, состоитъ въ томъ, чтобы принимать людскія молитвы, плести изъ нихъ вѣнцы и возлагать на главу Господа; эти вѣнцы плетутся, впрочемъ, только изъ молитвъ произносимыхъ на еврейскомъ языкѣ.

Что касается до злыхъ духовъ, то мнѣнія о происхожденіи ихъ у Каббалистовъ чрезвычайно различны. Одни думаютъ, что Богъ создавалъ ихъ съ пятницы на субботу въ послѣднее мгновеніе седьмицы творенія, и какъ суббота наступила ужъ, то не успѣлъ ихъ досоздать, то-есть ни дать имъ совершенства чистыхъ духовъ, ни качествъ души и тѣла человѣческаго. Другіе полагаютъ, что Адамъ прижилъ ихъ съ чертовкою Лилитою; третьи — что они произведены на свѣтъ Каиномъ; четвертые — что они потомки тѣхъ Ангеловъ о которыхъ Св. Писаніе говоритъ, что они прельстились дочерьми человѣческими, и т. д. Впрочемъ, кромѣ этихъ злыхъ духовъ, происшедшихъ послѣ сотворенія міра, Каббала признаетъ еще много созданныхъ въ продолженіе самаго творенія.

Извѣстнѣйшіе и значительнѣйшіе изъ этихъ первозданныхъ злыхъ духовъ мужескаго пола суть: *Самаэль*, *Ахмедай* или *Ашимдай*, и *Бедаргонъ*. О *Самаэлѣ* учитъ Каббала, что онъ есть тотъ змѣй который увлекъ въ грѣ-

хопаденіе Евву, тотъ злой духъ который во всѣ времена наущалъ и наущаетъ людей на дурныя дѣла. Другое занятіе его состоитъ въ томъ, что онъ докладываетъ объ этихъ дурныхъ дѣлахъ въ Небесномъ Сенатѣ, и исполняетъ надъ людьми смертные приговоры этого судилища. Относительно конца, ожидающаго этого духа, одни изъ Каббалистовъ предсказываютъ ему очень дурной, говоря, что Богъ схватитъ его за волосы, а Пророкъ Илія отрубитъ ему голову. Другіе, напротивъ, объясняютъ это же самое въ хорошую сторону, утверждая, что отрубленіе головы значитъ, что Богъ отдѣлитъ отъ имени Самаэля первыя буквы—*сам*, которыя значатъ «ядъ», и что затѣмъ останутся только послѣднія—*эль*, означающія «Божественную Природу», почему онъ и будетъ обращенъ въ чистаго духа. *Ахмедай*, по баснословію Каббалистовъ, былъ часто на послугахъ у Царя Соломона, свергнулъ его наконецъ съ престола, и влюбился въ его женъ. О *Бедаргонѣ* разсказываютъ они, между прочимъ, что онъ величиною всего въ пядень, а имѣетъ пятьдесятъ головъ и пятьдесятъ-шесть глазъ, причемъ на тѣлѣ у него изображены всѣ еврейскія буквы, кромѣ двухъ.

Злыхъ духовъ женскаго рода создалъ Богъ четверыхъ; по-имени: *Лилиту* или *Лайлиту*, *Нааму*, *Махлату* и *Игерету*. Объ нихъ, какъ и о злыхъ духахъ мужескихъ, написано въ Каббалѣ пропасть нелѣпостей. *Лилита*, сказываютъ, есть первая Евва, которую Господь создалъ въ одно время съ Адамомъ, но Адамъ, за сварливость ея, развелся съ ней и женился потомъ на другой Еввѣ, образованной изъ его собственнаго ребра; въ Лилиту-же влюбился и взялъ ее себѣ въ жену Самаэль. Лилита—характера угрюмаго, а *Махлата*—веселаго: оттого между этими чертовками идетъ постоянная ссора, доходящая иногда и до драки; а драться за нихъ есть кому: у Лилиты находится подъ командою 480, а у Махлаты 378 полковъ погибшихъ ангеловъ. *Наама*, говорятъ, есть то лицо кото-

рое встрѣчается въ Св. Писаніи подъ именемъ сестры Тубалкаина; за-мужемъ она за чертомъ *Шемерономъ*. Объ *Игеретъ* мало что извѣстно. По словамъ Соломона Луріи, каждую середу и пятницу разгуливаетъ она ночью съ 18,000 полками погибшихъ ангеловъ; почему Лурія увѣщеваетъ, чтобъ въ это время никто не выходилъ одинъ изъ дому.

Вообще злыхъ духовъ такъ много на свѣтѣ, что числа ихъ и выразить невозможно. У каждаго человѣка находится ихъ тысяча по правую, и десять тысячъ по лѣвую руку. Они окружаютъ насъ, какъ изгородь поле; когда мы чувствуемъ себя сдавленными въ толпѣ, это они насъ давятъ; когда колѣна наши подгибаются, это подъ ихъ тяжестію; когда члены нашего тѣла кажутся намъ какъ-бы разбитыми, это они причиняютъ намъ такое страданіе. Человѣкъ, въ каждую минуту своего существованія, окруженъ этими невидимыми врагами, которые сѣютъ тысячи опасностей на пути его жизни, тысячами нечистыхъ видѣній стараются осквернить его душу; такъ-что человѣкъ рѣшительно не могъ бы устоять противъ нихъ, еслибы глазъ его имѣлъ способность ихъ видѣть. Обыкновенное мѣстопребываніе этихъ злыхъ духовъ — въ пустомъ мѣстѣ, подъ луннымъ кругомъ, которое отвелъ имъ Господь. Они имѣютъ три свойства ангельскія и три человѣческія; съ ангелами имѣютъ они общаго: крылья, способность переноситься въ одно мгновеніе съ одного конца міра на другой, и знаніе будущаго; съ людьми сходствуютъ тѣмъ, что употребляютъ пищу и питье, и такимъ-же образомъ плодятся и умираютъ: впрочемъ, пища ихъ, разумѣется, не такая грубая, какъ у людей, а тонкія водяныя испаренія и т. п.: оттого, когда хочешь заставить ихъ служить себѣ, надо курить сильно пахучими веществами. Наконецъ, нечистота этихъ духовъ не вѣчна; со временемъ, и они очистятся.

Теперь, о психологіи Каббалистовъ. Относительно души человѣческой принимаютъ они три основанія: во-первыхъ, что она есть изліяніе Божества; во-вторыхъ, что можетъ

переходить изъ одного тѣла въ другое; въ-третьихъ, что есть опредѣленныя мѣста гдѣ душа, по смерти, получаетъ награду или подвергается наказанію. Но къ этимъ простымъ основаніямъ примѣшивается множество нелѣпыхъ и смѣшныхъ подробностей. Вмѣстѣ съ безсмертіемъ души, по разрушеніи тѣла, принимаютъ Каббалисты и предсуществованіе ея до входа въ тѣло. Всѣ души, сколько ихъ ни есть, ни было, и ни будетъ на свѣтѣ, всѣ онѣ истекли изъ Бога разомъ, всѣ присутствовали при заключеніи Завѣта на Синаѣ, и до призванія къ жизни хранятся въ особомъ вмѣстилищѣ, называемомъ *Гуфъ*. Души женскія суть нѣсколько низшаго достоинства, чѣмъ мужскія; тѣхъ и другихъ создано первоначально всего по шестисотъ тысячъ. Какъ прилаживаютъ Каббалисты это небольшое число къ милліардамъ существующаго и существовавшаго населенія земли—мы не знаемъ.

Относительно переселенія душъ, принимается, что онѣ могутъ быть переселяемы не только изъ однихъ тѣлъ человѣческихъ въ другія, но и въ животныхъ, и даже въ предметы безжизненные. Между причинами необходимости этого переселенія, приводятся часто весьма странныя, на-примѣръ та, чтобъ человѣкъ имѣлъ возможность исполнить всѣ 248 положительныхъ приказаній Пятикнижія. Женскія души, кромѣ одного случая, не подвергаются переселенію, и по разлученіи съ тѣломъ, отправляются прямо или въ рай или въ адъ; зато въ женскія тѣла бываютъ переселяемы иногда, за тяжкіе грѣхи, души мужскія. Число перерожденій общее мнѣніе ограничиваетъ всего тремя. Кромѣ обыкновеннаго, одиночнаго переселенія, называемаго *Гильгуль-Ганешамотъ*, бываетъ еще и другое, называемое *Иббуръ*, когда въ одно тѣло переселяются двѣ, иногда-же и три души: такъ въ пророкѣ Самуилѣ были вмѣстѣ души Моисея и Аарона. Были, впрочемъ Каббалисты, какъ Р. Саадія-Гаонъ, которые вовсе отвергали душепереселеніе.

Что касается до описаній рая и ада, въ чемъ, какъ можно ожидать, пылкое воображеніе Каббалистовъ дало себѣ широкій разгулъ, мы не станемъ приводить ихъ. Скажемъ только, что они принимаютъ два рая: небесный и земной, и два ада: верхній и нижній. Земной рай есть переходная ступень къ небесному, необходимая для того, чтобы души, по разлученіи съ тѣломъ, могли привыкнуть въ немъ нѣсколько къ тому неизрѣченному свѣту, который ожидаетъ ихъ въ раю небесномъ, и котораго они, безъ этого предварительнаго приготовленія къ нему въ земномъ, не могли-бы вынести. Въ нижній адъ сажаютъ Каббалисты тѣхъ Іудеевъ которые не были обрѣзаны, не вѣровали въ Бога и не соблюдали святости субботняго дня; верхній-же назначается мѣстопребываніемъ для тѣхъ которые преступили другія заповѣди Закона и умерли безъ покаянія. Впрочемъ, Каббалисты не признаютъ вѣчности адскихъ мукъ. Въ заключеніе представленнаго нами отрывочнаго обзора ихъ замѣчательнаго ученія, мы не можемъ сдѣлать ничего лучше, какъ передать начертанную ими картину всепрощенія. «Нѣкогда будетъ возсѣдать Господь въ саду Эдемскомъ, имѣя по правую руку—Небесный Сенатъ, полѣвую—солнце, луну и звѣзды. Окруженный душами опочившихъ праведниковъ, будетъ онъ вести рѣчь о новомъ ученіи, которое дано будетъ черезъ Мессію. Затѣмъ, Зерубабель, сынъ Шаалфіэля, прочтетъ молитву *Кадишъ*, которую весь міръ, даже находящіеся въ аду грѣшники - Израильтяне и благочестивые другихъ народовъ, заключатъ такимъ громкимъ: «аминь!» что его услышитъ самъ Господь; Ангелы-же спросятъ, что̀ значитъ этотъ шумъ. И будетъ донесено Господу, что это громкій аминь, произнесенный находящимися въ аду для заглажденія грѣховъ; и Господь умилосердится надъ ними, и отдастъ хранящійся у него ключъ отъ ада ангеламъ Михаилу и Гавріилу, и повелитъ имъ растворить врата адскія, и выпустить осужденныхъ. Тогда оба ангела растворятъ всѣ со-

рокъ тысячъ адскихъ воротъ и выпустятъ осужденныхъ, а тѣхъ изъ нихъ которые, сидя въ самой глубинѣ, не возмогутъ выйти безъ помощи, выведутъ за руки; потомъ вымоютъ ихъ, умастятъ, исцѣлятъ полученныя ими въ аду язвы, облекутъ въ свѣтлыя ризы, и позовутъ предъ лице Господа. И Господь дозволитъ имъ предстать предъ себя и узрѣть величіе его. И предстанутъ они, и падутъ ницъ, призывая имя Господне, и воздавая хвалу Ему. Возрадуются тогда и блаженные, издавна услаждающіеся въ раю лицезрѣніемъ Господа, и всѣ вмѣстѣ возгремятъ ему пѣснь хвалы и благодарности»...

Возвращаемся къ исторіи распространенія каббалическихъ идей въ нѣдрахъ Раввинизма. Было сказано уже, что чѣмъ-болѣе пріобрѣтали онѣ себѣ поклонниковъ, тѣмъ-болѣе теряли свое философское значеніе. Сущность Каббалы, по трудности своей, давалась немногимъ; зато символическая ея часть и практическое приложеніе реальной Каббалы увлекали невольно слабые умы и пылкія воображенія. Въ сильной степени искаженія дошла, наконецъ, Каббала и до Польши; а здѣсь, съ теченіемъ времени, выродилась уже въ крайнее суевѣріе и сумасбродство. Демонологія съ практическою ея частію — то-есть способами къ пріобрѣтенію покровительства добрыхъ и умилостивленію или устраненію вреднаго вліянія злыхъ духовъ — составляетъ въ настоящее время, изъ всего каббалистическаго ученія, единственную почти отрасль, которою занимаются и промышляютъ раввины въ тѣхъ мѣстахъ Россіи гдѣ не царствуетъ исключительно раввиническое правовѣріе, или гдѣ Каббалисты не образовали, подъ именемъ Хассидимовъ, отдѣльныхъ, организованныхъ общинъ. Можно представить, какими гибельными послѣдствіями должно разрождаться въ невѣжественныхъ массахъ такое постоянное пребываніе въ страхѣ отъ всякой чертовщины, и какія средства даетъ оно хитрымъ обманщикамъ и восторженнымъ сумасбро-

дамъ морочить этотъ пугливый и суевѣрный народъ. Подъ такимъ гнетомъ Каббализма страждетъ у насъ преимущественно еврейское населеніе южныхъ губерніи: Волынской, Подольской, Кіевской, Полтавской, Херсонской и Екатеринославской.

Отъ настоящаго обратимся опять къ прошлому, и разскажемъ, какимъ образомъ каббалическое ученіе, зародившееся и цѣлыя полторы тысячи лѣтъ существовавшее и распространявшееся подъ сѣнію Раввинизма, вышло наконецъ изъ подъ его опеки и открыто образовало двѣ независимыя отъ него и отчасти враждебныя ему секты: *Шаббатай-Цевистовъ* и *Хассидимовъ*.

А. Шаббатай-цевисты

Эта секта получила существованіе на Востокѣ, въ предѣлахъ Оттоманской Имперіи. Здѣсь, во время распространенія Каббалы, въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтія, жилъ въ Смирнѣ незначительный маклеръ Мардохай Цеви. У этого Мардохая родился въ 1625 году сынъ *Шаббатай*, который съ самыхъ раннихъ лѣтъ обнаружилъ необыкновенныя способности. Еще мальчикомъ пріобрѣлъ онъ въ школѣ удивительно-обширныя познанія во всѣхъ отрасляхъ талмудическаго знанія, а осьмнадцатилѣтнимъ юношею удостоенъ былъ уже титла Гахама и преподавалъ каббалистическое ученіе ученѣйшимъ мужамъ роднаго города, которые съ благоговѣніемъ внимали его вдохновенной проповѣди. Нѣсколько разъ въ недѣлю, заставлялъ онъ ихъ поститься и купаться въ морѣ; часто училъ также и за городомъ, подъ открытымъ небомъ, не обращая вниманія на насмѣшки турецкой черни. Самъ онъ постился нерѣдко отъ субботы до субботы, не употребляя ни пищи, ни питья въ теченіе шести сутокъ сряду; въ полночное время купался при этомъ въ морѣ съ опасностію жизни; кромѣ того, умерщвлялъ свою плоть еще и разными другими спо-

собами. При всемъ томъ былъ онъ необыкновенно хорошъ собою: лице его свѣтлѣло чѣмъ-то особеннымъ, а отъ тѣла разливались тончайшія благоуханія; послѣднее приписывалъ онъ тому обстоятельству, что разъ ночью во снѣ умастили его патріархи Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ. На двадцатомъ году жизни, Шаббатай женился; но пріучая себя къ строжайшему воздержанію, къ совершенному владычеству надъ своею чувственною природою, даже не коснулся прекрасной жены своей: почему и принужденъ былъ развестись съ нею. Вскорѣ затѣмъ женился онъ во второй разъ, опять на весьма хорошенькой дѣвушкѣ; но разведенъ былъ и съ этою, по той же причинѣ, какъ съ первою. Вообще, издавна уже придавая себѣ видъ человѣка предназначеннаго къ чему-то необыкновенному, на двадцать-четвертомъ году жизни, открылъ наконецъ Шаббатай ученикамъ своимъ, что онъ есть ожидаемый Евреями Мессія, освободитель Израиля, и въ подтвержденіе достовѣрности этого произнесъ торжественно еврейское имя Бога: *Іегова* (что̀, по запрещенію у Евреевъ произносить это слово́, они считаютъ даже невозможнымъ). Отважность эта поразила и изумила всѣхъ присутствовавшихъ; но Шаббатай подвергся за нее отъ смирнскихъ раввиновъ отлученію и обреченію на смерть, почему бѣжалъ въ Салонику. Преслѣдуемый здѣсь, какъ и во всѣхъ мѣстахъ Мореи, гдѣ ни искалъ себѣ убѣжища и поклонниковъ, удалился онъ въ Египетъ, а отсюда прибылъ въ Іерусалимъ (1659), гдѣ вскорѣ пріобрѣлъ большое число учениковъ, которымъ каббалистическими вычисленіями несомнѣнно доказывалъ истину своего мессіанизма. Здѣсь же сильную опору себѣ нашелъ онъ въ нѣкоемъ *Наѳанѣ-Веніаминѣ* изъ Газы, который, еще за нѣсколько времени передъ тѣмъ, сталъ разыгрывать роль предвозвѣстника Мессіи и проповѣдывать всеобщее покаяніе, а, по прибытіи Шаббатая въ Іерусалимъ, началъ имѣть видѣнія и пророчествовать словесно и черезъ посланія, что ожидаемый Мессія народился въ

Смирнѣ, странствуетъ теперь между живыми подъ именемъ Шаббатая Цеви, и вскорѣ исполнитъ надежды Израиля. Шаббатай, между тѣмъ, около тринадцати лѣтъ оставался въ Іерусалимѣ въ бездѣйствіи; послѣ чего объявилъ, что долженъ ѣхать въ Египетъ за предназначенною ему свыше женою изъ дальней страны; поѣхалъ и дѣйствительно женился тамъ на одной дочери таинственныхъ приключеній, какой-то жидовкѣ изъ Польши, воспитанной въ Христіанствѣ.

Пока Цеви жилъ въ Іерусалимѣ, братья его (у него было два старшихъ брата: Іосифъ и Илія), при помощи пророчествъ Наѳана, успѣшно обдѣлывали дѣла его въ Смирнѣ, и пріобрѣли ему тамъ многочисленныхъ приверженцевъ; потому, когда, черезъ нѣсколько лѣтъ, по возвращеніи съ женою изъ Египта въ Іерусалимъ, онъ и здѣсь въ синагогѣ торжественно объявилъ себя Мессіею [66], а это навлекло ему смертный приговоръ и отъ здѣшнихъ Раввиновъ, — онъ бѣжалъ опять въ Смирну.

Отсюда начинается второй періодъ жизни Шаббатая, періодъ торжества. Въ Смирнѣ приняли его съ восторгомъ. Число приверженцевъ его умножалось съ каждымъ днемъ. Жизнь сталъ онъ вести царски-великолѣпную: когда выходилъ куда, передъ нимъ несли знамя съ надписью изъ псалма: «*десница Господня вознесе мя*» (Пс. CXVII, 17), и восторженныя толпы народа окружали его; вездѣ видно было изображеніе его съ короною на головѣ; трижды каждый день пѣли въ честь его двадцать первый псаломъ, а по субботамъ читалась особенная, составленная ради его

[66] Шаббатай былъ не первый между Евреями, ложно выдававшій себя за Мессію: многіе до него брались за тоже. Таковы были: извѣстный *Баръ-Кохеба*, во II вѣкѣ по Р. Х., въ Палестинѣ; какой-то Іудей, въ 1138 году, въ Персіи; другой такой же, 1167 году, въ Фецѣ; *Давидъ Альмусаръ* (или *Рубенити*), въ Персіи же, въ 1264 году; наконецъ, австрійскій раввинъ *Лемлейнъ* въ 1500 году. Каждый изъ этихъ Лже-мессій доказывалъ, посредствомъ каббалистическихъ вычисленій, что пришествіе Мессіи должно было совершиться именно въ его время.



молитва. Между тѣмъ слава о немъ распространилась и по другимъ странамъ. Вездѣ пріобрѣталъ онъ тьмы поклонниковъ; отвсюду являлись къ нему посольства съ привѣтствіемъ и драгоцѣнными дарами; и таково было число этихъ посольствъ, что многія должны были ожидать по нѣскольку недѣль, прежде чѣмъ доходила до нихъ очередь представиться предъ своего владыку и избавителя. Въ тоже время во многихъ мѣстахъ Турціи появились пророки и пророчицы; духъ пророчествованія объялъ даже и дѣтей; всѣ, въ эпилептическихъ припадкахъ, возвѣщали, на еврейскомъ и другихъ языкахъ, которыхъ — такъ баснословятъ преданія Шаббатай-Цевистовъ — дотолѣ ни слова не знали, разныя чудныя вещи изъ прошлаго и будущаго, и всѣ единогласно провозглашали, что Шаббатай-Цеви есть истинный Мессія. Самые враги его даже увлечены были общимъ стремленіемъ, и сдѣлались пламенными его поборниками. Слава Шаббатая была въ апогеѣ.

Наконецъ, гордые вѣрою въ ожидающее Израиль освобожденіе, поклонники Шаббатая потребовали, чтобы онъ отправился въ Константинополь и лично возвѣстилъ Султану о своемъ призваніи. Нечего было дѣлать: онъ поѣхалъ въ Константинополь (1666), гдѣ также принятъ былъ отъ своихъ единовѣрцевъ съ необыкновенными почестями, и наконецъ, послѣ разныхъ приключеній, которыя всѣ обращаемы были ему въ славу, представленъ былъ въ Адріанополѣ предъ лицо султана Мохаммеда VI. Султанъ предложилъ ему доказать истину своего мессіанизма тѣмъ, чтобъ онъ позволилъ выстрѣлить въ себя тремя напитанными ядомъ стрѣлами, и остался при этомъ невредимъ; а если онъ откажется отъ этого испытанія, то выбралъ бы одно изъ двухъ: или быть посаженнымъ на колъ, или принять Исламъ. Дерзость оставила обманщика: Шаббатай выбралъ послѣднее, надѣлъ тюрбанъ, и, подъ именемъ Мохаммедъ-Эфенди, сдѣланъ былъ капиджи-башею.

Вѣсть объ этомъ, какъ громомъ поразила Іудеевъ. Про-

рочества замолкли разомъ; бо̀льшая часть послѣдователей Шаббатая отреклась отъ него; остальные не знали что̀ думать. Но Шаббатай нашелся опять. Онъ сталъ увѣрять, что такъ предопредѣлено было ему свыше, для того чтобы онъ и изъ Исламизма могъ принять въ себя что̀ есть святаго въ этой религіи; а съ другой стороны, доказывалъ каббалистическими цитатами, что Мессія, предъ окончательнымъ исполненіемъ своего подвига освобожденія Народа, долженъ въ продолженіе нѣкотораго времени жить между невѣрными, подтверждая это и словами о Мессіи пророка Исаіи (XIII, 12): *«со беззаконными вмѣнися, и той грѣхи многихъ вознесе»*. Вслѣдствіе этого, довѣріе къ нему отчасти возстановилось опять, и триста изъ приверженцевъ его, по примѣру учителя, разомъ приняли Исламъ. Но это было только обращеніе наружное. До̀ма у себя, и учитель, и ученики соблюдали еврейскіе обычаи, и Шаббатай, проповѣдуя открыто Исламъ, продолжалъ тайно распространять свое собственное ученіе. За это Султанъ сослалъ его въ Сербію, гдѣ, въ Бѣлградѣ, въ 1676 году, по словамъ однихъ, умеръ онъ отъ колики, а по другимъ — былъ тайно обезглавленъ.

Основаніемъ ученію Шаббатая Цеви служила Каббала; Зога̀ръ былъ Евангеліемъ его послѣдователей. Но что̀ собственно принадлежало самому Цеви въ ученіи, которое онъ проповѣдывалъ — опредѣлительно сказать не можемъ. Главнымъ пунктомъ этого ученія, по принятіи Шаббатаемъ Ислама, было, по-видимому, признаніе святости всѣхъ трехъ религій истекшихъ изъ Св. Писанія Ветхаго Завѣта, то есть Іудейской, Христіанской и Мусульманской, и стремленіе слить ихъ во-едино. Такъ или иначе, только со смертію Цеви ученіе его не пришло въ забвеніе, а продолжало сильно дѣйствовать на умы, распространяемое его преемниками, несмотря на всѣ преслѣдованія со стороны раввинскаго правовѣрія. Оно существуетъ и доселѣ, хотя подъ разными формами, во многихъ мѣстахъ мусуль-

манскаго и христіянскаго міра. Примѣръ самого Шаббатая увлекъ множество его послѣдователей къ внѣшнему принятію Ислама. Братья *Кардозо* въ Триполи распространили его ученіе по всему Варварійскому Побережью, въ Марокскихъ Владѣніяхъ и частію въ Египтѣ. Здѣсь Шаббатай-Цевисты вездѣ принимали Исламъ [67]. Отдѣльная община ихъ въ Салоникѣ, существующая и доселѣ, также по наружности причисляетъ себя къ послѣдователямъ Магомета. Но, по наружности, секта ихъ на Востокѣ все-таки преимущественно оставалась въ Іудействѣ. Ревностнѣйшимъ проповѣдникомъ ея въ Смирнѣ, по смерти Шаббатая, былъ Газзанъ тамошней синагоги *Даніилъ-Израэли*, сильно поддерживавшій общее тогда многимъ изъ сектаторовъ вѣрованіе, что Шаббататай не умеръ, а живетъ гдѣ-то скрытно, и черезъ нѣсколько времени явится снова.

Въ Европѣ, преимущественно въ Голландіи, Германіи, Польшѣ и Италіи, Шаббатай Цеви пріобрѣлъ множество приверженцевъ еще при жизни. Въ первыя времена по смерти его, колыбелью и разсадникомъ Шаббатай-Цевизма были Валахія, Молдавія, Подолія и Волынь; а главнѣйшими проповѣдниками его въ Западной Европѣ явились: *Р. Іегуда-Гахасидъ* (1700), произведшій сильное волненіе въ еврейскомъ населеніи Богеміи, Моравіи, Германіи и Голландіи, и *Р. Хаимъ-Малахъ* съ *Р. Неэмія-Хайюномъ* (1708—1717), которые успѣшнѣе всего дѣйствовали въ Польшѣ, и написали нѣсколько книгъ, изъ которыхъ впрочемъ нельзя узнать ничего существеннаго объ основаніяхъ

[67] Основываясь на словахъ Талмуда, что «Мессія, сынъ Давидовъ, придетъ не прежде, какъ когда весь свѣтъ (то-есть, всѣ Іудеи) сдѣлается либо совершенно добродѣтеленъ, либо совершенно пороченъ» — Кардозо разсуждали такимъ образомъ: «Чтобы всѣ Іудеи стали добродѣтельны — надо долго ждать; сдѣлаться-же имъ порочными — ничего не стоитъ; а какъ вѣроотступничество есть величайшій порокъ, то самымъ легкимъ средствомъ къ ускоренію пришествія Мессіи, было-бы то, еслибы всѣ Іудеи отпали отъ вѣры отцовъ своихъ». Эта аргументація дѣйствовала удивительно успѣшно, и тѣ, которые ей поддавались, сейчасъ же надѣвали тюрбанъ.

Шаббатай-Цевизма. Дѣятельнѣйшими изъ числа многочисленныхъ эмиссаровъ ихъ были: нѣкто *Лобли* изъ Проссница въ Моравіи, фокусникъ и духовызыватель, и винокуръ *Цадокъ* изъ Литвы. Какъ на Востокѣ Шаббатай-Цевисты принимали Исламъ, такъ въ Европѣ оказывали они склонность къ переходу въ Христіанство. Нѣсколько позже, въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія, проповѣдниками того же ученія явились въ Европѣ виленскій врачъ *Іекутіэль* и ученикъ его, даровитый *Моисей-Хаиимъ Луззато* изъ Падуи. Послѣдній написалъ Новый или Второй Зогаръ и сто-пятьдесятъ превосходныхъ псалмовъ на еврейскомъ языкѣ. Наконецъ, въ половинѣ прошедшаго столѣтія, выступилъ новымъ и доселѣ послѣднимъ дѣйствователемъ на поприщѣ Шаббатаизма знаменитый *Іосифъ Франкъ*. Родомъ изъ Польши (род. 1712), промысломъ тоже винокуръ, онъ оставилъ это занятіе, предался изученію Каббалы, и, послѣ странствованій по Крыму и Европейской - Турціи, поселился въ Подоліи, сдѣлался миссіонеромъ Шаббатай-Цевизма, и пріобрѣлъ множество послѣдователей даже между тамошними раввинами. О немъ, какъ о предшественникахъ его, не было слышно, чтобы онъ прибѣгалъ, для распространенія проповѣдуемаго имъ ученія, къ какимъ-нибудь фокусамъ; а ученіе его, сколько извѣстно по-крайней-мѣрѣ изъ «Исповѣданія Вѣры», представленнаго имъ и его послѣдователями тогдашнему Польскому Правительству, состояло между прочимъ въ томъ, что онъ признавалъ трехличность Единаго Божества, возможность воплощенія Божества въ человѣческомъ образѣ, тщету ожиданія Іудеями Мессіи-человѣка, который освободитъ ихъ и вознесетъ надъ всѣми народами, и, наконецъ, будущее сошествіе Божества на землю въ человѣческомъ образѣ, для спасенія вѣрующихъ въ Него. Послѣдователямъ этого ученія позволено было невозбранно исповѣдывать оное и жить въ Польшѣ въ видѣ особой секты, подъ именемъ *Зогаристовъ* или *Анти-Талмудистовъ*. Но когда они стали торже-

ственно жечь Талмудъ, а защитникъ ихъ, римско-католическій епископъ каменецъ-подольскій, умеръ, Раввинисты довели ихъ преслѣдованіями своими до того, что часть ихъ выселилась въ Молдавію, а остальные принуждены были принять Христіанство. Но перейдя по-наружности въ Католицизмъ, Зогаристы продолжали по-прежнему оставаться Шаббатай-Цевистами. Вслѣдствіе сего, уличенные въ томъ осуждены и отосланы были на крѣпостныя работы; глава же секты, Франкъ, заключенъ въ Ченстоховскую Крѣпость (1773). Освобожденный отсюда черезъ нѣсколько лѣтъ, онъ, продолжая оставаться католикомъ, опять собралъ около себя множество приверженцевъ, началъ путешествовать съ огромною свитою, и, съ 1778 года, поселился въ Вѣнѣ, гдѣ зажилъ съ царскою пышностію. Высланный изъ Вѣны, переѣхалъ онъ въ Брюннъ, а высланный и отсюда, поселился въ Оффенбахѣ, гдѣ окружилъ себя еще бо̀льшимъ великолѣпіемъ, и сталъ называться барономъ. Свита его простиралась здѣсь до тысячи человѣкъ, которые, отъ секретаря до послѣдняго конюха, были всѣ изъ крещеныхъ Евреевъ обоего пола. Онъ держалъ собственную стражу, обмундированную по-военному, не допускалъ къ себѣ никого, кромѣ медика, и выѣзжалъ только ночью на поле для моленія, или въ сосѣднюю католическую церковь къ обѣднѣ по воскресеньямъ. Въ 1791 году, онъ умеръ, 78 лѣтъ отъ роду, и съ нимъ исчезло все великолѣпіе его дома. Замѣчательно, что Франкъ жилъ въ одно время съ Каліостро, отличался такими же барскими манерами, такою же впечатлительною, благородною наружностію, и также неизвѣстно откуда получалъ средства для царскаго содержанія себя и своей свиты. Со смертію его, эта свита разсѣялась; но секта имъ основанная сохраняетъ существованіе доселѣ. Въ Варшавѣ члены ея называютъ себя *Франкистами*. Общины ихъ, кромѣ того, находились еще, лѣтъ двадцать тому, въ Молдавіи и Турціи. О нравственности членовъ этой секты самые враги ея отзываются съ величайшими

похвалами. Находится ли она въ связи съ Шаббатай-Цевистами Мусульманами, и если находится, то лежитъ-ли въ основанiи этой связи единство тайныхъ общихъ имъ догматовъ (принадлежность въ каждой странѣ къ господствующей церкви, безъ ущерба оттого самостоятельности секты?) — неизвѣстно; потому-что посвященные держатъ, чтò знаютъ, въ величайшей тайнѣ отъ профановъ.

Въ одно же время съ Зогаристами, образовалась въ нѣдрахъ Раввинизма и другая секта, порожденная Каббализмомъ, но по числу членовъ своихъ несравненно важнѣйшая чѣмъ Зогаристы; именно

Б. Хассидимы

О древнихъ Хассидимахъ, которые упоминаются въ Маккавейскихъ Книгахъ, говорено выше [68]. Въ позднѣйшiя времена, стали называть этимъ именемъ людей которые, стремясь чрезъ изученiе Каббалы придти въ ближайшее соприкосновенiе съ мiромъ духовъ и самымъ Божествомъ, сопровождали это изученiе совершеннымъ отреченiемъ отъ всякихъ мiрскихъ занятiй и удовольствiй, строжайшимъ исполненiемъ всѣхъ мелочныхъ предписанiй Талмуда, и часто неимовѣрными подвигами покаянiя и умерщвленiя плоти [69].

---

[68] Стр. 422.

[69] Любопытные примѣры такого Хассидизма представляетъ извѣстный Соломонъ Маймонъ, въ своей «Автобiографiи» (Берлинъ, 1792). Приведемъ два замѣчательнѣйшiе. *Симонъ* изъ Любоша, ученый, извѣстный своимъ благочестiемъ, совершилъ уже *покаянiе Каны*, состоящее въ ежедневномъ постѣ въ-теченiе шести лѣтъ сряду, и покаянiе называемое *Галотъ*, то-есть постоянное странствованiе, въ продолженiе котораго нельзя оставаться двухъ дней подъ одною кровлею; сверхъ-того, носилъ онъ на голомъ тѣлѣ власяницу. Но какъ всего этого казалось ему мало для заглажденiя грѣховъ своихъ, то счелъ онъ нужнымъ подвергнуть себя еще особенному роду покаянiя, за каждый грѣхъ въ отдѣльности. И это его не удовлетворило; почему онъ рѣшился напослѣдокъ умереть съ голоду, чтò и исполнилъ съ Зогаромъ въ рукѣ. Другой сумасбродъ, *Iосель* изъ Плоцка, забралъ себѣ въ голову ускорить пришествiе Мессiи. Съ этою цѣлiю, предавался онъ строгому покаянiю, постился, валялся по снѣгу, проводилъ цѣлыя ночи въ бдѣнiи и т. п. Каждымъ

Не таковы новые Хассидимы, возникшіе современно съ Зогаристами. Той же цѣли, какъ и первые — спасенія въ будущей жизни и величайшаго блаженства на землѣ чрезъ созерцаніе Божества — думаютъ они достигнуть гораздо легче и удобнѣе, другими, противоположными средствами; именно: 1) слѣпою вѣрою въ своихъ *Цадиковъ* (какъ называются начальники ихъ секты) и неограниченною имъ преданностію; 2) высочайшею восторженностію и совершенною отрѣшенностію, во время молитвы и устремленія духа къ созерцанію Божества, отъ всего внѣшняго, даже отъ своей собственной личности; 3) усвоеніемъ себѣ въ остальное время спокойнаго и веселаго расположенія духа, какъ необходимаго щита противъ всѣхъ разрушающихъ здравіе души внутреннихъ и внѣшнихъ волненій, и лучшаго средства къ сохраненію въ себѣ способности возноситься къ созерцанію Божества. Ученіе это пущено было въ ходъ, въ пятидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія, нѣкоимъ *Израилемъ*, по прозванію *Бааль-Шемомъ*, то есть «Чудотворцемъ», или сокращенно *Бештомъ* [70], и обязано быть можетъ существованіемъ своимъ стремленію противодѣйствовать успѣхамъ Шаббатай-Цевизма, такъ или иначе примирявшаго Іудеевъ съ ненавистнымъ для многихъ изъ нихъ Христіанствомъ. Описаніе жизни и подвиговъ Бешта, изданное въ 1814 году въ Бердичевѣ, представляетъ этого

такимъ подвигомъ думалъ онъ, что низлагаетъ цѣлый легіонъ злыхъ духовъ замедляющихъ пришествіе Искупителя. Къ этому присовокуплялъ онъ еще разныя каббалистическія продѣлки, какъ-то: куренія, очищенія, заклинанія. Наконецъ, бѣднякъ дошелъ до того, что сталъ воображать будто видитъ духовъ, называлъ каждаго изъ нихъ по-имени, и разъ разбилъ оконныя рамы и печь, думая, что эти враги его, злые духи; послѣ этого донъ-кихотовскаго боя, поднятъ онъ былъ безъ чувствъ, и съ трудомъ возвращенъ къ жизни.

70 *Бааль-Шемъ* значитъ слово-въ-слово «Владыка Имени». Это прозваніе придано было Израилю, какъ и нѣкоторымъ практическимъ Каббалистамъ до него, вслѣдствіе увѣренности его послѣдователей, что онъ могъ творить чудеса посредствомъ «Великаго Каббалистическаго Имени Божія». По сокращенному имени Бааль-Шема—*Бештъ*—послѣдователей его ученія означаютъ иногда также именемъ *Бештіанъ*.

«чудотворца» великимъ избранникомъ Божіимъ, который, въ юности еще, чрезъ изученіе Каббалы, достигъ такой степени святости, что получилъ отъ Бога доступъ въ Небесный Сенатъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность заступленіемъ своимъ имѣть вліяніе на опредѣленія этого судилища относительно судебъ человѣческихъ, то-есть способствовать исполненію тѣхъ которыя находилъ, по усмотрѣнію своему, хорошими, и препятствовать тѣмъ которыя находилъ дурными [71]. Въ мужескомъ возрастѣ, посредствомъ этого вліянія на Небесный Сенатъ — баснословитъ тоже жизнеописаніе — производилъ онъ удивительнѣйшія извлеченія, оплодотворялъ безплодныхъ женщинъ, воскрешалъ мертвыхъ, освобождалъ изъ ада души осужденныхъ, возвращалъ зрѣніе слѣпымъ, ослѣплялъ зрячихъ, и явилъ многія другія чудеса: чудеса, творцемъ которыхъ, замѣтимъ мы, весьма немудрено было прослыть всякому дерзкому и ловкому фокуснику посреди такого легковѣрнаго, склоннаго къ чудесному и въ высшей степени невѣжественнаго населенія, какимъ было въ половинѣ прошлаго вѣка то, изъ котораго онъ вербовалъ послѣдователей своему ученію, именно еврейское населеніе нынѣшнихъ юго-западныхъ русскихъ губерній. Центромъ подвиговъ и проповѣди Бешта былъ Мендзыбожъ въ Подоліи. Успѣхъ ихъ былъ необычайный. Несмотря на всѣ анаѳемы, всѣ преслѣдованія, на которыя правовѣрные раввины не скупились для того чтобы предотвратить распространеніе Бештова ученія, оно въ короткое время пріобрѣло множество послѣдователей, которые тотчасъ же образовались въ отдѣльную секту и разсѣялись по всей тогдашней Польшѣ, Валахіи, Молдавіи, а нѣсколько позже проникли въ Галицію и Венгрію. Передъ смертью Бешта, послѣдовавшей въ 1760 году, число ихъ простира-

---

[71] Такъ, въ войнѣ которая велась у насъ съ Турками при Императрицѣ Аннѣ, успѣхъ предопредѣленъ былъ симъ-послѣднимъ, и если, несмотря на то, побѣда увѣнчала наши знамена, то этимъ, разсказывалъ Бештъ, обязаны были Русскіе его заступленію.

лось уже свыше 40,000. Кораномъ этой секты были и суть два изданныя основателемъ ея книги: *Сеферъ-Хамидошъ* и *Зеваотъ-Рибшъ*. Между учениками его, которые впослѣдствіи далеко превзошли въ шарлатанствѣ своего учителя, отличались въ-особенности трое: *Р. Бэръ* изъ Мендзыржеча, *Р. Мендель* изъ Пржемысла, и *Р. Мельхъ Лацанчъ*. По смерти Бешта, такъ-какъ дѣти его, по неспособности ли, или по чему другому, не умѣли удержать за собою предводительства отцовскою сектою [72], ученики его разсѣялись по всей Польшѣ, что́, послуживъ къ распространенію догматовъ этой секты, повело вмѣстѣ съ тѣмъ и къ измѣненію кореннаго устава ея управленія. Хассидимы, по ученію Бешта, во всѣхъ дѣлахъ своихъ, духовныхъ и мірскихъ, обязаны были подчиняться руководству главы секты, Цадика [73], котораго должны были принимать за представителя Божьяго на землѣ, и которымъ при жизни былъ самъ Бештъ. Теперь, когда этого главы не стало, у Хассидимовъ повторилось явленіе, которое произошло за двѣ тысячи лѣтъ передъ тѣмъ въ Царствѣ Македонскомъ. Какъ, по смерти Александра-Великаго, его намѣстники раздѣлили между собою основанную имъ имперію и каждый сдѣлался независимымъ владѣтелемъ въ своемъ намѣстничествѣ, такимъ же образомъ отличнѣйшіе ученики Бешта присвоили себѣ каждый, въ томъ мѣстѣ и округѣ гдѣ поселились, управленіе жившими тамъ Хассидимами. Каждый принялъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и титло Цадика, чѣмъ самымъ на каждаго изъ нихъ перешли и всѣ соединенныя съ этимъ титуломъ преимущества: то есть, вліяніе на дѣла Небеснаго Сената и проч. Такое управленіе существуетъ въ этой сектѣ и доселѣ.

---

[72] Потомство Бешта существуетъ и до-сихъ-поръ, пользуясь большимъ почетомъ между Хассидимами.

[73] *Цадикъ* значитъ по-еврейски — «Праведный». Титулъ этотъ принялъ Бештъ для отличія отъ титуловъ Раввина и Гахама, которые даютъ законоучителямъ своимъ прочіе Евреи, вслѣдствіе каббалистическаго афоризма что «праведный есть искупленіе міра».

Какъ ни невинны кажутся съ перваго взгляда приведенныя выше основанія Бештова ученія (кромѣ первой статьи), они, при развитіи ими полученномъ, произвели самыя гибельныя слѣдствія. Власть, присвоенная Цадикамъ, безмѣрна. Не говоря уже о томъ, что они считаются у своихъ послѣдователей способными излечивать, одною силою молитвы своей, самыя неизлечимыя болѣзни, освобождать этихъ послѣдователей отъ грозящей имъ гибели и дѣлать тому подобныя чудеса—что̀, впрочемъ, также весьма важно, если не въ дѣйствительности, то по вліянію своему на дѣйствительность—Цадикамъ приписываются права̀ гораздо важнѣйшія: воля ихъ считается за волю самого Бога, и они могутъ отпускать своимъ послѣдователямъ всѣ грѣхи ихъ, какіе-бы они ни были. Поэтому, каждый хассидъ обязанъ любить Цадика своего выше всего на свѣтѣ, стараться дѣлать все ему угодное, безпрекословно исполнять его повелѣнія, какъ-бы ни казались они, въ глазахъ другихъ людей, несправедливыми, вредными, безнравственными, беззаконными; короче: не долженъ имѣть своего мнѣнія, своего чувства, своей воли, а жить совершенно мыслію и волею Цадика. Значитъ, Цадикъ не только можетъ отпустить хассиду грѣхъ убійства, но можетъ самъ повелѣть убійство: и хассидъ обязанъ исполнить безпрекословно это приказаніе, оставаясь вполнѣ правъ передъ своею совѣстію. Одно, что могло-бы противодѣйствовать злоупотребленію власти Цадика, это—образованность его прихожанъ; но между Хассидимами не можетъ быть никакой образованности: всякое занятіе науками имъ воспрещено, не только какъ пустое и безполезное, но какъ гибельное для здравія души, и кто предается ему, считается еретикомъ. Имъ не позволяется даже учиться языкамъ; вмѣняется въ грѣхъ даже взглядъ на книгу наукообразнаго содержанія. Въ чьихъже рукахъ находится эта безграничная власть надъ духомъ и тѣломъ Хассидимовъ; кто были и есть эти божественные главы ихъ секты? Большею частію люди съ природ-

ными дарованіями, но необразованные, невѣжественные [74], достигшіе этого званія святошествомъ, безсовѣстностію и практическимъ знаніемъ человѣческаго сердца. Цадикомъ можетъ сдѣлаться всякій, имѣющій какія-либо талмудическія и каббалистическія свѣдѣнія, съ достаточнымъ притомъ запасомъ ловкости, хитрости, дерзости и настойчивости въ исполненіи своихъ замысловъ. Хотя, при появленіи новаго Цадика во владѣніяхъ другаго, часто является между ими вражда; но вражда это тотчасъ же примиряется другими заинтересованными въ общемъ дѣлѣ Цадиками, и не подавала еще доселѣ повода къ расколу. Цадики, впрочемъ, остаются безгрѣшными во всякомъ случаѣ: несогласія между ними считаются слѣдствіями грѣховъ народа, и приписываются зависти Сатаны. На того же Сатану сваливается вина и тогда, когда молитвы Цадиковъ оказываются недѣйствительными: Сатана перехватываетъ ихъ на пути къ небу.

Цадики не имѣютъ никакого опредѣленнаго содержанія Предполагается, что они управляютъ народомъ по волѣ Божіей и только изъ чистой любви къ своимъ прихожанамъ; но добровольныя приношенія и подарки сихъ послѣднихъ, которые должны обращаться къ нимъ за совѣтомъ и молитвою во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, доставляютъ имъ съ излишествомъ средства не только существовать въ довольствѣ и обиліи, но и составлять значительные капиталы. Каждую субботу собираются вечеромъ прихожане къ своему Цадику, принося съ собою пищу и питье, и пируютъ часто за полночь. На этихъ сборищахъ поются пѣсни каббалистическаго содержанія на халдейскомъ языкѣ, большею частію сочиненія И. Луріи. Цадикъ импровизируетъ на разныя задаваемыя присутствующими мѣста Св. Писанія, стараясь соединить ихъ въ одно цѣлое, и выка-

---

[74] Недалеко отъ Житоміра жилъ недавно одинъ цадикъ, такой безграмотный, что не умѣлъ подписывать даже своего собственнаго имени. Другой, въ Галиціи, попалъ въ цадики изъ лакеевъ.

зать свое знаніе, остроуміе и даръ прозрѣнія; наконецъ, при помощи меда и водки, всѣ предаются восторженному созерцанію. Кромѣ того, Цадикъ объѣзжаетъ по нѣскольку разъ въ годъ свой округъ; такое путешествіе совершаетъ онъ сопровождаемый толпами своихъ прихожанъ.

Для того чтобы, во время молитвы, настроить духъ къ созерцанію Божества и отрѣшиться отъ всего внѣшняго и развлекающаго, даже отъ самого себя, Хассидимы употребляютъ предварительно разныя способствующія къ тому, по ихъ мнѣнію, каббалистическія средства, а во время самаго моленія подымаютъ страшный шумъ и гамъ, кричатъ, хлопаютъ въ ладоши, скачутъ, качаются во всѣ стороны и предаются всякаго рода кривляньямъ и судорожнымъ движеніямъ. Молитвеники употребляютъ они въ настоящее время не общіе съ прочими польскими и нѣмецкими Талмудистами, а обряда Восточныхъ Іудеевъ, въ которые вошло много каббалистическаго; особеннымъ-же уваженіемъ въ этомъ отношеніи пользуется у нихъ молитвенникъ, сочиненный помянутымъ выше шаббатай-цевистомъ Наѳаномъ-Веніаминомъ, подъ названіемъ *Шемдатъ-Гаямимъ*. Въ обыкновенныя синагоги ходятъ Хассидимы неохотно; гдѣ живетъ ихъ хоть съ десятокъ, тамъ уже заводятъ они непремѣнно свою собственную молитвенную комнату.

По третьей статьѣ своего исповѣданія, то-есть для сохраненія всегдашняго спокойствія духа и постоянной веселости, Хассидимы стараются какъ-можно болѣе поддерживать между собою духъ общности (почему и называютъ себя «Святымъ Братствомъ»), сбираться чаще на общую бесѣду (для чего служитъ имъ таже молитвенная комната), удаляться отъ всякаго знанія и изслѣдованія, проводить время въ праздности и увеселять себя крѣпкими напитками, преимущественно медомъ и водкой, къ которымъ имъ даже предписывается прибѣгать за утѣшеніемъ въ случаѣ всякаго горя. Затѣмъ, они освободили себя отъ исполненія всѣхъ внѣшнихъ обрядовъ, всѣхъ стѣснительныхъ

талмудическихъ предписаній, считая ихъ несовмѣстными съ такимъ глубокимъ, каково ихнее, познаніемъ божественной природы. Талмудъ или весьма мало, или и совсѣмъ не читается ими; единственный предметъ изученія ихъ, кромѣ книгъ Бешта и его послѣдователей, есть Зогаръ[75].

Нечего и говорить, какое убійственное вліяніе имѣло на послѣдователей такое ученіе и такая организація секты. Вотъ что говоритъ о Хассидимахъ въ Россіи большой защитникъ всего, что есть дурнаго въ Евреяхъ, Бонавентура Майеръ, на безпристрастіе котораго можно, слѣдовательно, положиться въ настоящемъ случаѣ: «Жилища Хассидимовъ большею частію крайне нечисты. Мущины обыкновенно ничѣмъ не занимаются, и оставляютъ заботы о своемъ пропитаніи женамъ, которыя и ведутъ всѣ дѣла и работы. Жена сидитъ въ лавкѣ и торгуетъ, ходитъ на рынокъ, покупаетъ и продаетъ; мужъ-же, какъ встанетъ утромъ, отправляется тотчасъ въ баню, и проводитъ тамъ два-три часа, съ трубкою въ зубахъ и калякая съ товарищами. Послѣ бани, около девятаго часа, каждый читаетъ молитву. Затѣмъ, пьютъ обыкновенно водку, на основаніи словъ хсіх псалма: «*работайте Господеви въ веселіи*», и расходятся по домамъ завтракать. Всѣ, которымъ нечего дѣлать лучше, послѣ завтрака снова собираются въ своихъ клубахъ, разговариваютъ и опять пьютъ. Такъ проводятъ они каждый день. Женятся они обыкновенно на двѣнадцатомъ и тринадцатомъ году, рѣдко позже». Такими-же достоинствами отличаются они въ Австріи. Крайнее невѣжество, безграмотность, страшное суевѣріе, грубость характера и обращенія, дерзкая лживость, величайшая безсовѣстность, безстыднѣйшее мошенничество и преданность праздности и пьянству, составляютъ вездѣ ихъ отличительныя каче-

[75] Послѣ Бешта, замѣчательнѣйшими писателями секты были его преемники: *Нахманъ*, *Мелахъ*, и *Соломонъ Лоцнеръ*. Экзегетическія сочиненія Хассидимовъ суть, большею-частію, записанныя импровизаціи цадиковъ. Въ нихъ встрѣчаются сильныя мысли, перемѣшанныя съ величайшею безсмыслицею.

ства [76]. Между-тѣмъ, пятнадцать лѣтъ назадъ, послѣдователей этой секты считалось уже до полумилліона, изъ котораго, вѣроятно, значительное количество приходится на долю Россіи. У насъ Хассидимы живутъ почти вездѣ, но преимущественно многочисленны въ губерніяхъ: Волынской, Подольской, Кіевской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской, Витебской, Могилевской, Черниговской и области Бессарабской. Въ трехъ послѣднихъ губерніяхъ, направленіе Хассидизма болѣе умозрительное, чѣмъ восторженное, каково оно во всѣхъ остальныхъ. Въ Полтавѣ, Екатеринославѣ и Херсонѣ, Хассидизмъ, говорятъ, отличается особеннымъ сумасбродствомъ и глубиною невѣжества.

Быстрое распространеніе Хассидизма, несмотря ни на какія преграды, которыя противупоставляемы были ему, какъ со-стороны преданныхъ Талмудизму раввиновъ, такъ и со стороны Правительствъ, «объясняется», говоритъ С. Маймонъ, «весьма удовлетворительно любовью къ праздности и созерцательной жизни у этихъ Евреевъ, обреченныхъ на ученіе съ самаго рожденія, сухостію и безплодностію раввинской науки, скукой исполнять обрядовыя предписанія, бремя которыхъ облегчается новымъ ученіемъ, наконецъ удовлетвореніемъ которое находятъ въ немъ природная склонность народа къ восторженности и расположеніе его къ чудесному». Хорошо, еслибы также легко было найти и средства воспрепятствовать дальнѣйшей деморализаціи Хассидимовъ, и сдѣлать изъ этихъ безполезныхъ и вредныхъ людей хотя сколько-нибудь сносныхъ членовъ общества.

Въ-заключеніе, скажемъ еще, что къ каббалистическимъ же сектамъ должно причислить и ту, которая, по словамъ Б. Майера, живетъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Литвы и называется *Хабадъ*. Сколько можно понять изъ означен-

[76] Кромѣ, однако же, Амстердама, гдѣ къ этой сектѣ принадлежатъ, повидимому, только образованные и богатые люди.

наго писателя, секта эта есть также отрасль Хассидизма, возникшая въ концѣ прошлаго вѣка; отличается-же отъ прочихъ Хассидимовъ, которые ее ненавидятъ, несравненно бо̀льшею образованностію своихъ членовъ и послѣдованіемъ въ каббалистическомъ ученіи школѣ Кордуэро, тогда-какъ Хассидимы предпочитаютъ комментарій Луріи [77].

Трудъ нашъ, хорошо-ли, худо-ли — оконченъ. Мы старались вмѣстить въ нѣсколько печатныхъ листовъ содержаніе нѣсколькихъ десятковъ томовъ, представить какъ-можно болѣе фактовъ и какъ-можно менѣе фразъ. Источники, откуда брали мы факты — указаны; намъ принадлежатъ, и то не всегда, только разстановка ихъ и изложеніе: каково мы исполнили это — предоставляемъ судить болѣе насъ знающимъ.

---

[77] Тотъ же Бонавентура Майеръ говоритъ о существованіи въ Россіи еще двухъ еврейскихъ сектъ, изъ которыхъ одну называетъ онъ Secte der Gegner oder des Mittelstandes, другую—Secte der Handwerker oder Arbeitsleute. Что это за секты — мы рѣшительно не понимаемъ; ибо думаемъ, что бѣдность и богатство, средства пропитанія и различныя роды занятій, дѣлятъ людей на классы, на состоянія; секты-же образуются только различіемъ религіозныхъ убѣжденій.

ЧУКЧИ И ЗЕМЛЯ ИХЪ,
СЪ ОТКРЫТІЯ ЭТОГО КРАЯ ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ *.

Именемъ *Чукоцкой-Земли* обозначается въ настоящее время на картахъ нашихъ крайній сѣверо-восточный уголъ Азіятскаго Материка, основаніемъ которому служитъ почти прямая линія, идущая, на протяженіи осьми градусовъ, отъ устья рѣки Колымы на сѣверо-западѣ до устья рѣки Олюторы на юго-востокѣ; астрономически треугольникъ этотъ заключается, приблизительно, между 60 и 70 градусами с. ш., основаніемъ своимъ, на западѣ, опираясь о меридіанъ 164°, а вершиною, на востокѣ, касаясь почти 190° в. д. (отъ Гринвича).

Съ пространствомъ этимъ и его обитателями познакомились впервые наши казаки и промышленники вскорѣ за открытіемъ (въ 1636 году) судоваго хода по Ленѣ въ Ледовитое-Море, вслѣдъ за чѣмъ сысканы были, одна за другою, рѣки Яна, Индигирка, Алазея и Колыма. Только что утвердившись на сей-послѣдней, неутомимые и отважные плаватели стали заботиться какъ-бы провѣдать что̀ за земли и народы находятся далѣе къ востоку, чтобы и себѣ добыть отъ нихъ прибыль, и царскую казну обогатить ясакомъ. И вотъ, въ 1646 году, отправляется изъ устья Колымы на востокъ судно подъ начальствомъ мезенскаго промышленника Исая Игнатьева. Послѣ двухсуточнаго плаванія около берега добрались до губы, завернувъ въ которую, нашли тамъ людей «Чукоцкаго Народа», и тотчасъ

* Статейка эта напечатана впервые въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ за 1851 годъ. *Изд.*

же завели съ ними торговлю — какъ искони въ цѣломъ мірѣ велась она между пришлыми торговцами и туземными дикарями, взаимно недовѣрявшими другъ другу и незнавшими языка одни другихъ — выложили товары свои на берегъ, а сами удалились. Чукчи взяли что̀ пришлось имъ по вкусу, а въ замѣнъ положили моржовые зубы или вещи изъ нихъ выдѣланныя. Довольные первымъ опытомъ, промышленники тѣмъ же лѣтомъ возвратились назадъ на Колыму.— Таковы извѣстія о первомъ плаваніи Русскихъ къ Чукоцкимъ Берегамъ, сообщаемыя Миллеромъ, который извлекъ ихъ изъ дѣлъ Якутскаго Архива [1].

Въ тоже время пронесся на Колымѣ слухъ о рѣкѣ Анадырѣ, впадающей будто-бы въ Ледовитое-Море, и о множествѣ народовъ по ней обитающихъ. Явились какъ-разъ охотники провѣдать про ту рѣку и богатства ея жителей. Съ этою цѣлію, въ іюнѣ 1648 года, вышло изъ устья Колымы семь кочей, изъ которыхъ два подъ начальствомъ казаковъ Семена Дежнева и Герасима Анкудинова, а третій, промышленничій—подъ командою холмогорскаго уроженца Ѳедота Алексѣева. О судьбѣ прочихъ четырехъ неизвѣстно ничего. Три-же помянутыя судна, обогнувъ мысъ, названный мореходами нашими Чукоцкимъ-Носомъ, на двухъ островахъ противъ него нашли людей Чукоцкаго Народа съ продѣтыми сквозь губы костями изъ моржовыхъ зубовъ. На рѣчкѣ, по западную сторону Носа, видѣли нѣчто въ родѣ башни, сложенной Чукчами изъ китовыхъ костей. Тутъ кочь Анкудинова разбило, и бывшіе на немъ люди перебрались на остальные два. Послѣ боя съ Чукчами на берегу, возставшею бурею суда̀ разнесло. Дежневъ носился по морю до октября, когда кочь его выбросило на берегъ далеко южнѣе Анадыра (вѣроятно около рѣки Олюторы, какъ справедливо замѣчаетъ Миллеръ). Съ 25 казаками

[1] «*Описаніе морскихъ путешествій по Ледовитому морю съ Россійской стороны учиненныхъ*, въ «Сочиненіяхъ и Переводахъ къ пользѣ и увеселенію служащихъ», на 1758 годъ, стр. 8.

шелъ онъ по берегу моря къ сѣверу, и чрезъ 10 недѣль попалъ на рѣку Анадыръ, неподалеку отъ устья ея, вовсе не подозрѣвая, что это и есть искомая имъ рѣка. Ни тутъ, ни гдѣ-либо на пути, жителей они не встрѣчали. Послѣ неудачной развѣдки вверхъ по рѣкѣ, Дежневъ съ товарищами остатокъ зимы провелъ около ея устьевъ, а лѣтомъ, построивъ судно, пошелъ вверхъ по Анадыру. На этотъ разъ открыли по ней жителей, называвшихся Анаулами, и взяли съ нихъ ясакъ; но какъ въ-послѣдствіи оказались они непріязненными, то и были всѣ истреблены. Не зная какъ возвратиться на Колыму или хотя дать туда знать о себѣ, Дежневъ рѣшился прозимовать опять на Анадырѣ, и съ этою цѣлью, на одномъ изъ острововъ рѣки, верстахъ въ 400 отъ устья, построилъ зимовье, и такимъ образомъ положилъ начало возникшему здѣсь въ-послѣдствіи Анадырскому Острогу. Настала весна 1650 года, и вдругъ является къ нему партія Русскихъ съ Колымы, подъ начальствомъ казака Мотары. Партія эта, отыскивая Анадыръ сухопутьемъ, поплыли изъ Колымы вверхъ по рѣкѣ Анюю, а съ этой-послѣдней перебралась на верховья Анадыра волокомъ. За Мотарою пришелъ вскорѣ, съ другою партіею, казакъ Михайло Стадухинъ. Мотара былъ убитъ затѣмъ въ схваткѣ съ Анаулами; Стадухинъ-же, врагъ Дежнева, дѣйствовалъ отдѣльно отъ него и Мотары, гдѣ и какъ неизвѣстно. Что касается до Дежнева, то въ 1652 году спускался онъ за промысломъ по Анадыру въ море, при чемъ открылъ къ сѣверу отъ этой рѣки большую отмель; а въ 1654, отправившись на эту отмель, вмѣстѣ съ новоприбывшимъ на Анадыръ съ Колымы казакомъ Юшкою Селиверстовымъ, за промысломъ моржей, осматривалъ морской берегъ и къ югу отъ Анадыра, причемъ нашелъ на жилище народа звавшагося Коряками, гдѣ увидѣлъ якутскую «бабу», бывшую съ Ѳедотомъ Алексѣевымъ на его суднѣ. Отъ бабы этой узнали, что Анкудиновъ и Алексѣевъ, разлученные съ Дежневымъ бурею у Чукоцкаго-Носа, умерли

отъ цынги, а спутники ихъ частію убиты туземцами, частію-же, въ маломъ числѣ, ушли на лодкахъ, куда — неизвѣстно. Это, второе, хронологически, извѣстіе о развѣдкахъ на пространствѣ Чукоцкой-Земли также сохранено для насъ Миллеромъ [2].

Позднѣйшія морскія экспедиціи къ востоку отъ Колымы несмотря на отважность сибирскихъ мореходовъ, не распространили свѣдѣній о сѣверо-восточномъ поморьѣ Чукоцкой-Земли, хотя средства мореплаванія и улучшились по-тогдашнему, то-есть прежніе кочи замѣнились «шитиками», прозванными такъ оттого что доски такихъ судовъ сшивались ремнями [3]. Далѣе Шелагскаго-Носа, за постоянными льдами, пробраться не могли. Чукчи, обитающіе около этого мѣста, получили прозваніе Шелаговъ.

Со стороны Сибирскаго Материка, съ основаніемъ Анадырскаго-Острога, куда добирались изъ Нижне-Колымска въ три и четыре недѣли, старались Русскіе объясачить туземцевъ вдоль по обоимъ Анюямъ, по Анадыру, и на югъ отъ этой рѣки по берегу Восточнаго-Океана и къ Пенжинскому-Морю. Послѣднее мало-по-малу удавалось: найденные тутъ народы, Коряки и Олюторы, несмотря на сопротивленіе и частыя возстанія, были покорены, и даже принимали нерѣдко нашу сторону противъ обитателей Анадыра и страны къ сѣверу отъ него, по имени Чукочь, которые дѣлали набѣги на земли Коряковъ, грабя и уводя въ плѣнъ людей и скотъ, и съ нашей стороны никоимъ образомъ не могли быть объясачены постоянно. Первыми нѣсколько подробными извѣстіями объ этихъ народцахъ обязаны мы покорителю Камчатки казаку Владиміру Атласову, столько же прославившемуся удалью, сколько и буйствомъ.

---

[2] Тамъже, стр. 11—18.

[3] Суда эти были плоскодонныя, съ палубою, длиною—по 5, шириною—по 2 сажени; конопатью служилъ мохъ; паруса были ровдужные (изъ оленьей кожи); канаты замѣнялись лосинными ремнями; якори употреблялись деревянные съ навязанными на нихъ каменьями!

Послѣ перваго похода своего на Камчатку (въ 1697—1700 годахъ) изъ Анадырска, куда посланъ былъ «прикащикомъ» (такъ назывались въ то время начальники отдаленныхъ остроговъ сибирскихъ), Атласовъ, по приказу царскому, ѣздилъ въ Москву. Оставленное имъ здѣсь «показаніе» сохранено для насъ въ извлеченіи, на нѣмецкомъ языкѣ, извѣстнымъ Штраленбергомъ [4]. О Чукчахъ не находимъ ничего въ этой выпискѣ; о Корякахъ-же узнаёмъ, что такъ зовется народъ «живущій около и къ сѣверу отъ Пенжинскаго-Моря; росту они средняго, лицомъ похожи на Русскихъ, бороды не имѣютъ вовсе, а лишь нѣсколько рѣдкихъ, едва примѣтныхъ волосъ около рта; говорятъ языкомъ особымъ отъ камчадальскаго; имѣютъ шамановъ, которые бьютъ въ бубны, испускаютъ при этомъ разные крики и другимъ образомъ гадаютъ, ровно какъ остяцкіе и самоѣдскіе кудесники; другихъ-же обрядовъ вѣры никакихъ не имѣютъ. Коряки эти одежу и сапоги носятъ изъ оленьихъ шкуръ, подошвы-же къ сапогамъ дѣлаютъ изъ тюленьей кожи; ѣдятъ тюленей, рыбу и всякаго рода звѣрей; юрты дѣлаютъ изъ жердей и покрываютъ оленьими кожами. Олюторцы живутъ отъ Коряковъ на востокъ къ берегамъ Восточнаго-Океана, языкомъ и всѣмъ другимъ съ ними сходны, отличаются-же только тѣмъ, что избы свои строятъ въ землѣ. Живущіе около Пенжинскаго-Моря Коряки дѣлаютъ лодки изъ тюленьей кожи, длиною въ 6, шириною въ 2 сажени, ребра выводя изъ дерева: такія лодки называютъ они «байдарами» и пускаются на нихъ въ море промышлять тюленей; байдара подымаетъ отъ 30 до 40 человѣкъ».

Постоянное непокорство при-Анадырскихъ Чукочь и частыя возстанія Коряковъ вызвали наконецъ противъ нихъ мѣры болѣе рѣшительныя, чѣмъ высылки малочисленныхъ

---

[4] Das Norh und Oestliche Teil von Europa und Asien. Stockholm, 1730, стр. 431—438.

отрядовъ изъ Анадырскаго-Острога, часто, вмѣсто ожиданнаго отъ того успѣха, оканчивавшіяся гибелью храбрыхъ, но нерѣдко неосторожныхъ казаковъ, не отличавшихся притомъ и чистотою понятій о правѣ и справедливости. Пріѣзжавшій въ Петербургъ, въ 1726 году, казачій голова Аѳанасій Шестаковъ, между разными другими представленіями Сенату, вызывался также усмирить и Чукочь съ Коряками. Предложеніе отважнаго казака, обнаружившаго также и большія географическія свѣдѣнія о сѣверо-восточныхъ частяхъ Сибири, было принято, съ назначеніемъ его въ начальники снаряжённой для того экспедиціи; въ Екатеринбургѣ получилъ онъ нѣсколько небольшихъ пушекъ и мортиръ съ принадлежностями, а въ Тобольскѣ соединился съ нимъ Сибирскаго Драгунскаго Полка капитанъ Павлуцкій, и обоимъ дано въ команду 400 человѣкъ казаковъ. Такого грознаго ополченія Сѣверная Сибирь не видала еще до-тѣхъ-поръ; но успѣхъ экспедиціи не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ. Разлучившись въ Якутскѣ съ Павлуцкимъ, по причинѣ происшедшей между ними ссоры, Шестаковъ лѣтомъ 1729 года отправился въ Охотскъ, а оттуда моремъ къ устью р. Пенжины; на пути судно его разбило, причемъ потонула и бо̀льшая часть команды; самъ-же онъ со спасшимися, встрѣтивъ за два дня пути до Пенжины, на рѣкѣ Егачѣ, 14 марта 1730 года, большую партію Чукочь, шедшую войной на Коряковъ, вступилъ съ ними въ бой, въ которомъ и погибъ; оставшіеся въ живыхъ люди команды его разбѣжались [5].

Отмстить за смерть Шестакова суждено было недругу его, Павлуцкому. Извѣстіе о битвѣ на Егачѣ получилъ онъ находясь уже въ Нижне-Колымскѣ, и тотчасъ же отправился въ Анадырскъ, откуда выступилъ въ походъ на Чукочь, въ мартѣ 1731 года, съ 215 человѣками Русскихъ, со 160 Коряками и съ 60 Юкагирами. Сначала держали

---

[5] *«Сочиненія и Переводы»*, 1. с. стр. 401—403.

путь по впадающимъ въ Анадыръ рѣкамъ: Убойной, Бѣлой и Черной; потомъ поворотили прямо на сѣверъ, вершины Анадыра оставя влѣвѣ. Какія рѣки попадались имъ далѣе на этомъ пути — неизвѣстно, потому что не встрѣчалось никого изъ туземцевъ, отъ которыхъ-бы можно было узнать имена ихъ. Шли такимъ образомъ болѣе двухъ мѣсяцевъ, верстъ по десяти въ день, причемъ останавливались иногда и на отдыхъ, и пришли наконецъ къ устью значительной рѣки, впадающей въ Ледовитое-Море. Затѣмъ, двѣ недѣли шли подлѣ берега, бо̀льшею частію по льду, часто отдаляясь отъ земли; рѣкъ, которыя-бы впадали тутъ въ море, не замѣтили. Наконецъ встрѣтили и Чукочь, которые собрались въ большомъ числѣ съ намѣреніемъ вступить съ Русскими въ бой. Павлуцкій уговаривалъ ихъ черезъ толмача, чтобы они поддались Россіи, но напрасно; вслѣдствіе того напалъ онъ на нихъ, іюня 7, разбилъ и разсѣялъ. По осмидневномъ отдыхѣ, Павлуцкій пошелъ далѣе, и въ концѣ іюня добрался до двухъ рѣкъ, впадающихъ въ Ледовитое-Море, устья которыхъ отстоятъ другъ-отъ-друга на день ѣзды. При послѣдней изъ этихъ рѣкъ, іюня 30, произошла вторая битва съ Чукчами, окончившаяся для Русскихъ столь же успѣшно, какъ и первая. Простоявъ послѣ того три дня, пришли къ Чукоцкому-Носу, близъ котораго, іюля 14, имѣли третье сраженіе съ Чукчами, которые собрались на этотъ разъ въ числѣ гораздо бо̀льшемъ прежняго. Чукчи были разбиты опять, но пользы отъ этого пораженія не пріобрѣтено никакой: Чукчи бѣжали, а все-таки не приняли подданства. Между добычею, у нихъ отбитою, нашлись и нѣкоторыя вещи Шестакова, потерянныя въ неудачной битвѣ при Егачѣ. Послѣ этой побѣды, Павлуцкій пошелъ, черезъ высокія горы, на южную сторону Чукоцкаго-Носа; переходъ этотъ сдѣланъ былъ въ десять дней. Отсюда направился онъ берегомъ на юго-востокъ, и черезъ шесть дней пришелъ къ устью рѣки, впадающей въ море, а черезъ двѣнадцать — къ устью дру-

гой рѣки, отъ которой на 10 верстъ къ востоку протягивается въ море мысъ, сперва гористый, а далѣе ровный; конца ему видно не было. Отсюда Павлуцкій назадъ въ Анадырскъ пошелъ тою же дорогою, которою слѣдовалъ къ Чукоцкому-Носу; 21 октября онъ былъ уже дòма, въ Анадырскѣ.—Представленными свѣдѣніями объ этомъ походѣ мы также одолжены Миллеру, который собралъ ихъ изъ устъ его участниковъ [6]. Другія свѣдѣнія о томъ же походѣ, собранныя позже, въ 1763 году, но также отъ участвовавшихъ въ немъ, и гораздо толковѣйшія, отысканы и изданы въ свѣтъ В. Н. Берхомъ [7]. Послѣ того, таже команда ходила укрощать Олюторовъ, сожегшихъ русскій острогъ, выстроенный въ землѣ ихъ, въ 1714 году, при впаденіи въ Олютору р. Калкиной. Острогъ былъ возобновленъ на другомъ мѣстѣ рѣки, но скоро подвергся одинаковой съ первымъ участи.

Знаменитая Берингова экспедиція, для опредѣленія соединяется-ли Азія съ Америкою, дала въ результатѣ только первую, весьма плохую карту части юго-восточнаго берега Чукоцкой-Земли. Напротивъ того, въ экспедицію, извѣстную подъ именемъ Второй-Камчатской, которая обогатила ученый міръ драгоцѣннѣйшими всякаго рода свѣдѣніями о Сибири вообще, нѣсколько ихъ пріобрѣтено было и о Землѣ-Чукочь. Лейтенантомъ Лаптевымъ снятъ былъ глазомѣрно сѣверо-западный берегъ ея отъ Колымы до Шелагскаго-Носа, а студентъ С.-Петербургской Академіи Наукъ Крашенинниковъ и адьюнктъ той же Академіи Штеллеръ сообщили объ южной части ея, до Анадыра, наблюденія физико-географическія, климатологическія, по части естественныхъ наукъ, и въ-особенности этнографическія [8].

---

[6] См. тамъ же, стр. 406—409.

[7] Въ «Сѣверномъ-Архивѣ», годъ 1825, часть XVIII, стр. 172—176.

[8] Наблюденія эти сообщены въ двухъ сочиненіяхъ: въ «Описаніи Земли Камчатки», *Крашенинникова* (С.-Петербургъ, 1755, 4°), и въ Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, *Штеллера* (Leipzig, 1774, 8°). Въ нѣмецкомъ изда-

Эта южная часть Земли-Чукочь, по сказанію обоихъ путешественниковъ, населена, почти исключительно, Коряками, которые, сверхъ-того, простираются жилищами и кочевьями своими, какъ внутрь Камчатскаго-Полуострова до рр. Лѣсной и Караги, такъ и вокругъ Пенжинскаго-Моря до вершинъ Омолона на западѣ. Олюторы Атласова и позднѣйшихъ извѣстій оказались посему не отдѣльнымъ племенемъ, а отраслью Коряковъ, названною такъ по мѣсту обитанія своего около р. Олюторы. По образу жизни, всѣ Коряки раздѣляются на Сидячихъ и Оленныхъ, то-есть осѣдлыхъ и бродячихъ. Первые живутъ въ земляныхъ юртахъ по берегу Восточнаго-Океана, почти отъ самаго Анадыра до р. Уки на югѣ; сами себя Коряки эти называютъ Чаучу, то-есть Чукчами; образомъ-же жизни больше сходствуютъ съ Камчадалами, чѣмъ съ бродячими однородцами своими. Оленные съ табунами своими кочуютъ по пространству земель, ограничиваемыхъ: съ востока — океаномъ, съ запада — вершинами Пенжины и Омолона, съ сѣвера — Анадыромъ, съ юга, какъ сказано выше — рр. Лѣсною и Карагою. Росту они, по описанію Крашенинникова, малаго и сложеніемъ сухощавы; головы имѣютъ средней величины, волосы на головѣ черные, которые ежедневно брѣютъ, лица продолговатыя и нѣсколько клиномъ, глаза узкіе и малые, брови навислыя, носы короткіе, но не столь плоскіе какъ у Камчадаловъ, ротъ большой, бороды черныя, клиномъ, которыя часто выщипываютъ. Напротивъ того, Сидячіе Коряки, хотя тоже невеликорослы, но плотны и присадисты, особенно живущіе далѣе къ сѣверу. Не менѣе различными описываются обѣ отрасли относительно нравовъ и обычаевъ: Оленные Коряки — страшно ревнивыми, до того что убиваютъ женъ по одному подозрѣнію въ невѣрности, почему женщины ихъ всѣми мѣрами стараются придать себѣ безобразія: не моютъ ни лица, ни рукъ, не чешутъ заплетен-

---

ніе Штеллеровыхъ трудовъ весьма немного такого, чѣмъ не воспользовался Крашенинниковъ при составленіи своей книги.

ныхъ однажды въ двѣ косы волосъ, и верхнее платье носятъ ветхое, дрянное, хорошее надѣвая подъ-исподъ. У Сидячихъ-же Коряковъ женщины всячески стараются щеголять и нравиться: бѣлятся, румянятся, рядятся въ лучшія платья, а чукоцкія, сверхъ-того, расшиваютъ узорами не только лица, но руки и лядвеи, ибо въ землянкахъ у себя не носятъ никакой одежды, даже при постороннихъ. Относительно нравственныхъ качествъ, обѣ отрасли Коряковъ рекомендуетъ Крашенинниковъ людьми грубыми, сердитыми, несговорчивыми, злопамятными и жестокосердыми; Оленныхъ-же, сверхъ-того, еще крайне гордыми и хвастливыми, причину чего находитъ отчасти въ непонятномъ страхѣ и уваженіи, питаемыхъ къ нимъ со-стороны Сидячихъ. Примѣра не бывало, чтобы Сидячіе убили Оленнаго, тогда-какъ Русскихъ, сборщиковъ ясака, убивали они весьма нерѣдко: «и сіе тѣмъ наипаче удивительно» замѣчаетъ нашъ путешественникъ, «что Сидячіе Коряки несравненно сильнѣе Оленныхъ и отважнѣе». Чукчи, напротивъ, какъ сказано выше, не только не боятся Оленныхъ, но сами наводятъ на нихъ ужасъ, такъ-что, по словамъ Крашениниикова, пятдесятъ Оленныхъ никакъ-бы не отважились противустать двадцати Чукчамъ. Разность въ языкѣ между Сидячими и Оленными такова, что они едва могутъ разумѣть одни другихъ. Добрыми качествами Оленныхъ называетъ онъ правдивость, трудолюбіе, чувство стыда и чистоту супружескихъ нравовъ.

Что касается до образа жизни и быта домашняго и общественнаго, то Сидячіе Коряки въ этомъ отношеніи, по словамъ Крашенинникова, почти совершенно сходны съ Камчадалами; Оленные-же имѣютъ много особеннаго; а всѣ вообще не разнятся существенно отъ другихъ осѣдлыхъ и бродячихъ инородцевъ Сибирскаго Сѣвера: потому, въ-слѣдующемъ краткомъ изложеніи, руководствуясь Крашенинниковымъ, мы упомянемъ только объ отличительнѣйшихъ чертахъ той и другой отрасли Коряцкаго Народа.

Коряки Сидячіе обитаютъ по берегамъ рѣкъ, селеніями въ нѣсколько землянокъ и балагановъ, обнесенными землянымъ валомъ и палисадомъ, для защиты отъ непріятелей. Зимою живутъ въ землянкахъ, лѣтомъ въ балаганахъ. Вырываютъ земли аршина на два въ глубину, а въ длину и ширину смотря по числу и величинѣ семей, вмѣстѣ живущихъ; утверждаютъ по серединѣ четыре толстые столба, въ сажень и болѣе одинъ отъ другаго; кладутъ на нихъ перекладины; о перекладины упираютъ другія бревна, внѣшними концами опускающіяся на землю внѣ ямы; рѣшетятъ ихъ жердями, оставя посрединѣ четырехъ-угольное отверстіе, служащее вмѣсто дверей, окна и трубы; жерди кроютъ травою, а поверхъ травы насыпаютъ земли — и землянка готова. Снаружи юрты имѣютъ видъ круглыхъ холмовъ, внутри-же всѣ четвероугольныя. У одной изъ стѣнъ дѣлается очагъ, около прочихъ настилается полокъ, служащій и скамьею, и кроватью Входятъ и выходятъ по бревну съ ступенями, опущенному извнѣ въ помянутое выше отверстіе. Въ землянкахъ живутъ съ осени до весны, а потомъ выходятъ въ балаганы, служащіе и кладовыми, и лѣтними жильемъ. Балаганы строятся всегда, по числу семей въ юртѣ, такимъ образомъ: сперва ставятъ девять столбовъ, вышиною сажени по двѣ и болѣе, въ три ряда, въ одинаковомъ разстояніи, и связываютъ ихъ перекладинами; на перекладинахъ мостятъ полъ кольемъ, а колья устилаютъ травою; затѣмъ, надъ поломъ устраиваютъ, изъ кольевъ же, высокій коническій шатеръ, который, обрѣшетя прутьями, также накрываютъ травою, а чтобъ не сносило вѣтромъ, концы верхнихъ кольевъ связываются съ концами нижнихъ ремнями и веревками; двери дѣлаются съ двухъ сторонъ; лазятъ въ нихъ по такимъ же лѣстницамъ, какъ и въ землянки. На большую вышину отъ земли строятся балаганы, какъ по причинѣ сырости климата, такъ и для того, что подъ ними досушивается пойманная рыба, и чтобъ не могли пробираться туда звѣри.—Оленные Коряки живутъ по мѣстамъ

гдѣ много моху для ихъ оленей, не смотря на то есть-ли тамъ лѣсъ и вода: вмѣсто послѣдней служитъ имъ растопленный снѣгъ, мохъ-же замѣняетъ иногда и дрова. Оттого въ юртахъ ихъ постоянно ѣдкій и густой дымъ, невыносимый для непривычныхъ. Юрты — переносныя, мало чѣмъ отличающіяся отъ юртъ другихъ кочевыхъ народовъ. Землянки Чукочь отличаются отъ коряцкихъ обширностію и теплотою; теплы онѣ такъ, что женщины ходятъ въ нихъ всегда нагія. Каждая семья имѣетъ у нихъ особый пологъ изъ оленьихъ кожъ, за которымъ сидитъ днемъ и спитъ ночью. Въ каждомъ пологу днемъ и ночью горитъ въ плошкѣ огонь: жгутъ жиръ разныхъ морскихъ звѣрей, вмѣсто свѣтильни употребляя мохъ.

Одѣваются и обуваются всѣ одинаково, причемъ верхняя женская одежда не разнится отъ мужской. Сидячіе покупаютъ свою одежду у Оленныхъ, которые изготовляютъ ее преимущественно изъ оленьихъ шкуръ, какъ вверхъ, такъ и внизъ шерстью, съ оторочкою изъ мѣху собачьяго и другихъ животныхъ; употребительнѣйшее платье, прозванное нашими казаками «кухлянкой», шьется съ башлыкомъ или капишономъ назади и кускомъ собачьей кожи спереди — чтобы закрывать лице во время сильныхъ морозовъ. На обувь употребляются болѣе кожи разныхъ морскихъ звѣрей. Нижнее туземное платье, также изъ кожъ, во времена Крашенинникова, особенно у женщинъ, стало уже замѣняться русскими рубахами, портками и проч. Шапки — такія же какъ у Якутовъ. Женщины всѣ работы производятъ въ особаго рода перчаткахъ безъ пальцевъ, и не скидаютъ ихъ никогда.

Главную пищу Сидячихъ составляетъ сушеная рыба, «юкола», замѣняющая имъ хлѣбъ; питаются также рыбьею икрою, мясомъ всякаго рода морскихъ и земныхъ звѣрей, разными произрастающими въ ихъ землѣ кореньями, особенно сараною, и ягодами. Вареный китовый и нерпичій жиръ составляетъ лакомство. — Оленные питаются по преи-

муществу мясомъ оленей, рѣдко, впрочемъ, убивая на пищу живыхъ, больше-же довольствуясь мертвячиной; мясо это ѣдятъ и вареное, и копченое; оленицъ не доятъ, почему ни молока, ни творогу, ни сыру, не знаютъ. Травъ, кореньевъ и древесной коры, иначе какъ въ голодное время, не ѣдятъ, мясомъ-же не гнушаются никакимъ, кромѣ собачьяго и лисьяго. Ягодъ на зиму, какъ Сидячіе, не запасаютъ. Величайшимъ лакомствомъ почитается толченая голубица съ оленьимъ жиромъ и сараною. Въ приготовленіи пищи, какъ у Сидячихъ, такъ и у Оленныхъ, господствуетъ отвратительнѣйшая нечистота: посуду, вмѣсто того чтобы мыть, даютъ лизать собакамъ, и ѣдятъ даже изъ однихъ съ ними корытъ. Питьемъ у обоихъ служитъ одна вода; водка, до знакомства съ Русскими, замѣнялась употребленіемъ мухомора; но казаки научили гнать ее сначала изъ ягодъ, а потомъ изъ «сладкой травы» (Sphondilium foliolis pinnatifidis, Linn.)

Оленнымъ Корякамъ олени ихъ замѣняютъ всѣ другіе источники существованія, и потому надзоръ за стадами этого животнаго есть важнѣйшее ихъ занятіе. У Сидячихъ-же, какъ и у Камчадаловъ, промыслы разнятся по временамъ года. Весеннее и лѣтнее время мужчины ловятъ рыбу по рѣкамъ и на морѣ, сушатъ ее, перевозятъ отъ моря въ свои жилища, припасаютъ кормъ собакамъ; женщины, между тѣмъ, чистятъ и пластаютъ изловленную рыбу, собираютъ травы, коренья и ягоды, готовятъ сладкую траву и другую, изъ которой плетутъ ковры свои, мѣшки и другія домашнія мелочи. Осенью мужчины уходятъ на ловъ осенней рыбы, промышляютъ гусей, лебедей, утокъ и другихъ птицъ, выдерживаютъ собакъ, заготовляютъ лѣсъ; женщины рвутъ, мочатъ, мнутъ и обдираютъ крапиву для тканья, и отыскиваютъ по мышинымъ норамъ коренья сараны. Зимою мужчины ходятъ на охоту за пушнымъ звѣремъ, вяжутъ сѣти, дѣлаютъ сани; женщины сучатъ нити на сѣти, шьютъ платья и обувь. Къ мужской

работѣ принадлежитъ, сверхъ того, постройка землянокъ и балагановъ, драньe шкуръ со звѣрей, изготовленіе всякихъ домашнихъ и военныхъ снарядовъ; а къ женской — приготовленіе пищи людямъ и собакамъ, и выдѣлыванье кожъ. До знакомства съ Русскими, употребленіе металловъ было неизвѣстно: ихъ замѣняли дерево, кости, камень, которые обдѣлываютъ они чрезвычайно искусно и весьма красиво. За невозможностью варить пищу въ деревянныхъ корытахъ, кипятятъ воду, бросая въ нихъ раскаленные каменья.

Изъ Сидячихъ, оленей имѣютъ весьма немногіе, и потому зимою ѣздятъ на собакахъ, впряженныхъ въ нарты; Оленные-же и зимою ѣздятъ на оленяхъ; животное это водится у нихъ въ огромномъ числѣ, иногда по нѣсколько десятковъ тысячь на семью; собакъ держатъ въ однѣхъ юртахъ съ людьми.

Женъ обѣ отрасли Коряковъ похищаютъ изъ чужихъ родовъ и селеній, передъ чѣмъ переселяются на житье въ семейство невѣсты, и нѣсколько времени, иногда отъ трехъ до пяти лѣтъ, работаютъ на него. Женятся на всѣхъ родственницахъ, за исключеніемъ только матерей и дочерей. Женъ имѣютъ по двѣ и по три. Сидячіе Коряки, по особенному суевѣрію, держатъ иногда вмѣсто женъ простые камни: одѣваютъ ихъ въ платья, кладутъ спать вмѣстѣ и временемъ любезничаютъ съ ними.

Дѣтей кормятъ грудью до трехъ лѣтъ и болѣе; привязанность къ нимъ родители питаютъ безмѣрную; но Оленные при этомъ не балуютъ ихъ, какъ Сидячіе, а держатъ въ строгости.

Тѣла умершихъ Оленные сожигаютъ съ ихъ оружіемъ и скарбомъ, на кострѣ, съ разными обрядами, и потомъ черезъ годъ творятъ по нимъ поминки. Изъ Сидячихъ слѣдуютъ этому обычаю не всѣ. Младенцевъ хоронятъ вообще въ древесныхъ дуплахъ, безъ всякихъ обрядовъ.

Въ религіозномъ отношеніи, обѣ отрасли исповѣдуютъ такое же шаманство, какъ и другіе языческіе народы Си-

бири; шаманы здѣсь, какъ и вездѣ, вмѣстѣ съ кудесничествомъ промышляютъ также и врачеваньемъ. Нравственныя понятія, какъ и у всѣхъ дикарей, весьма темны. Воровство, лишь-бы не въ своемъ родѣ, не только не предосудительно между ними, но даже похвально: пойманнаго бьютъ не за кражу, а за неловкость въ кражѣ. У Чукочье же та дѣвица и замужъ не выйдетъ, которая не оказалась искусною въ воровствѣ. Такимъ же образомъ и смертоубійство не почитается за преступленіе, но родные считаютъ обязанностью мстить за смерть родича. Къ самоубійству прибѣгаютъ часто изъ за самыхъ пустыхъ причинъ. Гостепріимство въ обычаѣ, но гостей своихъ не принуждаютъ, какъ Камчадалы, неумѣренно отягощать себя пищею.

Внутренняго управленія и зависимости между родами или селеніями нѣтъ, и никакой никогда не было. Уважаемые по богатству или другимъ причинамъ имѣли, впрочемъ, значеніе старшинъ и назывались «тойонами» [9]. Вмѣшательство Русскихъ въ дѣла Коряковъ, по покореніи ихъ, обнаружилось только въ обложеніи ихъ извѣстнымъ ясакомъ и бо́льшемъ подчиненіи селеній власти тойоновъ. Впослѣдствіи стали участвовать Коряки и въ походахъ русскихъ промышленниковъ на Алеутскіе-Острова́ и берега́ Америки.

О Чукчахъ собственно знали и писали до конца прошедшаго столѣтія, что они почти одинъ и тотъ же народъ съ Коряками, и, какъ эти-послѣдніе, по образу жизни, также раздѣляются на Оленныхъ и Сидячихъ, только диче ихъ, воинственнѣе и необузданнѣе. Въ 1744 году предпринимаемъ былъ противъ нихъ, опять подъ начальствомъ

[9] Замѣчательно, что «тойонами» именуются старшины какъ у жителей Алеутскихъ-Островов, такъ и по всему побережью сѣверо-западнаго материка Америки. Этого одного достаточно въ доказательство, если не сродства между собою народовъ Сѣверо-Западной Америки и Сѣверо-Восточной Азіи, то сношеній изстари между ними производившихся.

Павлуцкаго, новый походъ; но свѣдѣнія, пріобрѣтенныя въ этотъ походъ, равно-какъ и показанія бывалыхъ въ тѣхъ краяхъ промышленниковъ и казаковъ, оставались неизданными и ученымъ недоступными [10]. Вскорѣ послѣ того восточный уголъ Чукоцкой-Земли посѣщенъ былъ знаменитымъ Кукомъ, въ третье его путешествіе. Повѣряя Берингово или, вѣрнѣе сказать, Дёжневское открытіе относительно пролива отдѣляющаго Азію отъ Америки, Кукъ не только прошелъ этимъ проливомъ, но доходилъ на востокъ даже до мыса извѣстнаго теперь подъ именемъ Сѣвернаго. Новыя и подробнѣйшія данныя объ этомъ народѣ и землѣ его собраны были, въ 1785 –1793 годахъ, во время экспедиціи капитана Биллингса, имѣвшей цѣлью приведеніе въ точнѣйшую извѣстность русскихъ владѣній на сѣверо-востокѣ Сибири и сѣверо-западѣ Америки. Послѣ новыхъ неудачныхъ попытокъ обогнуть Шелагскій-Носъ съ запада или съ востока по Ледовитому-Морю, рѣшился Биллингсъ осмотрѣть сѣверо-восточный берегъ Чукоцкой-Земли сухопутьемъ, на оленахъ, что̀ и исполнилъ удачно, при пособіи со стороны Оленныхъ Чукочь, зимою 1791—1792 года, въ сообществѣ съ докторомъ Меркомъ и нѣкоторыми другими членами экспедиціи. Впрочемъ, путешественники ѣхали постоянно въ значительномъ разстояніи отъ берега. Плодомъ этой поѣздки и производившихся въ тоже время наблюденій въ губахъ Мечигменской и Св. Лаврентія, была карта восточнаго угла и части сѣверо-восточнаго пространства Земли Чукочь, и много разнаго рода географическихъ, естественно-историческихъ, этнографическихъ и, особенно, лингвистическихъ свѣдѣній, изданіемъ которыхъ въ свѣтъ обязаны мы

---

[10] Въ Neue Nordische Beyträge Палласа напечатано было только показаніе Кобелева, 1779 года; другія-же, собранныя въ 1763 году, во время пребываніе въ Анадырскѣ подполковника Пленисцера, изданы были В. Н. Беркомъ только въ 1825 году, въ «Сѣверномъ-Архивѣ», кн. XVIII, стр. 161—201. Всѣ показанія эти весьма любопытны и представляютъ большой запасъ дѣльнаго матеріала.

преимущественно бывшему тогда лейтенантомъ, въ-послѣдствіи Адмиралу, Саричову [11]. Вотъ кáкъ описываетъ онъ сѣверо-восточную часть Чукоцкой-Земли, опредѣливъ положеніе ея между 64° и 71° с. ш. и 163° и 190° в. д.

«Материкъ сей составляютъ каменистыя горы, простирающіяся грядами, которыя раздѣлены отчасти долинами, разширяющимися къ сѣверу; чрезъ оныя протекаетъ множество мелководныхъ рѣкъ и рѣчекъ, имѣющихъ каменистое дно. Долины по бóльшей части болотисты и наполнены множествомъ малыхъ озеръ. Горы средней величины покрыты бѣлымъ мохомъ, но вершины высокихъ и крутыхъ горъ представляютъ голый камень, и мѣстами лежитъ на нихъ вѣчно-нетающій снѣгъ, а особливо по сѣвернымъ скатамъ горъ и въ долинахъ закрытыхъ тѣнью отъ солнечныхъ лучей. Лѣсу нигдѣ не растетъ, кромѣ ивовыхъ кустарниковъ, и то мѣстами, по берегамъ рѣчекъ. Ягоды родятся только: голубика, брусника и водяница, называемая шикшею. Изъ животныхъ водятся олени, горные бараны, медвѣди, волки, лисицы и песцы; при морскихъ-же берегахъ показываются иногда и бѣлые медвѣди. Земноводныя животныя ловятся при берегахъ сѣверо-восточной, восточной и отчасти южной сторонъ, какъ-то: сивучи, моржи и тюлени. Моря, окружающія Чукоцкую-Землю, изобилуютъ рыбою разныхъ родовъ, бóльшею частью такою же, какая ловится при берегахъ Охотскаго-Моря. Птицы прилетаютъ изъ теплыхъ странъ весною, и осенью опять улетаютъ; зимою-же видны однѣ только вороны, куропатки и снѣжники».

Въ дополненіе къ этому описанію, вотъ нѣсколько строкъ самого Биллингса: «Вообще въ Чукоцкой-Сторонѣ земля

[11] «*Путешествіе капитана Биллингса чрезъ Чукотскую-Землю*», изд. Сарычовымъ. Спб. 1811. 4о; «*Путешествіе капитана Сарычова по сѣверо-восточной части Сибири*, и проч. Спб. 1802. 4о. Англійское изданіе, подъ заглавіемъ: An account of a geographical and astronomical expedition to the northern parts of Russia, performed by Commodore Joseph Billings in the years 1785—1794. The whole narrated by Martin Sauer, Secretary to the expedition (London. 1802), богаче русскаго только рисунками.



неплодородна, и не можетъ быть обработана рукою земледѣльца. Поверхность ея вездѣ шероховата и покрыта каменьями, часто огромной величины; вездѣ видны озёра большія и малыя, образующіяся отъ таянія снѣговъ; въ озерахъ этихъ водится множество разной мелкой рыбы. Нигдѣ не видалъ я куска чистой земли, которую-бы можно назвать поляною или лугомъ: вся страна состоитъ изъ безплодныхъ горъ и долинъ; по горамъ не видно ничего кромѣ мха, служащаго пищею оленямъ, да голаго камня. По нѣкоторымъ долинамъ торчатъ тоненькія палочки тальника. Словомъ сказать, вся Чукоцкая-Земля есть не что иное, какъ громада голыхъ камней. Горы попадались намъ часто вышины удивительной. Климатъ самый несносный: лѣто едва начинается съ 20 іюля, а около 20 августа весьма замѣтно уже приближеніе зимы. Въ такой безлѣсной, гористой странѣ не можетъ быть большаго разнообразія въ животныхъ: сѣверный олень, черный олень, бѣловатый волкъ и разныхъ видовъ лисицы — составляютъ здѣсь все царство животныхъ. Въ теченіе короткаго лѣта видимы бываютъ орлы, соколы, куропатки и разныхъ родовъ водяныя птицы; въ воздухѣ вьется множество мелкихъ мошекъ. Зимою, куда ни двинутся жители, всюду сопровождаютъ ихъ стаи воронъ.

«Сколько Чукчи превосходятъ храбростію всѣхъ своихъ дикихъ сосѣдей, столько же отличаются отъ нихъ варварствомъ и жестокостію нравовъ», говоритъ Сарычовъ: «не только истребляютъ они дѣтей своихъ, родившихся съ недостатками или съ изувѣченными членами, но и сынъ отца безъ всякой жалости убиваетъ, ежели тотъ, по дряхлости или болѣзни, не можетъ быть полезенъ семейству; часто бываетъ, что и самъ проситъ о семъ, какъ о милости, желая умереть геройски, ибо естественная смерть почитается у нихъ безчестною, и однѣмъ бабамъ лишь приличною». Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, частыя военныя дѣйствія наши противъ Чукочъ изъ Анадырскаго-Острога приписываетъ Сарычовъ не столько собственнымъ имъ вѣроломнымъ поступ-

камъ, столько клеветамъ и постояннымъ жалобамъ враговъ ихъ, Коряковъ, принимавшимся со-стороны Анадырскихъ начальниковъ слишкомъ легко и благосклонно, потому-что, по упраздненіи Анадырскаго-Острога и учрежденіи гражданскаго управленія въ Ижигинскѣ, когда стали мы привлекать къ себѣ Чукочь ласкою, военныя предпріятія со-стороны ихъ прекратились, и стали они послѣ того приходить ежегодно какъ въ Ижигинскъ, такъ и въ Нижне-Колымскъ, мирно торговать съ русскими купцами, а многіе и приносить ясакъ.

Важнѣйшимъ этнографическимъ результатомъ Биллингсовой экспедиціи было проясненіе кореннаго различія существующаго между Чукчами Оленными и Сидячими. Тождество первыхъ съ Коряками было подтверждено, а послѣдніе, отличающіеся отъ Оленныхъ какъ кротостію нрава, такъ и образомъ жизни, наружностію и всего болѣе языкомъ, признаны за особое племя, сходствующее съ островитянами Сѣверо-Восточной Америки вообще и съ жителями острова Кадьяка въ-особенности. Въ эту же экспедицію, Робекомъ и Меркомъ собраны были первые порядочные словари языка Чукочь, какъ Сидячихъ, такъ и Оленныхъ.

Со времени Биллингсовой до слѣдующей экспедиціи, доставившей новыя свѣдѣнія о Землѣ-Чукочь и ея обитателяхъ, протекло около сорока лѣтъ. Эта новая экспедиція, которой поручено было, между-прочимъ, опредѣлить Шелагскій-Мысъ и описать берегá къ востоку отъ него, совершена была, въ 1820 — 1823 годахъ, подъ начальствомъ барона Врангеля, котораго, кромѣ мичмана Матюшкина и штурманскаго помощника Козьмина, сопровождалъ еще докторъ Киберъ. Въ началѣ 1820 года опредѣлено Врангелемъ астрономически положеніе Шелагскаго-Носа, Чаунской-Губы и берега, къ западу отъ нея, до Колымы; а лѣтомъ того же года Матюшкинъ съ Киберомъ объѣзжали берегá Большаго- и Сухаго-Анюя, впадающихъ въ Колыму, и нашли ихъ населенными Юкагирами, Ламутами, Чуван-

цами, Тунгусами и Якутами. Лѣтомъ слѣдующаго 1822 года, Матюшкинъ съ купцомъ Бережныхъ отправился въ тундру къ востоку отъ Колымы, для описанія ея въ географическомъ отношеніи и собранія свѣдѣній естественно-историческихъ; съ Чаунской-Губы выѣхалъ онъ, черезъ главную цѣпь Яблоноваго-Хребта, опять на Анюй. Въ 1823 году, вся экспедиція участвовала въ весенней, по льду, описи берега къ востоку отъ Шелагскаго до Сѣвернаго или Кукова-Мыса Чукоцкой-Земли [12].

Послѣдними географическими и этнографическими свѣдѣніями о предметѣ настоящей статьи обязаны мы кругосвѣтному путешествію Литке, въ 1826 — 1829 годахъ. Одною изъ задачь этого путешествія была опись юго-восточнаго берега земель населяемыхъ Чукчами и Коряками, остававшагося дотолѣ извѣстнымъ по одному плаванію Беринга. При исполненіи этого порученія, лѣтомъ 1828 года, въ Губѣ Св. Лаврентія, въ Заливѣ Св. Креста и другихъ мѣстахъ, имѣла экспедиція случай сближаться съ Чукчами, какъ Сидячими, такъ и Оленными.

Подтверждая коренное различіе первыхъ съ послѣдними въ образѣ жизни и языкѣ, путешественникъ нашъ говоритъ, что тогда-какъ Оленные зовутъ себя Чаукчу, Сидячіе именуются Намолло, и оба племени, не зная ничего о своемъ происхожденіи, почитаютъ себя тѣмъ не менѣе отдѣльными народами. Наружнымъ видомъ, впрочемъ — продолжаетъ Литке — Оленные мало отличаются отъ Сидячихъ, кромѣ роста, коимъ первые превосходятъ послѣднихъ: Осѣдлые, всѣ почти, ниже средняго роста; между Оленными-же,

[12] Результаты экспедиціи барона Врангеля, изданные первоначально на нѣмецкомъ языкѣ г. Энгельгардтомъ, на русскомъ обнародованы были лишь въ 1841 году, подъ заглавіемъ: «*Путешествіе по сѣвернымъ берегамъ Сибири и по Ледовитому Морю, въ 1820—1824 годахъ*». Сверхъ-того, статьи доктора Кибера печатались отдѣльно въ разныхъ журналахъ, между прочимъ въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ», за 1823 и 1824 годы. Не имѣя подъ руками этихъ книгъ, мы, къ сожалѣнію, не могли воспользоваться для нашей статьи заключающимися въ нихъ драгоцѣнными свѣдѣніями.

напротивъ, встрѣчаются настоящіе гиганты, и большая часть выше средняго. Оба племени имѣютъ лица плоскія съ выдавшимися скулами, глаза небольшіе, но и не стиснутые, и почти всегда въ прямой линіи; брови высокія. Между Намоллами монгольскіе оклады лица наиболѣе замѣтны въ женщинахъ и дѣтяхъ: первыя всѣ безъ исключенія плосколицы и съ едва примѣтными носами; молоденькія дѣвушки довольно пригожи: калмыковатость ихъ лица прикрашивается полнотою и свѣжестію румянца; но старухи, всѣ до одной, страшно отвратительны.

На пространствѣ отъ Мыса Восточнаго до р. Анадыра между обитающими здѣсь Намоллами не нашелъ Литке никакого различія: вездѣ тутъ видѣлъ онъ одинъ народъ, живущій лѣтомъ въ лахтачныхъ юртахъ, а зимой въ землянкахъ, и говорящій однимъ и тѣмъ же языкомъ съ Кадьяцкими островитянами въ Сѣверо-Западной Америкѣ. Вотъ нѣкоторыя изъ замѣченныхъ имъ особенностей этого народа:

Селенія Намолловъ, разсѣянныя довольно рѣдко, состоятъ обыкновенно не болѣе какъ изъ 6 или 7, а иногда только 2 или 3 юртъ; число всего народа нельзя полагать простирающимся свыше тысячи душъ взрослыхъ обоего пола. Единственный источникъ пропитанія ихъ есть море. Лѣтомъ бьютъ тюленей, мясо коихъ составляетъ ихъ главнѣйшую пищу: его сушатъ на солнцѣ и сохраняютъ на зиму. Моржей заноситъ во всѣ бухты зимою на льдахъ: къ нимъ подкрадываются на байдарахъ и бьютъ желѣзными копьями; мясо ѣдятъ, а шкуры выдѣлываютъ для себя и на продажу; клыки составляютъ самую дорогую статью торговли. Ѣдятъ все, что попадается: выброшенный моремъ китъ есть самая дорогая находка; рубятъ также и сохраняютъ въ прокъ нѣкоторыя съѣдомыя растѣнія. Ближайшіе къ Анадыру Намоллы живутъ нѣсколько лучше, ибо промышляютъ на этой рѣкѣ дикихъ оленей, которыхъ дальнѣйшіе къ востоку не имѣютъ. Рыбы ловятъ мало, а перелетныхъ птицъ, которыя водятся въ изобиліи и могли-бы

служить лучшею пищей, не имѣютъ обыкновенія бить. Единственное ручное животное есть собака, животное веселое и ласкающееся ко всякому; но Намоллы обращаются съ ними жестоко. Женщины пользуются довольно большимъ уваженіемъ, несмотря на то что покупаются и продаются. Вообще, Намоллы народъ добрый, смирный, робкій, но безъ недовѣрчивости, и притомъ веселый. Ближайшіе къ Берингову-Проливу имѣютъ постоянныя сношенія съ сосѣдними Американцами; отъ Русскихъ-же нужныя имъ вещи получаютъ больше чрезъ посредство Оленныхъ Чукочь.

Шаманство обще какъ Намолламъ, такъ и Оленнымъ Чукчамъ; послѣдніе приносятъ въ жертву оленей, первые—собакъ. Какъ тѣ, такъ и другіе, страстные охотники до табаку: каждый носитъ трубку за сапогомъ; за неимѣніемъ табаку, курятъ даже деревянныя стружки.

Относительно Оленныхъ или настоящихъ Чукочь въ-особенности, извлекаемъ изъ разсказовъ знаменитаго морехода слѣдующее:

Оленные Чукчи зиму и лѣто живутъ въ ровдужныхъ палаткахъ. Прическа женщинъ — двѣ косы, сплетенныя на вискахъ и висящія внизъ — по неряшеству ихъ, имѣютъ видъ войлока. Мужчины стригутъ волоса на темени въ кружокъ очень плотно, оставляя вокругъ вѣнчикъ также недлинныхъ волосъ; нѣкоторые по самой серединѣ вѣнчика оставляютъ еще чубъ. Зимняя одежда у нихъ такая же, какъ и у Намолловъ (кукляики, парки и проч.); лѣтнюю-же бо́льшею частію имѣютъ русскую: суконные халаты, камлеи изъ крашенины или китайки синяго цвѣта, полукафтанья, брюки, колпаки шерстяные и другіе наряды, приготовляемые русскими торгорцами на чукоцкую стать. Женщины также носятъ на головѣ набойчатые платки русскаго издѣлія. Оружіе тоже покупаютъ они отчасти у Русскихъ, кромѣ огнестрѣльнаго, которое продавать имъ воспрещено (такъ же какъ и крѣпкіе напитки); но длинныхъ ножей за спиною или рукавомъ болѣе не носятъ: обычай этотъ, воз-

никшій во время безпрестанныхъ войнъ съ Русскими, вывелся вмѣстѣ съ причиною породившею его. Да и вообще, изо всего что Литке и сопутникамъ его пришлось видѣть и слышать,заключили они, что либо Чукчи измѣнились нравственно, либо что прежніе путешественники описывали ихъ съ невыгодной стороны: ни по чему не казались имъ Чукчи тѣми безпокойными, звѣрскими людьми, какими изображали ихъ дотолѣ; постоянно находились они съ нашими моряками въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ, были учтивы, ласковы, гостепріимны. Въ концѣ зимы, Оленные Чукчи оставляютъ свои тундры и переселяются въ сосѣдство къ морю, гдѣ табуны свои располагаютъ невдалекѣ отъ селеній Намолловъ. Тутъ остаются они до заморозковъ, то-есть до исхода сентября, и торгуютъ съ послѣдними: берутъ отъ нихъ моржовые лахтаки, невыдѣланныя тюленьи шкуры, китовый и тюленій жиръ и моржовую кость, платя за то живыми оленями, оленьями шкурами, желѣзными вещами, котлами и табакомъ; иногда, вмѣстѣ съ Намоллами, ѣздятъ въ байдарахъ промышляютъ тюленей. Откочевавъ-же обратно въ тундры, первую часть зимы занимаются промысломъ горныхъ звѣрей, а потомъ идутъ торговать съ Русскими на Колымскую, Ижигинскую и Анадырскую ярманки. Первая держится, въ концѣ января и началѣ февраля, въ мѣстечкѣ Островномъ, на р. Анюѣ, въ 250 верстахъ отъ Нижне-Колымска. Тутъ построенъ маленькій острожекъ и около него отъ 20 до 30 хижинъ, обитаемыхъ только въ теченіе 6 или 7 дней въ году, пока продолжается ярманка. Чукочь собирается туда до 300 человѣкъ съ женами и дѣтьми, а товаровъ обращается по тамошнимъ цѣнамъ на 200,000 р. асс. — Ижигинская ярманка, бѣднѣйшая изъ трехъ, бываетъ въ февралѣ мѣсяцѣ на пустомъ мѣстѣ около 400 верстъ къ сѣверо-востоку отъ Ижиги, гдѣ-нибудь около верховій Анадыра. Два или три купца, сопровождаемые нѣсколькими десятками казаковъ, коммиссаромъ, иногда даже пушками, словомъ всѣми предо-

сторожностями, заведенными издавна противу «немирныхъ» Чукочь, отправляются въ январѣ изъ Ижиги искать ихъ; а тѣ, въ тоже время, собравшись, идутъ на встрѣчу русскому каравану. Туда же слѣдуютъ и Сидячіе Коряки изъ селенія Каменнаго. Встрѣтясь, обѣ стороны составляютъ укрѣпленные лагери, и начинается ярманка, кончающаяся обыкновенно въ немногіе дни. Чукоцкій товаръ: оленьи шкуры и живые олени, лисьи и куньи мѣха и моржовый зубъ; русскій: желѣзныя вещи, въ томъ числѣ особаго рода копья, приготовляемыя нарочно для Чукочь на сибирскихъ заводахъ, котлы, ткани и, больше всего, табакъ: всѣмъ этимъ Чукчи запасаются не только для себя, но и для торговли съ Намоллами. — На Анадырѣ ярманка бываетъ въ поселеніи основанномъ около 1788 года, принадлежавшемъ послѣ Россійской Американской Компаніи, и купленномъ отъ нея въ 1819 году каргопольскимъ купцомъ Барановымъ. Селеніе это, состоящее всего изъ четырехъ домовъ, лежитъ на рукавѣ Анадыра, называемомъ Круговымъ-Майномъ, около 250 верстъ отъ устья. Оно окружено стѣною съ нѣсколькими пушками, изъ которыхъ однакожъ, на памяти людей, никогда не было стрѣляно. Тутъ живутъ до 20 человѣкъ промышленниковъ съ женами и дѣтьми. Въ январѣ и февралѣ приходятъ сюда, въ разное время, Оленные Чукчи, Коряки и Ламуты, человѣкъ до 300. Ярманка продолжается недѣли три. На русскіе товары мѣняются здѣсь лисицы красныя и сиводушки, рѣчные бобры, соболи, выдры, песцы бѣлые и голубые, зубъ моржовый и парки куньи и еврашечьи. Другая ярманка бываетъ въ августѣ — съ Намоллами, собирающимися почти со всего Анадырскаго-Залива въ устье рѣки, на байдарахъ 50 и болѣе, главнѣйше для промысла дикихъ оленей. Нѣкоторые изъ нихъ подымаются до Майна и вымѣниваютъ частью металлическія вещи, но главнѣйше табакъ, на моржовый зубъ, лахтаки, ремни и проч. [13].

---

[13] *Путешествіе вокругъ свѣта на военномъ шлюпѣ Сенявинѣ,* въ

Оленные Чукчи, и по утвержденію Литке, суть одинъ и тотъ же народъ съ Оленными Коряками. Съ другой стороны, путемъ лингвистическаго сравненія, дошелъ до того же заключенія и Клапротъ, который, сверхъ-того, причисляетъ къ этому же племени и Коряковъ Сидячихъ [14]; Намолловъ-же, причисляя къ племени Эскимосскому, считаетъ онъ переселенцами изъ Америки.

Такимъ образомъ, изъ свѣдѣній собранныхъ доселѣ объ обитателяхъ Чукоцкой - Земли, видно что въ ней обитаютъ преимущественно два племени: 1) Чукоцкое, раздѣляющееся на собственно-Чукочь и на Коряковъ, изъ коихъ первые кочуютъ на пространствѣ отъ Чаунской - Губы до Анадыра на югѣ и до Восточнаго и Чукоцкаго мысовъ на востокѣ, а послѣдніе, раздѣляясь на бродячихъ и осѣдлыхъ, либо кочуютъ къ югу отъ Анадыра, либо живутъ въ землянкахъ по берегамъ рѣкъ впадающихъ въ Берингово-Море; и 2) Эскимойское, которое, подъ именемъ Намолловъ, живетъ осѣдло по берегамъ сѣверо-восточной оконечности Сибири отъ Колючинской - Губы до устьевъ Анадыра. Сверхъ - того, къ востоку отъ Нижне-Колымска, по берегамъ Большаго - и Сухаго - Анюя живутъ Юкагиры, составляющіе особый, самостоятельный этнографическій отдѣлъ, родственные между собою Ламуты и Тунгусы, и, наконецъ, Якуты, принадлежащіе къ семьѣ народовъ Тюркскихъ.

1826—1829 годахъ, флота Капитана Ѳ. Литке». СПБ. 1834. т. II, стр. 184—202.

[14] Asia Polyglotta. Paris., 1826, стр. 317—322.

